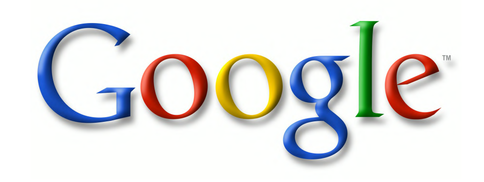

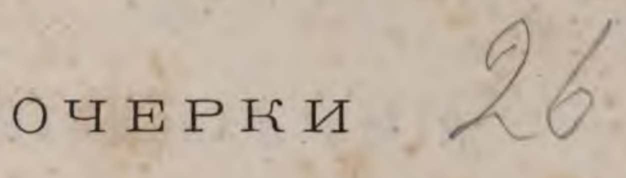

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЪ

ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЪ

ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
въ
ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

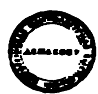
СОЧИНЕНІЕ
П. Полевого.

I.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ:

Каменный вѣкъ. Свайныя постройки.— Бронзовый вѣкъ. Скиѳы.
Славяне.— Хазары, Болгары, Біармія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1879

С.-Петербургъ. Типографія В. Ө. Деманова. Новый переулокъ, д. № 7.

ДЛЯ ЭТОГО ИЗДАНІЯ:

Рисунки исполнены художниками П. С. Пановымъ, Н. А. Брунн и В. В. Маттэ.

Гравюры—Паннемакеромъ (въ Парижѣ) и В. В. Маттэ.

Фотографическія работы—В. Классеномъ, фотографомъ Имп. Академіи Наукъ.

Бумага доставлена фабрикою К. П. Печаткина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 сентября 1879 г.

Рис. 59. Общій видъ Куль-Обской золотой вазы (въ натуральную величину). Вѣсъ $77^3/_4$ золотника.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская историческая наука давно обратила вниманіе на изученіе бытовой стороны отечественной исторіи и уже съ первой четверти нынѣшняго вѣка стала посвящать этому изученію труды лучшихъ своихъ дѣятелей. Въ теченіе полувѣка очень многое для исторіи нашего быта было сдѣлано усиліями частныхъ лицъ и учеными обществами, всецѣло или отчасти посвящавшими свою дѣятельность изученію памятниковъ русской старины. Стóитъ припомнить дорогія для русской археологіи имена графа А. И. Мусина-Пушкина, графа Н. П. Румянцова, митрополита Евгенія, А. Н. Оленина и вызванный ими къ дѣятельности кружокъ молодыхъ ученыхъ, чтобы понять, какъ много было сдѣлано для изученія русскихъ древностей въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка. Если мы прибавимъ къ этому, что уже въ 1804 году основано было московское «Общество Исторіи и Древностей», въ 1839 году—одесское «Общество Исторіи и Древностей», а въ 1846—«Императорское Археологическое Общество» въ С.-Петербургѣ, то мы убѣдимся, что втеченіе всей первой половины нынѣшняго вѣка интересъ къ изученію русской старины постоянно возросталъ и усиливался.

Безсмертнымъ памятникомъ того горячаго стремленія къ изученію своего прошлаго, которое не переставало сказываться въ нашемъ обществѣ и находило себѣ сильную поддержку и щедрую помощь въ правительствѣ—является монументальное изданіе «Древностей Россійскаго Государства», которое и стоитъ какъ разъ на грани, отдѣляющей первую половину нынѣшняго вѣка отъ второй.

Послѣ пятидесятыхъ годовъ, кругъ изученія русскихъ древностей замѣтно расширяется еще болѣе; являются новые пути, новыя потребности въ этомъ изученіи *).

*) Съ 1859 г. начинается рядъ великолѣпныхъ изданій Археологической Коммиссіи; въ 1864 г. въ Москвѣ основывается новое «Московское Археологическое Общество», усиліями котораго устроенъ первый въ Россіи археологическій съѣздъ (въ Москвѣ, въ 1869 году), за которымъ послѣдовали—второй третій, и четвертый (въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ и Казани), и каждый изъ нихъ успѣлъ сдѣлать свой богатый вкладъ въ нашу археологическую литературу.

Однако-же, не смотря на все, что уже сдѣлано, изученіе отечественной старины по спеціальнымъ археологическимъ трудамъ оказывается дѣломъ весьма труднымъ даже для человѣка, имѣющаго хорошую научную подготовку и обладающаго значительными матерьяльными средствами, такъ какъ всѣ археологическія сочиненія печатаются въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ становятся библіографическою рѣдкостью.... Что же касается большинства общества, то для него подобное изученіе оказывается дѣломъ совершенно не возможнымъ, потому что въ литературѣ нашей нѣтъ ни одного общаго, всѣмъ доступнаго и популярно-изложеннаго сочиненія о нашихъ отечественныхъ древностяхъ.

А между тѣмъ давно уже въ средѣ образованныхъ русскихъ людей ощущается потребность именно въ такомъ общемъ сочиненіи по исторіи русскаго быта, которое бы заключало въ себѣ не только существеннѣйшія о немъ научныя свѣдѣнія, но и снимки съ важнѣйшихъ вещественныхъ памятниковъ. Желаніе удовлетворить этой потребности и было главною побудительною причиною появленія настоящаго труда.

Но какъ удовлетворить этой живой потребности? Дать полную исторію русскаго быта, такую исторію, въ которой были-бы указаны всѣ пережитыя бытомъ стадіи развитія, всѣ постепенныя измѣненія, происходившія въ немъ подъ вліяніемъ климатическихъ условій, политическихъ событій, торговыхъ сношеній и этнографическихъ слііяній,—при нынѣшней степени разработки археологическаго и историческаго матеріала — мы не считали возможнымъ. Поэтому мы и рѣшились изложить важнѣйшіе моменты исторіи нашего быта въ видѣ ряда отдѣльныхъ очерковъ. Этотъ планъ, положенный въ основу нашего труда, даетъ намъ въ будущемъ полную возможность расширять программу нашего труда новыми вставками и дополненіями.

Опредѣливъ задачу нашего труда, мы уже не считали себя обязанными, ради полноты, излагать чужія мнѣнія и предположенія, высказанныя въ нашей исторической литературѣ по тѣмъ вопросамъ, по которымъ или не собрано еще достаточно матеріаловъ, или матеріалы, уже собранныя, оказываются еще недостаточно разработанными.

Такъ напр. по вопросу о степени вліянія различныхъ народностей на бытъ русскаго народа—высоко-поучительному и важному, какъ предметъ изученія — современная историческая наука не представила еще никакихъ обобщеній, за которыми она сама могла бы признать право гражданства. Не слѣдуетъ забывать, что подобныя обобщенія добываются только путемъ сравнительнаго изученія археологическихъ памятниковъ, а оно-то и находится у насъ на самой первоначальной степени развитія. Вотъ почему мы и видимъ себя вынужденными ограничиться приведеніемъ только наиболѣе важныхъ данныхъ о степени

различныхъ вліяній, какъ въ эпоху сложенія русскаго государства, такъ и въ позднѣйшія эпохи.

На художественную сторону нашего изданія было нами обращено особенное вниманіе. Сначала былъ составленъ подробнѣйшій списокъ всего, что уже сдѣлано въ нашей археологической литературѣ по части снимковъ съ важнѣйшихъ памятниковъ; затѣмъ эти памятники сличены между собою и въ изданіе допущены только тѣ изъ нихъ, которые могли выдержать критику какъ со стороны вѣрности оригиналамъ, такъ и со стороны художественности воспроизведенія *).

Трудности и замедленія, сопряженныя съ выполненіемъ этой стороны нашего труда, вынудили насъ къ печатанію его въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, изъ которыхъ каждый однако-же будетъ представлять собою вполнѣ законченное цѣлое. Этимъ путемъ мы думаемъ, съ одной стороны, облегчить пріобрѣтеніе нашей книги для значительнаго большинства; съ другой — избѣгнуть тѣхъ невольныхъ промаховъ и погрѣшностей, безъ которыхъ почти немыслимо печатанье большаго труда.

Начало перваго тома, представляемое въ настоящее время читателямъ, заключаетъ въ себѣ шесть главъ, посвященныхъ преимущественно эпохѣ, предшествовавшей возникновенію первыхъ русскихъ княжествъ, и до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ той исторической почвой, на которой эти княжества возникли. Во второй половинѣ перваго тома, бóльшая половина будетъ посвящена бытовой исторіи Кіева, мéньшая—бытовой исторіи Владиміра и Суздаля. Второй томъ будетъ также подраздѣленъ на два неравныхъ отдѣла: меньшій посвятимъ Новгороду и Пскову, бóльшій—Москвѣ, до начала XVIII вѣка.

Въ концѣ каждаго тома будутъ нами помѣщены подробные указатели: именъ собственныхъ, географическій и предметный.

Долгомъ считаемъ въ заключеніе предисловія сказать нѣсколько словъ объ исторіи нашего труда.

Первая мысль о «Русской Исторіи въ памятникахъ быта» явилась въ началѣ 1876 года; но другія работы надолго отвлекли насъ отъ ея выполненія и только уже въ 1877 году, незадолго до открытія Археологическаго съѣзда въ Казани, явилась возможность приступить къ труду, а немного позже—и исключительно ему предаться.

*) Въ тѣхъ случаяхъ, когда изображенія памятниковъ, приведенныя въ томъ или другомъ изданіи, не могли выдержать этой критики,—мы употребляли всѣ усилія, чтобы добыть фотографическіе снимки съ самыхъ памятниковъ, снятые на мѣстѣ. Вотъ почему въ нашемъ изданіи намъ удастся помѣстить цѣлый рядъ изображеній или 1) впервые являющихся въ печати, или 2) являющихся въ такомъ видѣ, въ какомъ доселѣ не представляло ихъ ни одно изданіе по отечественной археологіи. Укажемъ покамѣстъ только на знаменитую Куль-Обскую вазу и другія, болѣе мелкія скиѳскія древности, отрытыя вмѣстѣ съ нею (помѣщаемыя нами въ IV главѣ нашей книги), на виды развалинъ Болгаръ, снятые на мѣстѣ, на многіе виды и драгоцѣнныя подробности древностей кіевскихъ, владимірскихъ, суздальскихъ и новгородскихъ, исполненные по нашему спеціальному заказу.

Трудъ этотъ, однакоже, оказался бы для насъ непосильнымъ, если бы не встрѣтилъ горячей поддержки со стороны Е. Е. Замысловскаго, который принялъ на себя весьма важную долю участія въ выполненіи нашей задачи *).

Особенное вниманіе къ нашему труду выказали гг. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Ѳ. Бычковъ и Л. Н. Майковъ — приглашенные для окончательнаго обсужденія выработанной нами программы и списка рисунковъ, входящихъ въ составъ перваго тома. Приносимъ имъ здѣсь нашу глубокую признательность.

Долгомъ считаемъ, сверхъ того, выразить нашу искреннюю благодарность гг. А. И. Гримму, Р. Э. Стефани, А. А. Кунику, И. Д. Дѣллю, Д. И. Иловайскому, архимандриту Веніамину и В. В. Стасову, а также— С. Н.Шубинскому, П. Я. Дашкову, А. П. Бушера и Ѳ. К. Эльцгольцу, любезно-оказавшимъ содѣйствіе нашему труду словомъ и дѣломъ.

Не менѣе искреннею благодарностію почтимъ и память недавно-почившаго труженика археологической науки—достойнаго К. Н. Тихонравова, который, по первой просьбѣ нашей, доставилъ намъ подробное и прекрасное описаніе владимірскихъ и суздальскихъ древностей, изученію которыхъ посвящена была вся его жизнь.

Отъ души желаемъ, чтобы трудъ нашъ хотя сколько-нибудь способствовалъ развитію и распространенію въ средѣ нашего общества глубокаго и прекраснаго чувства уваженія къ нашему историческому прошлому, которое непремѣнно должно служить отличительнымъ признакомъ всякаго истиннаго просвѣщенія...

П. Полевой.

С-Петербургъ. 31 августа 1879 г.

*) По соглашенію съ Е. Е. Замысловскимъ былъ нами составленъ и окончательно выработанъ планъ изданія и намѣченъ выборъ тѣхъ наиболѣе важныхъ памятниковъ, которые необходимо должны войти въ наше изданіе, сообразно съ научными требованіями и условіями, опредѣляющими составъ книги, предназначаемой для большинства образованнаго общества. Но этого мало: Е. Е. Замысловскій, во все время нашей двухъ-лѣтней работы, сообщалъ намъ указанія на источники и пособія, облегчалъ намъ пользованіе ими, прочитывалъ составленный нами текстъ и въ рукописи, и въ корректурныхъ листахъ, и передавалъ намъ свои критическія замѣтки, которыя въ значительной степени способствовали разъясненію и правильной постановкѣ многихъ затронутыхъ въ трудѣ историческихъ вопросовъ. Е. Е. Замысловскій обѣщалъ намъ въ той-же степени содѣйствовать при изданіи втораго (и послѣдняго) тома нашего труда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Списокъ рисунковъ.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ОБИТАТЕЛИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Человѣкъ, уже на самыхъ первыхъ ступеняхъ гражданскаго развитія, проявляетъ желаніе знать свое прошлое, увѣковѣчивать важнѣйшія эпохи этого прошлаго памятниками и передавать о немъ свѣдѣнія послѣдующимъ поколѣніямъ. Чѣмъ грубѣе человѣкъ, чѣмъ тѣснѣе и у́же горизонтъ его мысли,—тѣмъ менѣе занимаютъ его и помыслы о минувшей исторіи того народа, къ которому онъ принадлежитъ. Для того, чтобы народъ постепенно могъ подняться до потребности знать, до желанія изучать свое прошлое — необходима уже довольно значительная степень развитія, выражающаяся, прежде всего, сознательнымъ отношеніемъ къ своему настоящему. Еще болѣе высока, еще болѣе значительна должна быть степень развитія народа, ощущающаго потребность въ знаніи не только своего прошлаго, не только своей исторіи, но и всего, пережитаго другими, извѣстными ему народами.

Много различныхъ усилій было потрачено человѣкомъ на переходъ отъ первой попытки увѣковѣчить память о поразившемъ его, важномъ событіи грубою написью или еще болѣе грубымъ рисункомъ, изсѣченными на скалахъ,— къ первымъ правильнымъ лѣтописнымъ помѣткамъ, вслѣдъ за которыми появились первые опыты плавнаго разсказа о событіяхъ, и притомъ о событіяхъ, касавшихся жизни отдѣльныхъ небольшихъ центровъ, не возвышавшихся до значенія міроваго. Даже и на весьма высокой степени развитія, образованнѣйшіе народы древности долгое время не шли далѣе идеи частной, пре-

имущественно отечественной исторіи. Но и тогда уже человѣческая любознательность стремилась далѣе стѣснявшихъ ее предѣловъ неизвѣстнаго, то воплощая себѣ смутныя понятія о далекомъ прошломъ, о началахъ цивилизаціи—въ видѣ цѣлаго ряда миѳовъ, то облекая въ привлекательную форму баснословнаго, занимательнаго разсказа бѣглыя замѣтки, отрывочныя извѣстія о темномъ и чуждомъ классической цивилизаціи мірѣ варваровъ.

Первыя попытки создать нѣчто подобное «всемірной исторіи», перейти отъ исторіи одного народа къ исторіи многихъ народовъ, дать «начало исторіи» явились подъ вліяніемъ христіанства, въ ту эпоху, когда Библія явилась не только священною книгою, но и образцомъ новыхъ литературныхъ родовъ, и любимымъ источникомъ вдохновенія для всѣхъ образованныхъ народовъ Европы. Тогда и начало исторіи стали заимствовать прямо изъ Библіи, вполнѣ удовлетворявшей любознательности большинства своимъ разсказомъ о происхожденіи человѣческаго рода, о его первобытной исторіи, и въ особенности о разселеніи племенъ послѣ потопа. Библейскій разсказъ разъяснялъ и дополнялъ многое неясное дотолѣ въ исторіи человѣческаго рода, обобщалъ ее, давалъ исходную, точку для историческаго изложенія и даже предлагалъ готовую родословную сыновей Ноевыхъ, которая весьма легко и удобно поддавалась всякимъ этнографическимъ сопоставленіямъ.

«По потопѣ тріе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся (достался) востокъ Симови... Хамови же яся полуденная страна... Афету же япася полунощныя страны и западныя: Симъ же и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребій братень, и живяху кождо въ своей части; бысть языкъ единъ». Такъ, по образцу византійскаго хронографа, начинаетъ свой разсказъ и нашъ древній лѣтописецъ. Затѣмъ онъ сообщаетъ библейскій разсказъ о столпотвореніи Вавилонскомъ, о раздѣленіи «единаго языка» на «70 и 2 языка», и о разселеніи отдѣльныхъ племенъ по всему лицу земному въ предѣлахъ «трехъ жребіевъ». «Отъ сихъ же 70 и 2 языку»—поясняетъ лѣтописецъ «бысть языкъ словѣнескъ, отъ племени Афетова, нарицаеміи Норци, еже суть Словѣне». Давъ такое начало своему разсказу, поставивъ такимъ образомъ Славянъ въ общую этнографическую родословную племенъ, происшедшихъ отъ «рода Ноева», лѣтописецъ полагаетъ, что онъ уже отвѣтилъ на всѣ вопросы объ отдаленномъ прошломъ, и переходитъ къ самой существенной части своего разсказа— къ переселенію Славянъ на Сѣверъ и Сѣверо-Востокъ и къ описанію ихъ быта, которымъ вводитъ постепенно въ частную исторію Кіевской Руси.

Со времени нашего и другихъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ, довольствовавшихся библейскимъ началомъ исторіи, протекло еще около семи

вѣковъ прежде, нежели вопросъ о первобытномъ, древнѣйшемъ состояніи человѣческаго рода сталъ привлекать вниманіе европейскихъ ученыхъ, и во многихъ странахъ Европы пробудилось желаніе ближе ознакомиться съ тою эпохою жизни народовъ, которую такъ неправильно привыкли называть до-исторической только потому, что отъ нея не сохранилось письменныхъ памятниковъ. Желаніе это оказывалось, по справедливому замѣчанію академика Бэра, естественнымъ результатомъ «знанія весьма различныхъ состояній образованности у отдаленнѣйшихъ народовъ, съ кототорыми ознакомили насъ путешествія по океану», а это знаніе заставило предполагать, «что весь родъ человѣческій, на пути къ достиженію болѣе удобнаго и спокойнаго существованія, долженъ былъ испытать различныя состоянія, зависѣвшія отъ времени и отъ мѣстныхъ условій страны».

Но гордость Европейца долгое время не могла примириться съ этими совершенно правильными соображеніями по отношенію къ своему доисторическому прошлому. Подъ вліяніемъ различныхъ условій въ цивилизованномъ Европейцѣ изстари сложилось представленіе объ отдаленномъ прошломъ, какъ о «золотомъ вѣкѣ»; въ прошломъ столѣтіи, пока еще недостаточно былъ изученъ бытъ дикарей въ различныхъ странахъ земнаго шара, европейскіе мыслители даже любили возводить «дикаго человѣка» (l'homme sauvage) въ идеалъ простоты и всевозможныхъ добродѣтелей... Но когда бытъ дикарей былъ ближе изслѣдованъ и подвергнутъ тщательнымъ наблюденіямъ, тогда показалось особенно невѣроятнымъ предположеніе, что когда-то, хотя бы и въ доисторическую эпоху, первобытные жители различныхъ странъ Европы стояли на одной ступени развитія съ Эскимосами, а, можетъ быть, и ниже ихъ. По крайней мѣрѣ, когда извѣстный шведскій ученый Нильсонъ заявилъ въ 1834 г., что, по его убѣжденію, древнѣйшіе обитатели Скандинавіи были дикарями, подобными океанійскимъ дикарямъ, и что для охоты и для рыбной ловли они употребляли каменныя и костяныя орудія—на ученаго, по его собственному признанію, посыпались отовсюду насмѣшки и даже брань!..

Однакоже болѣе внимательное изученіе давно минувшаго прошлаго, открытіе новыхъ памятниковъ, совокупныя усилія ученыхъ, трудившихся въ различныхъ странахъ надъ различными отраслями знанія, сопоставленіе и сравненіе отдѣльныхъ, разрозненныхъ наблюденій при помощи сравнительнаго метода изученія—все это привело къ тому, что высказанныя Нильсономъ положенія были признаны всѣмъ ученымъ міромъ за непреложныя научныя истины и европейская наука пришла наконецъ къ правильному представленію о бытѣ древнѣйшихъ обитателей Европы.

Для изученія этого быта мы должны мысленно перенестись въ отдаленную глубь вѣковъ, въ мракъ того періода, когда развитіе человѣ-

чества шло очень медленнымъ путемъ, не ограничиваемое хронологически-опредѣленными эпохами, не стѣсняемое рѣзко выдѣляющимися этнографическими данными. Въ этомъ періодѣ бытъ древнѣйшихъ обитателей Европы, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ ея, не только въ существенныхъ чертахъ своихъ, но и въ подробностяхъ, представляетъ множество сходныхъ (можно почти сказать *общихъ*) чертъ. Вотъ почему, излагая въ первыхъ главахъ нашей книги факты, касающіеся древнѣйшаго быта обитателей Восточной Европы, мы должны будемъ постоянно обращаться къ главнѣйшимъ выводамъ и даннымъ, добытымъ учеными западно-европейскими.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАМЕННЫЙ ВѢКЪ.

Первыя находки до-историческихъ древностей въ Европѣ.—Понятіе о трехъ вѣкахъ: каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ. — Первыя открытія орудій каменнаго вѣка во Франціи. — Открытія въ пещерахъ; изслѣдованіе кухонныхъ остатковъ — Мѣста поселеній каменнаго вѣка. — Два періода каменнаго вѣка: древнѣйшій и позднѣйшій. — Матеріалы и способы изготовленія каменныхъ орудій. — Орудія нешлифованныя и шлифованныя. — Сверленіе каменныхъ орудій. — Занятія людей въ каменномъ вѣкѣ: рыболовство и охота; гончарное дѣло. — Орнаментика глиняныхъ издѣлій и украшенія. — Могилы каменнаго вѣка и способы погребенія мертвыхъ.—Черепа людей каменнаго вѣка — Общая картина быта каменнаго вѣка. — Отношеніе каменнаго вѣка къ остальнымъ двумъ вѣкамъ. — Общіе выводы относительно каменнаго вѣка въ Западной Европѣ.

Каменный вѣкъ въ Россіи.—Старѣйшая коллекція каменныхъ орудій.—Успѣхи археологической науки въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе.—Каменный вѣкъ не былъ одновременнымъ для всѣхъ мѣстностей Россіи.—Находки г. Полякова на Сѣверѣ Россіи.—Находки на Югѣ Россіи.—Находки на Волыни и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи.—Общіе выводы. - Преданія о каменномъ вѣкѣ въ письменныхъ памятникахъ.

Уже за много вѣковъ до нашего времени во всей Европѣ были находимы различныя орудія изъ камня и изъ сплавовъ мѣди съ оловомъ и цинкомъ. Эти орудія, находимыя случайно на поверхности земли или добываемыя изъ нѣдръ ея корыстью кладоискателей, большею частью не удостоивались особеннаго вниманія, и если даже попадали въ нѣкоторыя коллекціи, то болѣе какъ курьезы, нежели какъ предметы, важные по своему археологическому значенію (1).

Только по истеченіи первой трети нынѣшняго столѣтія на эти остатки древнѣйшей культуры обращено было серьезное вниманіе. Честь весьма важныхъ открытій на этомъ поприщѣ принадлежитъ датскому ученому Томсену въ Копенгагенѣ и шведскому ученому Нильсону въ Лундѣ. Они, по отношенію къ изслѣдованнымъ ими мѣстностямъ своей родины, пришли къ тому заключенію, что былъ когда-то, въ болѣе или менѣе отдаленное время, такой періодъ въ развитіи предшествовавшихъ поколѣній, когда люди, еще незнакомые съ желѣзомъ, изготовляли себѣ и домашнюю утварь, и орудія, и оружіе, и украшенія изъ

особаго сплава мѣди съ оловомъ (или свинцомъ), болѣе извѣстнаго въ настоящее время подъ названіемъ бронзы. Заключили, что, вѣроятно, въ ту пору желѣзо или вовсе не было извѣстно на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Даніи, или, по крайней мѣрѣ, его еще не умѣли обработывать.

Эти весьма важные факты повели къ дальнѣйшимъ заключеніямъ. Во многихъ могилахъ, относящихся несомнѣнно къ весьма отдаленному прошлому, найдены были только орудія изъ камня и кости и не найдено никакихъ металлическихъ вещей; изъ камня и кости оказывались сдѣланными тѣ-же предметы, которые впослѣдствіи дѣлались изъ бронзы. Принимая въ соображеніе тотъ неимовѣрный трудъ, съ какимъ сопряжено было издѣліе изъ камня вещей, которыя потомъ было гораздо легче отливать изъ бронзы, ученые пришли къ тому заключенію, что было время, когда вообще не было извѣстно употребленіе металловъ. Этому отдаленнѣйшему періоду исторіи человѣческаго развитія придали названіе *каменнаго* вѣка; послѣдующему за нимъ періоду—названіе *бронзоваго* вѣка. Наконецъ, болѣе близкому къ началу исторіи, тому періоду, когда люди ознакомились съ ковкою желѣза и мало-по-малу стали замѣнять каменные и бронзовые предметы другими, выкованными изъ желѣза,—дали названіе *желѣзнаго* вѣка. Дальнѣйшія изслѣдованія и одновременныя находки въ различныхъ странахъ Европы—во Франціи, Англіи, Германіи и Швейцаріи—привели къ тому убѣжденію, что такое подраздѣленіе древнѣйшей культуры человѣчества на три вѣка, каменный, бронзовый и желѣзный (въ смыслѣ трехъ неопредѣленныхъ, неравномѣрныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ) можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ находитъ себѣ подтвержденіе въ весьма значительной массѣ памятниковъ вещественныхъ, несомнѣнно относящихся къ весьма отдаленной эпохѣ.

Послѣ того, какъ это раздѣленіе древнѣйшей исторіи культуры на три вѣка было принято въ наукѣ, рядъ новыхъ разслѣдованій и сравненій привелъ къ еще болѣе правильной и болѣе точной постановкѣ вопроса о томъ состояніи, въ которомъ исторія застаетъ первобытныхъ обитателей Европы. Ученымъ удалось возстановить нѣкоторыя стороны (хотя и въ общихъ, блѣдныхъ чертахъ) ихъ быта, соотвѣтственно вышеупомянутымъ тремъ вѣкамъ. Такіе богатые результаты были однако-же достигнуты не одною историческою наукою; они явились слѣдствіемъ совокупныхъ и дружныхъ усилій, какъ со стороны ученыхъ, посвятившихъ себя изученію наукъ историческихъ, такъ и со стороны естествоиспытателей. Археологи и историки, геологи и палеонтологи, физики и химики—всѣ одинаково трудились надъ рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, важныхъ для первобытной исторіи человѣка въ Европѣ, и только при взаимной научной помощи успѣли достигнуть

того, что въ настоящее время оказывается возможно говорить о бытѣ людей каменнаго и бронзоваго вѣка, хотя и отрывочно, и не вполнѣ связно, но все же опираясь на нѣкоторыя положительныя научныя данныя.

Еще весьма недавно распространено было между естествоиспытателями мнѣніе, что человѣкъ явился на землѣ очень поздно, послѣ того, какъ успѣли уже исчезнуть многія наиболѣе крупныя породы первобытныхъ животныхъ и прекратились древнѣйшіе перевороты на земной поверхности. Даже такіе авторитеты, какъ Кювье, утверждали, что вмѣстѣ съ остатками допотопныхъ носороговъ и мамонтовъ никогда не были и *не будутъ* найдены человѣческія кости. Но въ концѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія наука стала неожиданно быстро пополняться цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ, которые оказались въ такой степени важными, что пришлось отказаться отъ прежнихъ воззрѣній на относительную недавность появленія человѣческаго рода на землѣ.

Первыя открытія, поколебавшія установившееся въ наукѣ мнѣніе объ относительной недавности существованія человѣка на землѣ, сдѣланы были во Франціи и Бельгіи.

Въ 1828 году гг. Турналь и Кристоль открыли въ южной Франціи, въ пещерахъ Лангедока, въ глинистомъ слоѣ, остатки костей и зубовъ человѣка, вмѣстѣ съ костями пещерной гіены и давно-вымершей въ Европѣ породы носорога; въ томъ-же слоѣ попадались и черепки горшковъ грубѣйшей работы ([2]).

Когда появились первыя заявленія объ этихъ находкахъ, отовсюду посыпались возраженія и опроверженія. Самымъ вѣскимъ доводомъ со стороны тѣхъ ученыхъ, которые отрицали всякое значеніе открытій Турналя и Кристоля, было именно то, что кости человѣка, найденныя вмѣстѣ съ костями вымершихъ породъ животныхъ—могли принадлежать не одной съ ними эпохи, такъ какъ пластъ почвы, въ которомъ гг. Турналемъ и Кристолемъ сдѣланы были любопытныя находки, не былъ изслѣдованъ и опредѣленъ ими съ достаточною геологическою точностью.

Около того-же времени, извѣстный бельгійскій анатомъ и палеонтологъ, д-ръ Шмерлингъ, много лѣтъ сряду занимавшійся изслѣдованіемъ пещеръ въ долинахъ бассейна Мааса, рѣшился обнародовать результаты своихъ раскопокъ (1833—1834 гг.). Въ пещерахъ Анжисъ и Анжіуль (въ 8 миляхъ на юго-западъ отъ Люттиха) онъ нашелъ остатки скелетовъ и черепа людей въ одномъ слоѣ съ зубами мамонта, ископаемаго носорога, пещернаго медвѣдя и сѣвернаго оленя. При костяхъ нашелъ онъ грубо-обработанныя орудія изъ кости и грубо-тесанныя каменныя. Д-ръ Шмерлингъ, сообщая о своихъ открытіяхъ, заявлялъ положительно, что, по его мнѣнію, первобытные обитатели Бельгіи жили

въ бассейнѣ Мааса одновременно съ допотопными животными. Но такова была сила авторитета Кювье, что никто не обратилъ должнаго вниманія на заявленія д-ра Шмерлинга, и самъ Лайель сознается, что, ознакомившись въ 1833 г. съ богатой коллекціей Шмерлинга, онъ не могъ побѣдить своихъ сомнѣній, и не придалъ никакого значенія изслѣдованіямъ почтеннаго бельгійскаго ученаго ([3]).

Однако-же цѣлый рядъ удачныхъ раскопокъ въ Англіи (близь Торки, на островѣ Вайтѣ), въ періодъ между 1834 — 1842 гг., заставилъ отнестись серьезнѣе къ тѣмъ ископаемымъ остаткамъ сѣдой древности, которыя около того же времени, въ большомъ изобиліи, стали обнаруживаться въ одной изъ областей Франціи.

Въ Пикардіи, въ бассейнѣ р. Соммы, въ особенности близь Аббевилля и Амьена, стали попадаться грубо-обтесанные куски кремня, вмѣстѣ съ костями мамонта, ископаемаго носорога и другихъ большихъ, давно исчезнувшихъ породъ животныхъ. Эти кремни и кости были находимы въ слоѣ, относящемся къ диллувіальнымъ формаціямъ, т. е. такимъ, которыя нынѣ болѣе не осаждаются и приписываются геологами весьма сильному движенію большихъ массъ воды или льда. Ученый Бушэ-де-Пертъ, еще въ 1838 г., рѣшился утверждать, что обтесанные кремни, найденные близь Аббевилля, представляютъ собою произведенія рукъ человѣческихъ и служили орудіями допотопнымъ людямъ. Затѣмъ, посвятивъ изслѣдованію той-же мѣстности цѣлый рядъ годовъ (1841 — 1847) Бушэ-де-Пертъ успѣлъ составить богатую коллекцію грубо-тесанныхъ кремневыхъ орудій и еще болѣе убѣдиться въ правотѣ своего взгляда, который гораздо позже блистательно подтвердился новыми открытіями въ той-же мѣстности и во многихъ другихъ ([4]).

Въ 1852 г. недалеко отъ Ориньяка *), при источникахъ Гаронны, найдена была въ скалѣ пещера, въ которой оказалось множество костей человѣческихъ **) и животныхъ. Французскій геологъ Лартэ, изслѣдуя почву пещеры, нашелъ въ рыхлой землѣ кости человѣческія, перемѣшанныя съ костями мамонта, ископаемаго носорога, медвѣдя-пещерника (также исчезнувшаго вида), кости и зубы зубра, оленя и множество лошадиныхъ. Особенно важно то, что Лартэ, прямо передъ входомъ въ пещеру, нашелъ большой слой пепла и угля, а подъ этимъ слоемъ родъ очень грубо устроеннаго очага. На очагѣ и вокругъ него валялись сотни зубовъ и обломки костей животныхъ, отрыгающихъ жвачку. Однѣ изъ нихъ носили на себѣ явные слѣды дѣйствія огня, другія — нѣтъ.

---

*) Ориньякъ — городъ въ департаментѣ Верхней Гаронны (Haute Garonne).

**) Кости человѣческія принадлежали 17 недѣлимымъ, въ числѣ которыхъ можно было различить скелеты мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Многія изъ костей оказались расколотыми при помощи грубыхъ инструментовъ, и мозговыя полости ихъ были вскрыты. Сверхъ того найдены были тамъ-же грубыя кремневыя орудія, а въ землѣ, внутри пещеры, множество издѣлій изъ кости и рога, служившихъ остріями копій и стрѣлъ. Такимъ образомъ здѣсь открыты были несомнѣнные слѣды присутствія человѣка и одновременной съ нимъ жизни на землѣ многихъ давно-вымершихъ породъ большихъ животныхъ.

Тотъ-же ученый описалъ еще другія пещеры во Франціи, которыя, повидимому, также были обитаемы людьми, но въ гораздо позднѣйшее время. Такъ въ одной изъ нихъ также открыты были издѣлія рукъ человѣческихъ и также изъ камня и кости, но отличающіяся бо́льшимъ искусствомъ выработки; въ другихъ пещерахъ не найдено было костей совершенно вымершихъ животныхъ, однако-же преимущественно такихъ, которыя давно уже не водятся на западѣ Европы, хотя и живутъ еще въ нѣкоторыхъ краяхъ ея (зубръ, каменный баранъ, различныя породы оленя). Здѣсь-же Лартэ нашелъ и мелкіе черепки глиняной посуды, которыхъ не встрѣтилъ въ Ориньякской пещерѣ. Слѣдовъ домашняго скота не найдено ни въ одной изъ этихъ пещеръ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ, вслѣдъ за открытіями Лартэ, когда всѣ европейскіе ученые съ жаромъ принялись за розысканія о первыхъ временахъ человѣчества въ Европѣ, множество пещеръ подобнаго рода было открыто и изслѣдовано въ Великобританіи, Франціи и Италіи. Въ тоже время, не менѣе любопытныя открытія сдѣланы были въ Бельгіи и Германіи. Въ пещерѣ, открытой близь Люттиха, нашли человѣческія кости, кремневыя, грубо-тесанныя орудія и кости пещерной кошки, зубра, лося и лошади; въ другой же бельгійской пещерѣ, близь Шово (Chauvaux), рядомъ со вскрытыми полыми костями животныхъ, были отысканы точно такимъ же образомъ вскрытыя кости человѣческія, какъ бы указывавшія на существованіе людоѣдства въ каменномъ вѣкѣ ([5]).

Еще важнѣе были данныя, доставленныя находкою при Шуссенридѣ въ Шварцвальдѣ, въ 1866 г. На высотѣ 200 футовъ надъ поверхностью моря, въ слоѣ, состоявшемъ изъ остатковъ старыхъ ледниковъ, изъ подъ толстыхъ слоевъ торфа и известковаго туфа, обнажилась на довольно значительномъ пространствѣ поверхность земли ледниковаго періода, поросшая ягелемъ *), и на ней—рядомъ съ костями сѣверныхъ хищныхъ животныхъ и костями пѣвучаго лебедя, попадающагося нынѣ только

---

*) *Ягель* (Cladonia rangiferina), иначе—*Оленій мохъ*, кустарновидный лишай сначала зеленовато-сѣраго, а потомъ бѣлаго цвѣта; ягель составляетъ любимую и почти-единственную пищу сѣвернаго оленя; встрѣчается во всемъ сѣверномъ полушаріи, а на крайнемъ Сѣверѣ покрываетъ сплошь огромныя пространства.

въ Лапландіи и на Шпицбергенѣ — найдены были массы костей и роговъ сѣвернаго оленя. Рога носили на себѣ признаки обдѣлки рукою человѣка, и, очевидно, при помощи кремневыхъ орудій, которыя найдены были тутъ же, вмѣстѣ съ осколками кремня. Внимательное изученіе Шуссенридской находки привело къ тому заключенію, что, въ теченіе ледниковаго періода, сѣверный олень еще не былъ домашнимъ, ручнымъ животнымъ, какъ это можно видѣть изъ того, что не открыто при этомъ никакихъ слѣдовъ собаки, безъ которой немыслимо содержаніе стадъ (¹).

Въ то время, какъ геологи занимались на югѣ и западѣ Европы изслѣдованіемъ древнѣйшихъ пещеръ, на сѣверѣ Европы производился рядъ другихъ изслѣдованій, не менѣе важныхъ для ознакомленія съ жизнью человѣчества въ давно-прошедшія времена. На прибрежьяхъ Каттегата замѣчены были кучи раковинъ, вышиною отъ 3-хъ до 10-ти футовъ и длиною (нѣкоторыя) отъ 100 до 1000 футовъ; на нихъ долгое время не обращали вниманія, принимая ихъ за случайно-нанесенныя моремъ. Но различныя, весьма тонкія и остроумныя наблюденія побудили зоолога Стеенструпа, вмѣстѣ съ физикомъ Форхгаммеромъ и археологомъ Ворсо, подвергнуть эти кучи раковинъ тщательному изслѣдованію. Изслѣдованія привели ихъ къ убѣжденію, что эти кучи представляютъ собою остатки морскихъ животныхъ, которыя нѣкогда были употреблены въ пищу людьми. Изслѣдователи нашли среди раковинъ большое число рыбьихъ костей, а также и нѣсколько тысячъ костей и обломковъ костей, принадлежавшихъ животнымъ, водящимся на сушѣ. Въ числѣ костей четвероногихъ и птицъ найдены въ этихъ кучахъ кости такихъ породъ животныхъ, которыя давно уже перестали водиться въ Даніи и Южной Швеціи (напр., глухаря, бобра, сѣвернаго оленя). Изъ нынѣшнихъ домашнихъ животныхъ отысканы были въ кучахъ только кости собаки; очевидно, что и ея мясо человѣкъ въ то время точно также употреблялъ въ пищу, какъ и мясо хищныхъ животныхъ: вмѣстѣ съ костями собаки въ кучахъ попадались кости волка, лисицы, куницы, выдры и дикой кошки. Никакихъ слѣдовъ металла или признаковъ знакомства человѣка съ хлѣбными растеніями въ этихъ кучахъ не отыскано; въ нихъ попадались одни только обломки издѣлій изъ камня и кости и черепки глиняной посуды чрезвычайно грубой работы; около кучъ нерѣдко находили уголь и другіе признаки огня, а также и грубо сложенные изъ камня очаги. Ученые придали этимъ кучамъ оригинальное, хотя и далеко не точное названіе *кухонныхъ остатковъ* или *кухоннаго сора*, и признали ихъ остатками пиршествъ какого-то древняго народа,жившаго въ раннія времена каменнаго вѣка на морскихъ прибрежьяхъ и преимущественно питавшагося рыбой и моллюсками. Судя по этому, должно предполагать, что люди каменнаго вѣка, пре-

имущественно занимавшіеся рыболовствомъ, охотнѣе всего селились около водъ, на морскихъ прибрежьяхъ, а внутри страны по берегамъ рѣкъ и озеръ, не только доставлявшихъ обильную и легко-добываемую пищу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и служившихъ единственными удобными путями для передвиженія съ мѣста на мѣсто (7).

Всѣ вышеуказанныя открытія и находки, тщательно изслѣдованныя и изученныя европейскими археологами за послѣднія двадцать лѣтъ, привели наконецъ къ возможности составить себѣ о бытѣ древнѣйшаго періода нѣкоторое, хотя и далеко не полное, но все же довольно правильное представленіе.

Прежде всего обращено было вниманіе на то, что каменныя орудія, находимыя въ Европѣ, принадлежатъ къ двумъ отдѣльнымъ родамъ произведеній: одни просто и грубо *вытесаны* изъ кусковъ кремня, посредствомъ отбиванія осколковъ отъ цѣльнаго куска; другіе же тщательно *вышлифованы* изъ другихъ каменныхъ породъ, путемъ долгой и упорной работы, невольно побуждающей насъ изумляться терпѣнію этихъ первобытныхъ дикарей въ обработкѣ твердаго камня. Есть основаніе думать, что эти два способа обработки камня составляютъ отличительные признаки двухъ эпохъ каменнаго вѣка—*древнѣйшей* (палеолитической) *и позднѣйшей* (неолитической *)—отдѣленныхъ одна отъ другой весьма большимъ пространствомъ времени. Замѣтимъ здѣсь кстати, что къ позднѣйшему періоду каменнаго вѣка относится и та, совершенно особая форма быта, которая выразилась въ такъ называемыхъ *свайныхъ постройкахъ*. Но такъ какъ эта форма быта явилась переходною ступенью къ бронзовому вѣку, то мы подробнѣе скажемъ о ней въ слѣдующей главѣ, а въ настоящее время обратимся къ изученію памятниковъ быта, относящихся къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка.

Наиболѣе удобнымъ для употребленія въ грубо-тесанномъ видѣ оказывался кремень, котораго острые осколки, повидимому, доставили человѣку первыя рѣжущія орудія. При этомъ, въ отбиваніи осколковъ отъ кремня люди каменнаго вѣка достигали значительнаго совершенства, то придавая длиннымъ плоскимъ кускамъ кремня форму обоюдоострыхъ ножей, то округлую форму скобелей для очистки кожи, то форму кинжаловъ или наконечниковъ стрѣлъ и копій довольно красиваго очертанія. Особенно ловко умѣли отбивать отъ пластинокъ кремня самые мелкіе кусочки, придавая этимъ пластинкамъ форму пилы.

Преобладающею формою орудій древнѣйшаго періода каменнаго вѣка является форма *клина*, изъ которой постепенно развиваются впослѣдствіи *топоры* и *молоты*, *рубила* и *долота*. Послѣднія формы принадлежатъ, по преимуществу, позднѣйшему періоду каменнаго вѣка, судя

---

*) Отъ греч. словъ: *палеосъ* (древній), *неосъ* (новый) и *литосъ* (камень).

по тому, что ихъ находятъ обыкновенно въ шлифованномъ видѣ. Ворсо, глубокій знатокъ древностей каменнаго вѣка, замѣчаетъ относительно выдѣлки этихъ каменныхъ орудій, что «большія клинья сперва вырубались изъ большихъ кусковъ камня при помощи каменныхъ же орудій шаровидной или эллиптической формы, а потомъ уже обтачивались и отшлифовывались на большихъ, плоскихъ брусьяхъ; другой родъ орудій—долота или рѣзцы—въ особенности тѣ, которыя имѣли лезвіе округлое или желобчатое, вытачивались на выпуклыхъ брускахъ» (⁶). Бруски эти были очень часто находимы вмѣстѣ съ каменными орудіями.

Предполагаютъ, что молоты и топоры, уже въ очень раннемъ періодѣ каменнаго вѣка, привязывались или прилаживались какимъ нибудь способомъ къ извѣстнаго рода рукоятямъ или древкамъ. Нѣкоторыя формы каменныхъ молотовъ (съ боковыми выемками на толстомъ концѣ) даже указываютъ на попытки первобытныхъ людей—такъ прикрѣпить молотъ къ рукояти, чтобы онъ не соскальзывалъ и не отскакивалъ отъ нея. Но однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій въ развитіи техники каменнаго вѣка было, конечно, изобрѣтеніе *сверленія*, облегчившаго насаживаніе каменныхъ орудій на деревянныя рукояти.

На основаніи нѣкоторыхъ находокъ, заключавшихъ въ себѣ предметы каменнаго вѣка съ неоконченнымъ сверленіемъ, археологи ознакомились съ тѣмъ простѣйшимъ способомъ, при помощи котораго сверленіе производилось. Оказывается, что сквозныя отверстія въ каменныхъ орудіяхъ просверливались (конечно съ величайшимъ трудомъ и большою затратою силъ и времени) при помощи круглой палочки, пустой внутри, и постепенно подсыпаемаго песку, который и способствовалъ высверливанію. При такомъ способѣ сверленія постепенно образовывалось кольцеобразное углубленіе, проникавшее все далѣе и далѣе вглубь камня, такъ что впослѣдствіи, когда это углубленіе проходило сквозь весь камень, изъ просверленнаго отверстія выпадалъ цѣльный кусокъ (круглякъ) камня, по объему равный объему высверленнаго отверстія.

Несмотря на этотъ важный шагъ въ техникѣ каменнаго періода, послѣ котораго формы орудій должны были значительно разнообразиться, примѣнительно къ потребностямъ ихъ употребленія, — въ прежнемъ употребленіи остались и предшествовавшія каменнымъ орудія изъ кости и рога. Между находками каменныхъ орудій видимъ и топоры изъ китовой кости, и костяные наконечники стрѣлъ, и округлыя долота изъ полыхъ мозговыхъ костей крупныхъ животныхъ, и роговыя шилья, и иглы.

Главными занятіями (и единственными способами пропитанія) людей каменнаго вѣка были, конечно, рыболовство и охота: послѣднее занятіе доставляло не только пищу, но и одежду, состоявшую изъ звѣриныхъ шкуръ. Въ этомъ удостовѣряютъ покрытые шкурами остатки

людей каменнаго вѣка, находимые иногда въ торфяникахъ. Есть основаніе предположить, по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, что люди каменнаго вѣка, какъ рыболовы по преимуществу, умѣли уже, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ его періодѣ, выдалбливать себѣ лодки и, можетъ быть, умѣли даже употреблять сѣти. Они умѣли лѣпить изъ глины, перемѣшанной съ крупнымъ кварцевымъ пескомъ, горшки, довольно разнообразной формы, хотя и выдѣлывали ихъ еще просто руками, а не на гончарномъ станкѣ. Довольно плохо обжигая эти горшки или даже просто высушивая ихъ на солнцѣ, они, однако, уже ощущали потребность въ украшеніи этихъ грубыхъ издѣлій извѣстнаго рода орнаментомъ. На одномъ изъ подобныхъ горшковъ грубѣйшей, первобытнѣйшей формы (онъ найденъ былъ въ Нейбургерскомъ озерѣ *) въ Швейцаріи, сохранились ямочки, сдѣланныя чьими-то маленькими пальчиками, очевидно, ради украшенія сосуда. На другихъ горшкахъ видимъ искривленныя выемки, сдѣланныя ножемъ; на иныхъ попытки украшеній, нацарапанныхъ чѣмъ то острымъ, въ видѣ параллельныхъ линій прямыхъ и зубчатыхъ. При Хинкельштейнѣ (Rheinhessen) **) отысканъ былъ даже обломокъ глинянаго сосуда съ нацарапанными украшеніями въ видѣ вѣточекъ и листочковъ. Еще болѣе поражаютъ уцѣлѣвшія отъ каменнаго вѣка, первыя, дѣтскія, грубыя попытки воспроизведенія чего то въ родѣ рисунковъ, изображающихъ фигуры животныхъ. Въ пещерахъ Перигора ***) найдены были осколки костей съ врѣзанными въ нихъ изображеніями животныхъ; въ одной изъ этихъ пещеръ (La Madelaine), наполненной костяными грудами—любопытный осколокъ кости, съ нацарапаннымъ на немъ изображеніемъ двухъ другъ-за-другомъ идущихъ сѣверныхъ оленей, и другой, съ изображеніемъ мамонта. При Шуссенридѣ (въ Шварцвальдѣ) также отыскана была, въ числѣ прочихъ, одна кость съ уцѣлѣвшими на ней попытками рѣзныхъ украшеній. Если добавить къ этимъ важнымъ даннымъ, что въ числѣ предметовъ, несомнѣнно принадлежащихъ каменному вѣку, находятся и украшенія въ родѣ ожерельевъ, которыя составлены изъ глиняныхъ и костяныхъ бусъ, изъ просверленныхъ и нанизанныхъ зубовъ и когтей животныхъ — то мы должны будемъ прійти къ тому важному выводу, что, уже и въ ту отдаленную пору, человѣку, кромѣ стремленія къ удовлетворенію его обыденныхъ, животныхъ потребностей, не чужды были и другія побужденія высшаго порядка (9).

Мертвыхъ въ древнѣйшемъ періодѣ каменнаго вѣка не сожигали, а хоронили въ особо-устроенныхъ могилахъ въ сидячемъ или скорчен-

*) *Нейбургерское* озеро—оно же и Невшательское, въ юго-восточномъ углу Швейцаріи.

**) *Rheinhessen*—часть Гессена, лежащая на лѣвомъ берегу Рейна; главный городъ Майнцъ.

***) *Перигоръ*—такъ называется часть департамента Дордоньи, орошаемая рѣками, впадающими въ Бискайскій заливъ.

номъ положеніи и вмѣстѣ съ покойниками полагали въ могилу каменныя и костяныя орудія и оружіе, а на тѣлѣ ихъ оставляли тѣ украшенія, которыя они носили при жизни. Въ могилѣ ставили глиняный сосудъ, вѣроятно съ пищей, которую теперь, конечно, невозможно различить, ибо подобные сосуды, при вскрытіи могилъ, оказываются наполнены только землистою массою. Могилу обставляли или обкладывали большими камнями; иногда ставили ихъ вертикально, обративъ плоскою стороною во внутрь и накрывъ сверху громадными каменными плитами *).

Внимательное изслѣдованіе костей и череповъ, добытыхъ изъ могилъ каменнаго періода, дополнило вышеприведенныя археологическія данныя важными фактами иного рода. Ученые съ нѣкоторою вѣроятностью пришли къ тому заключенію, что люди каменнаго періода, какъ въ Даніи, такъ и въ Швеціи, отличались короткою и округлою головой. Черепа, открываемые въ Швеціи, очень малы и походятъ на черепа современныхъ намъ Лапландцевъ; въ Даніи они скорѣе напоминаютъ черепа нынѣшнихъ Финновъ и Эстонцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что люди, которымъ принадлежали эти черепа, не были прародителями нынѣшнихъ Датчанъ, ни даже прародителями того племени, которое населяло Данію въ бронзовомъ вѣкѣ; черепа послѣдняго гораздо болѣе подходятъ по своей продолговатой формѣ и узкому складу къ головѣ Индусовъ. Что же касается череповъ людей, найденныхъ въ другихъ мѣстностяхъ ([10]) и въ особенности въ Бельгіи, гдѣ въ одной изъ пещеръ найдены были черепа, достовѣрно относящіеся къ ледниковой формаціи, то о нихъ можно сказать только одно: очень низкіе лбы съ рѣзко-выдающимися надбровными дугами (arcus superciliaris), сильно развитыя нижнія челюсти и затылки, свидѣтельствуютъ о весьма низкой степени развитія той породы людей, которой эти черепа принадлежали, но все-же, по общему мнѣнію ученыхъ, между этими черепами и черепами обезьянъ — различіе весьма значительно. Наиболѣе важною въ числѣ подобныхъ находокъ, сохранившихъ намъ черепа и кости людей каменнаго періода, слѣдуетъ, конечно, считать Ментонскую находку 1872 года. Д-ръ Ривіеръ, занимавшійся въ окрестностяхъ Ниццы и Ментоны изслѣдованіемъ пещеръ, открылъ въ одной изъ этихъ пещеръ (la Barma du Cavillon), близь самой итальянской границы, полный скелетъ человѣка, который, судя по всей обстановкѣ находки, принадлежалъ, вѣроятно, къ весьма отдаленной эпохѣ. Скелетъ открытъ былъ на глубинѣ 20 футовъ ниже уровня пещерной почвы и почти въ 24 футахъ отъ входа въ нее. Около скелета и подъ нимъ, въ землѣ найдено было

---

*) Такія могилы, обложенныя или обставленныя большими камнями, получили въ наукѣ названіе *мегалитическихъ*, отъ греч. слова: *мегасъ*—большой и *литосъ*—камень.

50 грубо-тесанныхъ кремневыхъ пластинокъ и скребковъ; вскорѣ послѣ того, изъ почвы той-же самой пещеры, отрыто было еще до 300 кремневыхъ орудій, и ни одно изъ нихъ не носило на себѣ никакихъ признаковъ шлифовки. Въ слоѣ пещерной почвы, непосредственно лежавшемъ надъ скелетомъ, въ числѣ костей млекопитающихъ попадались кости пещернаго медвѣдя, пещернаго льва и пещерной гіены, сибирскаго носорога и другихъ вымершихъ видовъ.

Скелетъ, съ котораго на мѣстѣ снята была фотографія, былъ вслѣдъ затѣмъ доставленъ въ Парижскій Зоологическій садъ и тамъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію цѣлаго собранія французскихъ и англійскихъ ученыхъ. То былъ скелетъ мужчины большого роста (5 футовъ, 10 дюймовъ). Онъ былъ покрытъ множествомъ просверленныхъ морскихъ раковинъ (Nassa neritea), которыя, вмѣстѣ съ 22 также просверленными зубами оленя, составляли, повидимому, шейное украшеніе. Поперегъ передней части головы лежало заостренное костяное орудіе. Черепъ принадлежалъ къ разряду очень долгоголовыхъ; затылокъ былъ у него сильно развитъ, а лобъ, напротивъ того, очень низокъ и сплюснутъ въ вискахъ. Всѣ зубы оказались цѣлыми, но сильно стертыми, какъ бы отъ постояннаго употребленія очень твердой пищи *). Меньшая берцовая кость была необычайно толста. По единогласно-принятому рѣшенію ученыхъ, подробно изслѣдовавшихъ эту драгоцѣнную находку, ментонскій скелетъ признанъ былъ принадлежащимъ древнѣйшему (палеолитическому) періоду каменнаго вѣка ([10]).

Сводя во едино всѣ вышеприведенные нами факты, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, уже съ первыхъ шаговъ своихъ на землѣ, человѣкъ шелъ своимъ особымъ путемъ развитія. Несмотря на то, что окружавшая его дикая, дѣвственная природа была ему еще очень мало знакома и всюду производила на него подавляющее впечатлѣніе, онъ съумѣлъ, благодаря своему уму, занять среди нея первенствующее положеніе. Терпѣливо перенося всякія невзгоды, примѣняясь къ различнымъ перемѣнамъ климата, и по тому самому переживая всѣ гибнувшія вокругъ него породы великановъ животнаго царства, человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не коснѣлъ въ одномъ и томъ же положеніи: онъ всѣми силами старался улучшить свой бытъ и создать себѣ сколько нибудь сносныя условія существованія. Къ этому побуждала его не одна только необходимость въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей: онъ не могъ довольствоваться этимъ; онъ чувствовалъ въ себѣ иныя, высшія побужденія, отличавшія его отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, чувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе творить, совершенствовать, изобрѣтать, и поэтому даже на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія, мы

*) Это явленіе и теперь еще замѣчають у череповъ, принадлежащихъ дикимъ племенамъ.

уже встрѣчаемся съ первыми, дѣтскими попытками его творческой дѣятельности, вызванной врожденнымъ стремленіемъ къ изящному.

Представленный нами очеркъ быта людей каменнаго вѣка, по памятникамъ вещественнымъ, дополнимъ—со словъ одного русскаго путешественника, посѣтившаго Камчатку въ концѣ прошлаго столѣтія—любопытною и подробною картиною вполнѣ развитаго быта каменнаго вѣка, который еще застали Русскіе въ Камчаткѣ. Путешественникъ говоритъ: «Прежніе камчатскіе металлы были кость и каменья. Изъ нихъ Камчадалы дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя, по тамошнему, хомягами называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою, и всякій острожекъ могъ тѣмъ хвалиться передъ другими, какъ-бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ противъ двадцати человѣкъ съѣдаетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ каменьемъ. Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя, на подобіе ланцетовъ, и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и понынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не токмо платье и обувь, но подзоры весьма искусно. Огнива ихъ — дощечки деревянныя изъ сухого дерева, на которыхъ по краямъ заверчены дырочки за кругленькія изъ сухого же дерева палочки, которыя, вертя въ ямочкахъ, огонь доставали. Вмѣсто трута употребляли мятую траву тоншичъ, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности, обертя берестою, каждый Камчадалъ носилъ съ собою и нынѣ носитъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубить, какъ достаютъ своими огнивами» ([11]).

По мнѣнію ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ датскихъ торфяныхъ болотъ, оказывается возможнымъ отнести каменный вѣкъ по крайней мѣрѣ за 4000 лѣтъ до Р. Хр. Джонъ Лёббокъ предполагаетъ, что кучи кухонныхъ остатковъ, вмѣстѣ съ находящимися въ нихъ каменными орудіями, слѣдуетъ относить къ начальнымъ временамъ *позднѣйшаго* (неолитическаго) періода каменнаго вѣка, когда человѣкъ, хотя

и успѣлъ уже ознакомиться съ шлифованіемъ камня, однако еще не далеко ушелъ въ этомъ искусствѣ.

Но, принимая въ соображеніе эти выводы, конечно не слѣдуетъ считать ихъ ни строго-опредѣленными, ни вполнѣ точными; напротивъ того, ихъ можно допускать только какъ гадательные, и притомъ слѣдуетъ постоянно помнить, что каменный вѣкъ отъ бронзоваго или бронзовый отъ желѣзнаго не отдѣляются никакими рѣзкими гранями. Бронзовый вѣкъ наступалъ постепенно, бронза вводилась исподволь, почти непримѣтно, въ бытъ и нѣкоторыя потребности народа, между тѣмъ какъ камень продолжалъ, по прежнему, преобладать въ употребленіи почти до наступленія вѣка желѣзнаго; сверхъ того, бронза, какъ мы увидимъ далѣе, входила въ употребленіе не повсемѣстно, и въ то время, когда она распространялась въ одной мѣстности, въ другой, смежной, она могла оставаться совершенно неизвѣстной. Даже и тогда, когда въ большей части Европы бронзовый вѣкъ миновалъ, вслѣдствіе распространенія желѣза и умѣнія ковать его — нѣкоторые роды каменныхъ орудій и оружія (молоты, топоры и наконечники стрѣлъ) еще и въ историческое время не выходили изъ употребленія. Такъ на полѣ Мараѳонской битвы были недавно во множествѣ отрыты кремневые наконечники стрѣлъ, хотя намъ извѣстно, что уже герои Гомера сражались мечами и защищались щитами, отлитыми изъ бронзы; такъ и въ знаменитой Гастингской битвѣ (1066 г.) воины Гарольда еще бились каменными топорами и палицами противъ закованныхъ въ желѣзо норманнскихъ рыцарей ([12]).

Вотъ почему, говоря о трехъ вѣкахъ и относя что-либо къ одному изъ этихъ трехъ вѣковъ, не слѣдуетъ забывать о тѣсной связи явленій одной эпохи съ явленіями другой, о полнѣйшей черезполосности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, которая выражалась во взаимныхъ вліяніяхъ и воздѣйствіяхъ. Чтобы нѣсколько болѣе уяснить себѣ все вышеизложенное о взаимномъ отношеніи трехъ вѣковъ, замѣтимъ еще въ заключеніе, что вѣкъ каменный, бронзовый и желѣзный не представляютъ собою трехъ неизбѣжныхъ, необходимыхъ фазисовъ историческаго развитія каждаго народа; многіе народы не переходили всѣхъ трехъ вѣковъ, не переживали всѣхъ трехъ фазисовъ, а переходили прямо отъ каменнаго, минуя бронзовый вѣкъ, къ вѣку желѣзному. У другихъ, напротивъ, при очень скоро наступившемъ періодѣ бронзы, каменный вѣкъ былъ очень непродолжителенъ, а бронзовый захватывалъ собою значительную долю исторической жизни народа. У третьихъ, наконецъ, каменный вѣкъ длился нескончаемо долго и переходъ къ желѣзу могъ совершиться только въ послѣдніе двѣсти, полтораста лѣтъ, какъ мы это могли видѣть изъ приведеннаго выше разсказа путешественника о Камчадалахъ.

*

Познакомившись съ главными выводами по археологіи западно-европейской, перейдемъ къ обзору остатковъ каменнаго вѣка, доселѣ открытыхъ въ Россіи.

Уже издавна, въ самыхъ противуположныхъ углахъ Россіи, крестьяне выпахивали изъ земли и выкапывали изъ кургановъ небольшіе, иногда заостренные—а иногда заостренные и зазубренные—камешки, которымъ и давали названіе *громовыхъ* стрѣлокъ. Названіе это сложилось въ тѣсной связи съ повѣрьемъ, на основаніи котораго подобныя стрѣлки будто бы отыскивались въ землѣ именно тамъ, гдѣ ударяла въ землю молнія. Связывая такимъ образомъ эти стрѣлы съ громовою силою, крестьяне привыкли имъ изстари придавать вѣщее значеніе, и, собирая, хранили ихъ въ качествѣ талисмановъ или обереговъ отъ сглаза и другой порчи. Когда русскіе ученые обратились къ изученію древностей каменнаго вѣка, громовыя стрѣлки оказались кремневыми наконечниками стрѣлъ, очевидно уцѣлѣвшими, если и не отъ каменнаго вѣка, то все же отъ періода весьма отдаленнаго (рис. 35—40).

Вниманіе русской науки впервые было обращено на собираніе остатковъ каменнаго вѣка въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Одною изъ первыхъ, старѣйшихъ нашихъ коллекцій явилось богатое собраніе каменныхъ орудій Н. Ѳ. Бутенева, составленное имъ во время пребыванія въ Олонецкой губерніи, преимущественно въ Петрозаводскомъ уѣздѣ *). По замѣчанію самаго собирателя, находки его были совершенно случайными, и отыскивались большею частью на самой поверхности земли или мало прикрытые ею, въ пахатномъ слоѣ, при рытьѣ неглубокихъ канавъ и могилъ; очень немногія были добыты изъ озеръ, вмѣстѣ съ желѣзною рудою [13]. На обстоятельства, при которыхъ находка совершалась, не обращаемо было никакого вниманія. Съ того времени археологическая наука замѣтно двинулась впередъ въ Россіи и обогатилась множествомъ новыхъ, важныхъ фактовъ, благодаря дѣятельности Академіи Наукъ, Археологическаго Общества, Археологической Коммиссіи, Географическаго и другихъ ученыхъ обществъ, въ особенности же благодаря трудамъ археологическихъ съѣздовъ. Если въ 1864 г. академикъ Бэръ, говоря о каменномъ вѣкѣ, могъ по отношенію къ Россіи высказываться только предположительно, то въ настоящее время можно сказать, что его предположенія получили самое блистательное оправданіе въ добытыхъ русскою наукою фактахъ. «Очень вѣроятно», говоритъ ученый академикъ, «что каменныя орудія разсѣяны по всей Россіи, такъ какъ ихъ находятъ въ древнихъ курганахъ при устьяхъ Дона и во многихъ промежуточныхъ

*) Изъ 240 орудій, составляющихъ эту замѣчательную коллекцію, около 200 собрано было въ Петрозаводскомъ уѣздѣ.

станціяхъ, а именно въ Литвѣ и въ губерніяхъ Нижегородской, Рязанской, Кіевской и Екатеринославской» ([14]). Въ настоящее время мы можемъ съ увѣренностью сказать, что каменныя орудія находятся въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи и что весьма важныя находки по каменному вѣку уже сдѣланы во многихъ мѣстахъ Архангельской, Вологодской, Владимірской, Волынской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Орловской, Пермской, Петербургской, Полтавской, Тверской, Черниговской и Ярославской губерній, не говоря о Финляндіи, о губерніяхъ Остзейскихъ, о Кавказѣ и Крымѣ. Но этого мало: мы не только съ увѣренностью можемъ говорить о важности многочисленныхъ и разнообразныхъ находокъ по каменному вѣку, сдѣланныхъ въ Россіи за послѣднее 20-тилѣтіе, не только можемъ указать на возникшія за это время обширныя коллекціи каменныхъ орудій въ различныхъ нашихъ музеяхъ—мы можемъ еще отмѣтить и нѣсколько такихъ фактовъ, добытыхъ по каменному вѣку въ Россіи, которые могутъ служить важнымъ матеріаломъ для исторіи каменнаго вѣка въ Европѣ.

При томъ громадномъ разнообразіи условій климатическихъ, топографическихъ и геогностическихъ, какое представляетъ намъ обширная территорія Европейской Россіи, не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ одновременности наступленія каменнаго вѣка для всего пространства Россіи, или объ одинаковой степени продолжительности каменнаго вѣка во всей Россіи. Не отрицая того, что на югѣ и западѣ Россіи каменный вѣкъ могъ ранѣе возникнуть и найти болѣе благопріятныя условія для развитія соотвѣтствующаго ему быта, мы имѣемъ снованія думать, что каменный вѣкъ могъ совершенно самостоятельно явиться и на сѣверѣ Россіи и что здѣсь могли быть пережиты два важнѣйшіе періода этого вѣка. Послѣднія разслѣдованія въ Архангельской губерніи (Зенгера въ 1877 г.) и находки г. Полякова въ юго-восточной части Олонецкой губерніи (1871 г.) могутъ служить подтвержденіемъ этому мнѣнію: онѣ состоятъ изъ грубоотесанныхъ каменныхъ орудій (рис. 13, 21, 22), изъ черепковъ глиняныхъ, грубо-вылѣпленныхъ сосудовъ (рис. 14), изъ остатковъ очага и каменнаго вала, сложенныхъ безъ цемента, наконецъ изъ такого обильнаго скопленія однородныхъ издѣлій и однородныхъ остатковъ издѣлій въ одной и той же мѣстности, которыя указываютъ на мѣстныя производства каменныхъ орудій. Принимая во вниманіе грубую, первобытную форму орудій, отысканныхъ г. Поляковымъ въ Олонецкой губерніи, мы склоняемся къ мысли, что сѣверъ (въ особенности же озерная полоса Олонецкой губерніи) могъ быть обитаемъ и въ очень отдаленную эпоху каменнаго вѣка. Въ этомъ убѣждаютъ насъ отчасти и послѣднія палеонтологическія открытія въ томъ же краѣ, указывающія ясно, что условія климатическія были нѣкогда въ той мѣстности иными,

непохожими на нынѣшнія, и въ самой фаунѣ существовали явленія, которыя могли въ значительной степени облегчать жизнь нѣкогда обитавшихъ здѣсь племенъ *).

Такіе же весьма древніе центры культуры каменнаго вѣка встрѣчаемъ мы и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., въ селѣ Гонцы (владѣльца Кирьякова), на склонѣ праваго берега р. Удая, въ древнемъ илистомъ наносѣ, тянущемся неправильнымъ

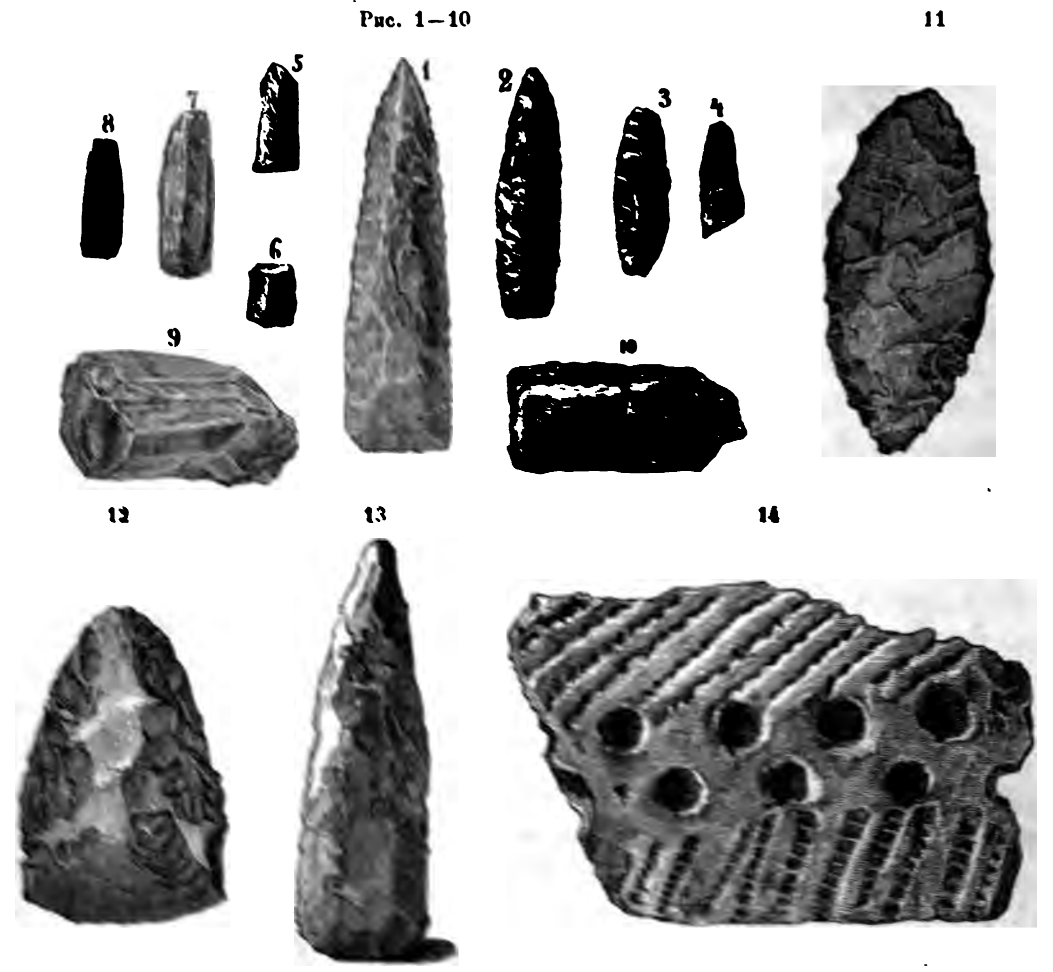

Рис. 1 — 10. Каменныя орудія изъ Архангельской губ. — Рис. 11. 12. Орудія, найденныя въ Казанской губ. — Рис. 13. Кварцовый топоръ съ Кукуйскаго озера (Олонецкой губ.) — Рис. 14. Черепокъ глинянаго горшка (оттуда же).

валомъ по береговому склону, недавно (1873 г.) открыты, при рытьѣ, кости мамонта и каменныя орудія (рис. 15, 16, 20). «Когда при осторожной раскопкѣ» — говоритъ одинъ изъ свидѣтелей драгоцѣннаго открытія — «обнажилось достаточное количество костей, на пространствѣ около квадратной

*) Такъ, напр., въ новѣйшее время было найдено доказательства того, что въ каменный вѣкъ въ нѣкоторыхъ прѣсныхъ озерахъ водились особые роды тюленей, выдѣлявшіеся своею величиною и особенно [illegible]

сажени, то можно уже было замѣтить, что онѣ лежали пластами одна на другой, и не составляли цѣлыхъ скелетовъ, а набросаны были въ безпорядкѣ и принадлежали различнымъ животнымъ: тутъ видны были— и челюсть мамонта, и часть оленьяго рога, а далѣе рёбра и зубы различныхъ большихъ животныхъ; большія трубчатыя кости всѣ были расколоты или разбиты; верхнія челюсти мамонта были безъ бивней и черепа безъ черепныхъ чашекъ. «Между костями попадались кремни въ верхнемъ, среднемъ и болѣе всего въ нижнемъ слоѣ. Въ слоѣ почвы, немного выше уровня костей—масса мелкихъ остатковъ костей, осколки

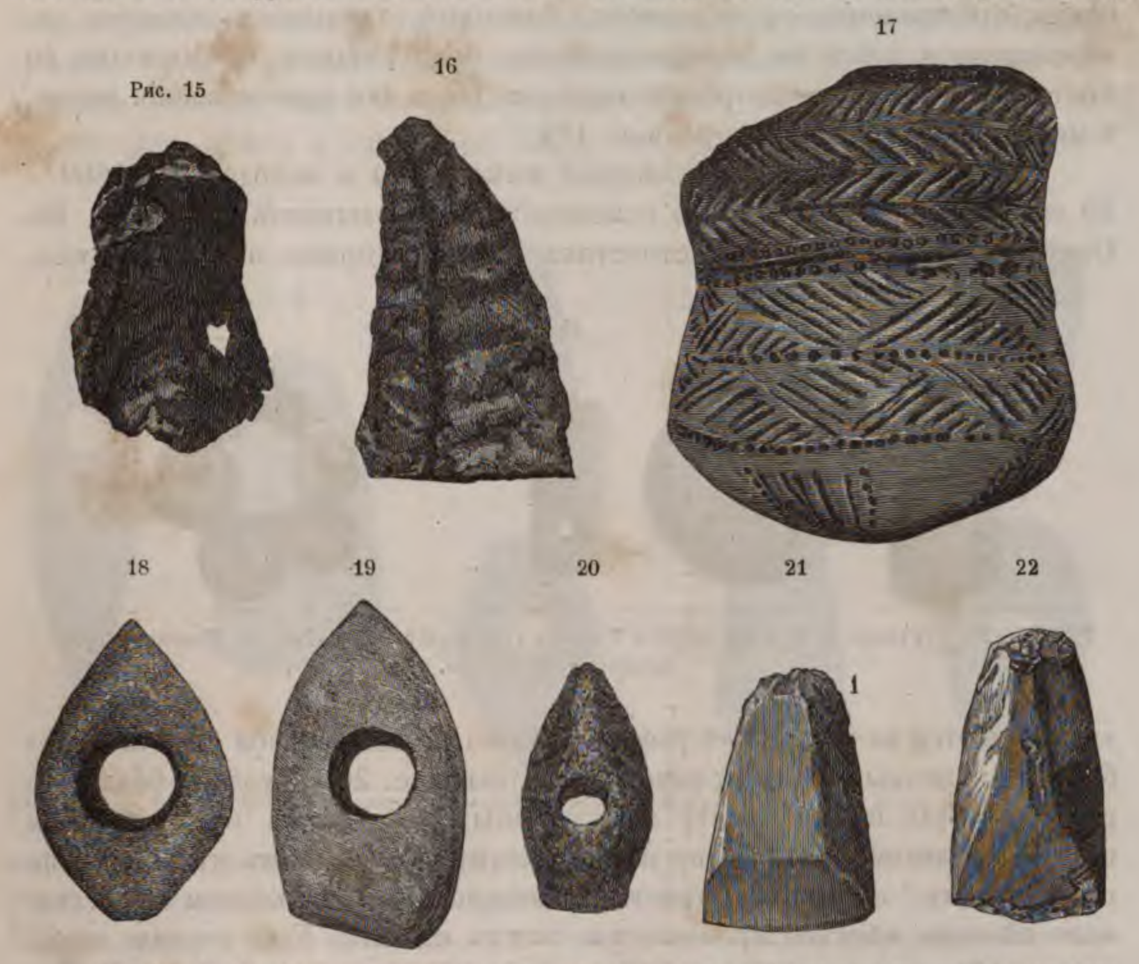

Рис. 15, 16, 20. Каменныя орудія изъ Полтавской губ.—Рис. 17. Черепокъ горшка, найденный въ Кіевской губ.—Рис. 18, 19. Каменные молоты, отрытые тамъ-же.—Рис. 21, 22. Сланцевые топоры съ Кумбасъ-озера.

кремней и т. д. Тутъ-же, сорокъ семь неоконченныхъ или испорченныхъ каменныхъ орудій и осколки ихъ, *костяное шило* и *костяное остріе*». Изъ того же сообщенія узнаемъ, что, при разрытіи другихъ ямъ, въ той же мѣстности (но ранѣе описанной выше находки), «кремней находили такъ много, что дѣти набрали ихъ *цѣлые мѣшки*, играли ими и растеряли ихъ». По любопытному добавленію г. Кирьякова, владѣльца с. Гонцы,

оказывается, что «гдѣ ни рыли въ его усадьбѣ, вездѣ наталкивались на громадныя кости и каменныя орудія». Въ виду всего этого, не лишена́ научнаго интереса и та замѣтка, которою заканчивается это въ высшей степени любопытное и важное сообщеніе: «Положеніе мѣстности въ прелестной долинѣ р. Удая, видъ и подборъ костей, пространство, занимаемое ими, взаимное расположеніе и количество ихъ, нахожденіе между ними обугленныхъ экземпляровъ, форма и количество орудій и прикрытіе всего этого ледниковымъ иломъ — все это наводитъ на мысль о долгомъ пребываніи здѣсь, въ ледниковую эпоху, одновременно съ мамонтомъ, большаго охотничьяго племени, занимавшагося здѣсь же производствомъ простѣйшихъ кремневыхъ (и костяныхъ) орудій, и употреблявшаго уже уголь для приготовленія пищи, а можетъ быть и для согрѣванія» ([15]).

Такія же любопытныя свѣдѣнія имѣемъ мы о находкахъ (1869—70 гг.) каменнаго вѣка и по отношенію къ Волынской губерніи. Въ Овручскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ селъ Нагоряны и Каменьщина,

Рис. 23 24 25 26

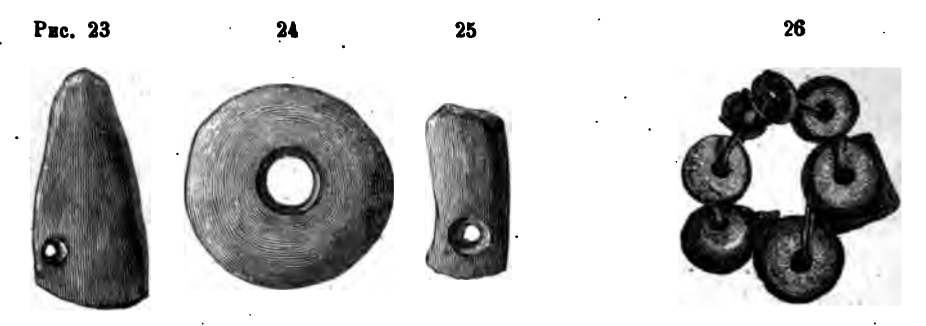

Рис. 23—25. Грузила съ Кумбасъ-озера и Тудозера (Олонецкой губ.)—Рис. 26. Каменныя бусы, найденныя на Волыни.

«встрѣчаются во множествѣ разсѣянныя по полямъ разной величины небольшія каменныя издѣлія, похожія на бусы (рис. 26) но только бо́льшаго размѣра. Судя по множеству неоконченныхъ образцовъ этихъ бусъ и по значительному количеству ихъ, находимому въ одномъ мѣстѣ, можно предполагать, что въ окрестностяхъ Нагорянъ и Каменьщины существовало нѣкогда мѣстное производство этихъ издѣлій. Еще гораздо замѣчательнѣйшею мѣстностью каменныхъ находокъ оказывается Дубенскій уѣздъ Волынской губерніи. Тамъ, въ окрестностяхъ селъ Большой и Малой Мощаницы, Суемъ и другихъ близьлежащихъ селеній, *на каждомъ шагу* попадаются каменныя издѣлія самыхъ разнообразныхъ формъ и назначеній: каменные топоры, молоты, клинья, долота, наконечники стрѣлъ и копій, пращевые камни и т. п. предметы изъ кремня.» О глубокой древности каменнаго вѣка гласятъ и могилы той мѣстности. «Въ Залужьянскомъ курганѣ Острожскаго уѣзда (Волынск. губ.), на ручьѣ, впадающемъ въ р. Горынь, найденъ скелетъ въ полулежачемъ (скорчен-

номъ, полусидячемъ?) положеніи; у праваго бока скелета, по направленію длины его, лежало кремневое орудіе, въ родѣ ножа, представляющаго собою издѣліе древнѣйшей поры (не шлифованное, грубо-тесанное) каменнаго вѣка. У праваго виска черепа стоялъ глиняный сосудъ, грубой ручной отдѣлки, но съ попытками украшеній.» ([16])

Рядомъ съ этими находками въ юго-западномъ углу Россіи на первый планъ выступаютъ и новѣйшія изысканія (1876—77 гг.) извѣстнаго нашего археолога, графа А. С. Уварова, на прибрежьяхъ Оки. Въ Муромскомъ у., у знаменитаго въ нашихъ родныхъ преданіяхъ села Карачарова, въ оврагѣ, послѣ обвала берега (въ слоѣ желтой глины, аршина въ 4 толщины, лежащемъ непосредственно подъ черноземомъ) Уваровъ нашелъ кости мамонта (зубы, бивни, бедро) и при нихъ 6 кремневыхъ ножей и скребковъ. Одна изъ костей мамонта была раско-

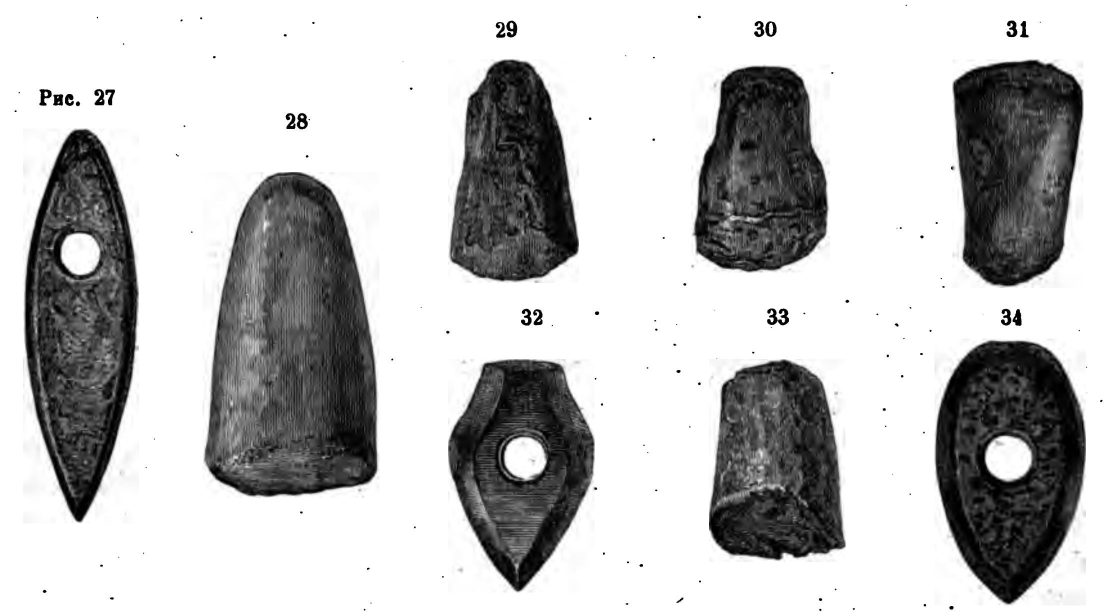

Рис. 27—34. Рубила, долота и молотки различныхъ мѣстностей Россіи (изъ собр. Моск. Археол. Общ.)

лота вдоль и расчищена съ внутренней стороны. Кости мамонта и носорога находимы были и въ сосѣднихъ оврагахъ. «Нагорный берегъ Оки у Карачарова,»—какъ предполагаетъ Уваровъ,—«былъ, вѣроятно, мѣстопребываніемъ мамонтовъ, а Карачаровскій оврагъ—мѣстомъ, гдѣ первобытные люди убивали и дѣлили мамонтовъ; поселенія-же людей были, вѣроятно, расположены на буграхъ низменнаго берега Оки, гдѣ найдены, кромѣ вышеуказанныхъ орудій обоихъ періодовъ (древнѣйшаго и новѣйшаго) каменнаго вѣка, кремневыя стрѣлы и копья въ огромномъ количествѣ» ([17]).

Не менѣе важныя изысканія были произведены гр. Уваровымъ и въ другомъ мѣстѣ Владимірской губерніи, между пристанями Сапуномъ и Варежемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Перемиловскія горы подходятъ къ

берегу рѣки. Здѣсь (въ имѣніи князя Голицына) въ культурномъ слоѣ песку съ золой и углемъ найдены цѣлыя кучи угля и черепковъ. Судя по нахожденію донышекъ сосудовъ подъ углями, надо думать, что угли заключались и въ самыхъ сосудахъ. Въ одномъ изъ сосудовъ найдено и каменное орудіе. Кромѣ того, тамъ же найдены кучи черепковъ, перемѣшанныхъ съ остатками рѣчныхъ раковинъ; затѣмъ—цѣлыя залежи раковинъ; одна (въ 3 сажени длины и 1½—ширины) состояла изъ осколковъ раковинъ и орудій, служившихъ для домашняго употребленія. Это, очевидно, кухонные остатки. Ученый изыскатель, открывшій эти древнія залежи, заключаетъ съ полнымъ основаніемъ, что «огромное количество орудій и черепковъ указываетъ на бывшее здѣсь нѣкогда цѣлое поселеніе»; онъ предполагаетъ даже, что «собственно поселеніе было неподалеку въ горахъ, гдѣ существуютъ и доселѣ пещеры съ сталактитами и съ известковыми ломками; а это—сборныя мѣста, гдѣ первобытный человѣкъ дѣлалъ свои орудія, сосуды, насыщалъ свой голодъ и пребывалъ довольно долгое время. Но вотъ произошелъ геологическій переворотъ, аллювіальный слой прикрылъ собою слѣды первобытнаго человѣка, и они уцѣлѣли только подъ слоемъ углей нѣкогда бывшей здѣсь сгорѣвшей рощи» ([18]).

Особенно важною стороной розысканій въ вышепомянутой мѣстности оказывается то, что въ огромной массѣ орудій находятся орудія отъ самыхъ первобытныхъ, грубо-обтесанныхъ, до самыхъ совершенныхъ—просверленныхъ и прекрасно-шлифованныхъ молотовъ; горшки, подобно орудіямъ, попадались отъ самыхъ грубыхъ, полу-обожженныхъ, до украшенныхъ весьма затѣйливыми узорами, очень похожими на подобные же узоры сосудовъ каменнаго вѣка, отысканныхъ г. Поляковымъ на берегахъ озеръ Олонецкой губерніи. По заключенію гр. Уварова, «изъ этого явствуетъ, что человѣкъ жилъ здѣсь въ теченіе всего каменнаго вѣка, вплоть до рокового переворота, вынудившаго уцѣлѣвшую часть населенія искать иного убѣжища».

Таковы наиболѣе важные и выдающіеся факты и сообщенія, къ какимъ въ настоящее время могутъ привести находки и разысканія, произведенныя въ Россіи по каменному вѣку собственно. Факты эти настолько значительны, что, конечно, займутъ видное мѣсто въ общей исторіи каменнаго вѣка въ Европѣ.

Каменныя орудія, находимыя въ Россіи почти повсемѣстно—и около устьевъ Печоры, и на берегахъ Дона, и на притокахъ Днѣпра, и на берегахъ Камы и Урала—свидѣтельствуютъ ясно о томъ, что площадь нынѣшней Европейской Россіи была уже издревле, еще въ періодъ каменнаго вѣка, обитаема. Бытъ первобытныхъ обитателей Восточной Европы, судя по отысканнымъ доселѣ остаткамъ его, стоялъ на одинаковомъ уровнѣ развитія съ бытомъ народовъ каменнаго вѣка въ запад-

ной Европѣ. Сравнивая предметы каменнаго вѣка, добытые въ Россіи, съ предметами, добытыми въ западной Европѣ, приходимъ къ тому заключенію, что предметы каменнаго вѣка въ Россіи принадлежатъ также двумъ эпохамъ, древнѣйшей и позднѣйшей. Сравнивая сдѣланныя доселѣ находки по качеству и количеству, и, въ особенности, опираясь на преобладаніе одного рода издѣлій въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, мы можемъ предположить, что населеніе распредѣлялось, вѣроятно, и въ ту пору неравномѣрно; оно являлось болѣе скученнымъ въ одномъ краю, болѣе рѣдкимъ и разрозненнымъ—въ другомъ; въ этомъ отношеніи важную роль должно было конечно играть, какъ устройство почвы, болѣе или менѣе изобиловавшей каменными породами, удобными для выдѣлки орудій, такъ и обиліе пищи, на которую такъ неразборчивъ былъ человѣкъ каменнаго вѣка, равно удовлетворявшій свой голодъ и моллюсками, и мясомъ дикихъ звѣрей ([19]).

Не подлежитъ сомнѣнію то, что каменный вѣкъ не повсемѣстно въ Россіи могъ быть одинаково продолжителенъ: можно предполагать, что были мѣста, обитатели которыхъ, постепенно развиваясь, переживали оба періода этого вѣка, и онъ тамъ длился очень долго; могли быть и другія, въ которыхъ, благодаря какимъ-то, доселѣ еще недостаточно выясненнымъ, вліяніямъ, раннее знакомство съ употребленіемъ металловъ значительно сокращало каменный вѣкъ и видоизмѣняло существовавшія въ то время условія быта. Продолжительность каменнаго вѣка во многихъ мѣстностяхъ Россіи довольно ясно выражается въ живучести преданій объ употребленіи каменныхъ орудій; преданія эти сохранены намъ даже памятниками нашей древней письменности.

Въ этомъ смыслѣ любопытно извѣстное мѣсто Ипатьевской лѣтописи, въ которомъ лѣтописецъ, сообщая о томъ, когда именно люди начали ковать оружіе, замѣчаетъ: «прежде бо того палицами и каменьемъ бьяхуся». Не менѣе любопытнымъ считаемъ и мѣстное сѣверное свидѣтельство, сохранившееся намъ въ одной изъ рукописей Соловецкаго монастыря, въ которой при описаніи дикаго быта языческихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверѣ Руси, неизвѣстный авторъ упоминаетъ о каменныхъ орудіяхъ охоты: «...отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ Него посланнаго Іисуса Христа не знаша, ни разумѣти хотяху; но инже кто тогда чрево насытитъ, тогда они и бога си поставляше и аще *иногда каменемъ звѣря убиваетъ*, камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое, палицу боготворитъ»... ([20]).

Изъ того, что мы успѣли обозрѣть, нельзя не видѣть, какъ много уже сдѣлано русской археологической наукой послѣдняго 20-лѣтія для исторіи каменнаго вѣка въ Россіи. Правильныхъ раскопокъ сдѣлано доселѣ очень немного, а между тѣмъ добыто уже много весьма важныхъ результатовъ. Вообще говоря, то участіе, которое публика прини-

мала въ занятіяхъ археологическихъ съѣздовъ, то вниманіе съ какимъ она постоянно слѣдила за всѣми засѣданіями и преніями нашихъ археологовъ — все это указываетъ несомнѣнно на тотъ живой интересъ, съ которымъ наше общество относится къ археологической наукѣ. Отъ усердія и ревности любителей (если они станутъ придерживаться тѣхъ указаній и программъ, которыя были выработаны съѣздами, какъ существенной основы всякихъ археологическихъ раскопокъ и розысканій) можно многаго ожидать въ будущемъ. Нельзя однако не видѣть и того, сколько еще предстоитъ дѣла русской археологической наукѣ. Сотни тысячъ кургановъ и городищъ, уцѣлѣвшихъ отъ сѣдой древности, громадныя кіевскія пещеры, простирающіяся на 20 верстъ, древнія пещеры Днѣстра, мегалитическіе памятники Кавказа и Крыма— все это еще будущая жатва археологовъ, которымъ предстоитъ вскрывать неистощимыя богатства древностей, хранимыя почвою Россіи.

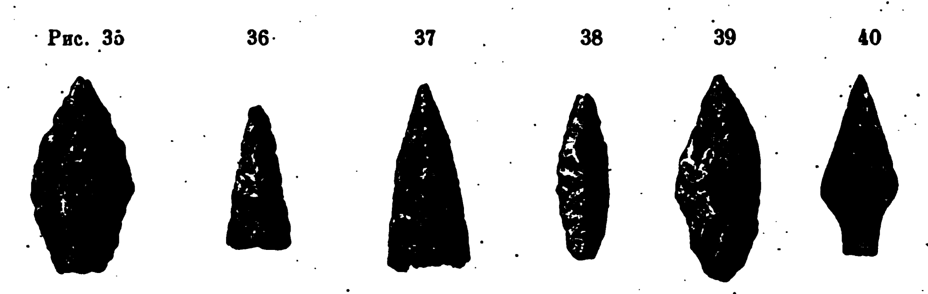

Рис. 35—37 Кремневые наконечники стрѣлъ съ Кумбасъ-озера и Кенозера (Олонецкой губ.)— Рис. 38, 39. Тоже, съ Тудозера.—Рис. 40. Тоже, съ Украйны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СВАЙНЫЯ ПОСТРОЙКИ.

Позднѣйшій періодъ каменнаго вѣка.—Свайныя постройки.—Открытіе ихъ.—Остатки быта сваестроителей.—Поводы къ сооруженію свайныхъ построекъ.—Свидѣтельство Геродота.—Свaeстроитель и пещерный человѣкъ.—Промыслы и ремесла свaeстроителей.—Продолжительность періода свайныхъ сооруженій —Орудія каменнаго періода и орудія свaeстроителей.—Произведенія искусства свaeстроителей: уборы и украшенія.—Свайныя постройки въ Польшѣ и Галиціи.—Преданіе о провалившихся городахъ.

Знакомя читателей съ важнѣйшими остатками каменнаго вѣка, мы упоминали въ предъидущей главѣ и о томъ, что каменный вѣкъ съ полною достовѣрностью можетъ быть подраздѣленъ на два періода:— болѣе отдаленный отъ историческаго времени или древнѣйшій и болѣе близкій къ нашему историческому времени, позднѣйшій. Пещерные и кухонные остатки и вообще мѣстонахожденія каменныхъ орудій, въ перемежку съ костями допотопныхъ животныхъ, служатъ отличительными признаками древнѣйшаго періода каменнаго вѣка, свидѣтельствуя о низкой степени развитія человѣка, о потребностяхъ быта чрезвычайно ограниченныхъ и немногосложныхъ. Отличительною чертою новѣйшаго періода каменнаго вѣка являются памятники другаго рода, извѣстные подъ названіемъ *свайныхъ построекъ* и свидѣтельствующіе о бытѣ уже довольно развитомъ. Подробное и тщательное изслѣдованіе остатковъ этого быта доставило археологамъ возможность возстановить его въ довольно полной картинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ привело ихъ къ тому заключенію, что періодъ, въ теченіе котораго свайныя постройки существовали, значительною долею своею принадлежитъ къ позднѣйшимъ временамъ каменнаго вѣка, захватываетъ большую часть бронзоваго вѣка и закончивается уже во времена историческія.

Свайныя постройки были открыты лѣтъ двадцать пять тому назадъ, сначала въ Швейцарскихъ озерахъ, а впослѣдствіи и по ту сторону Альповъ, въ озерахъ сѣверной Италіи и въ болотахъ, которыя, вѣроятно, явились на мѣстѣ прежнихъ озеръ. Ближайшимъ поводомъ къ этому важному открытію послужило то, что въ теченіе 1854 г. воды въ Цюрихскомъ и многихъ другихъ швейцарскихъ озерахъ стояли очень низкія, и это мелководье продолжалось довольно долго. Тогда-то на днѣ этихъ озеръ обнаружились цѣлые ряды свай, на которыя до того времени никто не обращалъ вниманія. Вокругъ обнажившихся свай произведены были изслѣдованія и тамъ, около самаго основанія свай, на материкѣ озернаго дна, нашли слой перегноя, образовавшійся, повидимому, въ весьма отдаленное время изъ различныхъ органическихъ остатковъ; слой этотъ былъ прикрытъ позднѣйшимъ слоемъ, мѣстами песчанаго, мѣстами илистаго наноса. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи этого слоя, въ немъ были найдены каменныя и костяныя орудія, необработанныя кости, принадлежавшія животнымъ, нѣкогда служившимъ пищею человѣку, а также и другіе слѣды его стародавняго пребыванія. Цюрихскій археологъ Кёллеръ тогда же рѣшился высказать мнѣніе, что эти сваи должны были нѣкогда поддерживать деревянную настилку, на которой вѣроятно стояли жилища человѣка. Кёллеръ далъ этимъ постройкамъ названіе свайныхъ построекъ (Pfahlbauten), которое стало общепринятымъ *).

Кёллеръ къ своимъ изслѣдованіямъ свайныхъ построекъ приложилъ и предлагаемый нами здѣсь рисунокъ (рис. 41), который даетъ понятіе объ устройствѣ этихъ первобытныхъ жилищъ человѣка.

На той настилкѣ, которая покрывала сваи, стояли хижины, отчасти круглой, отчасти четырехъ-угольной формы. Хижины эти, судя по остаткамъ, находимымъ около свай, были построены и изъ плетня, и изъ досокъ, а сверху обмазаны слоемъ глины, либо смолою и чѣмъ-то въ родѣ тѣста. Много хижинъ, составлявшихъ одно поселеніе, строились кучно, вмѣстѣ, на одномъ и томъ же свайномъ сооруженіи, но отъ берега отдалены были на разстояніе довольно значительное, на 100—300 футовъ.

Къ берегу вели, вѣроятно, особые помосты, которые можно было, по желанію, настилать или убирать, въ видахъ предохраненія свайнаго селенія отъ нападенія всякихъ береговыхъ хищниковъ. Сообщеніе съ берегомъ, впрочемъ, должно было поддерживаться и при помощи челноковъ, которые жители свайныхъ построекъ уже несомнѣнно умѣли долбить изъ дерева.

---

*) Французскіе ученые называютъ свайныя постройки *озерными жилищами* (habitations lacustres).

На нѣкоторыхъ большихъ озерахъ было найдено не одно селеніе, а нѣсколько; они отдѣлялись одно отъ другаго большими пространствами. О размѣрахъ этихъ древнихъ поселеній можно судить по тому, что насчитываютъ иногда до 30 и до 40 тысячъ свай, вбитыхъ въ одномъ мѣстѣ, а въ одномъ изъ небольшихъ озеръ Швейцарскихъ *) нашли и такое поселеніе, которое расположено было на 100 тысячахъ свай.

Всѣ доселѣ открытыя свайныя постройки были, повидимому, разрушены пожаромъ. Эта случайность, косвеннымъ образомъ, способствовала сохраненію такихъ остатковъ свайнаго быта, которые, помимо этой случайности, давно бы сгнили и пропали безслѣдно; но большая часть предметовъ, находимыхъ среди свайныхъ сооруженій, очевидно, попали въ воду въ состояніи горѣнія; процессъ горѣнія прекратился мгновенно, и предметы сохранились въ наслоеніяхъ дна въ обугленномъ видѣ, предохранившемъ ихъ отъ гніенія. Благодаря такой счастливой случайности, оказалось возможнымъ извлечь изъ озерной тины не только небольшіе куски различныхъ плетеній и тканей, но даже отдѣльныя соломинки, волокна и сѣмена растеній каменнаго періода.

На основаніи этихъ находокъ, ученые убѣдились въ томъ, что люди, обитавшіе въ свайныхъ селеніяхъ, вели жизнь осѣдлую, занимались земледѣліемъ, разводили пшеницу и два рода ячменя; умѣли даже печь на раскаленныхъ камняхъ небольшіе хлѣбцы изъ грубо-размолотаго зерна, которое растирали между выдолбленными камнями.

Вообще въ пищу свою человѣкъ въ эту пору вноситъ уже значительное разнообразіе: онъ собираетъ орѣхи и вишни, и даже запасаетъ на зиму дикія груши и яблоки, которыхъ много найдено въ свайныхъ постройкахъ, разрѣзанныхъ пополамъ и очевидно заготовленныхъ для сушки. Въ то же время свайестроитель разводитъ и ленъ, и коноплю для изготовленія грубыхъ матерій, которыя тогда плели, а не ткали; изъ нихъ шьетъ онъ себѣ одежду при помощи сохранившихся намъ костяныхъ иголокъ. Онъ успѣлъ уже въ ту пору окружить себя нѣсколькими породами домашнихъ животныхъ; мы находимъ около него родъ маленькой собаки, похожей на лягавую, козъ, овецъ, двѣ породы свиней и двѣ породы крупнаго рогатаго скота, впрочемъ отличныя отъ нынѣшнихъ. Въ числѣ домашнихъ животныхъ не видимъ еще только лошади, вѣроятно позже всѣхъ подчинившейся власти человѣка. Остатковъ домашней курицы также не найдено вовсе въ свайныхъ постройкахъ.

Изъ числа дикихъ животныхъ попадаются кости зубра, лося, бобра и другихъ видовъ, впослѣдствіи исчезнувшихъ изъ средней Европы; по-

*) На Пфеффиконскомъ, близъ Робенгузена.

Свайныя постройки были открыты лѣтъ двадцать пять тому на задъ, сначала въ Швейцарскихъ озерахъ, а впослѣдствіи и по т сторону Альповъ, въ озерахъ сѣверной Италіи и въ болотахъ, которы вѣроятно, явились на мѣстѣ прежнихъ озеръ. Ближайшимъ поводом къ этому важному открытію послужило то, что въ теченіе 1854 г. воды в Цюрихскомъ и многихъ другихъ швейцарскихъ озерахъ стояли очев низкія, и это мелководье продолжалось довольно долго. Тогда-то на дн этихъ озеръ обнаружились цѣлые ряды свай, на которыя до того вр мени никто не обращалъ вниманія. Вокругъ обнажившихся свай прои ведены были изслѣдованія и тамъ, около самаго основанія свай, в материкѣ озернаго дна, нашли слой перегноя, образовавшійся, повиди мому, въ весьма отдаленное время изъ различныхъ органическихъ оста ковъ; слой этотъ былъ прикрытъ позднѣйшимъ слоемъ, мѣстами песча наго, мѣстами илистаго наноса. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи это слоя, въ немъ были найдены каменныя и костяныя орудія, необрабо танныя кости, принадлежавшія животнымъ, нѣкогда служившимъ пище человѣку, а также и другіе слѣды его стародавняго пребыванія. Цюри скій археологъ Кёллеръ тогда же рѣшился высказать мнѣніе, что эт сваи должны были нѣкогда поддерживать деревянную настилку, на ко торой вѣроятно стояли жилища человѣка. Кёллеръ далъ этимъ построй камъ названіе свайныхъ построекъ (Pfahlbauten), которое стало обще принятымъ *).

Кёллеръ къ своимъ изслѣдованіямъ свайныхъ построекъ прило жилъ и предлагаемый нами здѣсь рисунокъ (рис. 41), который дает понятіе объ устройствѣ этихъ первобытныхъ жилищъ человѣка.

На той настилкѣ, которая покрывала сваи, стояли хижины, отча сти круглой, отчасти четырехъ-угольной формы. Хижины эти, судя п остаткамъ, находимымъ около свай, были построены и изъ плетня, изъ досокъ, а сверху обмазаны слоемъ глины, либо смолою и чѣмъ-т въ родѣ тѣста. Много хижинъ, составлявшихъ одно поселеніе, строи лись кучно, вмѣстѣ, на одномъ и томъ же свайномъ сооруженіи, и отъ берега отдалены были на разстояніе довольно значительное, в 100—300 футовъ.

Къ берегу вели, вѣроятно, особые помосты, которые можно было по желанію, настилать или убирать, въ видахъ предохраненія свайна селенія отъ нападенія всякихъ береговыхъ хищниковъ. Сообщеніе с берегомъ, впрочемъ, должно было поддерживаться и при помощи че ноковъ, которые жители свайныхъ построекъ уже несомнѣнно умѣл долбить изъ дерева.

---

*) Французскіе ученые называютъ свайныя постройки *озерными жилищами* (habitations l custres)

На нѣкоторыхъ большихъ озерахъ было найдено не одно селеніе, а нѣсколько; они отдѣлялись одно отъ другаго большими пространствами. О размѣрахъ этихъ древнихъ поселеній можно судить по тому, что насчитываютъ иногда до 30 и до 40 тысячъ свай, вбитыхъ въ одномъ мѣстѣ, а въ одномъ изъ небольшихъ озеръ Швейцарскихъ *) нашли и такое поселеніе, которое расположено было на 100 тысячахъ свай.

Всѣ доселѣ открытыя свайныя постройки были, повидимому, разрушены пожаромъ. Эта случайность, косвеннымъ образомъ, способствовала сохраненію такихъ остатковъ свайнаго быта, которые, помимо этой случайности, давно бы сгнили и пропали безслѣдно; но большая часть предметовъ, находимыхъ среди свайныхъ сооруженій, очевидно, попали въ воду въ состояніи горѣнія; процессъ горѣнія прекратился мгновенно, и предметы сохранились въ наслоеніяхъ дна въ обугленномъ видѣ, предохранившемъ ихъ отъ гніенія. Благодаря такой счастливой случайности, оказалось возможнымъ извлечь изъ озерной тины не только небольшіе куски различныхъ плетеній и тканей, но даже отдѣльныя соломинки, волокна и сѣмена растеній каменнаго періода.

На основаніи этихъ находокъ, ученые убѣдились въ томъ, что люди, обитавшіе въ свайныхъ селеніяхъ, вели жизнь осѣдлую, занимались земледѣліемъ, разводили пшеницу и два рода ячменя; умѣли даже печь на раскаленныхъ камняхъ небольшіе хлѣбцы изъ грубо-размолотаго зерна, которое растирали между выдолбленными камнями.

Вообще въ пищу свою человѣкъ въ эту пору вноситъ уже значительное разнообразіе: онъ собираетъ орѣхи и вишни, и даже запасаетъ на зиму дикія груши и яблоки, которыхъ много найдено въ свайныхъ постройкахъ, разрѣзанныхъ пополамъ и очевидно заготовленныхъ для сушки. Въ то же время свaестроитель разводитъ и ленъ, и коноплю для изготовленія грубыхъ матерій, которыя тогда плели, а не ткали; изъ нихъ шьетъ онъ себѣ одежду при помощи сохранившихся намъ костяныхъ иголокъ. Онъ успѣлъ уже въ ту пору окружить себя нѣсколькими породами домашнихъ животныхъ; мы находимъ около него родъ маленькой собаки, похожей на лягавую, козъ, овецъ, двѣ породы свиней и двѣ породы крупнаго рогатаго скота, впрочемъ отличныя отъ нынѣшнихъ. Въ числѣ домашнихъ животныхъ не видимъ еще только лошади, вѣроятно позже всѣхъ подчинившейся власти человѣка. Остатковъ домашней курицы также не найдено вовсе въ свайныхъ постройкахъ.

Изъ числа дикихъ животныхъ попадаются кости зубра, лося, бобра и другихъ видовъ, впослѣдствіи исчезнувшихъ изъ средней Европы; по-

*) На Пѳеѳиконскомъ, близъ Робенгузена.

падаются и кости различной болотной и лѣсной дичи, и нынѣ живущей въ Европѣ (кости зайца не были находимы). Но пища мясная составляла въ періодъ свайныхъ построекъ далеко не преобладающую часть питанія человѣка; это замѣтно изъ того, что прежнія привычки, унаслѣдованныя отъ болѣе древняго періода жизни, еще не были покинуты сваестроителями: всѣ, находимыя въ свайныхъ постройкахъ, большія кости крупныхъ породъ млекопитающихъ — расколоты, чтобы добыть изъ нихъ мозгъ, а оконечности ихъ отбиты; еще тщательнѣе разбиты не только черепа, для добычи мозга, но и нижнія челюсти животныхъ: въ нихъ искали нѣжнаго вещества, наполняющаго зубную полость. Очевидно, что мясная пища являлась настолько-же лакомою для сваестроителя, на сколько она была лакомою для обитателя Европы въ древнѣйшемъ періодѣ каменнаго вѣка.

Преобладающею частью питанія человѣка и въ этотъ періодъ оставалась все же рыба, и одною изъ наиболѣе важныхъ побудительныхъ причинъ къ поселенію человѣка на свайныхъ постройкахъ оказывалось именно то, что у человѣка подъ руками находился постоянно готовый и неистощимый запасъ пищи. Извѣстно, что рыба особенно размножается тамъ, гдѣ въ воду попадаетъ значительное количество остатковъ органическихъ тѣлъ; естественно, что и около свайныхъ поселеній рыба должна была постоянно водиться и держаться во множествѣ. Это соображеніе подтверждается и однимъ, весьма важнымъ мѣстомъ изъ Геродота (книга V, гл. XV и XVI), которое, до открытія свайныхъ построекъ, оставалось не совсѣмъ понятнымъ. Геродотъ разсказываетъ,что въ Пэоніи (части нынѣшней Румеліи) находилось озеро *Прасіадъ*, и на немъ жили племена Пэонянъ, которыхъ Мегабазъ, полководецъ Дарія, не могъ покорить, потому что самое поселеніе ихъ было устроено среди озера на сваяхъ и къ тому поселенію съ берега велъ только одинъ мостъ. На сваяхъ, по разсказу Геродота, устроенъ былъ помостъ, а на помостѣ у каждаго изъ Пэонянъ была своя хижина. Въ каждой хижинѣ была устроена въ полу подъемная дверь, и рыбы въ томъ озерѣ водилось такое множество, что стóило только эту дверь открыть, опустить на веревкѣ въ озеро пустую корзину, чтобы, немного спустя, вытащить ее полною рыбы, которая служила пищею не только людямъ, но и скоту ([21]).

Нельзя однако же сомнѣваться въ томъ, что не одни только рыбныя богатства привлекали человѣка къ поселенію среди озеръ на свайныхъ постройкахъ; его побуждало къ этому и желаніе обезопасить себя отъ внезапнаго нападенія всякаго рода хищниковъ. Было высказано въ европейской наукѣ даже и такого рода воззрѣніе, что человѣка, обитавшаго въ средней Европѣ въ періодъ свайныхъ построекъ,

слѣдуетъ отличать отъ первобытнаго обитателя Европы, жившаго въ пещерахъ во время ледниковаго періода. На основаніи этого воззрѣнія свaестроители постепенно и медленно выселялись въ Европу изъ другихъ странъ (въ то время, когда Европа уже установилась въ предѣлахъ своего нынѣшняго очертанія береговъ и поверхности) и по преимуществу селились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ или открытое пространство воды, или топь непроходимаго болота защищали ихъ отъ внезапнаго нападенія со стороны пещернаго человѣка. Здѣсь-то, съ осторожностью и предусмотрительностью бобра, они строили свои свайныя жилища, и, не прерывая связей съ землею, умѣли съ поразительнымъ

Рис. 41. Идеальный видъ свайнаго селенія на одномъ изъ швейцарскихъ озеръ.

благоразуміемъ извлечь и изъ воды всю ту пользу, какую она могла доставить имъ, какъ со стороны средствъ къ пропитанію, такъ и со стороны безопасности, которая была тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе было разстояніе, отдѣлявшее свайныя сооруженія отъ берега ([22]).

Въ этомъ желаніи обезопасить себя, укрыться отъ нападенія, оберечься отъ хищничества нельзя не видѣть также значительнаго шага впередъ въ развитіи быта. Если человѣкъ искалъ себѣ спокойнаго убѣжища и употреблялъ уже столько усилій на искусное устройство его,— значитъ, ему было что охранять отъ хищничества, значитъ, и самая жизнь его уже начинала складываться изъ такихъ потребностей, которыя шли далѣе простого удовлетворенія первѣйшихъ животныхъ ин-

стинктовъ. Занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ, свaестроитель для своего пастбища и пашни пользовался удобствами берега, и озерныя постройки служили ему только вѣрнымъ пріютомъ, въ который онъ сносилъ, укрывалъ отъ хищника первые плоды своихъ трудовъ, свои запасы и все то, что у него было самаго дорогого.

На тѣсную связь быта обитателей свайныхъ построекъ съ берегомъ указываетъ также то, что среди всѣхъ свайныхъ построекъ найдено доселѣ очень мало человѣческихъ костей, а изъ этого заключаютъ, что жители свайныхъ поселеній хоронили своихъ покойниковъ на твердой землѣ. Есть даже основаніе думать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями свайныхъ сооруженій, что населеніе свайныхъ селеній, кромѣ своихъ легкихъ хижинокъ среди озеръ, должно было имѣть еще другія, болѣе прочныя жилища на твердой землѣ.

Въ свайныхъ постройкахъ, относящихся къ каменному вѣку, матеріаломъ для выдѣлки важнѣйшихъ орудій и оружія — является по преимуществу камень, кость и дерево. По формѣ, каменныя орудія свайнаго періода нимало не отличаются отъ каменныхъ орудій на нашемъ Сѣверѣ, и вообще въ каменномъ періодѣ всѣхъ странъ:—тотъ-же клинъ то съ прямымъ и широкимъ остріемъ, то съ острымъ наконечіемъ; тотъ же топоръ и молотъ; та же грубо-зазубренная каменная пластинка, замѣняющая пилу.... Но при орудіяхъ являются оправы и рукояти изъ кости и дерева, значительно облегчающія употребленіе первобытныхъ орудій. Благодаря этимъ оправамъ и рукоятямъ, одно и тоже орудіе могло быть употребляемо для различныхъ цѣлей, и самая работа, выполняемая орудіемъ, становилась болѣе тонкою и болѣе совершенною во всѣхъ отношеніяхъ. Во множествѣ находятъ среди свайныхъ построекъ хорошо выдѣланные, кремневые ножи, прикрѣпленные тыломъ къ деревяннымъ, продольнымъ черенкамъ, каменные топоры и сѣчки, вставленные въ деревянныя распорки изъ корневищъ и кривыхъ сучьевъ; иные изъ нихъ вправлены въ толстые обрубки дерева, прикрѣпленные къ деревяннымъ рукоятямъ.

Рогъ и кость въ рукахъ сваестроителей являются уже матеріаломъ для весьма искусныхъ и тонкихъ подѣлокъ; изъ нихъ выдѣлываются весьма разнообразныя по формѣ наконечья стрѣлъ, иглы, шилья, рыболовные крючки и гарпуны съ зазубринами, а также и небольшіе челноки для тканья, съ однимъ и съ двумя отверстіями. Эти челноки и большіе запасы льняной пряжи, открытые въ свайныхъ постройкахъ, указываютъ отчасти и на то, что женщина, въ періодъ свайныхъ сооруженій, уже обладала важнѣйшимъ матеріаломъ для своихъ домашнихъ работъ и для обезпеченія необходимѣйшихъ нуждъ семьи со стороны одежды, которая, конечно, состояла уже не изъ однѣхъ звѣриныхъ шкуръ. Впрочемъ, одна изъ частей женскаго убора этой отдален-

ной эпохи—длинныя, искусно вырѣзанныя изъ кости, головныя шпильки съ большими головками, указываютъ на то, что женщины и тогда уже заботились не объ одной необходимой одеждѣ; онѣ не пренебрегали и украшеніями, хотя и должны были довольствоваться очень немногимъ: просверленные цилиндрики и пластинки изъ рога, зубы или куски зубовъ—служили единственнымъ матеріаломъ для ихъ ожерелій и запястій, на сколько можно о томъ судить по находкамъ въ свайныхъ сооруженіяхъ, относящихся къ каменному вѣку. Припомнимъ здѣсь кстати, говоря о женщинахъ, чрезвычайно любопытную замѣтку, сообщаемую Геродотомъ, который повѣствуетъ, что въ поселеніяхъ Пэонянъ, жившихъ на озерѣ Прасіадѣ, сваи первоначально поставлены были всѣми вообще гражданами, а потомъ для постановки ихъ введенъ слѣдующій обычай: «каждый, кто женился, ставилъ по три сваи за каждую жену; а женятся они на многихъ женахъ».

Одною изъ весьма важныхъ чертъ, характеризующихъ исторію быта въ періодъ свайныхъ построекъ слѣдуетъ считать то, что между находками въ швейцарскихъ свайныхъ сооруженіяхъ встрѣчаются предметы, сдѣланные изъ матеріаловъ, никогда не принадлежавшихъ къ мѣстнымъ произведеніямъ Швейцаріи. Такъ напримѣръ, въ маленькомъ озерѣ Моосзеедорфѣ (близь Берна), открыты были остатки обширнаго производства кремневыхъ орудій, хотя кремня нигдѣ нѣтъ въ Швейцаріи; такъ въ другихъ свайныхъ сооруженіяхъ отысканы были топоры и рубила изъ нефрита и бусы изъ янтаря. Очевидно, что кремень занесенъ былъ въ Швейцарію изъ Франціи, какъ нефритъ—съ Востока, а янтарь—съ сѣверныхъ прибрежій. ([23])

Свидѣтельство Геродота о Пэонянахъ, упоминающее о свайныхъ постройкахъ, существовавшихъ въ VI—V в. до Р. Хр., указываетъ всего яснѣе на замѣчательную живучесть этой особой формы быта. Живучесть эта ясно выражается въ томъ, что между поселеніями свaестроителей видимъ такія, въ которыхъ находятъ орудія исключительно изъ камня и кости; и другія, въ которыхъ найдены были, вмѣстѣ съ каменными, и бронзовыя орудія; и наконецъ такія (преимущественно въ западной части Швейцаріи), въ которыхъ найдены каменныя, бронзовыя и желѣзныя орудія. Это сопоставленіе тѣмъ болѣе любопытно, что въ тѣхъ же самыхъ свайныхъ сооруженіяхъ видимъ полное отсутствіе монеты, между тѣмъ какъ на древнемъ полѣ битвы, около Берна, находятъ множество монетъ и медалей (бронзовыхъ и серебряныхъ), греческой работы, битыхъ въ Марсели—всѣ изъ періода до-римскаго, слѣдовательно изъ самаго ранняго времени желѣзнаго вѣка. ([24]) Очевидно, что свайныя постройки служили убѣжищемъ первобытному обитателю Европы, начиная отъ позднѣйшихъ временъ каменнаго вѣка и до на-

ступленія эпохи полнаго ознакомленія Европейца со всѣми металлами, т. е. до временъ историческихъ.

Въ самомъ началѣ открытія свайныхъ построекъ и вскорѣ послѣ появленія первыхъ изслѣдованій о бытѣ свайстроителей, нѣкоторое время между учеными держалось мнѣніе, что свайстроеніе было явленіемъ мѣстнымъ, а свайстроители — особымъ племенемъ. Но дальнѣйшія изслѣдованія и открытія свайныхъ построекъ на всемъ пространствѣ Европы — въ озерахъ и торфяникахъ Шотландіи, Ирландіи, Франціи, Сѣверной Италіи, Австріи, Баваріи, Сѣверной Германіи (Пруссіи и Мекленбургѣ) — заставило склониться на сторону того мнѣнія, что свайстроеніе было формою быта, общераспространенною среди первобытныхъ обитателей Европы, и что ея живучесть обусловливалась значительными удобствами, которыя подобная форма быта представляла человѣку въ теченіе нескончаемо-долгаго періода, предшествовавшаго развитію исторической жизни въ Европѣ.

Воззрѣніе это въ значительной степени подтверждается тѣмъ, что дальнѣйшія археологическія изслѣдованія все болѣе и болѣе расширяютъ область распространенія свайныхъ построекъ, хотя, конечно, вопросъ этотъ (такъ недавно поднятый въ наукѣ) еще далеко не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ. Въ особенности, по отношенію къ Восточной Европѣ, вопросъ о свайныхъ сооруженіяхъ остается еще чрезвычайно мало разслѣдованнымъ. Такъ, напримѣръ, по отношенію къ громадной и столь богатой археологическими сокровищами территоріи Россіи, мы имѣемъ до сихъ поръ только самыя ограниченныя, самыя скудныя свѣдѣнія. До послѣдняго времени извѣстны были только свайныя сооруженія, открытыя на Кавказѣ. Но на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ (1877 г.) было уже заявлено объ открытіи свайныхъ построекъ въ Остзейскомъ краѣ. Болѣе же всего оказывались до сихъ поръ успѣшны въ этомъ отношеніи поиски археологовъ въ столь обильной топями и озерами западной полосѣ Россіи и въ прилегающихъ къ ней Галиціи и Познани.

Въ 1871 г. остатки свайнаго сооруженія были открыты на Чешевѣ озерѣ, въ Вангровицкомъ округѣ, въ Познани. Случайное искусственное пониженіе уровня озера, вызванное прорытіемъ около него канавы, вскрыло въ прибрежныхъ частяхъ его обширныя пространства, занятыя сваями, между которыми, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сохранились даже остатки покрывавшаго ихъ помоста изъ толстыхъ досокъ. Не менѣе важно было и то, добытое при этомъ изслѣдованіи, свѣдѣніе, что крестьяне окрестныхъ селъ уже издавна занимались добываніемъ изъ озера балокъ и досокъ, высушивали ихъ на берегу и обращали на топливо.

Въ илистомъ грунтѣ, около свай, отысканы были черепки грубовылѣпленныхъ горшковъ и остатки каменныхъ орудій.

Въ 1873 году, въ Галиціи, близь деревни Квачала, на берегу Вислы, въ торфяникѣ открыты были сваи и изслѣдованы извѣстнымъ польскимъ археологомъ, Адамомъ Киркоромъ. Около свай найдено чрезвычайно много осколковъ глиняной посуды, грубой, ручной лѣпки; осколки кремней, послужившихъ, вѣроятно, для выдѣлки орудій, кремневыя скребки, пилы и свёрла.

Изъ остатковъ органическихъ заслуживаютъ упоминанія орѣхи и орѣховая скорлупа, желуди, косточки особаго вида дикой сливы и значительное количество угля, почти окаменѣвшаго. Наконецъ, тамъ же отысканы были плоскіе, продолговатые камни, формою своею напоминающіе обыкновенный точильный брусокъ, и большой камень съ гладко шлифованной поверхностью, который могъ служить молотомъ для вбиванія свай въ землю или каменныхъ клиньевъ въ дерево.

Около того же времени, въ другомъ мѣстѣ Галиціи, близь г. Ярослава, на рѣкѣ Санѣ, противъ устья ручья Шкло—открыты были также слѣды свайныхъ сооруженій.

Наконецъ, въ 1874 году, въ торфяникѣ, близь дер. Бялки (въ полумилѣ отъ рѣки Вепржъ и въ 3½ миляхъ восточнѣе города Люблина), открыты остатки свайной постройки, которые подробно были изслѣдованы профессоромъ Варшавскаго университета Пржиборовскимъ. Изслѣдованія почтеннаго профессора, давно занимающагося археологическими раскопками въ Западномъ краѣ, привели къ весьма интереснымъ результатамъ.

Свайное сооруженіе это, по открытымъ около него предметамъ, оказалось принадлежащимъ къ каменному вѣку, и притомъ (по сравненію съ каменными предметами швейцарскихъ свайныхъ построекъ) должно быть или отнесено къ болѣе отдаленной эпохѣ, или приписано племени, стоявшему на болѣе низкой степени развитія, нежели сваестроители швейцарскіе. Во время двухлѣтнихъ раскопокъ въ этомъ любопытномъ свайномъ сооруженіи, профессору Пржиборовскому удалось извлечь оттуда угли, черепки глиняной посуды, куски кости съ просверленными въ нихъ отверстіями, приготовленные для неизвѣстнаго употребленія, около 200 продолговатыхъ кусковъ кремня, заготовленныхъ для издѣлій, множество осколковъ кремня, отбитыхъ при подобной заготовкѣ, кабаньи клыки и расколотыя вдоль кости животныхъ. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ находокъ должны быть отнесены: большой топоръ изъ серпентина *), наконечья стрѣлъ изъ синеватаго и сѣроватаго кремня, кремневые скребки и ножи, изъ которыхъ иные

*) *Серпентинъ*—иначе *змѣевикъ*, минералъ, встрѣчающійся въ массахъ; на Уралѣ *обыкновенный змѣевикъ* составляетъ мѣстами большія горы. Особымъ видомъ змѣевика является *нефритъ*—свѣтлозеленый, чрезвычайно твердый. Вывозится въ настоящее время изъ Китая и съ нѣкоторыхъ острововъ Океаніи, гдѣ служитъ для выдѣлки топоровъ и другихъ острыхъ орудій.

оказались уже бывшими въ употребленіи, другіе заново отточенными и какъ бы только что изготовленными.

Въ заключеніе того, что сообщено нами о свайныхъ сооруженіяхъ въ ближайшихъ къ Россіи мѣстностяхъ, мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь очень любопытную догадку, высказанную профессоромъ Пржиборовскимъ по поводу очевидной связи, которая, по его мнѣнію, существуетъ между исторіей свайныхъ сооруженій и однимъ весьма распространеннымъ въ Россіи и Польшѣ народнымъ сказаніемъ.

Свайныя постройки сооружались на озерахъ и служили убѣжищемъ людямъ, укрывавшимся среди нихъ отъ дикихъ звѣрей и внезапныхъ вражескихъ нападеній. Большая часть доселѣ открытыхъ свайныхъ сооруженій носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды разрушенія пожаромъ, происшедшимъ по собственной-ли неосторожности сваестроителей, или вслѣдствіе вражескаго нападенія. При подобной случайности, конечно, погибало все населеніе и все имущество населенія, и слѣдомъ его должны были оставаться только печально торчавшія изъ воды остатки обгорѣлыхъ свай. Все поселеніе, еще незадолго до того времени оживлявшее гладкую поверхность озера, казалось какъ-бы провалившимся въ воду, поглощеннымъ пучиною. Г. Пржиборовскій весьма остроумно поясняетъ этимъ фактомъ распространенное въ Россіи и Польшѣ народное сказаніе о провалившихся городахъ, церквахъ и монастыряхъ, на мѣстѣ которыхъ будто бы выступала изъ земли вода и разливались озера ([25]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

БРОНЗОВЫЙ ВѢКЪ.

Что такое бронзовый вѣкъ?—Когда начался онъ въ Европѣ? - Значеніе финикійской торговли въ исторіи бронзоваго вѣка (гипотеза Нильсона).—Значеніе Этруссковъ въ культурѣ бронзоваго вѣка (гипотеза Линденшмидта).—Важныя замѣчанія Садовскаго о значеніи бронзы въ быту народовъ средней Европы.—Вліяніе бронзоваго вѣка на общеевропейскую культуру —Пути и способы европейской торговли въ бронзовомъ вѣкѣ.

Бронзовый вѣкъ въ Россіи.—Двѣ главныя группы находокъ бронзоваго вѣка въ Россіи.—Ананьинскій могильникъ.—Первоначальныя раскопки его.—Вторичныя раскопки — Находки г. Невоструева.— Важнѣйшіе предметы, добытые изъ Ананьинскаго могильника.

«Бронзовый вѣкъ»,—въ тѣсномъ значеніи періода времени, въ теченіе котораго люди незнакомы были съ желѣзомъ и изъ всѣхъ металловъ умѣли обработывать только мѣдь, увеличивая ея твердость примѣсью свинца, олова или цинка, — представляетъ собою весьма древнюю форму быта. Трудно указать, гдѣ именно бронзовый вѣкъ получилъ начало, гдѣ именно проявился онъ впервые, по отношенію къ Европѣ; можно только утверждать, что прибрежья Средиземнаго моря, ранѣе всѣхъ другихъ частей Европы, поставлены были въ условія, благопріятствовавшія введенію бронзы въ употребленіе и быстрому распространенію ея по всѣмъ странамъ классическаго міра, благодаря богато-развитой морской торговлѣ.

Можно предполагать, что бронзовый вѣкъ начался задолго до того времени, отъ котораго дошли до насъ достовѣрныя историческія свидѣтельства, длился очень долго и захватилъ весьма значительную долю времени, извѣстнаго намъ не по однимъ баснословнымъ преданіямъ классической древности. Не только герои Гомера жили въ періодъ полнѣйшаго развитія бронзоваго вѣка — сражались

бронзовыми мечами, метали бронзовыя копья и укрывались отъ вражьихъ стрѣлъ подъ бронзовыми бронями и щитами; но и самый Римъ былъ основанъ еще въ бронзовомъ вѣкѣ и не скоро ознакомился съ употребленіемъ желѣза; а воины Ганнибала и во время вторженія въ Италію еще дрались противъ римскихъ легіоновъ бронзовыми мечами. ([26])

Для исторіи бронзоваго вѣка въ Европѣ особенно важно отмѣтить тотъ фактъ, что необходимое для бронзы олово не было нигдѣ добываемо въ Европѣ, кромѣ одного уголка на самой окраинѣ извѣстнаго древнимъ міра—на юго-западѣ Британіи. Отсюда первые стали вывозить олово Финикіяне, и такъ какъ только они, при обширныхъ средствахъ своей сильно-развитой торговли, могли предпринимать такія дальнія плаванія, то и можно сказать, что Финикіяне въ значительной степени способствовали распространенію и развитію бронзоваго вѣка на прибрежьяхъ Средиземнаго моря. Такъ какъ бронза могла производиться только тамъ, гдѣ не было недостатка въ необходимыхъ составныхъ частяхъ ея, мѣди и оловѣ, или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда олово могло быть доставляемо путемъ торговли, то, конечно, бронза не могла явиться—какъ самостоятельное, мѣстное производство—тамъ, гдѣ не было мѣди и куда не могло быть доставляемо олово. Эти соображенія должны были навести на мысль о томъ, что и на сѣверѣ средней Европы бронзовыя произведенія, находимыя въ древнѣйшихъ могилахъ и среди свайныхъ построекъ, не могли явиться самостоятельно, какъ произведенія мѣстныя, а были занесены въ Швецію, Данію и Швейцарію издалека, путемъ торговли.

Ученые долго занимались вопросомъ о тѣхъ путяхъ, которыми бронза могла проникать съ юга на далекій сѣверъ. Прежде всего явилось предположеніе, что бронза была завезена на сѣверъ Европы Финикіянами. Извѣстно, что эти безстрашные мореплаватели древности предпринимали плаванія вокругъ береговъ Европы, въ Балтійское море, за безцѣннымъ, въ то время, янтаремъ. Вывозя съ балтійскихъ прибрежій янтарь, Финикіяне естественно должны были видѣть въ бронзѣ выгодную статью для обмѣна на янтарь, и, конечно, нашли ей хорошій сбытъ между древними обитателями балтійскихъ прибрежій, еще незнакомыхъ съ металлами. Нильсонъ доказывалъ, что всѣ бронзовые предметы, находимые на югѣ Швеціи, были исключительно финикійскаго издѣлія, и ни откуда болѣе на сѣверъ проникать не могли; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возводилъ начало торговыхъ сношеній европейскаго сѣвера съ Финикіянами къ 800-мъ годамъ до Р. Хр. Мнѣніе свое онъ основывалъ, главнѣйшимъ образомъ, на стилѣ украшеній всѣхъ древнихъ бронзовыхъ предметовъ, и въ основныхъ элементахъ этихъ украшеній старался видѣть тѣсную связь съ символическими изображеніями финикійскаго культа. Этими основными эле-

ментами всѣхъ украшеній, встрѣчающихся на древнѣйшихъ бронзовыхъ предметахъ, добываемыхъ въ Швеціи и на сѣверѣ средней Европы, являются преимущественно формы кружковъ съ точкою въ центрѣ, концентрическихъ кружковъ, кружковъ въ родѣ колеска съ четырьмя спицами, и ломаныхъ, зубчатыхъ линій; нѣсколько позже эти, наиболѣе простые, элементы переходятъ въ форму спирали, которая является не только орнаментомъ на вещахъ, но и преобладающею формою самыхъ вещей *); въ позднѣйшую эпоху это спиральное украшеніе доводится до замѣчательнаго изящества и разнообразія, является уже не въ видѣ простой, врѣзанной въ бронзу черты, а въ видѣ рельефа, и на предметахъ крупныхъ (въ родѣ щитовъ, шлемовъ и нагрудниковъ) усложняется еще рядомъ выпуклыхъ выступовъ, въ родѣ кругловатыхъ шляпокъ гвоздей.

Нельзя отрицать того, что украшенія древнѣйшихъ бронзовыхъ предметовъ, отрытыхъ въ Швеціи и Даніи, дѣйствительно напоминаютъ собою изображенія, имѣвшія священное, символическое значеніе въ миѳологіи и въ культѣ семитическихъ племенъ; а потому и Нильсонъ, который основывалъ на элементахъ этихъ украшеній свое мнѣніе о финикійскомъ происхожденіи бронзы, занесенной въ Скандинавію, былъ до нѣкоторой степени правъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ европейскихъ народовъ въ эпоху до Р. Хр. не могъ предпринимать такихъ дальнихъ странствованій по морю, какъ Финикіяне. Это мнѣніе Нильсона подтверждалось еще и несомнѣннымъ участіемъ Финикіянъ въ торговлѣ янтаремъ, который они вывозили въ Европу съ балтійскихъ прибрежій. ([27]) Однакоже дальнѣйшее изученіе древнихъ бронзовыхъ предметовъ и ихъ мѣстонахожденій въ средней и сѣверо-западной Европѣ, а въ особенности изслѣдованіе тѣхъ рѣчныхъ путей и во́локовъ, по которымъ внутренняя европейская торговля шла съ прибрежій Адріатики и Чернаго моря къ балтійскому побережью—указали, что Финикіяне были не единственными смѣльчаками, проникавшими въ эти отдаленныя мѣстности и доставлявшими туда бронзу, въ обмѣнъ на янтарь.

Профессоръ Линденшмидтъ, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «О памятникахъ германской языческой старины», первый пришелъ къ счастливой мысли о необходимости сравнительнаго изученія бронзовыхъ предметовъ, добываемыхъ изъ древнихъ могилъ сѣверной Германіи, изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи и сѣверной Италіи, и пришелъ къ тому положительному убѣжденію, что всѣ эти уцѣлѣвшія до нашего времени издѣлія бронзоваго вѣка, а въ особенности сосуды,

*) Преобладаніе спирали легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что гибкую бронзу легко было вытягивать въ тонкую проволоку, а тонкая бронзовая проволока всего удобнѣе поддавалась скручиванью и завиванью въ самыя разнообразныя формы жгутовъ и спиралей.

утварь и украшенія, какъ по общимъ формамъ, такъ и по всѣмъ подробностямъ отдѣлки, оказываются вполнѣ тождественны съ произведеніями этрусскими. ([28]) Этотъ замѣчательный, подтвердившійся послѣдующими археологическими изслѣдованіями, выводъ послужилъ существеннымъ дополненіемъ къ важнымъ историческимъ свидѣтельствамъ объ Этрускахъ, которые, какъ извѣстно, изъ числа всѣхъ италійскихъ народовъ, особенно рано успѣли выработать себѣ самостоятельное внутреннее устройство и выдвинуться впередъ своими замѣчательными способностями къ промышленности и торговлѣ. Въ эпоху, предшествовавшую подчиненію Этруріи римскому владычеству, морская торговля Этрусковъ могла уже соперничать во многихъ мѣстностяхъ Средиземнаго моря съ торговлею Финикіянъ и ихъ колоній, а богатство и роскошь ихъ внутренняго быта были на столько значительны, что возбуждали постоянно зависть Рима и оказали весьма сильное вліяніе на домашній и общественный бытъ Римлянъ.

Въ области искусства, Этруски, несмотря на довольно замѣтное преобладаніе у нихъ египетскаго вліянія, сдѣлали успѣхи, весьма значительные во многихъ отрасляхъ, въ особенности въ изготовленіи лѣпныхъ издѣлій изъ глины и въ литейномъ искусствѣ. Этрускія вазы и бронза пользовались въ древности вполнѣ заслуженною извѣстностью, и носятъ на себѣ не только своеобразный, но даже въ такой степени національный отпечатокъ, что ихъ невозможно смѣшать ни съ какими другими, подобными произведеніями. Болѣе всего оказались богаты этрусскими произведеніями свайныя постройки сѣверной Италіи, въ которыхъ особенно много найдено было глиняныхъ сосудовъ, несомнѣнно этрусскаго происхожденія. Изслѣдованія швейцарскихъ свайныхъ построекъ указали на то, что этрускія бронзовыя издѣлія проникали и на сѣверъ отъ Альповъ, за много вѣковъ до выступленія этой страны на историческую сцену. Эти издѣлія, отыскиваемыя на всемъ пространствѣ Европы, на протяженіи древнихъ, торговыхъ путей, направлявшихся съ юга на сѣверъ, рѣзко отличаются отъ позднѣйшихъ, мѣстныхъ бронзовыхъ издѣлій, грубо воспроизводившихъ изящные образцы привозной бронзы.

Не смотря на то, что масса бронзовыхъ предметовъ —нѣкогда ввезенныхъ такимъ образомъ изъ Этруріи въ за-Альпійскія страны и наполняющихъ нынѣ археологическіе музеи Европы — была, вѣроятно, весьма значительна; не смотря на то, что среди этихъ предметовъ видимъ и оружіе, и орудія, и украшенія, и самые разнообразные предметы домашней утвари—не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что бронза никогда и нигдѣ въ Европѣ не была единственнымъ матеріаломъ, изъ котораго бы человѣкъ могъ для своего удовольствія и пользы производить все необходимое для своего домашняго обихода. «Предметы

ежедневнаго употребленія должны быть дешевы, а бронза была дорогá, такъ какъ ея нельзя было привезти на сѣверъ въ достаточномъ количествѣ». ([29]) Вотъ почему, даже и послѣ введенія бронзы въ употребленіе въ сѣверной и средней Европѣ, первобытные обитатели ея продолжали довольствоваться стрѣлами изъ кремня или хрусталя, ножами и молотами изъ нефрита и діорита *). Есть однако же основаніе предположить, что введеніе бронзы въ употребленіе, при совмѣстномъ и одновременномъ употребленіи каменныхъ орудій, должно было оказать нѣкоторое вліяніе на обработку камня—облегчить ее, усовершенствовать, дать новыя формы для каменныхъ орудій и даже вызвать къ подражанію нѣкоторымъ украшеніямъ, которымъ такъ легко поддавалась бронза. Вотъ почему многіе археологи и полагаютъ, что всѣ каменныя орудія, гладко-отшлифованныя, а тѣмъ болѣе, снабженныя украшеніями, представляющими головы различныхъ животныхъ, принадлежатъ къ тому времени, когда человѣкъ уже былъ знакомъ съ употребленіемъ бронзы или другаго металла.

Вообще говоря, бронзовый вѣкъ въ Европѣ важенъ не только потому, что въ теченіе его первобытные обитатели средней и сѣверо-западной Европы, подъ вліяніемъ иноземнымъ, успѣли ознакомиться съ употребленіемъ металловъ, но и потому, что введеніе бронзы въ употребленіе подѣйствовало вообще на развитіе техники въ самыхъ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Это отразилось, конечно, на орудіяхъ бронзоваго вѣка, въ числѣ которыхъ проявляются нѣкоторыя своеобразныя формы, неизвѣстныя каменному вѣку. Преобладающею формою является такъ называемый *кельтъ*, клинообразное рубило, можетъ быть замѣнявшее иногда топоръ, а иногда и мотыку. Рядомъ съ этою новою формою, исключительно свойственною бронзовому вѣку, встрѣчаемъ и другія орудія, гораздо болѣе усовершенствованныя, болѣе приспособленныя къ употребленію: ножи, серпы, пилы, скребки. Особенно замѣчательны, по формѣ и отдѣлкѣ, клинки мечей и кинжаловъ. Клинки мечей прямые, къ концу съуживающіеся, формою своею напоминающіе очертаніе ивоваго листа. Длина мечей—не болѣе полуметра ($2^1/_2$ четверти аршина). Особенное вниманіе археологовъ привлекали ихъ короткія рукояти, иногда цѣльныя бронзовыя, иногда обложенныя деревомъ, но не снабженныя никакой предохранительной, поперечной перекладиной. Само собою разумѣется, что оконечья стрѣлъ и копій попадаются въ могилахъ бронзоваго вѣка гораздо чаще, нежели мечи и кинжалы, которые, конечно, должны были составлять большую драгоцѣнность. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, бóльшая часть оружія и другихъ, наиболѣе круп-

*) *Діоритъ*—горная порода, состоящая изъ бѣлыхъ и зеленоватыхъ зеренъ, съ черными и зеленовато-черными слоями. *О нефритѣ* см. въ примѣчаніи на стр. 36.

ныхъ предметовъ утвари бронзоваго вѣка, всею внѣшностью, изобличаетъ свое иноземное происхожденіе. По отзывамъ ученѣйшихъ знатоковъ металлургіи, преимущественно оружіе бронзоваго вѣка въ нѣкоторыхъ подробностяхъ своей отдѣлки носитъ на себѣ отпечатокъ высоко-развитой техники и явные слѣды такихъ пріемовъ производства, которые могли быть выполнены только при помощи стальныхъ инструментовъ. ([30])

Весьма любопытною чертою въ общей характеристикѣ бронзовыхъ предметовъ, находимыхъ въ сѣверной и средней Европѣ, оказывается значительный перевѣсъ всякаго рода украшеній надъ всѣми остальными родами предметовъ—утварью и оружіемъ. Чаще всего попадаются пряжки и большія иглы для волосъ, чрезвычайно разнообразныя по формѣ; рядомъ съ ними—ожерелья, браслеты, ножныя кольца, шпильки, серьги, діадемы, привѣски и бляшки всякаго рода. Вмѣстѣ съ бронзою встрѣчаются и золотыя украшенія; серебро попадается гораздо рѣже и только въ исходѣ бронзоваго вѣка.

Множество раскопокъ и находокъ указали ясно на то, что бронза впервые явилась между первобытными обитателями Скандинавіи и Даніи и между свайестроителями Швейцаріи именно въ видѣ украшеній—колецъ, цѣпочекъ, запястій, бляхъ и шейныхъ обручей—и что въ то время, когда европейскій дикарь еще употреблялъ въ дѣло каменное и костяное оружіе и долбилъ себѣ челнъ каменнымъ долотомъ, онъ нерѣдко могъ уже украшать себя бронзовыми бездѣлушками, а уборъ его подруги бывалъ даже и до излишества обремененъ множествомъ крупныхъ и мелкихъ издѣлій изъ привозной бронзы. Очевидно, что иноземные торговцы, стремясь съ юга на сѣверъ Европы за янтаремъ, везли къ дикарямъ блестящія, бронзовыя бездѣлушки, какъ самый выгодный предметъ для мѣны и сбыта, тѣмъ болѣе, что первобытные обитатели Европы лишь постепенно научались цѣнить оружіе и утварь изъ бронзы и усвоивали умѣнье употреблять то и другое въ дѣло. Гораздо позже они предпочитали даже получать бронзу въ видѣ готоваго, необдѣланнаго матеріала *), и передѣлывать ее на мѣстѣ въ разныя издѣлія, при помощи приходившихъ къ нимъ иноземныхъ литейщиковъ, которые, такимъ образомъ, являлись и первыми учителями туземцевъ въ обращеніи съ металлами. Къ этому, болѣе позднему періоду, вѣроятно, относятся и тѣ плавильныя печи, и тѣ формы для отливки бронзовыхъ вещей, которыя и доселѣ еще находятъ въ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе нѣтъ и не было мѣстонахожденій мѣди, какъ напр., въ низменности Эльбы. Къ тому-же самому періоду относятся, конечно, и тѣ грубыя

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ находимые въ Швеціи и Даніи куски и слитки бронзы, очевидно привозной, такъ какъ мы видѣли выше, что бронза могла быть производима только тамъ, гдѣ при мѣдныхъ рудахъ не было недостатка и въ оловѣ.

подражанія изящнымъ иноземнымъ образцамъ, которыя попадаются всюду въ сѣверо-западной и средней Европѣ и представляютъ собою не что иное, какъ неискусное воспроизведеніе изломанныхъ и негодныхъ къ употребленію бронзовыхъ предметовъ при помощи мѣстныхъ средствъ и мѣстныхъ мастеровъ. ([31])

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что бронзовый вѣкъ, въ отношеніи къ вѣку каменному, является преимущественно вѣкомъ пробужденія первобытныхъ обитателей Европы къ новой жизни,—вѣкомъ, въ теченіе котораго цивилизація стала пролагать первые пути на сѣверъ, дѣлать первыя попытки къ водворенію на далекихъ окраинахъ міра, извѣстнаго древнимъ. Такъ какъ пути цивилизаціи на сѣверъ пролагались образованнѣйшими народностями древняго міра—Финикіянами, Этрусскими, Греками, Римлянами—то и средства, употребляемыя ими, мало чѣмъ отличались отъ подобныхъ же попытокъ новѣйшаго времени, пролагающаго пути торговлѣ и цивилизаціи внутрь Африки или Азіи. Направляясь къ берегамъ Балтійскаго моря западнымъ, морскимъ путемъ, торговля держалась береговъ, опираясь на прибрежныя колоніи и факторіи; направляясь къ тому же Балтійскому морю черезъ лѣса и дебри средней Европы, торговля шла по рѣкамъ, шагъ за шагомъ, подвигаясь и углубляясь внутрь страны. Новѣйшія изслѣдованія этихъ древнихъ торговыхъ путей, съ юга Европы къ балтійскимъ прибрежьямъ, даютъ возможность предположить, что и по этимъ путямъ торговые караваны двигались, опираясь на постоянныя становища, учреждая на пути нѣчто въ родѣ *торжковъ* или складочныхъ мѣстъ, и всегда, болѣе или менѣе, оказывая цивилизующее вліяніе на ту страну, по которой пролегалъ торговый путь. Даже и въ самыхъ *способахъ* торговли есть данныя, свидѣтельствующія о значительной прочности, долговременности и постепенномъ развитіи этихъ сношеній юга съ сѣверомъ. Насколько произведенныя доселѣ изслѣдованія даютъ намъ возможность заглянуть въ эти сношенія, они представляются намъ въ бронзовомъ вѣкѣ уже вступившими въ послѣдующій фазисъ развитія и болѣе не носящими на себѣ характера первоначальной мѣновой торговли. Профессоръ Киссъ въ Пештѣ (въ 1859 г.) первый указалъ на то, что бронзовыя украшенія, ввозимыя съ юга на сѣверъ, должны были имѣть значеніе и цѣнность монеты; въ подтвержденіе своей мысли, онъ собралъ нѣсколько тысячъ подобныхъ украшеній, взвѣсилъ ихъ, тщательно разсмотрѣлъ находящіяся на нихъ линіи и нарѣзы, и по вѣсу предметовъ, по числу линій и нарѣзовъ, отыскалъ между ними десятичное отношеніе; такимъ образомъ онъ доказалъ, что бронзовыя украшенія служили замѣною монеты, изготовлялись въ опредѣленной системѣ и потому имѣли важное финансовое и экономическое значеніе въ торговлѣ юга съ сѣверомъ. ([32])

Въ дополненіе къ тому. что выше было нами изложено. для болѣе полной характеристики бронзоваго вѣка. замѣтимъ. что громадныя каменныя или камнями огражденныя могилы въ этомъ періодѣ исчезаютъ и мѣсто ихъ заступаютъ насыпные холмы. Мѣстами, большія плоскія насыпи прикрываютъ собою обширные могильники. Раскопки могильныхъ холмовъ обнаруживаютъ преобладаніе обычая сожженія труповъ надъ погребеніемъ. хотя оба способа часто видимъ примѣненными одновременно. Могильные холмы оказываются нерѣдко обложены камнями у основанія. (**)

Сопоставленіе вышеуказанныхъ фактовъ бронзоваго періода съ изысканіями. произведенными въ свайныхъ постройкахъ средней Европы. можетъ легко привести къ тому предположенію. что многія мѣстности Европы весьма послѣдовательно переходили отъ знакомства съ употребленіемъ бронзы къ умѣнью обработывать желѣзо. Но изъ всего сказаннаго нами о бронзѣ и о тѣхъ путяхъ. которыми она съ юга проникала на сѣверъ и сѣверо-западъ Европы. не трудно вывести и то заключеніе. что могли существовать цѣлыя страны. куда бронза никакъ не могла проникнуть. и въ которыхъ человѣкъ отъ употребленія каменныхъ орудій и оружія переходилъ прямо къ знакомству съ желѣзомъ.

Особенно важными въ этомъ отношеніи являются находки. сдѣланныя въ послѣднее время въ Польшѣ и Россіи. указывающія на одновременное употребленіе каменныхъ и желѣзныхъ орудій. Важно при этомъ именно то условіе. что всѣ желѣзные предметы носятъ на себѣ отпечатокъ такой первобытности. которая не даетъ возможности предполагать, чтобы желѣзному вѣку въ тѣхъ мѣстностяхъ могъ предшествовать вѣкъ бронзовый. богатый разнообразіемъ и замѣчательнымъ изяществомъ своихъ формъ. Насколько можно судить по раскопкамъ и находкамъ. произведеннымъ до настоящаго времени въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. бронзовый вѣкъ не былъ на ея территоріи явленіемъ общимъ, повсемѣстнымъ. Какъ въ западной Европѣ бронза являлась только въ тѣхъ мѣстахъ. куда бронзовыя издѣлія могли быть занесены торговлею, такъ и въ восточной Европѣ остатковъ бронзоваго вѣка слѣдуетъ, конечно. искать около древнихъ торговыхъ путей съ юга и запада на сѣверъ и востокъ. Это предположеніе вполнѣ подтверждается современными находками. Оказывается. что торговые пути бронзоваго вѣка дѣйствительно касались западной и юго-западной окраины Россіи. Но. кромѣ этихъ путей. были и другіе:—въ городищахъ и могильныхъ насыпяхъ сѣверо-восточной окраины Россіи встрѣчаемъ остатки бронзоваго вѣка. ничего не имѣющіе общаго съ бронзовымъ вѣкомъ западной Европы. Мало того: среди этихъ остатковъ попадается много предметовъ. сдѣланныхъ *изъ мѣди*, употребленіе которой, какъ весьма естественно слѣдуетъ предположить, должно

было предшествовать употребленію бронзы. Раскопки и находки, въ различное время произведенныя за Ураломъ и въ западной Сибири, заставили прійти къ тому убѣжденію, что, какъ мѣдные, такъ и бронзовые предметы, находимые въ могилахъ и городищахъ на пространствѣ между Волгою и Уральскими горами, по внѣшности, имѣютъ гораздо болѣе общаго съ издѣліями бронзоваго вѣка Азіи, нежели съ подобными же издѣліями европейскими. И точно также, какъ остатки европейскаго бронзоваго вѣка, группируются около торговыхъ путей съ юга на сѣверъ, такъ и остатки бронзоваго вѣка азіатскаго, сосредоточиваются около тѣхъ рѣчныхъ и древнѣйшихъ сухопутныхъ, торговыхъ путей, которыми испоконъ вѣковъ приволжскія мѣстности Россіи соединены были съ Азіей. Если бы мы захотѣли наглядно, чертами изобразить область распространенія бронзы въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, то область эта явилась бы на картѣ въ видѣ двухъ разрозненныхъ клочковъ, изъ которыхъ одинъ на юго-западѣ захватывалъ бы внутрь себя бассейны Днѣстра, Днѣпра и Вислы, а другой на сѣверовостокѣ, обнялъ бы пространство между Волгой, Камой и Ураломъ. Изъ этого можно заключить, что цивилизація бронзоваго вѣка, являлась главнѣйшимъ образомъ только на окраинахъ нынѣшней территоріи Европейской Россіи.

Отысканные доселѣ на западной окраины Россіи предметы бронзоваго вѣка (гг. Ивановскимъ и Бранденбургомъ въ предѣлахъ Петербургской губерніи, а также и профессоромъ Крузе и другими изслѣдователями въ западномъ краѣ и въ Остзейскихъ губерніяхъ) принадлежатъ къ общему типу произведеній европейскаго бронзоваго вѣка, и едва-ли не позднѣйшаго его періода, судя потому, что бронзовые предметы попадаются вмѣстѣ съ серебрянными украшеніями. Въ числѣ этихъ предметовъ видимъ тѣ же спиральные браслеты, тѣ же концентрическіе завитки изъ тонкой проволоки для серегъ и височныхъ колецъ, тѣ же гривны въ видѣ крученаго проволочнаго жгута и тѣ же монисты съ привѣсками, колокольцами и бряцальцами,—однимъ словомъ, тѣ же формы украшеній, какія встрѣчаемъ на пространствѣ всей Европы. Если мы добавимъ къ этому искривленные небольшіе бронзовые ножи и наконечья стрѣлъ и копій, чаще всего попадающіяся въ могильныхъ насыпяхъ, то этимъ исчерпывается весь запасъ предметовъ бронзоваго вѣка, проникавшихъ къ намъ изъ Европы. При этомъ, формы находимыхъ на западѣ Россіи бронзовыхъ предметовъ до такой степени тождественны съ европейскими, что ихъ почти можно признать принадлежащими къ одной и той же фабрикѣ.

Напротивъ того, всматриваясь въ мѣдные и бронзовые предметы, попадающіеся на востокѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, мы видимъ нѣчто совершенно оригинальное, не имѣющее ничего общаго съ произведеніями

европейскаго бронзоваго вѣка. Даже и самое поверхностное сравненіе съ предметами, добытыми въ прошломъ столѣтіи изъ сибирскихъ могилъ и тѣми, которые и теперь постоянно тамъ откапываются, выяснило тотъ фактъ, что мѣдные и бронзовые предметы, находимые на сѣверо-востокѣ Россіи были занесены сюда изъ за Урала, изъ Азіи.

Рис. 42. Важнѣйшіе и наиболѣе крупные предметы, каменные, бронзовые и желѣзные, добытые изъ Ананьинскаго могильника.

И дѣйствительно, изъ сообщеній путешественниковъ и раскопокъ, произведенныхъ въ Сибири въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, узнаемъ, что совершенно подобныя же издѣлія находятся на всемъ пространствѣ Сибири до Амура и Байкала. Главнымъ центромъ подобныхъ находокъ оказывается Минусинскъ и его округъ и верховья Енисея. Вся тамошняя степь представляетъ собою громадное кладбище какой-то отдаленной, богато-развившейся эпохи мѣднаго и бронзоваго вѣка, слѣды которой идутъ далеко въ глубь Азіи. И рядомъ съ могилами, доставляющими обильную жатву пытливости археолога, по склонамъ Саянскихъ и Алтайскихъ горъ до самаго Урала тянутся слѣды древнѣйшихъ рудныхъ развѣдокъ и разработокъ. Болѣе всего встрѣчается ихъ на западныхъ склонахъ Урала, гдѣ многія изъ этихъ копей были положены въ основу позднѣйшихъ рудныхъ работъ. Во многихъ подобныхъ копяхъ найдены были мѣдныя кайла *) и молотки; въ другихъ кривые мѣдные ножи и сплавы мѣди въ 2—3 фунта; въ нѣкоторыхъ, рядомъ съ орудіями, литыми изъ мѣди, сохранились каменные молотки и обломки другихъ орудій изъ твердыхъ каменныхъ породъ, къ которымъ придѣланы были рукоятки, какъ можно догадываться по сохранившимся отломкамъ. ([34])

И на западъ отъ Урала, въ Елабужскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, давно находили отдѣльные экземпляры бронзоваго оружія—топоровъ, копій и стрѣлъ. Но къ болѣе правильнымъ археологическимъ поискамъ побудило открытіе знаменитаго *Ананьинскаго могильника*, который, при болѣе подробномъ и внимательномъ разслѣдованіи, оказался чрезвычайно важнымъ памятникомъ переходной эпохи отъ бронзы къ желѣзу. Поэтому мы прослѣдимъ подробнѣе исторію этого открытія и ознакомимъ читателей съ добытымъ изъ него богатымъ запасомъ древностей.

На западномъ берегу Камы, въ 5 верстахъ на юго-востокъ отъ города Елабуги (Вятской губ.), близь деревни Ананьино, на старомъ, высохшемъ руслѣ Камы, весенними разливами рѣки стало мало-по-малу размывать небольшой округлый холмъ и обнаруживать внутри его то человѣческія кости, то какіе-то древніе предметы неизвѣстнаго назначенія, которые, попадая въ руки сосѣднихъ поселянъ, безслѣдно исчезали для науки. Наконецъ, слухъ объ этихъ находкахъ дошелъ до одного изъ страстныхъ мѣстныхъ собирателей, а потомъ и до мѣстныхъ властей, и совокупными усиліями дальнѣйшее разграбленіе загадочнаго холма было хотя до нѣкоторой степени пріостановлено. Наконецъ, въ 1858 г. была предпринята и раскопка холма, который сталъ съ той поры извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ *Ананьинскаго могильника*.

---

*) ***Кайло*** или *кайла*—землекопное орудія, въ видѣ тёсла или мотыки; оно плашмя изогнуто въ сторону.

По прибытіи на мѣсто, лица, принявшія на себя исполненіе этого ученаго предпріятія, нашли могильникъ поросшимъ осокорью, невысокимъ и довольно плоскимъ округлымъ холмомъ, въ вышину около трехъ аршинъ и двѣсти-девятнадцати шаговъ въ окружности. Старожилы еще помнили на холмѣ какіе-то большіе камни съ изсѣченными на нихъ изображеніями и знаками. Но изъ этихъ могильныхъ камней удалось спасти только одинъ; остальные, по разсказамъ сосѣднихъ поселянъ, еще въ 1835 г., были увезены съ холма однимъ изъ елабужскихъ горожанъ, которому они понадобились для кладки печи. Раскопка кургана была произведена при помощи сорока рабочихъ, не особенно умѣлыхъ и недостаточно осторожныхъ для выполненія столь важнаго археологическаго предпріятія; весь холмъ былъ пересѣченъ продольнымъ рвомъ, въ 25 саженъ длины, аршина въ два съ половиною ширины и глубины. Эта работа была произведена въ *одинъ* день, и результаты столь спѣшной раскопки были подробно переданы въ отчетѣ г. Алабина (чиновника удѣльнаго вѣдомства), завѣдывавшаго работою. Не смотря однако же на эту спѣшность, все добытое изъ могильника, оказалось весьма важнымъ для изученія нашихъ древностей бронзоваго вѣка: отрытые г. Алабинымъ черепа и вещи были доставлены въ Императорское Географическое общество и обратили на себя вниманіе всѣхъ русскихъ археологовъ.

Вскорѣ оказалось однако же, что раскопка, произведенная г. Алабинымъ, была лишь весьма поверхностна и далеко не исчерпывала всѣхъ сокровищъ, заключавшихся въ могильникѣ. Какъ до раскопки, такъ и послѣ нея, разливы Камы продолжали подмывать могильникъ, и крестьяне деревни Ананьино, по прежнему, каждую весну находили около могильника не малое количество вымытыхъ изъ него вещей, которыя и хранили у себя. По разслѣдованіямъ, произведеннымъ на мѣстѣ, оказалось, что, при первоначальной раскопкѣ, вскрыта была только одна пятая часть могильника. Императорская Археологическая Коммиссія командировала въ 1865 г. извѣстнаго археолога П. И. Лерха для посѣщенія Ананьинскаго могильника во время порученнаго ему объѣзда Вятской губерніи. Г. Лерхомъ также сдѣланы были раскопки какъ въ большомъ курганѣ, такъ и въ другомъ, подлѣ него, меньшемъ, и, кромѣ того, отъ Ананьинскихъ крестьянъ пріобрѣтено много вещей, добытыхъ ими изъ могильника ([33]). Хотя эти изслѣдованія и названы были въ Отчетѣ Коммиссіи за 1865 г. «окончательною развѣдкою» Ананьинскаго могильника, однако же одинъ изъ ревностныхъ розыскателей древности, г. Невоструевъ, посѣтивъ могильникъ въ іюлѣ 1870 г., нашелъ, «что разрыта только средина его, а оба бока, обѣщающіе еще довольно открытій, равно и другой, подлѣ разрытаго, меньшій курганъ, не вполнѣ еще изслѣдованы». Г. Невоструеву уда-

лось, въ свою очередь, пріобрѣсти отъ крестьянъ деревни Ананьино довольно много вещей, найденныхъ въ могильникѣ, почти исключительно бронзовыхъ и «нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ, называемыхъ у крестьянъ громовыми; главное-же—надгробный камень, хотя раздробленный на семь частей, но (по мнѣнію г. Невоструева) современный могильнику, съ изображеніемъ на немъ человѣка, въ ясно-обрисованномъ костюмѣ и вооруженіи». Человѣкъ этотъ изображенъ въ остроконечной шапкѣ, съ какими-то лопастями или концами, опускающимися на плеча (въ родѣ скиѳскаго башлыка). На шеѣ у него надѣта *гривна* (кольцеобразное ожерелье). Короткая одежда, въ родѣ кафтана, стянута около тальи поясомъ, на которомъ виситъ *съ правой стороны* короткій мечъ, формою своею напоминающій мечи, добытые изъ Ананьинскаго могильника. Большаго труда стоило г. Невоструеву отысканіе этого камня, о которомъ онъ узналъ по-наслышкѣ; употребивъ всѣ старанія къ отысканію его, онъ, наконецъ, нашелъ его у одного крестьянина, разбитымъ на восемь частей, изъ коихъ семь, собранныя съ разныхъ концовъ двора, и были уступлены неутомимому собирателю, а восьмой (въ общемъ составѣ изображенія не важный) пропалъ безслѣдно.

Рис. 43. Каменная плита, съ изображеніемъ воина, добытая изъ Ананьинскаго могильника.

Внутри большаго кургана, при его первоначальной раскопкѣ, оказались выложенныя изъ дикаго камня окружія съ однимъ входомъ, отдѣлявшія одну часть могильника отъ другой. Въ каждомъ такомъ окружіи отысканы были цѣльные костяки и отдѣльныя кости людей; въ нѣкоторыхъ частяхъ вскрытаго кургана отысканы были только одни черепа, положенные на особыхъ каменныхъ плитахъ. Иные изъ этихъ череповъ носятъ на себѣ слѣды ударовъ какимъ-то острымъ орудіемъ, въ видѣ пробоинъ и разсѣченій. Отдѣльныя кости принадлежали, по видимому, 46 или 48 скелетамъ людей, нѣкогда сожженныхъ на мѣстѣ могильника, и носили на себѣ признаки огня; цѣльные костяки, не подвергнувшіеся сожженію, лежали на обширныхъ одрищахъ изъ перетлѣвшихъ и обугленныхъ толстыхъ бревенъ. Чтобы дать полное понятіе о способѣ и подробно-

стяхъ погребенія въ Ананьинскомъ могильникѣ, заимствуемъ изъ отчета Г. Алабина описаніе остатковъ одного, болѣе прочихъ, замѣчательнаго скелета, повидимому, женскаго. «На одрѣ, сложенномъ изъ угля сгорѣвшихъ бревенъ и большихъ, стоймя поставленныхъ, кусковъ дерева,—оказался костякъ, лежавшій лицемъ къ сѣверу. Въ самомъ одрѣ и на поверхности его, у этого костяка, найдено много различныхъ вещей, а въ особенности горшковъ, наполненныхъ землистою массою и мелкими обугленными костями. Такихъ горшковъ находилось:—три большихъ подъ самою головою скелета, три маленькихъ у лѣвой щеки скелета, два горшечка у праваго бока, по два еще у обоихъ колѣнъ и одинъ у лѣвой ступни. Около головы найдено было украшеніе изъ глиняныхъ бусъ, покрытыхъ глазурью; у ногъ—бронзовыя бляшки и бронзовое ожерелье». Около костяковъ найдено было довольно много костей лошадиныхъ, а также и кости другихъ животныхъ, среди углей и пепла, собранныхъ въ грубо-лѣпленные горшки; при самыхъ костякахъ вырыто было множество оружія, утвари,

Рис. 44, 45, 46. Бронзовыя бляшки и желѣзное стремя, изъ Ананьинскаго могильника.

украшеній одежды и принадлежностей конской сбруи (см. рис. 44—46); наибольшая часть этихъ предметовъ сдѣлана изъ бронзы, меньшая часть изъ желѣза; нѣкоторая, наименьшая часть предметовъ, а именно наконечники стрѣлъ, найдены были сдѣланными изъ желѣза и изъ камня (кремневые). Присутствіе желѣзныхъ предметовъ среди предметовъ изъ бронзы ясно указываетъ на то, что всѣ найденныя въ могильникѣ вещи принадлежатъ къ концу бронзоваго вѣка, ко времени перехода отъ исключительнаго, преобладающаго употребленія бронзы къ замѣнѣ ея желѣзомъ. На древность могильника указываетъ и то обстоятельство, что всѣ предметы изъ желѣза представляютъ собою повтореніе формъ бронзоваго вѣка, въ видѣ кельтовъ, топоровъ, сѣкиръ и рѣзцовъ, и сдѣланы чрезвычайно грубо; бронзовые же топоры представляютъ, по своей формѣ, прямой переходъ отъ первобытной формы каменныхъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменнаго вѣка.

Что же касается ножей и кинжаловъ, то они всѣ желѣзные; нѣкоторые изъ нихъ снабжены черенками и рукоятками изъ бронзы, которыя, по формѣ своей, сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ, отрываемыхъ въ курганахъ западной Сибири. Украшенія—всѣ изъ бронзы—представляютъ собою жгутообразные шейные обручи и поручи, цѣпочки, застежки и бляшки для нашиванія на одежду; орнаментъ на этихъ вещахъ состоитъ изъ грубо-отлитыхъ головокъ звѣрей, драконовъ, концентрическихъ круговъ, спиралей и зубчатыхъ линій.

Изъ вещей, принадлежащихъ къ домашнему обиходу любопытны добытые изъ могильника: два шиферныхъ точильныхъ камня, желѣзный клинокъ отъ маленькаго ножичка, бронзовое долото и бронзовыя шилья.

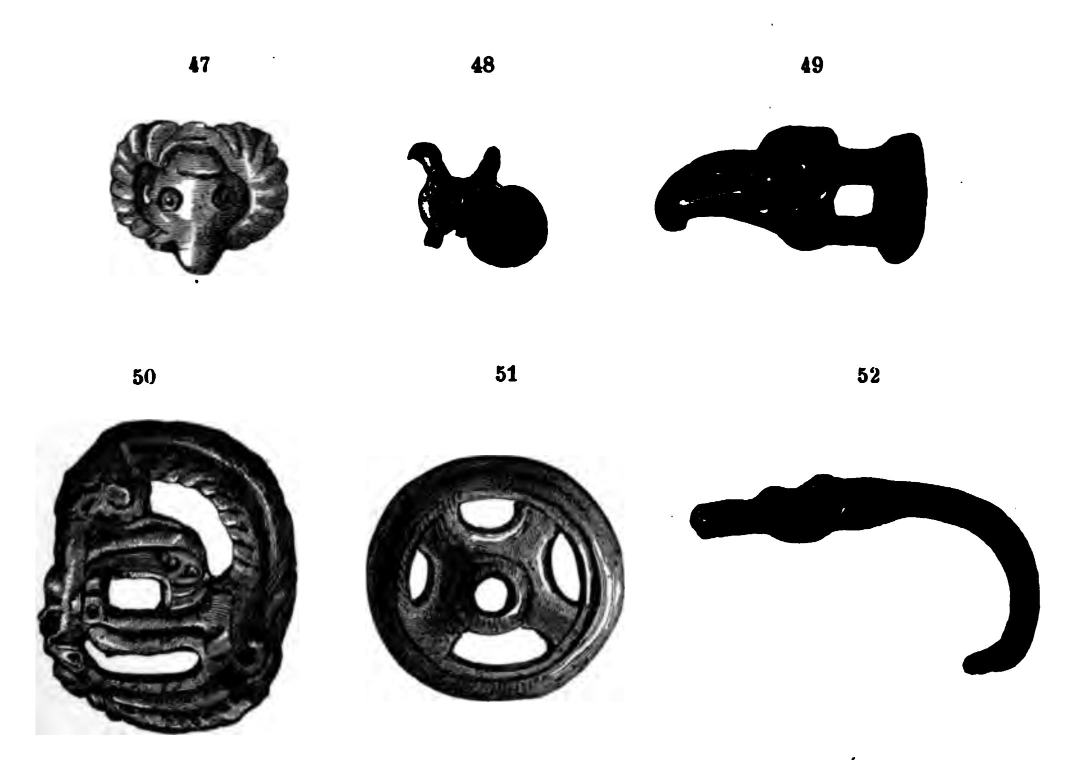

Рис 47—52. Бронзовые предметы, имѣющіе, какъ полагаютъ, символическое значеніе (оттуда-же).

Въ числѣ добытыхъ изъ могильника вещей вниманіе археологовъ въ особенности привлекла не большая группа предметовъ, которые могли имѣть значеніе только символическое или священное, можетъ быть, значеніе амулетовъ. Къ числу такихъ предметовъ слѣдуетъ отнести бронзовыя изображенія пѣтушка, бараньей головки и орлиной головки, изображеніе полумѣсяца, и бронзовое же колеско о четырехъ спицахъ, которое, какъ мы уже видѣли выше, являлось и среди предметовъ, добытыхъ изъ древнѣйшихъ скандинавскихъ могилъ бронзоваго вѣка ([36]).

Если ко всему сказанному о предметахъ, добытыхъ въ могильникѣ, добавимъ, что въ немъ не отыскано никакихъ признаковъ письма, никакихъ монетъ, что между вещами не найдено ни одной серебряной или золотой, которыхъ такъ много встрѣчается въ болѣе позднихъ могилахъ -бронзоваго и желѣзнаго вѣка, то нельзя не признать того, что Ананьинскій могильникъ принадлежитъ эпохѣ весьма отдаленной и народу, жившему между Волгой и Ураломъ за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. Какъ далеко шла отсюда на сѣверъ и сѣверо-западъ область распространенія бронзоваго вѣка—остается до сихъ поръ не извѣстнымъ. Что же касается до ея юго-западной границы, то она доходила до приднѣпровскихъ странъ, такъ какъ въ курганахъ скиѳскихъ, въ области р.р. Дона и Днѣпра, находимы были произведенія бронзоваго вѣка, которыя, по всей вѣроятности, заходили туда съ Урала [37].

СКИѲЫ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СКИѲЫ.

Общій видъ южно-русской степи.—Различные роды могильныхъ насыпей, попадающихся въ степи.—Каменныя бабы.—Слѣды древнихъ обитателей степи.—Значеніе колоній, основанныхъ Греками на берегахъ Понта.—Посѣщеніе сѣверныхъ прибрежій Понта Геродотомъ. –Свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ о Скиѳіи и Скиѳахъ.—Нечаянное открытіе въ Куль-Обской гробницѣ.—Розыски Геродотова Герроса.—Раскопки кургановъ въ Екатеринославской губ.—Внутреннее устройство и способъ раскопки большихъ могильныхъ насыпей.—Драгоцѣнныя находки въ Чертомлыцкомъ курганѣ.—Значеніе Куль-Обской и Чертомлыцкой вазъ для изученія скиѳскаго быта.—Извѣстія Геродота о Скиѳахъ, подтвержденныя и дополненныя данными, добытыми изъ Скиѳскихъ могилъ.—Соображенія о народности Скифовъ.—Скиѳы у позднѣйшихъ писателей.

Обширная площадь нынѣшней Европейской Россіи, какъ мы видѣли, была уже въ различныхъ мѣстахъ обитаема еще въ древнѣйшій, первобытный періодъ каменнаго вѣка. Мы видѣли также, какіе именно слѣды оставили вѣкъ каменный, а за нимъ и вѣкъ бронзовый—въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Важнѣйшую долю древнихъ остатковъ, сохранившихъ намъ память объ этой отдаленной старинѣ, находятъ обыкновенно въ тѣхъ могильныхъ насыпяхъ, которыя, подъ названіемъ сопокъ и кургановъ, тянутся на огромныя пространства по берегамъ рѣкъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи, и почти покрываютъ собою привольныя, черноземныя степи нашего. Юга.

Около нѣкоторыхъ пунктовъ степи замѣчается особенно-большое скопленіе подобныхъ могильныхъ насыпей, какъ бы свидѣтельствующее о томъ, что населеніе степи именно въ этихъ пунктахъ собиралось особенно охотно и кочевало въ бо́льшемъ количествѣ. Трудно, конечно, рѣшить въ настоящее время, что именно привлекало степное населеніе при его перекочевкахъ къ тѣмъ или другимъ мѣстамъ степи, но, вѣроятно, условія, дѣйствовавшія на привлеченіе кочевниковъ, были усло-

віями довольно постоянными, такъ какъ въ подобныхъ мѣстностяхъ мы замѣчаемъ могилы не одного поколѣнія, не одного племени, а цѣлаго наслоенія племенъ, послѣдовательно перешедшихъ черезъ нашу южную степь, въ теченіе многихъ вѣковъ ея исторической жизни. Рядомъ встрѣчаются въ нашей южной степи могилы лихаго наѣздника казака-запорожца и заклятаго врага его—крымскаго татарина, и могилы скиѳскихъ царей, полныя драгоцѣннѣйшихъ утварей, принадлежащихъ по работѣ цвѣтущему періоду греческаго искусства, и бѣдныя могилы какихъ-то древнихъ, безъимянныхъ народовъ-пастырей, незнавшихъ ни бронзы, ни желѣза.

Самая внѣшность могилъ, чрезвычайно разнообразная, указываетъ уже на то, что всѣ онѣ насыпаны не однимъ какимъ-нибудь племенемъ,

Рис. 53. Александропольскій курганъ.

а — напротивъ того — многими племенами, которыя здѣсь проходили, останавливались и жили, пріобрѣтали имя и значеніе въ исторіи или безслѣдно для нея исчезали. И дѣйствительно, это различіе въ историческомъ значеніи отчасти выражается и въ характерѣ могильныхъ насыпей, которыя встрѣчаются въ степи. Большая часть кургановъ очень не значительна по объему, аршина 3—4 въ отвѣсѣ, и при томъ бока имѣютъ очень отлогіе, и отлогость эта въ такой степени увеличивается со временемъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій степной природы, что самыя насыпи наконецъ почти приравниваются къ окружающей ихъ степной поверхности. Такое постепенное пониженіе могильныхъ насыпей давало нѣкоторымъ изъ нашихъ ученыхъ поводъ къ предположенію, что эти насыпи вовсе не были дѣломъ рукъ человѣ-

ческихъ. Одинъ изъ нашихъ академиковъ, проѣзжая южною степью, замѣтилъ даже, что «по всей вѣроятности, эти бугры накиданы извѣстнаго рода сурками или байбаками, которыхъ ему не однократно приводилось заставать надъ подобною работою во время путешествія въ Киргизскую степь». ([38])

Но рядомъ съ этими стародавними, сравнявшимися съ землею, насыпями, встрѣчаются въ степи и другаго рода памятники, которые ужъ никакъ нельзя отнести къ работѣ сурковъ, даже и съ перваго взгляда. Памятники эти — курганы средней величины, въ высоту отъ двухъ до четырехъ саженъ и въ окружности около ста саженъ — представляютъ собою цѣлыя кладбища или могильники, прикрытые одною общею насыпью. Попадаются, кромѣ этихъ, среднихъ кургановъ, и другіе, гораздо болѣе замѣчательные; это большія насыпи, имѣющія около десяти саженъ высоты и болѣе полутораста саженъ въ окружности. Нѣкоторыя изъ такихъ большихъ насыпей, извѣстныя подъ названіемъ *толстыхъ могилъ*, представляютъ собою правильныя сооруженія, надъ которыми очевидно трудились много и долго, трудились руки опытныя въ земляныхъ работахъ и притомъ возводившія свое сооруженіе по опредѣленному, строго обдуманному плану. Бока такихъ громадныхъ могилъ обыкновенно бываютъ подперты снизу цоколемъ или обкладкой изъ громадныхъ, каменныхъ плитъ, въ 4—5 аршинъ длины, и все сооруженіе оказывается на столько прочнымъ, что, вѣроятно, даже мало измѣнилось въ своей внѣшности въ теченіе тѣхъ 2000 лѣтъ, которыя давно уже минули многимъ изъ подобныхъ кургановъ.

Рис 54. Каменная баба изъ придонскихъ степей.

Встрѣчается еще въ степи много могилъ и меньшей величины, но тоже обложенныхъ вокругъ камнемъ; есть, наконецъ, и могилы совершенно плоскія, безъ насыпи, кругомъ огражденныя стоймя вры-

тыми большими плоскими камнями, подобно могиламъ, доселѣ существующимъ въ Сибири и сѣверныхъ частяхъ средней Азіи.

Съ тѣми же отдаленными частями Азіи связываетъ нашу южную степь и еще одинъ родъ памятниковъ, встрѣчающихся всюду на могильныхъ насыпяхъ:—такъ называемыя «каменныя бабы». Подъ этимъ именемъ извѣстны грубоизваянные изъ камня истуканы, представляющіе то особъ мужескаго, то особъ женскаго пола, иногда въ совершенно обнаженномъ видѣ, иногда въ одеждѣ и вооруженіи съ довольно ясными признаками подробностей костюма и головнаго убора. Нѣкоторая часть каменныхъ бабъ представляетъ собою чисто-монгольскій типъ, особенно по формѣ глазъ. Нерѣдко между этими изваяніями встрѣчаются и такія, въ которыхъ нѣтъ ничего монгольскаго. Кѣмъ и когда они были поставлены на курганы—это остается до сихъ поръ вопросомъ нерѣшеннымъ. Достовѣрно извѣстно намъ только то, что Рубруквисъ, миноритскій монахъ и посланникъ короля Людовика IX къ Мангу-хану въ 1253 г., уже видѣлъ въ нашихъ южныхъ степяхъ эти каменныя изваянія и описалъ ихъ подробно въ своемъ путешествіи. Но эти, каменныя бабы и тогда уже были такою древностью, о которой никто не могъ дать Рубруквису опредѣленныхъ свѣдѣній.

Новѣйшія-же изслѣдованія и сравненія различныхъ каменныхъ изваяній, извѣстныхъ подъ названіемъ «бабъ», привели къ тому любопытному выводу, что изваянія совершенно подобныя-же встрѣчающимся въ нашей южной степи, попадаются и на Востокѣ, въ степяхъ Оренбургскаго края, и въ далекой Сибири (въ Минусинскѣ и въ Семипалатинской области), а на Западѣ тянутся въ предѣлахъ Россіи до границъ Галиціи и Царства Польскаго (Калишская губ.). Ученые предполагаютъ, что «всѣ изваянія, извѣстныя подъ именемъ каменныхъ бабъ, по общему между ними сходству и по существующему между этими изваяніями общему типу, какъ въ расположеніи фигуръ, такъ и въ подробностяхъ, должны принадлежать одному и тому-же народу, но на разныхъ степеняхъ его развитія». Наиболѣе грубыя изъ этихъ изваяній воздвигнуты еще въ концѣ бронзоваго вѣка; болѣе совершенныя принадлежатъ вѣку желѣзному; немногія относятся къ еще болѣе близкому времени, къ III—IV в. по Р. Хр. ([39])

И такъ, наша южная степь, даже и на первый взглядъ, и для каждаго, не посвященнаго въ археологію, наблюдателя представляетъ собою живую страницу изъ исторіи нашего Юга,—страницу, на которой народы, когда-либо избиравшіе югъ Россіи своимъ мѣстопребываніемъ, оставляли неизгладимые слѣды. Изъ предшествующаго обзора могильныхъ насыпей мы могли уже видѣть, что слѣды этихъ давнихъ насельниковъ нашего Юга на-столько разнятся между собою, что ихъ смѣшать не возможно, и что они сами собою говорятъ о тѣхъ

эпохахъ, которыя пережиты нашимъ Югомъ, о тѣхъ наслоеніяхъ племенъ, которыя въ эти эпохи постепенно наплывали на наши степи, владѣли ими нѣкоторое время, и изчезали подъ новыми, нахлынувшими на нихъ, волнами народовъ.

Изслѣдованіе могильныхъ насыпей нашей южной степи началось уже весьма давно, т. е. съ половины прошлаго вѣка; однако-же раскопки ихъ, даже и весьма тщательныя, и весьма дѣятельныя, конечно, не ознакомили-бы насъ съ послѣдовательнымъ ходомъ древнѣйшей исторіи нашего Юга, еслибъ эта исторія не была тѣсно связана съ исторіею богатѣйшихъ греческихъ колоній, явившихся на сѣверномъ

Рис. 55, 56. Каменныя бабы изъ приднѣпровскихъ степей.

берегу Понта, уже въ VI и VII вѣкѣ до Р. Хр.... «Въ періодѣ греческой жизни до македонскаго похода въ Азію»—замѣчаетъ А. Гумбольдтъ—«было три событія, имѣвшія огромное вліяніе на расширеніе горизонта греческаго міросозерцанія. Эти событія—попытки проникнуть изъ бассейна Средиземнаго моря на востокъ и на западъ, и основаніе многочисленныхъ колоній отъ Геркулесовыхъ столбовъ до сѣверо-восточной части Понта, колоній, которыя, по своему политическому строю, были разнообразнѣе и болѣе брагопріятствовали успѣхамъ духовной образованности, чѣмъ колоніи Финикіянъ и Карѳагенянъ въ Эгейскомъ морѣ, въ Сициліи, въ Иберіи, у сѣверныхъ и западныхъ береговъ Африки». ([40])

«Къ Скиѳамъ, въ теченіе двухъ столѣтій, въ VI и VII вв. до Р. Хр., стали приходить греческіе поселенцы, тѣснимые на родинѣ врагами и политическими партіями, и основывать тамъ колоніи, которыя, благодаря трудолюбію, торговымъ сношеніямъ, смышлености и уму пришлецовъ, превратились въ богатые, цвѣтущіе города, каковы были Ольвія, Пантикапея и Фанагорія. Новые переселенцы перенесли на дикіе берега безпріютнаго моря, вмѣстѣ съ своею вѣрою, и свой языкъ, и свою цивилизацію: цвѣтущій югъ нынѣшней Россіи, принявшій имя Босфора Киммерійскаго, измѣнилъ совершенно свою физіономію. Эллинская цивилизація смягчила нравы первобытныхъ жителей. Повсюду, въ городахъ и поселеніяхъ, въ рощахъ и на утесистыхъ мысахъ, возвышались храмы, сооруженные болѣе гуманнымъ богамъ, не требовавшимъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, столь обычныхъ у Скиѳовъ. На огромномъ пространствѣ господствующимъ сдѣлался языкъ греческій. Отъ устьевъ Дуная, по всѣмъ берегамъ Чернаго моря, слышалась одна рѣчь и господствовала здѣсь въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, до временъ византійскихъ, чтó доказывается множествомъ надписей, тутъ найденныхъ. Всѣ города были заложены, по образцу греческихъ, съ правильными улицами, съ акрополемъ, агорой, гимназіей и театрами. Живая и дѣятельная торговля обогащала ихъ. Но что въ особенности отличало греческія колоніи во всѣхъ странахъ міра, было то, что онѣ переносили съ собой на новую родину и свое искусство, этотъ мощный рычагъ цивилизаціи человѣческаго рода. Греческіе художники слѣдовали за переселенцами, и ихъ-то произведенія наложили окончательную печать эллинизма на новозавоеванную во имя цивилизаціи страну. Они-то украшали храмы изображеніями боговъ, площади—статуями доблестныхъ гражданъ и частную жизнь безчисленными произведеніями». Вслѣдъ за художниками пришли ораторы, риторы, поэты.... Духовная и умственная жизнь быстро стала развиваться среди благопріятныхъ мѣстныхъ условій, способствовавшихъ быстрому развитію матеріальнаго благосостоянія. ([41])

Въ пятомъ вѣкѣ до Р. Хр., Геродотъ, правдивѣйшій и проницательнѣйшій изъ греческихъ историковъ, посѣтилъ сѣверные берега Понта, побывалъ въ греческихъ колоніяхъ близь устья Днѣстра и Днѣпра, и занесъ въ свою исторію значительную долю того, что ему тамъ удалось увидѣть и услышать. Благодаря ему, мы имѣемъ возможность догадываться о томъ, кто именно населялъ наши южныя степи въ этотъ отдаленный періодъ времени, и только теперь, когда «скупая земля выдаетъ намъ часть сокровищъ, хранящихся въ могилахъ Скиѳовъ и Грековъ» — только теперь въ состояніи мы оцѣнить все значеніе и достоинство такого безцѣннаго сокровища, какъ разсказъ Геродота о Скиѳіи.

Геродотъ даетъ общее названіе Скиѳовъ племенамъ, обитавшимъ отъ устьевъ Дона по прибрежьямъ Понта Евксинскаго. Чтобы ближе ознакомиться съ тѣмъ пространствомъ, которое занимала страна, обитаемая Скиѳами, Геродотъ предлагаетъ читателямъ своимъ даже и графическое изображеніе ея: онъ представляетъ ее въ видѣ равносторонняго прямоугольника, нижняя граница котораго простиралась отъ устья Дуная почти до устья Дона, захватывая и значительную долю Таврическаго полуострова. Длина этой границы измѣряется Геродотомъ очень наглядно: онъ считаетъ отъ устьевъ Дуная 10 дней пути на Днѣпровскаго лимана и столько-же отъ Днѣпровскаго лимана до востокъ къ Азовскому морю. Если на линіи этой южной границы мы построимъ остальныя стороны прямоугольника, простирая ихъ то сѣверъ также на 20 дней пути внутрь страны (около 600 верстъ), на мы получимъ нѣкоторое представленіе о границахъ Геродотовой Скиѳіи. Называя Скиѳовъ однимъ народомъ, Геродотъ однако-же подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько племенъ и не только даетъ каждому изъ нихъ особое названіе, но даже старается охарактеризовать называемое имъ племя или страну, обитаемую имъ, какою-нибудь особою чертою. Такъ напр., называя скиѳское племя Каллипидовъ, ближайшее къ богатой и могущественной Ольвіи, Геродотъ замѣчаетъ, что это—племя смѣшанное изъ Грековъ и Скиѳовъ. Выше Каллипидовъ живутъ, по Геродоту, Алазоны; какъ Алазоны, такъ и Каллипиды, во всемъ слѣдуютъ обычаямъ Скиѳовъ, кромѣ того, что сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазановъ живутъ *Скиѳы-оратаи*, «которые хлѣбъ сѣютъ не только для ѣды, но и для продажи»,—другими словами земледѣльцы по *преимуществу*. Но указывая на эту черту различія между Алазонами и Скиѳами-оратаями, Геродотъ этимъ самымъ даетъ возможность предположить, что Алазоны, вѣроятно, и по самымъ условіямъ территоріальнымъ, не могли избрать земледѣлія исключительнымъ занятіемъ, а по своему положенію на важномъ торговомъ пути Юга съ сѣверомъ Европы, вѣроятно, должны были отдавать преимущество транзитной торговлѣ передъ всѣми другими занятіями. Напротивъ того, Скиѳы-оратаи потому именно обращались къ земледѣлію, какъ занятію исключительному, что ихъ трудъ хорошо вознаграждался благодатными почвенными условіями ихъ области, доставляя имъ полную возможность снабжать сосѣдей избыткомъ своего промысла. Къ востоку отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, по указанію Геродота, обитали Скиѳы-пастыри, вовсе не занимавшіеся хлѣбопашествомъ. Земли ихъ тянулись до Донца; а за Донцомъ и по низовьямъ Дона, даже до горъ Таврическихъ на Югѣ,—простирались земли Скиѳовъ-Царскихъ, господствующаго Скиѳскаго племени, почитавшаго д[illegible]ъ Скиѳовъ своими рабами.

Крайній востокъ, [illegible] Дономъ, Геродотъ населяетъ обшир-

нымъ, но очевидно мало извѣстнымъ ему племенемъ Савроматовъ. Онъ перечисляетъ и другіе народы, обитавшіе въ восточной Европѣ, но внѣ предѣловъ Скиѳіи, и сообщаетъ о нихъ извѣстія, по своему баснословному характеру рѣзко-отличающіяся отъ извѣстій о Скиѳіи; такъ напримѣръ разсказываетъ онъ о какихъ-то людоѣдахъ, живущихъ за Неврами на сѣверо-западѣ, или объ одноглазыхъ людяхъ и чудовищныхъ Грифахъ, стерегущихъ золото за племенемъ Иссидоновъ на сѣверо-востокѣ. О бассейнѣ Волги Геродотъ не могъ получить никакихъ положительныхъ свѣдѣній и направленіе самаго Днѣпра, хорошо знакомаго Геродоту въ низовьяхъ, достовѣрно извѣстно ему только до пороговъ. По всей вѣроятности, достовѣрныя географическія свѣдѣнія греческихъ колонистовъ, въ Геродотово время, не восходили выше этихъ предѣловъ, отчасти, можетъ быть, и потому, что колоніи эти не стояли въ непосредственныхъ сношеніяхъ ни съ сѣверомъ, ни съ сѣверо-востокомъ, и предпріимчивые Греки уже и въ то время встрѣчали на среднемъ теченіи Днѣпра и на пространствѣ между Волгою и Дономъ другія торговыя племена, которыя служили имъ посредствующимъ звѣномъ въ сношеніяхъ съ отдаленными странами сѣвера и сѣверо-востока. Одною изъ такихъ посредствующихъ торговыхъ станцій представляется намъ на далекомъ сѣверо-востокѣ, въ землѣ Будиновъ, тотъ деревянный городъ Гелонъ, который и населенъ былъ не Будинами, а выходцами-греками изъ греческихъ приморскихъ городовъ. Жители этого Гелона даже и говорили на смѣшанномъ, полу-скиѳскомъ языкѣ.

Общее названіе *Скиѳъ*, а также и тѣ немногія слова скиѳскаго языка, которыя сохранилъ Геродотъ, не истолкованы еще до настоящаго времени достаточно ясно. Разборъ этихъ важныхъ названій и словъ принадлежитъ будущему филологической науки. Но по особенному счастію для насъ и для древнѣйшей исторіи нашего Юга, Геродотъ не ограничился однимъ краткимъ географическимъ очеркомъ Скиѳіи, а, по обычаю своему, прибавилъ къ нему и превосходный очеркъ скиѳскихъ нравовъ и обычаевъ, составляющій одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и самыхъ любопытныхъ страницъ его безсмертнаго творенія. Этотъ-то очеркъ скиѳскихъ нравовъ, подтвержденный изслѣдованіемъ могильныхъ насыпей въ нашихъ южныхъ степяхъ и даетъ многимъ ученымъ право не безъ основанія предполагать въ Скиѳахъ предковъ Славянъ.

Геродотъ рисуетъ намъ Скиѳовъ народомъ воинственнымъ и храбрымъ, у котораго мужество на войнѣ уважалось на столько-же, на сколько и любовь къ родинѣ и роднымъ обычаямъ. Нравы Скиѳовъ онъ описываетъ не только суровыми, жестокими, но даже кровожадными. Высшимъ богомъ является у Скиѳовъ богъ войны, которому не строили ни капищъ, ни храмовъ, изображеніемъ грознаго божества

являлся старый желѣзный мечъ, поставленный на высокомъ холмѣ изъ прутьевъ. Ему ежегодно приносятъ въ жертву скотъ и лошадей; ему же и одного изъ сотни враговъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ. «Возливъ вино на головы людей,—такъ описываетъ Геродотъ скиѳскія человѣческія жертвоприношенія—зарѣзываютъ ихъ надъ сосудомъ, потомъ несутъ кровь на курганъ изъ прутьевъ и льютъ ее на мечъ». Еще болѣе оказываются жестокими ихъ военные обычаи: Скиѳы пьютъ кровь перваго, убитаго ими, врага, сдираютъ кожу (скальпъ) съ головы убитаго противника и, какъ трофей побѣды, вѣшаютъ ее на узду своего коня; кожу, содранную съ рукъ врага, обращаютъ въ обивку для своихъ колчановъ; изъ верхней части череповъ вражескихъ дѣлаютъ чаши, оправляя ихъ то въ кожу, то въ золото, и хвалятся ими на пирахъ передъ иноземцами».

При заключеніи союзовъ и принесеніи клятвы, Скиѳы опять прибѣгаютъ къ крови и оружію: «наливъ вина въ большую глиняную чашу, мѣшаютъ его съ кровью заключающихъ договоръ, уколовъ шиломъ или порѣзавъ ножомъ ихъ тѣло; потомъ погружаютъ въ чашу саблю, стрѣлы, сагаръ (родъ топора) и дротикъ. По совершеніи сего, произносятъ многія заклятія. Потомъ выпиваютъ чашу и заключавшіе союзъ, и важнѣйшіе изъ ихъ свиты».

Похваляя мужество Скиѳовъ и превознося ихъ воинскіе подвиги, Геродотъ всюду рисуетъ ихъ тактику, какъ тактику всѣхъ степныхъ народовъ: война постоянно на конѣ, завлеченіе непріятеля въ глубь безлѣсной и безводной степи, нападеніе изъ засады, быстрый и безпощадный натискъ на оплошнаго врага. Скиѳъ, на столько же неразлучный съ конемъ, какъ съ лукомъ и стрѣлами, конечно, представляется у Геродота отличнымъ наѣздникомъ и отличнымъ стрѣлкомъ. Любопытенъ и еще одинъ обычай, упоминаемый Геродотомъ и, очевидно, составляющій также принадлежность воинственнаго племени, бытъ котораго былъ тѣсно связанъ съ его страстью къ войнѣ, находившей себѣ столь обширное примѣненіе въ привольныхъ степяхъ, лежавшихъ на рубежѣ Азіи, этой колыбели народовъ. «Ежегодно»—говоритъ Геродотъ—«каждый улусный старшина собираетъ Скиѳовъ своего улуса, растворяетъ чашу вина, которую пьютъ всѣ, истреблявшіе непріятелей на войнѣ. Не отличившихся военными подвигами старшина этимъ виномъ не угощаетъ: сидятъ они особо, безъ всякой почести, и это почитается у нихъ за ве-

Рис. 57. Скиѳы, пьющіе изъ рога.

ликое безчестье. Кто же убилъ очень много непріятелей, тѣ связываютъ даже и по два стакана и изъ обоихъ пьютъ вмѣстѣ».

Само собою разумѣется, что и у Скиѳовъ, какъ у всякаго воинственнаго племени, смерть и погребеніе должны были обставляться самыми пышными, торжественными обрядами. Даже и простыхъ смертныхъ родственники хоронятъ не сразу, а сначала, *въ теченіе сорока дней*, обвозятъ по всѣмъ ихъ друзьямъ; каждый изъ друзей угощаетъ провожатыхъ богатымъ пиромъ, предлагая и мертвецу то же, что и другимъ». Послѣ такого сорокадневнаго объѣзда, покойника погребаютъ. Похоронивъ его, Скиѳы очищаютъ себя слѣдующимъ образомъ: изъ трехъ жердей и навѣшенныхъ на нихъ войлоковъ устраиваютъ плотно закрытый шалашъ, «потомъ въ ванну, стоящую посреди этого шалаша, бросаютъ раскаленное въ огнѣ каменье»,—и такимъ образомъ парятся.

Если смерть простого Скиѳа составляла для его родни и друзей такое событіе и вынуждала къ такимъ хлопотливымъ и дорогимъ церемо-

Рис. 58. Каменная гробница, найденная въ Луговой могилѣ.

ніямъ, то смерть скиѳскаго владѣтеля или царя производила волненіе во всей странѣ, до отдаленнѣйшихъ ея предѣловъ, тѣмъ болѣе, что, по издревле установившемуся обычаю, царей можно было хоронить только въ одномъ мѣстѣ Скиѳіи — въ Геррахъ.

«Гробницы царей»—повѣствуетъ Геродотъ—«находятся въ Геррахъ, въ томъ мѣстѣ, до коего можно плыть по Борисѳену. Тамъ, когда умретъ у нихъ царь, вырываютъ большую четвероугольную яму. Тѣло навощиваютъ, разрѣзываютъ брюхо, вычищаютъ его, наполняютъ изрубленнымъ ситовникомъ *), благовоніями, сѣменемъ петрушечнымъ и анисовымъ; потомъ зашиваютъ и везутъ тѣло на колесницѣ къ другому на-

*) *Ситовникъ* — земляной миндаль (Cyperus esculentus), на востокѣ и въ Европѣ, травянистое растеніе, клубни котораго содержатъ въ себѣ жирное масло и вкусомъ напоминаютъ миндаль.

роду. Кто привезенное тѣло приметъ, дѣлаютъ тоже, что и Царскіе Скиѳы: урѣзываютъ себѣ ухо, остригаютъ волосы, порѣзываютъ кругомъ мышцы, царапаютъ лобъ и ноздри, и прокалываютъ лѣвую руку стрѣлами. Отсюда везутъ тѣло царево къ другому народу, Скиѳамъ подвластному, а тѣ, къ кому привезено оно было прежде, сопровождаютъ его. Объѣхавъ съ тѣломъ всѣхъ, привозятъ оное къ Геррамъ, послѣднему изъ народовъ, подвластныхъ Скиѳамъ, гдѣ находится мѣсто погребенія. Тутъ кладутъ тѣло въ ложницѣ на кровати и, водрузивъ по сторонамъ его копья, сверху ихъ кладутъ брусья, на коихъ потомъ дѣлаютъ крышу изъ ивовыхъ прутьевъ. Въ остальномъ же пространствѣ ложницы, удушивъ одну изъ наложницъ царевыхъ, виночерпія, повара, конюшаго, письмоводца, вѣстоносца, лошадей—погребаютъ съ первенцами всего прочаго имущества и золотыми фіалами; ибо серебра и мѣди не употребляютъ. Совершивъ сіе, всѣ наперерывъ засыпаютъ покойника землею, стараясь сдѣлать могилу какъ можно выше».

Какъ ни велико было это торжество погребенія, но оно не заканчивалось тѣмъ, что надъ могилою воздвигалась громадная насыпь, на память будущимъ вѣкамъ. Черезъ годъ по смерти царя совершались на его могилѣ поминки—лилась снова кровь. На могилѣ закалывали пятьдесятъ лучшихъ коней и пятьдесятъ лучшихъ слугъ царскихъ. Трупы коней на особыхъ подставахъ разставляли кругомъ могилы, а на трупы лошадей сажали верхомъ трупы удавленныхъ юношей, пропустивъ сквозь тѣло ихъ колъ и укрѣпивъ его въ той жерди, которою пробито было тѣло лошади. Поставивъ такимъ образомъ всадниковъ кругомъ могильнаго холма, всѣ удалялись... Жертва, достойная народа степнаго, для котораго конь былъ важнѣйшею частью его достоянія, а жизнь человѣческая не имѣла большой цѣны!

Прошли тысячелѣтія послѣ того, какъ Геродотовъ разсказъ былъ написанъ. Исчезли давнымъ давно не только слѣды посѣщенныхъ имъ богатѣйшихъ греческихъ колоній, но и слѣды тѣхъ могущественныхъ народовъ, которые стерли ихъ съ лица земли. Имя «Скиѳовъ» начинало позабываться и давало поводъ только къ географическимъ спорамъ; правдивымъ разсказамъ Геродота о бытѣ Скиѳовъ, о ихъ нравахъ, о несмѣтныхъ богатствахъ, которыми они обладали, о торжественныхъ погребеніяхъ скиѳскихъ царей начинали не довѣрять, относя ихъ къ области басень... И вдругъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, совершенно неожиданное открытіе дало возможность на мгновенье заглянуть въ это отдаленное прошлое, и блистательно подтвердило разсказы Геродота: одному изъ археологовъ-любителей представился случай (съ тѣхъ поръ, увы! не повторившійся болѣе) увидѣть въ одномъ изъ кургановъ южной Россіи полную, дивно-сохранившуюс [illegible] погребенія скиѳскихъ владыкъ, во всемъ ея высокотор [illegible] олѣпіи. Это

случилось въ окрестностяхъ Керчи, вообще богатыхъ курганами и доставившихъ Императорскому Эрмитажу драгоцѣнный музей, извѣстный подъ названіемъ «Отдѣленія Керченскихъ Древностей».

Въ Сентябрѣ 1831 года, по распоряженію начальства, назначено было доставить въ Керчь, для постройки казармъ, нѣсколько сотъ саженъ тесанаго камня, а такъ какъ этотъ камень жители Керчи обыкновенно въ ту пору добывали изъ кургановъ, ни мало не тревожась тѣмъ, что это служитъ къ разрушенію историческихъ памятниковъ, то и на этотъ разъ за тесанымъ камнемъ отправились за 6 верстъ отъ города къ нетронутому еще кургану, прозванному Татарами Куль-Оба (т. е. *земля пепла*). Добывая изъ него камни, 21 Сентября открыли внутри его могильный склепъ, котораго входъ былъ тщательно заложенъ. Сдѣлавъ сверху отверстіе, открыватель вошелъ въ склепъ. Вотъ что представилось его глазамъ:

Подъ балдахиномъ, на возвышенномъ ложѣ, въ деревянныхъ саркофагахъ лежали царь и царица. Митра царя была украшена двумя золотыми повязками. На шеѣ находилось шейное кольцо изъ массивнаго золота. Много золотыхъ колецъ покрывали его руки. Возлѣ него лежало царское оружіе: мечь съ золотой рукоятью, золотой скипетръ, безцѣнный щитъ изъ массивного золота и золотое налучье. Голова царицы была украшена точно такою же митрою, съ превосходными повязками. Шея ея была украшена золотыми обручами и пятью золотыми медальонами. На обоихъ, на царѣ и царицѣ, одежда была украшена золотыми бляхами. Оба саркофага были окружены множествомъ драгоцѣнныхъ сосудовъ изъ золота и серебра; въ числѣ ихъ находился одинъ сосудъ, драгоцѣнный по изображеніямъ сценъ изъ домашняго быта Скиѳовъ, музыкальный инструментъ превосходнѣйшей работы, съ гравированными на немъ фигурами, электровыя статуэтки и т. д.

Пока открыватель съ археологическою точностью описывалъ положеніе каждаго предмета, въ Керчи разнеслась вѣсть о сокровищахъ, открытыхъ въ курганѣ Куль-Оба. Утомленный трехдневными трудами, простодушный открыватель покинулъ склепъ, оставивъ его подъ присмотромъ полицейскаго чиновника съ двумя служителями. Произошло нѣчто неслыханное: ночью, шайка грабителей, оттолкнувъ часовыхъ, проникла въ склепъ, пренебрегая всѣми опасностями, грозившими жизни дерзновенныхъ, такъ какъ потрясенный каменный сводъ ежеминутно грозилъ рухнуть внутрь гробницы. Началась страшная сцена грабежа: похитители безжалостно ломали тѣ предметы, за которые хваталось нѣсколько человѣкъ, и по-ровну дѣлили ихъ между собою. Но этого мало! Въ самомъ разгарѣ грабежа, грабители услышали, что каменный полъ, находившійся подъ ногами ихъ, издаетъ глухой гулъ. Тотчасъ подняты были каменныя плиты, и подъ верхнимъ склепомъ

открытъ нижній, въ которомъ былъ схороненъ отецъ или прадѣдъ скиѳскаго царя. Говорятъ, что находки того склепа были еще богаче...

Когда открыватель на другое утро (24 Сентября) явился на мѣсто своей находки, онъ увидѣлъ, что склепъ совершенно расхищенъ: только кое-гдѣ на полу валялись забытыя и растерянныя бляхи отъ одежды. Позднѣе, на вѣсъ золота, подъ обѣщаніемъ полной безнаказанности, удалось скупить часть похищенныхъ предметовъ, составляющихъ нынѣ главное сокровище Императорскаго Эрмитажа. Все прочее попало тайкомъ въ плавильный горшокъ и исчезло безслѣдно. Такъ погибли навсегда для науки безцѣннѣйшія произведенія древняго искусства» ([43]).

По счастью, въ числѣ предметовъ, сохранившихся отъ этой замѣчательной находки, уцѣлѣла драгоцѣнная небольшая ваза, на ко-

Рис. 60. Сцена совѣщанія съ Куль-Обской вазы.

торой Скиѳы превосходно изображены со всѣми подробностями своего костюма и вооруженія. Мы воспроизводимъ ее здѣсь вполнѣ, въ натуральную величину *), и затѣмъ, въ отдѣльныхъ медальонахъ, даемъ три остальныхъ сцены, размѣщенныя художникомъ вокругъ вазы. Замѣтимъ кстати, что ваза сдѣлана не изъ чистаго золота, а изъ *электрона*, особаго сплава золота и серебра, который, по показанію Плинія, состоялъ изъ 4-хъ частей золота и одной части серебра ([44]).

Главною группою изъ числа четырехъ, изображенныхъ на Куль-Обской вазѣ, слѣдуетъ, конечно, считать *сцену совѣщанія*, въ ко-

*) $3^1/_2$ вершка вышины; 3 вершка въ поперечникѣ нижней части; 2 неполныхъ—въ поперечникѣ верхней части. См. рис. 59, приложенный нами въ началѣ этого выпуска.

торой скиѳскій вождь (судя по повязкѣ на головѣ), сидя на небольшомъ земляномъ бугоркѣ и опираясь на копье, слушаетъ то, что передаетъ ему другой Скиѳъ, который, по степному, сидитъ на землѣ, поджавъ ноги. Вождь приложилъ лобъ къ древку копья, и слушаетъ молча, а Скиѳъ, сидящій передъ нимъ, судя по выраженію лица и жестамъ, разсказываетъ что-то съ большимъ оживленіемъ. Обращая вазу вправо,—вслѣдъ за этою группою, встрѣчаемъ мы другую, состоящую изъ одной фигуры: Скиѳъ, преклонивъ колѣно, старается натянуть тетиву на лукъ. Далѣе, въ томъ же направленіи, слѣдуютъ еще двѣ группы—каждая изъ двухъ лицъ. На первой, одинъ Скиѳъ щупаетъ у другаго во рту зубъ, на который обращено все его вниманіе. Лицо паціента выражаетъ страданіе отъ физической боли: онъ даже крѣпко схватилъ щупающую руку своего врача. На второй группѣ, Скиѳъ перевязываетъ рану на ногѣ того же Скиѳа-паціента. Всѣ участвующіе въ группахъ Скиѳы одѣты одинаково, и одинаково неразлучны со своимъ любимымъ оружіемъ, не большимъ лукомъ, вложеннымъ въ налучье, съ особымъ при немъ карманомъ для стрѣлъ. Часть этого налучья, съ концомъ лука, торчащаго изъ-за спины Скиѳа, можетъ даже показаться для непривычнаго глаза чѣмъ-то въ родѣ спинки стула, хотя дѣйствіе всѣхъ вышеописанныхъ группъ, очевидно, происходитъ въ степи, на голой землѣ, какъ это видно изъ того, что художникъ не забылъ на своемъ произведеніи изобразить и траву, и цвѣты у ногъ Скиѳовъ ([45]).

Нельзя отрицать того, что открытіе, сдѣланное въ Куль-Обской гробницѣ, много способствовало возбужденію въ средѣ нашихъ ученыхъ вновь интереса къ розысканіямъ въ области скиѳскихъ древностей. Но, собственно говоря, только въ концѣ 50-хъ годовъ, вслѣдствіе открытій, сдѣланныхъ въ Малой-Азіи и весьма важныхъ для исторіи Скиѳовъ, вопросъ о Скиѳахъ былъ снова выдвинутъ на первый планъ въ европейской наукѣ. Это побудило Археологическую Коммиссію, одновременно съ раскопками въ Керчи, обратиться и къ раскопкамъ въ приднѣпровскихъ степяхъ, а впослѣдствіи и въ Землѣ войска Донскаго ([46]).

На очереди явился вопросъ объ опредѣленіи положенія и предѣловъ Геродотова *Герроса*, относительно котораго существовало большое разногласіе въ мнѣніяхъ ученыхъ. Одни видѣли Геродотовъ *Герросъ* въ мѣстности ниже пороговъ, насупротивъ Никополя, гдѣ окрестности села Малая Знаменка «покрыты буграми, между которыми и теперь еще видны слѣды искусственныхъ холмовъ, водоемовъ и окоповъ, а въ пескѣ находятъ въ чрезвычайномъ множествѣ остатки глиняной посуды (донышки, горлышки, ручки), кости человѣческія и кости домашнихъ животныхъ, древнія монеты, золотыя кольца, пуговицы и бляшки греческой работы съ различными выпуклыми изображеніями. Другіе пріурочиваютъ Герросъ къ такъ называемому Бѣлозерскому городку, въ 9

Рис 61. Сцена ощупыванья зуба, съ Куль-Обской вазы.

Рис. 62. Сцена перевязки ноги (оттуда-же).

верстахъ ниже Знаменки, гдѣ и доселѣ сохранились высокіе двойные валы и глубокіе рвы, ограждающіе не большую площадь, усѣянную курганами. Около этого городка стоятъ четыре кургана значительной высоты, а не въ дальнемъ оттуда разстояніи, по горѣ, идетъ цѣлый рядъ большихъ кургановъ, обѣщающихъ обильную жатву будущимъ изслѣдователямъ, судя по тому, что окрестные жители уже находили въ городкѣ и въ курганахъ золотыя украшенія, конскую сбрую и большіе глиняные сосуды, подобные греческимъ амфорамъ ([47]). Третьи ученые, наконецъ, указывали на приднѣпровскую степь выше пороговъ (въ Екатеринославской губ.), весьма богатую высокими и большими могильными насыпями, какъ на мѣстность Геродотова Герроса, и многія счастливыя находки, сдѣланныя при раскопкахъ въ этой мѣстности, по-видимому, заставляютъ предполагать, что именно здѣсь-то и хоронили нѣкогда скиѳскихъ царей.

Первыя раскопки, предпринятыя для уясненія этого вопроса, произведены были въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близь Днѣпровскихъ пороговъ.

Здѣсь, въ 1853 г., близь с. Александрополя (въ 50 верстахъ отъ Днѣпра и 30 отъ Базувлука) раскопана была громадная Луговая могила, господствовавшая надъ окружающей степью болѣе чѣмъ на 25 верстъ въ окружности. Подъ ея циклопическимъ основаніемъ, состоявшимъ изъ такихъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, которыя съ трудомъ могли ворочать 15 человѣкъ — открыты обширныя подземелья. Хотя главная могила и оказалась до-чиста разграбленною, однако же находки въ боковыхъ подземельяхъ (въ могилѣ коней) были весьма важны въ научномъ отношеніи. Изъ этихъ подземелій отрытъ былъ полный наборъ верховой сбруи на нѣсколько коней, сдѣланный почти весь изъ золота; одинъ недоуздокъ, съ шеи лошади, вѣсилъ около полуфунта чистаго золота. Всѣ украшенія эти признаны были за греческія издѣлія, подобныя вещамъ, найденнымъ въ Куль-Обской гробницѣ, и принадлежащія несомнѣнно къ III или IV в. до Р. Хр.

Открытія эти побудили Коммиссію приступить въ томъ же году къ раскопкѣ могильныхъ насыпей, расположенныхъ въ ближайшемъ разстояніи отъ Луговой могилы, по величавымъ размѣрамъ своимъ обѣщавшихъ обильную жатву для археолога. Но раскопки *Близницъ* (*) близь с. Марьевки не привели къ желаемымъ результатамъ. Въ нихъ открыты были цѣлыя кладбища:—десять, двѣнадцать остововъ лежали въ бѣдныхъ гробницахъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка. Костяки находимы были въ гробницахъ скорченными, лежавшими то на

*) *Близницами* называютъ мѣстные жители тѣ курганы, которые стоятъ попарно, невдалекѣ одинъ отъ другаго, и притомъ — схожи по внѣшности.

боку, то навзничь. У одного изъ остововъ лежало въ головахъ кремневое остріе копья; у другаго, за плечами - плоскій, мѣдный наконечникъ копья; у иныхъ—по простому глиняному горшку нынѣшней поваренной формы и у двухъ—по обыкновенной рѣчной раковинѣ. Всѣ эти гробницы, повидимому, составляли одну группу, тѣсно связанную съ Луговою могилою. Въ первой погребены были останки властелина, въ остальныхъ—останки рабовъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ могилу.

Въ 1860 г., продолжая изслѣдованія въ той же полосѣ, Коммиссія избрала для раскопокъ такъ называемыя *толстыя* могилы *).

Изъ толстыхъ могилъ подвергнуты изслѣдованію сначала *Краснокутская*, въ 20 верстахъ отъ *Луговой* могилы, на дорогѣ изъ Екатеринославля въ Никополь, у Краснокутской станціи. При раскопкѣ ея приходилось преодолѣвать большія трудности, такъ какъ слой дикарнаго камня, ограждавшій всю нижнюю часть насыпи снаружи, доходилъ мѣстами до 1 сажени толщины. Главная гробница тоже оказалась разграбленною, но въ боку насыпи были отысканы 70 удилъ, обломки колесницы и серебряныя украшенія узды, по характеру совершенно сходныя съ вещами, отрытыми изъ Луговой могилы.

Рядомъ, въ 60 саженяхъ отъ Толстой Краснокутской могилы разрытъ былъ меньшій курганъ, и въ немъ открыто также цѣлое кладбище, совершенно подобное отрытому въ 1859 г. въ вышепомянутыхъ Близницахъ. При остовахъ были только глиняные горшки и болѣе никакихъ вещей.

Затѣмъ работы были перенесены на 50 верстъ къ юго-востоку, на толстыя могилы у с. Бѣленькаго (въ 4 верстахъ отъ Днѣпра), а въ 1861—на могилы Острую (на востокъ отъ села Токмаковки), Близницы Слоновскія и могилу Каменную, все въ томъ же Екатеринославскомъ уѣздѣ. Результаты изслѣдованій были чрезвычайно скудны, при весьма значительныхъ затратахъ на работы, такъ какъ раскопка требовала весьма большихъ и сложныхъ земляныхъ сооруженій ([18]).

Но за то результаты, добытые изслѣдованіями 1862 и 1863 года, вполнѣ вознаградили Коммиссію за то благородное упорство, съ которымъ она продолжала свои поиски въ Екатеринославской губерніи. Въ 1862 г. начата была раскопка Толстой Чертомлыцкой могилы, въ имѣніи г-жи Зейфартъ, верстахъ въ 20 къ сѣверо-западу отъ мѣстечка Никополя (на берегу Днѣпра, на выходѣ изъ пороговъ), и сокровища, доставленныя этой могилой, превзошли всѣ ожиданія археологовъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ подробному исчисленію всѣхъ предметовъ, добытыхъ изъ знаменитой Чертомлыцкой могилы—считаемъ

---

*) Объясненіе этого названія см. выше на стр. 59.

не излишнимъ дать понятіе читателю, въ нѣсколькихъ словахъ, о внутреннемъ устройствѣ всѣхъ подобныхъ могильныхъ сооруженій и о способѣ ихъ раскопки.

Достовѣрно извѣстно то, что насыпаніе могилы производилось съ юга къ сѣверу; отъ этого, по естественной причинѣ, южный бокъ кургана становился всегда наиболѣе отлогимъ, а сѣверный наиболѣе крутымъ, такъ что въ большихъ насыпяхъ, такихъ какъ, напр. Чертомлыцкая могила, строители вынуждены были подкрѣплять этотъ бокъ рядами или гнѣздами камней, чтобы удержать въ отвѣсномъ положеніи почти рыхлую насыпь чернозема. «Этотъ способъ насыпанія могилы, конечно, не былъ случайнымъ, а напротивъ,—представляетъ неизмѣнное условіе, которое, можетъ быть, служило выраженіемъ вѣрованій, освящавшихъ, безъ сомнѣнія, каждый шагъ и каждое дѣйствіе въ обрядахъ, сопровождавшихъ похороны и самое сооруженіе подземнаго памятника.»

Внутреннее устройство толстыхъ могилъ оказывается чрезвычайно сложнымъ. Въ большей части случаевъ онѣ состояли изъ одной центральной ямы, съ правильно-окопанными и выглаженными стѣнами, и изъ нѣсколькихъ боковыхъ гробницъ, соединенныхъ между собою правильно-устроенными подземными ходами. Въ иныхъ гробницахъ главная, центральная яма соединена была особымъ потайнымъ ходомъ съ обширнымъ подземельемъ, находившимся въ сторонѣ отъ всѣхъ прочихъ гробницъ.

Центральныя гробницы служили усыпальницами для тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ воздвигались самые курганы. Въ боковыхъ гробницахъ погребались кони, убитые на могилѣ покойнаго, а также и тѣ лица, которымъ суждено было сопровождать покойника за предѣлы жизни. Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что всѣ гробничныя ямы одинаково копались до извѣстнаго слоя *бѣлой* глины, который всюду въ При-днѣпровьѣ лежитъ подъ слоемъ чернозема, слоемъ желтоватой и слоемъ красноватой глины, иногда на $2^1/_2$, иногда же и на 6 саж. глубины отъ поверхности степи. Само собою разумѣется, что и въ этомъ условіи погребенія, какъ и въ способѣ насыпанія могилы съ юга на сѣверъ, нельзя не видѣть одной изъ важныхъ обрядовыхъ подробностей погребенія скиѳскихъ владыкъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, становится совершенно понятнымъ, что раскопка такихъ громадныхъ могильныхъ насыпей представляла чрезвычайныя трудности и должна была производиться съ величайшею осторожностью. Голова или вершина кургана обыкновенно вся снималась сажени на четыре отъ вершины, а затѣмъ образовавшаяся на курганѣ площадь пересѣкалась широкимъ рвомъ въ 21 и болѣе сажень шириною. Ровъ этотъ прокапывался уступами, постепенно съуживаясь къ глубинѣ кургана до 15—16 сажень.

Медленность раскопокъ значительно увеличивалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, углубившись до той поверхности, на которой уже можно было ожидать нѣкоторыхъ находокъ, гробари должны были производить раскопку не обыкновеннымъ способомъ, а *штыхомъ*, т. е. горизонтальнымъ поднятіемъ слоя земли отъ 6 до 8 вершковъ одновременно по всей площади. Эта осторожность дѣлала раскопки настолько медленными, что нѣкоторыя изъ нихъ не успѣвали оканчивать въ теченіе одного года. Такъ, напримѣръ, и раскопка Чертомлыцкой могилы, начатая въ 1862 году, была окончена въ 1863 г.

Но сокровища, добытыя изъ этой могилы (они одни могли бы составить цѣлый музей!) вознаградили съ лихвою за тяжкіе двухлѣтніе труды, и значительно способствовали разъясненію вопроса о загадочномъ Герросѣ.

Во время двухъ-лѣтнихъ раскопокъ изъ Чертомлыцкой могилы добыты были во множествѣ бляхи бронзовыя, до 250 штукъ желѣзныхъ удилъ, изображенія драконовъ, грифовъ, львовъ и птицъ, которыя насаживались, по видимому, на древки и украшали собою шатры или колесницы, золотыя пластинки, раковины, глиняныя амфоры, золотые и серебряные обручи, золотыя и серебряныя серьги греческой работы, масса стрѣлъ и копій, сѣдельный нарядъ, бронзовая чаша и ведерце, около 700 штукъ разновидныхъ золотыхъ бляхъ съ различными изображеніями для нашиванія на одежду, золотые перстни, золотыя украшенія изъ пластинъ съ изображеніемъ Медузиной головы, Геркулеса со львомъ и проч. Однимъ словомъ, около 2500 предметовъ отдѣльныхъ древностей! Въ числѣ ихъ вниманіе археологовъ обратили на себя:

1) два массивныхъ золотыхъ перстня, съ рѣзнымъ изображеніемъ собаки на одномъ изъ нихъ и быка на другомъ;

2) золотое массивное кольцо и нѣсколько прорѣзныхъ бляхъ изъ листоваго золота;

3) шесть мечей, рукоятки которыхъ обложены листовымъ, чеканнымъ золотомъ, съ изображеніемъ на пяти изъ нихъ фантастическихъ животныхъ, а на шестомъ — овцы, бычачьихъ головъ и нѣсколькихъ всадниковъ, охотящихся на дикихъ козъ;

4) круглый мусатъ *) съ золотой рукоятью и золотой наконечникъ отъ ноженъ меча;

5) двѣ большія пластинки чеканеннаго золота, съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи; одна изъ этихъ пластинъ служила, повидимому, украшеніемъ налучья, другая—украшеніемъ ноженъ меча. Обѣ признаны относящимися несомнѣнно къ періоду высшаго процвѣтанія греческаго искусства ([49]).

*) Круглая или граненая стальная пластинка для оттачиванія ножей.

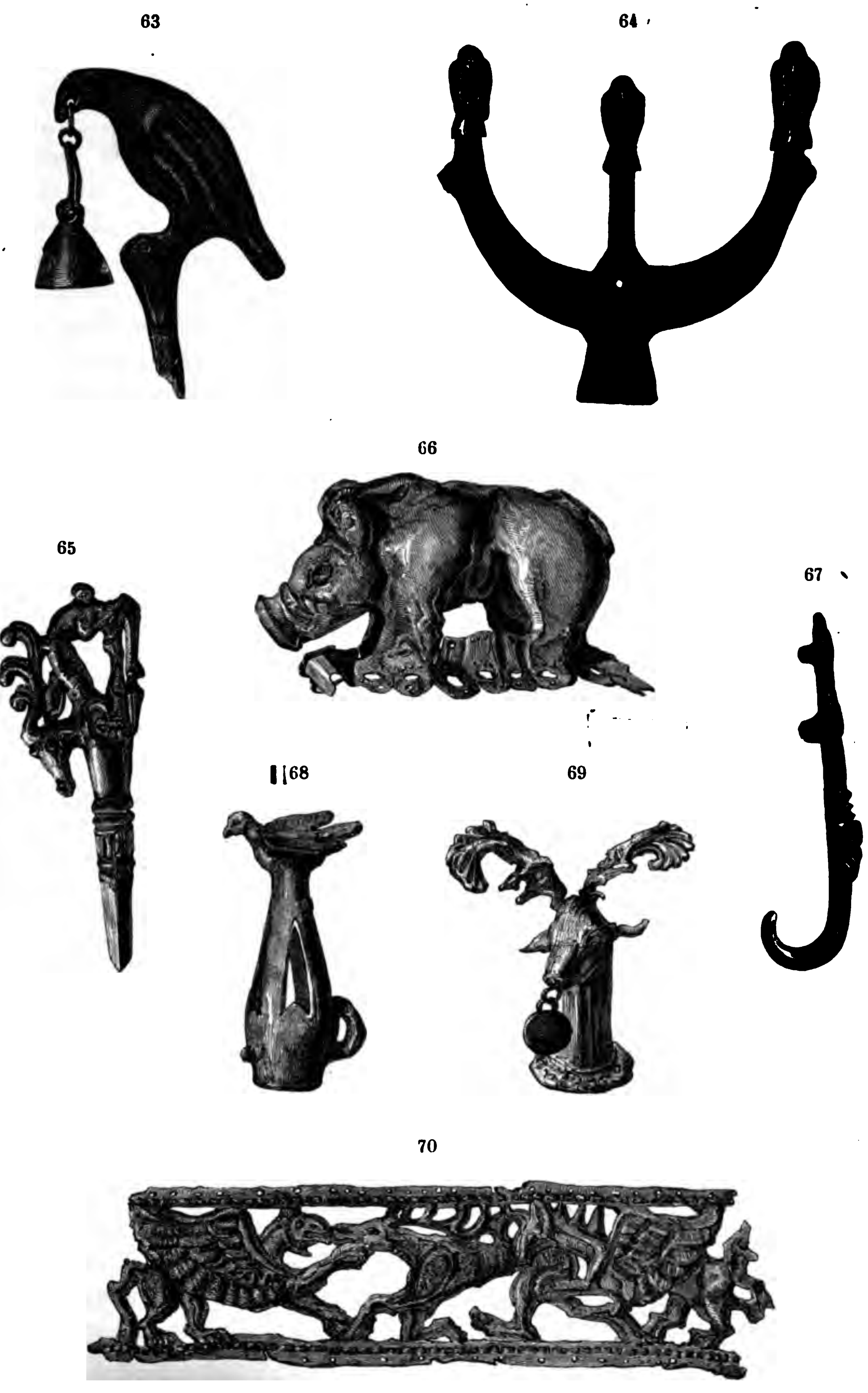

Рис. Предметы золотые и бронзовые, добытые изъ скиѳскихъ могилъ.

И, несмотря на все богатство добытыхъ изъ Чертомлыцкой могилы древностей, главная гробница ея оказалась расхищенной. Грабителямъ однако же удалось, вѣроятно, воспользоваться немногимъ; неожиданный обвалъ земли помѣшалъ дальнѣйшему расхищенію: рядомъ съ сокровищами, снесенными изъ главной гробницы въ одно изъ отдѣльныхъ подземелій, при раскопкахъ отысканъ былъ и скелетъ одного изъ грабителей, и лампа, при свѣтѣ которой производилось расхищеніе. «Форма этой лампы, сдѣланной изъ бронзы, въ 6 рожковъ, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что могила ограблена еще въ древности. На это указываетъ также и то обстоятельство, что въ курганѣ открытъ одинъ только ходъ, проведенный прямо къ (главной) гробницѣ. Ясно, что грабители еще хорошо были знакомы съ внутреннимъ устройствомъ гробницы, между тѣмъ какъ расхитителямъ Александропольской (Луговой) могилы пришлось сначала провести въ различныхъ направленіяхъ нѣсколько болѣе или менѣе извилистыхъ ходовъ, прежде нежели удалось отыскать настоящую гробницу» ([50]).

Другіе обвалы, подобные только что упомянутому нами, и совершившіеся, вѣроятно, еще до попытокъ расхищенія главной гробницы въ Чертомлыцкомъ курганѣ — способствовали тому, что боковыя подземелья, устроенныя въ каждомъ изъ четырехъ угловъ главной гробницы, уцѣлѣли отъ рукъ грабителей. Одно изъ этихъ подземелій доставило археологіи возможность дополнить важными подробностями сообщаемыя Геродотомъ свѣдѣнія о погребеніи у Скиѳовъ и, сверхъ того, сохранило для науки одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства, *которому подобнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ музеевъ Европы* *) — знаменитую серебряную вазу, извѣстную подъ названіемъ Чертомлыцкой или Никопольской Скиѳской вазы Императорскаго Эрмитажа.

Въ этомъ подземельѣ открыты были два остова—мужской и женскій. Первый лежалъ въ деревянномъ, раскрашенномъ саркофагѣ, признаки котораго еще видны были въ остаткѣ красокъ и перетлѣвшаго дерева. На шеѣ женскаго остова находился золотой массивный обручъ, съ изображеніемъ льва по концамъ; на лбу лежала золотая чеканенная пластинка, въ родѣ вѣнчика съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ; при ушныхъ отверстіяхъ были двѣ золотыя серьги съ подвѣсками; вокругъ головы и по сторонамъ верхней части скелета до кистей рукъ шелъ рядъ золотыхъ четыреугольныхъ бляшекъ съ изображеніями на нихъ сидящей женщины и стоящей передъ нею мужской фигурки. Бляшки эти, повидимому, служили украшеніемъ покрова, отъ котораго на нихъ еще сохранились признаки пурпуровой

*) Замѣчаніе академика Стефани.

ткани. На кистяхъ рукъ были гладкіе золотые браслеты и стеклянныя бусы, а на каждомъ пальцѣ по золотому перстню. Одинъ изъ этихъ перстней, съ праваго мизинца, украшенъ рѣзнымъ изображеніемъ летящей птицы (гуся?); остальные девять — гладкіе. Возлѣ правой руки лежало круглое бронзовое зеркало съ костяною ручкою, а съ лѣвой— между тазомъ и ребрами—найденъ небольшой шарообразный черноватый камень.

У мужскаго скелета были только на рукахъ небольшіе бронзовые браслеты; съ лѣвой стороны—колчанъ со стрѣлами и ножикъ (желѣзный) съ костяною ручкою; нѣсколько далѣе лежала обыкновенная амфора.

Вблизи этихъ двухъ остововъ и была открыта серебряная Никопольская ваза, о которой мы говорили выше. Подлѣ этой вазы стояло на круглой подставкѣ большое серебряное желобчатое блюдо или скорѣе—плоская круглая чаша о двухъ ручкахъ; а на этомъ блюдѣ лежала большая серебряная ложка, ручка которой оканчивается кабаньей головой.

Раскопка Чертомлыцкаго кургана, произведенная подъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока русской старины И. Забѣлина, привела къ важнымъ результатамъ по изученію подробностей скиѳскаго быта.

«Всѣ вещи Чертомлыцкаго кургана, почти безъ исключенія—замѣчаетъ академикъ Стефани, — носятъ на себѣ отпечатокъ лучшаго греческаго стиля IV столѣтія до Р. Хр....» Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы ясно видимъ, что здѣсь греческое искусство явилось исключительно къ услугамъ Скиѳа. Нѣкоторыя вещи могли быть употреблены *только Скиѳомъ*; другія, судя по украшеніямъ, предназначены были *для Скиѳа*. Если затѣмъ принять въ соображеніе мѣстоположеніе гробницы, находящейся вдали отъ греческихъ поселеній, среди степей, далеко простирающихся отъ нихъ на сѣверъ, на берегахъ Борисѳена (Днѣпра), *то можно-ли сомнѣваться въ томъ, что передъ нами гробница скиѳскаго царя IV в. до Р. Хр.* ([51]). Съ другой стороны, открытія, сдѣланныя въ Чертомлыцкой могилѣ, проливаютъ совершенно новый свѣтъ и на тѣ находки очевидно скиѳскихъ древностей, которыя за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ сдѣланы были около Керчи.

«Бросается въ глаза и въ высшей степени заслуживаетъ вниманія»—говоритъ г. Стефани—«почти совершенное сходство большей части мелкихъ украшеній и вещей, найденныхъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, съ предметами, открытыми въ Куль-Обской гробницѣ. Сходство это такъ велико, что невольно приходится предположить, что всѣ они сдѣланы не только въ одно и тоже время, но отчасти даже на одной и той же фабрикѣ. Если, слѣдовательно, до сихъ поръ позволительно было думать, что Кульобскій курганъ заключалъ въ себѣ гробницу

знатнаго Грека, можетъ быть пантикапейскаго архонта, который до извѣстной степени усвоилъ себѣ скиѳскіе обычаи, *то теперь скорѣе становится вѣроятнымъ*, что одинъ изъ скиѳскихъ вельможъ, по временамъ жилъ въ Пантикапеѣ, какъ царь Скиллъ въ Ольвіи, и потомъ тамъ умеръ и схороненъ» ([52]).

По важности своего значенія для археологіи, первое мѣсто въ числѣ предметовъ, добытыхъ изъ Чертомлыцкаго кургана, занимаетъ, конечно, Никопольская серебряная ваза. Она важна не только потому, что представляетъ собою одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній греческаго искусства IV в. до Р. Хр., но еще болѣе потому, что служитъ, вмѣстѣ съ Куль-Обской вазой, главнымъ основаніемъ для изу-

Рис. 71. Скиѳы, ухаживающіе за конями (первая группа съ фриза Никопольской вазы).

ченія скиѳскихъ древностей, такъ какъ верхняя часть украшена изображеніями Скиѳовъ, ухаживающихъ за конями, и эти изображенія живо знакомятъ насъ со многими сторонами ихъ степнаго быта.

Сознавая вполнѣ значеніе этого единственнаго въ своемъ родѣ памятника, мы сообщаемъ здѣсь его подробное описаніе и затѣмъ, съ разрѣшенія академика Стефани, сообщаемъ важнѣйшія выдержки изъ его превосходныхъ объясненій къ изображеніямъ, помѣщеннымъ по фризу вазы.

Сосудъ этотъ вышиною въ $15^3/_4$ вершка, въ самой широкой своей части имѣетъ въ поперечникѣ $8^3/_4$ вершка. Онъ сдѣланъ изъ серебра;

но, кромѣ того, подножіе, шейка, ручки и всѣ предметы, рельефно изображенные на разныхъ частяхъ вазы, — густо вызолочены, тогда какъ собственно основная поверхность остальныхъ частей не покрыта позолотою.

Ваза имѣетъ форму амфоры и, очевидно, была предназначена для храненія при пиршествахъ вина. Поэтому внутрь ея шейки вдѣлано мелкое ситечко; такія же ситечки видимъ и въ трехъ носикахъ, придѣланныхъ къ нижней части вазы, для выцѣживанія жидкости.

Носику, помѣщенному на передней сторонѣ сосуда, художникъ придалъ форму лошадиной головы, украшенной двумя крыльями и лучезарнымъ вѣнцомъ. Оба боковые носика сдѣланы въ видѣ львиныхъ головъ. Всѣ три головы припаяны и густо вызолочены. Чтобы жидкость, находящаяся внутри вазы, не вытекала, отверстія въ этихъ носикахъ затыкались пробками, прикрѣпленными къ небольшимъ серебрянымъ цѣпочкамъ. Отъ одной изъ такихъ цѣпочекъ еще сохранилась часть при одной изъ львиныхъ головъ.

Нижняя часть вазы, вплоть до фриза, украшена различными рѣзными изображеніями травъ, птицъ и цвѣтовъ. Кругомъ всей вазы, по фризу, группами, размѣщены фигуры Скиөовъ и коней, сильнымъ рельефомъ (мѣстами, болѣе чѣмъ на половину) выступающіе изъ фона. Выше ихъ, на самыхъ плечахъ сосуда, помѣщены художникомъ изображенія грифоновъ, терзающихъ оленя.

Помѣщая въ книгѣ нашей важнѣйшія группы, заимствованныя съ фриза этой вазы, важныя по бытовымъ подробностямъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщаемъ, рядомъ съ этими изображеніями, объясненія академика Стефани, съ удивительною ясностью истолковывающаго намъ смыслъ и значеніе всѣхъ группъ, помѣщенныхъ на фризѣ, въ ихъ общей связи и въ соотвѣтствіи съ замысломъ художника.

«Всѣ человѣческія фигуры, помѣщенныя на фризѣ нашей серебряной вазы, очевидно, изображаютъ Скиөовъ. Передъ нами»—говоритъ почтенный академикъ—«пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей. Ни у одного нѣтъ шапки на головѣ, но всѣ отличаются густыми, длинноостриженными волосами, какіе еще и теперь точно также носятъ русскіе крестьяне и которые повторяются на множествѣ другихъ древнихъ изображеній Скиөовъ».

«Въ очертаніи лицъ этихъ фигуръ также довольно ясно высказывается скиөскій типъ, хотя онъ и не выраженъ такъ опредѣленно, какъ на знаменитомъ Куль-Обскомъ золотомъ сосудѣ, отчасти потому, что на послѣднемъ фигуры представлены еще въ бо́льшемъ видѣ, отчасти же и оттого, что золото противится вліянію времени несравненно сильнѣе, нежели серебро. Кромѣ того, формы теряютъ опредѣленность своихъ частей тѣмъ легче, чѣмъ выпуклѣе рельефъ».

Рис. 72. Скиѳы, ухаживающіе за конями (вторая группа съ фриза Никопольской вазы).

«За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ эти Скиѳы представлены въ короткихъ сапогахъ, которые не только стянуты ремнемъ на подыжкахъ, какъ на вышепомянутомъ Куль-Обскомъ сосудѣ, но и скрѣплены другимъ ремнемъ, идущимъ поперегъ подошвы. Кромѣ того, на каждомъ изъ Скиѳовъ длинные широкіе шаровары, которые также, какъ на Куль-Обскомъ сосудѣ, заткнуты, кажется, за сапоги, но будучи шире и длиннѣе, чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними. Извѣстно, что такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ».

«Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно примыкающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который, за исключеніемъ висящихъ спереди концовъ, покроемъ своимъ напоминаетъ теперешній казацкій кафтанъ (казакинъ). Наконецъ, у двухъ Скиѳовъ висить на поясѣ пустой *коритъ* (родъ налучья)».

«Разсматриваемая нами композиція, очевидно, изображаетъ поимку или, можетъ быть, дрессировку кровныхъ царскихъ коней, свободно скитающихся по степи. Мѣстомъ дѣйствія служитъ самая степь. Двѣ лошади еще спокойно пасутся на ней. Двумъ другимъ два конюха накинули на головы длинныя веревки съ петлями, но онѣ еще надѣются бѣгствомъ спастись отъ своихъ преслѣдователей, которые всею силою стараются унять неукротимыхъ. Веревки, состоявшія изъ тонкихъ, неприкасавшихся къ поверхности вазы, серебряныхъ нитей, пострадали отъ времени; но на рукахъ человѣческихъ фигуръ еще видны слѣды этихъ нитей, отъ которыхъ, кромѣ того, найдены были еще небольшія части возлѣ вазы».

«Затѣмъ, съ правой стороны зрителя, ближе къ главной группѣ, слѣдуетъ Скиѳъ, который смирно стоящему возлѣ него своему коню спутываетъ переднія ноги хорошо сохранившеюся веревкою. Во всемъ ряду изображеній это единственный степной конь не улучшенной породы. Кажется, что видишь передъ собою одну изъ нынѣшнихъ киргизскихъ лошадей: съ такою удивительною вѣрностью переданы особенности этой породы. На конѣ сѣдло и узда, которыя также отдѣланы художникомъ во всѣхъ частностяхъ чрезвычайно тщательно. Конь этотъ, очевидно, принадлежитъ не къ царской конюшнѣ, какъ остальныя лошади, а прислугѣ царской, которая, можетъ быть, только что согнала въ одно мѣсто разбѣжавшихся по степи коней чистой крови. По исполненіи этой обязанности, ему спутываютъ переднія ноги съ тѣмъ, чтобы онъ могъ пастись на степи, но въ случаѣ нужды и опять могъ быть пойманъ безъ труда».

«Съ другой стороны главной группы художникъ также помѣстилъ отдѣльнаго Скиѳа, спокойно стоящаго рядомъ съ лошадью. Но этотъ конь принадлежитъ къ породѣ. Онъ зануздань, но безъ сѣдла. Конюхъ одною имаетъ ему лѣвую переднюю ногу

такъ, какъ это еще и до сихъ поръ дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится укрощать очень дикихъ лошадей. Но заставивъ лошадь стоять только на одной передней ногѣ, ему необходимо, чтобы центръ тяжести всей передней части тѣла лошади заключался въ этой одной ногѣ, а потому онъ, въ то же самое время, другою рукою натягиваетъ ремень уздечки такимъ образомъ, что лошадь принуждена повернуть голову совершенно на правую сторону, прямо къ зрителю. Этимъ онъ переноситъ центръ тяжести передней части тѣла животнаго въ линію правой передней ноги, такъ что лошадь въ состояніи спокойно стоять на этой одной ногѣ. Но этимъ самымъ художникъ получилъ возможность представить взору зрителя все благородство очертаній лошади. Эта-то группа фриза, очевидно, и должна производить самое сильное впечатлѣніе».

«Въ центрѣ главной группы художникъ помѣстилъ другаго коня чистѣйшей крови, а по обѣимъ сторонамъ его по два Скиѳа. Трое изъ нихъ спутали ноги его веревками и тянутъ ихъ изо всѣхъ силъ къ себѣ. Серебряныя нити, посредствомъ которыхъ изображены были эти веревки, обломились, не бывъ прикрѣплены къ поверхности вазы. Но на рукахъ Скиѳовъ еще ясно видны слѣды этихъ веревокъ».

«Другой Скиѳъ, стоящій позади этого коня, занятъ только самимъ собою. Онъ скинулъ сапоги и обнажилъ правую часть груди и правую руку, снявъ соотвѣтствующую часть своего кафтана. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ не большую чашечку или какую-то другую вещь, а правая свободная рука, какъ доказываетъ совершенно свѣжій ея изломъ, къ сожалѣнію, отбита и не найдена при вынутіи вазы изъ гробницы. Можно думать, что принимая участіе въ укрощеніи коня, конюхъ былъ имъ раненъ и осматриваетъ свою рану (53).

Въ заключеніе своего замѣчательнаго разбора академикъ Стефани говоритъ положительно: «какъ самое содержаніе изображенія (по фризу вазы) не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что сосудъ этотъ былъ сдѣланъ для богатаго Скиѳа, такъ оно, въ то же время, ясно указываетъ на близкое знакомство художника со скиѳскими нравами, и заставляетъ думать, что онъ или имѣлъ постоянное пребываніе въ одной изъ греческихъ колоній южной Россіи, или, по крайней мѣрѣ, долго жилъ въ этихъ мѣстахъ» (54).

Подземелья Чертомлыцкаго и нѣкоторыхъ другихъ кургановъ, вмѣстѣ съ открытыми въ нихъ сокровищами, могутъ служить «самымъ нагляднымъ подтвержденіемъ Геродотова сказанія о погребеніи скиѳскихъ царей» (55). Мало того—они даже могутъ пополнить сохраненныя намъ Геродотомъ свѣдѣнія нѣсколькими новыми чертами, которыхъ мы не находимъ у Геродота. Такъ напримѣръ, раскопки *толс*[illegible] гилъ Екатеринославской губ. заставили прійти къ заключе[illegible]

колѣніе погребенія въ царскихъ гробницахъ еще усугублялось тѣмъ, что всѣ стѣны подземелій увѣшивались великолѣпными одеждами, которыя были покрыты множествомъ нашитыхъ на нихъ золотыхъ бляхъ. Бляхи были отысканы на кучахъ перетлѣвшихъ одеждъ, а въ стѣнахъ подземелій открыты даже и тѣ крючья, на которыхъ одежды

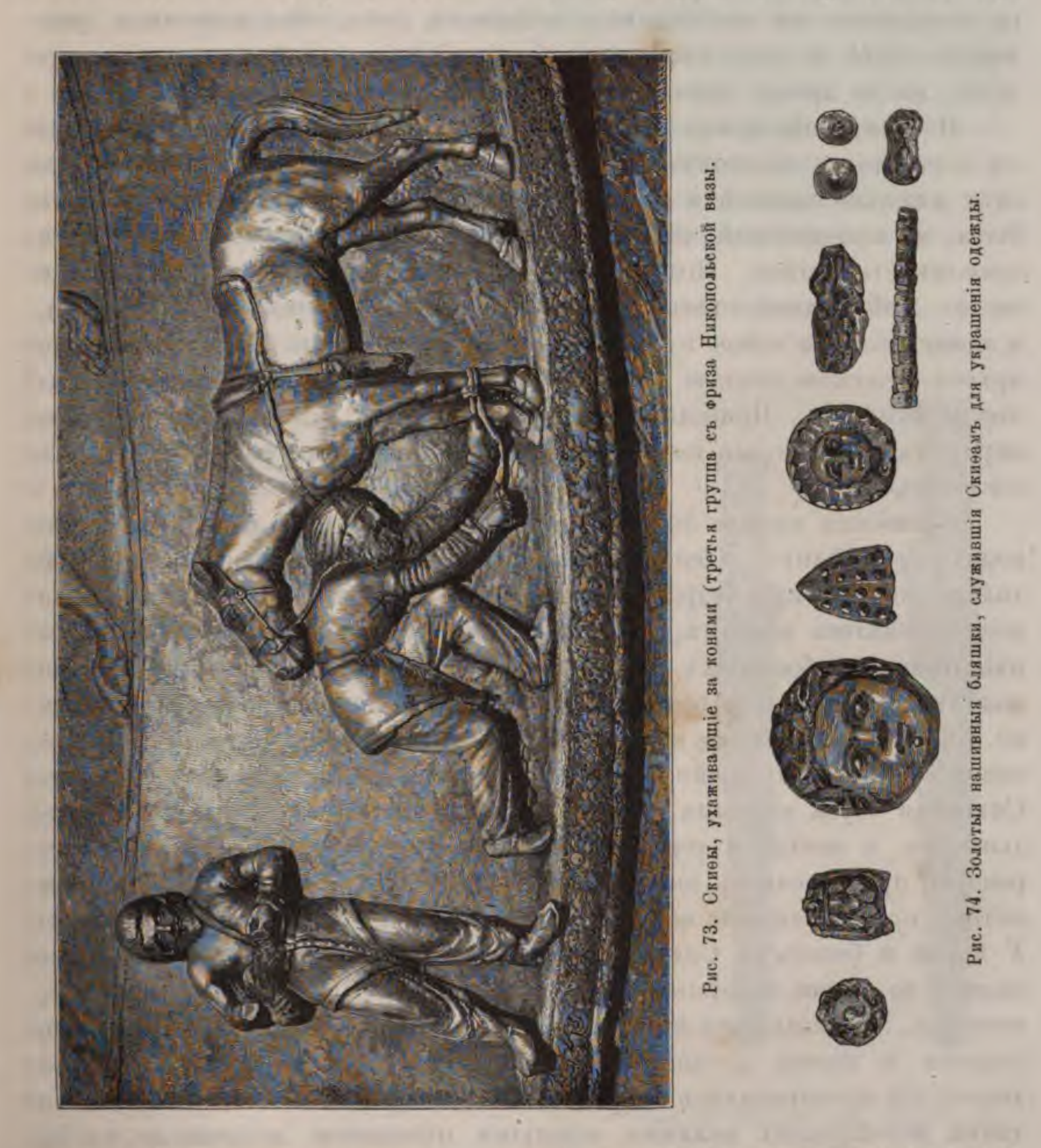

Рис. 73. Скиѳы, ухаживающіе за конями (третья группа съ фриза Никопольской вазы.

Рис. 74. Золотыя нашивныя бляшки, служившія Скиѳамъ для украшенія одежды.

висѣли. Съ другой стороны въ толстой могилѣ Краснокутской найдены были двѣ кучи обломковъ отъ колесницы и при нихъ до 70 желѣзныхъ удилъ. «Быть можетъ», замѣчаетъ археологъ въ своемъ отчетѣ объ і раскопкѣ, «это была та самая колесница, въ которой, по свидѣтву Геродота, возили останки царя по всѣмъ подвластнымъ ему

народамъ прежде, чѣмъ привозили ее въ страну Герросъ, гдѣ находилось ихъ царское кладбище. Точно также и 70 удилъ указываютъ, быть можетъ, на число коней, сопровождавшихъ погребальное шествіе. Чрезвычайно сильно перегнутыя и поломанныя колесныя ободья колесницы, втулки и другія ея крѣпи, сдѣланныя изъ толстаго желѣза, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что колесница разломана была не случайно, а нарочно, и сложена здѣсь въ двухъ кучахъ, въ то время, какъ совершалось погребеніе» ([56]).

На основаніи всѣхъ тѣхъ находокъ, какія были доселѣ сдѣланы въ могильныхъ насыпяхъ, признанныхъ скиөскими, не трудно набросать довольно полный и вѣрный очеркъ внѣшности Скиөовъ и ихъ быта, не маловажный по тѣмъ выводамъ, къ которымъ онъ даетъ возможность прійти. Подобный очеркъ уже сдѣланъ г. Забѣлинымъ въ его любопытной статьѣ «Древняя Скиөія въ своихъ могилахъ» ([57]), и представляетъ собою добросовѣстный сводъ всего, что добыто было археологическою наукою по отношенію къ скиөскому быту за послѣднее десятилѣтіе. Приводимъ изъ этого очерка важнѣйшее, опуская, впрочемъ, нѣкоторые выводы г. Забѣлина, съ которыми не можемъ согласиться.

«Скиөская одежда была именно одеждою лихого наѣздника», говоритъ г. Забѣлинъ. «Скиөы носили очень короткій кафтанъ, доходившій только до половины бедра; запахивали его пола-на-полу и очень крѣпко подпоясывались поясомъ, ременнымъ или состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, собранныхъ на ремнѣ въ чешую, другъ на друга. Такіе кафтаны были холодные и теплые; послѣдніе, по-видимому, опушались по вороту и по поламъ мѣхомъ. Не примѣтно, чтобы подъ этимъ кафтаномъ Скиөы, по крайней мѣрѣ простолюдины, носили еще рубашку. Скиөская обувь состояла изъ короткихъ сапожковъ, которые по лодыжкамъ, а иногда и черезъ подъемъ перевязывались ремнемъ. Шаровары, при перевязкѣ выпускались поверхъ сапожковъ до подъема и потому представлялись какъ бы штанами, носимыми сверхъ сапогъ. У царей и богатыхъ Скиөовъ и кафтаны, и особенно штаны, покрывались по ткани золотыми бляшками различной величины и формы, которыя... пришивались къ ткани и украшали одежду въ видѣ... разныхъ узоровъ и каемъ по спинѣ и подолу. На штанахъ изъ такихъ же украшеній протягивались напр. лампасы.... Сверхъ того, фонъ или поле ткани испещрялось мелкими золотыми пуговками, величиною въ 1/8 вершка, которыя также пришивались посредствомъ ушковъ».

Скиөы носили бороды и длинно-остриженные волосы распускали по плечамъ, «зачесывая или приглаживая всю ихъ массу назадъ къ затылку». «Башлыкъ точно также, какъ и одежда, украшался нашивными золотыми бляшками и пуговками, а спереди пластинами

въ родѣ лентъ или обручиковъ, къ которымъ прикрѣплялись особыя пуговицы висюльками». Вожди носили «золотыя ленточныя перевязи въ родѣ вѣнчиковъ, которые у насъ теперь кладутъ на покойниковъ».

«На шеѣ и цари, и царицы, и ихъ слуги, какъ вѣроятно и всѣ знатные Скиѳы, носили *гривны*, т. е. обручи золотые, литые, въ полфунта и въ фунтъ вѣсомъ», а меньшіе люди—легкіе, бронзовые; концы этихъ гривнъ *украшались* изображеніями львовъ, грифовъ, сфинксовъ и фигурами самихъ Скиѳовъ. «На рукахъ у кистей и даже выше локтя носились браслеты; на пальцахъ—перстни. Около ушей царицы найдены были въ гробницахъ серьги, состоявшія изъ колецъ — съ семью подвѣсками каждое», — форма многократно отысканная и потомъ при курганныхъ раскопкахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и даже въ самой Москвѣ.

«Вооруженіе Скиѳа заключалось въ короткомъ прямомъ мечѣ, длиною 12—15 вершковъ, считая въ томъ числѣ и рукоять въ 3 вершка. У царя Куль-Обской гробницы найденъ былъ великолѣпный мечъ, длиною въ 17½ вершковъ. Но главное вооруженіе Скиѳа былъ его лукъ и стрѣлы. На поясѣ Скиѳа, опускаясь по лѣвому бедру, всегда висѣлъ лукъ въ налучьѣ, т. е. въ футлярѣ, который, въ тоже время, содержалъ особый, небольшой боковой кошелекъ для стрѣлъ». По замѣчанію академика Стефани, «лукъ и стрѣла врядъ-ли пользовались у другаго народа такимъ почетомъ, какъ именно у Скиѳовъ, у которыхъ оружіе это носили даже вожди. На Куль-Обскомъ золотомъ сосудѣ, Скиѳъ, который, судя по головной повязкѣ и по всей его позѣ, долженъ быть принятъ за вождя, также вооруженъ лукомъ въ налучьи, наравнѣ съ остальными воинами» (58).

«Нѣкоторые Скиѳы»—говоритъ г. Забѣлинъ—«носили и броню, состоявшую изъ желѣзныхъ пластинокъ, которыя нашивались на одежду; остатки такой брони и были отысканы при раскопкѣ могилы».

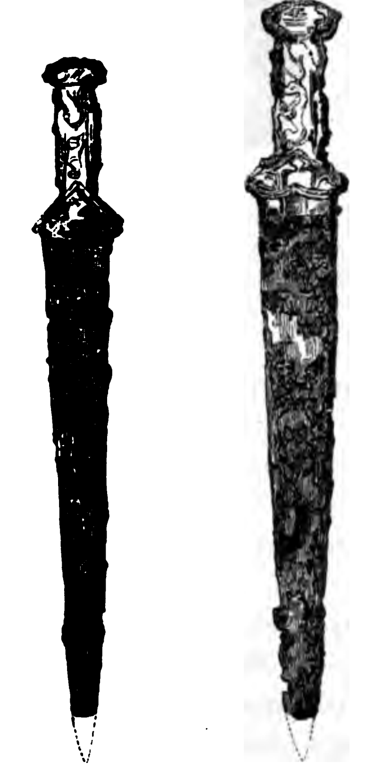

Рис. 75. Скиѳскіе мечи, отрытые изъ могилъ.

Главнымъ богатствомъ Скиѳа, какъ степнаго наѣздника по преимуществу, являлся, конечно, его конь. Судя по сохранившимся на Чертомлыцкой вазѣ изображеніямъ, простой Скиѳъ довольствовался очень простою ременной уздечкой и довольно первобытнымъ сѣдломъ; но раскопки могилъ, въ которыхъ похоронены были скиѳскіе цари или вель-

можи, дали намъ возможность получить полное представленіе о великолѣпіи убора, которымъ украшали коней своихъ знатные Скиѳы.

«Конскій уборъ главнымъ образомъ сосредоточивался въ уздечномъ приборѣ, состоявшемъ изъ круглыхъ большихъ и малыхъ бляхъ, украшавшихъ связки узды и оголови; спереди у узды былъ наносникъ*) въ видѣ конской, грифовой или другой подобной головки; большія бляхи, въ видѣ змѣй или другихъ подобныхъ фигуръ, покрывали щеки коня. Кромѣ того, иногда еще особыми большими пластинками, длиною въ 9½ вершковъ, покрывались переносье и лобная часть головы коня. Въ одной изъ южно-русскихъ могилъ такія пластины были открыты золотыя и великолѣпно украшенныя (59). «Сверхъ всего этого убора на шеѣ

76 77 78

Рис 76—78. Скиѳскіе котлы, добытые при раскопкѣ кургановъ.

коня въ иныхъ случаяхъ навѣшивались длинныя желѣзныя цѣпочки съ бляхами въ видѣ полумѣсяца, съ привѣсками изъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, въ родѣ гремящихъ цѣпей, въ конскомъ уборѣ XVII столѣтія» и какъ задняя, такъ и передняя часть сѣдла обивалась чеканенными золотыми пластинками (60).

Живя подлѣ Грековъ и сносясь съ ними безпрестанно, скиѳскіе цари, судя по дошедшимъ до насъ остаткамъ, были очень богаты разнородною посудою, по преимуществу греческой работы: бронзовыми и серебряными чашами, блюдами, ложками и другими предметами домашняго обихода. Даже и вино хранилось въ большихъ греческихъ глиняныхъ амфорахъ. Пили Скиѳы изъ роговъ и сосудовъ, напоминающихъ формою наши старинныя братины. Для отрѣзыванія мяса у каждаго Скиѳа былъ въ запасѣ свой небольшой ножикъ съ костяною ручкою. Для натачиванія ножа употреблялось особое точило или мусатъ въ

*) *Наносникъ*—поперечный, а иногда и накрестъ положенный ремень уздечки, на носу лошади или повыше, между переносьемъ и лбомъ.

Рис. 79—86. Разнообразныя фигурки изъ коньковъ, которыя были употребляемы Скиѳами, какъ украшенія.

видѣ небольшой палочки. Но конечно важнѣйшею частью скиѳской утвари, при степной жизни Скиѳовъ, былъ котелъ, въ которомъ они варили себѣ пищу. Котлы эти дѣлались въ видѣ объемистой кругловатой чаши, на высокомъ стоянцѣ въ видѣ ножки, съ ручками въ видѣ козловъ (скорѣе каменныхъ барановъ), придѣланныхъ къ верхнему краю котла; ихъ ставили прямо на землю и подъ ними разводили огонь ([61]).

Въ дополненіе ко всему, сказанному выше о подробностяхъ скиѳскаго быта, слѣдуетъ добавить, что и въ скиѳскихъ курганахъ, какъ въ Ананьинскомъ могильникѣ, было найдено много предметовъ, пока еще не объясненныхъ. Можно только догадываться, что нѣкоторые

Рис. 87—88. Изображеніе грифоновъ, служившія, какъ полагаютъ, навершьями къ древкамъ знаменъ.

изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ скиѳскимъ вѣрованіямъ. Къ числу подобныхъ изображеній можно отнести такъ часто находимыя въ гробницахъ фигуры грифовъ, крылатыхъ львовъ, крылатыхъ драконовъ, сфинксовъ, оленя, быка, птицъ, кабановъ. Подобныя-же изображенія являются и навершьями къ древкамъ знаменъ и къ столбикамъ погребальныхъ колесницъ. Къ этому-же разряду предметовъ слѣдуетъ отнести и тѣ раковины (такъ наз. змѣиныя головки), и тѣ челюсти какого-то маленькаго животнаго, нанизанныя на нитку или ремешокъ, о которыхъ мы упоминали уже выше, а также и обдѣланные въ золото медвѣжьи когти, отысканные въ нѣкоторыхъ гробницахъ, и въ на-

шей старинѣ также игравшіе немаловажную роль въ видѣ обереговъ или амулетовъ ([62]).

Чѣмъ болѣе удаляются извѣстія о Скиѳахъ отъ времени Геродота, тѣмъ болѣе становятся они темны и сбивчивы. Позднѣйшіе писатели греческіе—Діодоръ, Страбонъ, Діонъ Хризостомъ и Птоломей—говоря о Скиѳіи и приводя множество названій отдѣльныхъ скиѳскихъ племенъ, мало прибавляютъ новыхъ свѣдѣній къ бытовымъ даннымъ Геродота. Изъ всего, сообщаемаго ими, мы еще болѣе убѣждаемся въ томъ, что подъ общимъ именемъ Скиѳовъ могутъ скрываться различныя народности. Слово *Скиѳія* то употреблялось въ значеніи общаго названія страны, обнимавшей весь Востокъ Европы, то въ болѣе ограниченномъ значеніи страны, лежавшей за Танаисомъ (Дономъ) — какъ думалъ Страбонъ—ближе къ предѣламъ Азіи. На основаніи этихъ извѣстій мы можемъ прійти только къ тому заключенію, что скиѳскія племена часто вели между собою войны, которыми, вѣроятно, пользовались для своей выгоды Греки, «а иногда, по доброй волѣ или по необходимости, вступали въ союзы между собою или съ какимъ нибудь пришлымъ народомъ. Въ тотъ же продолжительный періодъ времени постепенно крѣпли и вырабатывались особенности наиболѣе живучихъ скиѳскихъ племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче опредѣлялись ихъ національныя отличія. Такимъ-то образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подготовлялась возможность образованія болѣе прочныхъ племенныхъ союзовъ на Востокѣ Европы» ([63]).

Изъ тѣхъ же извѣстій, сообщаемыхъ греческими писателями, узнаемъ, что въ началѣ перваго вѣка до Р. Хр. Скиѳы принимаютъ участіе въ борьбѣ Митридата, царя Понтійскаго, съ могущественнымъ Римомъ. Сто лѣтъ спустя, Діонъ Хризостомъ, свидѣтель-очевидецъ, посѣтившій Ольвію въ 81—90 гг. по Р. Хр., описываетъ намъ Скиѳовъ и Сарматовъ какъ кочевниковъ, которые, не имѣя нигдѣ постоянныхъ жилищъ, безпокоятъ нападеніями своими греческія поселенія и въ то же время находятся между собою въ постоянной враждѣ. Плиній уже прямо заявляетъ, что отъ Скиѳовъ сохранилось только одно имя, которое произвольно переносится писателями отъ одного племени къ другому и придается то Германцамъ, то Сарматамъ. И мы дѣйствительно видимъ, что у позднѣйшихъ писателей византійскихъ, общее названіе *Скиѳовъ* является въ значеніи *варваровъ вообще* и примѣняется къ Гуннамъ!

Ближайшее изученіе всего, что сообщаютъ намъ о Скиѳахъ писатели греческіе, въ связи съ изученіемъ тѣхъ памятниковъ, которыми обогатили археологическую науку раскопки на югѣ Россіи — привело ученыхъ новѣйшаго времени къ тому заключенію, что обширная группа скиѳскихъ народовъ несомнѣнно заключала въ себѣ элементъ славян-

скій. Вотъ почему и неудивительно, что мы въ подробностяхъ Геродотова разсказа о нравахъ скиѳскихъ, и въ данныхъ, доставленныхъ изслѣдованіемъ скиѳскихъ могильныхъ насыпей—видимъ много чертъ, явно изобличающихъ сродство Скиѳовъ съ племенами славянскими.

Любопытнымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія могутъ намъ служить тѣ очерки скиѳскихъ нравовъ, которые встрѣчаемъ у византійца Приска Панійскаго въ его отчетѣ о странствованіяхъ посольства, отправленнаго изъ Византіи къ Аттилѣ, въ 448 г. по Р. Хр.

Прискъ, сопровождавшій посольство въ качествѣ секретаря и совѣтника, близко видѣлъ Гунновъ, прожилъ довольно долгое время при дворѣ Аттилы и совершилъ большое путешествіе по землямъ, завоеваннымъ грознымъ владыкою Гунновъ. Давая общее названіе *Скиѳовъ* всѣмъ племенамъ, обитающимъ въ при-дунайскихъ и при-карпатскихъ мѣстностяхъ, Прискъ въ то же время называетъ этихъ Скиѳовъ «сборищемъ разныхъ народовъ» и говоритъ, что они, кромѣ «своего варварскаго языка», охотно употребляютъ языкъ Гунновъ или Готѳовъ. Когда же онъ переходитъ къ описанію скиѳскихъ нравовъ и обычаевъ, то мы безъ затрудненія узнаемъ Славянъ въ Скиѳахъ Приска. Такъ, напримѣръ, эти Скиѳы, по его описанію, отличаются замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ; иноземцы, поселившіеся между ними, ведутъ жизнь спокойную и беззаботную. На встрѣчу Аттилѣ выходятъ попарно скиѳскія дѣвушки, держась за руки и распѣвая пѣсни, а жена его главнаго вельможи принимаетъ Аттилу у порога своего дома съ хлѣбомъ-солью. Скиѳянки-рабыни, окружающія одну изъ женъ Аттилы, испещряютъ разноцвѣтными вышивными узорами полотняныя покрывала (полотенца, убрусы), которыя варвары, ради красы, любятъ носить поверхъ своей одежды. Самые дома Скиѳовъ, по описанію Приска, красиво отстроенные изъ бревенъ и украшенные тесовой рѣзьбой, напоминаютъ наши сѣверныя избы. Но и этого мало. Прискъ, вдаваясь въ подробности быта Скиѳовъ, доставляетъ намъ еще болѣе матеріаловъ для сравненія: его Скиѳы стригутъ волосы въ кружокъ, парятся въ баняхъ (которыя даже и у знатныхъ людей занимаютъ самое видное мѣсто среди ихъ двора), пьютъ медъ и «добываемое изъ ячменя питье, которое на своемъ варварскомъ языкѣ называютъ *камосъ* (квасъ?)» ([64]).

Приводя всѣ эти подробности о бытѣ Скиѳовъ, Прискъ въ то же время сообщаетъ намъ, что между Скиѳами его времени еще живы были въ видѣ преданій отголоски тѣхъ вѣрованій, съ которыми насъ знакомитъ разсказъ Геродота. Ясно, что и здѣсь, въ разсказѣ Приска, мы встрѣчаемся, подъ общимъ названіемъ Скиѳовъ, съ такою же смѣшанною народностью, съ какою насъ ознакомилъ безсмертный «отецъ исторіи» въ своемъ увлекательномъ разсказѣ о Скиѳіи. Въ Скиѳахъ Геродотовыхъ мы уже должны были отмѣтить бытовыхъ

чертъ, несомнѣнно славянскихъ; черезъ тысячу лѣтъ послѣ Геродота мы встрѣчаемъ въ разсказѣ Византійца Приска, подъ тѣмъ-же общимъ наименованіемъ Скиѳовъ, еще болѣе опредѣлившійся типъ славянской народности.

Но и здѣсь, въ V в. по Р. Хр., какъ и 1000 лѣтъ назадъ, народность славянская еще не выступаетъ самостоятельно, открыто, подъ своимъ именемъ и со своимъ знаменемъ... Ее можно еще только угадывать среди несмѣтныхъ полчищъ Гунновъ, вынудившихъ и славянскія племена двинуться на Западъ и принять, вмѣстѣ съ ними, участіе въ разрушеніи Западной Римской Имперіи.

Рис. 89. Скиѳъ на конѣ (золотая бляшка, служившая украшеніемъ пояса).

СЛАВЯНЕ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СЛАВЯНЕ.

Общая картина разселенія Славянъ.—Важныя услуги, оказанныя сравнительнымъ языкознаніемъ изученію древнѣйшаго быта Славянъ въ періодѣ арійскомъ и общеславянскомъ —Очеркъ быта Славянъ по извѣстіямъ иностранцевъ.—Значеніе источниковъ.—Жилища Славянъ.—Занятія и образъ жизни.—Вооруженіе и способы веденія войны.—Бытъ семейный и общественный.—Наружность Славянъ; одежда; характеръ и природныя свойства.

Древнѣйшія свѣдѣнія о Руси, доставляемыя лѣтописью.—Рано развившійся городской бытъ.—Два вида городовъ.—Значеніе городищъ.—Городская жизнь.—Промыслы и ремесла.—Сословія.—Пути и способы торговли.—Особенности семейнаго быта.—Двѣ формы браковъ.—Бѣдность религіозныхъ вѣрованій.—Воззрѣніе на смерть и загробную жизнь.—Два способа погребенія мертвыхъ.—Различіе въ обрядахъ сожженія, подтверждаемое археологическими данными.

Древнѣйшія свѣдѣнія о Славянахъ, какъ объ отдѣльной народности, у византійскихъ писателей не восходятъ далѣе VI вѣка. До этого времени Византійцы не говорятъ намъ ничего точнаго и опредѣленнаго о Славянахъ. Весь сѣверо-востокъ Европы представлялся Византійцамъ сплошь заселеннымъ Скиѳами. Скиѳовъ видѣли Греки и на сѣверъ отъ Чернаго моря, въ степяхъ между Дономъ и Волгою, и на сѣверъ отъ устьевъ Днѣпра, хорошо и близко знакомыхъ греческимъ колонистамъ, заселявшимъ сѣверные берега Понта Евксинскаго. Слово «Скиѳъ», какъ мы уже видѣли выше, вовсе не являлось для Грека названіемъ племени, имѣющимъ опредѣленный этнографическій смыслъ.

Вполнѣ соотвѣтствующимъ, по степени неопредѣленности, греческому названію Скиѳовъ являлось латинское названіе «Сарматовъ». Подъ общимъ названіемъ Сарматіи у римскихъ писателей разумѣется вся обширная равнина сѣверо-восточной Европы, простиравшаяся на в. отъ Балтійскаго моря и Вислы, и на юго-востокъ до самаго Дона и Каспійскаго м [illegible] Эта Сарматія, подобно Скиѳіи Грековъ, также рисовалась в[illegible] римскихъ писателей сплошнымъ простран-

*

ствомъ степей и лѣсовъ, заселенныхъ дикими и неукротимыми племенами кочевниковъ. Такою и должна была представляться Римлянину эта мрачная и недоступная его завоеваніямъ даль, обширное поле какихъ-то громадныхъ народныхъ движеній, страна, черезъ которую непрестанно, какъ грозныя тучи, надвигались и шли на Европу все новыя и новыя орды варваровъ, передъ которыми начинало трепетать, склоняться и отступать римское могущество.

Мало-по-малу, однако-же, этотъ сарматскій мракъ начинаетъ разсѣяваться: Сарматію начинаютъ подраздѣлять на части; изъ сплошной массы ея населенія выдѣляются постепенно отдѣльныя племена. Писатели перваго вѣка нашей эры (Тацитъ и Плиній Старшій) уже знаютъ о существованіи Венетовъ, отдѣльнаго племени сарматскаго, которое отличаютъ и отъ германскихъ, и отъ финскихъ племенъ, его близкихъ сосѣдей, а затѣмъ называютъ намъ по имени и другое племя, «Сербовъ», жившее, какъ они полагаютъ, далѣе къ востоку. Имя *Сербы* или *Сервы* (у Прокопія—*Споры*), какъ кажется, дошло къ византійскимъ писателямъ отъ самихъ Славянъ, какъ одно изъ ихъ туземныхъ племенныхъ названій; имя *Венетовъ*, *Венедовъ*, напротивъ того, было придано Славянамъ Германцами и уже черезъ нихъ перешло къ ихъ южнымъ сосѣдямъ. Рядъ свидѣтельствъ о Венетахъ тянется до VII в. по Р. Хр., и на основаніи этихъ свидѣтельствъ можно предполагать, что область ихъ поселеній занимала весьма значительную часть нынѣшней восточной Европы, простираясь отъ озера Ильменя и верховьевъ Волги на юго-востокъ почти до р. Дона, а на западъ — мимо верховьевъ Днѣстра — до горъ Карпатскихъ и Вислы ([65]).

Должно предполагать, что они уже очень рано распространили свои поселенія на югъ, къ низовьямъ Днѣпра и прибрежьямъ Понта, не могли въ борьбѣ съ Готами сохранить своей самостоятельности и отчасти подпали ихъ власти. Но вскорѣ послѣ того, вторженіе Гунновъ, вѣроятно, вынудило Славянъ къ новымъ передвиженіямъ, хотя Гунны и освобождаютъ ихъ отъ ига Готовъ и, впослѣдствіи, вступаютъ съ ними въ такія мирныя, дружественныя отношенія, что нѣкоторые писатели даже смѣшиваютъ Гунновъ со Славянами ([66]).

Разрушеніе быстро образовавшейся Гуннской державы и окончательное паденіе Западной Римской Имперіи, почти совпавшія на грани V—VI вѣковъ, открываютъ новую эпоху въ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ, въ особенности же народовъ славянскихъ.

Когда послѣ паденія Гуннскаго царства, Остготы и Гепиды продвинулись далѣе на западъ, Славяне могли свободно владѣть берегами Понта и низовьями Дуная. Когда же, съ другой стороны, слѣдуя общему теченію, Лонгобарды и Герулы покинули свои прежнія поселья— Славяне могли раздвинуть предѣлы владѣній своихъ и на западъ, и

укрѣпили славянскій элементъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ они до того времени могли проживать только въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ поселеній.

Очевидно, что это движеніе племенъ славянскихъ много способствовало тому, чтобы и западные хронисты, и писатели византійскіе ближе ознакомились съ этимъ новымъ народомъ, выступавшимъ на историческую сцену; и дѣйствительно, съ начала VI вѣка, свѣдѣнія о Славянахъ становятся гораздо болѣе ясными и точными. Это особенно замѣтно изъ того, что писатели VI вѣка уже начинаютъ придавать народамъ славянскимъ ихъ настоящее, общее имя: названіе *Сербы* (Сорбы, Споры), очевидно заимствованное отъ одного племени и перенесенное на всѣхъ Славянъ Нѣмцами—одинаково уступаетъ мѣсто другимъ, болѣе правильнымъ названіямъ. Іорнандъ, писавшій между 551—555 гг., упоминая о Венетахъ, даже очень близко знакомитъ насъ съ наступленіемъ этого новаго періода въ знакомствѣ Запада со Славянами, когда изъ сплошной, неясной, разноплеменной массы стала отчетливо выдѣляться группа народовъ славянскихъ.

...«За Дунаемъ»—говоритъ Іорнандъ—«лежитъ Дакія, огражденная высокими горами; по лѣвую сторону ихъ, къ сѣверу, отъ самыхъ истоковъ рѣки Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ обитаетъ многолюдный народъ *Виниды*. Хотя *теперь имена ихъ измѣняются*, *по различію племенъ и поселеній*, однако они *преимущественно называются Славянами и Антами*».

Прокопій,—современный Іорнанду писатель византійскій,—перечисляя по порядку народы, обитающіе при устьѣ Дона и по берегамъ Меотійскаго залива (Азовскаго моря), заканчиваетъ описаніе свое слѣдующими словами:... «дальнѣйшіе края на сѣверѣ занимаютъ *безчисленные народы Антовъ*» ([67]).

Большая достовѣрность и большее обиліе извѣстій о Славянахъ съ VI в. объясняется тѣмъ, что они въ періодъ времени отъ VI—VIII вѣкъ распространяютъ свои поселья не только на западъ, но проникаютъ въ задунайскія области Восточной Римской Имперіи, въ Мизію, Ѳракію и Македонію, а оттуда, въ VII и началѣ VIII вѣка, отдѣльныя поселенія славянскія являются не только въ Ѳессаліи и Эпирѣ, но даже и въ самомъ Пелопоннезѣ. Напоръ славянскаго потока оказывается даже настолько сильнымъ, что, наконецъ, въ средѣ греческихъ писателей начинаютъ слышаться жалобы на *ославяненіе* всей Эллады ([68]).

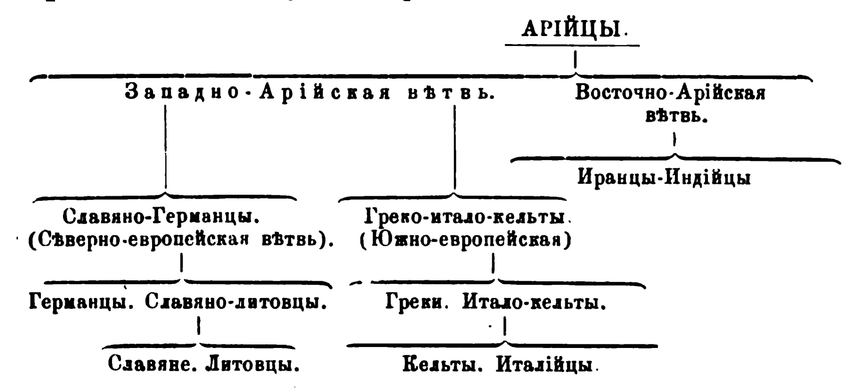
Вмѣстѣ съ этимъ наплывомъ славянскаго элемента на Византію, конечно, болѣе и болѣе возрастаетъ знакомство Византійцевъ со Славянами и выражается въ томъ, что имя Антовъ исчезаетъ безслѣдно, и общимъ нарицательнымъ названіемъ всѣхъ племенъ, занимавшихъ

въ VI в. поселья Венедовъ, является и донынѣ сохраненное ими наименованіе *Славянъ*.

Не ясныя и скудныя данныя, сообщаемыя Византійцами о различныхъ передвиженіяхъ Славянъ восполняются отчасти славянскими преданіями. На Дунай и при-дунайскія мѣстности указываютъ они, какъ на древнѣйшую родину Славянъ. Тщательное изученіе географическихъ названій подтверждаетъ эти преданія, доказывая, что славянскія племена много вѣковъ сряду пребывали въ Карпатахъ и на Дунаѣ, и оставили въ наименованіяхъ урочищъ долговѣчную память о себѣ даже и тамъ, гдѣ давно уже нѣтъ слѣдовъ славянскаго поселенія. Тѣ-же преданія сохранили довольно смутное воспоминаніе о движеніи Славянъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Но далѣе этихъ смутныхъ преданій, далѣе отрывочныхъ извѣстій о бытѣ Славянъ, оставленныхъ намъ византійскими и западными хронистами, въ глубь вѣковъ оказалось возможно заглянуть только тогда, когда сравнительное изученіе славянскихъ нарѣчій открыло новые пути для изслѣдованія славянской древности. Только благодаря этому изученію, удалось разсѣять мракъ, покрывавшій начала исторіи Славянъ и опредѣлить ихъ настоящее мѣсто въ семьѣ арійскихъ народовъ.

Изученіе языковъ арійскаго или индо-европейскаго племени, какъ со стороны ихъ грамматическихъ формъ, такъ и со стороны кореннаго значенія словъ, привело ученыхъ къ тому заключенію, что всѣ Арійцы когда-то, въ весьма отдаленное время, жили еще въ одной общей прародинѣ и говорили однимъ общимъ языкомъ. Съ теченіемъ времени однакоже этотъ одинъ народъ сталъ подраздѣляться на отдѣльныя вѣтви, а эти отдѣльныя вѣтви въ свою очередь—распадаться на отдѣльныя племена, по мѣрѣ того, какъ великое арійское племя выселялось изъ прародины и селилось на новыхъ посельяхъ. Сообразно этому распаденію и этимъ выселеніямъ, видоизмѣнялись и первоначальныя основы языка-праотца, который тоже распадался на вѣтви и подраздѣлялся на новые, отдѣльные другъ отъ друга языки. Сравнительное изученіе языковъ арійскаго племени дало возможность даже набросать въ общихъ чертахъ тотъ путь, которымъ шло распаденіе арійскаго племени на отдѣльныя вѣтви, и распаденіе этихъ вѣтвей на отдѣльныя племена, что̀ и привело къ образованію всѣхъ нынѣ-извѣстныхъ европейскихъ языковъ. Предполагаютъ, что сначала Арійцы распались на двѣ главныя вѣтви: восточную и западную. Восточная вѣтвь впослѣдствіи выдѣлила изъ себя два племени: иранское и индійское. Западная, выселившаяся въ Европу распалась первоначально *на сѣверно-европейскую* или *славяно-германскую* вѣтвь и на *южно-европейскую* или *греко-итало-кельтійскую*. Впослѣдствіи, славяно-германская вѣтвь, въ свою очередь, распалась—на *германскую* и *славяно-литовскую*. Отъ первой произошли *Германцы*,

отъ второй *Славяне* и *Литовцы*. Все вышеизложенное можетъ быть наглядно выражено въ слѣдующей родословной таблицѣ:

То-же сравнительное изученіе языковъ арійскаго племени дало возможность прійти къ тому заключенію, что славяно-германская (сѣверно-европейская) вѣтвь ранѣе всѣхъ другихъ отдѣлилась отъ обще-арійской семьи и направилась на Западъ. За нею послѣдовала южно-европейская вѣтвь, а индо-иранская (восточно-арійская) вѣтвь долѣе всего оставалась на мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселій, въ общей арійской прародинѣ. Когда сѣверно-европейская вѣтвь раздѣлилась на германскую и славяно-литовскую, и много времени спустя, эта послѣдняя вѣтвь распалась на двѣ народности — славянскую и литовскую—то славянской народностью усвоенъ былъ одинъ общій языкъ *славянскій*, праотецъ всѣхъ нынѣ-извѣстныхъ славянскихъ нарѣчій.

Принимая въ соображеніе всѣ эти постепенные переходы и фазисы развитія языка, мы должны непремѣнно прійти къ тому же выводу, къ которому и пришла наука сравнительнаго языкознанія: нынѣ существующіе языки славянскіе, вмѣстѣ взятые, должны были сохранить въ себѣ слѣды того періода, когда они еще составляли одинъ общій языкъ нераспавшагося на отдѣльныя племена народа славянскаго; а такъ какъ языкъ служитъ живымъ отраженіемъ жизни и быта народнаго, то при помощи запаса словъ, общихъ всѣмъ языкамъ славянскимъ, не трудно составить себѣ довольно правильное представленіе о степени развитія и бытѣ Славянъ въ ту эпоху, когда они, отдѣлившись отъ общей арійской семьи, однако-же еще составляли одинъ общій славянскій народъ. Такимъ же образомъ, выдѣливъ изъ всѣхъ извѣстныхъ славянскихъ нарѣчій запасъ корней, общихъ языкамъ славянскимъ и остальнымъ европейскимъ, не трудно составить себѣ подобное же понятіе о степени развитія и о бытѣ западно-арійской вѣтви народовъ (отъ которой и произошли Славяне) въ ту отдаленную пору, когда эта вѣтвь еще не отдѣлилась отъ обще-арійской семьи.

И такъ, вотъ как[illegible]темъ удалось ученымъ возстановить до нѣкоторой степени ис[illegible]шаго быта Славянъ за много вѣ-

ковъ до той эпохи, когда они, подъ именемъ Скиѳовъ и Венетовъ, стали доступны наблюденію греческихъ и римскихъ писателей. Прежде, чѣмъ приступимъ къ подробному обзору быта Славянъ восточныхъ въ болѣе близкое намъ время VI—IX вв. по Р. Хр., бросимъ бѣглый взглядъ на то, что́ при помощи сравнительнаго языкознанія сдѣлано для изученія древнѣйшаго общеарійскаго періода. Затѣмъ перейдемъ къ обзору періода *обще-славянскаго*, на основаніи тѣхъ же данныхъ языка, и наконецъ — къ общей картинѣ быта Славянъ восточныхъ, на основаніи древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ.

На основаніи данныхъ доставляемыхъ этою областью наблюденія, народы арійскаго племени уже и въ обще-арійскій періодъ стояли на степени развитія, весьма далекой отъ первобытнаго дикаго состоянія; языкъ указываетъ на существованіе *семьи* различныхъ *степеней родства* и обладаетъ выраженіями для такихъ общихъ понятій, какъ *мужъ*, *жена*, *юноша*, *дѣвушка*. Выраженіе *вдова* указываетъ на то, что вдовство допускалось и что супруга не осуждалась на одновременную смерть со своимъ супругомъ, какъ было позднѣе у Индійцевъ.

Судя по нѣкоторымъ намекамъ языка, и въ обще-арійскомъ періодѣ Арійцы не были исключительно ни рыболовнымъ, ни охотничьимъ племенемъ, а скорѣе кочующимъ пастушескимъ. Это не трудно заключить изъ того что всѣ домашнія животныя (коровы, козы, бараны, лошади, свиньи, собаки) были уже имъ извѣстны, между тѣмъ какъ знакомство ихъ съ дикими животными было чрезвычайно ограниченно *). Скотъ же являлся и въ значеніи богатства, и въ значеніи предмета для мѣны. Отъ пастушескаго быта оказывались заимствованными и древнѣйшія выраженія для обозначенія такихъ понятій, какъ *правитель*, *вождь*, *защитникъ*.

Впрочемъ, можно предположить нѣкоторое знакомство съ земледѣліемъ, хотя и въ весьма первобытной формѣ. Греча (и можетъ быть пшеница) была уже извѣстна; ее мололи въ муку на ручныхъ мельницахъ и употребляли въ пищу вмѣстѣ съ вареньмъ мясомъ. Вино еще не было извѣстно: мѣсто его заступало какое-то одуряющее питье, добываемое изъ растительныхъ соковъ;—употребленіе его находилось въ нѣкоторой связи съ религіозными обрядами.

Изъ ремеслъ извѣстны были: тканье, плетеніе, шитье, умѣнье изготовлять нѣкоторыя орудія для обработки земли. Было нѣкоторое знакомство съ металлами: золото, серебро и мѣдь были извѣстны Арійцамъ. О письменахъ не существовало въ ту пору никакого понятія; важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу довольно значительной степени

*) Находятъ только названія волка, медвѣдя и зайца.

развитія служитъ умѣнье считать десятками и отличать цвѣта отдѣльными названіями.

Языкъ сохранилъ представленіе объ умѣренномъ климатѣ и отличительныхъ его растеніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ изобличаетъ полное незнакомство и съ моремъ, и съ мореплаваніемъ.

Любопытною чертою этого древнѣйшаго періода является то, что въ обще-арійскомъ запасѣ словъ существуютъ выраженія, служащія только для описанія мирнаго быта и его занятій, и положительно не существуетъ никакихъ выраженій, заимствованныхъ изъ быта военнаго:—все, касающееся этой стороны народной жизни, принадлежитъ позднѣйшему періоду отдѣльнаго существованія разрозненныхъ вѣтвей обще-арійскаго корня (69).

Отдѣлившись отъ общей семьи народа арійскаго племени, Славяне занимали территорію, которая выше была уже указана нами, какъ территорія Венетовъ, и говорили на языкѣ, изъ котораго вышли не только всѣ нынѣшніе, но и многіе, давно уже вымершіе языки славянскіе.

Когда именно овладѣли Славяне своею территоріею—съ точностью опредѣлить не возможно. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, однакоже, не безъ основанія предполагаютъ, что это постепенное заселеніе должно было произойти въ концѣ бронзоваго вѣка. Доселѣ произведенныя археологическія изслѣдованія дѣйствительно привели къ тому важному результату, что на пространствѣ между Дономъ и Вислой—не встрѣчается вовсе предметовъ, принадлежавшихъ древнѣйшему періоду бронзоваго вѣка, который, какъ мы уже видѣли выше, коснулся только двухъ окраинъ древней славянской территоріи.

Но на той же территоріи славянской, рядомъ съ каменными издѣліями древнѣйшаго и позднѣйшаго періода, отрываютъ изъ земли множество предметовъ изъ желѣза, которое греческимъ колоніямъ (а слѣдовательно и сосѣднимъ съ ними племенамъ) было извѣстно уже во времена Геродота. Изслѣдованія языковъ славянскихъ, съ другой стороны, усилили значеніе этихъ археологическихъ находокъ тѣмъ важнымъ свидѣтельствомъ, что *желѣзо* было уже извѣстно Славянамъ еще до ихъ раздѣленія на отдѣльныя племена, и притомъ въ такое время, когда въ средней Европѣ бронзовый вѣкъ несомнѣнно еще продолжался, не уступая мѣста вѣку желѣзному.

Легко можетъ быть, что знакомство съ желѣзомъ и его обработкою было въ значительной степени облегчено Славянамъ вліяніемъ сосѣднихъ съ ними на югѣ греческихъ колоній; но, во всякомъ случаѣ, и [illegible] тверждать положительно, что бронза могла проникать къ

Славянамъ только съ запада, и что на той территоріи, которую они первоначально заняли въ Европѣ, они нашли рѣдкое населеніе, состоявшее изъ племенъ, находившихся на весьма низкой степени развитія, и между которыми камень еще служилъ матеріаломъ для выдѣлки орудій и оружія.

Занявъ территорію, изрѣзанную множествомъ рѣкъ, покрытую болотами и озерами, поросшую дремучими, дѣвственными лѣсами, Славяне должны были потратить громадныя усилія на расчистку и обработку своихъ земель, на проложеніе путей для своей колонизаціи — и на этотъ громадный трудъ ушло много вѣковъ! Только принимая въ соображеніе этотъ трудъ, мы начинаемъ понимать, почему именно Славяне, при всѣхъ врожденныхъ имъ способностяхъ и добродѣтеляхъ, послѣдніе изъ числа арійскихъ народовъ выступаютъ на историческую сцену.

Изъ фактовъ, доставленныхъ изученіемъ обще-славянскаго языка, оказывается возможно прійти къ слѣдующимъ двумъ важнымъ выводамъ: уже и въ V в. до Р. Хр. Славяне успѣли обособиться отъ Литовцевъ, и, занимая выше указанную нами территорію, по нарѣчіямъ уже распадались на двѣ вѣтви (сѣверо-восточно-южную и западную).

Самыя условія почвы и климата тѣхъ равнинъ, которыя заняты были Славянами въ Европѣ, можетъ быть въ значительной степени способствовали тому, чтобы развить и усилить въ Славянахъ привязанность къ земледѣлію. Факты, добытые путемъ изученія славянскихъ языковъ, ясно указываютъ на то, что и въ періодъ нераздѣльнаго пребыванія славянскихъ племенъ на одной общей территоріи, земледѣліе и пчеловодство были любимыми и наиболѣе распространенными промыслами среди Славянъ. На это указываютъ общія всѣмъ славянскимъ языкамъ слова: *пчела, улей, медъ, воскъ*; а также и общность названій для *плуга* и его частей и для важнѣйшихъ видовъ хлѣбныхъ растеній: *ржи, пшеницы, ячменя, проса*. Еще болѣе любопытнымъ въ томъ же смыслѣ является слово *жито* (1), въ смыслѣ названія всѣхъ вообще хлѣбныхъ растеній, указывающее на хлѣбныя растенія, какъ на главный, преобладающій родъ пищи у племенъ славянскихъ и въ ту отдаленную пору, точно также какъ и нынѣ. Въ общераспространенности земледѣльческаго промысла между Славянами въ эпоху ихъ нераздѣльной, совмѣстной жизни, убѣждаетъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ славянскими нарѣчіями и то, что всѣ нынѣ-употребляемые сельскохозяйственные термины и тогда уже были извѣстны Славянамъ. Слова: *орать, сѣять, жать, вѣять, молоть, молотить; коса, серпъ, мотыка, лопата, возъ; сѣно, гумно, житница*—существуютъ во всѣхъ языкахъ славянскихъ до настоящаго времени: слѣдовательно, они должны были существовать и въ томъ языкѣ-праотцѣ, отъ котораго произошли всѣ нынѣшніе языки

славянскіе. Рядомъ съ этими драгоцѣнными свидѣтельствами въ пользу древности и преобладающаго значенія земледѣлія какъ промысла, сравнительное изученіе языковъ славянскихъ даетъ намъ и о другихъ сторонахъ быта довольно точныя понятія. Такъ, напр., изъ этого источника узнаемъ мы, что Славяне и въ древнѣйшую эпоху уже употребляли въ пищу *мясо*, *молоко*, *овощи*, а изъ плодовъ знали *яблоки*, *груши*, *вишни*, *сливы*, *орѣхи*. Изъ деревьевъ имъ были извѣстны: *дубъ*, *липа*, *яворъ* (кленъ), *букъ*, *верба*, *береза*—слѣдовательно, только тѣ, которыя въ Европѣ растутъ между 46—59° и принадлежатъ умѣренной полосѣ. Всѣ славянскія названія деревьевъ и кустарниковъ, растущихъ южнѣе и сѣвернѣе этой полосы, составляютъ частную собственность отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, изъ чего можно заключить, что знакомство Славянъ съ ними было результатомъ позднѣйшаго ихъ разселенія.

Преобладаніе земледѣлія надъ всѣми остальными промыслами уже обусловливаетъ значеніе и степень развитія, на которой находились Славяне до эпохи разселенія изъ древнѣйшей своей территоріи. Многія стороны быта развиваются въ средѣ осѣдлаго, земледѣльческаго населенія изъ той привязанности, которая проявляется въ земледѣльцѣ, какъ естественное слѣдствіе тѣсной связи, устанавливающейся между нимъ и землею, на обработку которой онъ не щадитъ своихъ трудовъ.

На глубокую древность осѣдлости и прочныхъ поселеній между Славянами указываетъ цѣлый рядъ словъ, во главѣ которыхъ стоятъ слова *весь* (въ смыслѣ *деревни*, *селенія*) и *домъ*, а также и полное собраніе терминовъ для обозначенія отдѣльныхъ частей дома и двора, указывающее на то, что домъ Славянина не былъ ни шалашомъ, ни землянкою дикаря. Это доказывается общимъ распространеніемъ словъ: *стѣна*, *стрѣха*, *окно*, *дверь*, *порогъ*, *пещь*, и рядомъ съ ними *изба* (истба), *пивница*, *гумно*, *хлѣвъ*, *дворъ*.

Слово *градъ*, существующее во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не имѣетъ (какъ и въ болѣе позднемъ періодѣ) значенія города, а только огражденнаго пункта, избраннаго для обороны.

По отношенію къ ремесламъ, Славяне, въ начальный періодъ своего отдѣльнаго существованія, недалеко ушли отъ того, что мы уже видѣли въ общеарійскомъ періодѣ. Языкъ указываетъ только на *тканье*, *плетеніе*, умѣнье изготовлять необходимую *обувь* и *одежду*. Постоянное пребываніе въ странѣ лѣсистой и необходимость строить дома изъ дерева рано ознакомили ихъ съ *плотничествомъ*, какъ это можно видѣть изъ общаго распространенія глагола *тесать* и названія важнѣйшихъ орудій плотника: *сѣкира*, *длато* (долото), *клещи*.

При давнемъ существованіи вполнѣ установившагося осѣдлаго быта, конечно, извѣстны были Славянамъ и первыя основы общественности,

какъ это можно видѣть изъ словъ *право*, *правда*, *судъ*. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что для нѣкоторыхъ понятій, мы не находимъ общихъ выраженій въ славянскихъ языкахъ. Такъ напримѣръ не видимъ общихъ терминовъ для обозначенія понятій «наслѣдованія и имущества», что̀ можетъ быть объясняется преобладаніемъ родоваго начала въ устройствѣ первоначальныхъ славянскихъ обществъ. Точно также не находимъ никакихъ общихъ терминовъ для обозначенія «монеты, денегъ» въ древнѣйшемъ періодѣ славянства: всѣ позднѣйшія, отдѣльныя названія этого общаго понятія заимствованы изъ различныхъ сторонъ быта или переняты у другихъ сосѣднихъ народовъ ([70]).

Изложивъ вкратцѣ и сопоставивъ то, что можно извлечь наиболѣе замѣчательнаго изъ фактовъ, доставленныхъ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ языковъ, по отношенію къ исторіи древнѣйшаго быта Славянъ въ обще-арійскомъ и потомъ въ обще-славянскомъ періодѣ, мы обратимся къ изученію быта Славянъ въ болѣе близкій къ намъ періодъ, на сколько это возможно по сохранившимся намъ письменнымъ памятникамъ.

Память о древнихъ передвиженіяхъ Славянъ сохранилъ намъ и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, пытающійся пояснить одно изъ движеній славянскаго племени тѣмъ, что «Волохи нашли на Славянъ Дунайскихъ, насѣли на нихъ и насиловали ихъ». Затѣмъ онъ разсказываетъ подробно, какъ разселились первые славянскіе пришельцы, осѣвшіе на Днѣстрѣ и его притокахъ. Одни изъ нихъ, по разсказу лѣтописца, назвались Полянами, «потому что сѣли въ поляхъ»; другіе — Древлянами, «потому что сѣли въ лѣсахъ». Нѣкоторая часть славянскихъ пришельцевъ сѣла между рѣками Припетью и Западною Двиною и назвалась «Дреговичами» (отъ слова: *дрегва*, *дрягва*, болото); третьи, наконецъ, сѣли по Западной Двинѣ и назвались Полочанами, отъ рѣчки Полоты, впадающей въ Двину. Нѣкоторая часть Славянъ пошла еще далѣе на сѣверъ и поселилась на берегу Ильменя-озера, сохранивъ свое исконное названіе *Славянъ*: «прозвались своимъ именемъ», говоритъ лѣтописецъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ племенамъ, будто-бы принявшимъ прозвища отъ своихъ новыхъ поселій. По словамъ лѣтописца, Полочане (они-же и Кривичи), занявъ сначала верховья Двины, заняли впослѣдствіи верховья Днѣпра и Волги; на югъ отъ нихъ осѣли Сѣверяне, поселившіеся по рр. Деснѣ, Семи и Сулѣ. Далѣе всѣхъ выселились на сѣверо-востокъ Радимичи и Вятичи, которыхъ лѣтописецъ производитъ отъ Ляховъ (слѣдовательно, отъ западно-славянской отрасли), утверждая, что они получили свое прозваніе отъ именъ двоихъ родоначальниковъ: Радима и Вятко, изъ

которыхъ первый сѣлъ съ родомъ своимъ на р. Сожѣ, а второй—на Окѣ. Набросавъ эту картину разселенія славянскихъ племенъ, двинувшихся съ береговъ Дуная въ сѣв.-восточномъ направленіи, лѣтописецъ прибавляетъ еще, что на западъ отъ Полянъ, по Западному Бугу, жили Дулѣбы (они-же Бужане), за ними на западъ, въ нынѣшней Галиціи—Хорваты; а по Днѣстру до моря и морскому побережью до Дуная —многочисленныя и сильныя племена Угличей и Тиверцевъ.

Изъ словъ лѣтописца ясно, что Радимичи и Вятичи позднѣе всѣхъ другихъ заняли мѣста своихъ поселеній, а Хорваты, Дулѣбы, Угличи и Тиверцы, по видимому, вовсе не участвовали въ общемъ движеніи, и только продолжали жить на мѣстахъ своихъ давнихъ поселій. Подъ именемъ Угличей и Тиверцевъ лѣтописецъ, очевидно, разумѣетъ тѣже племена, которыя, какъ мы видѣли выше, уже въ VI в. были извѣстны и византійскимъ, и западнымъ писателямъ подъ именемъ Антовъ, и прибавляетъ, что у Грековъ эти племена (а можетъ быть и мѣсто ихъ жительства) назывались «*Великая Скуѳь* (т. е. Скиѳія)».

Важною отличительною чертою этой картины разселенія славянскихъ племенъ по Днѣпру и его притокамъ и далѣе на сѣверъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ является то, что лѣтописецъ, хотя и не говоритъ, когда именно поселились Славяне въ при-Днѣпровьѣ и въ верховьяхъ Волги, но, по-видимому, даетъ поводъ думать, что это разселеніе могло произойти не очень давно; а между тѣмъ, поселенія эти, какъ мы уже указывали выше, относятся къ эпохѣ весьма отдаленной. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ частныхъ, видовыхъ названій отдѣльныхъ племенъ, приводимыхъ нашимъ лѣтописцемъ, были уже ранѣе IX вѣка извѣстны и западнымъ, и византійскимъ писателямъ, хотя первые и видѣли, на тѣхъ же мѣстахъ, поселья только одного обширнаго племени Венетовъ, а вторые—«безчисленные народы Славянъ и Антовъ».

Но всего изумительнѣе должно казаться то, что отдѣльныя племена славянскія, впослѣдствіи вошедшія въ составъ великаго Русскаго народа, до половины IX вѣка, ни у Византійцевъ, ни у западныхъ хронистовъ не являются подъ своимъ настоящимъ именемъ, подъ именемъ *Руси*, *Русскихъ*, тогда какъ съ X вѣка это имя покрываетъ собою всѣ частныя, видовыя названія славянскихъ племенъ, поселившихся на территоріи нынѣшней Россіи, и съ именемъ *Руси* Византійцы начинаютъ постоянно связывать понятіе о сильномъ Русскомъ народѣ и обширномъ Русскомъ государствѣ. Свѣдѣнія о *Руси* и бытѣ *Русскихъ* Славянъ сохранились, кромѣ нашей древней лѣтописи, въ извѣстіяхъ писателей византійскихъ, западныхъ и арабскихъ; но свѣдѣнія эти относятся къ эпохѣ довольно поздней, т. е. къ концу IX и къ X в. по Р. Хр. До половин вѣка всѣ эти источники молчатъ о Руси, хотя рядъ свидѣт нтійскихъ писателей о

бытѣ и нравахъ Славянъ тянется почти непрерывною нитью съ конца V и начала VI вѣка. Такъ какъ Русскій народъ, громко заявившій о своемъ существованіи и выступившій на сцену историческую въ IX вѣкѣ, долженъ былъ, конечно, въ нравахъ и обычаяхъ своихъ имѣть много общаго со всѣми Славянами, то свидѣтельства Византійцевъ о нравахъ и обычаяхъ Славянъ (преимущественно придунайскихъ) должны быть признаны весьма важнымъ матеріаломъ и для древнѣйшей исторіи быта восточной, собственно русской вѣтви Славянъ.

Изъ писателей византійскихъ наиболѣе важныя свѣдѣнія о Славянахъ находимъ у Прокопія (конецъ V, начало VI в.), императора Маврикія (582—602), императора Константина Багрянороднаго (905—959) и Льва, діакона Калойскаго (959 — 976). Не мѣшаетъ замѣтить, что, изъ числа поименованныхъ нами писателей, только Левъ-діаконъ писалъ какъ очевидецъ и сообщалъ факты, почерпнутые имъ изъ личнаго наблюденія. Любознательный и высоко образованный императоръ Константинъ Багрянородный, никогда не выѣзжавшій изъ столицы, почерпалъ свои драгоцѣнныя свѣдѣнія о Славянахъ изъ вторыхъ рукъ; что-же касается Прокопія и Маврикія, то хотя они и сами входили въ сношеніе съ нѣкоторыми народностями славянскими, жившими въ предѣлахъ византійской имперіи, но о многомъ говорятъ по наслышкѣ и по догадкамъ. Принимая во вниманіе свидѣтельства Византійцевъ, не слѣдуетъ забывать, что всѣ византійскіе писатели, какъ люди, привыкнувшіе къ утонченно-образованному быту классическихъ (греческихъ и римскихъ) центровъ, къ проявленіямъ и потребностямъ тысячелѣтней цивилизаціи, положительно не способны были понимать многія явленія простаго и нѣсколько грубоватаго быта племенъ славянскихъ и склонны были преувеличивать ихъ грубость, рисовать ихъ дикарями и варварами. Вотъ почему и слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою критикой къ весьма важнымъ свидѣтельствамъ византійскимъ, которыя съ VI вѣка почти непрерывною нитью тянутся до той минуты, когда восточная отрасль Славянскаго племени, сложившись въ видѣ земли Русской, окончательно выступила на историческое поприще и вынудила Византію вступить съ собою въ болѣе близкія сношенія.

Есть еще другой рядъ свидѣтельствъ, почти также непрерывно идущій отъ VII по X вѣкъ: свѣдѣнія, доставляемыя арабскими писателями, посѣщавшими области Волжскаго бассейна, крайней восточной и юго-восточной окраины Россіи. Арабы доставляютъ очень много и чрезвычайно любопытныхъ извѣстій, но, къ сожалѣнію, извѣстія эти чрезвычайно сбивчивы и запутаны, а собственныя имена лицъ, племенъ и мѣстностей такъ страшно искажены, что доставляютъ обширнѣйшее поле догадкамъ всякаго рода, и не даютъ возможности

отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ весьма многимъ изъ приводимыхъ арабскими писателями фактовъ. Наиболѣе важны, подробны и любопытны свѣдѣнія, доставленныя Ибнъ-Фадланомъ, которому пришлось нѣкоторое время прожить въ Болгарахъ на Волгѣ, и во время пребыванія своего тамъ видѣть и наблюдать Славянъ и Руссовъ. Кромѣ Ибнъ-Фадлана, важныя свѣдѣнія о Славянахъ (хотя и сообщаемыя по наслышкѣ) находимъ у Масуди, Аль-Истахри, Ибнъ-Даста.

Болѣе всего важны для исторіи собственно-русскаго быта факты, сообщаемые нашею первоначальною лѣтописью о бытѣ и нравахъ Славянъ Восточныхъ. Относительно этого источника сдѣлаемъ только двѣ небольшихъ оговорки. Условія разселенія славянскихъ племенъ на сѣв.-востокѣ Европы были далеко не одинаковы. Одни племена, поселившіяся въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, или же ближе къ древнему торговому пути съ сѣвера на югъ, должны были идти быстрѣе по пути развитія и установленія прочныхъ, опредѣленныхъ формъ гражданственности; другія, осѣвшія въ мѣстахъ дикихъ, лѣсныхъ и болотистыхъ, поставленныя въ необходимость бороться съ суровой природой и съ вытѣсненными славянскимъ наплывомъ финскими племенами—развивались туже, складывались медленнѣе. Но тѣмъ не менѣе, даже и племена, поставленныя въ эти невыгодныя условія, были очень далеки отъ состоянія дикости еще за пять, за шесть столѣтій до нашего лѣтописца, который, со своей христіанской, монашеской точки зрѣнія, любитъ нѣсколько преувеличивать грубость славянскихъ обычаевъ и нравовъ. Притомъ, лѣтописецъ, самъ Полянинъ по роду, хвалитъ Полянъ и ихъ нравы, рѣзко противополагая ихъ нравамъ и обычаямъ Древлянъ; въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго пристрастія къ Полянамъ. Замѣтимъ кстати, что въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ лѣтописца о Полянахъ, Древлянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, есть черты быта, несомнѣнно принадлежащія къ глубокой, сѣдой древности, можетъ быть уже отживавшей свой вѣкъ во времена, описываемыя нашими древнѣйшими письменными памятниками.

Древнѣйшія письменныя свидѣтельства византійскія даютъ намъ не очень выгодное понятіе о жилищахъ Славянъ. По свидѣтельству Прокопія, «всѣ Славяне жили въ дрянныхъ избахъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ». Къ свидѣтельству Прокопія о славянскихъ жилищахъ Маврикій добавляетъ только то, что «Славяне устроиваютъ въ своихъ жилищахъ много выходовъ на всякій случай»;... «все свое имущество зарываютъ въ землю, ничего лишняго не выставляя на показъ». Самый выборъ мѣста поселенія среди лѣсовъ и болотъ дѣлаетъ (по мнѣнію Маврикія) всякій походъ въ землю Славянъ совершенно невозможнымъ. Западные лѣтописцы также говорятъ, что Славяне, постоянно живущіе подъ страхомъ войны и нападенія, «не

заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды» (Гельмольдъ). Арабы тоже упоминаютъ о жилищахъ Славянъ, «построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей и обмазанныхъ глиною».... «Какъ только раздастся воинственный кликъ»,—говоритъ Гельмольдъ,—«они, собравши хлѣбные запасы, зарываютъ ихъ въ ямы вмѣстѣ съ золотомъ, серебромъ и другими драгоцѣнностями, а женъ и дѣтей уводятъ въ укрѣпленія и лѣса. Врагу ничего не остается, кромѣ хижины, потерю которой они считаютъ ничтожною». Едва ли слѣдуетъ вполнѣ довѣрять этимъ отзывамъ объ устройствѣ жилищъ славянскихъ; не говоря уже о вышеприведенныхъ нами свидѣтельствахъ языка, указывающихъ на давній, вполнѣ развитый осѣдлый бытъ, на житье *«домомъ»*, поименовывающихъ подробно и части дома,—мы только обратимъ вниманіе читателя на то, что и доселѣ, на югѣ Россіи, опрятное и уютное жилище Малоросса строится большею частью тѣмъ же первобытнымъ способомъ, т. е. стѣны его плетутся изъ вѣтвей и обмазываются толстымъ слоемъ глины, а крыша кроется камышемъ или соломой. Народамъ, привыкшимъ къ прочной и массивной каменной постройкѣ, къ строительнымъ матеріаламъ въ родѣ песчаника и мрамора, и южнорусская хата должна казаться «дрянною избою».

На основаніи нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, должно предполагать, что въ каждой такой избѣ помѣщалась отдѣльная семья, и каждая семья селилась на отдѣльномъ участкѣ. Ту же разбросанность жилищъ, составляющихъ нерѣдко одну и ту же деревню, замѣчаемъ и до сихъ поръ на всемъ югѣ и юго-западѣ Россіи. Бóльшую скученность, сплоченность населенія въ одномъ мѣстѣ—сёла и деревни въ великорусскомъ смыслѣ—слѣдуетъ считать явленіемъ сѣвернымъ.

Есть и еще одинъ поводъ недовѣрять вполнѣ этому описанію древняго славянскаго жилища или, по крайней мѣрѣ, предполагать, что жилища Славянъ не всюду были одинаково дурны. На Траяновой колоннѣ сохранились изображенія селеній и отдѣльныхъ жилищъ Даковъ, которыя, вѣроятно, строились точно также, какъ и жилища всѣхъ древнихъ народовъ, поселявшихся въ низовьяхъ Дуная. Какъ можно видѣть изъ прилагаемаго нами изображенія, жилища эти представляютъ собою неправильно построенныя, но крѣпко-сколоченныя деревянныя избы, крытыя тесомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ построены на сваяхъ, и входъ въ нихъ возможенъ былъ только снизу или со двора, такъ какъ наружныхъ дверей эти свайныя постройки не имѣютъ; другія избы выведены въ два яруса, съ дверями и окнами, обращенными наружу. Все селеніе обнесено деревянною (мѣстами даже двойною) оградою, съ бойницами и башенками и съ крѣпкими створчатыми воротами. Около этой ограды, въ качествѣ внѣшняго укрѣпленія, на нѣкоторыхъ изо-

Рис. 90—92. Виды дакійскаго городка и отдѣльныхъ дакійскихъ жилищъ (съ изображеній Траяновой колонны).

браженіяхъ дакійскихъ поселеній, видимъ еще тынъ, состоящій изъ заостренныхъ кольевъ. Съ перваго же взгляда на такое изображеніе дакійскаго селенія или городка, каждому должно броситься въ глаза замѣчательное сходство дакійскаго жилья съ сѣверною славянскою избою, и можно, пожалуй, съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что и хижины Славянъ при-дунайскихъ, о которыхъ съ такимъ пренебреженіемъ говорятъ византійскіе и западные писатели, едва-ли могли многимъ отличаться отъ дакійскихъ жилищъ, изображенія которыхъ сохранились намъ на Траяновой колоннѣ (71).

Относительно строя и состава семьи мы имѣемъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ можно прійти къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Рис. 93, 94. Изображеніе отдѣльныхъ дакійскихъ построекъ (съ Траяновой колонны).

Семью составляли не одни только родственники по прямой, нисходящей линіи, отецъ, его дѣти и внуки, но и иногда и родственники по боковой линіи, какъ напр. братья двоюродные, и лица, вступившія въ семью и принятыя ею. У каждой семьи были свои представители въ лицѣ ея старшихъ членовъ, оберегавшіе ея интересы. Отношенія же всѣхъ членовъ семьи носили на себѣ характеръ патріархальный.

Извѣстный знатокъ сравнительнаго языкознанія, Шлейхеръ (72) доказалъ, что уже и въ весьма отдаленную эпоху у Славянъ существовало одноженство. Легко можетъ быть, что впослѣдствіи многоженство и водворялось на время у нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, но намъ кажется, что вообще къ извѣстіямъ о многоженствѣ у Славянъ слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Повидимому, и Византійцы, и Арабы были введены въ заблужденіе тѣмъ, что принимали многочисленныхъ рабынь-наложницъ за женъ; а при сильно развитой торговлѣ невольниками, та-

кихъ наложницъ могло, конечно, быть очень много у каждаго зажиточнаго купца-Славянина. Но при многоженствѣ, само собою разумѣется, семейная жизнь не могла бы стоять высоко, и женщина не занимала-бы того виднаго положенія, которое принадлежало ей въ семьѣ славянской, судя по нѣкоторымъ фактамъ, упоминаемымъ въ болѣе позднихъ памятникахъ, тѣмъ не менѣе не лишенныхъ значенія для описываемой эпохи. Таковы сохраненныя намъ лѣтописцемъ извѣстія о бракахъ у Полянъ и другихъ племенъ славянскихъ. Древній лѣтописецъ нашъ опредѣленно указываетъ на то, что уже и въ языческій періодъ у Полянъ были брачные обычаи; женихъ не ходилъ по невѣсту; невѣсту вводили подъ вечеръ въ домъ жениха, а за утро приносили то, что давали за нею (т. е. приданое). Даже у тѣхъ племенъ, которыхъ нравы лѣтописецъ, со своей христіанской точки зрѣнія, старается изобразить особенно мрачными красками, былъ свой брачный обычай, состоявшій въ томъ, что «молодые люди, сходясь на игрищахъ между селами, сговаривались между собою, и женихъ, по предварительному соглашенію, похищалъ, *умыкалъ* себѣ невѣсту. Существовали, слѣдовательно, одновременно двѣ формы заключенія браковъ: *умычка* — похищеніе и *веденіе* женъ. Ни та, ни другая форма брака не уничтожала совершенно личности женщины, такъ какъ по прямому указанію лѣтописца, «умычка» происходила съ согласія невѣсты, точно также какъ «веденію», вѣроятно, предшествовалъ уговоръ жениха съ родителями невѣсты. По справедливому замѣчанію одного ученаго изслѣдователя (73), умычка, вѣроятно, представляетъ собою форму брака болѣе древнюю. Она, вѣроятно, и господствовала нѣкогда у всѣхъ Славянъ. Веденіе, какъ форма брака болѣе совершенная, ввелось позднѣе и сначала вошло въ обычай между сословіями городскими, потомъ стало господствовать и вытѣснило умычку, которая, постепенно исчезая, сохранилась мѣстами и до нашего времени, въ качествѣ простого свадебнаго обряда, утратившаго всякое практическое значеніе.

Всѣ писатели иностранные, даже и тѣ, которые относятся къ Славянамъ очень враждебно, отзываются съ похвалою о цѣломудріи славянскихъ женъ и говорятъ о той самоотверженной любви ихъ къ мужьямъ, которая побуждаетъ ихъ «сожигаться на одномъ кострѣ съ умершимъ мужемъ» или «умерщвлять себя потому, что жизнь во вдовствѣ казалась имъ невыносимой». Нельзя однако-же предполагать, чтобы это явленіе было общимъ обычаемъ; вѣроятнѣе будетъ допустить его какъ выраженіе личной скорби, какъ частное проявленіе привязанности къ горячо-любимому супругу. Чувство матери, конечно, должно было громко и внятно говорить и въ ту отдаленную эпоху; и если вдовство представлялось «не выносимымъ» женщинѣ, то еще болѣе невыно-

*

симымъ должно было ей представляться положеніе сиротъ, которыхъ она покидала безъ защиты, рѣшаясь на добровольную смерть. И не смотря на то, что мы вообще мало знаемъ о взаимныхъ отношеніяхъ между членами семьи, мы однако-же имѣемъ основаніе думать, что вдова оставалась главною представительницею семьи, главною защитницей дѣтей и ихъ имущества по смерти отца.

Земледѣліе, какъ мы уже знаемъ, было издавна на столько любимымъ и общимъ занятіемъ всѣхъ Славянъ, что даже Нѣмцы призывали къ себѣ славянскихъ колонистовъ, которые, не жалѣя трудовъ, вырубали дремучіе германскіе лѣса и безплодные пустыри обращали въ плодоносныя поля. Обширныя луговыя степи южной Россіи способствовали развитію скотоводства, которымъ также издревле занимались Славяне; а громадные лѣса средней и сѣверной полосы Россіи открывали обширное поприще для двухъ другихъ важныхъ промысловъ,—пчеловодства и въ особенности звѣроловства. Менѣе знаемъ мы о рыболовствѣ,хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что имъ издревле занимались Славяне, любившіе селиться по рѣкамъ и озерамъ.

Однакоже мирныя занятія земледѣліемъ нимало не мѣшали тому, чтобы Славяне, въ случаѣ нужды, оказывались отличными воинами.

«Вступая въ бой»,—говоритъ Прокопій—«Славяне выходятъ на непріятеля пѣшіе, съ копьемъ въ одной и щитомъ въ другой рукѣ; панцыря не носятъ. Сражаясь, скидаютъ съ себя и плащь, и рубашку, и устремляются въ битву въ одномъ исподнемъ платьѣ». Императоръ Маврикій добавляетъ къ этимъ свѣдѣніямъ, что Славяне любятъ сражаться въ мѣстахъ тѣсныхъ, непроходимыхъ, употребляютъ разныя военныя хитрости и, между прочимъ, отлично плаваютъ и долго могутъ держаться подъ водою, дыша посредствомъ долбленыхъ изъ тростника трубокъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ копій, луковъ и стрѣлъ, намазанныхъ ядомъ. Если имъ случалось сражаться въ открытомъ полѣ, то они любили окружать себя укрѣпленіемъ изъ телѣгъ, внутри котораго укрывали своихъ женъ и дѣтей.

Славяне во всѣхъ извѣстіяхъ одинаково представляются народомъ рослымъ и сильнымъ, ведущимъ жизнь чрезвычайно простую, одинаково способнымъ переносить и холодъ, и жаръ, и всякія невзгоды. Русоволосые, румяные и стройные, они особенно поражали Арабовъ своею внѣшностью на столько, что слово «Саклабъ» (Славянинъ) стало у нихъ даже нарицательнымъ названіемъ *бѣлаго* (вѣрнѣе: *краснокожаго*) человѣка.

Византійцы и Нѣмцы удивлялись ловкости и способности Славянъ къ различнымъ работамъ и воинскимъ упражненіямъ; эти же качества заставляли особенно цѣнить на арабскомъ Востокѣ Славянъ-рабовъ, которыхъ положеніе въ Калифатѣ вовсе не было безнадежно; о-

рѣдко получали свободу, затѣмъ вступали обыкновенно въ тѣлохранители халифа и, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, достигали иногда высокихъ почестей (74). Не менѣе дорожили службою Славянъ и хазарскіе хаканы, у которыхъ они тоже являлись, по свидѣтельству Арабовъ, тѣлохранителями и главною, лучшею частью войска.

Одежда Славянъ, по однимъ арабскимъ извѣстіямъ—состояла изъ короткаго полукафтанья, по другимъ—изъ грубаго плаща, накинутаго на одинъ бокъ, такъ что́ правая рука постоянно оставалась открытой и свободной и всегда готовой владѣть оружіемъ, съ которымъ Славянинъ не разлучался.

На головахъ Славяне носили шапки; любили украшать себѣ шею золотыми и серебряными обручами и въ одно ухо продѣвали серьгу. Женщины славянскія любили обвѣшивать себѣ грудь множествомъ цѣпочекъ, бусъ, особенно зеленыхъ (главной статьи привоза Арабовъ); на груди-же висѣлъ у нихъ ножъ, на кольцѣ, придѣланномъ къ какой-то металлической коробочкѣ *)—можетъ быть амулету—назначеніе которой опредѣлить трудно. На рукахъ носили женщины запястья, на ногахъ — обножья. Но вдаваясь въ подробности одежды и быта Славянъ, Арабы отзываются съ отвращеніемъ объ ихъ нечистоплотности; совершенно согласно съ ними показываетъ и Прокопій.

Много согласія замѣчаемъ и въ отзывахъ иностранныхъ писателей о характерѣ Славянъ. Ихъ вообще представляютъ народомъ добродушнымъ, восхваляютъ ихъ почтеніе къ родителямъ, и въ особенности гостепріимство и щедрость по отношенію къ тѣмъ иностранцамъ, которые ихъ посѣщаютъ. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, у Славянъ не считалось грѣхомъ и украсть для того, чтобы угостить заѣзжаго гостя, и каждому, кто отказывалъ въ гостепріимствѣ чужестранцу, грозила жестокая кара со стороны его сосѣдей.

Императоръ Маврикій говоритъ: «они благосклонны къ чужестранцамъ, и болѣе всего стараются о томъ, чтобы провести ихъ цѣлыми и невредимыми изъ одного мѣста въ другое, что́ у нихъ необходимо, ибо, если по безпечности случится, что чужестранецъ потерпитъ вредъ, то съ виновникомъ подобной случайности сосѣди начинаютъ войну изъ благочестиваго желанія отмстить за чужестранца».

Сохранились свидѣтельства о томъ, что Славянинъ, однажды произнесшій клятву, умѣетъ сохранять ее. Этому даже не противорѣчитъ отзывъ Маврикія, который называетъ Славянъ «вѣроломными»; вѣроломство Славянъ заключалось въ томъ, что они дѣйствовали всегда врозь, не поддаваясь никакому общему соглашенію; слѣдствіемъ этого и было весьма частое нарушеніе мира то со стороны одного, то со

*) Желѣзной, мѣдной, серебряной или золотой, смотря по состоянію мужа.

стороны другаго славянскаго племени. Вообще говоря, та славянская рознь, отъ которой такъ сильно страдали и доселѣ страдаютъ племена славянскія, и въ ту отдаленную эпоху уже составляла одну изъ наиболѣе выдающихся, характерныхъ особенностей славянскаго типа.

«Между ними»—говоритъ Маврикій—«постоянно господствуетъ раздоръ, такъ что они ни въ чемъ не могутъ между собою согласиться, всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому». Тоже самое повторяетъ Масуди, а другой арабскій писатель добавляетъ къ этому: «Славяне народъ столь могущественный и страшный, что если бы не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, то не помѣрялся-бы съ ними въ силѣ ни одинъ народъ въ мірѣ» (75). Замѣчаніе, исполненное глубокаго значенія!

О внутреннемъ, общественномъ устройствѣ Славянъ, жившихъ такъ разрозненно, такъ широко и привольно, Византійцы знаютъ, повидимому, очень немногое; это видно изъ того, что всѣ сообщенія ихъ преисполнены противорѣчій, на первый взглядъ почти непримиримыхъ. Одни изъ нихъ говорятъ, что «Славяне не знаютъ никакого правительства», что они «не повинуются одному мужу», «не терпятъ никакого повелителя», и прибавляютъ: «ихъ невозможно никоимъ образомъ склонить къ рабству или повиновенію». Но въ то-же время, какъ бы противорѣча этимъ-же самымъ свидѣтельствамъ, тѣ-же писатели византійскіе упоминаютъ, что «Славяне изначала живутъ при народномъ правленіи», что «у нихъ въ обычаѣ совѣщаться вмѣстѣ обо всякихъ дѣлахъ», и что «во главѣ управленія у нихъ стоятъ много царьковъ (или князьковъ)».

Народное правленіе, о которомъ сообщаютъ намъ Византійцы, коренилось на общинномъ началѣ, получившемъ широкое развитіе у всѣхъ Славянъ, въ особенности восточныхъ. Этимъ началомъ опредѣлялись у нихъ всѣ важнѣйшія формы ихъ сельскаго и городскаго быта.

Сельская община представляла особый, тѣсно сплоченный міръ отношеній правовыхъ (юридическихъ) и имущественныхъ (экономическихъ), крѣпко держалась своими уставами-обычаями и потому послужила основою для развитія болѣе сложнаго общественнаго организма. Ея жизнь слагалась и развивалась подъ весьма разнообразными вліяніями, внѣшними и внутренними. Свойства почвы и климата, уровень мѣстности, близость торговыхъ путей, отношенія къ сосѣдямъ, составъ общины въ эпоху ея возникновенія—все это опредѣляло естественный ходъ ея развитія.

Община владѣла землею и распредѣляла ее между своими членами, представителями отдѣльныхъ семей, изъ которыхъ она слагалась. Члены ея сходились на сходъ и на немъ обсуждали и рѣшали дѣла, касавшіяся общины.

Но то устройство, котораго было совершенно достаточно для управленія сельскою общиною, значительно должно было видоизмѣниться въ *городѣ*, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, исключительно свойственныхъ жизни городской. Разсмотримъ эти условія.

Города на сѣверо-западѣ, западѣ и юго-западѣ Россіи явились уже очень рано. Въ концѣ IX в. слава о Кіевѣ, какъ о городѣ торговомъ, многолюдномъ и богатомъ, успѣла уже достигнуть далекаго саманидскаго Востока; надо, слѣдовательно, предположить, что онъ долженъ былъ существовать гораздо ранѣе. Хотя въ извѣстіяхъ западныхъ, между VI и IX вѣкомъ, находимъ очень мало свѣдѣній о городахъ у Славянъ, однако же Константинъ Багрянородный знаетъ уже о существованіи на Руси Кіева, Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышеграда и Витичева. Во время правленія Игоря (912—945 г.) мы знаемъ о существованіи болѣе чѣмъ 20 городовъ русскихъ. Судя по этому количеству городовъ, должно предположить, что города стали строиться на занятомъ Славянами с.-востокѣ очень рано, и что вообще городская жизнь развилась тамъ рано.

Относительно значенія древне-славянскаго слова *градъ* (городъ — русская форма), можемъ только замѣтить, что подъ *градомъ* первоначально понимали всякое *огражденное* мѣсто, а такъ какъ *оградить*, обнести оградой, можно было двояко—или насыпавъ земляной валъ, или поставивъ деревянный тынъ,—то и первоначальные города славянскіе могли быть *земляные* (т. е. съ насыпнымъ землянымъ валомъ) или *деревянные* (т. е. обнесенные деревянными стѣнами). Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ старинномъ русскомъ языкѣ два выраженія, соотвѣтствующія этимъ двумъ способамъ сооруженія городскихъ стѣнъ: — *сметать* градъ и *срубить* градъ.

Слѣдуетъ, кажется, предположить, что первоначально къ построенію градовъ вынуждала опасность военная, необходимость защищаться отъ нападеній внѣшняго врага и отсиживаться за стѣнами отъ набѣговъ кочевническихъ. Въ этомъ предположеніи отчасти убѣждаетъ насъ множество остатковъ древнихъ земляныхъ насыпей, извѣстныхъ подъ названіемъ *городищъ*, *замковъ* и *городковъ*, которыми покрыто все наше Приднѣпровье и вся область первоначальныхъ поселій, занятая Славянами ([76]).

Городища эти представляютъ собою то правильный кругъ, то полукружье, то двойной, угловой валъ, съ различными насыпными къ нему придѣлками и приставками; одни изъ нихъ состоятъ изъ насыпи совершенно ровной и не имѣютъ входа; другія насыпаны неравномѣрно, выше съ одной стороны, ниже съ другой, и снабжены входомъ или даже нѣсколькими входами. Всѣ они очень не обширны; средней величины городища простираются въ длину на 150—300 ша-

говъ по вѣнцу вала, а во внутреннемъ пространствѣ имѣютъ въ поперечникѣ не болѣе 80 шаговъ ([77]). Городища бóльшихъ и меньшихъ размѣровъ встрѣчаются рѣже.

Попадаются городища и на мѣстахъ ровныхъ, открытыхъ, при рѣкахъ и на крутыхъ скатахъ горъ, встрѣчаются и среди болотъ, и среди густыхъ лѣсовъ. Вѣрнымъ признакомъ отличія древнѣйшихъ городищъ отъ позднѣйшихъ земляныхъ насыпей христіанской эпохи— является присутствіе кургановъ (языческихъ могилъ) вблизи городища ([78]). Вся площадь ихъ, при раскопкахъ, оказывается покрыта слоемъ перегноя и щебня, подобнаго тому, который встрѣчаемъ на мѣстахъ всякихъ древнихъ поселій. Въ этомъ же слоѣ и подъ нимъ, среди глиняныхъ черепковъ, золы и угля, попадаются кости различныхъ животныхъ и самые разнообразные предметы домашняго обихода — ключи, замки, гвозди, ножи, иногда украшенія (бусы, серьги, привѣски, браслеты, кольца); иногда оружіе — наконечники стрѣлъ, пращевые камни, копья ([79]).

Очевидно, что опредѣленнаго плана при насыпаніи этихъ древнихъ градовъ не было, что насыпались они вслѣдствіе необходимости прибѣгнуть къ самозащитѣ, что первоначально за ихъ насыпями укрывалось мѣстное населеніе на время, покидая свои разсѣянныя жилища, оставляя свой мирный трудъ, мѣняя рáло на щитъ и мечъ, а по минованіи опасности, насыпной градъ пустѣлъ снова, и жители возвращались въ прежнія мѣста своихъ поселій.

Городки деревянные, срубленные носили на себѣ нѣсколько иной характеръ. Первоначально, можетъ быть, они были сборными пунктами для продажи и обмѣна товаровъ; но потомъ выгоды торговли начинали болѣе и болѣе привлекать населеніе къ этимъ не многимъ избраннымъ пунктамъ, на извѣстныхъ торговыхъ путяхъ; населеніе скучивалось, городокъ обстраивался, а по мѣрѣ того, какъ развивалась его внутренняя жизнь, оказывалось, наконецъ, необходимымъ и огражденіе поселья отъ внезапныхъ набѣговъ и опасностей прочною деревянною оградою. И этотъ новый городъ, съ теченіемъ времени, въ свою очередь, могъ въ такой-же степени служить цѣлямъ защиты всего мѣстнаго населенія, въ какой—служили тѣмъ-же цѣлямъ и прежніе, насыпные, земляные города. Но, кажется, необходимо признать извѣстное, опредѣленное различіе между древними городищами и болѣе новыми, огражденными посельями, возникавшими на важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ: различіе не только во времени, но и въ тѣхъ потребностяхъ, которыми вызывалось появленіе обоихъ видовъ города, и которыя, по отношенію къ послѣднему виду, указывали на значительный успѣхъ въ развитіи внутренней жизни ([80]).

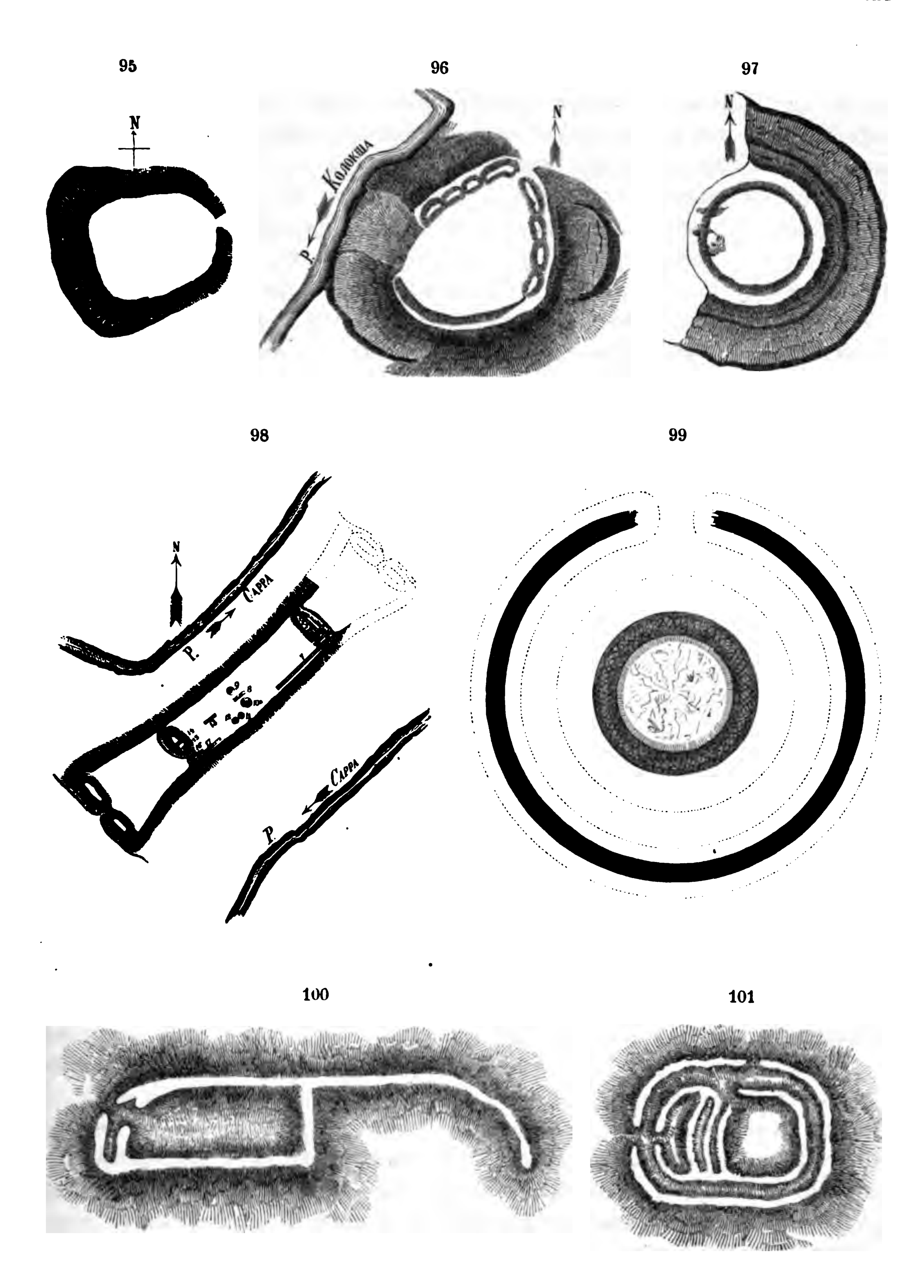

Рис. 95—101. Виды различныхъ типовъ городищъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

Въ городъ шли люди отборные, на все готовые, подвижные, — словомъ, всѣ тѣ, кому тѣсенъ былъ домашній очагъ, кого не удовлетворялъ тяжелый трудъ замледѣльца, тѣсно связанный съ независящими отъ человѣка условіями климатическими, и потому не всегда вознаграждаемый. Городъ, такимъ образомъ, не только давалъ средства для защиты, не только становился средоточіемъ торговли, но вмѣстѣ и поприщемъ для обмѣна новыхъ понятій и свѣдѣній. По мѣрѣ возникновенія городовъ и развитія городской жизни, сельское населеніе должно было подпасть до нѣкоторой степени зависимости отъ города, который служилъ ему мѣстомъ сбыта и убѣжищемъ на случай опасности отъ враговъ. Интересы городскаго населенія, преимущественно торговые, должны были приводить къ частымъ столкновеніямъ, перепутываться, вызывать къ враждѣ и раздорамъ, вслѣдствіе чего сказывалась постепенно необходимость въ новыхъ, болѣе развитыхъ формахъ общественнаго строя. Явилась потребность рѣшать вопросы общественные, одинаково важные для всѣхъ жителей города: этой потребности удовлетворяло *вѣче*,—собраніе всѣхъ свободныхъ жителей города, въ основѣ своей мало отличавшееся отъ сельскаго схода. Но оно оказалось недостаточно для рѣшенія всѣхъ вопросовъ усложнившейся жизни: потребовались новыя начала для болѣе правильнаго, болѣе спокойнаго и ровнаго управленія городами, которые мало-по-малу становились главными выразителями жизни отдѣльныхъ племенъ, отдѣльныхъ земель. Постепенно стала крѣпнуть власть *княжеская*, въ началѣ, вѣроятно, очень ограниченная. Что князья были у Славянъ восточныхъ до IX вѣка, въ этомъ убѣждаютъ насъ не только единогласныя свидѣтельства Византійцевъ и Арабовъ, но и то, что слово князь встрѣчается во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ. Первоначально достоинство князя не было ни пожизненнымъ, ни наслѣдственнымъ; выборный князь являлся не болѣе, какъ правителемъ «на всей волѣ народной». Едва-ли около такого выборнаго князя могла являться дружина—тѣ пособники и думцы княжескіе, которыхъ мы впослѣдствіи видимъ около князей? Власть законодательная была въ рукахъ вѣча, и семейно-общинный бытъ еще сказывался въ томъ, что старцы пользовались нѣкоторымъ преимуществомъ даже и на городскихъ вѣчахъ.

Свидѣтельства иностранцевъ отъ VI—X в. указываютъ намъ на то, что у Славянъ была *знать*, *военные люди*, *купцы-промышленники* и *земледѣльцы*. Мы позволяемъ себѣ не вполнѣ довѣрять этимъ свидѣтельствамъ по отношенію къ Славянамъ восточнымъ. До IX в. едва-ли могли существовать рѣзко-опредѣлившіяся сословія:—не было ни знати, ни военныхъ людей; земледѣльцы-же являлись и промышленниками. Войска постояннаго у Славянъ также не . въ минуту опасности, брались за оружіе и становил дѣльнымъ, болѣе

или менѣе цѣльно-сложившимся сословіемъ являлись купцы, тѣ купцы-воины, которые торговали, не выпуская меча изъ рукъ; они-то, вѣроятно, положили первыя начала тѣсной связи между племенами славянскими и финскими на сѣверо-востокѣ, той связи, которую одинъ изъ ученыхъ нашихъ называетъ торговымъ союзомъ, и которая привела впослѣдствіи къ сліянію отдѣльныхъ племенъ славянскихъ въ одну общую Русь. Сословіе купцовъ-воиновъ уже и до IX вѣка было, вѣроятно, богато, судя по тѣмъ кладамъ, которые несомнѣнно принадлежатъ тому времени и до сихъ поръ откапываются на всѣхъ древнихъ путяхъ нашей торговли. Какъ сословіе богатое, купцы, вѣроятно, пользовались и нѣкоторымъ значеніемъ въ управленіи. Въ тѣсной зависимости отъ купцовъ-воиновъ стояло, вѣроятно, и еще одно сословіе, несомнѣнно существовавшее у Славянъ восточныхъ и западныхъ до IX вѣка — сословіе рабовъ. Рабы (челядь) составляли одну изъ древнѣйшихъ отраслей торговли и съ Византіей, и съ Востокомъ. Рабовъ доставляла во множествѣ война, столь частая и обычная въ то тревожное время, и, какъ мы уже видѣли, столь тѣсно связанная съ торговлей. О положеніи рабовъ въ эпоху до IX в. очень трудно сказать что-нибудь положительно вѣрное; достовѣрно только то, что торговля рабами существовала и гораздо позже, а въ X в. была еще въ полной силѣ. Нѣкоторый свѣтъ на положеніе рабовъ у Славянъ бросаетъ свидѣтельство Маврикія, который говоритъ, что «военно-плѣнные содержатся у Славянъ въ рабствѣ не на всю жизнь, какъ это дѣлается у другихъ народовъ, но, по прошествіи извѣстнаго времени, предоставляется имъ на выборъ – возвратиться-ли на родину, заплативъ выкупъ, или остаться между ними на свободѣ».

Возникая преимущественно изъ потребностей торговли, города, какъ мы уже сказали выше, должны были первоначально появляться при важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ. Такими путями являлись у насъ на Руси, съ древнѣйшихъ временъ, рѣки и рѣчные волоки, служившіе, конечно, и путями самой колонизаціи славянской на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Европы. Таковъ былъ и знаменитый «путь изъ Варягъ въ Греки», соединявшій Балтійское море съ Чернымъ. Пути по рѣкамъ должны были, конечно, предпочитаться, въ ту отдаленную эпоху, всѣмъ прочимъ, и самое слово *путь*, родственное съ греческимъ *понтосъ* (море), указываетъ на то предпочтеніе, которое первоначально отдавали движенію *водою* передъ движеніемъ *горою* (т. е. сухимъ путемъ). Но, конечно, нельзя отрицать и того, что позднѣе, по мѣрѣ разселенія племенъ далѣе, въ глубь страны, стали пролагать торговые пути и по степямъ, и по лѣснымъ дебрямъ; однако-же эти пути должны были несомнѣнно имѣть лишь второстепенное значеніе.

Съ какими чрезвычайными трудностями и опасностями соединено

было плаваніе по путямъ воднымъ, тому лучшимъ свидѣтельствомъ является подробное описаніе движенія торговыхъ каравановъ по пути «изъ Варягъ въ Греки», оставленное намъ современникомъ. «Снарядивъ въ Кіевѣ суда»—такъ разсказываетъ Константинъ Багрянородный—«въ іюнѣ мѣсяцѣ спускались Россы по Днѣпру, до города Витичева; пробывъ тутъ два-три дня, выждавъ, пока соберутся всѣ суда (входящіе въ составъ каравана), они продолжали свой путь внизъ по Днѣпру». Сказавъ объ опасностяхъ перваго порога Днѣпровскаго, императоръ говоритъ, что именно во избѣжаніе этихъ опасностей «Россы не осмѣливались плыть прямо черезъ этотъ порогъ, но останавливались по близости и высаживали

Рис. 102. Видъ Перепетовыхъ кургановъ въ Кіевской губерніи.

людей, оставляя въ лодкахъ одну поклажу. Потомъ одни входили въ воду и босыми ногами ощупывали дно, чтобъ не наткнуться на камень, между тѣмъ какъ другіе толкали веслами въ переднюю, среднюю и заднюю часть судна. Такимъ образомъ, съ великимъ трудомъ, проходили они этотъ первый порогъ между утесами и берегомъ рѣки». Точно также пробирались они и черезъ второй, и черезъ третій порогъ. «Потомъ подплывали они къ четвертому большому порогу. Здѣсь всѣ суда причаливали. Люди выходили изъ нихъ и составляли охранную стражу ради Печенѣговъ. Другіе вытаскивали изъ с[illegible] ажу и высаживали скованныхъ рабовъ, которыхъ отвод[illegible] шаговъ, пока

не минуютъ порога. Остальные, между тѣмъ, тянули суда волокомъ или несли на плечахъ. За порогомъ спускали ихъ опять въ рѣку, нагружали и плыли далѣе». Черезъ пятый, шестой и седьмой порогъ Руссы проводили свои суда по фарватеру, какъ въ трехъ первыхъ порогахъ, и затѣмъ «доходили до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ переправляются Херсонцы, возвращающіеся изъ Руси, и Печенѣги, идущіе въ Херсонъ. Берегъ здѣсь такъ высокъ, что пущенная съ него стрѣла прямо достигаетъ переѣзжающихъ. Поэтому Печенѣги приходятъ именно сюда, чтобы нападать на Россовъ». Миновавъ это мѣсто, Россы приставали къ острову св. Георгія, гдѣ приносили жертвы передъ большимъ дубомъ, вѣроятно, въ благодарность богамъ, избавившимъ ихъ отъ опасности. Но между тѣмъ опасности странствованія не кончались здѣсь: предстояло переплыть днѣпровскій лиманъ и бурное море, и у Сулинскаго рукава Дуная вновь готовиться къ нападенію Печенѣжской засады. «И нерѣдко случалось»,—замѣчаетъ императоръ,—«если нѣсколько судовъ прибьетъ къ берегу, что всѣ Россы бываютъ вынуждены высадиться на берегъ и общими силами отбиваться отъ враговъ».

Понятно, что въ то отдаленное время, среди такихъ препятствій и опасностей, торговля не могла существовать, какъ исключительно мирное занятіе: военное ремесло являлось неразлучнымъ съ торговлею. Торговый человѣкъ того времени, отправляясь съ товаромъ своимъ къ мѣстамъ сбыта, долженъ былъ преодолѣвать тысячи опасностей, долженъ былъ готовиться ко всевозможнымъ случайностямъ. Онъ шелъ въ свое торговое плаваніе вооруженный съ головы до ногъ, принималъ всякаго рода предосторожности противъ нападенія хищниковъ, преграждавшихъ ему путь въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, преодолѣвалъ громадныя трудности, то разгружая, то вновь нагружая товаромъ свои лодьи, то перенося ихъ черезъ каменныя гряды. Достигнувъ, наконецъ, желаннаго мѣста сбыта, послѣ долгаго и труднаго странствованія, купецъ вступалъ въ торговыя сношенія съ туземцами, продавалъ или промѣнивалъ свой товаръ, и нерѣдко, сведя итоги своихъ оборотовъ,—вдругъ соблазнялся возможностью легкой наживы, и начиналъ грабить тѣхъ, съ кѣмъ торговалъ вчера. Торгъ кончался грабежемъ и войною, и наоборотъ—война нерѣдко приводила къ установленію мирныхъ торговыхъ сношеній и къ проложенію новыхъ торговыхъ путей. Вслѣдствіе этого особаго, исключительнаго положенія торговли, торговое сословіе, конечно, должно было состоять изъ отборныхъ людей, изъ смѣлыхъ, отважныхъ, на все готовыхъ удальцовъ; чѣмъ смѣлѣе и предпріимчивѣе оказывался торговецъ, чѣмъ лучше разумѣлъ онъ торговое ремесло, чѣмъ отважнѣе пускался онъ въ даль, съ твердою увѣренностью въ свою мощь и удаль—тѣмъ и торговля его была удачнѣе, и обогащеніе

шло быстрѣе и вѣрнѣе. Идеалами такого рода купцовъ-воиновъ являлись на сѣверѣ, въ прибалтійскомъ поморьѣ, сбродныя дружины Варяговъ. Вѣроятно, уже очень рано, въ VI—VII в. онѣ должны были войти въ столкновеніе съ тѣми Ильменскими Славянами, Кривичами и Весью, которые, осѣвъ на сѣверномъ концѣ «пути изъ Варягъ въ Греки», захватили въ свои руки всю торговлю, шедшую этимъ путемъ съ сѣвера на югъ и востокъ, и съ юга на сѣверъ и западъ. Столкновенія эти, сначала, вѣроятно, враждебныя, привели впослѣдствіи къ мирнымъ сношеніямъ, и смѣлыя дружины Варяговъ открыли себѣ пря-

Рис. 103. Видъ Черной могилы (въ Черниговской губерніи).

мой путь въ Византію черезъ Русскую землю, увлекая за собою примѣромъ и тѣ славянскія племена, которыя жили вдоль великаго торговаго пути.

Вѣроятно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ опытныхъ и отважныхъ балтійскихъ мореходныхъ дружинъ, развилось мореходство и у Славянъ восточныхъ; судя по тѣмъ подробностямъ, по тѣмъ вполнѣ выработаннымъ пріемамъ судостроенія, какіе сообщаетъ намъ Константинъ Багрянородный, разсказывая о плаваніи Славянъ по Днѣпру и Черному морю, мы даже имѣемъ полное юложить, что мореходство у нихъ развилось гораздо ра Въ по-

ловинѣ X вѣка, по разсказу очевидца (Константина Багрянороднаго), въ Византію приходили уже суда съ товаромъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышеграда. Сохранилось даже и описаніе этихъ судовъ (*однодеревокъ*)*), неладно скроенныхъ, но плотно сшитыхъ изъ распластанныхъ на-двое, могучихъ деревьевъ. «Славяне Кривичи, Лучане и другія славянскія племена»—сообщаетъ императоръ—«въ зимнее время у себя на горахъ нарубаютъ лѣсъ для постройки этихъ судовъ и, лишь только ледъ стаетъ, сплавляютъ ихъ въ ближнія озера, и потомъ въ Днѣпръ до Кіева, гдѣ продаютъ ихъ Руссамъ, которые впрочемъ покупаютъ однѣ лодьи, а весла, уключины и снасти дѣлаютъ сами». Арабскіе писатели съ изумленіемъ и ужасомъ разсказываютъ намъ о дальнихъ походахъ и опустошительныхъ набѣгахъ Руссовъ, въ X вѣкѣ, не только на черноморскія и азовскія прибрежья, но и на берега Каспійскаго моря, къ которымъ Руссы пробирались изъ Азовскаго моря (по Дону и волокамъ) въ Волгу и Волгою, черезъ владѣнія Хазарскаго хакана, въ Каспійское море, къ берегамъ Кавказа и Персіи.

Выше мы уже видѣли, какъ темны и сбивчивы были свѣдѣнія, доставляемыя Византійцами о внутреннемъ устройствѣ славянскаго быта; еще менѣе могли быть доступны ихъ пониманію религіозныя вѣрованія Славянъ.

Отличительною и важною чертою вѣрованій у Славянъ восточныхъ является простота и неразвитость ихъ религіозныхъ воззрѣній, сравнительно съ миѳологіею остальныхъ арійскихъ народовъ и даже нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ. У Славянъ западныхъ, преимущественно у Славянъ балтійскихъ, видимъ опредѣленныхъ боговъ, богослуженіе, сословіе жрецовъ, многочисленныхъ идоловъ и богатые, искусно-выстроенные храмы; — а у Славянъ восточныхъ не видимъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни идолослуженія, ни даже опредѣленныхъ типовъ божества. Немногосложныя, простыя вѣрованія восточныхъ Славянъ носили на себѣ характеръ первобытнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы, которыхъ вліяніе сознавалось, но представлялось въ образахъ блѣдныхъ, не ясныхъ, еще не носившихъ на себѣ печати вполнѣ сознательнаго типическаго представленія. Краткія, отрывочныя упоминанія древняго лѣтописца нашего о Перунѣ и о Волосѣ, *скотьемъ* богѣ, и о томъ, что ихъ имена употреблялись въ клятвахъ и при заключеніи договоровъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что поклоненіе этимъ богамъ было распространено и даже имѣло довольно важное значеніе; но эти упоминанія

*) Однодеревками (по греч. *моноксюла)* назывались эти суда потому, что въ основу ихъ полагалось одно толстое дерево, выдолбленное или выжженное въ формѣ большаго челна, къ которому, суди по нѣкоторымъ пріемамъ современнаго намъ народнаго судостроенія, по краямъ придѣлывали бортѣ изъ толстыхъ досокъ.

не вводятъ насъ въ общій кругъ религіозныхъ вѣрованій восточныхъ Славянъ. Судя по извѣстіямъ византійскихъ писателей и по свидѣтельствамъ, сохранившимся отъ ближайшей къ IX вѣку эпохи, между всѣми Славянами распространено было вѣрованіе въ единое, верховное существо, правившее всѣмъ міромъ. Можно догадываться, по нѣкоторымъ намекамъ, что имя этому верховному существу было *Сварогъ*, и что оно было олицетвореніемъ свѣта и неба, среди котораго Сварогъ властвовалъ, повелѣвая молніей и громомъ. Соотвѣтствующимъ Сварогу божествомъ женскаго пола являлась *мать-земля*, производящая все видимое человѣку и питающая его. Сыновьями этого вышняго бога почитались Солнце и Огонь.

Принимая во вниманіе эти вѣрованія, мы понимаемъ, почему арабскіе писатели почти единогласно утверждаютъ, что Славяне поклонялись солнцу. Красному солнышку, оживлявшему всю природу своими лучами, пробуждавшему ее отъ зимняго сна, посвящались особыя празднества, сопровождавшіяся обрядовыми играми, плясками и пѣснями, въ которыхъ прославляли солнце и его благодѣянія, просили «вёдра» и урожая.

Олицетвореніемъ солнца на землѣ являлся огонь, которому приписывалось вѣщее, священное значеніе: оно и проявлялось въ уваженіи Славянина къ его домашнему очагу. Не менѣе важною и священною стихіею представлялась и вода, которую высоко чтилъ Славянинъ, ставя земныя воды — рѣки, озера и ручьи — въ тѣсную связь съ водами небесными. У воды совершались «умыкиванія» невѣстъ и обрядовыя игрища; воображеніе Славянина населяло воды, какъ и лѣса, особыми существами, отъ которыхъ въ тѣсной зависимости находились различныя обстоятельства жизни, различныя условія быта. Вотъ почему Славянинъ и старался умилостивить эти существа, принося жертвы «кладязямъ, источникамъ и рощеніямъ».

Вода и огонь, олицетворявшій на землѣ солнце — благодѣтельныя и вмѣстѣ губительныя стихіи—стояли въ сознаніи Славянъ, какъ и прочихъ арійскихъ народовъ, очень близко къ представленію о смерти. Огонь пожиралъ и уничтожалъ; вода поглощала и умерщвляла; и вотъ почему, вѣроятно, представленіе о смерти, о загробной жизни тѣсно связывалось въ славянской древности съ огнемъ и водою. По водѣ приплывали весною и выходили на землю—насладиться земною жизнью, полюбоваться оживленною природою—тѣни усопшихъ, олицетворявшіяся въ образѣ русалокъ; огню предавались тѣла усопшихъ, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что этимъ облегчается имъ переходъ въ иной невѣдомый міръ, въ царство мертвыхъ. Въ тѣсной связи съ этими воззрѣніями на смерть и загробную жизнь стояли и самые обряды погребенія у

Славянъ, о которыхъ намъ сохранились весьма древнія и достовѣрныя свидѣтельства.

По извѣстіямъ арабскихъ писателей и по свѣдѣніямъ, сохранившимся у нашего древняго лѣтописца, сожиганіе мертвыхъ было чрезвычайно распространеннымъ обычаемъ погребенія, хотя едва ли общимъ, исключавшимъ всѣ другіе обычаи. Сожигались мертвецы на высокихъ кострахъ, а потомъ надъ костями и пепломъ ихъ, собранными въ глиняную посудину, насыпался высокій холмъ; въ другихъ мѣстахъ, по свидѣтельству лѣтописца, по сожженіи, посудину не зарывали въ землю, «а ставили на столпѣ на путехъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по свидѣтельству Арабовъ, при похоронахъ богатыхъ и знатныхъ людей, вмѣстѣ съ мертвецомъ, на одномъ кострѣ, сожигались и рабы, и одна изъ наложницъ покойнаго, и домашнія животныя, вѣроятно для того, чтобы этимъ доставить ему и въ загробномъ существованіи тѣ-же удобства, какими онъ пользовался при жизни. Сожженію предшествовалъ и за сожженіемъ слѣдовалъ пиръ, сопровождавшійся иногда и борьбою, и другими играми въ честь умершаго. Женщины при этомъ, въ знакъ печали, царапали себѣ ножемъ руки и лице. Всѣ эти обряды, совершавшіеся при сожженіи, извѣстны были подъ общимъ названіемъ «тризны» или поминокъ. Арабы упоминаютъ и о томъ, что тризны повторялись черезъ годъ послѣ смерти покойнаго и совершались на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ тѣло его его предано было сожженію.

Новѣйшія раскопки въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи (преимущественно въ Кіевской, Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской губерніяхъ), подтверждая эти древнія извѣстія, дополнили ихъ важными бытовыми подробностями. Оказалось, что и самое сожженіе труповъ производилось въ разныхъ случаяхъ различно. Одинъ способъ сожженія состоялъ въ томъ, что покойниковъ сожигали *возлѣ* того мѣста, гдѣ насыпался курганъ, послѣ сожженія собирали недогорѣвшія кости, клали ихъ въ глиняный сосудъ, ставили сосудъ въ приготовленный заранѣе земляной холмъ (отъ 1 до 2 аршинъ вышины) и засыпали его слоемъ земли, отъ двухъ четвертей до полутора аршина толщиною. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ видно по украшеніямъ, находимымъ между остатками костей. Вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сожигали мелкихъ животныхъ; ихъ кости складывали въ тѣже сосуды (81).

Другой способъ сожженія производился иначе. Сначала приготовлялась насыпь съ обкруглымъ основаніемъ, и на этой насыпи устраивали громадный (судя по остаткамъ) костеръ. На этомъ кострѣ полагали покойника въ одеждѣ и украшеніяхъ, а около него—разныя вещи: оружіе, орудія, сбрую, монеты, игорныя принадлежности, а кромѣ

хлѣбъ, заколотыхъ на его могилѣ домашнихъ животныхъ. Послѣ сожженія, пепелище закрывали слоемъ земли отъ двухъ четвертей до пяти аршинъ толщиною. Поверхъ этого слоя, въ центрѣ кургана, ставили сосудъ съ костями жертвеннаго животнаго, и затѣмъ, весь курганъ прикрывали новымъ слоемъ земли, отъ 2—6 аршинъ толщиною (82).

Но какъ ни древенъ былъ этотъ обычай сожженія мертвыхъ, одновременно съ нимъ могъ существовать (и вѣроятно существовалъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ) и другой способъ погребенія, посредствомъ зарыванія въ землю. Это также подтверждается раскопкою кургановъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. И дѣйствительно, въ воззрѣніяхъ на смерть и на посмертное существованіе и тогда, какъ и нынѣ, могли отражаться слѣды вѣрованій разныхъ доисторическихъ эпохъ: «въ народномъ сознаніи сталкивались и пересѣкались разныя міросозерцанія, образовались изъ нихъ различныя религіозныя наслоенія, которыя, въ свою очередь, были вытѣснены только ученіемъ христіанскимъ» (83) Насколько сожженіе служило выраженіемъ болѣе высокаго, болѣе развитаго представленія о загробномъ существованіи въ какомъ-то иномъ, далекомъ мірѣ, на столько же закапываніе въ землю (при которомъ опускали въ могилу, вмѣстѣ съ мертвецомъ, и оружіе его, и украшенія, и домашнюю утварь, и даже запасъ пищи) было выраженіемъ болѣе ограниченнаго, болѣе матеріальнаго, а потому, вѣроятно, и болѣе древняго представленія о смерти, которою все кончалось для умершаго, уходившаго отъ живыхъ «въ ту недальную сторонушку безъизвѣстную, куда вѣтрышки не провѣвываютъ, люто звѣрьё не прорыскиваетъ, малая птичка не пролётываетъ» — куда «и не колоденъ путь, да безповоротный» (84).

Въ связи съ религіозными вѣрованіями Славянъ стоялъ, вѣроятно, и весьма богатый запасъ обрядовой народной поэзіи, насколько мы можемъ судить о немъ по обширному запасу дошедшихъ до насъ заклинаній, заговоровъ, причитаній, шептаній и даже цѣлыхъ пѣсенъ, доселѣ еще не вполнѣ утратившихъ свой обрядовый характеръ и отчасти сохранившихъ намъ отголоски языческихъ вѣрованій. Вообще говоря, богатая (хотя еще и далеко не вполнѣ разработанная) сокровищница славянской народной поэзіи служитъ лучшимъ доказательствомъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ задатковъ, которыми издревле одарены были всѣ племена славянскія, вообще проявляющія такъ много способностей къ искусствамъ, а въ особенности къ музыкѣ. Вѣроятно, наклонность эта очень замѣтно проявлялась въ Славянахъ и въ ту отдаленную эпоху, потому что арабскіе писатели весьма опредѣленно говорятъ намъ о ихъ расположеніи къ музыкѣ и о томъ, что у нихъ были въ употребленіи и струнные, и духовые инструменты (85).

Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу той степени развитія, на которой находились всѣ славянскія племена въ описываемую нами эпоху, служитъ конечно то, что у нихъ несомнѣнно существовали свои *письмена* и гораздо ранѣе введенія христіанства въ Болгаріи. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ не только арабскія и западныя свидѣтельства, но и болѣе поздкія свидѣтельства византійскія, на основаніи которыхъ узнаемъ, что у Славянъ уже и до братьевъ-первоучителей была своя азбука, по которой они читали, и знаки которой, сверхъ того, служили и для счета, и для гаданія. ([1]). Въ связи съ дошедшими до насъ свидѣтельствами о существованіи этихъ письменъ, стоитъ и важное извѣстіе древняго житія Константина и Меѳодія, по которому Константинъ, задолго до проповѣди своей въ земляхъ славянскихъ отправившійся просвѣщать Хазаръ въ Тавридѣ, нашелъ въ Корсуни «русскія книги», Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго русскимъ языкомъ; отъ этого-то Русина, по свидѣтельству житія, онъ выучился и читать, и говорить по русски, «къ удивленію многихъ» ([86]).

ХАЗАРЫ, БОЛГАРЫ, БІАРМІЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ХАЗАРЫ, БОЛГАРЫ, БІАРМІЯ.

Отношенія Славянъ къ финскимъ племенамъ на Сѣверѣ и къ тюркскимъ на Востокѣ Россіи.—Арабскія извѣстія о Хазарахъ.—Внутреннее устройство Хазарскаго царства; наиболѣе замѣчательныя черты быта.—Волжскіе Болгары.—Торговля ихъ съ Арабами.—Важнѣйшія статьи вывоза и ввоза.—Арабское серебро и болгарскія монеты.—Древняя столица Болгаръ.—Сношенія Болгаръ съ Біармiей и Югрой.—Пути и способы болгарской торговли.—Походы скандинавскихъ викинговъ въ Біармію.

Въ предыдущихъ главахъ мы ознакомились съ первобытными обитателями обширной территоріи, занимаемой нынѣшнею европейскою Россіей, прослѣдили бытъ ихъ, насколько это было возможно, по остаткамъ, уцѣлѣвшимъ до настоящаго времени и разъясненнымъ археологическою наукою.

Черезъ глубокій сумракъ каменнаго вѣка, черезъ длинный рядъ постепенныхъ переворотовъ и движеній, произведенныхъ въ средней и сѣверной Европѣ бронзовымъ вѣкомъ, мы дошли, въ изложеніи нашемъ, до временъ историческихъ—до Скиѳовъ Геродота—и могли перейти наконецъ къ описанію древнѣйшаго быта Славянъ, которому и посвятили всю предшествовавшую главу. Въ этой главѣ считаемъ необходимымъ представить общій очеркъ племенъ, съ которыми славянской народности приходилось сталкиваться на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и юго-западѣ.

Поселенія славянскія, слѣдуя вверхъ по бассейну Днѣпра и его притоковъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, въ область р. Волги, клиномъ врѣзались въ самое сердце финскихъ поселій, занимавшихъ весь сѣ-

веръ Россіи и большую часть Приволжья, почти до границы степной полосы. Борьбы долгой и упорной между Славянами-пришельцами и Финнами, древними посельниками, почти нигдѣ не происходило, тѣмъ болѣе, что Славяне являлись не въ качествѣ деспотическихъ завоевателей, а болѣе въ качествѣ колонизаторовъ; и лишь очень немногія племена финскія были способны отстоять свою національность отъ славянскаго наплыва: — приходилось или отступать передъ нимъ въ болота и дебри, или постепенно и незамѣтно сливаться съ нимъ, входя въ составъ новыхъ русскихъ областей.

Изъ массы народовъ финскаго племени, населявшихъ сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи въ древнѣйшія времена, выдѣляются особенно Біармійцы и Югра. Изъ числа народовъ тюркскаго происхожденія преобладающее значеніе на востокѣ и юго-востокѣ Россіи принадлежало — въ эпоху между шестымъ—десятымъ вѣкомъ—Болгарамъ и Хазарамъ, народамъ, занимающимъ видное мѣсто въ исторіи русскаго востока.

Между тѣмъ какъ на Днѣпровскихъ прибрежьяхъ и около Ильменя-озера только еще начинали складываться первыя русскія княжества и лучи христіанства впервые проникали въ нихъ изъ Византіи—Хазарскій Востокъ уже давно жилъ довольно правильно-развитою гражданскою жизнью и велъ обширную торговлю съ Азіей, пользуясь преимуществами своего географическаго положенія, благодаря которому на долю его выпадало посредничество въ сношеніяхъ далекаго Востока съ европейскимъ Сѣверомъ и Западомъ.

Свѣдѣнія о бытѣ Хазарскаго народа сохранились намъ у Арабскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ юго-востокъ и востокъ Россіи въ періодъ между VIII и X вв., преимущественно съ цѣлями торговыми, хотя собственно торговыя сношенія Азіи съ сѣверо-востокомъ Европы начались вѣроятно ранѣе (въ концѣ VII в.). «Воинственные Аравитяне, настолько-же искусные въ промышленности и предпріимчивые въ торговлѣ, насколько храбрые въ битвахъ, проложили себѣ въ VII в. (въ 641 г. по Р. Хр.) новые торговые пути на Сѣверъ. Послѣ кровопролитной борьбы съ Персами, они проникли во внутреннія и сѣверныя области Ирана, утвердились при Каспійскомъ морѣ и простерли свои завоеванія до береговъ Аму-Дарьи. Тогда всѣ страны каспійскаго бассейна открыли свои рынки для ихъ предпріимчивости» ([87]). Здѣсь встрѣтили они себѣ важнаго противника. Въ это время весь западный берегъ Каспія, отъ устьевъ Волги до Ширвана, признавалъ надъ собою верховное владычество воинственной державы Хазаръ, которымъ пришлось вступить въ непосредственныя сношенія съ Арабами, сначала военныя, а потомъ и торговыя. Достовѣрныя извѣстія о Хазарахъ восходятъ до II в. по Р. Хр., когда они жили между морями

Чернымъ и Каспійскимъ и вели войны съ Армянами. Гунны покорили ихъ на время, но, освободившись отъ ихъ ига, Хазары вдругъ являются сильнымъ, воинственнымъ племенемъ и до такой степени тѣснятъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, Персовъ, что персидскіе цари рѣшаются оградить себя отъ ихъ нападеній громадными валами и каменными стѣнами, протянутыми во всю ширину сѣверной границы Ширвана. VII вѣкъ въ особенности представляетъ наиболѣе блестящую эпоху въ исторіи Хазарскаго царства. Въ этомъ вѣкѣ они подчинили себѣ Болгаръ Волжскихъ и овладѣли большею частью Таврическаго полуострова, вступили въ ближайшія сношенія съ Византіею, которой помогали въ войнѣ противъ Персовъ, и вели въ теченіе 70 лѣтъ упорную борьбу съ Калифатомъ, которая окончилась для нихъ неудачей: поселеніе колоніи въ 14,000 Арабовъ при Дербентѣ обезпечило закавказскія владѣнія халифовъ отъ нападенія Хазаръ, и Аравитяне остались спокойными обладателями западнаго берега Каспійскаго моря. Но это не подорвало владычества Хазаръ; мы видимъ, что власть ихъ простиралась даже и на весьма отдаленныя отъ нихъ славянскія племена: Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, которыхъ они покорили и обложили данью, по свидѣтельству нашего древняго лѣтописца ([88]). Нападенія новыхъ выходцевъ изъ-за Урала — Печенѣговъ—вынудили Хазаръ къ построенію крѣпости *Саркела* или *Бѣлой Вежи* (какъ она называется въ нашихъ памятникахъ), которое было ими произведено при помощи Византійцевъ ([89]).

Хазары, подобно Болгарамъ и другимъ приволжскимъ народамъ, были полуосѣдлы. По свидѣтельству Арабскихъ путешественниковъ, мѣстное населеніе только на зиму скучивалось въ города, а съ наступленіемъ весны уходило въ степи, гдѣ и оставалось до приближенія холодовъ и вьюгъ.

«Въ мѣсяцѣ Нисанѣ (апрѣлѣ)» — такъ пишетъ одинъ изъ хазарскихъ царей въ сохранившемся до нашего времени письмѣ къ еврею Хаздаю—«оставляемъ мы городъ, и каждый изъ насъ отправляется въ свое поле и огородъ, который и воздѣлываетъ, ибо у каждаго семейства своя вотчина, въ которую оно отправляется весело и радостно... Я же, съ моими вельможами и слугами, кочую на пространствѣ 20 парасанговъ до великой рѣки Арзакъ».

Важнѣйшими изъ Хазарскихъ городовъ были: *Семендеръ* и *Итиль*. Первый находился при Каспійскомъ морѣ, между Дербентомъ и Волгою, около нынѣшняго Тарху и не уступалъ обширностью и населенностью своею даже самой столицѣ Хазарскаго царства—*Итилю*, который расположенъ былъ въ устьяхъ Волги, около нынѣшней Астрахани. Ибнъ-Хаукаль, много странствовавшій и любознательный купецъ изъ Мосуля, посѣтившій Семендеръ во второй половинѣ X в., набрасываетъ весьма

привлекательную картину этого города, окруженнаго плодоносными садами и виноградниками, доставлявшими столько вина, что жители даже отправляли его на Волгу, такъ какъ число виноградныхъ лозъ, по заявленію жителей, простиралось до 40,000. Въ самомъ городѣ находились мечети для мусульманъ, христіанскія церкви и синагоги Евреевъ; къ торжищамъ города стекалось такое огромное и разноплеменное множество народа, что даже на Араба, видѣвшаго богатые базары Калифата, городъ произвелъ особенно сильное впечатлѣніе своимъ многолюдствомъ. Кромѣ винодѣлія, жители Семендера производили еще шерстяныя ткани и вообще, судя по арабскимъ извѣстіямъ, жили очень богато. Много у нихъ было и денегъ, и рабовъ, и рабынь, которыми они нерѣдко откупались отъ Арабовъ. Не слѣдуетъ забывать, что Ибнъ-Хаукаль видѣлъ Семендеръ уже въ періодъ упадка этого города, изъ котораго уже съ половины VII столѣтія столица была перенесена хаканами хазарскими въ Итиль. Семь или восемь дней караваннаго пути отдѣляли Семендеръ отъ Итиля, новой столицы Хозарской. «Городъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ Волги. На восточномъ берегу жили только купцы,—мусульмане, жиды, христіане, Славяне и Руссы—и находились амбары съ товарами: эта торговая сторона называлась *Харранъ*. Западная часть города, имѣвшая около двухъ верстъ въ длину, была обнесена стѣною, и заключала въ себѣ жилища самаго хакана, *пеха* или *бека* (царя), войска и народа, нѣсколько храмовъ, базаровъ и бань. По другимъ извѣстіямъ, царская резиденція находилась на отдѣльномъ островкѣ, который соединялся съ западною частью города деревяннымъ мостомъ, устроеннымъ на лодкахъ»... «Населеніе города было весьма многочисленно и чрезвычайно разноплеменно: корысть соединяла на берегахъ Волги и смуглаго Аравитянина, и бѣлокурыхъ обитателей Сѣвера, и подданныхъ Халифата съ языческими Норманнами, Славянами и Чудью». Число жителей въ Итилѣ было, вѣроятно, весьма велико, судя по тому, что арабскіе путешественники насчитываютъ въ немъ однихъ мусульманъ десять тысячъ, да знатныхъ еврейскихъ фамилій до 4,000 душъ. Не смотря на разноплеменность населенія, не смотря на то, что съ VIII вѣка, при царѣ Буланѣ, хаканы приняли іудейство, которое и стало съ той поры государственною религіею, вѣротерпимость и равноправность всѣхъ гражданъ были полныя. Рядомъ съ еврейскими синагогами возвышалось до тридцати мечетей; были, вѣроятно, и христіанскіе храмы, судя по тому, что для людей каждой вѣры установлены были особые судьи: «учреждено семь судей» говоритъ Масуди:—«два для Магометанъ, два для Хазаръ, которые судятъ по закону Моисееву, два для живущихъ здѣсь Христіанъ, которые судятъ на основаніи Евангелія, и одинъ для Славянъ, Руссовъ и другихъ язычниковъ, которые судятъ по законамъ языческимъ». Жители Итиля занимались исклю-

чительно рыбнымъ промысломъ, но главнымъ источникомъ ихъ обогащенія была та обширная транзитная торговля, которая шла въ Азію черезъ Итиль изъ Волжской Болгаріи, Кіева и черноморскихъ прибрежій. Десятая часть всѣхъ товаровъ поступала въ казну, какъ пошлинный сборъ, натурою, такъ какъ Хазары, народъ не предпріимчивый и не торговый, денегъ не знали. Но уже самое взиманіе десятины въ видѣ пошлины съ привозимаго товара указываетъ на высокую цифру цѣнностей, проходившихъ черезъ Итиль, съ пяти разныхъ сторонъ: сухимъ путемъ изъ Закавказья, черезъ Семендеръ; морскимъ путемъ изъ разныхъ прикаспійскихъ городовъ; караваннымъ путемъ, по восточной сторонѣ Каспійскаго моря, изъ Бухары, Мавераннагра и Хорезма; Волгою, сверху, изъ Болгаръ, и изъ кіевской Руси; и съ Черноморскихъ прибрежьевъ, черезъ Донъ, мимо Саркела, волокомъ до Волги и Волгою. Полукочевое населеніе Итиля жило въ кибиткахъ или юртахъ изъ войлока; немногіе, побогаче, помѣщались въ глиняныхъ мазанкахъ, и у одного только царя были высокія кирпичныя хоромы. Подданнымъ такая роскошь воспрещалась ([90]).

Верховная власть въ Хазаріи была подраздѣлена. Высшимъ представителемъ ея является каганъ или хаканъ, но онъ имѣлъ болѣе значеніе религіозное, теократическое; собственно же управленіемъ государственнымъ, во всѣхъ его частяхъ, завѣдывало другое, подчиненное кагану лицо, нѣчто въ родѣ намѣстника, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ Пеха или Бега. Арабскіе писатели сохранили намъ любопытныя подробности о поставленіи намѣстника каганомъ: «новаго намѣстника хаканъ сначала увѣщевалъ, потомъ накидывалъ ему петлю на шею и спрашивалъ, сколько лѣтъ онъ намѣренъ управлять? И сколько лѣтъ тотъ назначитъ, столько и долженъ править; иначе его умерщвляютъ». Самъ же хаканъ очень рѣдко показывался народу, и доступъ къ нему имѣлъ только его намѣстникъ и нѣкоторые другіе вельможи; но и тѣ, кто имѣлъ къ нему доступъ, осмѣливались переступать его порогъ только съ выраженіями величайшаго благоговѣнія къ его особѣ: безъ разрѣшенія хакана не смѣли сѣсть, не смѣли подняться съ земли или заговорить. Уваженіе и степень повиновенія хакану были таковы, что если бы даже хаканъ приказалъ кому-нибудь убить себя, тотъ неминуемо долженъ былъ исполнить это приказаніе. Не менѣе любопытно и то обстоятельство, что при похоронахъ хакана старались скрыть мѣсто его погребенія, какъ бы отрицая тѣмъ самый фактъ смерти верховнаго правителя и стараясь убѣдить народъ въ непрерывности его власти. Поэтому, надъ могилою хакана строили зданіе въ 20 комнатъ и убивали всѣхъ, кто хоронилъ хакана, дабы неизвѣстно было, въ которой комнатѣ ха-

канъ погребенъ. Проѣзжая мимо надгробнаго памятника, каждый долженъ былъ сойти съ коня, поклониться до земли и пройти пѣшкомъ.

Намѣстникъ хакана предводительствовалъ войскомъ, завѣдывалъ сборомъ податей и дѣлежомъ военной добычи, изъ которой лучшая часть всегда выпадала на его долю. Войско, состоявшее преимущественно изъ наемниковъ и самихъ Хазаръ, было хорошо вооружено и организовано: оно представляетъ собою древнѣйшій образецъ постояннаго войска въ Европѣ ([91]). Есть основаніе предполагать, что все могущество Хазаръ главнѣйшимъ образомъ основывалось на томъ, что они такъ рано успѣли выработать себѣ прочную внутреннюю организацію, которая, съ одной стороны, опиралась на сильное войско, съ другой—находила поддержку въ значительныхъ выгодахъ матеріальныхъ, доставляемыхъ хорошимъ географическимъ положеніемъ. Нельзя, однако-же, не предположить въ Хазарахъ и довольно значительной степени развитія гражданственности, если мы примемъ въ соображеніе ту замѣчательную вѣротерпимость и равноправность всѣхъ передъ судомъ, которая уже въ X вѣкѣ поражала даже просвѣщенныхъ Аравитянъ.

Къ сѣверу отъ Хазаръ, въ углу, образуемомъ Волгою, при впаденіи въ нее Камы, жило другое тюркское племя — Волжскіе или Серебряные Болгары. Поселеніе Болгаръ на Волгѣ относится, вѣроятно, къ очень давнему времени. Волжскіе Болгары, раздѣляясь на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, составляли сильный народъ, занимавшій области, богатыя дремучими лѣсами и большими, судоходными рѣками, далеко открывавшими имъ пути во всѣ стороны ([92]). Не отличаясь особенною воинственностью и преимущественно занимаясь торговлею, Болгары, однако-же, не рѣдко расширяли границы своей территоріи и путемъ завоеваній. Изъ Итиля ѣздили Арабы къ Болгарамъ черезъ землю Буртасовъ, въ составъ которой входили нынѣшнія губерніи: Саратовская, часть Симбирской и Казанской по Волгѣ, а также и Пензенской, и часть Тамбовской по рр. Сурѣ и Мокшѣ до Оки. Главною частью народонаселенія Буртасской земли являлась, вѣроятно, и тогда, какъ и теперь, Мордва (поколѣнія Мокши). Главнымъ городомъ Буртасской земли былъ городъ Буртасъ, населеніе котораго простиралось до 10,000 душъ. Большая часть жителей исповѣдывала мусульманскую вѣру. Для нихъ построены были двѣ мечети, соборная и простая. Подобно жителямъ хазарскаго Итиля, жители Буртаса также вели жизнь полукочевую: они оставались въ городѣ только на зиму, а лѣтомъ откочевывали въ степь. Буртасы занимались преимущественно звѣроловствомъ, и страна ихъ доставляла превосходные мѣха чернобурыхъ лисицъ, славившихся во всемъ халифатѣ и всѣмъ извѣстныхъ подъ названіемъ *Буртасскихъ*.

На переѣздъ отъ Итиля до Болгаръ степью Арабы употребляли около мѣсяца караваннаго пути; а если поднимались въ судахъ, противъ теченія, то оставались въ пути 2 мѣсяца. Но торговыя сношенія Болгаръ со среднею Азіею не всегда совершались этимъ труднымъ и продолжительнымъ путемъ: изъ Хивы и Бухары шли, черезъ земли Башкировъ, прямые караванные пути степью, направлявшіеся прямо на Оренбургскую линію,—пути, которыми и до послѣдняго времени двигались изъ Средней Азіи торговые караваны въ Россію. Этимъ путемъ ѣхалъ до Болгара на Волгѣ и знаменитый Арабъ-путешественникъ, Ибнъ-Фодланъ, посѣтившій столицу Болгаръ весною 922 года, и оставившій намъ описаніе своего путешествія. Описаніе это и представляетъ намъ первыя точныя свѣдѣнія о Болгарахъ и ихъ бытѣ.

Мы не знаемъ, какую именно религію исповѣдовали Волжскіе Болгары до начала X в., но Ибнъ-Фодланъ застаетъ ихъ уже ревностными мусульманами. Во главѣ болгарской земли стоялъ царь, которому подвластны были другіе, меньшіе владыки, вѣроятно, правившіе отдѣльными племенами. Доходы царя, по арабскимъ извѣстіямъ, состояли изъ доли въ военной добычѣ и изъ подати, которая уплачивалась натурою (лошадьми, кожами). Сверхъ того, отъ царя же зависѣло и разрѣшеніе браковъ, такъ какъ каждый женившійся обязанъ былъ платить царю за право на женитьбу. Съ каждаго купеческаго судна, приходившаго въ Болгары для торговли, нужно было также уплачивать десятину товаромъ, хотя мы и не знаемъ, въ чью пользу шла эта десятина. Болгары, по замѣчанію Арабовъ, были народъ земледѣльческій и воздѣлывали всякій зерновой хлѣбъ; занимались они и скотоводствомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ; но все же главнымъ занятіемъ ихъ была торговля. Торговлю вели они обширную и сносились для этой цѣли съ самыми отдаленными странами—съ Югрой и Біарміей на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, съ Руссами и славяно-финскими областями на западѣ. Главнымъ предметомъ вывоза изъ Болгаріи въ Азію были мѣха собольи, бобровые, куньи, бѣличьи (подъ которыми разумѣли и горностаевые), выдровые и въ особенности лисьи, цѣнившіеся выше всѣхъ. Не маловажное мѣсто въ вывозной торговлѣ занимала мамонтовая кость и моржевые клыки—*рыбій зубъ* нашихъ былинъ—одинаково рѣдкіе на Востокѣ; также и янтарь, который шелъ въ Азію Волжскимъ путемъ съ береговъ Балтики. Сверхъ этихъ дорогихъ предметовъ вывоза, арабскіе писатели упоминаютъ и о болѣе важныхъ отрасляхъ торговли съ Болгаріей: о юфти и кожахъ, ревенѣ и орѣхахъ, о дешевыхъ коврахъ, и о невольникахъ. Въ обмѣнъ на это, Арабы привозили драгоцѣнные камни, бисеръ, особенно зеленаго цвѣта, изъ котораго низались любимыя ожерелья русскихъ женщинъ, покупавшіяся чуть не на вѣсъ золота (за каждую бисеринку платили по диргему, т. е. отъ 15—20 к.),

золотыя и серебряныя издѣлія своихъ фабрикъ, цѣпочки различной величины, запястья, кольца, булавки, бляхи для украшенія одеждъ и конской сбруи, булатные клинки, гарпуны и багры для рыбной ловли. Шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино составляли, кажется, также не маловажную статью привоза. Но всѣ эти статьи привоза были не болѣе, какъ предметами роскоши и да-

Рис. 104. Развалины Болгаръ на Волгѣ: Черная палата.

леко уступали по цѣнности мѣхамъ, которыхъ много требовалось для Азіи, цѣнившей ихъ весьма высоко. Вотъ почему, сверхъ привозимыхъ товаровъ, Арабы, Персіяне и Хорезмцы должны были приплачивать и наличными деньгами, и притокъ этихъ денегъ былъ весьма значителенъ, какъ мы это можемъ видѣть изъ множества кладовъ съ серебряною восточною монетою, отрываемыхъ всюду на всемъ протяженіи путей торговли съ Востокомъ. Но этого мало: въ X в. масса чеканеннаго серебра, привозимаго изъ чужихъ краевъ, сдѣлалась даже

недостаточною для коммерческихъ оборотовъ Болгаріи; Болгары сами стали чеканить свою серебряную монету, по образцу арабской, съ именами своихъ царей. Первые монетные дворы ихъ были въ городахъ Болгарѣ и Сувазѣ, и древнѣйшая изъ доселѣ извѣстныхъ монетъ болгарскихъ относится къ 949 г. (чеканена въ Сувазѣ) ([93]).

Арабскіе путешественники сохранили намъ даже довольно подробное описаніе столицы болгарской — этого важнаго средоточія сѣверо-восточной торговли, въ которое стекалось столько народовъ, и которое пользовалось такою громкою славою на всемъ Востокѣ. «Городъ Бол-

Рис. 105. Развалины Болгаръ на Волгѣ: башня Малаго Минарета.

гаръ заключалъ въ себѣ до десяти тысячъ жителей (во время Ибнъ-Хаукаля). Дома строили здѣсь искуснѣе, чѣмъ въ Итилѣ. Мазанокъ, въ родѣ хазарскихъ, уже не было; но не было и такихъ высокихъ минаретовъ при мечетяхъ, и каменнаго дворца, какъ въ Итилѣ. Избы дѣлались все деревянныя, — изъ пихты, по замѣчанію Арабовъ: складывались изъ большихъ бревенъ, которыя скрѣплялись посредствомъ шиповъ («деревянныхъ гвоздей», говоритъ арабъ-путешественникъ). Въ началѣ XI вѣка, городъ обнесенъ былъ стѣною изъ дубоваго дерева. Избъ считалось не много болѣе пятисотъ. Надобно впрочемъ

замѣтить, что Ибнъ-Хаукаль, сообщающій эти извѣстія о числѣ домовъ и жителей въ Булгарѣ, видѣлъ городъ вскорѣ послѣ раззоренія его Руссами въ 968—69 г. Не говоря уже о томъ, что упоминаемые имъ пятьсотъ бревенчатыхъ домовъ составляли только часть Болгаръ, избѣгнувшую разрушенія послѣ недавняго погрома—неслѣдуетъ забывать, что подвижныя жилища полукочеваго населенія, кибитки и юрты, должны были тоже составлять весьма значительную, если не наибольшую часть города. Сверхъ того, Руссы, пріѣзжавшіе въ Болгаръ для торговли, строили себѣ на берегу большіе деревянные сараи или шалаши, нѣчто въ родѣ тѣхъ временныхъ балагановъ, которые и теперь еще строютъ пріѣзжіе купцы на нашихъ большихъ ярмаркахъ. Тамъ помѣщались они, по десяти и по двадцати человѣкъ въ каждомъ балаганѣ, съ женами своими и невольницами, съ товарами, привезенными для продажи. Тутъ же, около ихъ балагановъ, была и та роща, въ которой были поставлены вытесанные изъ дерева идолы Руссовъ; тамъ, по разсказамъ Ибнъ-Фодлана, повергались они ницъ передъ идолами, то благодаря боговъ за успѣшный ходъ торговли, то принося имъ умилостивительныя жертвы ([94]).

Развалины древняго Болгара, въ Спасскомъ у. Казанской губ., въ 125 верстахъ отъ Казани и въ 6 верстахъ отъ Волги, сохранились еще и до настоящаго времени, и еще весьма недавно, лѣтъ 40—50 назадъ, представляли много весьма любопытныхъ остатковъ древнихъ зданій. Великій преобразователь Россіи и многіе изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ прошлаго столѣтія видѣли еще въ Болгарѣ много такихъ зданій, которыя въ настоящее время представляютъ собою только стѣны, съ обвалившимися углами и сводами, да бугры, поросшіе травою. Палласъ оставилъ намъ подробныя описанія болгарскихъ башенъ—Большого и Малаго минарета, Черной палаты или Судейскаго дома и Бѣлой палаты или Царскаго дома. Но даже и въ настоящемъ своемъ видѣ эти бугры, эти полузасыпанныя мусоромъ основанія зданій, эти остатки стѣнъ и башенъ служатъ весьма краснорѣчивымъ памятникомъ той богатой и оживленной торговой дѣятельности, которая нѣкогда кипѣла въ этомъ мѣстѣ Приволжья. Нѣкоторые ученые изыскатели и археологи-любители успѣли составить себѣ на мѣстѣ древнихъ Болгаръ богатыя коллекціи древностей, добытыхъ на мѣстѣ изъ земли. Отрываніе древностей и монетъ обратилось даже въ постоянный и весьма прибыльный промыселъ мѣстнаго селенія. Одинъ изъ нашихъ туристовъ, посѣтившихъ Болгары въ 1856 г., пишетъ между прочимъ: «Здѣсь лѣтомъ, послѣ каждаго дождя, мальчики и дѣвочки отправляются на поиски, и на всемъ пространствѣ постоянно находятъ серебряныя и мѣдныя монеты восточныя и разныя вещи,—золотые, серебряные и бронзовые браслеты, перстни и

серьги, обломки металлическихъ зеркалъ, разныя бусы, бронзовыя украшенія отъ сбруи, замки и проч. Путешественнику, проѣзжающему это историческое село, стóитъ остановиться здѣсь на нѣсколько часовъ и *кличъ кликнуть*, чтобы нанесли ему груды монетъ и вещей, безпрестанно находимыхъ крестьянами на пашнѣ или при рытьѣ земли...» Къ сожалѣнію, далеко не все, добываемое въ Болгарахъ и важное для археологической науки, попадаетъ въ коллекціи мѣстныхъ археологовъ *). Множество весьма важныхъ предметовъ и монетъ, находимыхъ въ Болгарахъ, сбываются крестьянами серебренникамъ и пропадаютъ безслѣдно для науки. Какъ велика масса подобныхъ потерь, можно судить по указанію одного казанскаго купца, торговавшаго въ серебряномъ ряду: онъ говоритъ, что онъ одинъ, на своемъ вѣку, переплавилъ не менѣе 8 пудовъ серебряныхъ монетъ и вещей, купленныхъ въ Болгарахъ ([95]).

Все вышеизложенное даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ значеніи, которое нѣкогда должно было имѣть царство Болгарское. Но представленіе наше о царствѣ Болгарскомъ еще значительно возрастаетъ и расширяется, когда мы обращаемъ вниманіе на то, что оно было не столько сильно и важно само по себѣ, по своему матеріальному и военному значенію, сколько по тому промышленному и предпріимчивому духу, который отличалъ въ то время Болгаръ, и благодаря которому они такъ рано успѣли завести и поддержать связи, а потомъ и установить прочныя сношенія съ отдѣльными областями сѣвера и сѣверо-востока. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ предметы вывоза болгарской торговли, отмѣченные арабами, принадлежали къ мѣстнымъ произведеніямъ Волжской Болгаріи. Къ мѣстнымъ произведеніямъ могутъ быть отнесены только медъ и воскъ, кожа и тѣ дешевые ковры, о которыхъ упоминаютъ Арабы (одинъ изъ нашихъ ученыхъ видитъ въ нихъ просто *цыновки*). Янтарь и невольники, вѣроятно, доставляемы были волжскимъ путемъ съ Запада, при посредствѣ Руссовъ. Большая часть мѣховъ, въ особенности дорогихъ, а также и желѣзо, добывалось изъ далекой Югры; болѣе дешевые мѣха, мамонтовая кость и моржовые клыки шли въ Болгарію съ Сѣвера, изъ туманной, полу-баснословной Біарміи. Болгары, какъ хитрые торговцы, не допускали предпріимчивыхъ Арабовъ до прямыхъ сношеній даже съ ближайшими своими сосѣдями, представляя ихъ то людоѣдами, пожирающими путешественниковъ, то ненавистниками всего чужеземнаго, а потому и безпощадно убивающими каждаго, заѣхавшаго къ нимъ чужеземца. Такъ изображали они Арабамъ племена Мордвы

*) Между ними особенно извѣстна прекрасная [illegible] болгарскихъ древностей А. Θ. Лихачева въ Казани, обратившая на себя общее вниманіе [illegible] ученыхъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ.

и мирную Весь; относительно же сношеній своихъ съ Югрой и Біарміей, имъ даже не нужно было прибѣгать къ вымыслу: простой и правдивый разсказъ о тѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, какія приходилось преодолѣвать путешественнику, отправлявшемуся въ эти дальнія страны, уже способенъ былъ внушить трепетъ каждому жителю Юга и населить его пламенное воображеніе самыми чудовищными образами. Такъ, напр., съ изумленіемъ и страхомъ, разсказываетъ Ибнъ-Батута о пути въ Югру и способахъ сообщенія по снѣжнымъ пустынямъ: «Эта страна, страна мрака, лежитъ въ сорока дняхъ пути отъ Болгаръ, и путешествія туда совершаются въ небольшихъ повозкахъ, на собакахъ. Почва этой степи мерзлая; нога человѣка или лошади не можетъ на ней устоять: потому и употребляютъ собакъ, у которыхъ есть когти. Путешествія предпринимаютъ только достаточные купцы; каждый изъ нихъ отправляетъ до ста повозокъ съ нужнымъ запасомъ пищи, питья и дровъ, потому что тамъ нѣтъ ни дерева, ни камня, ни земли. Путеводителемъ служитъ собака, бывшая уже нѣсколько разъ въ этой странѣ: такія собаки очень дороги, и за нихъ даютъ до тысячи динаровъ (золотыхъ). Ее запрягаютъ въ повозку впереди, а позади ея трехъ другихъ, которыя уже слѣдуютъ за нею, какъ за вожакомъ. Она остановится, и тѣ тоже. Никогда не ударитъ и не выбранитъ ее хозяинъ, и скорѣе съ нею, чѣмъ съ человѣкомъ, подѣлится онъ своею пищею. Не сдѣлай онъ этого—собака осердится, убѣжитъ, и тѣмъ самымъ пропадетъ вся ея цѣна. Послѣ сорока дней пути этою степью, путники останавливаются въ странѣ мрака; выкладываютъ привезенные товары и уходятъ на мѣсто своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горностаевъ. Если торговецъ доволенъ мѣною, то беретъ ее тотчасъ съ собою; въ противномъ случаѣ оставляетъ ее на мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ товаромъ. На слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ мѣхамъ, и купцы берутъ ее, оставляя взамѣнъ свои товары. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Тѣ, которые тамъ бываютъ, не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю,—съ людьми или духами; они никого не видятъ въ лицо» ([96]).

Въ этомъ разсказѣ очень не трудно отдѣлить вымыселъ отъ истины; онъ важенъ для насъ не только по упоминанію о способѣ сообщенія съ сѣверомъ на собакахъ—способѣ, сохранившемся для Приволжья до XVI вѣка—но еще и о *нѣмомъ* торгѣ Болгаръ съ Югрой, т. е. о томъ первобытнѣйшемъ пріемѣ торговли, который всегда въ началѣ долженъ устанавливаться между племенемъ дикимъ и племенемъ болѣе цивилизованнымъ, но еще не знающимъ языка дикарей. Самый разсказъ Арабовъ о нѣмомъ торгѣ съ Югрою подтверждается свидѣтельствомъ XI вѣка, занесеннымъ въ нашу древнюю лѣтопись,

въ которой разсказывается о нѣкоемъ Юрьѣ Тороговичѣ, богатомъ Новгородцѣ, который посылалъ своего отрока въ Югру, конечно, также съ торговыми цѣлями. Торговля производилась мѣновая, повидимому, въ одномъ изъ ущелій Урала. «Въ горѣ той» — разсказываетъ лѣтопись, дословно повторяющая разсказъ Новгородца — «просѣчено малое оконцо, и оттуда говорятъ (Югра), да не понять ихъ языка, и показываютъ на желѣзо, и помаваютъ рукою, прося желѣза; и ежели кто дастъ имъ желѣза, или ножъ, или сѣкиру, то они тому отдаютъ за желѣзо мѣхами». Изъ обоихъ свидѣтельствъ оказывается несомнѣннымъ существованіе мѣноваго торга Болгаръ съ Югрою, и выясняется то обстоятельство, что главною статьею этого торга были со стороны

Рис. 106.—Видъ Елабужскаго Чортова Городища (въ Вятской губерніи).

Болгаръ желѣзо и грубыя издѣлія изъ него, а со стороны Югры — мѣха, на которые они вымѣнивали желѣзо.

Нѣтъ, конечно, никакого основанія предполагать, чтобы торгъ съ Югрой, продолжаемый и поддерживаемый втеченіе долгаго времени, постоянно оставался нѣмымъ, точно также, какъ нѣтъ основанія думать, что сношенія съ Югрой и Печорскимъ краемъ производились постоянно только зимою и на собакахъ. Напротивъ того, между этими отдаленными областями и Болгаріей существовали, благодаря счастливымъ природнымъ условіямъ, постоянныя пути сообщенія при помощи рѣкъ и рѣчныхъ волоковъ. Изъ Камы, черезъ рр. Вишеру, Колву и Вишурку—суда Болгаръ могли входи [illegible] лку, а оттуда черезъ волокъ

Пустозерскій (4 версты)—въ Печору. Точно также, другой водный путь, черезъ тѣ-же рѣки, посредствомъ Камы и Вычегды, соединялъ Каму съ Двиною, черезъ Бухонинскій волокъ (въ полверсты шириною). На этихъ-то рѣкахъ, между Бѣлымъ моремъ, Волгой и Уральскими горами, лежала другая, славная своими богатствами страна—Біармія, съ которою Волжская Болгарія находилась въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Прямыхъ свидѣтельствъ объ этихъ сношеніяхъ не сохранилось, но уцѣлѣли другія свидѣтельства сношеній Болгаріи съ отдаленнымъ Сѣверомъ. Такъ около Чердыни сохранились слѣды весьма древняго городища при р. Колвѣ, и въ курганахъ около этого городища произведено было много находокъ, содержавшихъ въ себѣ монеты древнѣйшихъ арабскихъ калифовъ. Кромѣ того, такіе же клады и доски съ куфическими надписями отысканы были и въ верховьяхъ Двины, Печоры и Камы, куда, конечно, серебро съ далекаго азіатскаго юга могло быть занесено не иначе, какъ путемъ торговли (97). Сохранились не только могильныя насыпи и развалины городищъ, свидѣтельствующія о томъ, что при-двинскій и при-печорскій край были нѣкогда болѣе оживлены, нежели теперь; но на Бухонинскомъ волокѣ и донынѣ еще замѣтны остатки моста или наката,—очевидно устроеннаго нѣкогда для облегченія переправы судовъ черезъ волокъ. Такимъ образомъ, при двухъ важныхъ складочныхъ пунктахъ. Болгарахъ и Чердыни, цѣпь торговыхъ сношеній азіатскаго юга непрерывно тянулась на далекій европейскій Сѣверо-Востокъ. Крайними звѣньями этой живой цѣпи являлись складочные пункты въ *устьяхъ Печоры* и Сѣверной Двины, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшнихъ Холмогоръ, находился одинъ изъ важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Біарміи, съ храмомъ высшаго божества Біармійцевъ—Юмалы.

Объ этой далекой окраинѣ сохранились намъ отрывочныя извѣстія только въ поэтическихъ сагахъ, повѣствующихъ о цѣломъ рядѣ набѣговъ на берега Біарміи, совершенныхъ скандинавскими викингами въ IX, X, XI, XII и до начала XIII в. На основаніи этихъ сагъ, оказывается, что даже задолго до открытія Гренландіи, когда Исландія еще только начинала заселяться,—скандинавскіе викинги уже посѣщали сѣверную окраину европейскаго материка, берега Бѣлаго моря и богатую Біармію. Во второй половинѣ IX в., Норманнъ Отеръ, посѣтившій Англію и на время поступившій на службу къ Альфреду Великому, сообщалъ любознательному королю о своихъ странствованіяхъ въ Біарміи. По его словамъ, на всемъ пути, вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и по Бѣлому морю, онъ видѣлъ только голую незаселенную пустыню, по которой лишь кое-гдѣ бродили какія-то финскія племена. Но въ устьяхъ Двины Отеръ нашелъ осѣдлыя поселенія народа, который величалъ себя названіемъ Біармі[illegible] но

языку былъ схожъ съ Финнами. Біармійцы приходили къ нему на суда и много разсказывали о своей странѣ и о тѣхъ странахъ, которыя были съ ней смежны. Отеръ нашелъ страну Біармійцевъ хорошо обработанною, и привезъ на родину мѣха и моржовые клыки, вымѣненные у Біармійцевъ.

Вскорѣ послѣ того слухъ о новой странѣ, заманчивой по своимъ богатствамъ, распространился въ Скандинавіи и вызвалъ викинговъ къ цѣлому ряду походовъ, въ которые они пускались на многихъ большихъ судахъ разомъ. Прибывъ въ Біармію, они сначала мирно торговали и мѣнялись съ ея жителями, а потомъ, покончивши торгъ и увлекшись возможностью легкой наживы, бросались грабить жителей и уходили въ море, обремененные добычею. Саги разсказываютъ о многихъ подобныхъ столкновеніяхъ, о жаркихъ схваткахъ съ туземцами, о гибели многихъ храбрыхъ, и съ увлеченіемъ сообщаютъ подробности нѣкоторыхъ особенно-удачныхъ предпріятій. Наибо́льшую извѣстность получилъ походъ Карли въ Біармію; въ разсказѣ о немъ сага сообщаетъ такія важныя и любопытныя бытовыя подробности, что мы считаемъ не излишнимъ привести здѣсь этотъ разсказъ въ довольно большомъ извлеченіи.

Карли былъ человѣкъ богатый и знатный, одинъ изъ придворныхъ короля Олафа. Король отправилъ его въ Біармію на хорошемъ кораблѣ, нагруженномъ товарами, заключивъ съ нимъ предварительно условіе, по которому барыши отъ торговли должны были дѣлиться между ними пополамъ. Въ походѣ этомъ принялъ участіе братъ Карли, Гунштейнъ, также захватившій съ собою много товара. Затѣмъ, къ братьямъ-удальцамъ присоединился и знаменитый своими богатырскими подвигами Тореръ-Хундъ, снарядившій съ этою цѣлью большой корабль, на которомъ поплыло съ нимъ 80 человѣкъ его дружины.

Тореръ, Гунштейнъ и Карли заключили между собою такое условіе: каждый распродаетъ свой товаръ за свой счетъ, а военную добычу всѣ они должны дѣлить поровну между кораблями. Счастливо приплыли викинги въ устье Двины, къ торговому городу Біарміи, тотчасъ же открыли торгъ, и всѣ, у кого было золото или товаръ для мѣны, получили хорошій барышъ. По окончаніи торга, съ полнымъ грузомъ дорогого пушнаго товара, викинги спустились снова по Двинѣ и, выйдя въ открытое море, стали держать совѣтъ. Викингамъ былъ хорошо извѣстенъ обычай Біармійцевъ, по которому имущество каждаго, по смерти, дѣлилось между покойникомъ и наслѣдниками; покойникъ получалъ либо половину, либо треть всего своего имущества, и эту долю хоронили у нихъ въ землю, на священномъ мѣстѣ, за городомъ, а надъ могилой ссыпали высокій холмъ или ставили надъ ней небольшую лачужку. Это священное мѣсто, какъ до-

стовѣрно знали викинги, находилось въ дремучемъ лѣсу, неподалеку отъ устьевъ рѣки Винъ (Двины), около самаго храма Юмалы, высшаго божества Біармійцевъ. Туда-то задумали пробраться викинги, и, если посчастливится, овладѣть собранными тамъ сокровищами. Задумано—сдѣлано. Поздно вечеромъ викинги снова причалили къ берегу, часть ихъ осталась стеречь корабли, а другая направилась къ лѣсу. Впереди всѣхъ шелъ Тореръ-Хундъ, лучше всѣхъ знакомый съ мѣстностью; за нимъ—Гунштейнъ и Карли. Пробираясь по лѣсу, они обозначали свой путь, сдирая кору съ деревьевъ на извѣстныхъ разстояніяхъ. Послѣ полуночи вышли они наконецъ на большую прогалину. На той прогалинѣ и находился храмъ Юмалы, обнесенный высокимъ тыномъ, съ крѣпко припертыми воротами. Шесть сторожей изъ туземцевъ охраняли ночью тотъ храмъ, смѣняясь по-двое, въ каждую треть ночи. Викинги ухитрились напасть на храмъ именно въ то время, когда одна партія ча-

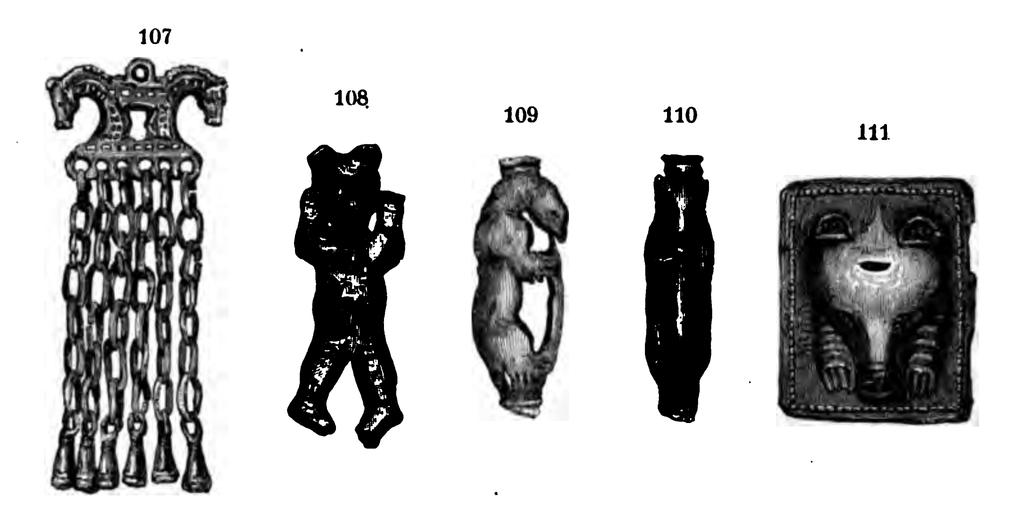

Рис. 107—111. Мѣдные и бронзовые предметы, отрытые изъ земли въ Пермской губерніи.

совыхъ только что ушла, а другая еще не успѣла прійти ей на смѣну. Тореръ Хундъ всадилъ топоръ свой въ воротище, поднялся по немъ, перелѣзъ черезъ ворота съ одной стороны, а Карли—съ другой, и впустили товарищей внутрь обнесеннаго тыномъ пространства. Добыча, выпавшая на долю викинговъ, была такъ велика, что каждый захватилъ съ собою серебра, сколько могъ унести. Но имъ все казалось мало: добрались они и до самаго изображенія Юмалы, которое возвышалось среди священной ограды. На колѣняхъ біармійскаго бога стояла серебряная чаша, полная серебряныхъ монетъ, а на шеѣ его висѣла драгоцѣнная золотая цѣпь. Тореръ Хундъ захватилъ серебряную чашу съ деньгами, а Карли прельстился цѣпью, и, пытаясь сорвать ее, такъ сильно рубнулъ топоромъ по шеѣ Юмалы, что голова истукана, съ ужаснѣйшимъ трескомъ, покатилась съ плечь долой. Трескъ и возню викинговъ въ храмѣ услыхали подошедшіе между тѣмъ сторожа новой

смѣны, затрубили въ рога... Поднялась въ лѣсу тревога... Всюду кругомъ звуки роговъ будили встревоженныхъ Біармійцевъ и сзывали ихъ на защиту храма, на гибель смѣлымъ грабителямъ. Не успѣли викинги добраться до лѣса со своей добычею, какъ уже ихъ отовсюду окружили толпы вооруженныхъ туземцевъ, и викингамъ пришлось мечомъ очищать себѣ дорогу къ морскому берегу. Опасность, грозившая имъ, была настолько велика, что когда они, счастливо избѣгнувъ преслѣдованій, достигли берега и сѣли на свои суда, — весь эпизодъ, пережитый ими, облекся для нихъ въ форму чего-то чудеснаго, сверхъ-естественнаго, и они приписали спасеніе свое вліянію чаръ Торера Хунда, будто бы научившагося волшебству у Финновъ.

Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, глубоко изучившій вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ Азіатскаго Юга съ нашимъ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ, замѣчаетъ по поводу только что изложенной нами саги: «изъ всѣхъ извѣстій скандинавскихъ о Біарміи, какъ бы они преуве-

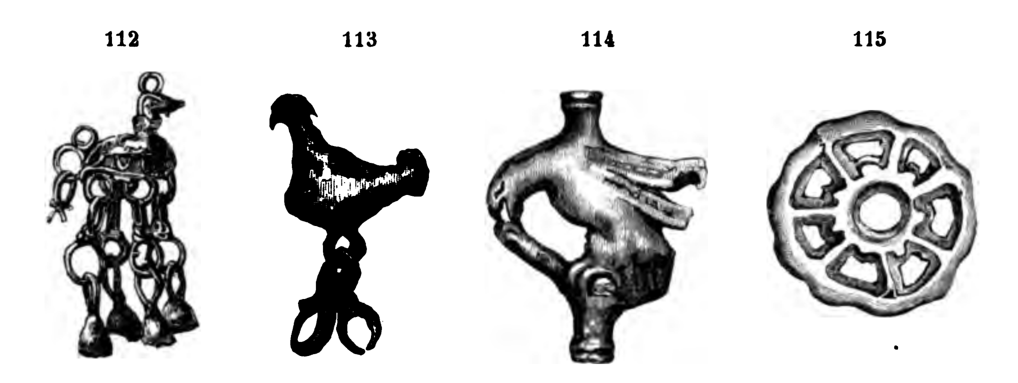

Рис. 102—115. Мѣдные и бронзовые предметы, открытые въ Пермской губерніи.

личены ни были, можно съ достаточною вѣроятностью вывести историческій фактъ о существованіи торговыхъ сношеній между Біарміею и Норманнами по крайней мѣрѣ съ XI в., и о нѣкоторомъ благосостояніи двинскаго края. Если же дѣйствительно въ храмѣ Юмалы найдены были серебряныя деньги, то деньги эти могли быть только куфическія,—и это обстоятельство свидѣтельствовало бы притомъ о сношеніяхъ Двинянъ съ Волжскими Болгарами» ([98]).

Заканчивая подвигами скандинавскихъ витязей нашъ бѣглый обзоръ древнѣйшихъ свѣдѣній о востокѣ и сѣверо-востокѣ нынѣшней Европейской Россіи, мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на тотъ важный выводъ, что уже въ отдаленномъ періодѣ, между VII и IX вѣкомъ, не только въ предѣлахъ Волжско-Камскаго бассейна, но и гораздо далѣе, на крайнемъ сѣверѣ, при устьяхъ Двины и Печоры, существовали установившіяся формы жизни, торговли и промышленности, возможность правильныхъ сношеній и проложенные торговлею,

болѣе или менѣе безопасные пути. Пути эти вели къ странамъ, богато надѣленнымъ природою и потому невольно привлекавшимъ къ себѣ предпріимчиваго сосѣда. И вотъ, по слѣдамъ Болгаръ и Норманновъ, въ XI столѣтіи, входятъ въ Заволочье и въ Двинскую землю первыя ватаги новгородскихъ промышленниковъ... И тутъ-то историческое движеніе славянскихъ племенъ, съ береговъ Дуная на сѣверо-востокъ, находитъ себѣ поддержку въ мѣстной культурѣ, которая въ значительной степени способствуетъ тому, что русская колонизація со временемъ окончательно упрочивается на далекомъ Бѣломорскомъ побережьѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Такъ напр. только въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія обращено было вниманіе на то, что еще въ 1715 г. въ окрестностяхъ Лондона отыскано было въ землѣ *каменное орудіе* вмѣстѣ *съ цѣлымъ скелетомъ слона*; зубъ этого слона и каменное орудіе случайно сохранились въ Британскомъ Музеѣ, и только 150 лѣтъ спустя послѣ находки, обратили на себя вниманіе ученыхъ.

Тогда же вспомнили и о томъ, что другая подобная находка была сдѣлана въ другомъ мѣстѣ Англіи (въ Суффолькширѣ) нѣкіимъ Г. Фреромъ, въ 1797 году.

Любопытное и весьма замѣчательное упоминаніе объ одной изъ давнихъ находокъ каменныхъ орудій въ южной Россіи приводитъ А. А. Котляревскій въ одномъ изъ изданій Московскаго Археологическаго Общества. (См Древности. Археологическій Вѣстникъ. Подъ редакціей А. А. Котляревскаго. Т. I. Годъ 1867—1868. Стр 29—30)

Это упоминаніе случайно отыскано г. Котляревскимъ въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія". 1820 года, ч. X, кн. VI, въ статьѣ Гесса-де-Кальве: „Опытъ историч. изслѣдов. объ образованіи человѣческихъ способностей". Стр. 251—2. Вотъ полный текстъ этого любопытнаго извѣстія:

„Лѣтомъ 1816 г., мастеровые Луганскаго завода (Славяносербск. у., на границѣ земли войска Донского) при разрытіи нѣсколькихъ аршинъ канавы, наступили на нѣкоторую твердую массу. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ, нашли, что масса сія не принадлежала землѣ, но представляла длинный круглый горшокъ порядочной величины. Мастеровые, надѣясь обрѣсти въ немъ, по крайней мѣрѣ, сокровища Креза, разбили его, и вмѣсто золота нашли множество стрѣлъ, ножей, пилъ и проч.—все изъ чистаго кремня, съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина, имѣли обостренное лезвіе, зубцы же пилъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видимъ въ лучшихъ англійскихъ пилахъ. Рабочіе, видя себя обманутыми въ надеждѣ, большую часть сихъ рѣдкостей разбили на кремни для высѣканія огня. Начальникъ же Луганскаго завода, узнавъ о семъ открытіи, собралъ поврежденные остатки и достойнѣйшіе вниманія отправилъ въ Санктпетербургъ. По необыкновенной чистотѣ камня и трудной отдѣлкѣ, а также по желанію сохранить сіе сокровище, можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоцѣнностямъ древности, и что зарыты они были гораздо прежде Половцевъ или Татаръ: ибо какъ сіи народы, такъ и Скиѳы и Славяне тогда имѣли уже желѣзныя орудія, слѣдовательно, вещи сіи составляли богатство какого-нибудь древняго обитателя сей страны".

(2) См. объ этомъ у «Ch. Lyell. Das Alter des Menschengeschlechtes auf der Erde u. der Ursprung der Abänderung nebst einer Beschreibung der Eis-Zeit in Europa u. Amerika. Nach d. englischen...

von Dr. Ludwig Büchner. Leipzig. 1874. Глава VII, стр 76, 77. Обращаемъ вниманіе читателя на книгу Лайеля именно въ этомъ переводѣ (а не въ оригиналѣ), такъ какъ переводъ этотъ сдѣланъ съ согласія автора на основаніи четвертаго, значительно измѣненнаго и дополненнаго изданія. Къ переводу прибавлены извѣстнымъ Л. Бюхнеромъ драгоцѣнныя примѣчанія и самое изложеніе наиболѣе трудныхъ главъ значительно облегчено для пониманія большинства публики.

Всѣ ссылки наши на эту книгу сдѣланы именно по этому изданію.

(3) Шмерлингъ сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій въ сочиненіи „Recherches sur les ossements fossiles, découverts dans les cavernes de la Province de Liège. 1833—1834.

Лайель о своихъ сомнѣніяхъ на стр. 35—36 своей книги (см. вышеприв. заглавіе „Das Alter d. Menschengeschlechtes etc.).

(4) Статья Академика К. М. Бэра, „О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ", помѣщенная въ мѣсяцесловѣ за 1864 г. СПб. См. тамъ стр. 32—34.

О томъ же въ книгѣ Лайеля, „Das Alter d. Menschengeschlechtes", въ главѣ VIII и IX; тамъ же, на стр. 106 и 119, приведены чертежи разрѣзовъ долины р. Соммы, подробно разобрано ея геологическое строеніе, и на стр. 134 и слѣд. указаны причины отсутствія останковъ человѣка, которыхъ долго и напрасно искали около находимыхъ тамъ въ значительномъ количествѣ кремневыхъ орудій.

(5) Объ этомъ см. въ предисловіи къ „Atlas der Culturgeschichte. Von Dr. A. v. Eye. Separat-Ausgabe aus der zweiten Auflage des Bilder-Atlas. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1875. Стр. 3, вверху 4-го столбца.

(6) Тамъ же, см. въ объясненіяхъ къ таблицамъ 1—4 (Vorgeschichtliches, столб. 3-й на стр. 3-й).

(7) См. подробнѣе о кухонныхъ остаткахъ въ вышеприведенной статьѣ академика К. М. Бэра, стр. 38—41 и у Лайеля (Das Alter d. Menschengeschlechtes), стр. 9—13.

Кстати замѣтимъ, что Дж. Леббокъ относитъ древнѣйшія кучи кухонныхъ остатковъ къ *неолитическому* (или *позднѣйшему*) періоду каменнаго вѣка.

(8) См. Ворсо, „Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ." Изд. Императорской Академ. Наукъ. Спб. 1861. 8°. Стр. 5.

(9) См. объ этомъ въ книгѣ Лайеля (на стр. 93, 94); тамъ же на стр. 92 приведенъ и рисунокъ изображающій знаменитую Перигорскую пластинку съ нацарапанной фигурой мамонта. Другой образецъ первобытнаго искусства въ Atlas der Culturgeschichte, табл. I, фиг. 11.

(10) См. объ этомъ въ статьѣ академика Бэра, на стр. 45, 46—8; а также и въ книгѣ Лайеля (вся V глава, стр. 41—54). Изображеніе череповъ на стр. 45—47. Важнѣйшіе и наиболѣе типическіе черепа, принадлежащіе людямъ каменнаго вѣка, изображены также въ Atlas der Culturgeschichte, на таблицѣ I, фиг. 74—77.

(10 bis, на стр. 17) См. Rivière. Découverte d'un squelette humain de l'époque paléolithique. Paris. 1873.

Изслѣдованіемъ и описаніемъ скелета (по доставленіи его въ парижскій Jardin des Plantes заняись англійскіе ученые Югсъ (Hughes) и Лайель, и французскіе—Денойе (Denoyers) и Ами (Hamy). См. Das Alt. d. Menschengeschlechts, стр. 97.

(11) „Описаніе земли Камчатки. Сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, Академіи наукъ профессоромъ. С.-Петербургъ. 1755". Томъ второй, часть III, стр. 31—33.

(12) S. Nilsson. Die Ureinwohner des Scandinavishen Nordens. Das Bronzealter. Hamburg, 1866. Стр. 91.

(13) Н. Ѳ. Бутеневъ сообщилъ подробности о своихъ находкахъ въ статьѣ своей: „Нѣкоторыя соображенія о первобытныхъ жителяхъ сѣверной Россіи по найденнымъ остаткамъ ихъ быта". Статья эта была помѣщена въ IV книгѣ Записокъ Имп. Геогр. Общ. за 1864 годъ. Затѣмъ статья эта появилась въ нѣмецкомъ переводѣ, въ XXIV т. „Archiv für die wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben v. A. Ermann (книжка III, стр. 495—513). Важныя дополненія къ этой статьѣ и поправки къ ея переводу были напечатаны П. И. Лерхомъ въ Извѣстіяхъ Имп. Археологическаго Общества. Т. VI. отд. 2, стр. 158—162. Самая коллекція каменныхъ орудій, собранная Н. Ѳ. Бутеневымъ, съ 1863 г. служитъ украшеніемъ этнографическаго музея Имп. Академіи Наукъ.

(14) См. вышеприведенную статью академика Бэра, стр. 47.

(15) Труды третьяго Археологическаго съѣзда, 1874 г. См. тамъ въ I т. статью Ф. И. Каминскаго: „Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ Стр. 149.

(16) Труды третьяго Археологическаго съѣзда, 1874. Т. I, стр 171--80, статья Г. О. Оссовскаго: „О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волынской губерніи".

(17) „Извѣстія" четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани. 1877. Рефератъ гр. А. С. Уварова: „О каменномъ періодѣ на берегахъ Оки".

(18) См. тамъ же; стр. 147, 148 и слѣд.

(19) О значеніи и вліяніи каменныхъ породъ на выдѣлку каменныхъ орудій см. статьи П. И. Лерха подъ заглавіемъ: „Орудія каменнаго и бронзоваго вѣка въ Европѣ"—помѣщены въ Извѣстіяхъ Имп. Арх. Общ. т. IV, стр. 145—169; т. IV, стр. 310—323; т. V, стр. 200—219. Любопытныя дополненія къ этимъ свѣдѣніямъ въ Отчетахъ Археологическихъ комиссій за 1865 годъ, стр. VIII и слѣд. (въ свѣдѣніяхъ о поѣздкѣ П. И. Лерха по Олонецкой и Вологодской губ.) и еще въ предисловіи къ первому выпуску труда Аспелина: „Antiquités du Nord finno-ougrien, Helsingfors, 1877 г.

Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что отсутствіе каменныхъ породъ, удобныхъ для выдѣлки орудій, оказывалось на столько чувствительнымъ, что побуждало людей каменнаго вѣка къ передвиженіямъ изъ одной мѣстности въ другую, а потомъ и къ добыванію необходимаго каменнаго матеріала другими способами (мѣною, можетъ быть даже извѣстнаго рода торговыми сношеніями) Любопытные примѣры въ подтвержденіе этого положенія, представляемыя различными находками въ Европѣ, указаны у Лайеля (стр. 15, 16).

(20) См. письмо П. Н. Рыбникова въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества", т. V, отд. 2, стр. 478 и слѣд.

(21) См. „Греческіе Классики, переведенные съ греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ". Часть XVI, книга 20. С.-Петербургъ. 1827. Стр. 20 и слѣд.

Въ гл. XV Геродотъ говоритъ, что Мегабазъ хитростью съумѣлъ покорить „Пеонянъ, называемыхъ *Сиропеонянами и Пеоплами*, и тѣхъ, коихъ владѣнія простирались даже до озера Прасіада...." Затѣмъ далѣе:

„XVI: Но Пеоняне, обитающіе около горы *Пангея*, также *Довиры*, *Агріаны*, *Одоманты* и живущіе на самомъ озерѣ *Прасіадъ*, Мегабазомъ покорены не были, хотя онъ покушался покорить и обитающихъ на упомянутомъ озерѣ. Вотъ какъ они живутъ на озерѣ. Посреди озера, на высокихъ сваяхъ, положены сплоченныя доски, имѣющія съ твердой земли узкій входъ посредствомъ одного моста. Сваи, на коихъ постланы доски, первоначально поставлены были всѣми вообще гражданами; потомъ ставить ихъ введенъ слѣдующій обычай. Каждый, кто женится, привезя ихъ съ горы, называемой *Орвигомъ*, ставитъ по три сваи за каждую жену; а женятся они на многихъ женахъ. На сихъ доскахъ у каждаго есть шалашъ, въ коемъ живетъ, со складною дверью, ведущею по доскамъ внизъ къ озеру. Маленькихъ же дѣтей привязываютъ за ногу тростникомъ, опасаясь, чтобы они не упали въ воду. Лошадей и подъяремныхъ животныхъ кормятъ рыбою, которой такое множество, что когда, отклонивъ складную дверь, спустить на веревкѣ въ озеро пустой кузовъ, то, спустя немного времени, вытаскиваютъ его полнымъ рыбы..."

(22) См. „Die nordische Bronzezeit u. deren Perioden. Eintheilung v. Sophus Müller. Autorisirte Ausgabe. Aus d. Dänischen v. J. Mestorf. Iena. 1878. Стр. 89 и слѣд. и 125 и слѣд.

(23) См. объ этомъ у Ch. Lyell. Das Alter des Menschengeschlechtes, etc. Стр. 15.

(24) Тамъ же, стр. 15—16.

Здѣсь кстати будетъ сообщить, что многіе ученые изслѣдователи, на основаніи различныхъ данныхъ, старались установить извѣстнаго рода хронологію для опредѣленія эпохи, въ которую возникли въ разныхъ мѣстахъ Европы свайныя постройки.

Морло (Morlot), на основаніи изслѣдованныхъ имъ разрѣзовъ почвы при Вилльнёвѣ опредѣляетъ, что тѣ изъ свайныхъ построекъ, которыя принадлежатъ каменному вѣку, должны быть отнесены къ періоду, отдаленному отъ насъ на 5000, а можетъ быть и на 7000 лѣтъ.

Викторъ Жиллієронъ (Gillieron) опредѣляетъ древность свайныхъ построекъ, открытыхъ между Билерскимъ и Невшательскимъ озеромъ въ 6750 лѣтъ.

Тройонъ (Troyon), по свайнымъ постройкамъ, около Шамблона (Chamblon) при Невшательскомъ озерѣ, относящимся къ бронзовому вѣку—считаетъ ихъ отдаленными отъ нашего времени по крайней мѣрѣ на 3300 лѣтъ.

(25) См. объ этой гипотезѣ проф. Пржиборовскаго, а равно и объ изслѣдованіи свайныхъ построекъ въ славянскихъ земляхъ, въ сочиненіи: „Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa. Nach polnischen u. russischen Quellen bearbeitet u. herausgegeben von Albin Kohn u. Dr. C. Mehlis. Erster Band. Iena. 1879. О свайныхъ постройкахъ говорится во 2-й главѣ этой книги, на стр. 57—82.

(26) S. Nilsson. Die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens 1866. Стр. 79.

(27) Тамъ-же. Стр. 99 и слѣд.

(28) Sadoffsky. Die Handelstrassen d. Griechen u. Römer durch die Flussgebiete d. Oder. Weichsel, des Dnieper u. Niemen an die Gestade d. Baltischen Meeres. Aus d. polnischen v. Albin Kohn. Jena. 1877 г. Стр. VII и слѣд.

(29) Sadoffsky. Тамъ-же, стр. XIX, XX и слѣд.

(30) Тамъ-же, стр. XXXIX и слѣд.

(31) Тамъ-же, стр. XIII.

(32) Тамъ-же, стр. XIV и XXXI.

(33) Ворсо. Сѣверныя древности, стр. 7—9.

(34) Въ книгѣ Словцова, „Историческое обозрѣніе Сибири". (Москва 1838 г. Часть I), находимъ чрезвычайно любопытныя данныя по вопросу о древностяхъ Сибирскихъ. Такъ какъ книга Словцова (и въ особенности I часть) составляетъ одну изъ такихъ книжныхъ рѣдкостей, которыя добыть довольно трудно, то мы и считаемъ не лишнимъ привести изъ нея слѣдующія подробности о раскопкѣ Сибирскихъ могилъ и о древнихъ копяхъ.

„Въ могилахъ, начинающихся съ Тобола (вѣроятно и западнѣе) и простирающихся не только до Тубы, но и за Байкалъ до Аргуни, были въ свое время открыты вещи золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя. Тѣ или другія принадлежали къ употребленію домашнему, воинскому или конскому" Бѣднѣйшими, по свидѣтельству Словцова, оказываются могилы Забайкальскія.

„Рядъ 16-ти кургановъ, находящихся на лѣвомъ берегу Алея, впадающаго въ Иртышъ, стóитъ быть упомянутымъ для того, что въ одномъ главномъ изъ нихъ, въ два поиска, найдено было бугровщиками золота до 60 фунтовъ въ разныхъ издѣліяхъ".

„Бель, изъ свиты Измайлова. писалъ, что между рѣдкостями, вырытыми изъ могилъ Кузнецкихъ, онъ видѣлъ коннаго истукана, искусно отлитаго изъ металла, и нѣсколько звѣрковъ изъ чистаго золота. Одинъ изъ бугровщиковъ сказывалъ Белю, что разъ онъ дорылъ до свода, подъ которымъ лежалъ оставъ человѣка на *серебряной доскѣ*, съ доспѣхами лука, стрѣлъ и колчана".

„Миллеръ въ Колыванскихъ заводахъ купилъ изъ могильныхъ драгоцѣнностей золотаго всадника на лошади сидящаго, чистой работы; также пріобрѣлъ онъ золотой кувшинчикъ обронной работы".

„Гмелинъ, въ Красноярскѣ наслышавшись о прежнемъ количествѣ могильнаго золота, въ такомъ изобиліи, что можно было покупать золотникъ по полтинѣ, расказываетъ, что у красноярскаго воеводы онъ видѣлъ родъ подноса и небольшой горшечекъ изъ серебра подъ золотомъ. На подносѣ изображены рѣзныя фигуры, съ накидкою, употребляемою у птицеловов". (См. стр. 548 и слѣд.)".

Объ уцѣлѣвшихъ до нашего времени остаткахъ древнихъ копей Словцовъ сообщаетъ слѣдующее: „При отыскиваніи Вагранской руды, недалеко отъ Вагранскаго Походяшинскаго рудника (на Уралѣ), въ 1769 г. разработаннаго, замѣчены старыя шахты".

...„На Южномъ Уралѣ, когда въ царствованіи Елисаветы начались заводы, найдены многія старинныя копи, а въ нихъ сплавы мѣди въ 2—3 фунта и *кривые мѣдные ножи*".

...„Въ окрестностяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ—старинныя разработки, въ родѣ верховыхъ развѣдокъ и грубыхъ проплавокъ. Работы сіи, *послужившія указаніями къ зало[illegible]*.

нашихъ рудниковъ, простирались на протяженіи 150 саженъ, а въ глубину не далѣе 5 саженъ; иногда попадались горные инструменты, *изъ мѣди литые*; но по большей части употреблялись (для горныхъ работъ) отломки изъ твердыхъ камней съ придѣланными рукоятками, какъ можно догадываться изъ обдѣлки отломковъ".

..."Въ Нерчинскихъ горахъ, въ 1726 г., въ мѣстечкѣ, называемомъ Култукъ, найдено нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытыхъ землею на аршинъ толщины. Тамъ же, въ старинныхъ отвалахъ—остовъ человѣка и *нѣсколько каменныхъ молотковъ*" (стр. 553 и слѣд.).

(35) См. Отчетъ Археологической Коммисіи за 1865 г. Стр. XIII и слѣд.

П. И. Лерхъ отправился сначала при своемъ археологическомъ объѣздѣ въ Петрозаводскъ и отсюда въ Повѣнецкій уѣздъ, къ Выгъ-озеру, посѣтилъ Заонежье, объѣхалъ уѣзды Вытегорскій и Каргопольскій, потомъ черезъ Вельскій, Тотемскій и Никольскій уѣзды Вологодской губ. отправился въ Вятскую, гдѣ и производилъ розысканіе въ Вятскомъ, Слободскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ. Очень любопытны сообщаемыя "Отчетомъ" свѣдѣнія, добытыя г. Лерхомъ по каменному вѣку въ Олонецкой и Вологодской губерніяхъ. Еще болѣе любопытны подробности раскопокъ въ чудскихъ городищахъ Вологодской губерніи. "Отчетъ" сообщаетъ между прочимъ, относительно разслѣдованія г. Лерха въ Ананьинскомъ могильникѣ, что "рукояти кинжаловъ (вырытыхъ изъ могильника), иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятями бронзовыхъ кинжаловъ, находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири". И далѣе:... "слитковъ золота и серебра (въ могильникѣ) не найдено. Особенно замѣчательно отсутствіе серебра, такъ какъ серебряныя гривны не рѣдки въ сѣверныхъ уѣздахъ Вятской губерніи. Такія двѣ гривны доставлены Лерхомъ изъ сѣв.-зап. части Глазовскаго уѣзда". Что же касается до бронзоваго оружія, то "экземпляры его часто находятъ въ окрестностяхъ Елабуги".

(36) См. объ этомъ въ "Трудахъ" перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869 г., въ книгѣ II-й, статью К. И. Невоструева, подъ заглавіемъ "Ананьинскій могильникъ", стр. 595—632. Собственно о символизмѣ нѣкоторыхъ древностей Ананьинскаго могильника въ отдѣлѣ статьи подъ заглавіемъ: *символы* и *амулеты*, на стр. 619.

(37) См. Antiquités du Nord finno-ougrien, publiées par J. R. Aspelin, въ предисловіи ко второй половинѣ 1-го выпуска. И еще въ Отчетахъ Археологической Коммисіи за 1879 г., стр. V и слѣд.

(38) "Древности Геродотовой Скиѳіи". Сборникъ описаній археологическихъ раскопокъ и находокъ въ Черноморскихъ степяхъ. Съ атласомъ. Изд. Имп. Археолог. Коммиссіи. С.-Петербургъ. Вып. 1-й. 1866. Вып. 2-й. 1872.

См. въ этомъ сборникѣ статью профессора Ф. К. Бруна: "Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ". Стр. LXXI.

(39) См. въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г., статью гр. А. С. Уварова: "Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ", на стр. 501—520.

(40) См. "Космосъ" А. ф. Гумбольдта. Переводъ съ нѣмецкаго Николая Флорова М. 1851. Въ 3-хъ томахъ (третій томъ въ двухъ отдѣлахъ). См. т. II, стр. 137 — 138 (въ главѣ о Средиземномъ морѣ).

(41) Статья К. Герца: "Погребальные обряды Грековъ и Скиѳовъ Босфора Киммерійскаго". Статья эта помѣщена "въ Сборникѣ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ". Изд. В. А. Дашковымъ. Книга I. Москва 1868. Стр. 144—145.

(43) Тамъ же, далѣе. Источникомъ для описанія Герца послужили отрывки отчета самого открывателя (Дю-Брюкса), насколько они были помѣщены въ "Antiquités du Bosphore Cimmérien, conservées au Musée Imperial de l'Ermitage. Ouvrage publié par ordre de S. M. l'Empereur (par F. Gilles). Vol. 1—2. St.-Pétersbourg. 1854. In-folio.

(44) Plin. XXXIII, c. 23. Цитата приведена въ "Antiquités du Bosph. Cimmerien. См. тамъ, стр. 224, въ томѣ I.

(45) Въ это заблужденіе впалъ и весьма опытный, весьма почтенный археологъ И. Е. Забѣлинъ. [illegible] своей "Исторія русской жизни" (часть первая, Москва, 1876) онъ приложилъ статью, подъ

заглавіемъ: „Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ", и тамъ, на стр. 642, приводитъ нижеслѣдующее описаніе группъ Куль-Обской вазы:

„*На небольшомъ стульчѣ* сидитъ, по видимому, царь, съ царскою повязкою на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ, которое, какъ бы слушая и размышляя, приложилъ ко лбу, а нижнимъ концемъ его опирается въ землю. Передъ нимъ сидитъ, по степному, поджавъ колѣна, скиѳъ въ своей остроконечной шапкѣ (или башлыкѣ), тоже опираясь въ землю копьемъ: онъ что-то разсказываетъ царю. *Позади*, другой скиѳъ старается натянуть тетиву на лукъ. *Послѣ изображеннаго разговора, это, повидимому, сборы къ войнѣ. Затѣмъ* слѣдуетъ группа изъ двухъ скиѳовъ: одинъ щупаетъ пальцемъ зубъ у другаго, который отъ боли крѣпко схватилъ щупающую руку своего врача. Дальше, другой скиѳъ въ башлыкѣ перевязываетъ рану на ногѣ, вѣроятно, у того же больнаго скиѳа". Нужно-ли говорить, что эта послѣдовательность и связь между изображеніями, устанавливаемая Г. Забѣлинымъ, совершенно произвольна.

(46) См. Отчеты Археологической Комиссіи за 1859 г. Стр. III:

„Вопросъ о Скиѳахъ Геродота или, точнѣе, Сколотахъ, древнихъ обитателяхъ южной Россіи, подалъ поводъ къ многочисленнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Свидѣтельствуя о необыкновенной настойчивости изслѣдователей, труды эти оставили однакоже вопросъ нерѣшеннымъ, хотя и исчерпали не только всѣ извѣстные письменные источники, но повидимому и всѣ возможныя предположенія. Дальнѣйшая участь его зависѣла отъ археологическаго разслѣдованія могильныхъ кургановъ царей Сколотовъ, роскошное погребеніе которыхъ подробно описалъ Геродотъ, опредѣливъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясно мѣстоположеніе страны Герровъ, гдѣ находились эти курганы".

„Въ недавнее время открытъ былъ курганъ, несомнѣнно принадлежащій къ ихъ разряду (Луговая могила)..." „Чѣмъ очевиднѣе важность открытаго кургана для исторіи древнихъ обитателей Россіи, тѣмъ болѣе онъ требуетъ подробнаго описанія..." „...Не лишнее впрочемъ, замѣтить, что наше открытіе имѣетъ и другой, болѣе обширный интересъ въ настоящее время, когда на почвѣ древней Ассиріи, Вавилоніи и Персіи найдено около двухъ тысячъ особаго класса гвоздеобразныхъ надписей на языкѣ, который приписываютъ Скиѳамъ". См. стр. V—VI.

(47) См. объ этомъ въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи", вып. 2-й, статья проф. Бруна, стр LXXVII—LXXX.

(48) См объ этомъ въ Отчетахъ Археологической Комиссіи за 1859, 1860, 1861, 1862 и 1863 гг.; а также и въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи", вып. I, стр. 1—28, и вып. II, стр. 20—118.

(49) Древности Геродотовой Скиѳіи, вып. 2-й, статья Забѣлина (отчетъ о раскопкѣ Чертомлыцкой могилы) стр. 74—118.

(50) Отчеты Археологической Комиссіи, за 1864 г. Статья академика Стефани. См. примѣчаніе 1-е къ стр. 10-й.

(51) Статья академика Стефани. Тамъ же, стр. 10.

(52) Тамъ же, стр. 11.

(53) Тамъ же, стр. 15—19. Приводя здѣсь выписки изъ статьи академика Стефани, мы не можемъ упустить изъ виду того, что въ другомъ изданіи Археологической Комиссіи (Древности Геродотовой Скиѳіи, вып. 2 й, стр. 102—103, примѣч. 2-ое) было помѣщено другое описаніе той же Никопольской вазы, сдѣланное И. Е. Забѣлинымъ; со многими подробностями этого описанія невозможно согласиться. Г. Забѣлинъ не обратилъ достаточнаго вниманія на основную идею всего ряда сценъ, изображенныхъ на фризѣ Никопольской вазы, и потому нашелъ связь эпизодовъ и послѣдовательное развитіе сюжета тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Такъ напр о сценѣ, изображенной на нашемъ рисункѣ 73, г. Забѣлинъ говоритъ: „Группа справа показываетъ, что дикій конь уже спокоенъ, объѣзженъ, взнузданъ и осѣдланъ, и Скиѳъ спокойно треножитъ его переднія ноги для отдыха". Если припомнимъ то, что объ этой же группѣ говоритъ академикъ Стефани (см. стр. 85 нашей книги), то ошибка г. Забѣлина окажется совершенно ясною. Особенно важнымъ считаемъ то обстоятельство, что конь этой группы, даже и съ перваго взгляда на его изображеніе, не представляетъ ничего общаго съ тою породою коней, которые составляютъ красу другихъ группъ фриза: онъ очевидно принадлежитъ „не къ царской конюшнѣ, а къ конямъ прислуги

царской". Обращаемъ вниманіе на эту подробность потому, что описаніе фриза Никопольской вазы, помѣщенное г. Забѣлинымъ въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи" въ 1872 году, дословно повторено г. Забѣлинымъ на 635;— 36 стр. его „Исторіи Русской жизни", изданной въ 1876 году. Изъ этого ясно, что г Забѣлинъ не измѣнилъ своего взгляда на значеніе изображеній фриза Никопольской вазы даже и послѣ напечатанія статьи академика Стефани въ Отчетахъ Археологической Комиссіи, а между тѣмъ трудъ почтеннаго академика совершенно исключаетъ возможность нѣкоторыхъ соображеній г. Забѣлина.

(54) Тамъ же, стр. 14 (въ концѣ). Въ дополненіе къ приведеннымъ въ текстѣ важнымъ замѣчаніямъ академика Стефани, пользуемся случаемъ, чтобы помѣстить еще двѣ выписки изъ его прекрасной статьи. Вотъ какъ напр. опредѣляетъ онъ художественное достоинство драгоцѣнной Никопольской вазы:

...„Лошадиныя фигуры на этомъ сосудѣ"—говоритъ почтенный академикъ—„если онѣ вообще не лучшее произведеніе, то во всякомъ случаѣ принадлежатъ *къ совершеннѣйшимъ созданіямъ этого рода, дошедшимъ до насъ отъ древняго искусства*. Въ благородствѣ очертаній и формъ у нихъ много общаго съ конями Парѳенона, но *они превосходятъ послѣднихъ* приданною имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенною естественностью во всѣхъ частностяхъ, естественностію, которая именно была возможна только въ періодъ времени послѣ Фидія, но, въ связи съ благородствомъ общей концепціи, врядъ-ли могла продолжаться въ древнемъ искусствѣ послѣ четвертаго столѣтія до Р. Хр" (Стр. 14).

Важнымъ считаемъ и другое замѣчаніе г. Стефани, касающееся вообще всѣхъ находокъ въ скиѳскихъ могилахъ:

...Большинство уцѣлѣвшихъ предметовъ съ перваго же взгляда отзывается чисто греческимъ художественнымъ стилемъ IV в. до Р. Хр., несмотря на поверхностную и небрежную отдѣлку. Это послѣднее обстоятельство достаточно объясняется тѣмъ, что уцѣлѣвшія вещи по большей части служатъ украшеніемъ коней, колесницъ и царскихъ рабовъ, тогда какъ изъ числа болѣе цѣнныхъ и болѣе изящныхъ украшеній, находившихся на самомъ царѣ, уцѣлѣли отъ грабительскихъ поисковъ только нѣсколько мелкихъ вещицъ". (Тамъ-же, стр. 9).

Это тонкое и вѣрное замѣчаніе опытнаго археолога особенно кажется намъ важно, въ виду предположенія, высказаннаго нѣкоторыми изыскателями, относительно того, что „вещи болѣе грубой отдѣлки, находимыя въ скиѳскихъ гробницахъ, представляютъ собою подражанія греческимъ образцамъ, исполненныя самими скиѳами".

(55) Отчеты Археолог. Коммисіи за 1863 г., стр. III и VIII.

(56) Тамъ-же, за 1860 г., стр. VIII—IX. Къ подобнымъ же новымъ и важнымъ чертамъ, дополняющимъ Геродотово описаніе погребенія скиѳскихъ царей, слѣдуетъ отнести и то, что могилы ихъ, внутри, по стѣнамъ и своду, обвѣшивались богатыми одеждами; въ нѣкоторыхъ гробницахъ сохранились даже крючья, на которыхъ онѣ были развѣшены. На самыхъ крючьяхъ найдены были остатки перегнившихъ тканей, а на полу подземелій самыя ткани, тоже истлѣвшія, въ видѣ комковъ неопредѣленной формы. См. объ этомъ у Забѣлина. (Скиѳія въ своихъ могилахъ) стр. 633.

(57) См. его „Исторію Русской Жизни", стр. 613—647.

(58) Отчеты Археолог. Коммисіи, за 1864 г. Статья акад. Стефани Стр. 144—146.

(59) А именно въ могилѣ Цымбалкѣ. На одной изъ этихъ бляхъ изображена сирена—женщина съ змѣиными хвостами, держащая въ рукахъ тоже змѣй съ львиными головами. См. Забѣлинъ. „Скиѳія въ своихъ могилахъ", стр. 644.

(60) Тамъ-же, стр. 645.

(61) Тамъ-же; на той-же страницѣ, ниже. Замѣчательные по своему объему котлы скиѳскіе сохраняются въ залѣ скиѳскихъ древностей въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

(62) Забѣлинъ. „Скиѳія въ своихъ могилахъ". Стр. 647.

(63) Замѣчаніе Е. Е. Замысловскаго,

(64) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые о [illegible] ій Приска Панійскаго". Эти отрывки ближе ознакомятъ читателей съ любопыт [illegible] оторый Прискъ

наблюдалъ, и о которыхъ мы только вскользь могли упомянуть въ текстѣ нашей книги. Приводимъ эти отрывки въ переводѣ Г. С. Дестуниса („Сказанія Приска Панійскаго". С.-Пб. 1860):

Стр. 46. *Медосъ и камосъ*. „Въ селеніяхъ отпускали намъ въ пищу, вмѣсто пшеницы—просо, вмѣсто вина—такъ называемый *медосъ*. Слѣдующіе за нами служители получали просо и добываемое изъ ячменя питье, которое варвары называютъ *камосъ*".

Стр. 50. *Дворецъ Аттилы*. „Мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы. Онъ былъ, какъ увѣряли насъ, великолѣпнѣе всѣхъ дворцовъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ и обнесенъ деревянною оградой, болѣе служащею къ украшенію, нежели къ защитѣ. Подлѣ дома царскаго, самый отличный былъ домъ Онигисіевъ, тоже съ деревянною оградою, но ограда эта не была украшена башнями, какъ Аттилина. ...Недалеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ... Строившій баню былъ житель Сирміи, взятый въ плѣнъ Скиѳами... Онигисій сдѣлалъ его своимъ баньщикомъ. Онъ долженъ былъ прислуживать ему и его домашнимъ, когда они мылись въ банѣ".

Стр. 51. *Встрѣча Аттилы*. „При въѣздѣ въ селеніе Аттила былъ встрѣченъ дѣвами, которыя шли рядами, подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи и болѣе дѣвъ; а такихъ рядовъ было очень много. Сіи дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли скиѳскія пѣсни. Когда Аттила былъ подлѣ дома Онигисія—супруга Онигисія вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе вино: это у Скиѳовъ знакъ отличнѣйшаго уваженія. Она привѣтствовала Аттилу и просила его вкусить того, что ему подносила, въ изъявленіе своего почтенія. Въ угодность женѣ любимца своего, Аттила, сидя на конѣ, ѣлъ кушанье изъ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями. Вкусивъ вино изъ поднесенной ему чаши, онъ поѣхалъ въ царскій домъ, который былъ выше другихъ и построенъ на возвышеніи."

Стр. 59. *Посѣщеніе Прискомъ одной изъ женъ Аттилы*. На другой день я пошелъ ко двору Аттилы съ подарками для его супруги. Имя ея Крека... Внутри ограды было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ, красиво соединенныхъ, съ рѣзною работою; другіе изъ тесанныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начиная съ пола они поднимались до нѣкоторой высоты"... „Я засталъ Креку, лежащею на мягкой постели. Полъ былъ устланъ шерстяными коврами, по которымъ ходили. Вокругъ царицы—множество рабовъ; рабыни, сидя на полу, противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды для красы".

Стр. 68. *Пѣвцы на пиру Аттилы*. (На пиру) „съ наступленіемъ вечера зажжены были факелы. Два варвара, выступивъ противъ Аттилы, пѣли пѣсни въ которыхъ превозносили его побѣды и оказанную въ бояхъ доблесть."

(65) Подробности о границахъ территоріи, которую занимали Венеты, см. въ Славянскихъ Древностяхъ Шафарика (въ переводѣ Бодянскаго. Москва, 1847) т. I, ч. 1; стр. 209.—Перечисленіе свидѣтельствъ о Венетахъ съ VI в. до Р. Хр., и до VII в. по Р. Хр., тамъ-же, стр. 265.

(66) Тамъ-же, т. I, ч. 1; стр. 20 и слѣд.

(67) Свидѣтельство Іорнанда о Венетахъ, Антахъ и Прокопія объ Антахъ, см. у Шафарика, тамъ-же, т. I, кн. 1; стр. 259 и 263.

(68) Крекъ (Gregor Krek. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte, Graz. 1874) замѣчаетъ, разбирая отзывъ Константина Багрянороднаго, что „это *ославяненіе* было конечно явленіемъ преходящимъ и вовсе не должно быть принимаемо въ смыслѣ вытѣсненія славянами туземнаго населенія изъ вышеуказанныхъ мѣстностей Византійской Имперіи население туземное, не имѣя возможности препятствовать колонизаціи славянской оказывалось однакожъ на столько устойчивымъ, что, допуская колонизацію, мало-по-малу приравнивало къ себѣ, а потомъ и совсѣмъ поглощало элементъ славянскій, являвшійся не сплошными массами, а въ видѣ рѣдкихъ поселеній". (Стр. 67).

(69) Въ соображеніе при этомъ очеркѣ были главнѣйшимъ образомъ приняты: *Pictet*. Les origines Indo-européennes ou les Arias primitifs (I, Paris 1850. II, 1863) и *L. Geiger*. Ursprung und Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Stuttgart. 1871.

(70) Этотъ очеркъ составленъ нами на основаніи прекраснаго свода фактовъ, сдѣланнаго Крекомъ въ вышеупомянутой его книгѣ (см. примѣч. 68) на стр. 22—55, и отчасти по книгѣ Я. Э. Воцеля. „Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности"—въ переводѣ Николая Задерацкаго. Кіевъ, 1875 г.

(71) Подробности о дакійскихъ жилищахъ см. въ превосходномъ изданіи Т. Ротшильда: „La Colonne Trajane, reproduite en phototypographie"; объ этомъ изданіи мы подробнѣе упоминаемъ въ нашемъ описаніи рисунковъ. В. Фрёнеръ (Froehner), составившій описательный текстъ къ этому изданію, замѣчаетъ между прочимъ совершенно вѣрно, что среди дакійскихъ построекъ выдѣляются два типа: одинъ, *болѣе древній*—убогой лачужки на четырехъ подпоркахъ, напоминающій собою свайныя постройки; другой, *позднѣйшій*—гораздо болѣе удобные домики, иногда даже двухъ-этажные. См. въ *Colonne Trajane* объясненіе Фрёнера къ табл. 50 (Habitations daces).

(72) Записки Императорской Академіи Наукъ, 1865 г.; т. VIII. Стр. 1—64. „Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ". А. Шлейхера. Шлейхеръ высказываетъ свое мнѣніе о *единоженствѣ* на стр. 41.

(73) „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго". Историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. Вып. I (и единственный). Кіевъ. 1860. Стр. 15. Прекрасный разборъ изслѣдованія В. Шульгина см. у К. Д. Кавелина, „Полное собраніе его сочиненій". 4 части. М. 1859.

(74) „Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи". Сочиненіе Павла Савельева, С.-Пб. 1847. Стр. LXXXVII.

(75) „Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ". Часть I. Статьи и розысканія А. Куника и барона В. Розена. Приложеніе къ XXXII ст. зап. Имп. Акад. Наукъ. стр. 53—54.

(76) См. И. И. Срезневскаго. „Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ". С.-Пб. 1848. Стр. 32—37 (отд. III о городищахъ). Та-же книга извѣстна и подъ другимъ заглавіемъ: „Святилища и обряды языч. богослуженія древнихъ Славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ". Измаила Срезневскаго. Харьковъ. 1846.

(77) „Величина площадей городищъ, т. е. внутреннихъ частей ихъ, безъ рвовъ и валовъ, въ большинствѣ случаевъ измѣняется отъ 300—500 аршинъ въ окружности; но встрѣчаются и меньшія, до 200, и бóльшія, до 1000 арш. въ окружности. Величина важнѣйшихъ псковскихъ пригородовъ, по описанію Н. И. Костомарова, измѣняется отъ 500—800 шаговъ въ окружности:

...„Пространство Изборскаго городища менѣе иного помѣщичьяго двора: площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности; площадь Вревскаго городища—240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину; окружность Краснаго городища 515 шаговъ; Опочецкаго—750 шаговъ и т. д. Площадь крѣпости, заложенной въ Ладогѣ посадникомъ Павломъ въ 1116 г. и сохранившаяся до настоящаго времени—400 арш. въ окружности. Площадь древней Путиловской крѣпости около 500 арш. въ окружности. Туже величину имѣли древніе города Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ и др. См. объ этомъ у Д. Самокрасова. „Исторія русскаго права". Т. I, Варшава. 1878. Стр. 191 и сл.

(78) См. тамъ-же, стр. 193.

(79) Тамъ-же, стр. 193—4.

(80) Тамъ-же, стр. 196.

(81) Тамъ-же, стр. 197.

(82) Тамъ-же, стр. 198 и слѣд.

(83) См. Барсовъ. „Причитанія сѣвернаго края". Москва. 1872. Стр. X и слѣд.

(84) Тамъ-же, область, „въ которую вступаетъ душа, разлучившись съ тѣломъ" изображается въ одномъ изъ причитаній такъ:

„Туды вѣтрышки не провѣвываютъ,
Лютое звѣрье не прорыскивае,
Малая птичка не пролетывае;
Ни прохожихъ туда, ни проѣзжихъ;
Хоть не дальная сторонушка—безъизвѣстная,
Не колодистъ туды путь—безповоротный".

(85) О музыкальныхъ инструментахъ у Славянъ см. въ книгѣ Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“. Спб. 1870. Стр. 264 и слѣд. (Свидѣтельство Ибнъ-Даста). И еще въ „Извѣстіяхъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ“. Стр. 55.

(86) См. Труды перваго Археологич. съѣзда; т. I, стр. CXVIII и CXIX (рѣчи академика И. И. Срезневскаго). А также—Иловайскій: „Розысканія о началѣ Руси“, стр. 138—141.

(87) П. Савельева „Мухамед. Нумизматика“, стр XLVII—IX.

(88) Г. Иловайскій отвергаетъ извѣстіе о томъ, что Хазары брали дань съ Полянъ, Радимичей и Вятичей, а г. Куникъ справедливо придаетъ этому извѣстію важное значеніе и приводитъ въ пользу его вѣскія доказательства. См. „Извѣстія Ал-Бекри“, стр. 151 и слѣд.

(89) Г. Иловайскій въ своей книгѣ „Розысканія о началѣ Руси“ (глава V, стр. 100—114) приводитъ весьма любопытныя соображенія относительно того, что Саркелъ былъ построенъ Хазарами не только для защиты отъ Печенѣговъ, но также и отъ Руси.

(90) П. Савельевъ. „Мухамед. Нумизматика“, стр. LX—LXII.

(91) „... Хазарамъ принадлежитъ честь введенія перваго доселѣ извѣстнаго постояннаго войска“.. Тамъ-же, стр. LXI и примѣч. 101.

(92) О значеніи Камы и ея притоковъ въ исторіи цивилизаціи русскаго Востока см. въ статьѣ И. Бабста: „Рѣчная область Волги“, помѣщенной въ „Магазинѣ Землевѣдѣнія и путешествій“ Н. Фролова (стр. 435 и слѣд.)

(93) П. Савельевъ. Мухамеданск. Нумизм., стр. LXXV и прим. 123.

(94) Гаркави, „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“. Стр. 94—95.

(95) С. М. Шпилевскій: „Древніе города и другіе болгарско-татарскія памятники въ Казанской губерніи“. Казань, 1877. Стр. 258—259.

(96) П. Савельевъ: Мухамед. Нумизматика, стр. CXXXI—III.

(97) См. Castren: „Ethnologische Vorlesungen“, Спб. 1875. Стр. 137—142.

(98) П. Савельевъ: Мухамед. Нумизм., стр. CXII—III.

ОБЪЯСНЕНІЯ РИСУНКОВЪ.

Рисунки 1—10.

Изображенія этихъ каменныхъ орудій заимствованы нами изъ Атласа, приложеннаго къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда, бывшаго въ Москвѣ въ 1869 г. (Труды и Атласъ вышли въ свѣтъ въ 1871 г.) См. въ этомъ Атласѣ Табл. III. Въ нашемъ снимкѣ изображенія Атласа уменьшены не много менѣе, чѣмъ въ два раза.

Всѣ эти орудія принадлежатъ къ разряду грубо-тесанныхъ, неполированныхъ орудій древнѣйшаго періода каменнаго вѣка. Назначеніе ихъ (кромѣ. №№ 1, 2, 3) въ данную минуту опредѣлить довольно трудно. № 1 представляетъ собою искусно выдѣланный наконечникъ копья съ зубчатыми краями. №№ 2, 3—наконечники стрѣлъ. Остальные экземпляры, отъ 4—10, представляютъ собою отломки различныхъ орудій, можетъ быть неудавшихся при выдѣлкѣ или потерпѣвшихъ отъ употребленія.

Рисунки 11—12.

Заимствованы нами изъ того же Атласа, приложеннаго къ Трудамъ перваго Арх. Съѣзда. Тамъ находятся они на табл. III, подъ №№ 2 и 8, и изображены въ натуральную величину. Въ нашемъ снимкѣ уменьшены немного болѣе, чѣмъ вдвое.

Рис. 11 (въ Атласѣ 2-й) представляетъ собою наконечникъ отъ копья; но по причинѣ его слишкомъ плоской формы и довольно острыхъ краевъ, онъ, кажется, могъ служить ножемъ или скобелемъ при выдѣлкѣ кожъ. Матерьялъ—роговикъ темно-бураго цвѣта (см Труды, стр. LXXXI).

Рис. 12 (въ Атласѣ 8-й) представляетъ прямое долото изъ кремня (см. Труды. стр. LXXXV), сточенное на концѣ. Оба принадлежатъ къ грубо-тесаннымъ, т. е. къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка.

Рисунокъ 13.

Заимствованъ изъ небольшаго Атласа литографированныхъ рисунковъ, приложенныхъ къ статьѣ И С. Полякова: „Этнографическія наблюденія во время поѣздки на Ю. В. Олонецкой губерніи“; въ особенности важенъ въ ней для нашей цѣли отдѣлъ подъ заглавіемъ „Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи“. Статья помѣщена въ III т. Запис. Имп. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этнографіи. Спб 1873, стр. 323—513. Нашъ рис. 13 соотвѣтствуетъ рис. 2 на табл. IV въ Атласѣ г. Полякова.

На рис. 13 изображенъ одинъ изъ самыхъ большихъ каменныхъ топоровъ, найденныхъ г. Поляковымъ въ Олонецкой губерніи. По поводу его онъ замѣчаетъ, что, будучи сдѣланъ изъ кварцита, онъ, „можетъ быть по своей значительной твердости, не былъ подвергаемъ стачиванію, и приготовленъ вполнѣ по способу околачиванья“, между тѣмъ какъ „всѣ остальные топоры являются въ формѣ клина, сточеннаго съ двухъ сторонъ“, причемъ продольныя ребра ихъ выдаются весьма рѣзко.

Величину этого топора Г. Поляковъ опредѣляетъ въ 247 милиметровъ (длина) и 83 милиметра [illegible]). Въ его Атласѣ изображеніе этого топора уменьшено ровно вдвое. Нашъ снимокъ противъ того [illegible] уменьшенъ въ $2^1/_4$ раза.

Рисунокъ 14.

Заимствованъ изъ Атласа, приложеннаго къ вышепомянутой статьѣ Полякова. Тамъ онъ находится на таблицѣ VII, подъ № 3, и у насъ переданъ буквально, въ ту же величину.

По поводу этого рисунка г. Поляковъ говоритъ о найденныхъ имъ горшкахъ слѣдующее: „Горшки встрѣчались намъ только въ видѣ обломковъ, по которымъ невозможно опредѣлить формы ихъ въ цѣломъ"... „Большинство обломковъ принадлежитъ къ окраиннымъ или боковымъ частямъ сосудовъ". ... „видно, что горшки съ внѣшней стороны украшались разнообразными узорами, состоящими изъ ряда бороздокъ, съ правильными на ихъ глубинѣ четырехъугольными вдавленіями; бороздки располагались наклонными и параллельными другъ другу рядами, или зигзагами, или сходились подъ угломъ другъ къ другу... или, наконецъ, раздѣлялись ямочками (какъ на нашемъ рисункѣ 14). Ямки эти, въ большей части случаевъ. очень глубоки, почти проходятъ сквозь всю стѣнку горшка, вслѣдствіе чего по внутренней сторонѣ получаются даже ряды выпуклыхъ бугорковъ (см. ст. Полякова, стр. 367—8).

Рисунокъ 15.

Изъ Атласа, приложеннаго къ Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г. (Труды и Атласъ вышли въ свѣтъ въ 1878 въ Кіевѣ) Таблица VII, рис. 35.

Въ объяснительной статьѣ г. Каминскаго: „Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ"—объ этихъ рисункахъ сказано между прочимъ слѣдующее:

„(При раскопкѣ въ с. Гонцы, имѣніи г. Киріякова) одна сторона ямы, западная, особенно привлекла мое вниманіе: по ней проходилъ едва замѣтный слой, незначительно выше уровня костей (мамонта)... Въ этомъ слоѣ найдены, кромѣ слишкомъ мелкихъ, 47 неудавшихся и испорченныхъ каменныхъ орудій и осколки орудій, а также костяное шило и костяное остріе" (см. Труды, ч. I, стр. 148). Хотя г. Каминскій и относитъ, въ числѣ прочихъ, орудіе, изображенное на рис. 35 (нашемъ 15), къ „*плоскимъ, безформеннымъ осколкамъ*", однако же нельзя не обратить вниманія на то, что это описаніе его не совсѣмъ точно, такъ какъ этотъ осколокъ не можетъ быть названъ ни плоскимъ, ни безформеннымъ. На немъ сохранились слѣды обработки рукою человѣка, который, при помощи околачиванія, старался придать ему извѣстную форму, даже пробилъ для какой то неизвѣстной цѣли отверстіе въ камнѣ—но камень не погодился ему, и онъ его отбросилъ въ общую кучу остатковъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Каминскій, что всѣ перечисленныя имъ 47 орудій принадлежатъ „къ древнѣйшему типу каменныхъ орудій, эпохи мамонта, и имѣютъ поразительное сходство съ орудіями этого типа, находимыми въ западной Европѣ въ тѣхъ же условіяхъ".

Рисунокъ 16.

См. тамъ-же, таблица VII, рис. 52. Въ объяснительномъ текстѣ г. Каминскаго (Труды I, стр. 151) находимъ такое объясненіе этому рисунку:

„Конечная часть кремневаго (грубо-тесаннаго) ножа, отличающаяся сглаженными ребрами и блескомъ. Орудіе это найдено (въ Полтавской губ.) возлѣ с. Рудки, Лубенскаго уѣзда, въ хуторѣ Чеберякахъ, на лѣв. сторонѣ р. Оржицы, въ торфѣ, въ саженяхъ 50 отъ болота, на глубинѣ $^1/_4$ аршина, недалеко отъ „Старой Криницы", возлѣ которой протекаетъ ручеекъ, называемый „Рутокъ".

Рисунокъ 17, 18, 19.

См. тамъ же, таблица XV, рис. 1, 2 и 7. Относительно этихъ рисунковъ находимъ въ протоколахъ третьяго съѣзда (стр. LXXX—LXXIV) слѣдующія подробности:

Раскопки предприняты были 11 авг. въ 14 верстахъ къ западу отъ Кіева, у с. Гатное; въ $1^1/_4$ версты отъ этого села, по направленію къ хутору Теремцы, на площади, слегка наклонной къ р. Вѣтѣ, протекающей черезъ с. Гатное, на урочищѣ „Курганъ", находилась група 6 могилъ. Двѣ изъ нихъ лежали въ лѣсу, 4 на полѣ.

Въ одномъ изъ этихъ-то кургановъ открытъ былъ сосудъ изъ красноватой глины, сплошь покрытый орнаментомъ изъ прямыхъ линій и точекъ, и сохранившійся вполнѣ (нашъ рис. 17). Тамъ же, въ сторонѣ отъ группы другихъ находокъ, нѣсколько глубже его, каменный молотокъ изъ кварцита (нашъ рис. 18). Судя по тому, что въ томъ же курганѣ найдены были и бронзовыя, и желѣзныя вещи, какъ молотокъ этотъ, такъ и глиняный сосудъ принадлежали довольно поздней эпохѣ.

Въ другомъ курганѣ рядомъ съ вышепомянутымъ. найденъ былъ около цѣльныхъ несожженныхъ скелетовъ мужчинъ и женщинъ другой молотокъ (изображенный на нашемъ рис. 19) также изъ кварцита. Хотя въ томъ же курганѣ найдены были и другія каменныя орудія, присутствіе между ними желѣзнаго наконечника копья, заставляетъ также относить молотокъ и эти орудія къ позднѣйшему періоду, когда знакомство съ металлами стало мало-по-малу выводить камень изъ употребленія.

Рисунокъ 20.

См. тамъ же, таблица VII, рис. 53. Въ статьѣ г. Каминскаго (Труды, I, стр. 151) находимъ слѣдующія любопытныя подробности о находкѣ этого молотка, который, замѣтимъ кстати, также принадлежитъ къ числу грубо тесанныхъ орудій древнѣйшаго періода.

„На довольно большой могилѣ (Полтавской губ., Лохвицкаго уѣзда), въ хуторѣ Богодаровкѣ, начали строить вѣтряную мельницу, а когда приступлено было къ рытью ямъ для фундамента, то въ одной изъ ямъ, приблизительно на глубинѣ 2-хъ аршинъ, нашли черепъ, но больше ни какихъ частей, ни признаковъ гроба. Рядомъ, въ другой ямѣ, аршина на 3 въ глубину, нашли каменный молотъ" (нашъ рис. 20)... „Къ сожалѣнію, дальнѣйшія раскопки той-же могилы не производились болѣе за ненадобностью.

Рисунки 21—22.

Заимствованы изъ Атласа, приложеннаго къ статьѣ г. Полякова „Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губ." (табл. III, рис. 1 и 2).

Касательно этихъ двухъ топоровъ (уменьшенныхъ у насъ въ 6 разъ противъ натуральной величины) г. Поляковъ замѣчаетъ, что они принадлежатъ къ наиболѣе обыкновеннымъ находкамъ каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи. „Большая часть этихъ орудій сходна со скандинавскими; сходство простирается даже до мелочей во внѣшней отдѣлкѣ", и въ особенности проявляется на топорѣ, изображенномъ у насъ на рис. 22. „Разница въ томъ, что большинство скандинавскихъ топоровъ состоитъ изъ твердыхъ породъ, преимущественно кварцевыхъ и изъ кремня, тогда какъ олонецкіе, главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца". (тамъ же, стр. 360).

Рисунки 23—25.

Изображенія взяты изъ Атласа, приложеннаго къ статьѣ г. Полякова, а именно съ его таблицы V, №№ рис. 7, 8, 9.

Г. Поляковъ принимаетъ фиг. 23 и 25 за рыболовныя *грузила*, употреблявшіяся для погруженія лесы въ воду; а кружокъ съ отверстіемъ посрединѣ (рис. 24) относитъ къ *украшеніямъ*, замѣчая, что подобной формы кружки изъ янтаря часто встрѣчаются при роскопкахъ въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи и Скандинавіи. Тѣ кружки служили несомнѣнно украшеніемъ; но по отношенію къ этому кружку, сдѣланному изъ мелкозернистаго кворцита, могутъ быть высказаны нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ подобные кружки употребляемы были сваестроителями въ качествѣ гирекъ при тканьѣ и плетеніи волокнистыхъ тканей.

Рисунокъ 26.

См. Атласъ къ Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда, таблица VIII, рис. 3. Въ статьѣ г. Оссовскаго (О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волынской губ.), служащей объясненіемъ къ рисункамъ, находимъ слѣдующія любопытныя догадки о самомъ производствѣ каменныхъ бусъ въ древнѣйшую эпоху.

„(Бусы) сдѣланы изъ *простыхъ шиферовъ*, мѣстной каменной породы, которою особенно изобилуютъ окрестности селъ Нагоряны и Каменщина"...; „нѣкоторыя (изъ находимыхъ тамъ) образцовъ этого очевидно мѣстнаго издѣлія замѣчательны тѣмъ, что представляютъ собою *издѣлія еще неоконченныя* и тѣмъ даютъ возможность ознакомиться съ производствомъ каменныхъ работъ у древнѣйшихъ обитателей этой страны. Изъ этихъ образцовъ мы видимъ, что для выдѣлки бусъ избирались не толстыя пластинки шифера, въ которыхъ предварительно вытачивались круглыя отверстія; затѣмъ пластинка распиливалась на 4-хъ угольные квадратики съ готовыми уже дырочками; потомъ, отпиливая углы квадратиковъ, имъ постепенно придавали кругловатую форму". Мы думаемъ, что отпиливанія угловъ не было, а было шлифованіе при помощи песка или простого тренія о болѣе твердыя каменныя и

Рисунки 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34.

См. Атласъ, приложенный къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Таблица III-я рисунки: 11, 14, 15, 16—33.

Всѣ орудія, изображенныя нами на стр. 25 нашего сочиненія, принадлежатъ позднѣйшему періоду каменнаго вѣка и носятъ на себѣ ясные признаки тщательной шлифовки. Самыя формы этихъ орудій указываютъ уже на значительно развитыя потребности тѣхъ, кому они служили.

Только объ одномъ изъ этихъ орудій (нашъ рис. 32) можемъ сообщить подробности его нахожденія и съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ оно было отрыто, такъ какъ этотъ молотъ принесенъ былъ въ даръ Московскому Археологическому Обществу извѣстнымъ ученымъ М. А. Максимовичемъ, и присланъ на первый Археологическій съѣздъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Въ прошедшее лѣто (1868) и моя Золотоношская родина, наконецъ, объявилась предметомъ любопытнымъ для археологіи до-исторической, *найденнымъ въ одной изъ тѣхъ круглыхъ степныхъ могилъ, которыя по сосѣдству съ хуторами и селами обращены въ христіаскія клабища.* Верстахъ въ 5 отъ г. Золотоноши, въ хуторѣ Новоселицѣ, копали яму для умершаго старика силача Матвѣя Городового и встрѣтили въ землѣ человѣческій остовъ, лежавшій съ полудня на сѣверъ; въ головахъ у него былъ глиняный горшокъ, распавшійся подъ заступомъ, а у плеча покойника лежалъ *каменный молотокъ*. Услыхавъ объ этомъ по возвращеніи моемъ изъ Кіева, я успѣлъ достать себѣ уже изъ вторыхъ рукъ этотъ первонайденный молотокъ Золотоношскій. Своею формою и отдѣлкою онъ превосходитъ тѣ сѣро-серпентиновые молотки, которыхъ уже не малое число найдено на правой сторонѣ Днѣпра, по берегамъ рѣкъ и въ древнихъ могилахъ".

Въ поясненіе къ этому письму замѣтимъ, что „Золотоношская родина", о которой упоминаетъ въ своемъ письмѣ маститый ученый, есть небольшая усадебка *Михайлова гора*, принадлежавшая покойному М. А. Максимовичу, на лѣвомъ берегу Днѣпра. надъ с. Прохоровою, Золотоношскаго у. Кіевской губ. Тамъ, возлѣ урочища „Княжая гора", былъ нѣкогда городъ *Родня*, извѣстный осадою, которую выдержалъ въ немъ Ярополкъ отъ Владиміра въ 980 году.

Рисунки 35, 36, 37, 38, 39.

Всѣ эти пять рисунковъ стрѣлъ заимствованы изъ Атласа, приложеннаго къ вышепомянутой статьѣ Полякова; онѣ изображены тамъ на табл. V, подъ №№ 2 (нашъ 36) и 3 (нашъ 38), и на табл. VI, подъ №№ 1 (нашъ 35), 3 (нашъ 39) и 8 (нашъ 37).

О наконечникахъ стрѣлъ, находимыхъ въ Олонецкой губ., г. Поляковъ замѣчаетъ, что „въ величинѣ наконечниковъ стрѣлъ существуетъ значительная разница: наибольшія — 85 миллиметровъ въ длину. 23 въ ширину; наименьшія 29, 30—въ длину, и 14, 18—въ ширину. Эта разница въ величинѣ объясняется различнымъ назначеніемъ этихъ орудій (для большихъ и малыхъ животныхъ)". Притомъ, „нѣкоторыя отличаются особенною акуратностью въ отдѣлкѣ", напримѣръ нашъ рис. 37; другія „по характеру работы напоминаютъ древнѣйшія изъ подобныхъ орудій, изъ эпохи мамонта въ Западной Европѣ" (стр. 364—5).

Рисунокъ 40.

См. Атласъ, приложенный къ Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда, таблица XV, рис. 14.

Изображенный на нашемъ рис. 40 наконечникъ кремневой стрѣлки, довольно тщательно отдѣланный, найденъ былъ во время упомянутыхъ уже нами (см. выше объясненія къ рис. 17, 18. 19) раскопокъ третьяго Археологическаго съѣзда, близъ с. Гатное. Въ курганѣ № 1, около скелета, котораго кости были разрознены такъ, что положеніе его опредѣлить не было никакой возможности, рядомъ съ черепомъ, нашли много мелкихъ костяныхъ бусъ, плоскій глиняный сосудъ, въ видѣ тарелки, обломки какого-то желѣзнаго орудія неопредѣленной формы и эту стрѣлку.

Рисунокъ 41.

Этотъ идеальный видъ селенія сваестроителей набросанъ былъ извѣстнымъ изслѣдователемъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, докторомъ Ф. Келлеромъ, отчасти на основаніи его собственныхъ изслѣдованій, отчасти по рисунку подобныхъ же свайныхъ построекъ въ Новой-Гвинеѣ, помѣщенному въ путешествіи Дюмонъ-Дюрвиля.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что и сѣти, подвѣшенные подъ помостомъ, и долбленый изъ одного дерева челнъ—не придуманы почтеннымъ ученымъ, а принадлежатъ дѣйствительно той отдаленной эпохѣ, по весьма достовѣрнымъ археологическимъ даннымъ. Грузила отъ сѣтей и удочекъ относятся къ числу наиболѣе обыкновенныхъ находокъ среди свайныхъ построекъ; а что касается челновъ, то остатки одного изъ нихъ, долбленаго изъ цѣльнаго ствола, были отысканы г. Моро близъ Меркураго [1]), около остатковъ свайныхъ сооруженій въ торфяникахъ, которыми поросъ бассейнъ одного изъ прежнихъ озеръ, образовавшихся нѣкогда постепеннымъ таяніемъ Тичинскаго глетчера (см. объ этомъ въ книгѣ Лайеля: Das Alter des Menschengeschlechts, стр. 19).

Рисунокъ 42.

Всѣ помѣщенныя въ немъ изображенія предметовъ, добытыхъ изъ Ананьинскаго могильника, въ разное время и разными изслѣдователями, уже были помѣщены въ Атласѣ, приложенномъ къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ (см. тамъ таблицу IV).

Мы должны были для удобства печатанья нѣсколько измѣнить расположеніе предметовъ этой таблицы въ нашемъ снимкѣ и снабдили каждый изъ нихъ отдѣльнымъ нумеромъ. Нумера эти на нашемъ изображеніи идутъ не въ разбивку, а въ порядкѣ послѣдовательности отъ лѣвой руки къ правой.

Заимствуемъ объясненія этихъ весьма важныхъ древностей изъ обстоятельной и подробной статьи г. Невоструева (см. въ Трудахъ перваго съѣзда, т. III, стр. 612—640) объ Ананьинскомъ могильникѣ, группируя однородные предметы.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателя на то, что всѣ предметы, входящіе въ составъ рис. 42, кромѣ №№ 12, 20, 21, и 26—принадлежатъ къ оружію.

Въ числѣ 22 экземпляровъ оружія видимъ *три кельта* (№№ 4, 6, 8), *четыре кинжала* (№№ 14, 17, 19, 18), *четыре военныя сѣкиры* или *боевыхъ молота* (№№ 16, 23, 24, 25), *три копья* (№№ 22, 13, 15), *четыре* металлическихъ *наконечника стрѣлъ* (№№ 2, 9, 11, 20), остальное—кремневые наконечники стрѣлъ.

Въ виду важности этихъ древностей, разнообразныхъ по формѣ и по составу, необходимо разсмотрѣть каждую изъ группъ въ отдѣльности.

а) ***Кельты***. № 2 представляетъ собою бронзовый кельтъ (изъ мѣди олова и слѣдовъ желѣза), весьма похожій на клинъ, довольно плоскій, длина 4 дюйма, ширина $2^1/_2$, со стесанными боками и пустотою внутри для вкладыванья древка; украшенъ зубчатыми и дугообразными линіями.

№ 3—такой же бронзовый кельтъ. длина $3^1/_2$, ширина $1^1/_2$ дюйма, кругловатой формы у основанія, съ однимъ ушкомъ для прикрѣпленія къ древку; также украшенъ прямыми и зубчатыми линіями.

№ 4—такой же формы и мѣры, съ двумя ушками и безъ украшеній бронзовый кельтъ по химическому разложенію состоящій изъ мѣди, желѣза и слѣдовъ золота.

б) ***Кинжалы***. № 19 — кинжалъ *желѣзный*, переломившійся на двѣ части, длины около $5^1/_2$ вершковъ въ томъ числѣ рукоять отъ основанія до плечиковъ 2 вершка.

№ 17—кинжалъ бронзовый, искусной работы и хорошо-сохранившійся, длиною $6^3/_4$ вершковъ (1 ' дюймовъ); рукоятка отъ основанія до плечиковъ $2^1/_3$ вершка (4 дюйма).

№№ 14 и 18—кинжалы желѣзные, первый $13^1/_2$, а второй 15 дюймовъ длины.

в) *Военныя сѣкиры* или *боевые молоты*. № 15—бронзовая сѣкира, хорошо отлитая и сохранившаяся, почти прямая по формѣ (напоминающая кирку), длины 3 вершка, съ круглымъ отверстіемъ въ самомъ корню.

№ 16 — сѣкира желѣзная длиною четыре вершка, съ круглымъ отверстіемъ для древка по срединѣ, съ остріемъ широкимъ и округленнымъ; часть, противуположная острію, нѣсколько похожа на молотокъ.

№ 23—бронзовый боевой молотъ, съ широкой втулкой для древка по срединѣ, длина 9 дюймовъ.

№ 24—изящной формы бронзовый боевой молотъ. На одномъ концѣ у него довольно хорошо отлитая голова кабана, другой конецъ—въ видѣ длиннаго птичьяго клюва. Этотъ замѣчательный памятникъ брон-

---

[1]) На югъ отъ Альповъ въ сѣверной Италіи.

зоваго вѣка найденъ былъ не въ самомъ Ананьинскомъ могильникѣ, а немного выше его на берегу Камы.

г) *Копья.* № 23—наконечникъ копья бронзовый, около 1 четверти длины, хорошо отлитый, съ узорами и выступами; формою напоминаютъ козацкую пику. Въ широкой части копья два сквозныхъ отверстія.

№ 15—наконечникъ копья желѣзный, длина $9^1/_2$ дюймовъ.

№ 13—наконечникъ копья желѣзный, еще большаго размѣра—$15^1/_2$ дюймовъ длины.

д) *Стрѣлы.* № 11—желѣзныя, въ формѣ копейца: имѣетъ круглый черенокъ, съ таковымъ же отверстіемъ для древка.

№ 20—желѣзная, длиною $3^1/_2$ дюйма, безъ черенка, съ однимъ только круглымъ отверстіемъ.

№ 2—желѣзная, трехгранная, съ зазубринами, изящной и отчетливой отдѣлки.

№ 9—двугранная, безъ зазубринокъ и съ черенкомъ для древка.

Остальныя вещи, неотносящіяся къ оружію—слѣдующія:

№ 12—бронзовое, хорошо сохранившееся, выемчатое долото, длины около 5 дюймовъ; около края отверстія для древка украшено зубчатымъ, выпуклымъ узоромъ.

№ 21 и 26—точильные камни, въ видѣ продолговатой плашки и кругловатой палочки. Оба снабжены дырочками, вѣроятно, для ношенія ихъ на поясѣ, какъ мы можемъ предположить по нѣкоторымъ достовѣрнымъ археологическимъ даннымъ.

№№ 1, 7, 10, 3, 5—кремневые наконечники или обломки наконечниковъ стрѣлъ. Всѣ—длиною около 2 дюймовъ или немного болѣе.

Рисунокъ 43.

Заимствованъ изъ атласа, приложеннаго къ „Трудамъ перваго Археологическаго Съѣзда", таблица IV, рис. 1. Уменьшая фотографически всю таблицу для нашего изданія, мы должны были выдѣлить это важное изображеніе, и дали его отдѣльно, въ ту же самую величину, въ какой оно помѣщено въ атласѣ.

Изображеніе это достаточно подробно разсмотрѣно нами въ текстѣ книги (стр. 51), а потому здѣсь, со словъ г. Невоструева, намъ остается добавить лишь очень немногое.

„Камень этотъ"—говоритъ г. Невоструевъ—опаковый, найденъ крестьяниномъ въ главномъ или большомъ Ананьинскомъ курганѣ въ землѣ, на четверть отъ верха; высоты онъ 6 четвертей, 11 вершковъ; ширины внизу 8 вершковъ, а въ верху, нѣсколько съуженномъ и сведенномъ полукругомъ, 7 вершковъ, толщины 1 четверть. Камень, по сказанію крестьянина, лежалъ въ извращенномъ положеніи—внизъ головою: въ такомъ положеніи найдено нѣсколько надгробныхъ камней и въ древнихъ курганахъ на Енисеѣ (см. въ „Трудахъ", стр. 627).

Рисунокъ 44, 46.

См. въ Атласѣ, приложенномъ къ первому Ахеологическому Съѣзду, табл. XXIV, рис. 26 и 28.

Наши №№ 46 и 44 представляютъ собою: первый — бронзовую пуговку, а второй — бронзовую бляшку для украшенія пояса. Пуговка (№ 46) выпуклая, съ спиральною фигурою на верхней сторонѣ и съ широкимъ ушкомъ со стороны обратной.

Бляшка (№ 44) имѣетъ на наружной сторонѣ двойную спираль, а на внутренней—широкое ушко для надѣванія на ремень.

Замѣтимъ, что спиральныя украшенія принадлежатъ къ наиболѣе характернымъ, отличительнымъ украшеніямъ предметовъ бронзоваго вѣка.

Рисунокъ 47, 48, 49, 50, 51, 52.

См. тамъ-же, таблица XXII, рис. 48, 51, 52, 53, 54, 57.

Нашъ № 47 представляетъ собою миніатюрную бронзовую баранью головку; ширина $^7/_8$ дюйма, длина 1 дюймъ. На задней сторонѣ головки—ушко или продѣвка. Очевидно, что вещица эта служила украшеніемъ, и нашивалась либо на поясъ, либо на одежду.

№ 48—бронзовый, миніатюрный (длина и ширина $^5/_8$ дюйма) пѣтушокъ на шпинькѣ, утвержденномъ въ основаніи тонкомъ и кругломъ, въ родѣ серебрянаго пятачка. Вещица сдѣлана изящно, и по догадкѣ г. Невоструева, вѣроятно, представляетъ собою запонку.

№ 49—бронзовая орлиная головка (длина $1^3/_8$ дюйма) также изящно сдѣланная, съ круглымъ прорѣзнымъ основаніемъ, которое представляетъ собою втулку для того, чтобы эту орлиную головку можно было насаживать на другой предметъ, которому она должна была служить украшеніемъ.

№ 50. Бронзовое украшеніе съ тремя сквозными отверстіями и ушкомъ позади. Изображеніе, не совсѣмъ ясное, представляетъ нѣчто въ родѣ дракона, пожирающаго какое-то животное. Бляшка эта—округлой формы, длины 3 дюйма, ширины $2^3/_4$ дюйма.

№ 51. Бронзовое колеско о четырехъ спицахъ, со сквознымъ отверстіемъ по срединѣ. Эта форма украшеній принадлежитъ къ наиболѣе часто попадающимся въ бронзовомъ вѣкѣ. Встрѣчается и въ западной Европѣ между древностями бронзоваго вѣка, и у насъ на Уралѣ, между пермскими древностями (см. рис. 115), и на Кавказѣ (см. изображеніе на стр. 64 въ „Археологическихъ и нумизматическихъ отрывкахъ"—П. Савельева, книжка I, С.-Пб. 1855).

52. Бронзовая застежка или крючокъ, заканчивающійся съ одной стороны головою какого то звѣря съ очень длинною мордою и прижатыми ушами. Г. Невоструевъ затрудняется точнѣе опредѣлить назначеніе этого предмета.

Вообще же всѣ вышеописанные предметы отъ № 47—52, по качеству помѣщенныхъ на нихъ изображеній, г. Невоструевъ относитъ къ числу предметсвъ, имѣющихъ символическое или вѣщее значеніе, а потому и представляющихъ собою нѣчто въ родѣ обереговъ или амулетовъ.

Рисунокъ 53.

Изъ „Древностей Геродотовой Скиѳіи", изданныхъ Импер. Археологической коммиссіей. Спб. 1866 См. текста вып. I, стр. 1.

Изображенный на рисункѣ курганъ Александропольскій, болѣе извѣстный подъ именемъ Луговой могилы, лежитъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близь казеннаго селенія Александрополя, верстахъ въ 60—70 отъ Днѣпра и въ 30 отъ рѣки Базавлука. Онъ принадлежитъ къ числу значительнѣйшихъ кургановъ во всемъ Новороссійскомъ краѣ. По подошвѣ, которая была обложена дикарными камнями, онъ простирается въ окружности до 150 саженъ и въ вышину саженъ на 10. Видъ его былъ конусообразный: вершина, на которой нѣкогда, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, стояла каменная баба, была срѣзана, и представляла площадку, шириною въ 9 саженъ. Сооруженная изъ чернозема и глины, на небольшой возвышенности, насыпь эта видна была во всѣ стороны болѣе, чѣмъ за 25 верстъ. Вокругъ всего кургана шелъ широкій ровъ глубиною въ $^3/_4$ аршина, обведенный валомъ, вышиною въ полтора аршина, съ двумя промежутками въ немъ, изъ которыхъ одинъ находился на восточной, другой на западной сторонѣ.

Рисунокъ 54, 55, 56.

Изъ Атласа, приложеннаго къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда; см. таблицы I, рис. 3; табл. II, рис. 13 и 14.

Въ статьѣ гр. Уварова, въ „Трудахъ" того же съѣзда (Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, стр. 501—520) сказано, что изображенная на нашемъ рис. 54 каменная баба принадлежитъ къ числу тѣхъ семи бабъ, которыя помѣщены въ городскомъ саду въ Новочеркаскѣ и для Археологическаго съѣзда сняты были посредствомъ фотографіи.

№№ 55 и 56 сняты съ рисунковъ, изготовленныхъ извѣстнымъ ученымъ нашимъ П. И. Кеппеномъ. Вышина бабы № 55 равняется 2 арш. $12^5/_8$ вершковъ; вышина бабы № 56—1 арш. $9^1/_2$ вершк.

Замѣтимъ кстати, что къ „Свѣдѣнію о каменныхъ бабахъ" приложена въ „Трудахъ перваго съѣзда" весьма любопытная карта „Мѣста нахожденія каменныхъ бабъ въ Азіи и въ Европѣ".

Рисунокъ 57.

Снятъ прямо съ памятника, хранящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ отдѣлѣ Керченскихъ древностей. Фотографія исполнена художникомъ Классеномъ. Гравирована прямо по фотографіи Паннемакеромъ въ Парижѣ. Изображеніе увеличено ровно въ [illegible] раза.

Самый памятникъ—золотая пластинка на [illegible] представлены два Скиѳа, повидимому, обнявшіеся и пьющіе изъ одного рога.

Рисунокъ 58.

См. „Древности Геродотовой Скиѳіи“, вып. 2-й. Спб. 1872. стр. 54.

Изображенная на рисункѣ гробница отрыта была въ одномъ изъ кургановъ близь с. Бѣленькаго*), принадлежащаго г. Миклашевскому и отстоящаго отъ Краснокутской **) станціи верстъ на 50 къ югу.

Главный изъ этихъ кургановъ (такъ называемая Толстая могила), совершенно не тронутый раскопками, имѣлъ 100 саж. въ окружности.

При раскопкѣ кургана, въ серединѣ обнаружились каменныя известковыя плиты: это была покрышка гробницы. Когда было очищено мѣсто подлѣ этой гробницы, то съ южной стороны ея, въ разстояніи 2-хъ аршинъ, обнаружился стоявшій вертикально камень, въ видѣ бабы. Онъ былъ вышиною 2 арш. 1 верш. Вокругъ гробницы была поставлены ограда изъ известковыхъ бѣлыхъ камней разной величины. Гробница была сложена изъ цѣлыхъ плитъ рыхлаго бѣлаго и желтаго известняка и такими-же плитами покрыта; величина камней была около 1 арш. въ квадратѣ, а толщина въ $^1/_4$ аршина. Гробница была поставлена на материкѣ и имѣла длины по направленію отъ востока къ западу 3 аршина 7 вершковъ; ширины въ головахъ 1 арш., а въ ногахъ 10 вершковъ; въ головахъ вышина камней, составлявшихъ гробницу, равнялась 1 аршину, въ ногахъ --14 вершкамъ

Рисунокъ 59 (помѣщенный во главѣ книги) 60, 61, 62.

Снятъ съ памятника, хранящагося въ Импер. Эрмитажѣ, въ отдѣленіи Керченскихъ древностей.

О самомъ памятникѣ такъ много и часто приходилось говорить намъ въ текстѣ книги, что здѣсь добавить пріидется не многое.

Эта небольшая электровая ваза, по корпусу которой расположены рельефныя сцены изъ скиѳскаго быта (рис. 60, 61, 62), составляетъ одну изъ величайшихъ драгоцѣнностей Эрмитажнаго собранія, такъ какъ принадлежитъ къ тому немногому, что уцѣлѣло отъ несчастной Куль-Обской находки.

Главнымъ затрудненіемъ при фотографированіи, какъ этого цѣльнаго изображенія Куль-Обской вазы, такъ и отдѣльныхъ сценъ съ нея, было расположеніе рельефныхъ фигуръ по округлому изгибу, составляющему плеча сосуда. Этотъ изгибъ и долженъ быть принятъ въ соображеніе читателемъ, когда онъ будетъ разсматривать рисунокъ 59, а также и рисунки 60, 61, 62. Обратимъ вниманіе читателя на то, что въ рис. 59 ваза поставлена на горизонтальную плоскость, чтобы дать совершенно правильное понятіе о ея формѣ. Но такое положеніе вазы не даетъ возможности обозрѣть изображенныя на ней группы во всей красотѣ ихъ очертаній. Вотъ почему, изображенія 61, 62, 63—сняты были съ вазы, поставленной нѣсколько наклонно къ зрителю, вслѣдствіе чего и самыя фигуры отдѣльныхъ группъ вышли яснѣе и неизбѣжные ракурсы верхнихъ частей фигуръ (прилегающихъ къ шейкѣ вазы) могли представиться въ болѣе полномъ и отчетливомъ видѣ.

Обратимъ вниманіе читателей еще на одну подробность этихъ драгоцѣнныхъ изображеній Отъ внимательнаго взгляда любителей археологіи не укроется то, что всѣ очертанія человѣческихъ фигуръ на вышеуказанныхъ рисункахъ—оттѣнены кругомъ довольно широкою темною каймою. Тотъ же самый темный оттѣнокъ, въ родѣ пятенъ, видимъ и на бородѣ, и въ рельефахъ лицъ Скиѳовъ, и въ нѣкоторыхъ складкахъ одеждъ. Многіе, незнакомыя съ самымъ памятникомъ, могутъ отнести это къ недостатку гравюры или печатанья—и горько ошибутся. Дѣло въ томъ, что эта темная кайма и эти темныя пятна существуютъ и на самомъ Куль-Обскомъ сосудѣ и составляютъ ничто иное, какъ цвѣтной красноватый налетъ, сохранившійся и на этомъ сосудѣ вслѣдствіе того, что онъ былъ обернутъ, при первоначальной постановкѣ въ гробницу, какою-то цвѣтною (можетъ быть пурпуровою) тканью: ткань истлѣла, но цвѣтъ окрашивавшій ее, сохранился во всѣхъ выемкахъ и впадинахъ сосуда.

Изображенія этого сосуда были помѣщены въ „Antiquités du Bosphore Cimmerien“, t. III.

Въ заключеніе нашихъ объясненій замѣтимъ, что на изображеніяхъ Куль-Обской вазы особенно ясно выступаютъ тѣ кружочки, крестики и точками обозначенныя линіи, которыя мы видимъ на одеждахъ

*) Въ надписи подъ этимъ рисункомъ, по ошибкѣ, сказано, что гробница эта найдена въ Луговой могилѣ.

**) Краснокутская станція лежитъ по дорогѣ изъ Екатеринослава въ Никополь.

Скиѳовъ (преимущественно на ихъ исподнемъ платьѣ); по мнѣнію г. Забѣлина, эти кружочки и крестики обозначаютъ нашивныя бляхи и пуговки, которыя пришивались къ ткани и украшали одежду въ видѣ каемъ, кружевъ по шеѣ и по подолу и разныхъ узоровъ, смотря по Скиѳскому вкусу" *). Академикъ Стефани, котораго мы лично просили объяснить намъ, такъ-ли слѣдуетъ понимать эти подробности скиѳской одежды—сообщилъ намъ, что вышепомянутые кружочки, крестики и линіи точекъ могутъ обозначать и узоры тканей скиѳскихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые остатки этихъ узорныхъ тканей и дѣйствительно дошли до насъ (въ послѣднее время они даже выставлены въ витринахъ Эрмитажа).

Рисунокъ 63, 64.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, табл. II, рис. 1 и 3.

Оба рисунка изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ: № 64 — съ лица и въ полномъ составѣ, а № 63—одну часть его сбоку и въ нѣсколько бо̀льшемъ видѣ.

Предметъ этотъ, какъ и многіе другіе изъ добытыхъ въ скиѳскихъ могилахъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ значеніе опредѣлить довольно трудно. Это бронзовый трезубецъ, оканчивающійся внизу трубкой (для насаживанія на древко). На каждомъ изъ концовъ трезубца помѣщено по одной птицѣ; у двухъ крайнихъ птицъ проходитъ черезъ клювъ колечко, къ которому, при помощи двухъ другихъ колечекъ, привѣшенъ былъ бронзовый колокольчикъ.

Трезубецъ этотъ принадлежалъ къ числу тѣхъ древностей, которыя случайно добыты были изъ Луговой могилы крестьянами въ 1851 г. (См. подробности этой находки въ объясненіяхъ къ рис. 65 и 67, и текстъ „Древн. Гер. Ск.", стр. 3).

Рисунокъ 65 и 67.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, табл. I, рис. 3 и 4.

Оба эти рисунка изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ, но только № 67 изображаетъ его въ боковомъ поворотѣ, а № 65 въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется, если смотрѣть на него сверху. Самый предметъ есть нечто иное, какъ крючекъ или застяжка, у которой острый конецъ представляетъ голову фантастическаго животнаго съ птичьимъ клювомъ, а другой конецъ изображаетъ оленя, съ прижатыми къ спинкѣ рогами. Съ задней стороны придѣланы къ каждому крючку двѣ скобки, сквозь которыя, вѣроятно, продѣвались ремни.

Такихъ крючковъ добыто было изъ Луговой могилы два: одинъ золотой, другой серебряный. Очень любопытны подробности этой случайной находки, ближайшимъ послѣдствіемъ которыхъ была раскопка Луговой могилы.

Осенью 1851 г. крестьяне въ с. Александрополѣ начали строить церковь и каждый изъ нихъ обязался привезти по одному возу камня для фундамента. Четверо изъ крестьянъ, добывая камень у подошвы кургана (Александропольскаго) съ южной стороны, въ разстояніи около 2-хъ саженъ отъ основанія кургана, напали на камни бо̀льшей противъ прочихъ величины и, сдвинувъ ихъ съ мѣста, нашли подъ ними различные предметы древностей: золотые, серебряные и бронзовые.

Узнавъ объ этой находкѣ, покойный графъ Л. Перовскій, завѣдывавшій въ то время археологическими розысканіями въ Россіи, поручилъ г. Терещенко разслѣдованіе Александропольскаго кургана. (см. текстъ, стр. 2—3).

Рисунокъ 66.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, табл. VI, рис. 3.

Въ той же могилѣ, между прочими драгоцѣнностями, добыто было и это изображеніе вепря, сдѣланное изъ листоваго золота, съ кружевообразнымъ основаніемъ и сохранившимися внутри его частями дерева, на которое онъ, вѣроятно, былъ насаженъ (см. текстъ „Древн. Гер. Скиѳіи", стр. 7).

Рисунокъ 68.

См. Атл. къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. II, табл. XXIV, рис. 5.

Изображенный на этомъ рисункѣ предметъ добытъ былъ изъ Краснокутской могилы. Это — прорѣзная, кверху съуживающаяся бронзовая втулка съ рельефнымъ изображеніемъ птицы, распустившей

*) См. Забѣлина Истор. Русск. жизни, стр 643.

крылья. На задней сторонѣ втулки, внизу, ушко, вѣроятно, для болѣе прочнаго прикрѣпленія къ тому древку, на которое изображеніе это должно было насаживать. (см. текстъ, стр. 46).

Рисунокъ 69.

См. Атласъ къ „Древн. Гер. Скиѳіи", вып. I, таблица VIII, рис. 16.

Изъ Луговой могилы, въ числѣ 700 другихъ золотыхъ вещицъ и украшеній (большею частью очень изящной работы), добытъ былъ и представленный на этомъ рисункѣ золотой бюстикъ оленя съ такимъ-же кружечкомъ во рту, висящимъ на колечкѣ. (см. текстъ, стр. 12).

Рисунокъ 70.

См. Атласъ къ „Древн. Герод. Скиѳіи", вып. I, табл. XV, рис. 4.

Въ Луговой могилѣ отрыты были замѣчательныя по богатству уборовъ могилы коней. На одномъ изъ конскихъ остововъ былъ надѣтъ шейный уборъ изъ чистаго золота, вѣсомъ болѣе $^1/_2$ фунта, состоящій изъ длинной ленты, съ висящими на концахъ ея двумя полукруглыми подвѣсками. На лентѣ (часть которой и представлена на рис. 70) видны вытѣсненныя фигуры десяти грифоновъ, нападающихъ на двухъ оленей и двухъ кабановъ. „Судя по дырочкамъ, находящимся на кромкѣ ленты, и по золотымъ гвоздикамъ, уцѣлѣвшимъ на полукруглыхъ подвѣскахъ, надобно полагать, что онѣ были прикрѣплены къ широкому ремню" (стр. 20 текста).

Рисунки 71, 72, 73.

Рисованы съ превосходныхъ фотографическихъ снимковъ, изданныхъ книгопродавцемъ Рёттеромъ, въ особомъ изданіи подъ заглавіемъ: „Никопольская серебряная ваза Императорскаго Эрмитажа" Спб. г. (въ листъ).

Фигуры Скиѳовъ въ изображеніи фриза вазы въ этомъ изданіи увеличины вдвое противъ ихъ размѣровъ на самомъ памятникѣ. Кромѣ этого изданія, изображенія знаменитой вазы, въ видѣ очертаній исполнены были въ „Отчетахъ археологической коммисіи" за 1864 годъ (см. Атласъ къ Отчету, табл. I, II, III) и въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи" (см. Атласъ къ нимъ, вып. 2-й, таблицы XXXI, XXXII, XXXIII). Какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ Атласѣ, прекрасные и смѣлые рисунки (одною чертою безъ тѣней) исполнены извѣстнымъ рисовальщикомъ Р. Пикаромъ, много лѣтъ работавшимъ для изданій Археологической Коммисіи и Эрмитажа.

Другіе снимки знаменитаго памятника, представляющіе его въ цѣломъ и въ частяхъ, не заслуживаютъ упоминанія.

Въ высшей степени любопытны и важны тѣ подробности раскопки Чертомлыцкаго кургана, которыя сопровождали открытіе драгоцѣнной Никопольской вазы въ сѣверо-западномъ подземельѣ кургана.

„Когда стали приближаться къ материку",—говоритъ археологъ, завѣдывавшій раскопками—„то въ углу раскопанной площади этого подземелья, гдѣ лежали сплошные слои рушеной красной глины, не обнаруживавшіе никакихъ признаковъ, что подъ ними можно встрѣтить какую-либо находку,—заступъ вдругъ стукнулъ обо что-то, лежавшее въ глубинѣ слоевъ. Тотчасъ работа заступами была остановлена и вмѣсто заступовъ употреблены въ дѣло копальные ножи. По очисткѣ мѣста былъ открытъ какой-то кружокъ, въ родѣ обода изъ почернѣвшаго отъ окисленія серебра. Дальнѣйшая очистка этого кружка обнаружила вскорѣ, что то былъ какой то сосудъ, сидѣвшій очень твердо въ глиняномъ слоѣ. Необходимо было окопать его кругомъ канавой, дабы вынуть безъ поврежденія. При устройствѣ такой канавы образовалась глиняная тумба (около двухъ аршинъ въ поперечникѣ и въ одинъ аршинъ вышиною), которая потомъ отъ верха до низа постепенно снималась тонкими слоями; такимъ способомъ глина была очищена до самаго корпуса сосуда. Это была большая серебряная ваза, мѣстами позолоченная, въ родѣ амфоры, съ двумя ручками, стоявшая нѣсколько наклонно къ западу, на массивномъ подножьѣ. Видимо было, что это наклонное положеніе вазы произошло отъ обвала сводовъ подземелья, отъ котораго верхній бокъ вазы оказался помятымъ и отъ тяжести глиняннаго слоя продавленнымъ (см. «Древности Герод. Скиѳіи" вып. 2-й, текста стр. 101).

Рисунокъ 74.

См. „Древности Герод. Скиѳіи", вып. I, текста стр. 42.

Изображенныя на этомъ рисункѣ бляшки отысканы въ Гереѵесовскихъ близницахъ, верстахъ въ 50 къ ю.-в. отъ Луговой могилы.

Рисунокъ 75.

См. тамъ же, Атласъ ко II выпуску, табл. XV, рис. 14 и 9.

Въ одномъ изъ подземелій Чертомлыцкой могилы найдены были въ углу остатки стрѣлъ и колчановъ, и подъ ними воткнутые въ стѣну три меча съ золотыми рукоятками. Мечи—грубой работы; въ стѣнѣ однако же оставались только ржавые клинки, а рукоятки лежали на материкѣ (см. вып. II, текста стр. 112).

Рисунокъ 76, 77, 78.

См. текстъ „Древн. Геродотовой Скиѳіи", вып. 2-й, стр. 92, 108 и 109.

№ 78 представляетъ собою небольшую мѣдную вазу или котелокъ на стоянцѣ, вышиною вершковъ 10. Онъ открытъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, не далѣе двухъ аршинъ отъ входа въ подземелье, у юго-западной стѣнки его, при самомъ началѣ раскопокъ. Подобныя же вазы открыты были и въ Куль-Обской могилѣ.

Въ другомъ подземельѣ того-же Чертомлыцкаго кургана открытъ былъ изображенный на нашемъ рис. 77 огромный бронзовый котелъ такой же формы, но только немного болѣе округлый въ своей верхней части. „Сначала показались изъ земли его ручки, изображающія козловъ (скорѣе каменныхъ барановъ); онѣ указывали, что ваза стояла правильно на своемъ поддонѣ. Приняты были возможныя предосторожности, чтобы вынуть ее безъ поврежденій; однакожъ дно ея было уже раздавлено тяжестью обвала и такъ перержавѣло, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ растрескалось и части его вывалились. Поддонъ также поломанъ. Внутри вазы лежали кости коня — черепъ, части реберъ и кости ногъ — всѣ окрашенныя мѣдною ярью и уже значительно перетлѣвшія. Снаружи, по дну, ваза была сильно закопчена и тѣмъ обнаруживала, что это былъ собственно походный котелъ для приготовленія пищи" (см. стр. 108). Размѣры этой вазы очень значительны—1 аршинъ, 9 вершковъ вышины и соотвѣтствующаго размѣра ширина.

„За этою вазою, дальше, у самой материковой стѣны показалась другая, подобная же, поменьше (см. подъ № 76). Въ ней находились такія же кости жеребенка и сверхъ того желѣзная черпалка въ видѣ чашки (3 вершка въ діаметрѣ, съ ручкой въ 12 вершк. длины). Снаружи вазу тоже покрывалъ значительный слой копоти" (см. стр. 109). Вышина этой вазы — 1 аршинъ.

Рисунокъ 79, 80.

См. Атласъ къ „Древн. Геродот. Скиѳіи", таблица XII, рис. 1 и 2 (въ I вып.).

Въ Луговой могилѣ, подъ обваломъ бѣлой глины, на поворотѣ одной изъ подземныхъ галлерей— отыскана была большая полукруглая пластинка изъ листоваго золота, съ бюстикомъ коня (см. текстъ стр. 17). № 79 даетъ это изображеніе въ профиль, № 80—съ лица.

Рисунокъ 81, 82.

Тамъ же, табл. VII, рис. 2 и 5.

Въ той же могилѣ, подлѣ черепа одной изъ лошадей, съ лѣвой стороны, между глазомъ и ухомъ, найденъ дутый золотой бюстикъ коня, съ рожкомъ по срединѣ лба. Въ шейкѣ его сдѣлано сквозное отверстіе, вѣроятно для продѣванія ремня (см. нашъ рис. № 82), которымъ онъ прикрѣпляется къ уздѣ; а къ основанію придѣлана золотая пластинка, украшенная арабесками. № 82 даетъ изображеніе этого конька въ профиль, № 81—съ лица (см. текстъ, стр. 9).

Рисунокъ 83 и 84.

Сняты съ самаго памятника; увеличены ровно вдвое. Обѣ эти группы составляютъ оконечія превосходнаго жгутообразнаго шейнаго обруча (или гривны), сдѣланнаго изъ золота и добытаго изъ Куль-Обской могилы.

Нынѣ этотъ обручъ хранится въ числѣ драгоцѣнностей Керченскаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа. Непосредственно прилегающія къ фигурнымъ оконечіямъ части обруча покрыты довольно широкой каймой, на которой узоръ образуется тонкимъ золотымъ ободочкомъ, а выемки между его краями залиты разноцвѣтной эмалью, мѣстами уцѣлѣвшей и донынѣ.

Фигуры обоихъ всадниковъ-Скиѳовъ были нами сняты вдвойнѣ—сзади и спереди, дабы возможно было вполнѣ видѣть покрой скиѳской одежды во [illegible] подробностяхъ; тѣмъ болѣе, что эти изобра-

женія всадниковъ, вмѣстѣ съ изображеніями Кульбской и Никопольской вазы, представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе важныхъ памятниковъ для изученія подробностей скиѳской одежды.

Предостерегаемъ читателя отъ ошибки, въ которую впасть очень не трудно; при первомъ взглядѣ на рис. 83 или 84, можетъ показаться, что широкое исподнее платье притянуто къ ногѣ тоненькой штрипкой. Но это не вѣрно: ремешекъ, такъ отчетливо и ясно обозначенный на ступнѣ Скиѳовъ и проходящій подъ подошву ихъ обуви—есть ничто иное, какъ ременная скрѣпа, которою около щиколодки и поперегъ ступни (подъ подошву) привязывалась слишкомъ широкая обувь Скиѳовъ. Такіе-же ремни видимъ и на другихъ изображеніяхъ (напр. на Никопольской вазѣ), хотя и не на всѣхъ. Судя по образцамъ с иеской обуви, представляемымъ Куль-Обскою вазой, обувь эта привязывалась иногда и просто только около щиколодки, поперегъ нижней части голени, не обхватывая ступни.

Рисунокъ 85, 86.

См. Атласъ къ „Древн. Гер. Скиѳіи“, вып. II, табл. XXIII, рис. 5 и 7.

Изъ Краснокутскихъ могилъ отрыты были изображенные на этихъ двухъ рисункахъ—кругловатое и продолговатое рѣзныя украшенія въ родѣ бляхъ, составлявшія принадлежность уздечнаго прибора. Въ объяснительномъ текстѣ къ рис. 85 сказано, что на этой бляхѣ изображены „змѣи съ головами четвероногихъ“. (См. текстъ, стр. 47). Съ этимъ едва ли можно согласиться: головы и шеи коней, которыя ясно выдѣляются въ этомъ довольно грубомъ произведеніи, вовсе не заканчиваются змѣиными хвостами, а скорѣе какими-то узорными разводами.

Рисунокъ 87. См. тамъ-же, Атласъ къ вып. II, табл. XXV, рис. 4.

Въ тѣхъ-же Краснокутскихъ могилахъ, рядомъ съ обломками колесницъ—отрыты четыре мѣдныя втулки съ прорѣзнымъ вверху изображеніемъ дракона, пожирающаго какое-то животное (см. текста фиг. 45).

Рисунокъ 88. См. тамъ-же, Атласъ къ вып. I, табл. III, рис. 3.

Совершенно подобныя же изображенія отысканы были и въ Луговой могилѣ, а именно:— „четыре бронзовыхъ изображенія грифоновъ, въ четырехъугольныхъ рамкахъ, къ нижней части которыхъ придѣлано съ обоихъ краевъ по кольцу, съ висящимъ на немъ колокольчикомъ, а въ срединѣ—по трубкѣ съ двумя ушками“. Трубки служили для насаживанія на какое-нибудь древко или выдающуюся часть другаго предмета. (см. текстъ, стр. 6)

Рисунокъ 89.

Снятъ для нашего изданія прямо съ памятника, въ настоящую величину его. Это тонкая пластинка листоваго золота, на которой чрезвычайно отчетливо и художественно представленъ Скиѳъ, скачущій на конѣ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ поводья; правой высоко поднялъ короткое копье, какъ бы собираясь колоть кого-то, лежащаго на землѣ, подъ ногами его лошади. Все это изображеніе помѣщено въ рамкѣ, которую составляетъ тонкая каемочка изъ мелкихъ квадратиковъ. Около каемочки сохранились маленькія дырочки, служившія для нашиванія пластинки на одежду или наколачиванія ея на кожаный ремень.

Бляшка эта, вмѣстѣ съ другими предметами, была добыта изъ Куль-Обской могилы и въ настоящее время, вмѣстѣ съ ними, хранится въ Керченскомъ отдѣленіи Имп. Эрмитажа.

Рисунокъ 90, 91, 92, 93, 94.

Заимствованы нами изъ превосходнаго изданія Ротшильда: „La Colonne Trajane, reproduite en phototypographie d'aprés le surmoulage, éxecuté à Rome 1861—62 (220 planches en couleurs). Texte ornée de nombreuses vignettes. Publication de luxe, tirée à 200 exemplaires numerotés. Planches par Gustave Arosa. Texte par W. Froehner. Paris. J. Rothschild, éditeur. 1872“.

Въ этомъ изданіи, высоко-замѣчательномъ какъ по своимъ подробностямъ, такъ и по достоинству выполненія, мы нашли на таблицахъ 50, 59, 105, 150, 154, 155, 181 и 182—изображенія дакійскихъ городковъ (oppida) и селеній а также изображенія отдѣльныхъ дакійскихъ жилищъ, и, съ буквальною точностью переснявъ всѣ эти изображенія, передаемъ изъ нихъ на страницахъ нашего изданія все то, что показалось намъ наиболѣе замѣчательнымъ.

Составитель текста, Фрёнеръ, даетъ слѣдующее любопытное истолкованіе барельефу

, представляющему наиболѣе полную и подробную картину дакійскаго поселенія, сожигаемаго рим-
ки воинами:

..."Постройка дакійскаго городка очень замѣчательна. На вершинѣ скалы возвышается кремль :ropole), окруженный двойной стѣной, съ бойницами и рвомъ, черезъ который перекинутъ подъемный гъ. Надъ входными воротами, деревянными, виденъ треугольный фронтонъ. Шесть обезображенныхъ зсохшихъ головъ, воткнутыхъ на колья, выставлены на стѣнѣ и даютъ намъ понятіе о той участи, эрая постигла римскихъ плѣнниковъ, попавшихся къ Дакамъ".

..."Что же касается архитектуры дакійскихъ домовъ, то она представляетъ нѣкоторое сходство хижинами ѳракійскихъ народовъ, описанными у Геродота, и въ особенности съ тѣми озерными жили-ии, которыхъ остатки отысканы были въ озерахъ Швейцаріи, сѣв. Италіи, южн. Франціи и Германіи. лоченныя изъ досокъ и крытыя кровлей о двухъ скатахъ, онѣ стоятъ на отесанныхъ сваяхъ, вры-ъ въ землю. Дверей у нихъ нѣтъ: входить въ нихъ можно было только снизу, черезъ подъемную рь. Но рядомъ съ этими первобытными жилищами, видимъ и другія, построенныя по болѣе новому ну" (въ особенности въ лѣвомъ углу барельефа).

... "Далѣе видимъ торчащія изъ земли довольно толстыя круглыя бревна (можетъ быть остатки рушенныхъ домовъ?) и еще какіе то колья, выступающіе изъ квадратныхъ основаній, назначеніе ко-ыхъ угадать довольно трудно"...

... "Среди кремля (повыше головъ) видимъ знамя съ изображеннымъ на немъ, повидимому зміемъ, правѣе) рядомъ съ нимъ дакійскаго дракона, (который также служилъ Дакамъ замѣною знамени или бще войсковаго знака). Около того же мѣста видны построенныя на сваяхъ небольшой домикъ и гообразный заборъ. Въ лѣвомъ углу барельефа, на переднемъ планѣ, дощатый заборъ".

Замѣтимъ кстати, что въ "Древностяхъ" Московскаго Археол. Общества, т. II (см. статью *Жилище* Матерьялахъ для Археол. Словаря, стр. 17) помѣщенъ также рисунокъ деревяннаго жилища, будто взятый съ Траяновой колонны — но мы нигдѣ ничего подобнаго въ изображеніяхъ Траяновой ко-ны не нашли. На сколько невѣрно это изображеніе, на столько же неточно и описаніе, сопровож-щее его. Выписываемъ его здѣсь вполнѣ для сравненія съ описаніемъ Фрёнера: "Въ селахъ Даковъ а деревянные, обитые снаружи досками, на которыхъ замѣтны гвозди. Крыши тоже изъ теса, при-пленнаго гвоздями. Около деревень ограда изъ заостренныхъ кольевъ, а нѣкоторые дома въ два ка, *съ проѣздомъ внизу для воротъ* (?), точно такъ, какъ въ нашихъ избахъ въ два жилья. Въ гѣ другихъ строеній изображена вышка или лѣтняя горница. Вокругъ деревни частоколъ съ воро-ги, ведущими въ село". Это объясненіе автора взято дословно изъ статьи Черткова, помѣщенной въ ременникѣ Общ. Исторіи и Древностей". т. X, стр. 1—134. (Статья озаглавлена такъ: "О переселеніи ікійскихъ племенъ за Дунай и далѣе на сѣверъ къ Балтійскому морю и къ намъ на Русь"). Рисунокъ, гѣщенный при статьѣ "жилище", заимствованъ также съ табл. VIII приложенн. къ статьѣ Черткова ;унковъ. Но, послѣ изданія Ротшильда, ни описаніе Черткова, ни его чертежъ дакійскихъ жилищъ — могутъ быть принимаемы во вниманіе.

Рисунокъ 95, 96, 97, 98.

Заимствованы изъ "Трудовъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ", томъ II, статья гр. ірова: "Меряне и ихъ бытъ по археологическимъ раскопкамъ", стр. 664, 670, 673, 674.

На стр. 121 нашего изданія мы собрали чертежи различныхъ типовъ городищъ, южныхъ и сѣвер-ъ, желая ознакомить читателей съ тѣми разнообразными формами, какія могли быть придаваемы въ древнимъ земляныхъ сооруженіямъ. Вышеуказанные рис. 95—98 представляютъ собою именно мы городищъ сѣверныхъ.

№ 95—городище на рѣкѣ Ирмизи, вверхъ отъ с. Менчакова, на пашнѣ села Малого-Давыдовскаго.

№ 96—на сѣверномъ берегу р. Колокши, почти у границы Владимірскаго уѣда, лежитъ с. Го-рищи, возлѣ котораго находится большое, почти круглое городище.

№ 97—по теченіи р. Нерли на югъ, у самаго с. Васильки, на мысѣ, образовавшемся между двумя

оврагами, возвышается городище круглой формы. При раскопкѣ средней его части нашли, подъ верхнимъ слоемъ черной насыпной земли, звѣриныя кости, черепъ, три каменныя бусы и проч.

№ 98—на мысу, образуемомъ изгибомъ р. Сары (съ юга впадающей въ Ростовское озеро), близь с. Діаболь, лежитъ городище. уже и въ XIII вѣкѣ упоминаемое въ лѣтописи подъ именемъ „городища на рѣцѣ Сарѣ“.

Рисунокъ 99, 100, 101.

Представляютъ собою планы городищъ южныхъ. Заимствованы изъ „Обозрѣнія могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, изд. по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ 1848“.

№ 99—городокъ между с. Яхнами и Саловымъ хуторомъ. См. таблицу IV въ „Обозрѣніи“.

№ 100—городище въ мѣстечкѣ Стебелевѣ, на островѣ р. Роси. См. таб. III, тамъ-же

№ 101—городокъ возлѣ с. Пишекъ. См. таблицу III, тамъ же.

Рисунокъ 102.

Заимствованъ изъ „Древностей, изданныхъ временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ первый. Тетрадь III. Кіевъ 1845. Историческія и археологическія свѣдѣнія о курганѣ Перепетовомъ находимъ тамъ на листѣ 3-мъ. Извлекаемъ важнѣйшее: курганъ, изображенный на нашемъ рис. 102, находится въ Кіевской губ., въ Васильковскомъ у., въ 60 верстахъ отъ Кіева.

Курганъ Перепетиха (въ народномъ говорѣ *Перепятиха*) или Перепетовка имѣлъ въ основаніи эллиптическую фигуру. Съуживаясь къ верху, онъ представлялъ довольно правильный, усѣченный конусъ, оканчивавшійся площадкою, на которой могло помѣститься не свыше пяти человѣкъ. Отвѣсная высота кургана до 5 саж., бóльшій діаметръ отъ в. къ з.—около 10 саженъ, а меньшій 5 саженъ.

Вокругъ главнаго кургана, на пространствѣ въ 184 саж. въ окружности, находилось около 48 насыпей, изъ которыхъ самая большая имѣетъ 1 сажень высоты и $1^1/_2$ сажени длины; большая часть ихъ продолговатой формы, на подобіе гробовъ, обращенныхъ изголовьемъ къ западу. Нѣкоторыя изъ нихъ непосредственно примыкаютъ къ главному кургану, а находящіяся на окружности круга представляютъ валъ, во многихъ мѣстахъ разорванный.

Внутри кургана найдена обширная, тщательно устроенная (но уже обвалившаяся внутрь) каменная усыпальница, и въ ней слѣды 14 костяковъ, погребенныхъ головами къ западу. Изъ вещей найдены только: стеклянныя и глиняныя бусы, бронзовыя и желѣзныя орудія и золотыя бляшки съ изображеніемъ грифоновъ.

Рисунокъ 103.

Съ фотографіи, сообщенной г. Самоквасовымъ въ редакцію „Древней и Новой Россіи“. Въ этомъ журналѣ за 1876 г. (см. т. I, стр. 262—278 и 342—358) помѣщены двѣ статьи г. Самоквасова подъ заглавіемъ: „Древнія земленыя насыпи и ихъ значенія.

Извлекаемъ оттуда наиболѣе любопытныя подробности о Черной могилѣ. „Курганъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Черной Могилы, лежалъ въ чертѣ г. Чернигова, въ огородѣ Елецкаго монастыря, на правомъ углу улицы, ведущей отъ старой базарной площади къ Елецкому монастырю, на ровномъ мѣстѣ“... „При обыкновенной конусообразной формѣ, съ основаніемъ въ 180 аршинъ въ окружности и отвѣсною высотою въ 15 арш., онъ былъ обведенъ широкимъ рвомъ, около 10 арш., слѣды котораго явственно были замѣтны съ южной и западной сторонъ, не смотря на долговременную распашку“...

«Черная могила роскопана мною въ 1873 г. Когда на вершинѣ кургана былъ снятъ дерновой слой, показалось четыре квадрата кирпичей, лежащихъ одинъ на другомъ (какъ бы фундаментъ бывшаго памятника), неодинакой величины: сторона нижняго квадрата въ четыре, а верхняго въ два аршина длины“. „...Подъ нижнимъ квадратомъ кирпичей ...показался дубовый сгнившій столбъ. ...Ниже этого столба на пять аршинъ, въ центрѣ кургана, найдена металлическая окисшая масса, въ которой открыты слѣдующія вещи: два желѣзныхъ шлема... шлемы слиты съ двумя кольчугами... Два турьихъ рога, окованныхъ съ широкаго конца серебромъ..: Двѣ византійскія монеты IX вѣка. Жженыя кости барана и обожженная шерсть его“.

„Ниже перечисленныхъ вещей, на пять аршинъ, открыто обширное кострище, до 15 арш. въ діаметрѣ. При изслѣдованіи его найдены обугленныя зерна ржи, овса и ячменя, и слѣдующія вещи, дѣйствіемъ огня и ржавчины слитыя въ общую массу: 2 меча, 2 копья, сабли, 2 ножа, 2 стремени и дротикъ; мѣдныя части двухъ щитовъ; 5 копій; нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ различной формы, 3 серпа, 3 долота, 2 пары стремянъ, тонкіе желѣзные обручи, скрѣпы и дужки ведеръ, 4 сорта желѣзныхъ ключей; тонкіе желѣзные сосуды, мѣдный сосудъ; желѣзный замокъ съ мѣдной внутренней пружиной, ...три сорта игральныхъ костей; 6 круглыхъ серебряныхъ пуговицъ; 3 серебряныя серьги съ привѣсками;.. .куски костяныхъ гребенокъ, украшенныхъ рѣзьбою; нитки золотой ткани; куски обугленной шелковой ткани. ..отрубленная половина византійской монеты.“

Рисунокъ 104, 105.

Оба рисованы нами съ фотографіи, снятой на мѣстѣ казанскимъ фотографомъ. Подробный планъ развалинъ Болгаръ на Волгѣ, снятый въ 1869 г., приложенъ былъ къ Атласу Трудовъ перваго Арх. Съѣзда; табл. X. Тамъ же, на стр. 523—540, помѣщена весьма обстоятельная статья г. Невоструева „О городищахъ древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ“.

Кстати замѣтимъ, что помѣщаемыя здѣсь нами виды Болгарскихъ развалинъ не могутъ дать намъ понятія о столицѣ Болгарскаго царства, описываемой арабами-путешественниками. По справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ оріенталистовъ, „существующіе нынѣ остатки отъ Болгаръ принадлежатъ всѣ безъ исключенія мусульманской эпохѣ“, притомъ преимущественно ближе къ XIII в (Березинъ, Булгаръ на Волгѣ, Казань, 1853, стр. 5—71).

Рисунокъ 106.

Снятъ съ рисунка, помѣщеннаго въ Атласѣ перв. Арх. Съѣзда, табл. XI. Рисунокъ исполненъ былъ на мѣстѣ и съ натуры извѣстнымъ пейзажистомъ нашимъ И. И. Шишкинымъ.

„Вятской губерніи, близь уѣзднаго города Елабуги, верстахъ въ двухъ или менѣе отъ него, на высокой горѣ (25 отвѣсныхъ саженъ отъ подошвы), при Камѣ, находятся остатки древняго укрѣпленія или города, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ *Чортово городище*“. Въ XVII столѣтіи на мѣстѣ Чортова городища является монастырь Троицкій. Впослѣдствіи монастырь упраздняется, слѣды зданій его исчезаютъ, а изъ всѣхъ древнихъ зданій прежняго городища уцѣлѣвшею оказывается только та башня со стороны Камы, въ которой помѣщался монастырскій храмъ Сошествія Св. Духа. Она сложена изъ большихъ необдѣланныхъ камней, скрѣпленныхъ цементомъ; кладка камней напоминаетъ древнія постройки Болгаръ на Волгѣ. (См. „Труды“, стр. 591; статья г. Невоструева) Въ настоящее время, какъ мы слышали, эта башня вновь перестроена и обращена въ часовню или церковь.

Рисунокъ 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114.

Всѣ заимствованы изъ „*Пермскаго Сборника*“, книжка I, Москва, 1859 г,. гдѣ они приложены къ „Замѣткамъ о пермскихъ древностяхъ“ С. Ешевскаго; стр. 132—142. Оттуда взяты нами рис. 4, 5, 6, 7, 10, 14, 23 и 29.

№№ 109 и 110 изображаютъ одинъ и тотъ же предметъ—медвѣдя изъ бронзы, внутри пустого; первый рисунокъ даетъ изображеніе сбоку, второй—спереди.

№ 114. Птица, клюющая змѣю или рыбу; также изъ бронзы и внутри пустая.

№ 108. Изображеніе ревущаго медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ; задняя сторона плоская. На передней сторонѣ какіе-то узоры. Предметъ отлитъ изъ красной мѣди.

№ 113. Пѣтушокъ изъ красной же мѣди, внизу 2 цѣпочки, отъ которыхъ сохранилось по одному звѣну. Наверху отверстіе и внутри пустота.

№ 111. Бляха изъ красной мѣди, нѣсколько выгнутая, съ изображеніемъ медвѣжьей головы, въ четыреугольникѣ, обведенномъ жгутомъ. Съ задней стороны, наверху, съ каждаго бока по кольцу.

№ 107. Украшеніе изъ бронзы, съ 2 лошадиными головами, обращенными въ разныя стороны.

№ 115. Бронзовое колесо. О значеніи подобныхъ украшеній мы уже говорили въ объясненіи рисунковъ съ древностей, добытыхъ изъ Ананьинскаго могильника.

———

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

				Напечатано:	Читай:
Стран.	9	строка	снизу 14	эпохи	эпохѣ
»	47	»	сверху 21	окраины	окраинѣ
»	74	»	» 15	Токмаковка	Томаковка
»	—	въ выноскѣ:		выые	выше
»	151	»	сверху 4	добычсю	добычею

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
ВЪ
ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЪ

ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

СОЧИНЕНІЕ

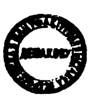
П. Полевого.

II.

ПЕРІОДЪ СЪ XI—XIII ВѢКЪ.

Княжество Кіевское. Княжество Владиміро-Суздальское.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1880

С.-Петербургъ. Типографія В. Ѳ. Демакова. Новый переулокъ, д. № 7.

ДЛЯ ЭТОГО ИЗДАНІЯ

Рисунки исполнены художниками: И. С. Пановымъ, Н. А. Брунп и В. В. Маттэ.

Гравюры—Паннемакеромъ (въ Парижѣ) и В. В. Маттэ.

Фотографическія работы—В. Классеномъ, фотографомъ Имп. Академіи Наукъ.

Бумага доставлена фабрикою К. П. Печаткина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9-го апрѣля 1880 г.

Рис. 44. Икона Божіей Матери Владимірская.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заканчивая вторымъ выпускомъ первый томъ нашей книги, мы считаемъ неизлишнимъ подвести въ настоящемъ предисловіи нѣкоторые итоги нашему труду.

Планъ, принятый нами въ основу сочиненія, въ этомъ второмъ выпускѣ окончательно выясняется для читателя, и вполнѣ осязательно показываетъ, чего именно можно ожидать отъ «Очерковъ Русской Исторіи въ памятникахъ быта».

Въ началѣ настоящаго выпуска мы даемъ возможно-полную картину кіевскаго быта, подраздѣляя ее на шесть важнѣйшихъ отдѣловъ. Знакомя читателя съ топографіей древняго Кіева, указывая на важнѣйшія эпохи его возрастанія и распространенія, мы обращаемъ особенное вниманіе на кіевскія святыни—драгоцѣнные остатки старины XI—XII вѣка, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія до нашего времени. Въ главѣ второй и третьей мы собираемъ всѣ подробности о бытѣ князя и дружины, какія сохранены намъ собственно кіевскими источниками. При этомъ мы обращаемъ особенное вниманіе на выясненіе отношеній князя къ дружинѣ и старшихъ членовъ дружины къ младшимъ. Затѣмъ, въ четвертой и пятой главѣ, переходя къ описанію устройства кіевской Церкви и къ монастырскому быту, мы одинаково пользуемся и драгоцѣнными вещественными памятниками, и богатою лѣтописью Печерской обители, чтобы ознакомить читателя съ высокими религіозными идеалами Кіевской Руси. Наконецъ, въ шестой главѣ, сообщая всѣ факты, сохраненные намъ письменными памятниками о бытѣ и занятіяхъ городскаго населенія Кіева, мы позволяемъ себѣ указать на распредѣленіе этого населенія по частямъ города, на участіе различныхъ слоевъ населенія въ важнѣйшихъ проявленіяхъ кіевской городской жизни и на нѣкоторыя ея особенности.

Переходя къ Владиміро-Суздальской области, мы сначала знакомимъ читателя съ тѣми географическими условіями, которыя способствовали возвышенію Владиміра, а также и съ бытомъ древнѣйшихъ обитателей далекой сѣверо-восточной окраины древней Руси, насколько этотъ бытъ доселѣ извѣстенъ по курганнымъ раскопкамъ.

Пользуясь лѣтописью и остатками владимірской старины мы даемъ понятіе о древнемъ «стольномъ Владимірѣ» и важнѣйшихъ эпохахъ жизни города, въ періодъ его процвѣтанія, отъ половины XII до конца XIII в. Собирая въ главѣ девятой все, что можно было извлечь изъ суздальской лѣтописи о князѣ и дружинѣ, мы выставляемъ на первый планъ именно тѣ черты, которыя могли и должны были отличать дружинный и княжескій бытъ во Владимірѣ отъ того же быта въ Кіевѣ и другихъ историческихъ центрахъ древней Руси. Такимъ же образомъ поступаемъ мы и при описаніи устройства Церкви во Владимірѣ. Наконецъ, второй отдѣлъ нынѣшняго выпуска мы заканчиваемъ подробнымъ обзоромъ сохранившихся во Владимірѣ памятниковъ древняго церковнаго и гражданскаго зодчества — какъ особенно важныхъ по сравненію съ памятниками кіевской церковной старины.

Въ заключеніе нашего предисловія, мы должны сообщить, что печатаніе указателей къ первому и второму выпускамъ нашей книги нѣсколько замедлилось, и мы будемъ имѣть возможность дать ихъ не ранѣе, какъ при выходѣ въ свѣтъ третьяго выпуска.

П. Полевой.

8 апрѣля 1880 г. Спб.

КІЕВЪ.

Переходя къ Владиміро-Суздальской области, мы сначала знакомимъ читателя съ тѣми географическими условіями, которыя способствовали возвышенію Владиміра, а также и съ бытомъ древнѣйшихъ обитателей далекой сѣверо-восточной окраины древней Руси, насколько этотъ бытъ доселѣ извѣстенъ по курганнымъ раскопкамъ.

Пользуясь лѣтописью и остатками владимірской старины мы даемъ понятіе о древнемъ «стольномъ Владимірѣ» и важнѣйшихъ эпохахъ жизни города, въ періодъ его процвѣтанія, отъ половины XII до конца XIII в. Собирая въ главѣ девятой все, что можно было извлечь изъ суздальской лѣтописи о князѣ и дружинѣ, мы выставляемъ на первый планъ именно тѣ черты, которыя могли и должны были отличать дружинный и княжескій бытъ во Владимірѣ отъ того же быта въ Кіевѣ и другихъ историческихъ центрахъ древней Руси. Такимъ же образомъ поступаемъ мы и при описаніи устройства Церкви во Владимірѣ. Наконецъ, второй отдѣлъ нынѣшняго выпуска мы заканчиваемъ подробнымъ обзоромъ сохранившихся во Владимірѣ памятниковъ древняго церковнаго и гражданскаго зодчества — какъ особенно важныхъ по сравненію съ памятниками кіевской церковной старины.

Въ заключеніе нашего предисловія, мы должны сообщить, что печатаніе указателей къ первому и второму выпускамъ нашей книги нѣсколько замедлилось, и мы будемъ имѣть возможность дать ихъ не ранѣе, какъ при выходѣ въ свѣтъ третьяго выпуска.

П. Полевой.

8 апрѣля 1880 г. Спб.

КІЕВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГОРОДЪ КІЕВЪ.

Топографія нынѣшняго Кіева и его окрестностей.—Древнее поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кіева.—Сравненіе нынѣшняго города съ древнимъ.—Дѣтинецъ, Гора и Подолъ. Эпохи возрастанія города.—Обзоръ важнѣйшихъ остатковъ Кіевской старины.—Окрестныя урочища, вошедшія въ составъ нынѣшняго города.

Кіевъ лежитъ на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра, и каждому путнику, приближающемуся со стороны противуположнаго, лѣваго берега, большею частью плоскаго и ровнаго, городъ виденъ уже верстъ за двадцать. Холмистыя возвышенности праваго берега не тянутся непрерывною цѣпью и не вездѣ одинаково близко подходятъ къ Днѣпру; напротивъ--онѣ то подступаютъ къ самому берегу рѣки (какъ напр., около Вышгорода, верстахъ въ 7 повыше Кіева), то отступаютъ отъ берега на довольно значительное разстояніе, постепенно понижаясь и округляясь, по мѣрѣ удаленія отъ рѣки. Тамъ, гдѣ эти возвышенія удаляются отъ Днѣпра, ровные, мягкіе склоны берега покрыты превосходными поемными лугами, сочными пастбищами, кудрявой зеленью садовъ и перелѣсковъ, пересѣкаемыхъ извилистыми ручьями и рѣчками. Тамъ, гдѣ холмистыя возвышенія приближаются къ берегу, они громоздятся другъ на друга, вздымаются высокими грядами и образуютъ крутые, стремнистые берега.

Нынѣшній Кіевъ занимаетъ одинъ изъ такихъ прибрежныхъ пунктовъ, гдѣ возвышенности праваго берега подходятъ къ самой рѣкѣ, достигаютъ наибольшей своей высоты (43 саж.) и, почти не понижаясь и не отступая отъ берега, тянутся вдоль него, внизъ по рѣкѣ, верстъ на двѣнадцать, до самой Китаевской пустыни. И только за

этою пустынью холмы снова начинаютъ отступать отъ берега и удаляться въ глубь страны. Нельзя не обратить вниманія на то, что эта гряда холмовъ (на возвышенной точкѣ которыхъ стоитъ Кіевъ) представляетъ такое прихотливое разнообразіе видовъ, такой нескончаемый рядъ уступовъ, изрѣзанныхъ извилистыми оврагами, причудливыми рытвинами и зеленѣющими ложбинами, что самый Кіевъ и ближайшія его окрестности на правомъ берегу должны быть отнесены къ числу живописнѣйшихъ мѣстностей въ Европѣ.

Чрезвычайно красивъ правый берегъ Днѣпра, если смотрѣть на него съ противоположной стороны рѣки. Но и съ высотъ праваго берега передъ зрителемъ открывается прекрасный видъ во всѣ стороны, на очень далекое пространство. Равнина, захватывающая весь лѣвый берегъ, поражаетъ своимъ необъятнымъ просторомъ и своеобразною прелестью пейзажа. По этой равнинѣ, около самаго Днѣпра, широкою трехверстною лентою тянутся богатѣйшіе поемные луга, а за ними бѣлѣютъ селенія, съ нескончаемыми полями, и синѣющая даль сливается съ горизонтомъ, на которомъ темными пятнами выступаютъ еще уцѣлѣвшіе лѣса. За при-днѣпровскими лугами, между слободами Никольскою и Воскресенскою, одиноко возвышается среди равнины прославленная въ южно-русскихъ преданіяхъ Лысая гора.

Нѣкоторыя части нынѣшняго Кіева (Печерская, Дворцовая, Звѣринская, Старо-Кіевская) расположены на холмахъ; другія (Подольская, Лыбедьская), напротивъ того, на низменномъ пространствѣ, примыкающемъ съ сѣвера и сѣверо-востока къ береговымъ возвышенностямъ. Самые холмы, на которыхъ расположены верхнія части города, потребовали большаго труда и усилій, при новѣйшихъ перестройкахъ города: не легко было приравнять площадь города, придать улицамъ ихъ нынѣшнее правильное расположеніе, уменьшить крутизну подъемовъ и спусковъ.

Почва Кіевскихъ холмовъ — песчаная и глинистая; желтые пески перемежаются съ бѣлыми, а изъ подъ ихъ слоя выступаютъ пласты глины, то синей, то желтой, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Изъ холмовъ, по глинистому слою, бѣгутъ во множествѣ ручьи, изобилующіе желѣзистыми частицами, и потому густо-окрашивающіе русло свое въ красновато-бурый цвѣтъ. Глина кіевская представляетъ собою превосходный матеріалъ для гончарныхъ издѣлій и въ связи съ кіевскими песками даетъ отличный кирпичъ. Въ холмахъ кіевскихъ мѣстами выступаетъ залегающій въ нихъ тонкій слой лигнита *), а у подошвы холмовъ нерѣдко отрываютъ кости мамонтовъ и другихъ ископаемыхъ.

Величавъ подъ Кіевомъ и самый Днѣпръ, къ которому при-

*) Бурый уголь—остатокъ обуглившагося въ землѣ растенія.

легаютъ и возвышенныя, и низменныя части нынѣшняго города. Верстахъ въ семи выше Кіева, Днѣпръ принимаетъ въ себя Десну (съ лѣвой стороны) и потомъ, противъ самаго Подола, раздѣляется на два рукава: одинъ изъ нихъ, главный, омываетъ тотъ округлый, низменный выступъ берега, на которомъ расположенъ Кіевскій Подолъ; другой, менѣе важный, уклоняется восточнѣе и посредствомъ многихъ протоковъ вновь соединяется съ Днѣпромъ-Старикомъ (1), уже гораздо ниже, подъ стѣнами Печерской обители. Этотъ рукавъ извѣстенъ подъ названіемъ Черторыя. Между Днѣпромъ-Старикомъ и Черторыемъ издревле образовался обширный наносный островъ, называемый Трухановъ; среди него еще уцѣлѣло озеро, извѣстное въ нашихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ Долобьскаго или Дулебскаго.

Днѣпръ подъ Кіевомъ не глубокъ: въ обыкновенное время, отъ 5—9 саж. по фарватеру. Ширина рѣки довольно значительна: отъ 170 до 250 саженъ. Во время весенняго половодья Днѣпръ нерѣдко затопляетъ не только весь лѣвый берегъ, но и всѣ низменныя части праваго берега (Плоскую, Подолъ и подгородныя слободы), подымаясь на 6, 9, даже 11 аршинъ выше своего постояннаго уровня. Вотъ почему и большая часть домовъ на прибрежныхъ низменностяхъ, прилегающихъ къ городу, строится на высокихъ сваяхъ.

Разливъ Днѣпра начинается въ мартѣ и продолжается до конца апрѣля; окончательно же рѣка входитъ въ берега свои не ранѣе половины іюня. Острова и низменныя прибрежья Днѣпра и до сихъ поръ еще изобилуютъ болотною дичью всѣхъ сортовъ, а въ лѣсахъ около Кіева водятся зайцы, волки, лисицы, дикія козы и даже вепри. Рыбою Днѣпръ подъ Кіевомъ не богатъ, и ея почти никогда не хватаетъ даже для мѣстнаго потребленія.

Плодоносная кіевская почва, обильно орошаемая влагой и согрѣваемая лучами благодатнаго южнаго солнца, производитъ весьма богатую и разнообразную растительность. Ягоды и фрукты родятся превосходно; нѣжные плоды — абрикосы и персики — созрѣваютъ на открытомъ воздухѣ, и даже виноградъ разныхъ сортовъ разводится довольно успѣшно. Грецкій орѣхъ, ай-лантъ, пирамидальный тополь, бѣлая акація и другія южныя деревья достигаютъ замѣчательнаго роста, силы и красоты.

Нынѣшній Кіевъ, губернскій городъ съ 130-тысячнымъ населеніемъ, прекрасно обстроенный, живописный, обширный и красивый, представляетъ собою важнѣйшій центръ промышленности юго-западнаго края, узелъ желѣзныхъ дорогъ, одинаково важный и въ административномъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ.

Новѣйшія археологическія данныя заставили убѣдиться въ томъ, что, уже и за много вѣковъ до выступленія Руси на историческую

сцену, мѣстность нынѣшняго Кіева занята была поселеніемъ осѣдлаго племени.

При земляныхъ работахъ, предпринятыхъ въ 1874 году для расчистки мѣста между улицами Прорѣзною и Фундуклеевскою, случайно наткнулись на обширное и весьма древнее кладбище. Судя по чрезвычайному множеству скелетовъ, которые уже и до этой находки въ различное время были находимы около памятника, поставленнаго на мѣстѣ бывшей церкви св. Ирины, а также близь Миниховскаго вала и на Елисаветинской улицѣ — слѣдуетъ замѣтить, что кладбище это занимаетъ весьма обширное пространство и много вѣковъ сряду служило мѣстомъ погребенія обширному и древнему поселенію, находившемуся на мѣстѣ нынѣшняго Кіева. Скелеты попадались большею частью на глубинѣ 2½ аршинъ, лежали, въ большей части случаевъ, по направленію отъ сѣвера къ югу. При нѣкоторыхъ найдены были только кругловатые, просверленные по срединѣ, камни, величиною въ кулакъ; при многихъ — бусы изъ краснаго шифера, которыя, какъ мы уже знаемъ, въ обиліи производились въ мѣстности Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, близь села Каменьщины. Среди могилъ попадались и такія, которыя вырыты были въ родѣ небольшихъ пещерокъ, и въ нихъ подъ низкимъ сводомъ поставлены горшки съ пепломъ и обожженными костями. Сводъ и боковыя стѣнки такихъ могилъ были начисто вымазаны глиною, и глина эта обожжена. Кромѣ этихъ могилъ, среди того же кладбища попадались круглыя, глубокія ямы (12 фут. въ поперечникѣ и 4 арш. глубины) съ остатками очаговъ, сложенныхъ изъ песчаника и другихъ камней; они носили на себѣ явные слѣды огня. Среди наполняющаго эти ямы чернозема находили множество обугленныхъ и раздробленныхъ костей домашнихъ животныхъ (лошадей, рогатаго скота и свиней). Ясно, что эти очаги были также, вмѣстѣ съ кладбищемъ, остатками какого-то весьма древняго поселенія, бывшаго на мѣстѣ Кіева въ такую отдаленную эпоху, когда мѣстное населеніе еще не успѣло завести торговыя сношенія съ цивилизованными народами.

А между тѣмъ существуютъ самыя осязательныя, несомнѣнныя доказательства того, что подобныя сношенія кіевскаго При-днѣпровья съ греческимъ Югомъ начались уже очень рано. Съ одной стороны, это подтверждается тѣми ископанными въ прибрежьяхъ Днѣпра пещерами, которыя непрерывною цѣпью тянутся отъ Кіева внизъ на цѣлыя 20—30 верстъ. Пещеры эти уже и для отшельниковъ XI вѣка представлялись чѣмъ-то весьма давнимъ. Клады, которые уже и въ Несторово время находили въ этихъ пещерахъ, ясно указываютъ на то, что торговля велась въ этой мѣстности уже за много вѣковъ до историческаго основанія Кіева, и эти пещеры служили, быть можетъ, не [illegible]ко убѣжи-

щемъ для смѣлыхъ купцовъ-пиратовъ, но и мѣстомъ храненія сокровищъ, накоплявшихся отъ ихъ прибыльнаго промысла.

Съ другой стороны, въ пользу рано установившихся сношеній съ греческимъ Югомъ говорятъ и тѣ замѣчательные остатки исторической древности, которые доставлены были могилами Кіевской губерніи (2). Въ числѣ ихъ видимъ «бронзовые шлемы и топоры благороднѣйшихъ греческихъ формъ, бронзовые наконечники стрѣлъ греческаго издѣлія, бронзовыя вазы чистѣйшей греческой работы, золотыя украшенія отъ одежды (съ точно такими же изображеніями, какія намъ извѣстны по находкамъ, сдѣланнымъ въ греческихъ колоніяхъ), обыкновенныя греческія амфоры для храненія вина и даже хорошо сохранившуюся росписную вазу III столѣтія до Р. Х.» (3).

Древняя лѣтопись наша, разсказывая о прибытіи въ Кіевъ Аскольда и Дира съ горстью варяжскихъ удальцовъ, сообщаетъ и преданіе объ основаніи Кіева нѣкіимъ Кіемъ, который вмѣстѣ съ братьями своими, Щекомъ и Хоривомъ и сестрою Лыбедью осѣлъ на горахъ Днѣпровскихъ и основалъ Кіевъ.

Отголоски этого преданія еще и досселѣ звучатъ въ мѣстныхъ названіяхъ Кіевскихъ урочищъ; но само преданіе, по-видимому, уже и во времена древняго лѣтописца нашего, было, въ свою очередь, отголоскомъ далекой старины, и личность Кія, основателя стольнаго города южной Руси, оказывалась темною и неопредѣленною даже для современниковъ Нестора. Важно для насъ то, что названіе Кіева не является одинокимъ; оно прилагается не только къ нашему городу Кіеву, а, напротивъ того, участвуетъ въ наименованіяхъ многихъ урочищъ, разсѣянныхъ по Дунаю и всѣмъ землямъ славянскимъ. Очевидно, что названіе города Кіева было принесено на берега Днѣпра съ юга, съ береговъ Дуная, въ эпоху движенія и разселенія славянскихъ племенъ на территоріи западной и юго-западной Руси. Слѣдовательно, и въ самомъ именованіи будущаго стольнаго города Руси Кіевомъ является отголосокъ весьма далекой славянской старины.

Изъ дальнѣйшей исторіи Кіева до начала IX вѣка древній лѣтописецъ нашъ упоминаетъ только о томъ, что Поляне, въ землѣ которыхъ городъ былъ построенъ, платили дань Хазарамъ (вѣроятно, въ VIII вѣкѣ, въ эпоху наибольшаго процвѣтанія и могущества Хазарскаго царства); и затѣмъ уже прямо переходитъ къ исторіи Кіева подъ варяжскимъ владычествомъ, внимательно и подробно слѣдя за возрастаніемъ города, который въ XI вѣкѣ уже гремѣлъ на Востокѣ и Западѣ своимъ богатствомъ и славою, а въ половинѣ XIII вѣка поразилъ полчища Батыевы своимъ величіемъ и красотою.

Для того, чтобы ознакомиться съ исторіею постепеннаго роста древней столицы нашего Юго-Запада, на сколько она сохранилась намъ

въ нашихъ памятникахъ, необходимо опредѣлить объемъ того древняго Кіева, который еще во 2-й половинѣ IX вѣка представлялся Аскольду и Диру небольшимъ «городкомъ на горѣ», а также сравнить топографію мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ Кіевомъ, съ тою же мѣстностью, какою она была десять вѣковъ тому назадъ.

Прежде всего замѣтимъ, что мѣстность нынѣшняго Кіева—въ особенности важнѣйшихъ нагорныхъ частей его—измѣнилась чрезвычайно, не только въ періодъ времени съ X по XIX вѣкъ, но даже и съ конца XVIII в. до нашего времени, и въ особенности въ послѣднія 40—50 лѣтъ. Срыты цѣлыя горы, засыпаны старые рвы и овраги, проложены новыя улицы, расчищены площади, устроены набережныя и спуски, прорыты каналы; съ другой стороны работала и природа своимъ постояннымъ, обычнымъ, неуклоннымъ путемъ, обрушая горы, подмывая берега, нанося острова и мели, измѣняя русла многочисленныхъ днѣпровскихъ протоковъ.

Не вдаваясь въ большія подробности, отмѣтимъ только важнѣйшія изъ этихъ топографическихъ измѣненій, необходимыя для ближайшаго изученія плана древняго Кіева. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что нынѣшняя низменная часть Кіева, называется Подоломъ, въ прежнее время (и даже еще не весьма отдаленное), не омывалась Днѣпромъ, такъ какъ тутъ протекала рѣчка Почайна, берущая начало версты на три съ половиною сѣвернѣе Кіевскаго Подола. Въ эту рѣчку, а не въ Днѣпръ впадалъ быстрый и сильный ручей Глубочица, вытекающій изъ озера, лежащаго въ двухъ верстахъ на сѣверо-западъ отъ Кіево-Подола. Протекая глубокимъ удольемъ между горами Скавикою и Киселевкою, ручей Глубочица принималъ въ себя рѣчку Кіянку и пролагалъ себѣ путь къ Почайнѣ по болотистой низменности Подола. Самая Почайна, устье которой находилось подъ Крещатицкимъ оврагомъ, въ нижней части своего теченія, шла почти параллельно Днѣпру, отъ котораго и отдѣлялась довольно широкою полосою берега. Эта полоса берега, въ видѣ узкой косы, существовала еще въ прошломъ вѣкѣ, но впослѣдствіи, благодаря нѣкоторымъ неудачнымъ техническимъ сооруженіямъ, коса эта, въ самое короткое время, была уничтожена напоромъ Днѣпра и памятью ея остался, противъ Крещатицкаго оврага, островокъ, нѣкогда составлявшій крайнюю оконечность несуществующей болѣе косы. Вслѣдствіе этого исчезновенія цѣлой полосы берега, Почайна, въ настоящее время, впадаетъ въ Днѣпръ уже не у подошвы Кіевскихъ горъ, на которыхъ стоялъ древній городъ, а на полверсты выше Подола; а ручей Глубочица, обращенный въ правильно окопанный каналъ, пересѣкающій Подолъ, изливается не въ Почайну, а въ Днѣпръ, который продолжаетъ теперь свою разрушительную р[illegible]же не надъ прибрежьями Почайны, а прямо надъ набережн[illegible]ь.

Съ другой стороны, видъ мѣстности, лежащей противъ Кіева, довольно подробно описанный нами выше, также представляется намъ инымъ, нежели онъ долженъ былъ представляться много вѣковъ тому назадъ. Мѣстность лѣваго берега, въ настоящее время изрѣзаннаго протоками Днѣпра, образующими большіе и малые прибрежные острова и мели, между которыми въ послѣднее время прорытъ широкій, искусственный каналъ (такъ называемый Пробитецъ), была вѣроятно покрыта водою Днѣпра, который, конечно, былъ и шире, и обильнѣе водами въ тѣ времена, когда дремучіе лѣса покрывали берега его и подходили отовсюду подъ самыя стѣны Кіева.

Отчасти вслѣдстіе того, что топографическія условія были иными, отличными отъ топографическихъ условій позднѣйшаго (а тѣмъ болѣе новѣйшаго) времени, пространство, на которомъ могло основаться первоначальное поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кіева, является весьма необширнымъ. Пространство это ограничивалось вершиною такъ называемой Старо-Кіевской горы, гдѣ и теперь помѣщается Андреевское отдѣленіе Стараго Кіева или Старый Городъ съ Десятинной церковью; этотъ Старый городъ составляетъ только сѣверо-восточный уголъ Кіевской горы, глубокими оврагами отдѣленной ото всѣхъ остальныхъ Кіевскихъ возвышенностей и высоко поднимающейся надъ Кіевскимъ Подоломъ. Это и есть первоначальный городъ Кіевъ, который только со второй половины X вѣка сталъ быстро возростать и къ концу XI в. уже успѣлъ увеличиться въ двадцать разъ противъ своего первоначальнаго объема.

Любопытны размѣры этого древнѣйшаго русскаго *города* или *городка*, впослѣдствіи обратившагося въ дѣтинецъ города Кіева и резиденцію князей Кіевскихъ: вся площадь равняется 26,316 квадр. саж. или 10 дес. и 2316 кв. саж.; наибольшая длина отъ юга къ сѣверу:— 238 саж.; наибольшая ширина отъ сѣвера къ востоку и къ юго-западу — 148. Въ окружности своей, по валамъ, городъ Кіевъ имѣлъ всего 540 саж., а съ предмѣстьемъ могъ заключать въ себѣ не болѣе 2 верстъ.

Внимательно слѣдя за указаніями лѣтописи по отношенію къ объему этого древнѣйшаго Кіева временъ Игоря и Ольги, мы можемъ опредѣлить его предѣлы такъ: на югъ онъ граничилъ глубокимъ оврагомъ, носившимъ названіе Перевѣсища (нынѣ Крещатицкій); на востокъ— крутыми, неприступными склонами горы, спускавшейся къ Почайнѣ; на сѣверо-востокъ—Подоломъ, и на сѣверъ—оврагомъ, отдѣлявшимъ градскую гору отъ горы Уздыхальницы (нынѣшней Киселевки); на западъ— оврагомъ, отдѣляющимъ нынѣшнее Андреевское отдѣленіе Стараго города (собственно *дѣтинецъ* или Старѣйшій Кіевъ) отъ Софійскаго отдѣленія Стараго города, болѣе извѣстнаго по древней лѣтописи нашей подъ названіемъ *Горы* (въ смыслѣ нагорной, верхней части города).

На западной сторонѣ находились ворота дѣтинца, а передъ воротами древнѣйшій мостъ (упоминаемый уже подъ 1068 г.), соединявшій дѣтинецъ съ Горою. Вверху, по окраинѣ нынѣшняго Крещатицкаго оврага, шла единственная отъ устья Почайны (и съ прибрежій Днѣпра) дорога въ дѣтинецъ, носившая названіе *Боричева увоза* или *ввоза*. Далѣе на сѣверъ, по тому же оврагу (западнѣе огибая Уздыхальницу и слѣдуя теченію рѣчки Кіянки) та же дорога спускалась на Подолье и потомъ шла къ Вышгороду.

Лѣтопись не сохранила намъ названія единственныхъ воротъ дѣтинца Кіевскаго, хотя мы и знаемъ, что впослѣдствіи (гораздо позднѣе) они носили названіе Софійскихъ и Батыевыхъ.

Изъ всѣхъ зданій, находившихся въ Кіевскомъ дѣтинцѣ, въ первой половинѣ X вѣка, мы знаемъ только каменный теремъ княгини Ольги, который былъ по тому времени явленіемъ на столько замѣчательнымъ и рѣдкимъ, что память о немъ не могла не сохраниться; теремъ этотъ занималъ сѣверо-восточный уголъ дѣтинца. Внѣ предѣловъ дѣтинца, обнесеннаго валомъ и соединеннаго мостомъ съ Горою, заселеніе собственно Горы и ближайшихъ къ дѣтинцу окрестностей началось не ранѣе, какъ со временъ Владиміра; но до Владиміра, все остальное пространство Горы (нынѣшнее Софійское отдѣленіе Стараго Города) было не заселено, занято полями и огородами; а на западныхъ и южныхъ окраинахъ Горы начинались уже дебри и лѣса.

По свидѣтельству лѣтописца, «внѣ города», однакоже подъ самыми его стѣнами, на мѣстѣ нынѣшняго Крещатика, за Боричевымъ увозомъ, начинался лѣсъ и, подымаясь въ гору, тянулся далеко на югъ, до самаго Печерскаго монастыря и на юго-западъ до Клова. За Боричевымъ увозомъ, на окраинѣ лѣса, въ нижнихъ частяхъ нынѣшняго Крещатика, находились мѣста постоянныхъ княжескихъ лововъ, такъ называемое Перевѣсище ([5]). Этими весьма ограниченными свѣдѣніями исчерпывается все, что мы знаемъ о топографіи древнѣйшаго города Кіева до половины X вѣка.

Начиная съ этого времени, при ближайшихъ преемникахъ Владиміра, городъ начинаетъ быстро возрастать по направленію къ западу, сѣверо-западу и югу. На югѣ городъ захватываетъ часть Перевѣсища, почти достигаетъ черты нынѣшняго Крещатика и Лыбеди; на западѣ—захватываетъ всю Гору, до самыхъ Златыхъ воротъ, и даже на берегахъ ручья Глубочицы, на склонахъ горы Скавика, являются городскія поселенія.

Въ концѣ XI вѣка этотъ Старый городъ, во всемъ своемъ объемѣ, огражденъ стѣною и валомъ, сквозь который вел[illegible] городу съ четырехъ различныхъ сторонъ ворота: съ сѣв[illegible] ворота

градскія, отъ моста у Дѣтинца; съ юго-запада — Златыя, съ сѣверо-запада—Жидовскія, и съ юго-востока—Лядскія.

На сѣверо-востокѣ сталъ заселяться обширный и во многихъ отношеніяхъ удобный для торга Подолъ, на которомъ уже очень рано, быть можетъ во времена Аскольда и Дира, среди лѣса и топей, пріютилась древнѣйшая православная церковь св. Иліи. Заселеніе Подола началось при Владимірѣ I и Ярославѣ I; при Изяславѣ онъ уже является многолюднымъ, а при Святополкѣ II здѣсь находился главный центръ тяготѣнія всей Кіевской торговли. Въ XI и XII вѣкахъ Подолъ играетъ очень важную роль въ исторіи Кіева: зажиточные жители его нерѣдко собираютъ вѣча и принимаютъ участіе во всѣхъ мятежахъ.

Въ заключеніе общаго топографическаго обзора Стараго Кіева замѣтимъ, что Печерская возвышенность, лежавшая на юго-востокъ отъ Кіева, до начала XVIII вѣка не была застроена никакими частными городскими зданіями, и во весь Кіевскій періодъ нашей исторіи представляла лѣсную дичь и глушь. Среди этой глуши знаемъ только Печерскій и Николаевскій монастыри съ нѣкоторыми принадлежавшими къ нимъ селеніями. Въ сельцѣ Берестовомъ, любимомъ мѣстопребываніи Ярослава I, расположенномъ такъ близко отъ монастыря Печерскаго, лѣтопись упоминаетъ только княжескій дворецъ и церкви Преображенія Господня и св. апостоловъ Петра и Павла, да еще по дорогѣ въ Берестовое, среди глухой лѣсной чащи, монастыри: Стефанечъ (т. е. Стефановъ) и Германечъ (т. е. Германовъ) на Кловѣ.

Въ Градѣ или дѣтинцѣ Кіевскомъ, какъ древнѣйшемъ ядрѣ Кіева, лѣтопись, въ періодъ XI—XII вѣковъ, упоминаетъ слѣдующіе пункты: 1) древнѣйшій теремъ княжескій; 2) дворы и дома частныхъ лицъ (Воротислава, Гордятинъ и Деместиковъ); 3) церковь св. Василія; 4) церковь Десятинную; 5) монастырь св. Андрея или Яничь; 6) монастырь св. Ѳеодора или Вотчъ; 7) Бабинъ Торжокъ; 8) ворота градскія и 9) мостъ, перекинутый противъ этихъ воротъ черезъ оврагъ, отдѣлявшій Градъ отъ Горы. На Горѣ, примкнувшей къ Граду въ половинѣ XI вѣка, лѣтопись упоминаетъ: 1) соборъ св. Софіи; 2) Златыя ворота; 3) церковь св. Ирины; 4) церковь св. Георгія; 5) частные дома и дворы (Брячиславль и Глѣбовъ); 6) тюрьму (порубъ или погребъ); 7) врата Жидовскія и 8) врата Лядскія.

Для большаго удобства разсмотрѣнія этихъ отдѣльныхъ мѣстностей и оцѣнки значенія ихъ, каждой въ отдѣльности, укажемъ, что въ исторіи распространенія и роста древняго Кіева рѣзко замѣтны три эпохи:

1) Эпоха Владиміра, когда Кіевъ еще не переходилъ за предѣлы древняго Града, но Градъ сталъ обстраиваться и украшаться новыми замѣчательными зданіями (церковь св. Василія и церковь Пресвятыя Богородицы Десятинной).

2) Эпоха Ярослава, наиболѣе важная въ исторіи Кіева, когда Кіевъ перешелъ за предѣлы первоначальнаго Града, занялъ Гору, и эта Гора, обнесенная стѣнами и валомъ, украсилась такими величавыми сооруженіями, какъ Златыя врата съ бывшею надъ ними церковью Благовѣщенія, и какъ Софійскій соборъ. Къ тому же времени относились и церкви св. Ирины и св. Георгія.

3) Эпоха ближайшихъ преемниковъ Ярослава, при которыхъ Кіевъ разросся до крайнихъ, вышепомянутыхъ нами, предѣловъ древняго своего распространенія, а Градъ украсился двумя новыми монастырями, Андреевскимъ и Ѳеодоровскимъ, между тѣмъ какъ и на древнемъ Перевѣсищѣ, и на Подолѣ, и на всѣхъ ближайшихъ къ Кіеву урочищахъ возникли церкви, монастыри и божницы, выстроенныя усердіемъ князей, частныхъ лицъ и отдѣльныхъ сословій.

Начнемъ съ эпохи Владиміровой. Мы уже знаемъ изъ предъидущаго, какія зданія заключалъ въ себѣ древній Кіевскій дѣтинецъ до Владиміра. Къ эпохѣ Владиміровой относится построеніе въ томъ же дѣтинцѣ двухъ церквей—св. Василія и Десятинной. Первая построена была Владиміромъ тотчасъ по принятіи крещенія (въ 988) и построена на томъ самомъ холмѣ, «внѣ двора теремнаго», гдѣ стоялъ до того времени кумиръ Перуновъ. Первоначально церковь была деревянная, судя по тому, что Владиміръ, по выраженію лѣтописи, приказалъ всюду *рубить* церкви, а въ томъ числѣ и церковь св. Василія, построенную въ честь того святаго, котораго имя дано было Владиміру при крещеніи.

Чтобы понять дальнѣйшую исторію этой церкви, необходимо опредѣлить мѣсто того теремнаго двора, близъ котораго она была построена. Г. Закревскій, лучшій знатокъ древней Кіевской топографіи, говоритъ, что въ Кіевскомъ дѣтинцѣ, отъ временъ Ольги былъ одинъ и тотъ же дворъ княжій, быть можетъ подвергавшійся при послѣдующихъ князьяхъ распространенію и перестройкамъ, но не измѣнившій своего мѣста. Онъ находился на южной сторонѣ дѣтинца между нынѣшними церквами Трехсвятительскою и Андреевскою, и, переходя отъ одного князя къ другому, отъ Владиміра и Ярослава къ ихъ потомкамъ, онъ же слылъ впослѣдствіи то Ярославовымъ дворомъ (1037 г.), то Великимъ (1183), то Новымъ (1194 г.). Вотъ почему мы имѣемъ полное право предполагать, что каменная церковь св. Василія на Великомъ дворѣ и на Новомъ дворѣ, упоминаемая дважды въ XII в., была воздвигнута на томъ же мѣстѣ, на которомъ стояла древняя Владимірова деревянная церковь. Кѣмъ именно воздвигнута каменная церковь, опредѣлить трудно, тѣмъ болѣе, что различныя лѣтописи приписываютъ сооруженіе ея различнымъ князьямъ и различнымъ годамъ. Въ первой трети XIII в. при церкви св. Василія упоминается монастырь. Остатки церкви св. Василія—двѣ полуразрушенныя стѣны въ 5—6 фут. выши-

нию, покрытыя греческими надписями, видны были еще въ половинѣ XVII в. Съ конца XVII в. на мѣстѣ разрушенной церкви св. Василія стоитъ нынѣшняя Трехсвятительская церковь. Въ 1838 г., въ 20 шагахъ отъ церкви, открыты были глубокія пещеры съ отдѣльными ходами въ разныя стороны; ходы эти заканчивались завалами. Пещеры вырыты были въ твердомъ глинистомъ песчанникѣ и совершенно сходны съ пещерами Лаврскими.

Церковь Десятинная, въ честь Пресвятой Богородицы (предполагаютъ: Успенья Богородицы) заложена была Владиміромъ въ 989 г., а окончена въ 996 году. Построена она была на мѣстѣ двора Варяга-

Рис. 1. Церковь Рождественская, построенная Петромъ Могилою изъ остатковъ Десятинной.

мученика, въ сѣверной сторонѣ дѣтинца. Мастера для постройки этого храма призваны «отъ Грекъ», и присмотръ за работами порученъ Анастасу Корсунянину; а потомъ приставлены къ ней на служеніе попы корсунскіе и перенесены въ нее иконы, сосуды и кресты, взятые Владиміромъ въ Корсуни.

Названіе «Десятинной» церковь получила, какъ извѣстно, отъ того, что Владиміръ, при освященіи ея, принесъ ей въ даръ десятую долю всѣхъ своихъ доходовъ, и положилъ въ церковь запись о десятинѣ на вѣчныя времена, запись, налагавшую проклятіе на каждаго, кто бы рѣшился измѣнить или осудить его завѣтъ. Въ 1007 году привезены были изъ Греціи иконы для Десятинной церкви. Въ 1017 г. страшный

пожаръ, истребившій большую часть Кіева, повредилъ и церковь Десятинную. Возобновленная Ярославомъ I, она была вновь освящена митрополитомъ Ѳеопемптомъ въ 1039 г. Въ 1044 г. туда, по желанію Ярослава, перенесены были окрещенныя кости Ярополка и Олега Святославичей. Въ 1078 г. въ Десятинной церкви погребено тѣло великаго князя Изяслава Ярославича, а въ 1093 г. - Ростислава Мстиславича. Въ 1169 г. Десятинная церковь, въ числѣ прочихъ храмовъ Кіевскихъ, подверглась ограбленію отъ воиновъ Андрея Боголюбскаго, а въ 1203—отъ воиновъ Рюрика, расхитившихъ драгоцѣнности, книги и другія вещи, пожертвованныя князьями. Съ западной стороны, противъ Десятинной церкви, на торговой площади, носившей названіе «Бабина торжка», поставлены были еще отъ временъ Владиміра двѣ статуи и четыре бронзовыхъ коня, взятыхъ изъ Корсуни.

Тщательное изслѣдованіе древняго фундамента Десятинной церкви и внимательное изученіе всей окружной мѣстности привело къ возможности составить себѣ нѣкоторое, довольно правильное понятіе о размѣрахъ и внутреннемъ, великолѣпномъ, по тому времени, убранствѣ Десятинной церкви. Церковь была четыреугольная, длиною по срединѣ около 24 саж. и шириною 16 саж. Восточная или алтарная часть фундамента, подобно другимъ древнимъ церквамъ Кіевскимъ, имѣла три выступа или округлости, изъ коихъ средняя была болѣе боковыхъ. По остаткамъ, найденнымъ при отрытіи фундамента, можно догадываться, что у церкви Десятинной былъ архитравъ *), украшенный греческою надписью и большими круглыми муравленными розетами **); что карнизы состояли изъ гранита и мѣстами изъ бѣлаго мрамора, а стѣны украшены были пилястрами ***). Внутренняя отдѣлка храма была еще великолѣпнѣе: полъ мозаическій изъ тяжелыхъ плитъ, а въ алтарѣ — изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, яшмъ и изъ плитъ муравленныхъ на подобіе кафель ****). Колонны изъ бѣлаго мрамора съ такими же базами, капителями и карнизами поддерживали хоры (полати), о которыхъ упоминаетъ лѣтопись. Цоколь *****) состоялъ изъ полированнаго краснаго гранита; стѣны алтаря были покрыты мозаикою, а стѣны остальнаго храма, поверхъ штукатурки, расписаны фресковою живописью, весьма несовершенною по очертаніямъ рисунка, но и теперь еще изумляющею насъ живостью красокъ.

---

*) Архитравъ —въ древней архитектурѣ такъ называлась балка, лежавшая непосредственно надъ капителями колоннъ и соединявшая колонны другъ съ другомъ.

**) *Розета* — архитектурное украшеніе въ видѣ *розы*, помѣщаемое въ углубленіяхъ сводовъ и потолковъ или въ промежуткахъ карнизовъ.

***) *Пилястры* — колонны некруглой и неполукруглой, а четвероугольной формы, непосредственно приставленныя къ стѣнамъ зданія, и составляющія какъ бы выступы ихъ.

****) *Кафели* — тоже, что изразцы.

*****) *Цоколь*—тесанный камень, которымъ обкладывается наружная часть фундамента въ зданіяхъ.

Десятинная церковь, при взятіи Кіева Батыемъ, была послѣднимъ оплотомъ Кіевлянъ противъ Татаръ, и, вѣроятно, по тому именно болѣе всѣхъ церквей пострадала. О дальнѣйшей судьбѣ ея намъ извѣстно только то, что Петръ Могила, въ 1635 г., вздумалъ поднять ее изъ развалинъ и воздвигъ на древнемъ фундаментѣ и части уцѣлѣвшей стѣны — маленькую церковь въ честь Рождества Богородицы, которая мало-по-малу пришла въ ветхость и была снесена для постройки ны-

Рис. 2. Остатки древней Десятинной церкви (до срытія).

нѣшней обширной Десятинной церкви. Новая Десятинная церковь, хотя и стоитъ на мѣстѣ древней, но ничего не имѣетъ съ ней общаго, такъ какъ не только стѣна Могилиной церкви была, при постройкѣ новой, разрушена, но и даже и самый фундаментъ древней Десятинной церкви былъ уничтоженъ, а на мѣсто его заложенъ новый.

Переходимъ къ эпохѣ Ярославовой, особенно обильной памятни-

ками замѣчательными, можно почти сказать величественными, по тому времени, и (по особенному счастью) уцѣлѣвшими до нашихъ дней, несмотря на пережитые вѣка невзгодъ, раззореній и небреженія. Ярославъ, проникнутый важнымъ значеніемъ Кіева, видимо задался извѣстнымъ планомъ, при тѣхъ важныхъ постройкахъ, которыми онъ украсилъ расширенный имъ стольный городъ. Должно предполагать, что часть Горы была уже и при отцѣ его заселена, хотя на мѣстѣ св. Софіи, еще за годъ до заложенія собора, было «поле внѣ града», на которомъ и происходила въ 1036 году, во время набѣга Печенѣговъ, отчаянная битва съ ними. И уже въ 1037 году Ярославъ начинаетъ приводить въ исполненіе свой обширный планъ обновленія стольнаго города. Прежде всего онъ обноситъ всю Гору стѣною или валомъ, въ которомъ устраиваетъ на юго-западной сторонѣ, великолѣпныя ворота, получающія названіе Золотыхъ. Затѣмъ закладываетъ «св. Софью, митрополію русскую», и два монастыря—св. Георгія (въ честь своего святого) и св. Ирины; наконецъ, надъ Золотыми воротами ставитъ церковь Благовѣщенья. Хотя всѣ эти постройки упоминаются лѣтописцемъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ (1037 г.), однако же, трудно предположить, чтобы такія зданія, какъ Золотыя ворота, и въ особенности какъ соборъ св. Софіи, могли быть воздвигнуты въ одинъ годъ.

Но какъ бы то ни было, заложенныя Ярославомъ въ 1037 г. Золотыя Ворота явились однимъ изъ наиболѣе видныхъ украшеній Кіева, и часто упоминаются лѣтописью. Много различныхъ мнѣній было высказано учеными для объясненія того, почему именно ворота названы были Золотыми: одни ссылались на желаніе Ярослава подражать великолѣпію Византіи, другіе указывали на позлащенный куполъ церкви Благовѣщенія, выстроенный надъ воротами, какъ на поводъ къ названію самыхъ воротъ *золотыми*. Для насъ гораздо болѣе важно замѣчаніе одного изъ современниковъ, поясняющаго, что Ярославъ построилъ церковь Благовѣщенія надъ Золотыми Воротами для того, чтобы «всегда радость граду тому была св. Благовѣщеніемъ Господнимъ и молитвою св. Богородицы и Архангела Гавріила, радости благовѣстника» (6). Должно предполагать, что образъ Пресв. Дѣвы даже повѣшенъ былъ надъ самыми воротами, на сторонѣ, обращенной къ городу, потому что подъ 1151 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи прямое указаніе на это: князь Вячеславъ Кіевскій, передъ послами Юрія Долгорукаго, призывалъ Богородицу въ свидѣтельницы своихъ словъ, и говоря это, «смотрѣлъ на святую Богородицу, что надъ Золотыми воротами». Изъ другаго древняго свидѣтельства, знаемъ еще, что подъ церковью Благовѣщенія, повыше свода Золотыхъ Воротъ, находились коморы или кладовыя, въ которыхъ, при постройкѣ церкви св. Георгія, сло-

жена была Ярославомъ казна денежная, предназначенная для платы рабочимъ.

Со времени раззоренія Кіева Батыемъ (1240 г.), Золотыя ворота, вмѣстѣ со всѣми остальными памятниками кіевской древности, стали разрушаться; но, судя по необычайной прочности всѣхъ древнихъ кіевскихъ построекъ Ярославова времени, разрушеніе это, вѣроятно, происходило очень медленно. Заключаемъ такъ собственно потому, что остатки Благовѣщенской церкви на Золотыхъ воротахъ уцѣлѣли даже до половины XVII вѣка: въ рисункѣ, снятомъ въ 1651 г., и отысканномъ въ бумагахъ короля Станислава Августа, еще замѣтны надъ сводомъ воротъ входныя двери, окна и высокія стѣны церкви. Сохраненію остатковъ древняго зданія отчасти способствовало то, что, по весьма странному распоряженію Сената, Золотыя ворота, грозившія разрушеніемъ, въ 1750 г. были засыпаны высокимъ землянымъ валомъ, составлявшимъ часть кіевскихъ укрѣпленій, а рядомъ съ ними устроены въ валу другія ворота, подъ названіемъ Золотыхъ. Въ 1832 г., неутомимый изыскатель Кіевскихъ древностей, К. А. Лохвицкій отрылъ изъ подъ землянаго вала уцѣлѣвшіе остатки древнихъ Золотыхъ Воротъ.

Въ настоящее время это древнее зданіе представляется намъ въ видѣ двухъ обломковъ стѣны, справа и слѣва; верхняя часть свода разломана; стѣны воротъ снабжены пилястрами, на которыхъ были нѣкогда основаны арки, поддерживавшія своды *воротъ*. Лѣвая сторона (отъ выхода изъ Стараго Города) вдоль по фасаду имѣетъ въ длину 30 арш.; обломокъ правой стороны едва равняется по объему половинѣ лѣвой; ширина пролета между стѣнами 10¼ арш.; вышина стѣнъ— 14 арш., толщина—около 2 арш. Кладка кирпичей древняя, точно такая же, какъ и во всѣхъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, остаткахъ кіевскихъ древнихъ памятниковъ. Способъ этой кладки заключается въ слѣдующемъ: кирпичи древней формы (длиной 8, шириной 7, толщиной 1 вершокъ) переложены слоями греческаго цемента (*), толщиною въ 3 вершка; черезъ пять рядовъ кирпичей положенъ рядъ тесаныхъ камней-сѣровиковъ, толщиною 12 вершковъ и болѣе; потомъ опять ряды тонкихъ кирпичей съ толстою известковою подмазкою и т. д. По обѣимъ сторонамъ, въ стѣнахъ воротъ видны большія впадины, въ которыхъ помѣщались балки или перекладины: нижнія отъ поверхности земли на пять аршинъ, другія, повыше первыхъ, аршина на два. Ясно, что тутъ, надъ проѣздомъ въ ворота, подъ поломъ церкви, были нѣкогда кладовыя (коморы). На обѣихъ сторонахъ воротныхъ стѣнъ фальшивыя двери, а на лѣвой еще два фальшивыхъ окна, изъ которыхъ одно круглое.

(*) Цементъ этотъ состоитъ изъ раковинной извести, перемѣшанной съ толченымъ камнемъ и необычайно окрѣпшей.

Древнія ворота, послѣ разрушенія, видимо были поправляемы. Первыя стѣны ихъ, въ проѣздѣ, закладены другими, сложенными также изъ древнихъ кирпичей, большею частью ломанныхъ и перемѣшанныхъ съ крупными сѣрыми камнями; но кладка эта произведена уже не на цементѣ, а на простой известкѣ. При очищеніи земли, которою ворота были засыпаны, вторыя стѣны отъ первыхъ (древнихъ) отвалились и остатки ихъ удержались только въ немногихъ мѣстахъ. Лѣвая сторона воротъ (съ поля) подперта пристройкою изъ обломковъ древнихъ кир-

Рис. 3. Золотыя ворота (вскорѣ послѣ открытія).

пичей и сѣраго камня, залитыхъ известью. Пристройка эта, какъ предполагаютъ, сдѣлана очень давно, быть можетъ еще въ половинѣ четырнадцатаго вѣка.

Не болѣе какъ въ 200 саженахъ на сѣверо-востокъ отъ Золотыхъ Воротъ возвышается главная святыня кіевская — соборъ Софійскій. Въ древнихъ прологахъ показано, что соборъ св. Софіи освященъ

былъ митрополитомъ Ѳеопемптомъ 4 ноября 1037 года. За тѣмъ, судьба этого собора и находившагося при немъ монастыря служила вѣрнѣйшимъ отраженіемъ тревожной и бурной судьбы самаго Кіевскаго княжества. Нельзя не удивляться тому, что уцѣлѣли до нашего времени стѣны св. Софіи съ драгоцѣнными украшеніями, мозаиками и фресками, между тѣмъ какъ всѣ остальныя драгоцѣнности древняго собора исчезли безслѣдно и даже опись ихъ не дошла до потомства. Два раза и до тла была разграблена св. Софія ратями русскихъ князей:

Рис. 4. Золотыя ворота (въ ихъ нынѣшнемъ видѣ).

Мстиславомъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, въ 1169 году, и Рюрикомъ Ростиславичемъ, въ 1204 г. Въ промежуткѣ между этими двумя погромами св. Софія сильно потерпѣла отъ пожара, въ 1180 г. Наконецъ, въ 1240—при общемъ раззореніи Кіева Батыемъ, соборъ разграбленъ окончательно, и даже кости почившихъ въ немъ князей потревожены хищностью грабителей, всюду искавшихъ сокровищъ. Въ періодъ полнаго упадка Кіевскаго княжества, отъ половины XIII

до половины XIV вѣка, соборъ св. Софіи подвергся наибольшей опасности: ему грозило полное разрушеніе. Митрополиты Кіевскіе, начиная съ Кирилла III, уже не жили въ Кіевѣ, тяготясь видомъ опустошенія и развалинъ нѣкогда славнаго стольнаго города: они только проѣздомъ и временно бывали въ Кіевѣ. Но все же не безъ основанія полагаютъ, что, до 80-хъ годовъ XIII вѣка св. Софія не была покинута окончательно, и что въ ней еще продолжали совершать богослуженіе, такъ какъ Кириллъ III, скончавшійся въ Суздалѣ, велѣлъ похоронить себя въ Софійскомъ Кіевскомъ соборѣ. Впослѣдствіи же, при наслѣдникахъ Кирилла III, въ особенности послѣ того, какъ съ 1320 г. Кіевъ перешелъ во власть Гедимина и митрополія русская (1325 г.) перенесена была въ Москву, митрополиты не заглядывали болѣе въ Кіевъ, въ которомъ паствою правили ихъ намѣстники.

Вѣроятно къ этому то времени слѣдуетъ отнести то печальное положеніе Софійскаго собора, при которомъ, конечно, и богослуженіе въ немъ должно было на время прекратиться. «Новѣйшія изслѣдованія показали, что Софійскій соборъ въ теченіи нѣкотораго времени началъ было клониться къ паденію:—лишенный кровли, въ алтарномъ сводѣ онъ получилъ длинную трещину, а въ среднемъ продольномъ сводѣ западная часть его совершенно обрушилась; одновременно съ этими разрушеніями или нѣсколько позже, и вся западная сторона собора обратилась въ развалины. Неизвѣстно при комъ эти важныя разрушенія были исправлены, и хотя до нѣкоторой степени возстановлено внѣшнее и внутреннее благолѣпіе собора. Достовѣрно можно утверждать только то, что исправленія произведены были гораздо ранѣе Петра Могилы, который отобралъ храмъ отъ уніатовъ опустошеннымъ, ограбленнымъ, но не въ развалинахъ (⁷)». Есть основаніе предполагать, что исправленія, произведенныя въ св. Софіи, относятся къ концу XIV вѣка, ко временамъ митрополита Кипріана.

Не смотря на то, что позднѣйшія придѣлки, надстройки и дополненія первоначальнаго зданія собора (въ особенности произведенныя въ XVII вѣкѣ) значительно измѣнили видъ древняго Ярославова храма, св. Софія Кіевская все же является намъ однимъ изъ наиболѣе сохранившихся храмовъ древнѣйшаго византійскаго типа. Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе примѣнимъ къ св. Софіи Кіевской, что она представляетъ едва ли не единственный въ Россіи храмъ, въ которомъ древнѣйшія части могутъ быть съ полнѣйшею достовѣрностью отличены отъ позднѣйшихъ. Провѣркою въ этомъ отношеніи служатъ два условія: во первыхъ, позднѣйшая кладка стѣнъ и сводовъ явственно отличается отъ древней кладки; а во вторыхъ, на тѣхъ стѣнахъ и сводахъ собора, которые впослѣдствіи подверглись перестройкамъ и поправкамъ—мы

Рис. 5. Кіевскій Софійскій Соборъ (съ восточной стороны).

не видимъ ни мозаикъ, ни фресковой живописи, которыми сплошь были украшены стѣны древней Софіи Кіевской.

На сколько можно по настоящему виду собора заключать о его быломъ состояніи, постройка его была произведена съ такимъ тщаніемъ и употребленъ на нее матерьялъ такой высокой доброты, что зданіе, не смотря на тяжкія невзгоды, перенесенныя имъ въ теченіи восьмивѣковаго существованія, сохранилось до нашихъ дней почти въ томъ же видѣ, въ какомъ его могли видѣть ближайшіе потомки Ярослава. Кромѣ кирпича (мѣстнаго кіевскаго производства), строителями на постройку собора употребленъ былъ дикій камень, красный шиферъ, гранитъ въ плитахъ, и мѣстами, въ весьма ограниченномъ количествѣ, мраморъ. Внутри храма, на хорахъ, въ нѣкоторыхъ аркахъ, до послѣдняго времени видимы были дубовые брусья, положенные въ видѣ скрѣпъ. Полъ выстланъ былъ плитами мраморными и шиферными, въ перемежку съ кафелями, какъ въ Десятинной церкви. Перила на хорахъ и доселѣ уцѣлѣли изъ шифера, украшеннаго скульптурною работою.

Фигура плана св. Софіи—четырехсторонняя, но съ различными выступами и углубленіями, отчасти древними, отчасти позднѣйшими. Къ числу первыхъ принадлежатъ тѣ девять полукружій, которыя образуютъ запрестольную алтарную стѣну; къ числу вторыхъ, тѣ шестнадцать массивныхъ контрофорсовъ, которые извнѣ поддерживаютъ стѣны древней Софіи. Длина храма, считая по южной и сѣверной наружной сторонѣ,—17 саж. 1 арш. 14 верш. Длина наружной, какъ западной, такъ и восточной стѣны, по прямой линіи—25 саж., 2 арш., 8 верш. Длина средины храма, отъ запада къ востоку, считая со стѣнами—16 саж., 1 арш. Высота стѣнъ до кровли—6 саж., 2 арш., 9 вершк. Высота всего зданія отъ подошвы до верха креста—19 саж., 2 аршина.

Куполовъ св. Софіи Кіевской было въ прежнее время тринадцать, считая въ томъ числѣ одинъ большой надъ срединою главнаго храма и двѣнадцать меньшихъ. О древней формѣ куполовъ, по теперешней двухъ-ярусной фигурѣ ихъ главъ, судить невозможно, точно также, какъ нельзя имѣть понятія и о формѣ прежней крыши собора, которая была значительно ниже нынѣшней, вслѣдствіе чего и окна въ главахъ были больше, и внутри храма было значительно свѣтлѣе, нежели въ настоящее время.

Внутри, храмъ св. Софіи, въ большей своей части, раздѣленъ хорами на два неравные этажа или яруса, изъ которыхъ нижній гораздо ниже верхняго. Хоры эти примыкаютъ къ тремъ сторонамъ зданія: западной, сѣверной и южной; въ срединѣ, подъ главнымъ куполомъ, все зданіе совершенно открыто.

Первоначально стѣны южныя и сѣверныя выведены были только въ одномъ этажѣ и служили галлереями или (по выраженію митрополита Евгенія) *присѣнками*; а верхніе этажи этихъ стѣнъ надстроены уже въ гораздо болѣе позднее время Петромъ Могилою или его преемниками, дабы предохранить древнія стѣны храма отъ разрушенія. Вдоль этихъ-то стѣнъ на южной сторонѣ выстроены три новыхъ купола и на сѣверной—столько же, такъ что теперь число всѣхъ куполовъ на Софійскомъ соборѣ доходитъ до девятнадцати, хотя изъ этого числа видны только пятнадцать: — четыре древнихъ купола скрыты подъ позднѣйшею, впослѣдствіи возвышенною, кровлею собора.

Вообще говоря, нынѣшній фасадъ свой св. Софія получила во времена Петра Могилы или даже позже, и во внѣшности носитъ на себѣ отпечатокъ нѣмецко-польской архитектуры конца XVII вѣка (⁸); но за то внутренность собора, всѣми подробностями своихъ мозаическихъ и живописныхъ украшеній, переноситъ насъ вполнѣ въ древній православный храмъ XI—XII вѣка, какимъ этотъ храмъ вышелъ изъ рукъ греческихъ строителей и художниковъ, вызванныхъ въ Кіевскую Русь Владиміромъ и Ярославомъ.

Къ тому же, столь важному въ исторіи Кіева, 1037 году относится постройка приписываемыхъ Ярославу двухъ другихъ церквей: св. Георгія и св. Ирины. Церковь и монастырь св. Георгія Ярославъ заложилъ въ честь святого, котораго имя получилъ при крещеніи; монастырь и церковь св. Ирины заложены были имъ въ честь святой, имя которой носила его жена. Въ древнемъ, харатейномъ (*) прологѣ XV в. говорится о церкви св. Георгія, что она была построена *передъ вратами* св. Софіи, слѣдовательно на юго-западъ отъ Софійскаго собора, по направленію къ Золотымъ Воротамъ. Позднѣйшія розысканія даютъ нѣкоторую возможность предполагать, что нынѣшняя Георгіевская церковь фундаментомъ своимъ захватываетъ часть основанія древней церкви. Въ томъ же прологѣ приводится любопытное сказаніе о самомъ построеніи древняго Георгіевскаго храма. Когда начали строить его, то оказалось мало рабочихъ при постройкѣ; и князь, увидѣвъ это, призвалъ тіуна и сказалъ: «отчего у церкви мало трудящихся»? Тіунъ отвѣчалъ: «оттого, что это дѣло властельское, такъ и боятся люди, что имъ придется потрудиться даромъ». Тогда повелѣлъ князь на телѣгахъ свезти куны (деньги) въ коморы (кладовыя) Золотыхъ вратъ и возвѣстить на торгу людямъ, что каждый изъ приходящихъ на постройку церкви св Георгія можетъ взять себѣ по ногатѣ (**) на день. И множество явилось желающихъ работы, и вскорѣ церковь была окончена и освящена 26 ноября Ларіономъ Митропо-

(*) *Харатейный*—писанный на хартіи (т. е. пергаменѣ).
(**) *Ногата*—мелкая монета

литомъ, который сотворилъ въ ней *настолованіе* новоставимымъ епископамъ.» (9)

Немного далѣе, южнѣе и западнѣе церкви и монастыря св. Георгія, почти на полупути между Золотыми и Лядскими воротами, находится монастырь и церковь Св. Ирины, котораго мѣстность вполнѣ удостовѣрена раскопками, произведенными въ 1833 г. неутомимымъ Лохвицкимъ. Этотъ изыскатель разрылъ мѣсто въ излучинѣ стараго крѣпостнаго вала, неподалеку отъ ограды Софійскаго собора, съ южной стороны, и ему дѣйствительно удалось откопать большую часть церковныхъ стѣнъ, по матерьялу, кладкѣ и свойству цемента вполнѣ тождественныхъ съ остатками Золотыхъ воротъ и Десятинной церкви. Очищенное отъ земли основаніе церки представилось въ видѣ продолговатаго прямоугольника, который одною изъ долгихъ сторонъ обращенъ былъ къ востоку, а другою—къ западу. Продольныя стѣны содержатъ по 11 саж. и 1 аршину, каждая. Южная и сѣверная стѣны—каждая по семи сажень. Входныя двери были въ южной стѣнѣ. Въ восточной стѣнѣ находился пролетъ, шириною въ пять сажень, къ которому примыкала алтарная пристройка въ видѣ трехъ выступовъ—одного большаго и двухъ малыхъ. На срединѣ храма уцѣлѣли остатки четырехъ квадратныхъ столповъ, вѣроятно поддерживавшихъ средній куполъ Въ фундаментѣ алтарной части открытъ престольный камень, съ 4-мя углубленіями для ножекъ престола и пятымъ по срединѣ, для мощей. Ближе къ восточной, округлой стѣнѣ алтаря, гдѣ обыкновенно устраивается горнее мѣсто, найдены 12 камней, положенныхъ, какъ полагаютъ, въ честь 12 Апостоловъ; между ними и престоломъ—еще 4 камня въ честь 4 Евангелистовъ. Полъ, какъ въ алтарной части, такъ и въ самой церкви, состоялъ, судя по остаткамъ, изъ мозаики и четыреугольныхъ плитокъ, поливной горшечной работы. Въ стѣнахъ отысканы были горшечные *голосники* (10). Стѣны по штукатуркѣ росписаны были фресками.

Переходя къ эпохѣ построекъ при потомкахъ Ярославовыхъ, прежде всего встрѣчаемъ въ дѣтинцѣ кіевскомъ два монастыря—св. Андрея (Яничъ), построенный въ 1086 г. Всеволодомъ Ярославичемъ, и св. Өеодора (Вотчъ)—заложенный въ 1128 г. Мстиславомъ Владиміровичемъ, сыномъ Мономаха.

Монастырь св. Андрея, какъ кажется, основался при церкви св. Андрея позже, едва ли не усердіемъ княжны Янки, или Анны, дочери Всеволода, сестры Мономаховой. Въ немъ она и подстриглась, собравши около себя много черноризцевъ; въ немъ и погребена была въ 1113 году; отъ ея имени и получилъ монастырь свое отличительное названіе. Монастырь сдѣлался вскорѣ любимою усыпальницею Мономаховичей, разбогатѣлъ и пріобрѣлъ значеніе. Лѣто-

пись дважды (подъ 1127 и 1231 п.) упоминаетъ объ игумнахъ Янчина монастыря. Не смотря однакоже на историческое значеніе обители, мѣстность ея доселѣ съ точностью не опредѣлена. Предполагаютъ, что она должна была находиться нѣсколько южнѣе Десятинной церкви, вблизи княжаго двора, но не на одной линіи, а нѣсколько западнѣе отъ нынѣшней Трехъ-Святительской церкви, построенной на мѣстѣ церкви св. Василія.

Тоже самое должно сказать и о монастырѣ св. Ѳеодора (Вотчѣ), которому суждено было играть весьма печальную роль въ исторіи Кіевскаго княжества. Несомнѣнно то, что монастырь этотъ находился также къ югу отъ Десятинной церкви, но ближе къ воротамъ дѣтинца (градскимъ или Батыевымъ), ведшимъ на мостъ. Въ 1638 г. мѣсто Вотча монастыря и въ немъ церки Ѳеодора Тирона еще было извѣстно; но теперь о немъ можно только догадываться. Названіе *Вотча*, т. е. *отчаго*, *отцовскаго* — дано было ему, какъ предполагаютъ, ближайшими потомками Мстислава, которые также охотно избирали его мѣстомъ погребенія своихъ близкихъ, какъ и Яничь монастырь. Въ 1132 году положено было въ Ѳедоровскомъ монастырѣ тѣло самаго основателя его, а затѣмъ съ 1154 по 1198 годъ лѣтопись упоминаетъ имена еще восьми князей, погребенныхъ тамъ же.

Подъ 1147 г. помѣщенъ въ лѣтописи трагическій эпизодъ убіенія несчастнаго Игоря Ольговича, бывшаго Великаго Князя, а въ ту пору смиреннаго инока Ѳеодорова монастыря. Памятью этого грустнаго событія и самаго Вотча монастыря осталась намъ икона Пресвятой Богородицы, передъ которою, по преданію, молился Игорь Ольговичъ въ послѣдній часъ передъ кончиною своею.

Надо полагать, что Вотчъ монастырь, послѣ погрома Батыева, уже не поднимался болѣе изъ развалинъ, судя по тому, что подъ 1259 г. находится занесенное въ лѣтопись свѣдѣніе о томъ, какъ Даніилъ Галицкій украсилъ церковь св. Іоанна Златоустаго въ Холмѣ, иконами изъ монастыря Ѳедоровскаго и колоколами, вывезенными изъ Кіева.

Внѣ древняго города Кіева (разумѣя подъ именемъ города и Дѣтинецъ, и Гору) намъ еще придется отмѣтить въ предѣлахъ города лишь очень немногіе пункты. Остановимся въ числѣ ихъ только на тѣхъ, которые и до сихъ поръ заняты болѣе или менѣе уцѣлѣвшими на нихъ древними памятниками или, на основаніи сохранившихся историческихъ свидѣтельствъ, достовѣрно могутъ быть пріурочены къ опредѣленнымъ мѣстностямъ современнаго намъ Кіева.

Припомнимъ то, что мы уже говорили выше о расширеніи Кіева при Ярославѣ и о крайнихъ предѣлахъ его распространенія въ концѣ XI вѣка. Припомнимъ, что къ югу городъ занялъ въ этотъ періодъ часть

древняго Перевѣсища; весь сѣверо-востокъ былъ занятъ Подоломъ вверхъ по берегу Днѣпра съ одной стороны и до горъ Скавики (Щековицы) и Киселевки съ другой стороны. Это пространство новаго, такъ сказать, позднѣйшаго Кіева, постепенно вводилось въ черту города и обносилось то окопомъ, то столпіемъ или тыномъ, въ которыхъ для проѣзда оставлялись немногія, крѣпко охраняемыя ворота. Такъ мы знаемъ,

Рис 6. Игорева икона Пресвятой Богородицы.

что на сѣверѣ весь Подолъ, отъ Днѣпра до Скавики, огражденъ былъ столпіемъ, за которымъ и простиралось то открытое, незаселенное пространство, подходившее къ самымъ стѣнамъ города, которое во всѣхъ городахъ древне-русскихъ, какъ и подъ Кіевомъ, носило названіе *Оболони*; мы знаемъ также, что на сѣверо-западѣ между возвышен-

ностями Скавикой и Кисилевкой существовала также ограда, въ которой упоминаются ворота Подольскія, стоявшія на мѣстѣ нынѣшняго Житнаго Торга.

Но и эти новыя границы въ началѣ XII вѣка уже оказались тѣсны для Кіева: городъ продолжалъ расширяться въ направленіи сѣверозападномъ, и за воротами Подольскими, по направленію сходившихся здѣсь дорогъ, мало-по-малу выросло предмѣстье, получившее названіе Копырева конца. Этотъ *конецъ* игралъ не маловажную роль въ исторіи Кіева, вмѣстѣ съ сосѣднимъ къ нему пригороднымъ урочищемъ, извѣстнымъ въ лѣтописяхъ подъ названіемъ Дорожичей и Дорогожичей, которое занято нынѣ учебнымъ или лагернымъ полемъ: оно было особенно важно для Кіева въ военномъ отношеніи. Съ востока Кіевъ былъ неприступенъ по своимъ горамъ; съ юга подступъ къ нему тоже былъ загражденъ дебрями и лѣсами; съ сѣвера не менѣе прочною защитою Кіеву служили овраги и непроходимыя болота, и только съ запада примыкалъ стольный городъ къ открытой, широкой и волнообразной равнинѣ, которая во всѣхъ войнахъ являлась постояннымъ сборнымъ пункомъ для враждебныхъ полчищъ. Хотя городъ и былъ съ этой стороны обнесенъ стѣною съ крѣпкими воротами, и защищенъ отъ внезапнаго нападенія, но все же западная сторона Кіева являлась наиболѣе слабою его стороною. Къ тому же, въ Дорогожичахъ находился главный узелъ трехъ важнѣйшихъ дорогъ, сходившися къ Кіеву: Бѣлгородской (ведшей на Волынь, въ Польшу и Галицію), Вышегородской (которая вела въ Польшу и Литву) и третьей, пролегавшей до пограничнаго Юрьева.

Въ половинѣ XII вѣка, даже и здѣсь, на отдаленнѣйшей окраинѣ Кіевскаго предмѣстья, видимъ возникающія церкви и обители, воздвигаемыя неутомимымъ рвеніемъ благочестивыхъ князей. Всеволодъ II Ольговичъ (1140—1146) закладываетъ церковь св. Кирилла и монастырь при ней. Лѣтопись упоминаетъ, подъ 1171 г., о возобновленіи этой церкви «княгинею Всеволожею» (Маріею Казимировною, женою Всеволода Чермнаго), которая вскорѣ послѣ того, въ той же обители, приняла передъ смертью черническую схиму и была похоронена въ ц. св. Кирилла. Подъ 1194 г. упоминается въ той же обители церковь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Въ послѣдній разъ упоминаетъ лѣтопись о Кирилловскомъ монастырѣ подъ 1231 годомъ, называя игумена его Климента въ числѣ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя присутствовали при посвященіи Кирилла въ епископы Ростовскіе. Дальнѣйшая судьба Кирилловскаго монастыря намъ неизвѣстна; однакоже есть основаніе думать, что онъ менѣе многихъ другихъ церквей кіевскихъ пострадалъ отъ татарскаго нашествія, судя по тому, что въ 1860 г., въ нынѣшней монастырской церкви св. Троицы, открыты были

подъ слоемъ штукатурки довольно хорошо сохранившіяся древнія фрески.

Подвигаясь къ городу отъ его далекой Дорогожицкой окраины, мы должны упомянуть о двухъ церквахъ въ Копыревѣ концѣ:—св. Іоанна и св. Симеона съ монастыремъ; вторая была построена Святославомъ II Ярославичемъ (1073—76 г.) въ концѣ XI столѣтія, а первая неизвѣстно кѣмъ въ началѣ XII (въ 1121 г.). Г. Закревскій предполагаетъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, что Симеоновскій монастырь находился тамъ, гдѣ теперь стоитъ Крестовоздвиженская церковь съ придѣломъ св. Михаила на Кожемякахъ, а церковь св. Іоанна недалеко отъ монастыря Симеоновскаго, подъ горою Скавикою, вблизи Житнаго Торга.

Далѣе, подвигаясь отъ Копырева конца къ Подолу, мы можемъ опредѣленно указать лишь на одинъ важный пунктъ—ту самую Турову божницу, которая неоднократно бывала сборнымъ пунктомъ шумныхъ народныхъ вѣчъ на многолюдномъ Подолѣ. Одно изъ такихъ вѣчъ подробно описано въ лѣтописи подъ 1146 годомъ. Археологи согласно указываютъ на мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ церковь св. Бориса и Глѣба, какъ на единственное мѣсто Подола, въ которомъ можно предполагать древнюю Турову Божницу, такъ какъ на этомъ мѣстѣ, повидимому, съ древнѣйшихъ временъ существовала торговая площадь.

Намъ остается еще упомянуть о монастырѣ Златоверхо-Михайловскомъ, который, съ самаго начала XII вѣка, явился въ той части древняго Перевѣсища, которая заселилась и примкнула къ старому Кіеву, вѣроятно, уже въ половинѣ XI вѣка.

Достовѣрная исторія церкви св. Михаила, а съ нею вмѣстѣ и обители, начинается съ 1108 г., когда о заложеніи ея великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ упоминается въ лѣтописи. Этотъ древній храмъ сохранился до нашего времени и, по значенію уцѣлѣвшихъ внутри его мозаикъ, занимаетъ въ ряду кіевскихъ древностей второе мѣсто послѣ Софійскаго собора. Первоначальный храмъ Св. Михаила былъ выстроенъ по общему образцу всѣхъ древнихъ русскихъ церквей; въ немъ, какъ и во Владиміровой Десятинной церкви, видимъ съ восточной стороны три выступа: — средній, бóльшій, для алтаря, а съ боковъ его два меньшихъ для жертвенника и діаконника. Первоначальная длина церкви со стѣнами была 14 сажень, а ширина 9 сажень и 2 аршина. Внутри — четыре массивныя подпоры поддерживали главный куполъ, имѣющій въ поперечникѣ 3 саж. 8 вершк. Новѣйшія пристройки, удачно замѣнившія собою контрфорсы для поддержки древнихъ стѣнъ, придали первоначальному храму совершенно иной видъ и значительно измѣнили его размѣры. Позднѣйшія боковыя главы храма рѣзко отличаются своею постройкою отъ пяти среднихъ куполовъ, несомнѣнно древнихъ; въ числѣ ихъ, главный ку-

полъ, кажется, былъ украшенъ мозаикою, давно осыпавшеюся. Мозаикою же украшены были и алтарь, и важнѣйшія части средняго храма, подъ главнымъ куполомъ. Есть основаніе думать, что мозаики Михайловскія были довольно близкою копіею съ Софійскихъ, тѣмъ болѣе, что и самый храмъ, и, въ особенности, алтарь, если не тождественны съ Софійскимъ храмомъ по размѣрамъ, то весьма сходны по внѣшнимъ формамъ.

Въ заключеніе общаго очерка топографіи и важнѣйшихъ памятниковъ города Кіева, намъ остается еще сказать лишь нѣсколько словъ о наиболѣе важныхъ историческихъ урочищахъ кіевскихъ, доселѣ сохранившихъ древнія названія, подъ которыми они являются и въ лѣтописи, при описаніи различныхъ событій.

Кромѣ тѣхъ пунктовъ Подола, о которыхъ мы упоминали выше, считаемъ не излишнимъ остановиться здѣсь и еще на двухъ урочищахъ, связанныхъ съ преданіями кіевской старины.

Прежде всего вспомнимъ о Щековицѣ—горѣ, возвышающейся надъ Подоломъ съ западной стороны, между горами Киселевкой (древней Уздыхальницей) и Юрковицей. Гора Щековица, имѣющая версты двѣ въ окружности, хоть и нѣсколько ниже Печерскихъ возвышенностей, однако же принадлежитъ къ числу наиболѣе возвышенныхъ пунктовъ Кіева и потому господствуетъ надъ всею сѣверною частью города. Самое названіе Щековицы (въ современномъ народномъ говорѣ передѣланное въ Скавицу и Скавику) принадлежитъ глубокой древности и тѣсно связано съ преданіемъ о построеніи Кіева тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ; извѣстное лѣтописное указаніе помѣщаетъ на Щековицѣ могилу одного изъ первыхъ варяжскихъ князей—Вѣщаго Олега. Въ настоящее время на вершинѣ горы Щековицы помѣщается кладбище (съ 1772 г.) и церковь во имя «Всѣхъ Святыхъ» (съ 1780 г.) На этомъ кладбищѣ хоронятъ покойниковъ со всего Подола.

Къ юго-западу отъ Кіево-Подола, между Кудрявскимъ возвышеніемъ и горою Куреневкою, помѣщается другое важное въ топографическомъ отношеніи урочище, въ настоящее время извѣстное подъ мѣстнымъ названіемъ *Гончари* и *Кожемяки*. Оно занимаетъ все пространство узкаго и извилистаго удолья, по которому протекаетъ ручей Кіянка, до самаго впаденія этого ручья въ ручей Глубочицу у горы Скавики (Щековицы). Крутые склоны высотъ, поднимающихся по обѣ стороны удолья, орошаемаго Кіянкою, застроены деревянными домиками, расположенными неправильно, но живописно. Улицы кривы и грязны. По этому удолью проходилъ нѣкогда единственный путь, соединявшій Гору съ Подоломъ и съ наиболѣе отдаленными окраинами сѣверныхъ предмѣстій Кіева.

Широко-раскинувшійся новый городъ давно захватилъ въ черту своихъ улицъ и застроилъ своими зданіями тѣ мѣста, на которыхъ не только въ XII и XIII вв. упоминаются лѣса, пески и дебри, но даже и въ концѣ XVII в. были одни незаселенные пустыри. Вмѣстѣ съ этими пустырями въ черту города включены были и *Кловъ*, и *Берестовое съ Угорскимъ*, и самый монастырь Печерскій, нѣкогда составлявшіе рядъ отдѣльныхъ поселеній среди благодатной глуши, окружавшей древній Кіевъ. Такъ напримѣръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь, по направленію отъ Днѣпра къ Старому Кіеву и далѣе къ заставѣ, пролегаетъ лучшая изъ городскихъ улицъ—Крещатицкая или просто Крещатикъ—даже еще въ началѣ XVIII вѣка все пространство было покрыто лѣсомъ, изъ котораго вытекалъ ручей *Крещатикъ*, впадавшій нѣкогда въ Почайну, немного ниже этого мѣста сливавшуюся съ Днѣпромъ. Здѣсь происходило, по преданію, крещеніе русскаго народа Владиміромъ; здѣсь же въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1802 г.) поставленъ кіевлянами и крещатицкій памятникъ св. Владиміру.

Подъ названіемъ Угорскаго или иначе *Аскольдовой могилы* извѣстна нѣкоторая часть высокаго и стремнистаго берега Днѣпра, составляющая одинъ изъ уступовъ Печерской горы. Урочище это лежитъ выше Кіево-Печерской лавры на одну версту и ниже Подола къ югу на двѣ версты, почти подъ самымъ Пустынно-Николаевскомъ монастыремъ. Названіе *Угорскаго* произошло, какъ можно предположить на основаніи лѣтописи, отъ того, что на этомъ мѣстѣ Угры, при передвиженіи своемъ на западъ, стояли подъ стѣнами Кіева становищемъ въ 898 г. Впослѣдствіи тутъ, повидимому, было особое поселеніе, огражденное на случай опасности, потому что въ Ипатьевской лѣтописи упоминаются въ 1151 г. *Угорскія ворота* и даже *княжій дворъ*.

Къ югу отъ Аскольдовой могилы лежало знаменитое въ кіевскихъ преданіяхъ село *Берестовое*, названное такъ по берестовому лѣсу, остатки котораго видны были, какъ говорятъ старожилы кіевскіе, еще не очень давно. Здѣсь находился загородный дворецъ Владиміровъ и здѣсь же, по весьма достовѣрному преданію, построенъ имъ былъ монастырь св. Спаса (Преображенія), отъ котораго уцѣлѣла только одна церковь Спаса-на-Берестовѣ, можетъ быть древнѣйшая изъ Кіевскихъ церквей, судя по кладкѣ ея стѣнъ и сохранившимся на нихъ древнимъ фрескамъ. «Петръ Могила поднялъ ее изъ развалинъ въ концѣ XII в., и Петръ I, желая сохранить сей древній памятникъ, включилъ ее въ крѣпостное огражденіе» ($\frac{11}{2}$). Въ настоящее время церковь Спаса на Берестовѣ — приходская и находится въ цитадели Кіево-Печерской крѣпости, на сѣверо-западъ отъ лавры, въ 150 саженяхъ. Около нея, въ чертѣ той же крѣпости находилась и упоминаемая въ лѣтописи *Тугорканова* могила.

На той же южной сторонѣ Кіева, въ черту нынѣшняго города вошло и другое, издревле (съ начала XI в.) извѣстное урочище изъ окрестностей Кіева, а именно— *Кловъ*, лежавшій прямо на югъ отъ горы. на одномъ изъ наиболѣе возвышенныхъ Кіевскихъ холмовъ. Такъ было это урочище прозвано отъ ручья Кловъ, огибающаго возвышенность и текущаго на западъ, гдѣ онъ впадаетъ въ р. Лыбедь. Здѣсь, надъ излучистымъ ручьемъ, въ тѣни густаго лѣса, стоялъ нѣкогда одинокій выселокъ и среди него уже въ самомъ началѣ XI вѣка явились два монастыря—*Стефанечь* и *Германечь*, основанные иноками-выходцами изъ Печерской обители. На Кловъ шла дорога съ Горы къ Печерскому монастырю. Впослѣдствіи монастырскія земли на Кловѣ принадлежали Печерскому монастырю и славились своими превосходнѣйшими липовыми рощами, въ память которыхъ, когда онѣ были вырублены. урочище Кловъ было переименовано въ *Липки*. Въ прошломъ столѣтіи, на мѣстѣ бывшихъ Кловскихъ монастырей, былъ выстроенъ небольшой дворецъ для временнаго пребыванія особъ Императорской Фамиліи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ зданіи бывшаго дворца, помѣщалась сначала Кіевская Первая гимназія, а теперь—училище дѣвицъ духовнаго званія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КНЯЗЬ.

Права князей на кіевскій столъ: старшинство и наслѣдованіе.—Значеніе князей въ Кіевѣ.—Вокняженіе. Рядъ съ горожанами. Отношенія князя Кіевскаго къ остальнымъ князьямъ.—Съѣзды.—Обряды крестоцѣлованія. Крестныя грамоты.—Послы.—Раздача волостей.—Управленіе княжествомъ.—Доходы князя. Богатство его казны.—Тіуны и свита княжеская.—Частная жизнь князей.

Князья были у восточныхъ Славянъ уже издавна и вѣроятно потомками подобныхъ отдѣльныхъ, племенныхъ княжескихъ родовъ были и полубаснословные основатели Кіева—братья Кій, Щекъ и Хоривъ,— и самые князья древлянскіе. Но объ этихъ древнѣйшихъ, первоначальныхъ князьяхъ мы ничего не знаемъ:—съ призванія Рюрика съ братіею на нашъ Сѣверъ, отъ половины IX до начала XIII вѣка вся наша исторія является тѣсно связанной съ исторіею Рюриковичей.

Мы видимъ, дѣйствительно, что во весь періодъ отъ IX до XIII вѣка, титулъ княжескій принадлежитъ исключительно князьямъ Рюрикова дома, и что только они одни имѣютъ право на столы княжескіе. Видимъ, что во всѣхъ главныхъ, выдающихся центрахъ русской жизни, въ городахъ, которые имѣли значеніе, какъ средоточія торговли или какъ укрѣпленные пункты, князья всюду являются необходимыми примирителями разнородныхъ элементовъ, какъ защитники земли, призванные ее «блюсти», т. е. охранять ея цѣлость. Видимъ также, что тамъ, гдѣ являются князья, они, пользуясь значительными правами, вмѣстѣ съ тѣмъ, несутъ на себѣ извѣстныя обязанности. Рядомъ съ значительно развитою властію княжескою, видимъ народныя собранія,—*вѣча*, рѣшенію которыхъ нерѣдко долженъ былъподчиняться и самъ князь.

Эти общія начала княжеской власти и ея отношенія къ народу испытывали, сообразно мѣстнымъ условіямъ, различныя измѣненія. Принимая это въ соображеніе, мы ограничимся въ настоящемъ очеркѣ только тѣми чертами, которыя могутъ дать намъ понятіе о князѣ кіевскомъ, и постараемся какъ можно полнѣе охарактеризовать и власть его, и права, и обязанности, и положеніе въ современномъ ему обществѣ.

Въ начальномъ періодѣ исторіи Кіева мы видимъ простой переходъ стола княжескаго въ одной семьѣ отъ отца къ сыну. Со временъ Ярослава устанавливается обычай такого рода:—старшій въ родѣ Рюриковичей долженъ сидѣть на столѣ кіевскомъ, который въ глазахъ князей являлся «старѣйшимъ столомъ земли Русской». Князь, сидѣвшій на столѣ кіевскомъ, получалъ титулъ *Великаго князя*, съ которымъ соединялись нѣкоторыя почетныя преимущества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма тяжелая обязанность — «стеречь землю русскую отъ поганыхъ».

Обычай наслѣдованія кіевскаго стола по праву старшинства въ родѣ нарушается со времени вокняженія Владиміра Мономаха, который своими высокими личными качествами умѣетъ не только заставить совсѣмъ забыть о нарушенномъ обычаѣ перехода кіевскаго стола по старшинству, но даже побуждаетъ кіевлянъ съ особенною любовью и благодарностію относиться къ его памяти. Послѣ смерти Мономаха столъ кіевскій остается нѣкоторое время въ рукахъ старшихъ Мономаховичей, потому что кіевляне съ особенною любовью относятся къ «Володимерю племени». По кончинѣ Ярополка Мстиславича (1139 г.) права на кіевскій столъ становятся спорными, и изъ-за права владѣнія этимъ столомъ возникаютъ продолжительныя усобицы.

Является въ теченіе того-же самаго періода попытка передачи стола кіевскаго по праву *наслѣдованія*. Но этотъ обычай не встрѣчаетъ себѣ поддержки въ гражданахъ кіевскихъ: они находятъ для себя нѣчто постыдное въ этомъ переходѣ власти надъ Кіевомъ и надъ всею землею русскою по наслѣдованію, безъ всякаго участія воли народной. Около того же времени является попытка владѣть кіевскимъ столомъ со стороны младшаго изъ Мономаховичей, Изяслава Мстиславича, вопреки правамъ его дядьевъ. Слагается въ подтвержденіе его правъ даже извѣстная пословица: «не голова идетъ къ мѣсту, а мѣсто къ головѣ». И вслѣдъ затѣмъ, первый ударъ значенію кіевскаго князя наноситъ Андрей Боголюбскій, который, имѣя по старшинству право сѣсть на столъ кіевскій и принять титулъ великаго князя—предпочитаетъ остаться въ Суздальской области и оттуда распоряжаться судьбами Кіевской Руси. По смерти Андрея, при братѣ его Всеволодѣ, суздальское вліяніе сказывается въ Кіе[illegible] е сильнѣе,

и кіевскій столъ окончательно теряетъ то значеніе, какое онъ имѣлъ въ первые три вѣка Русской государственной жизни.

Важное значеніе князя въ Кіевѣ, вполнѣ выясняется намъ многими фактами, отмѣченными древнею лѣтописью кіевскою. Припомнимъ, напримѣръ, призваніе кіевлянами Владиміра Мономаха на столъ кіевскій въ 1113 году. Вотъ какъ оно происходило.

Вскорѣ послѣ Пасхи, великій князь Святополкъ разболѣлся и умеръ. Съ великими почестями былъ онъ похороненъ въ созданной имъ церкви св. Михаила, а княгиня его роздала монастырямъ, попамъ и убогимъ, такъ много богатства, что всѣ дивились, говоря: «такой милостыни никто не можетъ подать». Кіевляне, посовѣщавшись между собою, послали къ Володимеру, говоря: «пойди, князь, на столъ отца и дѣда». Услышавъ это, Володимеръ очень плакалъ, но не пошелъ на зовъ кіевлянъ (такъ какъ дѣти Святослава Ярославича имѣли болѣе правъ на столъ кіевскій). Кіевляне же разграбили дворъ тысячскаго Путяты, потомъ пошли на Жидовъ и ихъ разграбили; и опять послали они къ Володимеру, говоря: «пойди, князь, въ Кіевъ; а если не пойдешь, то знай, что великое зло воздвигнется—тутъ ужъ не Путятинъ дворъ, и не сотскихъ, и не Жидовъ станутъ грабить, а теперь ужъ пойдутъ на ятровь (*) твою, и на бояръ, и на монастыри, и ты будешь въ отвѣтѣ (передъ Богомъ), когда монастыри разграбятъ». И услышавъ это, Володимеръ пошелъ въ Кіевъ».

Тоже самое видимъ въ Кіевѣ и въ тотъ небольшой промежутокъ времени, который кіевлянамъ пришлось сидѣть безъ князя, во время усобицъ, послѣдовавшихъ за смертью любимаго князея ихъ — Изяслава Мстиславича, въ 1154 году. Изяславъ Давыдовичъ и Глѣбъ Юрьевичъ привели Половцевъ подъ стѣны Кіева, сразились съ Ростиславомъ и Мстиславомъ, и разбили ихъ на голову. Слѣдствіемъ пораженія было общее бѣгство князей въ разныя стороны: Ростиславъ бѣжалъ на Любечъ, Мстиславъ—въ Переяславль; другихъ князей перехватали Половцы. «И тяжко тогда стало Кіевлянамъ», заключаетъ лѣтописецъ, «*потому что не осталось у нихъ никакихъ князей*. И послали они епископа Демьяна Каневскаго по Изяслава по Давыдовича, говоря: «поди къ Кіеву, чтобы не могли насъ взять Половцы». Изяславъ исполнилъ желаніе горожанъ и сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ. Немного спустя послѣ этого, подъ стѣны Кіева подступилъ Юрій и сталъ гнать Изяслава изъ стольнаго города. Лѣтописецъ говоритъ, что «не хотѣлось Изяславу идти изъ Кіева, потому что ему въ Кіевѣ полюбилось»; но нельзя было не уступить старшему и сильному князю. И вотъ онъ посылаетъ сказать Юрію, какъ бы въ извиненіе себѣ: «да развѣ я самъ

---

*) *Ятровь*—жена шурина или деверя; иначе: невѣстка.

сѣлъ въ Кіевѣ? вѣдь меня кіевляне посадили». И потомъ уступилъ Юрію сказавъ: «не дѣлай мнѣ зла; вотъ тебѣ твой Кіевъ».

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ становится ясно, въ какой степени князь оказывался необходимъ городу, какъ главная опора порядка и благоустройства внутренняго, какъ надежная оборона противъ враговъ внѣшнихъ. Городъ Кіевъ не можетъ обойтись безъ власти князя, какъ и другой, меньшій городъ Кіевской области безъ посаженнаго княземъ мужа—посадника или дѣцкаго. И едва только умираетъ князь или по другой причинѣ покидаетъ столъ свой, порядокъ городской рушится, страсти разыгрываются, и въ городскомъ населеніи, не смотря на существованіе вѣча и такихъ представителей власти, какъ *тысяцкій* и *соцкій*—сказывается необходимость во власти центральной, выражающей собою начало государственное.

При такомъ важномъ значеніи князя, его *вокняженіе*, должно было сопровождаться извѣстною торжественностью. Князь, призванный на столъ кіевскій кіевлянами или вступавшій на столъ по праву старшинства, прежде всего ѣхалъ поклониться мѣстнымъ святынямъ—св. Софіи, Богородицѣ Десятинной и Богородицѣ Печерской—и потомъ уже садился на Ярославлѣ дворѣ и при помощи своей дружины и своей челяди принимался за управленіе княжествомъ, сажая посадниковъ по городамъ и тіуновъ по селамъ. При этомъ граждане цѣловали крестъ князю, а князь—гражданамъ, и тоже обоюдное скрѣпленіе отношеній крестоцѣлованіемъ повторялось всюду по городамъ кіевскаго княженія черезъ довѣренныхъ лицъ, посланныхъ княземъ.

Крестоцѣлованію иногда предшествовалъ *рядъ* или *порядъ*, т. е. извѣстнаго рода *уговоръ* между княземъ и горожанами кіевскими. Иногда этотъ рядъ исходилъ отъ князя, который не соглашался иначе сѣсть на столъ кіевскій, какъ заключивъ съ кіевлянами уговоръ, обезпечивавшій за нимъ извѣстныя преимущества власти ([12]); иногда, напротивъ того, рядъ шелъ отъ горожанъ, которые только подъ извѣстными условіями, ограничивающими власть князя, соглашались признать за княземъ право на кіевскій престолъ. Но мы съ полною увѣренностью можемъ сказать, что подобный уговоръ или *рядъ* не былъ явленіемъ необходимымъ; онъ могъ существовать и не существовать вовсе, и отношенія гражданъ къ князю одинаково удобно складывались и при *рядѣ*, и *безъ ряда*. Отличіе заключалось, повидимому, только въ томъ, что князь, садившійся на столъ на основаніи старшинства или права, могъ не вступать въ рядъ съ гражданами и принимался править *по всей своей волѣ*, а князь, призванный на столъ горожанами, долженъ былъ вступать съ ними въ извѣстный *рядъ*. Но многое, очевидно, зависѣло отъ личности князя, его способностей, достоинствъ и любви къ нему народа: мы видимъ, что кіевляне грудью стоятъ за князей, правившихъ ими безъ всякаго ряда,

и никакъ не могутъ ужиться съ Игоремъ Ольговичемъ, который, тотчасъ же, вслѣдъ за вокняженіемъ, заключаетъ съ кіевлянами очень выгодный для нихъ *рядъ*.

Утвердившись на столѣ кіевскомъ, князь признавался *старшимъ* между князьями русскими; но это положеніе незначительно измѣняло его отношенія къ остальнымъ князьямъ. Всѣ они считали себя другъ-другу равными и равноправными по отношенію къ владѣнію извѣстною частью земли русской. За великимъ княземъ кіевскимъ удерживалось только право созывать князей для участія въ общихъ предпріятіяхъ всей земли русской противъ поганыхъ. Но его *старшинство* надъ другими князьями являлось, въ большей части случаевъ, не болѣе, какъ идеаломъ, на основаніи котораго могли иногда слагаться междукняжескія отношенія. Идеалъ этотъ осуществлялся вполнѣ только тогда, когда старшій князь обладалъ, кромѣ матеріальной силы, достаточнымъ вліяніемъ нравственнымъ, чтобы вынудить младшихъ князей къ повиновенію. Но нерѣдко, и при подобныхъ условіяхъ, малѣйшій намекъ на какое либо насилованіе воли младшаго со стороны старшаго вызывалъ младшаго къ отпору и борьбѣ ([12]).

Для обсужденія общихъ вопросовъ, касавшихся большинства князей или вообще земли русской, князья собирались на *съѣзды* или *снемы*. На этихъ съѣздахъ князь кіевскій очевидно имѣлъ нѣкоторое особое значеніе и едва-ли не по его почину собирались подобныя собранія. Но даже и единогласному рѣшенію такого общаго собранія всей братіи одинъ изъ князей могъ не покориться и предоставить рѣшеніе своего спора съ остальными князьями *суду Божію*, т. е. открытой борьбѣ, съ оружіемъ въ рукахъ ([13]).

Для характеристики междукняжескихъ отношеній чрезвычайно любопытны тѣ обычаи, которыми обставлялись съѣзды княжескіе и всѣ договоры, приводившіе къ установленію правильныхъ отношеній между князьями. На этихъ съѣздахъ князья являлись въ сопровожденіи важнѣйшихъ представителей дружины; они собирались въ *одномъ* шатрѣ и садились на *одномъ* коврѣ ([14]). Совѣщаніе начиналъ *старшій* князь. Въ обсужденіи спорныхъ вопросовъ *снема* наравнѣ съ князьями участвовала и дружина; но окончательное рѣшеніе зависѣло, повидимому, отъ старшаго князя, который заявлялъ объ этомъ рѣшеніи, *вставая* со своего мѣста.

Рѣшенія съѣздовъ, какъ и вообще всякіе договоры князей между собою, скрѣплялись обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ, причемъ соблюдались нѣкоторыя, строго-опредѣленныя формы. Крестъ цѣловалъ *сначала* младшій, а *потомъ* старшій. При этомъ иногда приговаривали: *«кто отступитъ отъ крестнаго цѣлованія, тому пусть этотъ крестъ отмститъ»*. Иногда такое крестное цѣлованіе совершалось всѣми отъ одного креста, изъ рукъ духовенства; иногда для совершенія того-же

обряда довольствовались цѣлованіемъ крестовъ, которые князья и дружина на цѣпяхъ носили на шеѣ, какъ обычную принадлежность костюма. Для цѣлованія креста князья сходили съ лошадей. Иногда присяга усиливалась тѣмъ, что приносившій ее клялся именемъ Пресвятой Богородицы или двѣнадцатью праздниками ([15]).

Если одна изъ сторонъ уже поцѣловала крестъ, а другая еще не успѣла исполнить этого обряда, то первая была связана своею клятвою, а вторая могла отступиться отъ своего слова. Мы это видимъ изъ слѣдующаго случая. Когда (въ 1140 г.) Всеволодъ Ольговичъ, вокняжившись въ Кіевѣ, задумалъ изгнать князя Андрея изъ Переяславля, и послѣ ожесточенной борьбы, дѣло дошло до примиренія, то Андрей цѣловалъ крестъ Всеволоду, а Всеволоду предстояло цѣловать крестъ на другой день. И вдругъ, въ ту же ночь, загорѣлось въ Переяславлѣ. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Всеволодъ, «исполнившись страха Божія», *не посламъ къ городу никого*; а на утро Всеволодъ сталъ говорить Андрею: «видишь-ли, я къ тебѣ креста еще не цѣловалъ, а у васъ между тѣмъ загорѣлось, и *если бы я тебѣ хотѣлъ зла, то сдѣлалъ бы съ тобою, все, что бы мнѣ было угодно*».

Нельзя не отмѣтить, какъ черту времени, то, что преступленіе крестнаго цѣлованія было явленіемъ весьма обычнымъ. Преступали крестное цѣлованіе и князья по отношенію къ городамъ, и города по отношенію къ князьямъ, и чаще всего — князья по отношенію къ князьямъ. Хотя мы и видимъ примѣры стойкости и вѣрнаго соблюденія присяги со стороны немногихъ князей, которые не рѣшались «*играть душою*», но за то, рядомъ съ этими немногими исключеніями, видимъ безпрестанныя нарушенія присяги по самому ничтожному поводу, и даже—случаи глумленія надъ святостью присяги. Когда посланный Изяславомъ къ Владиміру Галицкому Петръ Бориславичъ (въ 1152 г.) сталъ укорять князя въ несоблюденіи договора, по которому онъ цѣловалъ крестъ—Владиміръ спросилъ его съ насмѣшкой: «вотъ не этотъ ли маленькій крестикъ?»—«Князь», отвѣчалъ Владиміру Петръ, «хотя и малъ крестъ, но велика сила его на небеси и на земли».

Когда договоры заключались князьями заочно, то они пересылались между собою мужами, и эти мужи «водили ихъ ко кресту» (приводили къ присягѣ) и закрѣпляли фактъ крестоцѣлованія особыми *крестными грамотами*, въ которыхъ подробно были прописаны всѣ условія договора. Съ такими крестными грамотами шелъ сначала мужъ отъ старшаго къ младшему князю, и потомъ отъ младшаго къ старшему. Если двое или нѣсколько князей заключали общій договоръ съ однимъ княземъ, то отъ каждаго изъ нихъ шелъ особый мужъ, и всѣ эти мужи должны были идти вмѣстѣ и присутствовать при крестномъ

цѣлованіи. Если же договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, не соблюдался которою нибудь изъ сторонъ, то другая сторона посылала того же самаго мужа, который присутствовалъ при заключеніи договора, и поручала ему, укоривши вѣроломнаго князя, «повергнуть ему крестныя грамоты». И посланный мужъ буквально исполнялъ этотъ обычай, либо «полагая» крестныя грамоты передъ княземъ, преступившимъ крестное цѣлованіе, либо *бросая эти грамоты на землю у ногъ князя*. Послѣ этого акта, договоръ считался уже несуществующимъ болѣе.

Когда князьямъ приходилось сноситься между собою по поводу какихъ-нибудь частныхъ вопросовъ или вступать въ такія сдѣлки, которыя необходимо было хранить въ тайнѣ, то они пересылались *послами* или *посольниками*, избираемыми большею частью изъ числа младшей дружины, иногда изъ духовенства. Такой посолъ везъ съ собою письмо или словесный запросъ, сопровождаемый привѣтствіями и поклонами. Если посольство имѣло благопріятный исходъ, то его награждали и отпускали обратно съ отвѣтомъ, и также съ привѣтствіями и поклонами. Если же князь, къ которому посолъ былъ отправленъ, хотѣлъ явно выразить свою непріязнь къ тому, отъ кого посольство шло— то отпускалъ посла, не давши ему «ни повоза, ни корма».

Случалось, что, въ послѣднемъ случаѣ, посла даже просто задерживали и не отпускали въ обратный путь, пока все «нелюбье» между князьями не улаживалось какимъ-нибудь инымъ образомъ. Такъ, въ 1149 г. Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давыдовичъ отправили своихъ пословъ къ Святославу Ольговичу; Святославъ, выслушавъ рѣчи присланныхъ къ нему мужей, ничего не отвѣчалъ на нихъ, и только сказалъ: «пойдите въ свой обозъ, я васъ опять позову»,—и такъ держалъ пословъ цѣлую недѣлю и «сторожей поставилъ къ ихъ обозу, чтобы никто не могъ къ нимъ прійти». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить здѣсь, что подобное отношеніе къ посламъ иногда вызывалось необходимостью, такъ какъ случалось, что послы являлись нерѣдко во вражій станъ или городъ только для того, чтобы «*розирати нарядъ*», т. е. высмотрѣть положеніе противника, ознакомиться съ численностью его рати и съ существующими порядками ([16]).

Волости, розданныя старшимъ княземъ въ удѣлъ младшему, налагали на послѣдняго различныя обязанности, въ исполненіи которыхъ онъ также цѣловалъ крестъ старшему князю. Обязанности эти заключались въ томъ, что младшій князь долженъ былъ «*ѣздить подлѣ старшаго князя*» или «*у стремени его*», «*приходить на зовъ его*» и «*ходить въ его рукѣ*», т. е. другими словами—являясь по первому призыву князя, предоставляя въ его полное распоряженіе и дружину свою, и полкъ свой, воевать съ его недругами, дружить съ его безпрекословно

исполнять его волю. Къ числу обязанностей каждаго князя, получившаго часть въ кіевскомъ княженіи, принадлежала и обязанность *«стеречь русскую землю»*, т. е. нести сторожевую службу въ пограничныхъ со степью мѣстахъ, для охраненія интересовъ русской торговли. Въ воздаяніе за все это, старшій или великій князь обязывался соблюдать интересы младшихъ князей, не давать ихъ никому въ обиду «и быть имъ въ отца мѣсто».

Въ вознагражденіе за все то, что князь принималъ на себя и считалъ своею обязанностью по отношенію къ своимъ поданнымъ, онъ пользовался правомъ собирать съ нихъ *дань* опредѣленнаго размѣра. Первоначально собираніе дани производилось князьями лично. Отправляясь въ объѣздъ по своимъ владѣніямъ, въ опредѣленное время года, князь одновременно и собиралъ дань съ народа, и входилъ въ его насущныя нужды, «творя судъ и правду», и получая за это особые дары отъ мѣстнаго населенія. Такіе издревле установившіеся объѣзды получили названіе *полюдья*, которое переносилось и на самые дары, получаемые при этомъ княземъ. Впослѣдствіи князья не всегда пускались лично въ подобные объѣзды, а поручали за себя собираніе дани избраннымъ, довѣреннымъ лицамъ. Выборъ такихъ лицъ вполнѣ зависѣлъ отъ князя; онъ сажалъ *посадниковъ* и *дѣтскихъ* по городамъ и разсылалъ *тіуновъ* по селамъ. Какъ посадники, такъ и дѣтскіе избирались изъ младшихъ членовъ дружины, а тіуны—изъ *челяди*, т. е. изъ числа рабовъ княжескихъ.

«Творя судъ и правду» и являясь такимъ образомъ представителемъ *власти исполнительной*, князь въ тоже время являлся и *законодателемъ*: онъ не только исполнялъ законъ и наблюдалъ за его исполненіемъ другими лицами, но и самъ участвовалъ въ изданіи *новыхъ законовъ* и дополнялъ старые *примѣненіемъ* къ извѣстному данному случаю. Вслѣдствіе этого значенія князя, въ его пользу поступали, кромѣ дани, и другіе доходы съ волости: *пошлины съ суда*, *съ торговли*, *съ путей и съ промысловъ*. Хотя эти доходы, получаемые съ волости, и самая дань имѣли значеніе суммъ, назначаемыхъ на потребности общественныя, однакоже это не мѣшало князю смотрѣть на нихъ, какъ на частную собственность, которою онъ могъ распоряжаться, какъ ему было угодно. И дѣйствительно, мы видимъ, что князья иногда добровольно отказывались отъ собиранія дани и прочихъ доходовъ съ волости своей, предоставляя ихъ то въ пользу женъ своихъ, то въ пользу дѣтей, даже бояръ, и, еще чаще, принося ихъ въ даръ церквамъ и монастырямъ.

Вслѣдствіе такого взгляда на доходы съ волости, князья смотрѣли на волость какъ на извѣстную, опредѣленную цѣнность. Такъ, подъ 1195 г. читаемъ въ лѣтописи, что Романъ Юрьевичъ, на предложеніе

тестя своего Рюрика Ростиславича о передачѣ его волости Всеволоду Юрьевичу, говоритъ: «дай мнѣ, вмѣсто этой волости, либо иную, либо *кунами* (т. е. деньгами) вознагради меня, по стоимости ея».

Но и кромѣ этихъ источниковъ богатства, были у князей еще другаго рода доходы съ земель, которыми князь владѣлъ на правахъ полной собственности. Заселяя пустопорожнія мѣстности своими *холопами* или *рабами* (челядью), или *изгоями* (17), князья рубили на нихъ новые городки, ставили *села* и *дворы* (усадьбы) свои. Къ этимъ новозаселеннымъ пунктамъ примыкали и тянули *рыбныя ловли*, *пчелиныя борти*, лѣса, полные дичи и всякаго звѣря, и роскошные поемные луга.

Въ какой степени велики были богатства въ дворахъ и селахъ княжескихъ, можно видѣть изъ того мѣста лѣтописи, въ которомъ подъ 1147 годомъ повѣствуется о разграбленіи Изяславомъ Мстиславичемъ и Владиміромъ Давидовичемъ *Игорева сельца*, въ которомъ «Игорь хорошо устроилъ себѣ дворъ; много тутъ было готовизны (запасовъ) въ бретьяницахъ (кладовыхъ), а въ погребахъ вина и меды, и столько всякаго тяжелаго товара, такого, какъ желѣзо и мѣдь, что (князья) отъ множества даже и не смогли вывезти всего». Сверхъ этого оказывалось, что на гумнѣ въ томъ сельцѣ было 900 стоговъ хлѣба, а въ другомъ 4,000 коней, принадлежавшихъ Игорю и Святославу—всѣ въ одномъ стадѣ. А у Святослава въ селѣ нашли въ погребахъ 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина, да сверхъ того много всякихъ богатствъ и «тяжкаго товара» (металловъ) въ «скотницахъ и бретьяницахъ», и однихъ рабовъ семьсотъ!

При такомъ разнообразномъ и постоянномъ притокѣ богатствъ изъ разныхъ источниковъ, казна княжеская являлась неистощимо-полною чашею, изъ которой князь могъ почерпать средства для жизни роскошной, по тогдашнему времени, совмѣстно съ дружиною и для поддержанія огромной свиты, постоянно его окружавшей и отъ него получавшей содержаніе. Большія богатства, скоплявшіяся въ казнѣ княжеской, рѣдко развивали въ нашихъ южно-русскихъ князьяхъ скопидомство или страсть къ стяжанію: такихъ примѣровъ южно-русская лѣтопись до начала XIII вѣка представляетъ намъ очень немного. Но за то у многихъ изъ числа князей развивалось желаніе жить шумно, разгульно, весело, привлекая и всѣхъ окружающихъ къ своему веселью, втягивая въ очарованный кругъ своей пестрой жизни и духовенство, и толпу народа. Являлось нерѣдко даже и тщеславное желаніе похвалиться своимъ богатствомъ передъ заѣзжимъ гостемъ—показать ему, какова казна княжеская. Такъ, въ 1075 г., когда пришли къ Святославу кіевскому послы «изъ нѣмецъ», то Святославъ, по выраженію лѣтописца, «сталъ передъ ними величаться и показалъ имъ богатство свое; они же, увидѣвъ *безчисленное множество злата, серебра и паволокъ*, сказали: «все

это никакого значенія не имѣетъ—это лежитъ мертво; *кметье* (т. е. воины, удальцы) лучше всего этого—съ мужами доищешься и бóльшей казны».

Суровые Нѣмцы, давая князю Святославу этотъ рѣзкій отзывъ, были несовсѣмъ справедливы, когда называли княжескую казну *мертвымъ* скопленіемъ богатствъ. Казна княжеская была постоянно открыта дружинѣ и много способствовала поддержанію достинства и значенія князя кіевскаго между остальными князьями. Эта казна состояла изъ денегъ (кунъ), изъ серебра и золота (въ издѣліяхъ и украшеніяхъ), изъ дорогихъ матерій (пáволокъ), изъ одеждъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, изъ дорогихъ мѣховъ и шкуръ рѣдкихъ звѣрей, изъ златокованныхъ сѣделъ, сбруи и драгоцѣннаго оружія. Отсюда-то и почерпалъ князь всѣ дары, которые были столь обычны и необходимы въ то время при пирахъ и съѣздахъ княжескихъ. Въ той же казнѣ накоплялись мало-по-малу богатства книжныя, составлявшія въ XI и XII вв. такую рѣдкую и дорогую диковинку. Но даже и при такомъ значеніи казны, многіе князья относились къ мертвымъ сокровищамъ своимъ съ великимъ пренебреженіемъ и употребляли значительную долю своихъ богатствъ на помощь сирымъ и убогимъ, на щедрые вклады въ монастыри и церкви, на содержаніе духовенства и монашества, этимъ путемъ стремясь «уготовать себѣ сокровища на небеси».

Любопытный примѣръ равнодушія къ богатству, видимъ въ извѣстномъ раздѣленіи Вячеславова имущества княземъ кіевскимъ Ростиславомъ Мстиславичемъ. Узнавъ о смерти дяди своего Вячеслава, Ростиславъ, вышедшій изъ Кіева съ войскомъ противъ Юрія (въ 1154 г.), вернулся въ Кіевъ, похоронилъ Вячеслава съ великою честью и, послѣ того, «пріѣхавъ на Ярославль дворъ и созвавъ мужей отца своего (Вячеслава) ([18]), и тіуновъ, и ключниковъ, приказалъ принести и сложить предъ собою имѣніе покойнаго—и порты, и золото, и серебро; и когда снесли все, то Ростиславъ сталъ раздавать имѣніе по монастырямъ, и по церквамъ, и по затворамъ, и нищимъ, и такъ все роздалъ, а себѣ не взялъ ничего, кромѣ одного честнаго креста на благословеніе, да еще небольшой остатокъ имѣнія назначилъ на то, чтобы было чѣмъ помянуть его въ послѣдніе дни его жизни».

Богатство казны княжеской и большое количество движимаго имущества, какъ въ городскихъ, такъ и въ загородныхъ княжескихъ дворахъ, и селахъ—вынуждало князя имѣть большое количество прислуги и различныхъ должностныхъ лицъ, составлявшихъ постоянную свиту князя. Изъ лѣтописи знаемъ, напримѣръ, что въ личномъ распоряженіи великаго князя Святополка Изяславича (въ 1093 г.) находилось 800 слугъ, составлявшихъ его свиту. Но кромѣ личныхъ слугъ князя, входи-

шихъ въ составъ его дворни, ему необходимы были лица, которыя бы могли управлять въ его отсутствіе недвижимыми имѣніями, завѣдывать угодьями, хранить запасы. Лѣтопись и другіе источники упоминаютъ о такихъ лицахъ, давая имъ наименованія: *тіуновъ*, *ключниковъ* и *рядовичей*. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти лица избирались изъ сословія несвободнаго — изъ холопей или изъ челяди. Есть основаніе предполагать, что собственно казною княжескою завѣдывало особое должностное лицо, такъ называемое *милостникъ* (нѣчто въ родѣ *казначея*), который хотя и могъ быть иногда весьма близокъ къ князю, однако же къ дружинѣ не принадлежалъ ([19]). Въ его же распоряженіи находилось и оружіе княжеское, и кони, которыми, какъ извѣстно, князь снабжалъ воевъ въ случаѣ войны.

Понятно, что при такомъ большомъ количествѣ прислуги, при той постоянной свитѣ, которая всюду сопровождала князя, — князь не могъ обойтись безъ большаго обоза (такъ называемаго *товара*), который слѣдовалъ за нимъ постоянно во всѣхъ его передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто. Выѣзжалъ-ли князь на ловы, собирался-ли на полюдье, спѣшилъ-ли на войну, шелъ-ли на богомолье— за нимъ постоянно тянулись повозки съ запасами, съ шатрами, съ коврами и одеждами, съ дарами, оружіемъ и, можетъ быть, даже съ казною; за повозками и около нихъ шла многочисленная прислуга, ведя поводныхъ и вьючныхъ коней. Гдѣ бы ни вздумалъ князь, его семейство или дружина расположиться станомъ, всюду можно было тотчасъ же разбить шатры или *полстинцы*, разостлать ковры, вскрыть дорожные запасы и не только имѣть все необходимое для себя, но даже еще и гостя угостить, и нищую братью надѣлить, чѣмъ Богъ послалъ. Отсюда понятно, почему, при враждебныхъ столкновеніяхъ—обозъ княжескій всегда составлялъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ нападенія, почему его такъ тщательно старались оберечь, поставить куда-нибудь подальше отъ мѣста битвы, почему, наконецъ, нерѣдко забывали и о битвѣ, набрасываясь грабить «*товары*»...

Многочисленная свита князя и обозъ, всюду слѣдовавшій за нимъ, порождали, въ свою очередь, нѣкоторыя любопытныя черты быта. Такъ напримѣръ, мы видимъ, что заѣзжіе князья, пріѣзжавшие въ Кіевъ на богомолье или въ гости, не входили въ Кіевъ, а раскидывали таборъ въ окрестностяхъ города, и въ этомъ временномъ помѣщеніи, среди своего обоза и дружины, оставались все время своего гощенья. Самое мѣсто становища заранѣе опредѣлялось княземъ кіевскимъ: заѣзжій гость, приближаясь къ Кіеву, останавливался въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и посылалъ къ князю кіевскому съ запросомъ: «братъ! гдѣ велишь мнѣ стать!» И только тогда, когда получался отвѣтъ, пріѣзжій гость рѣшался раскинуть свой таборъ на указанномъ ему урочищѣ.

Письменные памятники кіевскаго періода настолько богаты отдѣльными чертами быта княжескаго, что при сопоставленіи этпхъ отдѣльныхъ чертъ, оказывается возможность набросать довольно полную картину частной жизни кіевскихъ *князей* до половины XIII вѣка.

Каждый изъ князей получалъ, при рожденіи, *мірское* или *княжое* имя, а при крещеніи другое, христіанское. Большею частью, въ міру былъ онъ извѣстенъ подъ первымъ именемъ, а второе упоминается рѣдко, въ немногихъ особенныхъ случаяхъ. Такъ именами мірскими являлись княжія имена: Брячиславъ, Володарь, Володимеръ, Всеволодъ, Всеславъ, Вячеславъ, Игорь, Изяславъ, Мстиславъ, Олегъ, Ростиславъ, Рюрикъ, Святополкъ, Святославъ, Ярополкъ, Ярославъ. И рядомъ съ этими именами, Владиміръ (Равноапостольный) носилъ имя Василія; сынъ его Ярославъ Мудрый —имя Георгія; Владиміръ Мономахъ—также Василія; Святополкъ Изяславичъ—звался Михаиломъ, а первомученики Борисъ и Глѣбъ— Романомъ и Давыдомъ. Обычай такихъ двойныхъ именъ очевидно ввелся со времени введенія христіанства.

Тоже самое видимъ и по отношенію къ княжнамъ и княгинямъ: у каждой изъ нихъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, бывало по два имени. Мірскія или княжія ихъ имена даже замѣчательно сближались съ именами мужскими; такъ между женскими именами встрѣчаемъ: Болеславу, Сбыславу, Ярославу, Всеславу, Ольгу, Рогнѣду, Звѣниславу, Передславу, Верхуславу; такъ и св. Ольга, при крещеніи, получила имя Елены.

Такъ какъ былъ обычай давать имена въ честь дѣда и отца, то, конечно, въ извѣстномъ княжескомъ родѣ должны были являться имена любимыя, часто повторявшіяся. Любопытною чертою времени представляется то, что княжія имена составляли какъ бы исключительную принадлежность княжескаго достоинства: они не только не являются въ народѣ, но не упоминаются и среди дружины княжеской. Весьма обыкновенно было, вѣроятно, употребленіе *отчествъ*, быть можетъ, еще въ ихъ полной формѣ— «сынъ Володимерь, сынъ Ярославль, сынъ Всеволожь», тѣмъ болѣе, что форма современнаго намъ отчества, на *ичъ*, *вичъ*, въ первоначальномъ періодѣ нашей исторіи является болѣе въ значеніи нарицательнаго имени цѣлаго рода: напр. Олеговичи, Святославичи, Ярославичи. По отношенію къ княжнамъ, отчества (въ современной ихъ формѣ на—*вна*, *овна*, напр. Юрьевна, Всеволожна, Михайловна), являлись весьма обыкновенною замѣною ихъ именъ, точно также какъ для княгинь являлись подобною же замѣною имена ихъ мужей; говорилось: княгиня Мстиславляя, Ярославляя и т. д.

Важною чертою времени, отчасти указывающею на значеніе женщины въ современномъ русскомъ обществѣ XI—XII вв., является и любопытный обычай называть иногда князей одного рода именами

материнскими для отличія отъ другихъ князей той же семьи, но отъ другой матери, напр. Олегъ *Настасьичъ* (1187 г.), Василько *Мариничъ* (1136 г.).

Родины въ княжескомъ быту праздновались какъ великое семейное торжество, и такъ какъ княгини нерѣдко сопровождали своихъ мужей въ ихъ частыхъ путяхъ и походахъ, то случалось, что князь, на радостяхъ, давалъ обѣтъ построить церковь на томъ мѣстѣ, на которомъ родился у него сынъ, или даже отдавалъ ему во владѣніе тотъ городъ, въ которомъ онъ родился.

Воспріемниками при крещеніи бывали родственники, и тотчасъ послѣ крещенія было въ обычаѣ отдавать княжаго сына на попеченіе особымъ *дядькамъ* или *кормильцамъ* изъ близкихъ князю-отцу бояръ, которые и заботились о своихъ питомцахъ до вступленія ихъ въ отрочество, и находились при нихъ безотлучно.

Такому обычаю способствовало въ значительной степени не только то, что князь велъ жизнь безпокойную и подвижную, но и то, что браки совершались между князьями въ очень раннемъ возрастѣ, и родители, вѣроятно, не всегда могли надѣяться на свою опытность въ дѣлѣ воспитанія. На томъ же основаніи, княжны воспитывались иногда въ домѣ дѣда и бабки; такое свѣдѣніе сохранилось намъ отъ конца XII вѣка объ Евфросиніи, дочери Ростислава Рюриковича и Всеславы Всеволодовны, которую взяли къ себѣ на воспитаніе ея «дѣдъ и баба» (съ материной стороны). «И такъ была она воспитана въ Кіевѣ на горахъ», замѣчаетъ лѣтописецъ (1198 г.).

На третьемъ или четвертомъ году отъ роду надъ малолѣтнимъ княземъ совершался особый обрядъ *постригъ* или *всажденія на конь* — какъ бы посвященіе младенца въ его будущій княжескій санъ. Постриги заключались въ томъ, что ребенка приносили въ соборъ, гдѣ мѣстный епископъ обрѣзывалъ княжичу волосы, а потомъ его сажали въ первый разъ на коня. *Всажденіе на конь*, повидимому, не всегда происходило въ одинъ и тотъ-же день съ *постригами*, тѣмъ болѣе, что это семейное празднество длилось не одинъ день; легко можетъ быть, впрочемъ, что церковная часть этого торжества отдѣлялась отъ свѣтской только тогда, когда къ тому представлялась возможность. Какъ родины, такъ и постриги, судя по свидѣтельствамъ лѣтописнымъ, принадлежали къ числу семейныхъ праздниковъ, которые сопровождались весельемъ, съѣздами родни и пирами.

Вслѣдъ за этимъ формальнымъ, обрядовымъ вступленіемъ въ жизнь, княжича вѣроятно вскорѣ начинали учить грамотѣ и упражненіямъ воинскимъ, такъ какъ настоящее вступленіе въ жизнь и въ кругъ дѣйствительныхъ обязанностей княжескихъ, какъ властительскихъ, такъ и воинскихъ, происходило уже въ отроческомъ возрастѣ. Четырнад-

цати, много пятнадцати лѣтъ князья уже садились на столы княжескіе, а 17—20 принимали уже дѣятельное участіе въ историческихъ событіяхъ.

Замѣтимъ, что въ походахъ и даже въ битвахъ князья принимали участіе еще въ младенчествѣ, 8—10 лѣтъ, оберегаемые дядьками своими и ближайшею дружиною.

Сообразно такому раннему вступленію въ жизнь политическую, военную и общественную, князья и въ семейную жизнь вступали также рано. Весьма многіе изъ нихъ женились между 14—17 годами, а извѣстны отдѣльные случаи браковъ и въ десятилѣтнемъ возрастѣ: такъ Святославъ Игоревичъ десяти лѣтъ женился на дочери Рюрика Ростиславича (1181 г.). Княжны выходили замужъ еще ранѣе, и замужество въ 8-лѣтнемъ возрастѣ не представляло собою исключительнаго или даже рѣдкаго случая.

Само собою разумѣется, что такъ какъ браки совершались въ такомъ юномъ возрастѣ, то зависѣли вполнѣ отъ родителей, которые, по взаимному соглашенію, озабочивались о подысканіи невѣсты сыну и жениха дочери. Въ выборѣ жениховъ и невѣстъ не замѣчаемъ еще никакой исключительности, ни племенной, ни религіозной. Князья женились на княжнахъ русскихъ и дочеряхъ половецкихъ хановъ, избирали себѣ женъ и на далекомъ Кавказѣ, изъ Обезъ и Яссовъ; точно также княжны выходили замужъ и за русскихъ князей, и за царей греческихъ, за королей венгерскихъ и польскихъ, и за хановъ половецкихъ. Свадьбы справлялись роскошно, сопровождались пышными пиршествами, къ которымъ готовились заблаговременно, варили меды и издалека созывали родственниковъ и союзныхъ князей, съ женами, и ближайшихъ мужей дружины ихъ, также съ женами. За невѣстами отправлялись нерѣдко многочисленные поѣзды, и въ числѣ поѣзжанъ видимъ важнѣйшихъ представителей дружины со стороны отца жениха.

Едва доходила до отца невѣсты вѣсть о приближеніи сватовъ жениха, какъ онъ спѣшилъ выслать для привѣтствія ихъ почетную встрѣчу изъ мужей своей дружины. Отецъ невѣсты дарилъ сватовъ и поѣзжанъ жениха, а отецъ жениха отдаривалъ сватовъ и поѣзжанъ невѣсты. За невѣстами, смотря по состоянію князя, давалось приданое.

Положеніе княгини, судя по сохранившимся свидѣтельствамъ, было почетнымъ и самостоятельнымъ. Княгини имѣли независимыя отъ мужей средства, удѣлы съ городами и села, которыми распоряжались на полной своей волѣ. Княгини иногда являлись примирительницами въ распряхъ; имъ поручали князья въ отсутствіи своемъ исполненіе важныхъ распоряженій; имъ, какъ вѣрнымъ и преданнымъ совѣтницамъ, довѣряли мужья свои затаенные помыслы, иногда скрываемые даже отъ

ближайшей и старѣйшей дружины; къ нимъ обращались на смертномъ одрѣ съ послѣднею ласкою и завѣтомъ. Сохранились свидѣтельства, указывающія на то, что и къ сестрамъ, и къ невѣсткамъ своимъ князья относились чрезвычайно нѣжно и почтительно, заботились о нихъ и не стѣсняли ихъ свободы дѣйствій. И женщины, съ своей стороны, пользовались этой свободой вполнѣ, то принимая участіе въ дѣлахъ политическихъ, то посвящая себя заботамъ о своемъ образованіи, то вступаясь въ дѣла церковныя. Путешествія княженъ и княгинь въ Царьградъ и Іерусалимъ не были въ эту эпоху явленіемъ необычайнымъ, и благодѣтельное ихъ вліяніе на современные нравы, вліяніе просвѣщенное и проникнутое глубокою, живою религіозностью—едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Кромѣ родинъ, крестинъ, свадебъ и постригъ, изъ празднествъ семейныхъ справлялись еще *именины*. Всѣ эти семейныя празднества сопровождались весьма обычными съѣздами родни и гостей, на пріемъ которыхъ радушный хозяинъ не жалѣлъ ничего. Отмѣтимъ кстати нѣкоторыя черты быта, относящіяся къ *гостепріимству*.

Князья, при встрѣчахъ, обнимались и цѣловались. Если встрѣча эта происходила на пути, и князья съѣзжались верхами, то для взаимнаго привѣтствованія они сходили съ коней. Когда гость пріѣзжалъ на княжій дворъ, на встрѣчу ему сходили съ сѣней слуги княжіе и вели его передъ князя. Тамъ ставили они ему стулъ и сажали его. Если пріѣзжій гость былъ княжескаго рода, то нерѣдко и самъ князь сходилъ къ нему съ сѣней на встрѣчу и самъ велъ его въ гридницу. Но молодые князья иногда и не допускали до этого князей старшихъ: они всходили на сѣни, не ожидая встрѣчи, и входя въ горницу, кланялись хозяину. Хозяинъ вставалъ имъ на встрѣчу съ своего мѣста, цѣловался съ ними и сажалъ ихъ рядомъ съ собою.

Общіе княжескіе съѣзды и частныя свиданія князей между собою сопровождались весельемъ и *пирами*. При этихъ пирахъ было въ обычаѣ—хозяину дарить гостя, и гостю отдаривать хозяина дарами очень цѣнными. Случалось даже, что щедрость хозяевъ-князей, позвавшихъ къ себѣ гостей на пиръ, принимала очень широкіе размѣры, и дары распространялись не только на дружину княжескую, и на всѣхъ принимавшихъ участіе въ пиршествѣ. Любопытно, въ этомъ отношеніи, свидѣтельство лѣтописи подъ 1160 г., о *снемѣ* Ростислава съ Святославомъ Ольговичемъ въ Моравійскѣ, «мѣсяца мая въ 4-й день». «Съѣздъ ихъ», замѣчаетъ лѣтописецъ, «былъ на великую любовь. Тогда Ростиславъ позвалъ къ себѣ Святослава на обѣдъ. Святославъ поѣхалъ къ нему, и была великая между ними радость въ тотъ день и (обмѣнялись они) дарами многими: — Ростиславъ подарилъ Святослава соболями и горностаями и черными кунами, и

песцами, и бѣлыми волками, и рыбьими зубами. На другой день позвалъ Святославъ Ростислава къ себѣ на обѣдъ... и подарилъ Святославъ Ростиславу (шкуру) пардуса и двухъ коней борзыхъ съ коваными сѣдлами» ([20]).

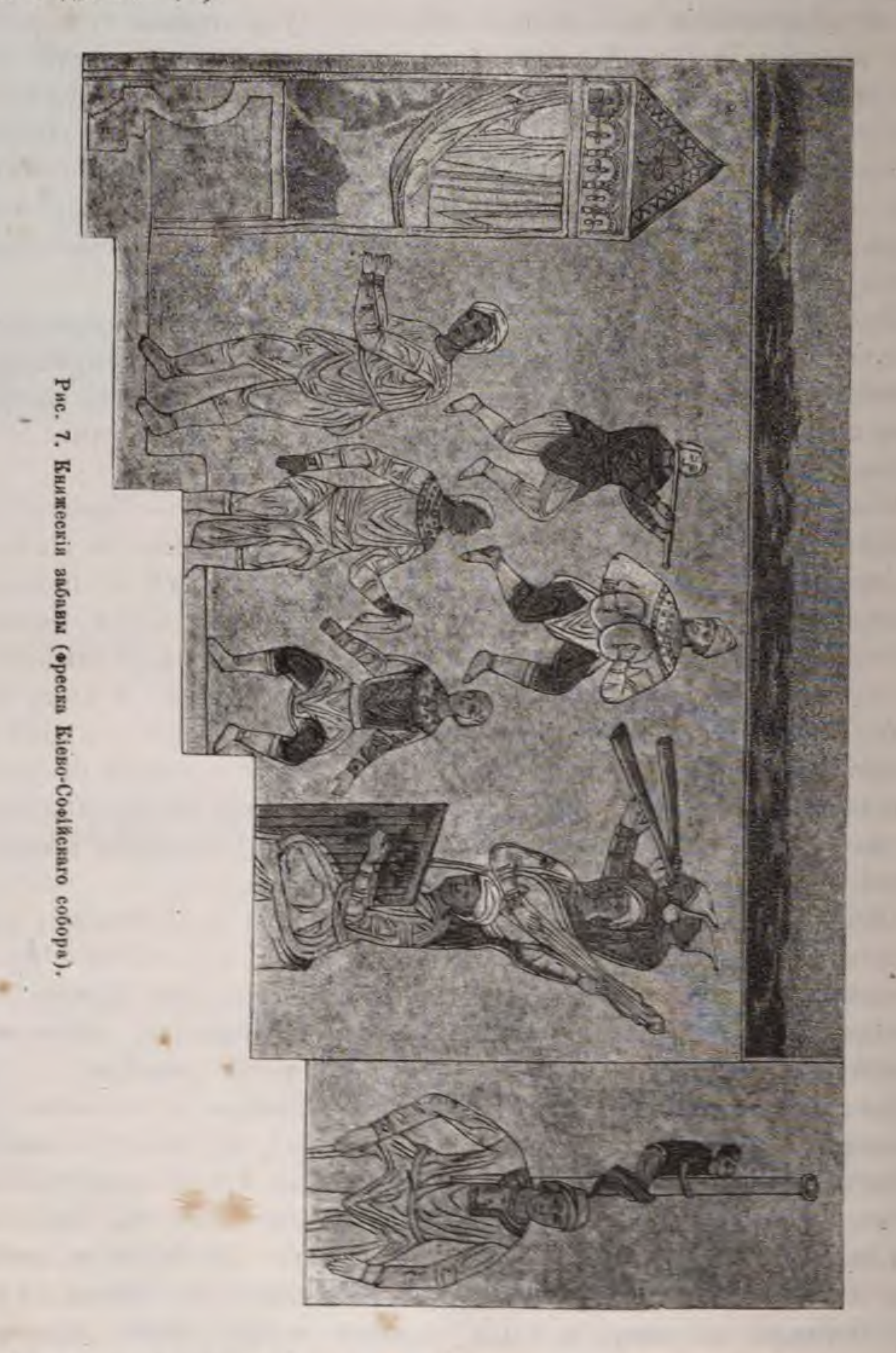

Рис. 7. Княжескія забавы (ѳреска Кіево-Соѳійскаго собора).

Судя по тому, что слово *пити* является, въ современныхъ памятникахъ XI—XII вв., равносильнымъ со словомъ *пировать*, судя и по

многимъ другимъ фактамъ, отмѣченнымъ лѣтописью, бражничанье было однимъ изъ наиболѣе выдающихся пороковъ времени въ княжеской и дружинной средѣ XI—XII вѣка, тѣмъ болѣе, что, при общеславянской склонности нашихъ князей къ гостепріимству и удалому разгулью, было много и поводовъ къ развитію этого порока. Къ тому же, кромѣ охоты и пировъ, кромѣ удалыхъ упражненій въ наѣздничествѣ и умѣньи владѣть оружіемъ, потѣхъ для досуга было немного.

Въ житіи Θеодосія сохранилось любопытное свидѣтельство объ увеселеніяхъ, которыя названы тамъ даже *обычными* увеселеніями княжескими. Преподобный Θеодосій разсказываетъ, что однажды, прійдя къ Святославу (Ярославичу), онъ засталъ его потѣшающимся въ хоромахъ, гдѣ передъ нимъ музыканты играли на гусляхъ, а иные пѣли, и всѣ веселились, забавляя князя разными играми.

Наиболѣе древнія изъ нашихъ былинъ, въ которыхъ несомнѣнно отразились отголоски кіевскаго періода, описывая «почестные пиры и столованья княжескія», также упоминаютъ о пѣніи и *гуселкахъ яворчатыхъ*, какъ о весьма обычной забавѣ; но былины большею частью приписываютъ эти пѣсни скоморохамъ, *скоморошинамъ*, и, даже влагая пѣсню въ уста и гусли въ руки богатырю—заставляютъ его не даромъ *окручиваться въ платье скоморошеское*». Современные памятники упоминаютъ о какихъ-то *гудцахъ и шпилерахъ*, потѣшавшихъ своею игрою на пирахъ, о «нѣмцахъ, венедицахъ, грекахъ и моравѣ, поющихъ славу Святославу, князю кіевскому». Есть даже основаніе думать, что существовали особые *пѣвцы княжескіе*, но они не составляли особаго привиллегированнаго класса придворныхъ поэтовъ, а принадлежали къ числу вдохновенныхъ народныхъ пѣвцовъ и сказателей, слагавшихъ пѣснь свою во славу князю и «*пѣвшихъ про старыя времена и про нынѣшнія, и про всѣ времена досюлешнія*».

Поученіе Мономаха даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ, какъ проходилъ день князя и въ чемъ состояли его ежедневныя занятія. Вставали князья до восхода солнечнаго, и тотчасъ послѣ того, если не шли на службу въ церковь, то садились *заутрокать* и послѣ того принимались *думу* думать съ дружиною или *людей оправливать* (т. е. судить, разбирать). По окончаніи думы и суда ѣзжали на охоту или занимались наѣздничествомъ и воинскими упражненіями. Около полудня обѣдали и въ полдень ложились спать. Существовало даже повѣрье, что «спанье самимъ Богомъ присуждено полудню: отъ начала почиваетъ въ полдень и звѣрь, и птица, и человѣкъ». День заканчивали ввечеру ужиномъ. Таковъ былъ порядокъ дня княжескаго, если ничто не нарушало его теченія, и князю не приходилось быть ни въ пути, во время своихъ обычныхъ и обязательныхъ объѣздовъ, ни на дальней охотѣ.

Охота принадлежала не только къ числу любимыхъ удовольствій, но вызываемая настоятельною необходимостью — необычайнымъ обиліемъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ и въ степяхъ при-днѣпровскихъ— она являлась отчасти и подвигомъ. Охотились князья съ собаками, соколами и ястребами; окидывали часть лѣса тенетами и загоняли въ нихъ звѣрей загономъ; ѣзжали на охоту и въ лодьяхъ по Днѣпру. Судя по разсказу Мономаха, охота сопряжена была съ немалыми опасностями и нерѣдко принимала видъ ожесточенной борьбы человѣка съ дикими звѣрями,—борьбы, при которой требовалось много мужества и увѣренности въ своихъ силахъ. «Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ», разсказываетъ Мономахъ:—«одинъ олень меня бодалъ, и два лося — одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодалъ; вепрь у меня мечъ съ бедра сорвалъ, медвѣдь укусилъ у меня подкладъ подъ колѣномъ, лютый звѣрь (волкъ?) вскочилъ ко мнѣ на бедры и коня со мною повергъ». Въ виду подобныхъ эпизодовъ охоты, мы не удивляемся, когда въ числѣ другихъ похвалъ умершему князю читаемъ, въ лѣтописи, что «*онъ былъ храбръ на ловахъ*».

Но ни пиры, ни дѣла, ни охоты не заставляли князей забывать объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ церкви. Мономахъ говоритъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ: «съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игумновъ, любите ихъ и по силѣ снабжайте; пусть молятся о васъ Богу». И мы видимъ, что многіе князья посѣщаютъ богослуженія ежедневно, охотно строютъ монастыри и церкви и значительную долю своего состоянія употребляютъ на поддержаніе храмовъ и обителей, выстроенныхъ отцами и дѣдами ихъ (такъ называемыхъ *отчихъ* или *вотчихъ* монастырей). О нѣкоторыхъ князьяхъ имѣемъ свѣдѣнія, что они не пропускали ни одной службы церковной и любили бесѣды съ духовными лицами. Многіе князья искали спасенія и избавленія отъ мірскихъ соблазновъ въ стѣнахъ монастырей; многіе принимали схиму, чувствуя приближеніе смерти. Жены, конечно, были еще гораздо болѣе мужей усердны, болѣе преданы церкви: вдовы князей постригались вскорѣ по смерти мужей своихъ и завѣщали хоронить себя рядомъ съ мужьями.

Погребали князей очень немного времени спустя послѣ кончины, обыкновенно на другой день: хоронили ихъ при церквахъ и внутри церквей: надъ могилами ихъ ставили голубцы или воздвигали боженки (часовенки). Если князь умиралъ гдѣ нибудь далеко, тѣло его все же привозилось въ стольный Кіевъ, и всегда хоронилось вблизи или рядомъ съ могилами его родныхъ (отца, брата, сестры). Тотчасъ по смерти князя, всѣ родные, близкіе и домашніе люди надѣвали *скорбное* (черное) платье; за гробомъ князя несли стягъ княжескій и вели его коня. У гроба ставили копье. По поводу кончины князя раздавалась

щедрая милостыня нищимъ и убогимъ и дѣлались вклады въ церковь на поминовеніе души усопшаго. Иногда раздача милостыни, по волѣ князя, начиналась еще при жизни. Надъ гробомъ князя, кромѣ обычныхъ пѣсенъ, произносились еще и *причитанія*, отрывки которыхъ сохранены намъ лѣтописью. Такъ, напр., при описаніи похоронъ Изяслава, подъ 1078 годомъ, лѣтописецъ подробно описываетъ намъ, какъ весь городъ Кіевъ вышелъ на встрѣчу тѣла Изяславова къ Городцу. Тѣло положили на сани и сначала повезли, а потомъ понесли на рукахъ къ городу, и «нельзя было слышать пѣнья въ великомъ плачѣ и воплѣ: плакалъ по князѣ весь городъ Кіевъ. Ярополкъ же шелъ за

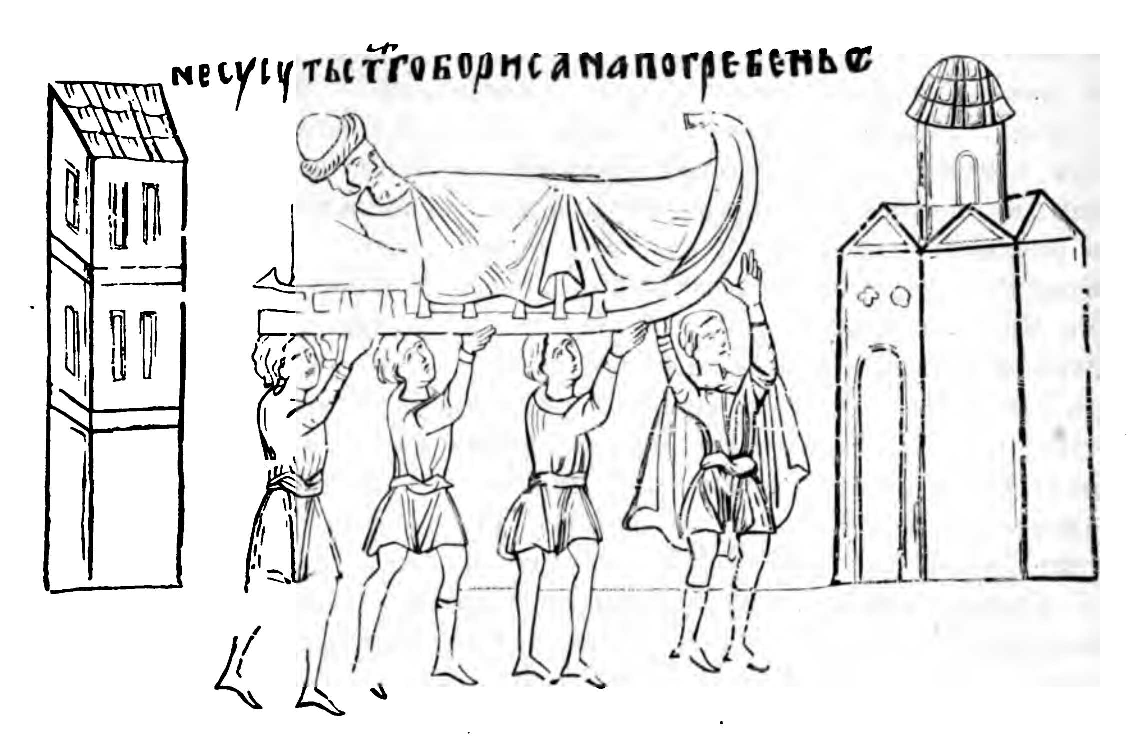

Рис. 8. Погребеніе князя (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

нимъ и оплакивалъ его вмѣстѣ съ дружиною (говоря): «отче, отче мой! много ли безъ печали пожилъ ты на семъ свѣтѣ, и сколько напасти принялъ ты отъ людей и отъ братьи своей? И вотъ теперь не отъ брата погибъ ты, но за брата своего положилъ главу свою!»

Въ памятникахъ находимъ упоминанія о томъ, что въ церквахъ сохранились одежды умершихъ князей, вѣроятно на память о нихъ положенныя вкладомъ въ церковную казну. Одежды эти представляли собою нѣкоторую довольно значительную цѣнность, потому что онѣ упоминаются въ числѣ церковныхъ сокровищъ — окладовъ, иконъ, крес-

товъ и сосудовъ: онѣ нигдѣ не уцѣлѣли до нашего времени. Однакоже объ одеждѣ князей кіевскихъ мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе на основаніи уцѣлѣвшихъ древнихъ изображеній и рукописныхъ миніатюръ.

Важнѣйшимъ указаніемъ въ этомъ отношеніи должно конечно служить изображеніе семейства князя Святослава Ярославича, находящееся въ знаменитомъ «Изборникѣ» 1073 г., написанномъ для этого князя. На одномъ изъ листовъ этого «Изборника» изображенъ князь Святославъ съ супругою и пятью сыновьями. Надъ изображеніемъ, составляющимъ величайшую драгоцѣнность, въ смыслѣ произведенія искусства XI вѣка, надписаны золотомъ имена изображенныхъ лицъ въ томъ порядкѣ (т. е. отъ лѣвой руки къ правой) въ какомъ они поставлены были художникомъ — *Глѣбъ*, *Олегъ*, *Дв* (*Давыдъ*), *Романъ*, *Ярославъ*, *княгыни*, *Стославъ* (*Святославъ*). Повыше, надъ этими именами, другая надпись: «желанія сердца моего, Господи, не презри, но прими насъ всѣхъ и помилуй насъ». Фигуры на рисункѣ поставлены такъ, что четыре сына (Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ) стоятъ врядъ сзади, а княгиня, князь и маленькій сынъ ихъ Ярославъ занимаютъ передній планъ картины; маленькій Ярославъ поставленъ передъ матерью и, по неясности изображенія, почти сливается съ ея фигурою, а изображеніе княгини, въ свою очередь, въ такой степени закрываетъ собою фигуру князя Давида, что видна только одна оконечность его шапки, которая, съ перваго взгляда, кажется принадлежностью головнаго убора княгини. Князь Святославъ стоитъ нѣсколько правѣе отъ всей группы, отдѣльно ([21]).

Одежда князя Святослава такая: на головѣ шапка съ мѣховымъ околышемъ, съ наушниками, съ широкимъ (плоскимъ?) круглымъ верхомъ; на плечахъ надѣтъ плащъ синяго цвѣта съ золотою оторочкою и съ краснымъ подбоемъ; онъ застегнутъ у праваго плеча красною запоною и прикрываетъ правую руку почти до локтя, а черезъ лѣвую перекинутъ такъ, что прикрываетъ большую часть переда; изъ-подъ плаща видна и́сподь зеленаго цвѣта съ красною каймою по подолу и съ золотыми нарукавниками; изъ-подъ исподи видны зеленые сапоги. Борода подстрижена; усы большіе. На князьяхъ Ярославѣ и Глѣбѣ шапка такая же, но съ верхомъ синяго цвѣта, значительно выше, чѣмъ у Святослава; плаща на плечахъ нѣтъ; мѣсто исподи замѣняетъ что-то въ родѣ кафтана, какъ будто коричневаго цвѣта съ золотымъ отложнымъ воротникомъ, котораго кругловатые концы сходятся немного ниже шеи, съ золотою выложкою до пояса и съ тремя петлями, переложенными со стороны на сторону на груди; поясъ золотой; двойные концы его свисаютъ съ двухъ сторонъ въ длину кисти руки; на ногахъ красные сапоги. Одежды другихъ князей, судя по верхнимъ частямъ, которыя

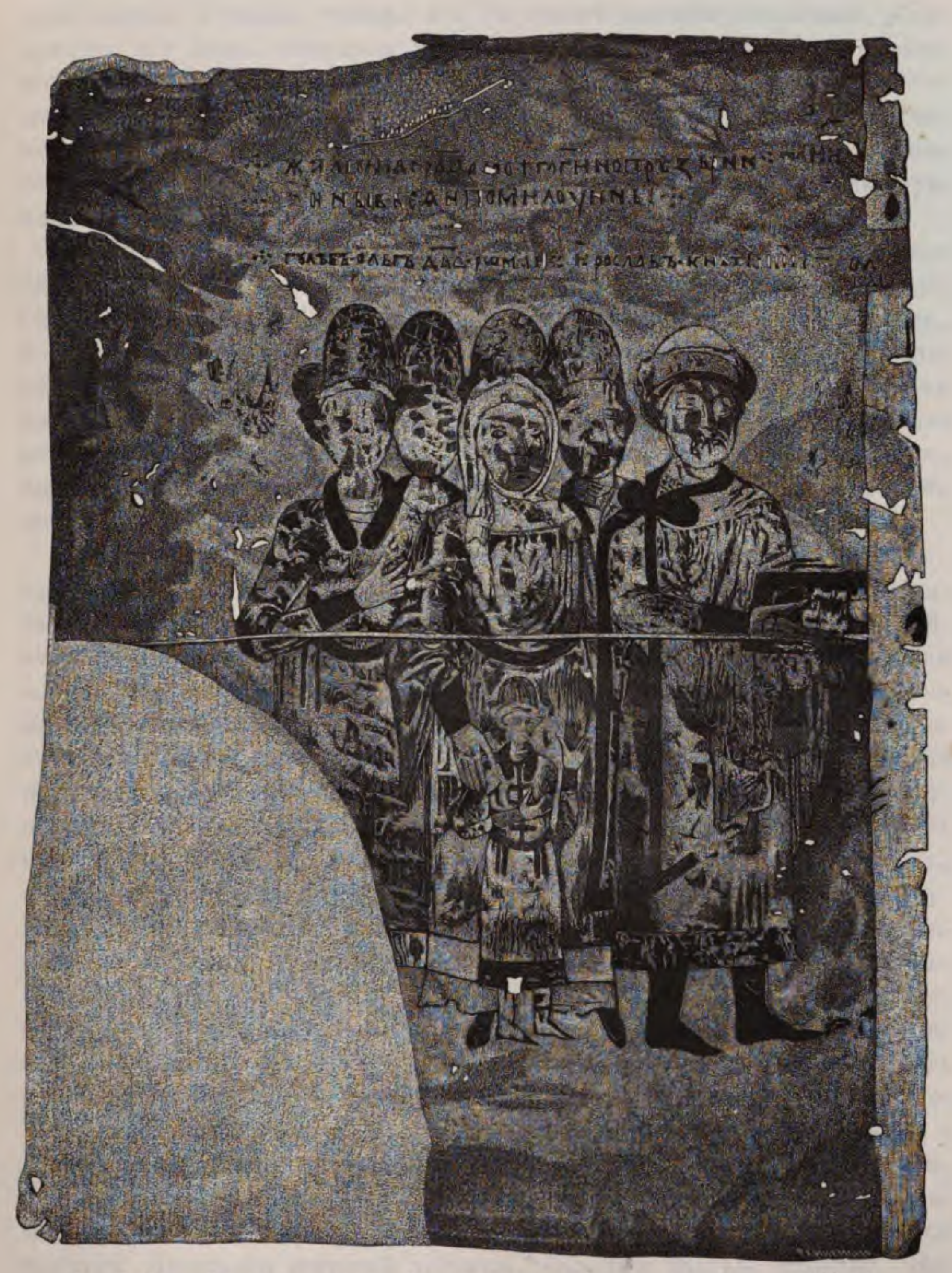

Рис. 8 Князь Святославъ и его семейство (по рисунку Святославова изборника 1073 г.).

однѣ только и видны, таковы же. На головѣ княгини покрывало, обвивающее все лицо, покрывающее шею и плечи и спущенное однимъ концомъ по правую сторону головы; верхнее платье красновато-желтоватаго цвѣта опускается подоломъ съ каймою очень низко, такъ что видны только концы красноватой обуви; оно подпоясано золотымъ поясомъ; изъ-подъ широкихъ рукавовъ видны золотые нарукавники, принадлежащіе, вѣроятно, къ другому, нижнему платью».

Другимъ важнымъ матеріаломъ для исторіи древнихъ княжескихъ одеждъ служитъ украшенное множествомъ замѣчательныхъ миніатюръ *Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ*, дошедшее до насъ въ рукописи XIV вѣка, но очевидно представляющее собою списокъ съ болѣе древняго подлинника. Сопоставляя живописныя данныя этого сказанія съ тѣмъ, что даетъ намъ картина семейства Святославова и нѣкоторыя другія, равныя этимъ по древности, изображенія, о которыхъ подробнѣе будемъ говорить далѣе— археологи пришли къ слѣдующимъ выводамъ о подробностяхъ княжеской одежды.

Одежда князей и дружины состояла изъ двухъ главныхъ частей— одной съ рукавами и полами, плотно облегавшей тѣло, носившей названіе *свиты* или *кожуха*, и другой—верхней, широкой, безрукавой, въ видѣ круглаго накиднаго плаща, носившей названіе *корзна* или *мятля*. Исподнее платье или *исподь*, названное нами *свитой* или *кожухомъ*, шилось изъ богатой цвѣтной ткани, зеленой, голубой, коричневой, иногда и пурпурной или тканой золотомъ. Оно обшивалось по подолу и по рукавамъ, выше локтей, каймою или кружевомъ цвѣтнымъ или золотымъ, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и притомъ очень широко. На груди оно застегивалось петлями изъ золотыхъ шнурковъ, переложенными изъ стороны на сторону, иногда рѣдко, иногда часто. Принадлежностью этого платья былъ воротникъ—то пришитый, отложной, сходившійся округлыми концами подъ шеею, то накладной, сплошной, покрывавшій верхнюю часть груди и спины, въ видѣ *оплечья*. Оплечье это бывало изъ шелковой и золотой ткани, иногда изъ такой же, какъ и обшивка на подолѣ. Поверхъ исподи, состоявшей изъ *сорочицы* или изъ свиты, надѣвалось *корзно* или плащъ, который иногда получалъ названіе *луды*, иногда названіе *мятля*. Этотъ плащъ у князей, судя по рисункамъ, бывалъ разныхъ тканей—то одноцвѣтный, то красный, синій, то съ разводами и узорами, вышитыми и затканными золотомъ. Плащъ подшивался подбоемъ другаго цвѣта и весь вокругъ обшивался широкой тесьмою, большей частью золотою. Застегивался плащъ запоною, ближе къ правому плечу, такъ что правая рука оказывалась свободною, а лѣвая пола́ могла набрасываться на лѣвую руку. Можно было застегивать плащъ и посрединѣ груди, подъ бородою, опуская обѣ полы его, и кутать въ него тѣло. Такъ и

нарисованъ плащъ на князѣ Борисѣ, стоящемъ передъ Владиміромъ въ минуту отправленія своего въ походъ на Половцевъ.

Относительно верхней одежды, плаща или *корзна*—мы должны замѣтить, что она составляла какъ бы признакъ извѣстнаго достоинства, можетъ быть даже принадлежность только извѣстнаго, одного сословія. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что князья раздавали дружинѣ *корзна* въ видѣ награды. Съ другой стороны, мы видимъ, что на миніатюрахъ «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» всѣ бояре изображены въ *плащахъ*, а *не бояре*—безъ плащей. Отсюда, вѣроятно, и получалось понятіе о корзнѣ, какъ о необходимой принадлежности полнаго княжескаго убора. Быть *безъ корзна* значило быть не въ полномъ убранствѣ—по-*домашнему* ([23]). Дѣти при отцѣ, какъ младшіе, могли быть безъ плаща ([24]).

На головѣ князья носили *клобукъ*, т. е. шапку, то съ плоскимъ, округлымъ верхомъ, какъ у Святослава на рисункѣ «Изборника», то съ высокимъ, какъ у дѣтей его. Верхъ клобука дѣлался изъ цвѣтной ткани, а края его, прилегавшіе къ головѣ, опушались мѣхомъ. Иногда прибавлялись къ клобуку и мѣховые наушники. Клобука не снимали князья и въ церкви; въ клобукахъ ихъ и во гробъ полагали.

Въ дополненіе сказаннаго уже нами о княжеской одеждѣ, замѣтимъ, что бороду и усы было въ обычаѣ не брить. Вотъ почему на рисункахъ только молодые князья изображены безъ бороды, а старые даже и съ очень длинными бородами. Нѣкоторые князья, однакоже, подстригали бороду и носили ее короче усовъ. Такъ изображенъ на рисункѣ «Изборника» князь Святославъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДРУЖИНА.

Значеніе дружины, какъ особаго сословія. Раздѣленіе дружины на два главныхъ разряда: старшую и младшую. Отношенія дружины къ князю кіевскому.— Матерьяльное положеніе дружины. - Военное ремесло.—Полкъ и дружина.—Вооруженіе.—Способъ веденія войны и боевой порядокъ.—Участіе князей и дружины въ битвѣ.—Военная добыча и дѣлежъ ея.—Борьба съ кочевниками.

Ближайшимъ къ князю сословіемъ, главною опорою его власти, являлась *дружина*. Дружина всюду за княземъ слѣдовала, постоянно при немъ находилась, думала съ нимъ думу крѣпкую, раздѣляла труды управленія, пока онъ сидѣлъ дома, и опасности воинскія, когда онъ выступалъ въ походъ. Дѣля съ княземъ труды и опасности, дружина дѣлила съ нимъ и досугъ, посвященный шумнымъ пирамъ и охотамъ.

Опираясь на князя, находясь съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, дружина сознавала себя вполнѣ свободною и, неся усердно службу при князѣ, не подчинялась однакоже ему какъ владыкѣ, а скорѣе—какъ главному представителю своихъ интересовъ.

Кіевская дружина въ XI—XII вв. является раздѣленною на два отдѣла: на *старѣйшую*, *первую*, *лучшую* (*лѣпшую*) или *бояръ* и *мужей*; и на *младтую* (молодшую, меньшую) или *отроковъ* и *дѣтскихъ*.

Младшая часть дружины, *отроки*, повидимому, дѣлилась также на нѣсколько разрядовъ; по крайней мѣрѣ о *дѣтскихъ* мы достовѣрно знаемъ, что они подраздѣлялись на *старшихъ* и *меньшихъ*. Сверхъ того, среди младшей дружины упоминаются (съ совершенно неопредѣленнымъ значеніемъ) *гридьба* или *гридь* и *пасынки* ([25]). Есть основаніе думать, что къ той же младшей дружинѣ принадлежали и *мечники*, которые

какъ видно изъ «Русской Правды» несли на себѣ довольно опредѣленныя юридическія обязанности ([26]).

Около бояръ и мужей, въ тѣсномъ общеніи съ ними, видимъ особую свиту или *чадь*, нѣчто въ родѣ дворни.

Боярамъ и мужамъ поручались главныя должности военныя и гражданскія: посадника, тысячскаго, воеводы. Должность тысячскаго, какъ можно предполагать преимущественно принадлежала лицамъ извѣстныхъ родовъ ([27]).

Съ дружиною старѣйшею, съ мужами и боярами, князь постоянно совѣщается, придавая особое значеніе мнѣнію, которое высказываютъ эти старые, опытные думцы, эти «мужи отецъ нашихъ» (какъ ихъ называетъ Мономахъ), весь свой вѣкъ проводившіе на службѣ князя, пока могли «усидѣть на конѣ». Даже и затаенные помыслы князя извѣстны были старѣйшей дружинѣ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ помощи дружины. «Ты правъ предъ Богомъ и предъ человѣками», — говоритъ Мстиславу Изяславовичу его дружина (подъ 1170 г.), «и мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь ко всей братіи; безъ насъ ты не можешь ни сдѣлать ей зла, ни даже замыслить». Лѣтопись тщательно отмѣчаетъ всѣ тѣ случаи, когда князь поступалъ, не посовѣтовавшись съ дружиною, или же отдавалъ предпочтеніе младшей дружинѣ предъ старѣйшею. По отношенію къ Кіеву нельзя не отмѣтить одного важнаго факта: въ Кіевѣ старѣйшею была мѣстная дружина, всякая пришлая въ Кіевъ дружина являлась *младшей* дружиной.

Князю кіевскому Святополку (подъ 1093 г.) лѣтописецъ ставитъ въ большой укоръ то, что онъ рѣшился посадить половецкихъ пословъ въ порубъ и началъ войну съ Половцами, не посовѣтовавшись «съ бóльшею дружиною отца и стрыя своего» (т. е. мѣстною кіевскою), а только съ тою, «которая вмѣстѣ съ нимъ пришла въ Кіевъ», и которая, слѣдовательно, составляла *меньшую* (молодшую) дружину.

Очевидно ту же мѣстную, старѣйшую дружину старался закупить, переманить на свою сторону Святополкъ Окаянный, когда, вокняжившись въ Кіевѣ (въ 1015 г.), сталъ раздаривать однимъ изъ мужей *корзна*, другимъ *куны*.

Понятно, что при такомъ положеніи старѣйшей дружины и при томъ вліяніи, которое она могла оказывать на князя, въ мужахъ и боярахъ княжескихъ нерѣдко должны были заискивать сами князья; и мы дѣйствисельно видимъ, что менѣе сильные и значительные между ними нерѣдко заискиваютъ покровительства или союза князя кіевскаго, задаривая его мужей и бояръ и прося ихъ о ходатайствѣ за себя (1128 г.).

Мирныя, дружескія отношенія между князьями въ значительной степени зависѣли отъ того, въ какихъ отношеніяхъ находились ста-

рѣйшіе представители ихъ старѣйшей дружины, которые даже и на съѣздахъ княжескихъ принимали участіе въ совѣщаніяхъ князей и могли, наравнѣ съ ними, высказывать свое мнѣніе. Отсюда понятно, почему было въ обычаѣ между князьями, чтобы, при заключеніи договоровъ и скрѣпленіи этихъ договоровъ крестнымъ цѣлованіемъ—дружина также цѣловала крестъ въ томъ, «что они будутъ обоюдно князьямъ своимъ добра хотѣть, и честь ихъ стеречь, и князей своихъ между собою не ссорить» (1150).

Высокое положеніе старшей дружины по отношенію къ князю выражалось въ томъ, что и въ его домашнемъ, семейномъ быту бояре

Рис. 10. Князь и дружина. (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ.

и мужи пользовались великимъ почетомъ. Изъ нихъ избирались *дядьки* или *кормильцы* для руководствованія молодыми князьями, при которыхъ они находились безотлучно до зрѣлаго возраста, а при свадьбахъ княжескихъ бояре и жены боярскія имѣли важное значеніе въ качествѣ сватовъ и поѣзжанъ молодого князя и молодой княгини. Старѣйшая дружина присутствуетъ и при кончинѣ князя, а при похоронахъ его тѣ же мужи и бояре ведутъ за гробомъ коня княжескаго и несутъ его стягъ. Послѣ смерти князя на дружинѣ старѣйшей лежала обязанность озаботиться о княгинѣ, о малолѣтнихъ дѣтяхъ князя и его имуществѣ (1171)

Членамъ старѣйшей дружины принадлежали и двѣ единственныя извѣстныя намъ, повидимому, весьма почетныя должности при дворѣ князя кіевскаго: *покладника* ([28]) и *меченоши* ([29]).

Почетное положеніе старшей дружины сопряжено было и съ весьма хорошимъ положеніемъ матеріальнымъ. Бояре и мужи являются владѣльцами богатыхъ селъ, обширныхъ земель и многочистенныхъ стадъ. У нихъ не только въ Кіевѣ, но и подъ Кіевомъ, точно также, какъ и у князей, свои дворы (усадьбы), на которыхъ есть что пограбить. Они даже не правятъ сами своими имѣніями и угодьями: у нихъ для этого есть свои тіуны ([30]). И самъ князь, постоянно нуждаясь въ поддержкѣ со стороны дружины, заботится о томъ, чтобы ей жилось хорошо и богато. Изяславъ Мстиславичъ не даромъ говоритъ дружинѣ своей: «вы изъ-за меня лишились своихъ селъ и своихъ *жизней*» (т. е. движимаго имущества и преимущественно стадъ),... «и я либо голову свою сложу, либо верну свою отчину и *всю вашу жизнь*» ([31]). Не даромъ и дружина въ похвалу и въ особенное достоинство любимымъ князьямъ своимъ ставитъ именно то, что «они имѣнія своего не щадили, не сбирали ни злата, ни сребра, а все отдавали дружинѣ своей».

Изъ этихъ извѣстій мы можемъ вывести то заключеніе, что дружина дѣйствительно получала имѣніе отъ щедротъ князя, который ничего для нея не жалѣлъ и любилъ дѣлиться съ нею своимъ избыткомъ; но щедроты княжескія, конечно, составляли не все достояніе дружины. Дружина, вѣроятно, была богата сама по себѣ и, сверхъ того, имѣла право на опредѣленную часть въ доходахъ княжескихъ. Эта сторона отношеній князя къ дружинѣ, какъ надобно предполагать, и составляла главную суть того *ряда* (уговора, условія), который, при вступленіи на кіевскій столъ, заключилъ съ дружиною князь Мстиславъ (въ 1169). Если бы не существовало такого ряда, опредѣляющаго матерьяльное положеніе старшей дружины, если бы, кромѣ того, члены дружины и сами по себѣ не владѣли значительными богатствами, то едва-ли бояре и мужи могли бы занимать при князѣ то положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ при князѣ кіевскомъ въ періодъ XI—XII вв. ([32]).

Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу значительныхъ богатствъ, которыми обладали старшіе члены дружины, служатъ, съ одной стороны, большія пожертвованія, наравнѣ съ князьями приносимыя дружиною церквамъ и монастырямъ, и за которыя духовенство отплачиваетъ имъ равнымъ съ князьями почетомъ, давая мѣсто ихъ праху и праху ихъ женъ внутри церквей, рядомъ съ гробами князей и княгинь; съ другой стороны немаловажнымъ свидѣтельствомъ въ пользу весьма завиднаго матерьяльнаго положенія, какимъ пользовались бояре и мужи, служитъ то, что когда они попадались въ плѣнъ, то побѣдитель отпускалъ ихъ, взявъ съ нихъ *выкупъ* (1146).

Гораздо менѣе свѣдѣній имѣемъ мы о дружинѣ младшей — *отрокахъ*, *дѣтскихъ* и *пасынкахъ*. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что ихъ положеніе не имѣло ничего общаго съ положеніемъ старшихъ дружинниковъ, какъ со стороны матерьяльной, такъ и со стороны ихъ отношенія къ князю, которое являлось преимущественно подчиненнымъ и во всякомъ случаю совершенно второстепеннымъ. Члены младшей дружины, отроки и дѣтскіе, никогда не принимаютъ участія въ думѣ княжеской и только въ военномъ совѣтѣ имѣютъ они право голоса; но не слѣдуетъ забывать, что въ военный совѣтъ допускались даже и Черные Клобуки, и Берендеи. Князь, который, оттолкнувъ отъ себя старшую дружину, окружалъ себя одними дѣтскими, возбуждалъ недовѣріе къ себѣ даже и между *погаными* ([33]).

Въ противуположность старшей дружинѣ, младшая постоянно несетъ на себѣ только весьма незначительныя и мало почетныя должности. Члены младшей дружины посылаются князьями въ посольства, съ порученіями и грамотами; отроки, дѣтскіе и мечники сопровождаютъ князя въ мирное время во всѣхъ путяхъ его по волости, въ качествѣ постоянной свиты, а въ битвѣ составляютъ охранную стражу князя. Главное значеніе младшей дружины, кажется, было исключительно военное, вслѣдствіе чего мы и видимъ, что, по окончаніи войны, наибольшая часть ея распускается на житье и кормленье по городамъ и селамъ княжескимъ, и только незначительная часть младшей дружины остается въ стольномъ городѣ, при особѣ самого князя. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что младшая дружина жила насчетъ князя и кормилась его доходами съ волостей; есть основаніе думать, что члены младшей дружины даже участвовали въ собираніи нѣкоторыхъ доходовъ.

При частыхъ междоусобіяхъ, при постоянной опасности, угрожавшей Кіеву со стороны степи, военное ремесло являлось однимъ изъ существенно-необходимыхъ, и служба военная требовала лучшихъ силъ, какъ для защиты частныхъ интересовъ княжескихъ, такъ и для охраненія общей безопасности. Чѣмъ многочисленнѣе была у князя дружина, чѣмъ искуснѣе она была въ дѣлѣ ратномъ, чѣмъ болѣе привязана къ своему князю, тѣмъ сильнѣе былъ князь, тѣмъ прочнѣе его могущество.

Слѣдуетъ, однако же, отличать дружину отъ *воевъ* или простыхъ воиновъ, которые, принимая участіе въ войнахъ княжескихъ, въ сущности, не принадлежали къ военному сословію. Существенное отличіе дружины отъ воевъ заключалось, прежде всего, въ томъ, что дружина постоянно носила оружіе, а воямъ оно раздавалось изъ казны княжеской передъ началомъ похода и, вѣроятно, вновь отбиралось отъ нихъ по окончаніи войны. Другимъ отличіемъ дружины отъ *воевъ* было то, что дружина княжеская являлась на войнѣ постоянно на коняхъ, между тѣмъ какъ вои были большею частію пѣшіе, и каждый изъ

нихъ могъ идти на войну или пѣшимъ, или коннымъ, смотря по тому, была ли у него лошадь, или нѣтъ. Всѣ вои, собранные съ опредѣленной волости, составляли *полкъ* князя, владѣвшаго тою волостью.

Князь кіевскій заявлялъ о началѣ войны на вѣчѣ, и горожане могли совершенно свободно—идти или не идти съ нимъ воевать. Если не выказывалось общей рѣшимости воевать, князь вызывалъ охотниковъ и собиралъ ихъ, приказывая трубить въ трубы. Затѣмъ посылалъ онъ нарочныхъ къ братіи и къ ротникамъ (*) своимъ, и къ союзникамъ, призывая ихъ въ походъ съ собою. Особенностью Кіева является въ военномъ отношеніи и то, что рати кіевскія отправлялись иногда въ походъ двумя путями: дружина конная и часть пѣшихъ воиновъ шли берегомъ, а другая часть пѣшаго войска поднималась или спускалась по рѣкѣ въ насадахъ (*).

Князь являлся главнымъ начальникомъ своей дружины и своего полка. Въ томъ случаѣ, если онъ не могъ лично принять начальство надъ войскомъ, онъ поручалъ его особому воеводѣ, который, чаще всего, избирался изъ *тысяцкихъ*. Дружина распредѣлялась по ровну между отдѣльными полками, составлявшими рать. Но князь долженъ былъ самъ за всѣмъ слѣдить и всюду поспѣвать, потому что, по многократнымъ замѣчаніямъ лѣтописца, «бояріна не всѣ слушаются» да и дружина неохотно бьется безъ князя».

Вооруженіе воевъ оборонительное состояло изъ броня — кольчатой и чешуйчатой—шлема съ прилбицею и наносникомъ, и большого щита, который привязывался или прикрѣплялся къ доспѣхамъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминаютъ *червленные* щиты русскихъ воиновъ.

Къ оружію наступательному относились мечи, сабли, ножи, копья, рогатины и сулицы (нѣчто въ родѣ дротиковъ), луки, стрѣлы, топоры и оскѣпы.

По установившемуся обычаю. а можетъ быть и просто ради легкости и быстроты въ передвиженіи воевъ, они въ походѣ не носили при себѣ оружія: оно возилось за войскомъ на возахъ, и даже, при стояніи войска на мѣстѣ, въ виду непріятеля—отлагалось на ночь.

Мономахъ совѣтуетъ сыновьямъ своимъ на войнѣ не снимать съ съ себя оружія, напоминая имъ, что изъ этого «послабленія своей лѣности, человѣку не трудно бываетъ погибнуть во время внезапнаго ночнаго нападенія». Въ тѣхъ же видахъ безопасности Мононахъ напоминаетъ дѣтямъ и о томъ, что они *сторожей* (т. е. часовыхъ) около стана воинскаго должны разставлять сами. ни на кого не полагаясь. Не слѣдуетъ *сторожей* въ этомъ смыслѣ смѣшивать съ тѣми *сторожами* или передовыми отрядами, которые обыкновенно шли впереди войска и *ловили языка*, т. е. старались собрать свѣдѣнія о положеніи непріятеля, захватывая въ плѣнъ людей. За войскомъ шелъ

обозъ, большею частью весьма значительный, состоявшій изъ многихъ возовъ и вьючныхъ коней: въ памятникахъ упоминаются кони *товарные* (т. е. обозные) и кони *сумные*. Въ стороны отъ главнаго пути, по которому слѣдовало войско, разсылались *зажитники*, на обязанности которыхъ лежалъ сборъ запасовъ для прокормленія войска.

Битва происходила на основаніи извѣстнаго, установленнаго порядка, на основаніи извѣстныхъ, выработанныхъ опытомъ правилъ, которыя какъ бы составили нѣкоторый *ратный чинъ* (порядокъ). Къ битвѣ войско устраивалось правильно, строемъ, раздѣляясь, уже и въ ту пору, на большой полкъ (центръ) и два *крыла*. Князь долженъ былъ находиться при большомъ полку. У каждаго князя и вообще воеводы былъ свой *стягъ*—знамя, по которому дружины издали узнавали другъ друга. Есть, слѣдовательно, основаніе думать, что на знаменахъ находились или изображенія святыни, особенно чтимой княземъ, или какой-нибудь, особый для каждаго князя, знакъ. Знакомъ къ началу сраженія было именно то, что древко стяга утверждалось въ землю и самый стягъ на древкѣ *подымался*, *взволакивался*. Стягъ, повидимому, составлялъ одинъ изъ признаковъ княжескаго достоинства; по крайней мѣрѣ въ лѣтописи есть намеки на то, что со стягомъ была связана *честь* князя. Большимъ безчестьемъ почиталось для войска, когда непріятель *подсѣкалъ* у него стяги или захватывалъ въ плѣнъ его *стяговниковъ*. Въ связи съ этимъ значеніемъ стяга намъ становится понятенъ и тотъ фактъ, что кіевляне, измѣняя Игорю Ольговичу во время битвы съ Изяславомъ Мстиславичемъ и переходя на сторону послѣдняго, *бросаютъ* стяги Игоревы. Есть основаніе думать, что у каждаго отдѣльнаго полка (предполагая въ полкахъ исключительно воевъ извѣстнаго города или волости) былъ свой стягъ, около котораго полкъ собирался; отсюда, по числу стяговъ, можно отчасти судить и о числѣ отдѣльныхъ полковъ, участвовавшихъ въ битвѣ; но, конечно, изъ этого еще нельзя вывести заключенія о численности рати.

Нападеніе ратей другъ на друга производилось различно: иногда онѣ долго стояли одна противъ другой, выжидая удобнаго случая и благопріятной минуты для нападенія; иногда, въ виду неравенства силъ, даже преднамѣренно уклонялись отъ сраженія. Иногда же, напротивъ того, нападеніе производилось стремительно и быстро, и самъ князь первый начиналъ битву, во главѣ своей дружины. Передъ началомъ битвы въ обѣихъ ратяхъ трубили въ *трубы* и били въ *бубны*, поднимая этимъ тревогу въ станахъ. Между тѣмъ какъ обѣ рати *доспѣвали*, т. е. надѣвали доспѣхъ воинскій и становились въ боевой порядокъ, между ними, какъ и въ наше время, завязывалась перестрѣлка: выступали отъ полковъ *стрѣльцы* и взаимно осыпали другъ друга стрѣлами. Допускались и военныя хитрости; нападеніе *изгономъ* или

изъѣздомъ, т. е. нечаянное, внезапное; захожденіе въ *тылъ* или во флангъ для *пересѣченія* дороги. Съ этою цѣлью и во время самаго сраженія и передъ сраженіемъ дѣлались различныя передвиженія полковъ. Но всему этому предпочиталась болѣе легкая и болѣе свойственная русской удали рукопашная битва въ открытомъ полѣ.

Участь всякой битвы въ значительной степени зависѣла отъ личнаго мужества князя, многочисленности и преданности его дружины и единодушія дѣйствія; рѣдко удача выпадала на долю того войска, во главѣ котораго являлось нѣсколько князей, и слѣдовательно нѣсколько дружинъ, хотя бы то войско и было многочисленно. И нельзя не отдать справедливости князьямъ: большая часть ихъ отличалась замѣчательнымъ мужествомъ, и, въ молодости, съ увлеченіемъ предавалась подвигамъ воинскимъ. Нѣкоторые князья пользовались даже особою славою удальства и храбрости, не щадили себя въ битвахъ и, устремляясь въ самую середину сѣчи, подвергали себя страшнымъ опасностямъ. Такъ, напримѣръ, въ битвѣ при Лучскѣ (1149 г.), Андрей Юрьевичъ, увлеченный преслѣдованіемъ бѣжавшаго къ городу непріятеля, подъѣхалъ подъ самыя стѣны Лучска и былъ отовсюду окруженъ врагами; конь подъ нимъ подхваченъ былъ на копья, камни сыпались на него какъ дождь съ городской стѣны, а одинъ Нѣмчичъ, узнавъ его, хотѣлъ уже проколоть его рогатиной... Но князь отбивался мечемъ, пока на выручку его не подоспѣли двое меньшихъ дѣтскихъ изъ его дружины. Опасность была велика на столько, что самъ князь уже не надѣялся остаться въ живыхъ и подумалъ: «видно и меня постигнетъ такая же смерть, какая постигла Ярослава Изяславича». Но лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что, обнажая мечъ, князь призвалъ къ себѣ на помощь св. Ѳеодора, такъ какъ въ тотъ день была память св. Ѳеодору, и по вѣрѣ его былъ онъ избавленъ Богомъ и св. Ѳеодоромъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ дѣтскихъ его былъ убитъ». Къ описанію этого подвига князя Андрея лѣтописецъ добавляетъ ту любопытную черту, что когда конь Андреевъ, жестоко израненный, вынесъ князя изъ битвы, и потомъ палъ, то господинъ, «жалуя его за *комоньство*», велѣлъ погрести его надъ р. Стыремъ.

Еще болѣе живую и любопытную картину удальства княжескаго въ началѣ боя видимъ мы въ битвѣ на Рутѣ (1151). Въ то время, какъ полки кіевскіе еще только сходились съ полками суздальскими, Андрей Юрьевичъ взялъ копье и, устремившись впереди всѣхъ на ряды непріятельскіе, изломалъ копье о вражій строй. Кіевляне приняли его также въ копья; коня его ранили въ ноздри и онъ началъ метаться во всѣ стороны, такъ что съ князя Андрея и шеломъ упалъ, и щитъ съ него сорвали. Съ другой стороны, точно также и князь Изяславъ Мстиславичъ въѣхалъ въ полки суздальскіе, также изломалъ копье

свое и сталъ первый рубиться съ врагами: тутъ получилъ онъ рану мечемъ въ руку и копьемъ въ стегно и былъ сброшенъ съ коня врагами. Только уже тогда, когда поле битвы осталось за кіевлянами, тяжело раненнаго князя, истекавшаго кровью, отыскали его же воины на полѣ битвы, и видя, что онъ приподнимается, хотѣли его прикончить. «Я—князь!» закричалъ имъ Изяславъ. «Тебя-то намъ и надобно», закричалъ въ отвѣтъ ему одинъ изъ кіевскихъ пѣшцевъ и, выхвативъ мечъ, сталъ рубить его по шелому (а на томъ шеломѣ золотомъ былъ написанъ св. мученикъ Пантелеймонъ), такъ что разсѣкъ ему шеломъ до самаго лба. Но Изяславъ успѣлъ снять съ себя шлемъ и сказать: «Я Изяславъ, князь вашъ!» И тогда многіе, услышавъ это, возрадовались, подняли его на руки, какъ царя и князя своего, и всѣ полки возгласили *киріелейсонъ* ([34]), радуясь побѣдѣ и тому, что видятъ князя своего въ живыхъ» (1151).

Нельзя не отмѣтить и того факта, что нѣкоторые изъ князей кіевскихъ отличались замѣчательными воинскими способностями, умѣньемъ пользоваться своимъ положеніемъ, употреблять во время разныя военныя хитрости, устраивать засады, нападать на непріятеля врасплохъ и примѣняться къ различнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходилось воевать. Такъ, напримѣръ, защищая въ 1151 г. переправу черезъ Днѣпръ противъ Юрія и суздальцевъ, Изяславъ Мстиславичъ, по выраженію лѣтописца, «дивно исхитрилъ лодьи: гребцовъ въ нихъ было не видно, и наружу выступали только одни весла, такъ какъ лодьи были прикрыты досками, а на верху ихъ стояли воины въ броняхъ и стрѣляли; а *кормниковъ* (рулевыхъ) было на каждой ладьѣ по два—одинъ на носу, а другай на кормѣ—такъ что лодьи могли двигаться куда угодно, не поворачиваясь».

Внося раззореніе въ волость, уничтожая запасы и достатокъ мирнаго сельскаго населенія, война однако же немало служила къ обогащенію князя и дружины и всего войска побѣдителей. Прежде всего, въ руки побѣдителей доставались кони, доспѣхи и оружіе побѣжденныхъ, которые и считались вмѣстѣ съ обозомъ непріятельскимъ главною военною добычею. Затѣмъ, вступивъ въ непріятельскую волость, князь прежде всего захватывалъ все, что могло принадлежать воюющему съ нимъ князю: его села, его стада, его запасы, его челядь. То, чего нельзя было увезти съ собою и подѣлить тотчасъ же,—сжигалось и уничтожалось на мѣстѣ. При этомъ не оказывалось пощады и церковному имуществу, которое также поступало въ общій составъ военной добычи и подлежало дѣлежу. Такъ мы видимъ, что, ограбивъ богатый дворъ Святослава Ольговича въ Путивлѣ, Изяславъ Мстиславичъ не щадитъ ничего княжаго: воины его «обдираютъ и церковь св. Вознесенія (бывшую на Святославовомъ дворѣ), захватываютъ изъ

нея серебряные церковные сосуды, и *индитьи* (*), и платы служебные, шитые золотомъ, и кадильницы двѣ, и *кацеи* (**), и евангеліе кованное (т. е. окованное серебромъ и золотомъ), и книги, и колокола»—и все это раздѣляютъ между собою побѣдители. При этомъ чрезвычайно любопытнымъ оказывается то условіе, на основаніи котораго производится самый дѣлежъ военной добычи. Изяславъ Мстиславичъ дѣлитъ ее такъ: волости Ольговичей онъ передаетъ Давыдовичамъ, и при этомъ выговариваетъ: *что окажется въ той волости принадлежащимъ Игорю— челядь-ли, товаръ-ли* (*въ смыслѣ движимости вообще*), *то слѣдуетъ получить ему, Изяславу; а что въ той волости окажется принадлежащимъ Святославу, челядь или товары, то раздѣлимъ на части*». И мы дѣйствительно видимъ, что Святославово имущество дѣлится по-ровну между князьями: въ походѣ противъ Ольговичей ихъ участвовало четверо—два Давыдовича и Изяславъ съ сыномъ—и все Святославово имущество раздѣляется на четыре доли. Изъ этого можно вывести то заключеніе, что великій князь кіевскій могъ имѣть нѣкоторыя преимущеста при дѣлежѣ военной добычи, если только тутъ не преобладало право сильнаго.

Несомнѣнно, что въ той долѣ, которая доставалась каждому князю въ военной добычѣ, дружинѣ его принадлежала весьма видная часть. Есть указанія на то, что въ дѣлежѣ добычи участвовали даже и простые воины. Такъ мы видимъ, что Давыдовичи, расхищая богатства Игоря Ольговича въ его сельцѣ, приказали грузить найденную ими движимость и *на свои возы*, и *на возы, принадлежавшіе ихъ воинамъ*— и все таки не успѣли всего вывезти. Въ 1152 г., городъ Перемышль только потому и не захваченъ былъ кіевлянами, что подъ самымъ городомъ на лугу, надъ р. Саномъ, былъ дворъ князя Галицкаго, *а въ немъ много было всякаго товара, и на этотъ дворъ набросились всѣ воины*». На участіе воиновъ въ дѣлежѣ добычи указываетъ и самое выраженіе: *взять городъ на щитъ* ([35]).

Кромѣ «товара», оружія и коней — важную долю добычи составляли и плѣнники, которымъ предстояло поступить въ число челяди побѣдителей. Когда побѣдители брали городъ приступомъ, то всѣ жители города считались военно-плѣнными и съ ними поступали, какъ съ военной добычей, раздѣляя ихъ по-ровну между собою. Отъ этой горькой участи, впрочемъ, можно было откупиться, заплативъ непріятелю извѣстнаго рода окупъ. Такъ мы видимъ, что въ 1150 году *Мьчане* (жители города Мичьска) и многіе другіе города откупаются отъ галицкаго полона тѣмъ, что даютъ серебро Володимеру Галицкому, сливая въ одинъ общій слитокъ свои *серебряныя гривны и серьги*.

(*) *Индитьи, индитьъ (отъ греч. эндютіонъ)*—покровъ на престолъ.

(**) *Кацеи*—кадильницы съ ручками.

Такой откупъ, полученный съ города, съ области или съ князя, также подлежалъ дѣлежу, если въ походѣ участвовали многіе князья. Въ 1144 г., когда Всеволодъ Ольговичъ съ братіею выступилъ въ походъ противъ Володимірка Галицкаго и Володимірко откупился отъ бѣды, заплативъ 1400 гривенъ серебра,—Всеволодъ, по замѣчанію лѣтописца: «не взялъ себѣ серебра одинъ, но роздалъ братьѣ *на части*, — Вячеславу, Ростиславу, Изяславу и всей своей братьѣ—кто только съ нимъ былъ». Къ сожалѣнію, лѣтописецъ не указываетъ намъ, какое количество долей оставилъ Всеволодъ за собою.

По окончаніи войны, когда миръ между сторонами былъ уже скрѣпленъ договоромъ и крестоцѣлованіемъ, стороны пересылались мужами и тіунами, отправлявшимися искать княжаго и дружиннаго имущества въ массѣ добычи, награбленной непріятелемъ. И въ *товарѣ*, и въ стадахъ (*) каждый старался распознать то, что ему принадлежало, и заявлялъ, на основаніи договора, свои права на ту или другую часть захваченной непріятелемъ добычи ([36]). Должно однакоже предполагать, что возврату подлежала не вся добыча, а только часть ея и что нѣкоторая опредѣленная доля ея составляла неотъемлемую собственность побѣдителя. Такъ напримѣръ, мы видимъ, что Изяславъ Мстиславичъ не допускаетъ даже и рѣчи о возвращеніи Ольговичамъ захваченнаго имъ Игорева имущества. Вообще, есть основаніе думать, что подобные розыски пограбленнаго непріятелемъ могли скорѣе приводить къ новымъ раздорамъ, нежели къ дѣйствительному возстановленію утраченнаго права собственности.

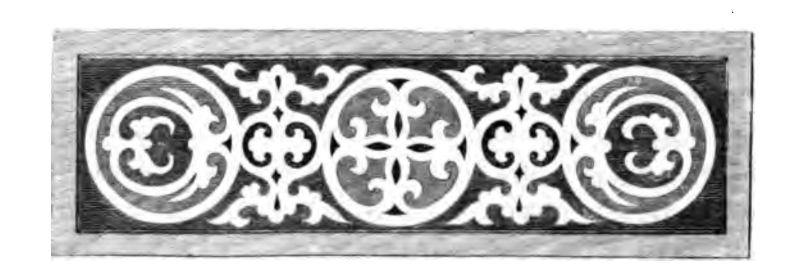
Если междоусобныя войны князей, представляя собою значительныя выгоды для дружины княжеской и полка княжескаго, поощряли въ нихъ развитіе дурныхъ инстинктовъ и побуждали безпощадно грабить все, даже и самую святыню — то можно себѣ представить, какъ страшно опустошали Русь дикія полчища кочевниковъ. Лѣтопись полна описаніями этихъ опустошеній и расказами о томъ, какъ отчаянно защищались нѣкоторые городки, терпя всякія лишенія въ осадѣ, лишь бы только не достаться «въ полонъ иноплеменнымъ».

Но не всѣ войны велись ради княжескихъ междоусобій; не всѣ рати обрушались огнемъ и мечемъ на мирныя русскія волости. Не слѣдуетъ забывать и того важнаго значенія, которое кіевскій князь и его дружина имѣли для Руси, въ качествѣ оберегателей земли Русской отъ поганыхъ, въ качествѣ защитниковъ мирнаго селянина и богатаго гостя отъ хищничества степныхъ ордъ. Много «поту утерли» князья

(*) По отношенію къ стадамъ это было нетрудно сдѣлать, потому что и князья, и дружина ставили на нихъ свои знаки (Инот. 1170).

кіевскіе и дружина ихъ, неся тяжкую сторожевую службу на границѣ степи и то направляя въ глубь ея смѣлые свои наѣзды, то отбивая набѣги поганыхъ, отнимая захваченный ими полонъ и награбленное имущество. По этому поводу сложился даже въ кіевской Руси цѣлый рядъ былинъ, воспѣвавшихъ подвиги дружинниковъ; пѣсни эти, несмотря на самыя разнообразныя наслоенія, измѣненія и всякаго рода искаженія, сохранились и до нашего времени. Главными героями этихъ кіевскихъ былинъ являются богатыри-витязи, окружающіе Владиміра-Красное Солнышко, въ которомъ олицетворяется типъ древне-русскаго князя. Витязи эти въ былинахъ представляются либо шумно пирующими въ княжихъ палатахъ, либо несущими тягостную сторожевую службу противъ иноплеменныхъ.

Дружина въ былинахъ не представляется намъ важнымъ элементомъ общественной жизни, какимъ она была въ Кіевской Руси. Значеніе дружины, какъ совѣтниковъ и думцевъ княжескихъ, исчезло изъ памяти народной; значеніе ихъ, какъ воиновъ и борцевъ за Русь православную противъ всякихъ степныхъ ордъ и посельниковъ еще болѣе усилилось въ народномъ сознаніи послѣдующей, тяжкой эпохой татарщины.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ.

Первые монастыри кіевскіе.—Монастыри княжескіе. Пещера Антоніева.—Возрастаніе братіи.—Θеодосій и его труды. Введеніе Студійскаго устава.—Распредѣленіе занятій между братіею.—Построеніе великой печерской церкви и легенда о построеніи ея.—Отношеніе Печерянъ къ печерской обители.—Общій духъ, оживлявшій всѣхъ печерскихъ подвижниковъ.—Выдержки изъ Патерика Печерскаго.—Нынѣшнее состояніе обители.

Сохранилось преданіе, что древнѣйшимъ изъ монастырей кіевскихъ былъ монастырь Михайловскій, основанный будто бы первымъ нашимъ митрополитомъ изъ грековъ, Михаиломъ.

Тоже преданіе упоминаетъ еще, что прибывшіе съ митрополитомъ иноки основали другой монастырь Спасскій, близъ Вышгорода. Другое преданіе указываетъ на то, что и при первопостроенныхъ церквахъ кіевскихъ—Десятинной и Софійской—строителями ихъ основаны были монастыри. Въ княженіе Ярослава Мудраго были несомнѣнно основаны два монастыря: мужской (св. Георгія) и женскій (св. Ирины), и это, по замѣчанію архіепископа Макарія, были первые *собственно княжескіе* монастыри, которые у насъ впослѣдствіи такъ умножились. И дѣйствительно, князья, непрерывно другъ передъ другомъ усердствуя въ построеніи церквей и монастырей, настроили ихъ въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ очень много, такъ что почти у каждаго изъ важнѣйшихъ княжескихъ родовъ былъ свой родовой монастырь или своя родовая церковь, на поддержаніе и украшеніе которыхъ князья такъ много и охотно жертвовали при жизни, а по смерти находили въ нихъ послѣднее пристанище, какъ въ родовыхъ своихъ усыпальницахъ.

Въ первой четверти XI вѣка монастырей въ Кіевѣ было уже нѣсколько, какъ мы можемъ видѣть изъ древняго житія Θеодосія, въ которомъ упоминается между прочимъ о томъ, что по прибытіи въ

Кіевъ Өеодосій пытался поступить въ одинъ изъ монастырей кіевскихъ, но ни въ одинъ изъ нихъ не былъ принятъ.

Но всѣ эти монастыри были еще очевидно чуждыми явленіями на почвѣ новопросвѣщенной Руси; нужны были иныя обители, иные иноки. И они явились вскорѣ, какъ живое свидѣтельство того, что христіанство пустило глубокіе корни на Русской почвѣ. Идеаломъ такого русскаго монастыря явился монастырь Кіево-Печерскій: его знаменитые основатели и та братія, которая собралась около нихъ— осуществили собою идеалъ русскаго монашества. Для того, чтобы ближе вникнуть въ сущность этихъ идеаловъ, необходимо, прежде всего, обозрѣть вкратцѣ исторію монастыря Печерскаго отъ самаго его основанія и до татарскаго погрома.

Рѣзкимъ отличіемъ монастыря Печерскаго отъ всѣхъ современныхъ монастырей русскихъ было уже то, что онъ не былъ монастыремъ *княжескимъ*, не создался ни отъ чьей прихоти, не обогатился ни отъ чьихъ избытковъ: — онъ явился самъ собою, поднялся изъ подъ земли, выросъ изъ тѣсныхъ пещеръ, въ которыхъ укрывалась первоначальная братья, и мало-по-малу, возрастая и украшаясь, достигъ такой высоты, такого значенія и вліянія на современную русскую жизнь, какихъ не достигалъ до конца XII в. ни одинъ изъ монастырей русскихъ, да и впослѣдствіи достигали немногіе. Несторъ очень тонко и справедливо отмѣтилъ эту отличительную черту исторіи Кіево-Печерскаго монастыря, сказавъ: «много есть монастырей, поставленныхъ и отъ царей, и отъ бояръ, и отъ богатства, но они не таковы, какъ поставленные слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣніемъ».

И дѣйствительно, ни въ чемъ не подобенъ былъ другимъ монастырямъ при своемъ основаніи монастырь Печерскій. Основателемъ его явился св. Антоній, мірянинъ, родомъ изъ Любеча. Возвратясь изъ странствованія по обителямъ горы Аөонской и страстно любя уединеніе, Антоній удалился на одну изъ горъ около Кіева, и поселился въ «пещерѣ двусаженной». Пещеру эту, еще до Антоніева прихода, ископалъ себѣ среди дремучихъ лѣсовъ Иларіонъ, до избранія въ митрополиты бывшій священникомъ на Берестовѣ и любившій уединяться въ эту глушь для молитвы. Слухъ о благочестивомъ отшельникѣ вскорѣ разнесся не только въ Кіевѣ, но и далѣе, до предѣловъ Кіевской области, и къ Антонію стала мало по малу стекаться братія. Когда онъ собралъ 12 человѣкъ, они выкопали великую пещеру и устроили въ ней и церковь, и келіи. Все это было въ той части нынѣшней Лавры, которая извѣстна подъ названіемъ «Дальнихъ Пещеръ».

Положивъ основаніе обители, Антоній поспѣшилъ сложить съ себя обязанности настоятеля, передавъ управленіе братіею въ руки инока

Варлаама, а самъ ископалъ себѣ пещеру, близъ нынѣшняго Лаврскаго собора, и туда удалился въ уединеніе.

Между тѣмъ число братіи въ *великой* пещерѣ все продолжало возрастать; вскорѣ и *великая* пещера уже не могла вмѣстить ихъ въ себѣ, и они, по совѣту Антонія, выстроили себѣ надъ пещерою «*церквицу малую*» во имя святой Богородицы Успенія, хотя келіи все еще оставались въ пещерѣ. Спустя немного времени, когда число иноковъ все продолжало увеличиваться, они вмѣстѣ съ игумномъ положили на совѣтѣ построить *открыто* цѣлый монастырь и обратились за благословеніемъ къ преподобному Антонію. Антоній

Рис. 11. Перенесеніе мощей (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ)

далъ имъ свое благословеніе, а самъ послалъ сказать великому князю Изяславу: «Князь мой! Богъ умножаетъ братію, а мѣста у нея мало: отдай намъ всю гору, находящуюся надъ пещерами». Великій князь съ радостію согласился. И тогда братія съ игумномъ заложили великую церковь, обнесли монастырь тыномъ, поставили много келій, и потомъ окончили церковь и украсили ее иконами. «И отъ того времени собственно начался монастырь Печерскій»,—такъ замѣчаетъ современный историкъ обители, преподобный Несторъ: «Печерскимъ же прозвался отъ того, что прежде чернецы жили въ пещерѣ.» Это случилось, по свидѣтельству преподобнаго Нестора, въ 1062 г., когда игу-

неномъ Печерской обители былъ уже не Варлаамъ, а знаменитый Θеодосій.

Но расширеніе обители, вызванное необходимостью, еще не свидѣтельствовало о томъ, чтобы монастырь Антонія и Θеодосія пользовался благосостояніемъ. Напротивъ того, по свидѣтельству того же Нестора, подробно описавшаго полное житіе Θеодосія: «иноки выносили въ то время столько скорби и печали, что человѣческими устами даже и высказать невозможно. Пищею для братіи служили только хлѣбъ да вода. Въ субботу и воскресенье вкушали сочиво (*); но часто и въ эти дни сочива не обрѣталось, и они ѣли одно свареное зѣліе». Слѣдовательно бѣдность братіи была велика, и существованіе обители являлось далеко не обезпеченнымъ. Но на стражѣ обители стоялъ Θеодосій, неутомимый въ трудахъ и въ подвигахъ благочестія. Онъ всѣмъ подавалъ примѣръ трудолюбія, работая болѣе всѣхъ, и въ тоже время для всѣхъ служилъ образцомъ смиренія, успѣвая каждому оказать услугу вó-время, къ каждому приходя на помощь въ его трудѣ. Подъ его то руководствомъ иноки работали непрестанно и тяжелымъ трудомъ добывали себѣ пропитаніе: они плели изъ волны клобуки и занимались другими рукодѣліями; всѣ издѣлія рукъ своихъ носили они въ городъ, на торжище, и продавали, а на вырученныя деньги покупали жита, которое и раздѣляли между собою, чтобы каждый, во время ночнаго бдѣнія, могъ измолоть свою часть на ручныхъ жерновахъ и приготовить достаточное количество муки для печенія хлѣбовъ на всю братію. Едва окончены были эти ночные труды, братія шла къ утреннему богослуженію. Послѣ утрени—опять принимались за рукодѣліе, рылись въ огородѣ монастырскомъ и занимались разведеніемъ сада, пока не наступалъ часъ божественной литургіи. По окончаніи службы вкушали немного хлѣба и снова принимались за труды».

Строгое распредѣленіе труда между возрастающими членами маленькой общины, при тѣсной сплоченности и единствѣ усилій, при постоянномъ побужденіи со стороны разумнаго руководителя — должны были наконецъ привести къ тому, что жизнь въ Печерской обители стала принимать все болѣе и болѣе ровное, спокойное, опредѣленное теченіе, все становилась болѣе и болѣе привлекательною для братіи. Съ другой стороны, неутомимое трудолюбіе и суровое воздержаніе иноковъ, не совсѣмъ обычное въ болѣе обезпеченныхъ монастыряхъ *княжескихъ*,—наконецъ обратили на себя общее вниманіе современниковъ, и слава Печерской обители стала распространяться всюду, до крайнихъ предѣловъ земли русской. Князья и бояре шли въ обитель Θеодосія за благословеніемъ и напутствіемъ при началѣ своихъ походовъ

(*) *Сочиво*—каша или всякая другая растительная пища, политая постнымъ масломъ.

и дѣлъ, и въ ней же приносили Богу благодареніе за избавленіе отъ опасностей и за побѣды, одержанныя надъ врагомъ; простые люди — за совѣтомъ, за утѣшеніемъ въ горѣ, за исцѣленіемъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

Мало-по-малу, по мѣрѣ возрастанія славы Кіево-Печерской обители, стало возрастать и ея благосостояніе. Многіе «отъ князей и бояръ», духовныхъ дѣтей Өеодосія, приносили къ нему часть отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи, на устроеніе монастыря и церкви; а другіе жертвовали села на «церковную потребу». Возрастаніе внутренняго благосостоянія обители тотчасъ выразилось и во внѣшнемъ ея благолѣпіи. Неутомимый Өеодосій, видя постоянное умноженіи братіи, озаботился о постройкѣ новыхъ для нея помѣщеній, и для этого расши-

Рис. 12. Угощеніе митрополита и причта его княземъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ)

рилъ самую площадь, занимаемую монастырскими постройками, и обнесъ дворъ монастырскій новою оградою: «самъ городилъ городьбу двора монастырскаго, работая за одно съ братіею». Но и тутъ еще средства монастыря, значительно улучшившіяся, не всегда оказывались вполнѣ достаточными; изъ житія Өеодосія видимъ, что въ церкви монастырской не хватало то масла для лампадъ, то церковнаго вина; иногда келарь докладывалъ игумну, что у братіи нѣчего подать за трапезою, иногда не было и муки для хлѣбовъ. И только неутомимое трудолюбіе и неистощимая находчивость Өеодосія спасали обитель отъ

гнета тяжкой нужды. Только уже подъ конецъ житія Θеодосія благосостояніе обители очевидно упрочилось окончательно, судя по тому, что онъ рѣшился исполнить давно-лелѣянную мысль—построить каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, на мѣстѣ великой деревянной, которая уже оказывалась тѣсною. Преподобный Антоній, у котораго Θеодосій просилъ разрѣшенія на это построеніе, далъ свое согласіе, и — дѣло закипѣло.

Явились и средства для выполненія благаго намѣренія. Великій князь Святославъ подарилъ монастырю мѣсто для новой церкви (неподалеку отъ монастыря, на Берестовомъ полѣ), пожертвовалъ Θеодосію на сооруженіе храма сто гривенъ золота, и даже лично принималъ въ немъ участіе, самъ первый начавъ копать ровъ для основанія его. Значительныя пожертвованія для этой же цѣли сдѣлалъ Варягъ Шимонъ, принявшій православіе по убѣжденіямъ Θеодосія. И наконецъ церковь, при разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, торжественно была заложена въ 1073 году юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ, такъ какъ митрополитъ кіевскій Георгій въ то время находился въ Константинополѣ. Но великимъ основателямъ обители Печерской не суждено было видѣть завершеніе главной красы ея, знаменитаго каменнаго храма, ихъ усердіемъ и усиліями созданнаго. Антоній скончался вскорѣ послѣ заложенія этого храма, а Θеодосій, принимавшій самое живое и непосредственное участіе въ работахъ по новой постройкѣ, едва успѣвъ вывести основаніе церкви Успенія, скончался 3 мая 1074 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти Антонія.

Смертью Θеодосія заканчивается первый періодъ исторіи Кіевопечерской обители, періодъ тяжкой борьбы за существованіе, за новыя начала, внесенныя въ современную жизнь русскую, за самостоятельность и значеніе обители, которой предстояла великая будущность. Но излагая факты внѣшней дѣятельности Θеодосія, на пользу, на процвѣтаніе и украшеніе обители Печерской, мы не должны забывать его дѣятельности внутренней, какъ устроителя и главы новой монастырской общины, такъ самостоятельно возникнувшей подъ стѣнами стольнаго города Кіева.

Когда число братіи достигло ста, Θеодосій озаботился о введеніи въ обители своей общаго для всѣхъ *чернечьскаго* правила. Съ этою цѣлью даже отправленъ имъ былъ въ Царьградъ инокъ для списанія подлиннаго устава Студійскаго монастыря, а другой списокъ того же устава полученъ отъ чернеца Студійскаго монастыря, прибывшаго съ митрополитомъ Георгіемъ изъ Константинополя. Θеодосій повелѣлъ прочитать его передъ братіею и ввелъ въ своей обители. Въ чемъ собственно состояли подробности студійскаго устава, введеннаго въ Печерской обители Θеодосіемъ—это остается до настоящаго времени

совершенно неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что, судя по одному современному свидѣтельству, въ XI в. обращалось много списковъ монастырскаго устава, составленнаго преподобнымъ Ѳеодоромъ Студитомъ, и всѣ эти списки, какъ составленные уже послѣ него и больше «по памяти»—были весьма не сходны между собою. Достовѣрно только то, что уставъ, введенный Ѳеодосіемъ въ обитель Печерскую, былъ *общежительный*.

Изъ написаннаго Несторомъ житія Ѳеодосіева узнаемъ нѣкоторыя бытовыя подробности, касающіяся внутренняго устройства Печерскаго монастыря во время игуменства Ѳеодосія.

Изъ числа братіи, вѣроятно по назначенію игумна, въ ту пору уже избирались въ помощь ему нѣкоторыя должностныя лица: *доместикъ*, *церковный строитель*, *экономъ*, *келарь*, *ключникъ*, *начальникъ хлѣбопековъ*, *вратарь*. *Доместикъ* распоряжался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви и, вѣроятно, обучалъ братію стройному пѣнію. *Церковные строители* завѣдывали церковнымъ виномъ, масломъ для освѣщенія церкви и церковнымъ звономъ; *экономъ* — монастырскою казною и монастырскимъ имуществомъ; *келарь* — братскою трапезою, просфорною и съѣстными припасами. Помощникомъ келаря являлся *ключникъ*. Въ его же вѣдѣніи состоялъ и *начальникъ хлѣбопековъ*, распоряжавшійся въ кухнѣ. Отъ него же вѣроятяо зависѣли и тѣ «тивуны, приставники и слуги», которые жили въ монастырскихъ селахъ, заботясь о содержаніи монастырскаго скота и заготовленіи для обители разныхъ припасовъ. Важное мѣсто въ числѣ этихъ монастырскихъ должностныхъ лицъ долженъ былъ занимать *вратарь*, неотлучно находившійся при вратахъ обители и отлучавшійся отъ нихъ только на время богослуженія.

Ѳеодосій радушно принималъ каждаго приходившаго въ монастырь, никому не отказывая въ убѣжищѣ, но постригалъ не сразу, а по нѣкоторомъ испытаніи. Вотъ почему братія Печерскаго монастыря подраздѣлялась на четыре разряда: одни, находившіеся на испытаніи и непостриженные, ходили въ мірской одеждѣ; другіе, также еще не постриженные, уже получали право носить монашескую одежду; третьи, постриженные, носили мантію, четвертые наконецъ были облечены въ великую схиму.

Строгое подчиненіе всей братіи игумну было одною изъ главныхъ основъ всего монастырскаго порядка: все въ обители могло совершаться не иначе, какъ по благословенію игумна, и каждый совершившій что-либо безъ его благословенія, подвергался епитеміи. Эта строгость не исключала однакоже той мягкости и братолюбія, о которомъ такъ много заботился Ѳеодосій, всѣмъ подавая къ тому примѣръ. Покорности и смиренія требовалъ Ѳеодосій отъ иноковъ и во взаимныхъ

отношеніяхъ. Внѣшнимъ выраженіемъ смиренія должно было, между прочимъ, служить то, что иноки, при встрѣчѣ, должны были кланяться другъ другу, слагая руки на персяхъ. Такъ какъ большая часть ночи и все утро проходило для братіи въ молитвахъ и службахъ церковныхъ, то, для отдохновенія, назначалось полуденное время, которое, какъ мы уже видѣли выше, въ XI и XII вв., было постояннымъ временемъ послѣ-обѣденнаго спанья. Такъ и вратарю Печерской обители приказано было запирать врата монастыря тотчасъ послѣ обѣда, и не впускать въ обитель никого до самой вечерни. Отслушавъ всѣ службы, исполнивъ всѣ необходимыя, обязательныя по обители работы, иноки удалялись въ келліи, и тамъ читали или пѣли псалмы и занимались рукодѣліями. О самомъ Ѳеодосіѣ сохранилось преданіе, что и онъ тоже рѣдкіе досуги свои посвящалъ рукодѣліямъ, трудясь то въ сообществѣ «великаго Никона», то въ сообществѣ инока Ларіона, который «былъ хитръ книгамъ». Никонъ сшивалъ книги для переплета, а Ѳеодосій приготовлялъ для него нити, либо въ то время, какъ Ларіонъ переписывалъ книги, Ѳеодосій, слѣдя за работой, тихо воспѣвалъ псалмы, между тѣмъ какъ его неутомимыя руки пряли волну.

Второй періодъ въ исторіи Печерской обители, отъ вступленія въ игуменство Стефана, преемника Ѳеодосіева и до нашествія Татаръ, обнимающій собою слишкомъ 150 лѣтъ, былъ періодомъ торжествъ и славы, періодомъ процвѣтанія, въ теченіе котораго обитель Печерская достигла первенствующаго положенія не только въ Кіевской области, не только въ южной Руси, но и во всѣхъ концахъ современнаго русскаго міра.

Первою заботою игумна Стефана явилось окончаніе начатаго Ѳеодосіемъ зданія новой церкви, и черезъ три года онъ успѣлъ ее окончить вчернѣ. Такъ какъ новая великая каменная церковь, украшеніе и гордость обители, была довольно удалена отъ стараго монастыря, то Стефанъ и построилъ вокругъ новой церкви новыя келліи, и перевелъ сюда братію изъ прежняго монастыря, а на старомъ мѣстѣ оставилъ лишь нѣсколько иноковъ, дабы они занимались погребеніемъ умирающей братіи и ежедневно совершали литургіи по усопшимъ.

Оба монастыря, новый и старый, раздѣлены были дворомъ, который устроилъ Ѳеодосій для принятія нищихъ. Стефанъ обнесъ оба монастыря и этотъ дворъ одною общею стѣною, такъ что они составляли одинъ обширный монастырь. Но Стефану не удалось довести своихъ построекъ до конца; въ 1078 г., не поладивъ съ братіею, онъ долженъ былъ удалиться изъ Печерской обители. Церковь Успенія Богородицы еще шесть лѣтъ оставалась неотдѣланною. Внутренняя отдѣлка началась при Стефановомъ преемникѣ — игумнѣ Никонѣ и продолжалась до самой его смерти (1088 г.).

Освященіе же этого великолѣпнаго храма совершено было торжественно при игумнѣ Іоаннѣ 1089 г. (авг. 14) митрополитомъ кіевскимъ Іоанномъ и четырьмя епископами: черниговскимъ, ростовскимъ, юрьевскимъ и бѣлгородскимъ. Не смотря на восторженные отзывы современниковъ объ этой церкви, которая строилась цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, на построеніе которой иноки печерскіе и всѣ почитатели Ѳеодосіевой обители ничего не жалѣли, призывая и строителей, и мастеровъ изъ Византіи,— мы все же ничего не знаемъ ни о внѣшности, ни о внутреннемъ устройствѣ знаменитаго храма, прославленнаго столькими чудесами и столькими поэтическими сказаніями. Не имѣемъ никакихъ археологическихъ данныхъ, которыя при нынѣшнемъ состояніи обители могли бы служить подтвержденіемъ преданія, разсказывающаго о дивномъ великолѣпіи Успенскаго храма; но тѣмъ не менѣе считаемъ поэтическія сказанія о построеніи Печерской церкви настолько важными по отношенію къ исторіи обители и характеристикѣ современныхъ воззрѣній на ея значеніе, что признаемъ необходимымъ привести ихъ здѣсь, хотя въ краткомъ извлеченіи.

По мѣрѣ того, какъ слава обители Печерской распространялась и возрастала, легенда «о созданіи великой церкви Печерской» развивалась все болѣе и болѣе, и приняла, наконецъ, грандіозные размѣры: — не прошло и вѣка со времени построенія храма Успенія, какъ о немъ уже сложилось преданіе, что онъ вовсе не былъ дѣломъ рукъ человѣческихъ, а Божіимъ созданіемъ. Задолго до заложенія основанія храма самъ Господь и Пресвятая Дѣва уже заботились о дивномъ храмѣ, побуждали вѣрующихъ на него жертвовать и даже сами указали размѣры будущаго «дома Богородицы».

«Варягъ Шимонъ»—такъ гласитъ преданіе—«отправляясь искать счастія на Руси, взялъ съ собою золотой вѣнецъ и поясъ, въ 50 гривенъ золота, которые снялъ съ Распятія. И вдругъ, нежданно раздался голосъ отъ образа: «Неси въ уготованное мѣсто, гдѣ созидается церковь отъ преподобнаго. Тому отдай, чтобы повѣсилъ передъ жертвенникомъ...» И пугается Шимонъ, и недоумѣваетъ онъ, куда нести ему золото, и какому отдать преподобному?

«Ѣдетъ Шимонъ по морю, и вздымается на морѣ жестокая буря; вдругъ видитъ онъ на воздухѣ церковь, и слышитъ голосъ, указующій ему на то, что именно эту церковь предстоитъ построить преподобному. Тотъ же голосъ велитъ ему измѣрить зданіе златымъ поясомъ, снятымъ съ Распятія, и въ зданіи томъ оказывается 20 локтей въ ширину, 30 въ длину и 50 въ вышину. И едва успѣлъ онъ удержать въ своей памяти эти измѣренія, какъ буря утихаетъ и Шимонъ благополучно прибываетъ въ Кіевъ; но и прибывъ туда, и живя тамъ, онъ

все еще не знаетъ, о какой церкви было ему видѣніе, и на какой храмъ долженъ онъ отдать свое золото?»

Только уже послѣ свиданія съ Антоніемъ, Шимонъ понялъ указанія своихъ видѣній, и чудомъ избавленный отъ смерти и плѣна въ битвѣ при Альтѣ, онъ принесъ св. Антонію свой дивный золотой поясъ и драгоцѣнный вѣнецъ, разсказалъ о своихъ видѣніяхъ и прибавилъ, указывая на поясъ: «вотъ мѣра и основа вашей будущей церкви! А вѣнецъ повѣсьте надъ святою трапезою». И восхвалилъ старецъ Бога и передалъ Θеодосію богатое приношеніе Шимоново».

Но этого мало. Пресвятая Богородица не только сама дала размѣры своего будущаго храма: — Она озаботилась и о присылкѣ изъ Византіи мастеровъ для построенія его.

«Однажды» — такъ гласитъ преданіе — «являются къ Антонію и Θеодосію четыре мужа знатныхъ и спрашиваютъ: — «гдѣ хотите вы строить церковъ?» — Тѣ отвѣчаютъ: «Господь самъ укажетъ мѣсто». Незнакомцы и говорятъ имъ: «насъ къ вамъ послали, дали намъ столько золота, а вы и мѣста не знаете, гдѣ строить церковь?!» Изумились ихъ рѣчамъ преподобные, созвали братію и спросили Грековъ: «скажите намъ истину, кѣмъ вы посланы?» И отвѣчали имъ незнакомцы: «Мы спали по домамъ (въ Византіи). Рано, чуть стало всходить солнце, пришли къ намъ благообразные мужи, и сказали: «царица зоветъ васъ въ Влахерну». Прійдя въ Влахерну, мы увидѣли Царицу съ множествомъ воевъ и поклонились ей. И сказала она: «хочу воздвигнуть себѣ церковь въ Русской землѣ, въ Кіевѣ; ступайте туда и вотъ возьмите себѣ злата на четыре года». Мы поклонились Царицѣ и сказали: «о госпожа Царица! Отсылаешь насъ въ чужую страну, велишь строить церковь; но къ кому же намъ тамъ прійти?» Отвѣчала царица: «я посылаю передъ вами Антонія и Θеодосія». И показала она намъ на воздухѣ церковь великую и прекрасную, какую намъ надлежало строить. И опять мы Царицу спросили: «въ чье имя будетъ церковь?» — «Въ свое имя хочу нарещи церковь» — отвѣчала царица; а мы и спросить ее не посмѣли объ имени... Но она сама сказала намъ: «Богородицына будетъ церковь» — и дала намъ икону намѣстную и мощи святыхъ мучениковъ, чтобы положить въ основаніе».

Древняя икона Божіей матери, нынѣ хранимая надъ царскими вратами въ главномъ храмѣ Печерской обители, по преданію и есть именно та, которая была принесена строителями великой Печерской церкви изъ Византіи.

Но легенда о созданіи церкви Печерской, слагавшаяся постепенно въ связи съ развитіемъ мѣстныхъ печерскихъ преданій, мѣстнаго житейника, не останавливается на построеніи дома Богородицы византійскими мастерами, присланными самою Пресвятою Дѣвою. Желаніе

возвеличить, прославить знаменитыхъ основателей обители, удостоенныхъ нетлѣнія и уже причтенныхъ къ лику святыхъ, побудило составителей Патерика Печерскаго и ихъ имена неразрывно связать съ легендой о построеніи Печерскаго храма Богородицы.

Вотъ поэтическія подробности, которыми съ теченіемъ времени дополнилось любопытное сказаніе:

«Когда выведены были стѣны храма, къ игумну Никону явились писцы изъ Грековъ и сказали, что они наняты были въ Греціи расписывать Печерскую церковь, что нанимали ихъ Антоній и Өеодосій и впередъ заплатили имъ за работу. Греки хотѣли видѣть тѣхъ, съ кѣмъ они рядились. «О, дѣти мои!» сказалъ имъ игуменъ Никонъ: «не можемъ вамъ ихъ показать—уже десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ они скончались и молятся о насъ на небесахъ». Тогда Греки просили показать имъ изображенія Антонія и Өеодосія, и когда ихъ желаніе было исполнено, они узнали въ этихъ изображеніяхъ тѣхъ самыхъ старцевъ, которые съ ними рядились. И разсказали они игумну Никону, какъ, пріѣхавъ въ Каневъ изъ Олешья, они было собирались бѣжать назадъ въ Грецію. Но на Днѣпрѣ поднялась страшная буря и погнала ихъ судно вверхъ по рѣкѣ. На слѣдующую ночь явилась имъ во снѣ икона Божіей Матери и сказала: «зачѣмъ мятетесь вы всуе, не покоряясь волѣ Моей и Моего Сына?» Поутру опять понесло ихъ вверхъ по Днѣпру. Они предались волѣ Божіей, и ладья ихъ сама собою пристала къ подошвѣ горы монастырской».

Мастера, строившіе церковь Печерскую, и тѣ, что расписывали ея стѣны, покончивъ свою долгую и трудную работу, не захотѣли болѣе возвращаться въ отечество, приняли иноческій образъ и остались до самой смерти въ обители Печерской; они и погребены были въ особомъ притворѣ. Современный историкъ обители замѣчаетъ, что «свиты ихъ и книги греческія и доселѣ еще хранятся у насъ на полатяхъ» ([37]).

Вскорѣ послѣ освященія храма Богородицы, въ 1096 г., обитель Печерская, впервые со времени своего основанія, подверглась нападенію иноплеменныхъ враговъ. «20 іюня, въ пятницу, въ 1 часъ дня» — такъ разсказываетъ намъ монастырскій лѣтописецъ— «пришли Половцы на монастырь Печерскій, въ то время какъ мы спали по кельямъ, послѣ заутрени, и подняли крикъ около монастыря, и поставили два стяга передъ воротами монастырскими; между тѣмъ какъ мы побѣжали отъ нихъ и попрятались — одни за домомъ монастыря, другіе на полатяхъ (церковныхъ)--безбожные сыны Измаиловы вырубили ворота монастырскія и бросились (грабить) по кельямъ, выламывая двери, и вынося все то, что они въ нихъ находили; и послѣ того зажгли они домъ св. Владычицы Богородицы, и пришли къ церкви, и зажгли двери,

устроенныя къ югу, и другія, что на сѣверѣ, и влѣзли въ притворъ у гроба Ѳеодосіева, и взяли иконы, и укоряли Бога и законъ нашъ». Но въ эту пору монастырь Печерскій былъ уже на столько богатъ и великъ, пользовался такимъ почетомъ, любовью и значеніемъ среди современниковъ, что постигнувшее его бѣдствіе прошло почти незамѣченнымъ: «Въ то же лѣто», замѣчаетъ лѣтописецъ монастырскій, «молитвами блаженнаго отца нашего Ѳеодосія умножилось всѣхъ благихъ въ монастырѣ томъ»... Слѣды половецкаго набѣга вскорѣ изгладились; не только воздвигнуты были всѣ прежнія зданія, погорѣвшія или разрушенныя, но явились еще и новыя. Такъ въ 1108 г., при игумнѣ Ѳеоктистѣ, окончена была каменная трапеза вмѣстѣ съ церковью, построенною по повелѣнію и на иждивеніи кн. Глѣба Всеславича Минскаго. Около того же времени построена больница и при ней церковь во имя св. Троицы, на средства черниговскаго князя Николая Святоши, постригшагося въ 1106 г. въ Печерской обители. Есть основаніе предполагать, что даже и при извѣстныхъ нашествіяхъ и ограбленіяхъ, постигнувшихъ Кіевъ въ 1171 г., и въ 1203 гг. Печерскій монастырь пострадалъ менѣе всѣхъ другихъ обителей Кіевскихъ. Подъ 1171 г. лѣтописецъ говоритъ даже прямо, что «зажженъ былъ и монастырь Печерскій святой Богородицы отъ поганыхъ (Берендѣевъ и Половцевъ), но Богъ сохранилъ его отъ бѣдствія».

Подъ 1203 г., описывая ограбленіе Кіева Борисомъ и Ольговичами, лѣтописецъ, перечисляя кіевскія церкви, въ общей картинѣ раззоренія упоминаетъ о томъ, что разграблены были и всѣ монастыри, но ни единымъ словомъ не упоминаетъ о монастырѣ Печерскомъ.

Изъ остальныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ можемъ заключить, что преобладающее, первостепенное значеніе Печерской обители, до самаго Татарскаго нашествія, и даже послѣ него, нимало не ослабѣвало и не уменьшалось. Въ нее по прежнему стекались пожертвованія со всей земли Русской, къ ней по прежнему съ величайшимъ уваженіемъ относились представители княжескихъ родовъ, нетолько правившихъ Кіевомъ, но и совершенно враждебныхъ ему. Кіево-печерскій игуменъ занималъ всегда первое мѣсто въ ряду прочихъ игумновъ, когда они присутствовали на общихъ церковныхъ торжествахъ въ Софійскомъ соборѣ. При поставленіи епископа ростовскаго Кирилла (въ 1231 г.) лѣтописецъ, описывая это торжество, происходившее въ Софійскомъ соборѣ, прибавляетъ въ концѣ своего описанія, что весь сонмъ съѣхавшихся въ Кіевъ окрестныхъ епископовъ, игумновъ и прочаго духовенства «въ тотъ день угощаемъ былъ въ монастырѣ св. Богородицы Печерской».

Упоминаніе это важно, какъ свидѣтельство лѣтописца объ одной изъ весьма любопытныхъ чертъ современнаго быта: — о мона-

стырскихъ пирахъ, которые иногда устраивались монастырями, по поводу церковныхъ торжествъ и мѣстныхъ праздниковъ, но еще чаще учреждались князьями или даже просто частными лицами, которыя, «думая сотворить добро нищелюбія и любви къ инокамъ, безмездно учреждали пиршества въ обителяхъ», собирая на нихъ чернецовъ и черницъ, угощая при этомъ и нищую братію. Замѣтимъ кстати, что пиршества эти уже очень рано пріобрѣли совершенно мірской характеръ, почему уже въ концѣ XI вѣка вызвали энергическіе протесты со стороны высшаго духовенства. Митрополитъ Іоаннъ II, въ посланіи своемъ къ Іакову Черноризцу, говоритъ прямо: «что касается тѣхъ людей, которые учреждаютъ въ монастыряхъ трапезы, созывая на нихъ мужей и женъ вмѣстѣ, и стараются превзойти такими пирами другъ друга, то это ревность не по Бозѣ, а отъ лукаваго».

Что сталось съ монастыремъ Печерскимъ во время нашествія Татаръ — остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Вѣроятно раззоренный и ограбленный вмѣстѣ съ Кіевомъ, онъ повидимому не былъ, однако же, разрушенъ до основанія и продолжалъ существовать, потому что (какъ намъ извѣстно изъ лѣтописи) въ 1274 г., митрополитъ Кириллъ пришелъ изъ Кіева во Владиміръ и, приведя съ собою «архимандрита печерскаго Серапіона», поставилъ его епископомъ Владиміру; а подъ 1288 г., при извѣстіи о кончинѣ Владиміра Васильевича Волынскаго, упоминается и о томъ, что на погребеніи его присутствовалъ Агапитъ, игуменъ печерскій.

Историкъ Русской Церкви замѣчаетъ, по отношенію къ изложенному нами второму періоду существованія Кіево-Печерской лавры, что преемникамъ Θеодосія предстояло два дѣла: первое— «докончить и благоустроить церковь, имъ начатую, и второе—сохранить монастырь Печерскій на той степени внутренняго благоустройства и процвѣтанія, на какой онъ оставленъ преподобнымъ Θеодосіемъ» ([38]). Намъ кажется, что эта вторая половина задачи была въ значительной степени облегчена преемникамъ Θеодосія именно тѣмъ, что, благодаря неутомимой энергіи Θеодосія, въ обители Печерской установился такой духъ, укоренились такія преданія, которыя поколебать оказывалось не по силамъ не только отдѣльному лицу изъ братіи, но даже и могущественному представителю современной свѣтской или духовной власти. Этотъ духъ и эти преданія олицетворялись въ строгомъ, но прекрасномъ образѣ св. Антонія и Θеодосія, великихъ основателей великой обители и, по мѣрѣ того, какъ память о нихъ, какъ живыхъ и энергическихъ дѣятеляхъ, вымирала и забывалась, на мѣсто ея выступала, облеченная ореоломъ святости, поэтическая легенда, переданная потомству восторженными учениками и почитателями

этихъ подвижниковъ. Не прошло и десяти лѣтъ послѣ кончины Антонія и Θеодосія, какъ эта легенда сложилась уже на столько, что ихъ имена стали неразлучны со всякимъ упоминаніемъ обители Печерской. Антоній и Θеодосій представлялись вѣчно-молящимися передъ престоломъ Всевышняго «за здѣсущую братію, и за мірскую братію, и за приносящія въ монастырь», и не только представителями и пособниками на все доброе, не только избавителями отъ всякаго зла, но и постоянно озабоченными, добрыми хозяевами своей обители, какими они были при жизни. Къ нимъ посылаетъ Царица Небесная иконописцевъ изъ Влахерны; они нанимаютъ въ Византіи каменоздателей для довершенія Печерской церкви; они стоятъ постоянно на стражѣ у вратъ своей обители. Безъ ихъ воли, безъ ихъ благословенія никто не можетъ ни войти въ обитель, ни выйти изъ нея, «оставивъ святый честный монастырь и святыхъ отцевъ Антонія и Θеодосія и святыхъ черноризцевъ, иже съ ними». И эти живыя, всѣмъ дорогія преданія связывали всѣхъ неразрывною связью и обращали Печерскій монастырь (по выраженію одного изъ печерскихъ иноковъ, писателя XIII в.) въ такое «море, которое не держитъ въ себѣ ничего гнилаго, но выбрасываетъ вонъ» ([39]).

И дѣйствительно,—въ стѣнахъ обители Печерской собирались тѣ дѣятели, которые не удовлетворялись современной дѣйствительностью и проникнувшись высшими идеалами христіанства, стремились къ иной, высшей, духовной дѣятельности, къ иной высшей цѣли. На это прямо указываютъ намъ краснорѣчивыя страницы живой монастырской хроники, изъ которой мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя отрывки.

Въ свѣтлой и славной одеждѣ боярской, на борзомъ конѣ, окруженный толпою отроковъ, подъѣзжаетъ къ вратамъ Печерской обители молодой и статный витязь; за нимъ ведутъ множество коней, навьюченныхъ его богатствомъ. Изъ-за плохой деревянной ограды вышли къ нему на встрѣчу иноки, и во главѣ ихъ Антоній. Въ страхѣ и смиреніи поклонились иноки боярину до земли. А онъ слѣзаетъ съ коня, скидаетъ съ себя богатое убранство, полагаетъ его къ ногамъ Антоніевымъ и самъ падаетъ передъ нимъ ницъ: «вотъ прелести міра сего»,—говоритъ онъ,—дѣлай съ ними, что тебѣ угодно! Дозволь мнѣ только жить съ тобою въ уединеніи и въ бѣдности!» И Антоній принимаетъ его въ число «воиновъ Христовыхъ».

А вотъ рядомъ съ нимъ и другой воинъ той же рати. Въ тяжкой неволѣ, окованный желѣзомъ, сидитъ молодой красавецъ-юноша. Приглянулся онъ знатной Ляхинѣ, молодой и прекрасной; выкупаетъ его Ляхиня, окружаетъ богатствомъ и почестями, ласкаетъ его и прочитъ себѣ въ супруги. Но недавній плѣнникъ отвергаетъ

ея ласки и вздыхаетъ о тягостяхъ прежней неволи Возмущеннная красавица предаетъ его злымъ мукамъ! Ея слуги проникаются жалостью къ юношѣ и дивятся его упорству: «какъ это ты, простой плѣнникъ, и не хочешь быть нашей госпожи господиномъ? Изъ чего же ты мучишься? И Авраамъ былъ женатъ, и Исаакъ, и Іаковъ. Самъ Іосифъ, отказавшись отъ жены Пентефрія, также женился и получилъ царство».—«Не надо мнѣ чести въ Ляшской землѣ: я ищу небеснаго царства и хочу удалиться въ обитель». Пораженная его твердостью Ляхиня, въ припадкѣ страсти къ юношѣ, опять переходитъ къ лести и соблазнамъ. По ея повелѣнію, облекаютъ его въ многоцвѣтныя ризы, сажаютъ на коня и возятъ по всѣмъ ея владѣніямъ. «Это все твое», шепчетъ она, готовая сама служить ему: -«все твое!» «Кланяйтесь ему всѣ!» восклицаетъ она, обращаясь къ встрѣчнымъ,—«это вашъ господинъ, а мнѣ мужъ!» Но юноша глухъ и нѣмъ къ ея исканіямъ. «Исполни мое желаніе!» твердитъ ему женщина, поперемѣнно волнуемая то любовью, то ненавистью,—«исполни мое желаніе, или я велю терзать, казнить тебя». — «Не боюсь ничего, отвѣчаетъ юноша, и ничего мнѣ не нужно: я ищу небеснаго царства...» И черезъ тысячи мученій, опасностей и препятствій, онъ достигаетъ «тихаго пристанища»—обители Печерской.

Но и этого мало: вотъ, наконецъ, приходитъ и князь, сынъ князя черниговскаго, слагаетъ съ себя вѣнецъ княжескій и (въ 1106 г.) добровольно постригается въ обители Печерской ([40]). Три года сряду работаетъ онъ на поварнѣ, самъ рубитъ дрова, самъ носитъ воду на плечахъ своихъ, потомъ три года стоитъ онъ неотлучно, какъ простой стражъ, на стужѣ и знoѣ у вратъ монастырскихъ; потомъ служитъ братіи при трапезѣ, и наконецъ, по совѣту игумна и всей братіи, поселяется въ келліи. Здѣсь насаждаетъ онъ своими руками садъ, и если не стоитъ на молитвѣ, то занятъ какимъ-нибудь рукодѣліемъ, между тѣмъ какъ уста его непрестанно шепчутъ молитву Іисусову. Онъ отрекся отъ «міра и отъ всего, что въ мірѣ»: у него нѣтъ ничего своего. Все, что имѣлъ онъ, то принесъ въ даръ обители. Живя въ мірѣ, прилежалъ онъ книгамъ, любилъ собирать и читать ихъ; но и эти «многія книги свои» тоже принесъ въ даръ обители. Тѣ, которыхъ оставилъ онъ въ мірѣ, о немъ вспоминаютъ, о немъ жалѣютъ, ему присылаютъ дары щедрые... А онъ одѣляетъ ими нищую братію, онъ отдаетъ ихъ на устроеніе церкви: ему тоже ничего не нужно, онъ твердо идетъ по пути къ «иному, лучшему царству».

И, рядомъ съ подобными избранниками, видимъ ряды другихъ, одинаково страстно ре[illegible]хся въ обитель. Тутъ и любимые тіуны княжескіе, бѣжавшіе [illegible]ъ міра, и простые селяне, и священники, и богатые куп[illegible] привыкнувшіе питаться одною ле-

*

бедою... Тутъ и Кіевляне, и Новгородцы, и Полочане, и Торопчане, и Смольняне, и Варяги, и Угры. Тутъ и цвѣтущіе юноши, и маститые старцы, живые свидѣтели первыхъ временъ распространенія христіанства на Руси, и высокопросвѣщенные представители лучшихъ силъ современной образованности, и вдохновенные творцы духовныхъ пѣснопѣній, и талантливые живописцы — и люди, совершенно не грамотные, не вкусившіе никакой науки... И всѣ они дѣти одной матери—обители Печерской; всѣ они одинаково «воины рати Христовой», готовые во всѣ концы земли Русской идти на муку и на проповѣдь, готовые страдать и трудиться во славу Божію, въ честь и прославленіе своей обители и ея святыхъ основателей, Антонія и Ѳеодосія.

Отсюда-то идутъ миссіонеры — и въ дремучіе лѣса Вятичей, и въ Половецкія степи, и въ далекую Тмутаракань. Отсюда же выходитъ потомъ цѣлый рядъ епископовъ, которыхъ наперерывъ ищутъ и желаютъ всѣ области русскія.

И въ то время, когда по всей землѣ Русской распространялась слава обители Печерской, когда другія обители заимствовали отъ нея свой уставъ, и цѣлыя области являлись поприщемъ дѣятельности для смиренныхъ иноковъ Печерскихъ,—въ монастырѣ Печерскомъ болѣе и болѣе возрастала и укрѣплялась горячая любовь, нѣжная сыновняя привязанность къ родной обители, гордая увѣренность въ томъ, что рядомъ съ ней не можетъ быть поставлена никакая обитель не только въ Россіи, но даже и гдѣ бы то ни было.

Епископъ владимірскій Симонъ, въ своемъ посланіи къ иноку Поликарпу, прославляя обитель Печерскую, прямо называетъ въ ней церковь св. Богородицы «архимандритіей всей земли Русской», а сообщивъ всѣ сказанія о чудесахъ, сопровождавшихъ ея построеніе, восклицаетъ въ заключеніе разсказа: «какая церковь въ *Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ* ознаменовалась такими чудесами! Пройди *всѣ* книги и *нигдѣ* не найдешь подобныхъ чудесъ!» Мудрено-ли, послѣ всего этого, слышать изъ устъ того-же епископа Симона, въ заключеніе его посланія къ Поликарпу: «Передъ Богомъ скажу тебѣ: всю мою славу и власть (епископскую) вмѣнилъ-бы я за ничто, если бы могъ хотя хворостиною торчать за воротами или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести!» Не удивятъ насъ, послѣ этого, и заботы, прилагаемыя иноками печерскими о томъ, чтобы тѣло ихъ, по смерти, непремѣнно было возвращено въ стѣны ихъ родной обители и покоилось «въ блаженной той персти».

Переходя отъ далекаго прошлаго къ настоящему Кіево-Печерской лавры, мы должны признать за несомнѣнный фактъ то, что эта древняя обитель, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, представляетъ намъ очень немного остатковъ своей старины. Стѣны, башни, колокольни, соборъ, церкви, часовни, кельи, ризница,—все ново, ново отъ основанія и до крестовъ; нигдѣ никакихъ слѣдовъ древняго зданія и древняго великолѣпія.

Нынѣшняя Кіево-Печерская лавра состоитъ изъ четырехъ частей: въ первой, возвышенной и ближайшей къ городу, находится сама *Лавра*; во-второй, внутренней же, при Святыхъ воротахъ—*Больничный* монастырь; въ третьей, нѣсколько восточнѣе лаврской Великой церкви,

Рис. 13. Пещера преподобнаго Нестора-лѣтописца въ Кіево-Печерской лаврѣ.

на долу, монастырь *Ближнихъ Пещеръ*; въ четвертой, еще далѣе къ юго-востоку, на холмѣ, монастырь *Дальнихъ Пещеръ*, отдѣляющійся отъ Ближнихъ Пещеръ глубокимъ оврагомъ. Въ нынѣшнемъ фасадѣ и всей архитектурѣ главнаго лаврскаго собора нѣтъ и слѣдовъ его древней Византійской постройки. На старинномъ барельефѣ, вдѣланномъ въ наружную стѣну лаврской колокольни, сохранилась, подъ изсѣченными на немъ иконами Божіей Матери и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, слѣдующая надпись: «*Основана была церьковь Пресвятыя Богородицы Печерскія на старомъ основаніи при великомъ королѣ Казимірѣ благовѣрнымъ игуменомъ Семеономъ Александровичемъ отчичемъ Кіевскимъ при архимандритѣ Іоаннѣ*».

Симеонъ Александровичъ, *отчичъ* (послѣдній удѣльный князь кіевскій), правилъ Кіевомъ съ 1455—1471. Возведеніе церкви изъ развалинъ, *на старомъ основаніи*, о которомъ упоминаетъ надпись на барельефѣ, какъ предполагаютъ, произведена около 1470 года. Но и эта возобновленная древняя церковь не дошла до насъ. Пожаръ, опустошившій въ 1718 году всю Печерскую обитель, обратилъ въ развалины и Великую ея церковь. Нынѣшній фасадъ церкви и главы на куполахъ ея никакъ не могутъ восходить позже временъ Петра Великаго и сильно отзываются тѣмъ нѣмецко-польскимъ стилемъ архитектуры, который былъ такъ сильно распространенъ при Августѣ II.

Главную святыню богатаго храма составляетъ икона Успенія Божіей Матери, по преданію, принесенная изъ Византіи храмоздателями. Живопись иконы—древняя византійская; писана она на кипарисной доскѣ, длиною въ 9, а шириною въ $6^{1}/_{2}$ вершковъ. Митрополитъ Евгеній описываетъ ее такъ: «на иконѣ изображена почившая на одрѣ Божія Матерь; передъ одромъ стоящее Евангеліе; при главѣ и ногахъ по пяти апостоловъ, изъ коихъ Петръ, при главѣ, съ кадиломъ, а Павелъ, особо, съ лѣвой стороны. При срединѣ одра, съ лѣвой же стороны, Спаситель, держащій въ пеленахъ душу Пресвятой Дѣвы и около главы его приникающіе крылатые два ангела, держащіе въ рукахъ убрусы». Святая икона эта, покрытая ризою изъ чистаго золота, вставлена въ серебряный кругъ, помѣщенный надъ Царскими вратами храма, въ центрѣ сіянія изъ серебряныхъ и позлащенныхъ лучей. Передъ нею горитъ неугасимая лампада.

Другая замѣчательная древность того же храма — икона Божіей Матери, предъ которою молился несчастный князь Игорь Ольговичъ, незадолго до прихода убійцъ. Рисунокъ ея выше былъ приложенъ къ нашему сочиненію (см. стр. 27).

Въ ризницѣ лаврской сохраняется еще одинъ замѣчательный обломокъ старины: мѣдный крестъ, приписываемый преподобному Марку Печернику или Гробокопателю (жившему около 1090 г.). Крестъ этотъ, четырехъ-конечный, сдѣланный изъ довольно тонкаго мѣднаго листа, длиною въ $5^{1}/_{4}$ верш., а въ поперечникѣ $3^{1}/_{3}$ верш. Работа креста признается нашими археологами византійскою. Особенность креста заключается въ томъ, что къ нему, съ одной стороны, придѣланъ, огибающій всѣ края креста, вертикальный ободокъ, въ $^{2}/_{3}$ вершка шириною. Вслѣдствіе этого крестъ, съ внутренней своей стороны представляетъ пустоту, родъ плоскаго сосуда, что и подало, вѣроятно, поводъ къ преданію, будто этотъ крестъ служилъ преподобному Марку вмѣсто сосуда для питія. На продольной перекладинѣ креста, вверху, къ ободку (съ внѣшней стороны) придѣлана выпуклость, въ видѣ украшенія; а внизу, также на внѣшней сторонѣ, находится часть металла, въ видѣ толстаго крючка.

На внутренней сторонѣ креста, между огибающими его ободками, незамѣтно никакихъ изображеній. На другой, внѣшней сторонѣ креста, въ срединѣ, углубленно представленъ Спаситель, по сторонамъ коего, на поперечной перекладинѣ, по шести апостоловъ; вверху св. Ѳеодоръ, а подъ ногами Спасителя, какъ можно догадываться, было изображеніе св. Георгія. Надписи сдѣланы отвѣсно по гречески, какъ и на кіево-софійскихъ мозаикахъ.

Кромѣ вышеуказаннаго, въ лаврѣ находятся еще два древнихъ барельефа, изсѣченныхъ изъ краснаго шифера, и нынѣ вставленныхъ въ наружную стѣну лаврской типографіи. Одинъ изъ этихъ барельефовъ представляетъ ветхозавѣтнаго Самсона, раздирающаго пасть льва; другой—какого-то царя, спящаго въ колесницѣ, везомой двумя львами. Къ этой же стѣнѣ типографіи прикрѣплено нѣсколько круглыхъ кафельныхъ, муравленыхъ украшеній, въ видѣ розетокъ, около 8 вершковъ въ поперечникѣ каждое; они напоминаютъ собою подобныя-же украшенія, находимыя въ развалинахъ древнихъ кіевскихъ церквей. Есть основаніе думать, что эти розетки составляютъ остатки отъ *прилѣпъ* или внѣшнихъ украшеній древняго храма. Что касается до барельефовъ, то по характеру своему, и по стилю работы, ихъ можно считать очень древними, быть можетъ даже восходящими до эпохи первоначальнаго построенія лаврской Великой церкви.

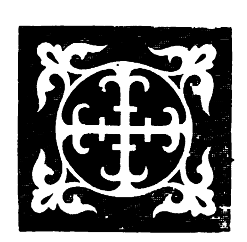
Въ заключеніе этого отдѣла, намъ остается сказать еще два слова о лаврскихъ пещерахъ, Ближнихъ и Дальнихъ. «Пещеръ Кіево-Печерской лавры», пишетъ митрополитъ Евгеній, «извѣстныхъ донынѣ, двѣ: Дальняя и Ближняя. Но въ разныя времена открывались еще многія внизъ по горѣ, вырытыя, вѣроятно, въ несчастныя времена отшельниками монастырскими для уединенія, а нынѣ завалившіяся и неизвѣстныя. Дальняя пещера была началомъ Печерскаго монастыря; по перенесеніи онаго на нынѣшнее мѣсто, въ прежнемъ оставлено только нѣсколько братіи для погребенія и поминовенія усопшихъ, коихъ полагали въ пещерахъ, вырывая для нихъ по бокамъ улицъ внутрь могилы; а для мирянъ было особое кладбище. Но оставались въ сей пещерѣ по боковымъ келліямъ и затворники. Другая пещера, Ближняя, Антоніева, ископана имъ уже послѣ первой, и послѣ обращена также въ кладбище и въ жительство нѣкоторыхъ затворниковъ. Намъ неизвѣстенъ первоначальный планъ обѣихъ этихъ пещеръ, кромѣ главныхъ улицъ, доводящихъ до келлій преподобнаго Антонія и Ѳеодосія и до ихъ братской трапезы, а также до Варяжской пещеры. По плану Кальнофойскаго 1638 г., онѣ значатся и меньше, и простѣе нынѣшнихъ (41). По временамъ и нужно было распространять ихъ для удобнѣйшаго размѣщенія св. мощей. Неизвѣстно также, какія св. мощи въ нихъ открыты были до Б[illegible]ствія и опустошенія, ибо при ономъ

всѣ онѣ были сокрыты братіею и келліи закладены, а по прошествіи уже опасностей вынуты по оставшимся извѣстіямъ и памятованію. Но Кальнофойскій утверждаетъ, что много еще осталось сокрытыхъ. Дѣйствительно, по сторонамъ пещерныхъ улицъ замѣтны многія закладенныя келліи и склепы» ([42]).

Замѣтимъ кстати, что кіевопечерскій архимандритъ Инокентій Гизель, въ письмѣ своемъ отъ 2 марта 1674 г., сообщаетъ, что даже и неизвѣстно, «до какихъ мѣстъ простираются кіевскія пещеры; ибо лѣтъ около 60 тому назадъ (слѣдовательно около 1614 г.) онѣ, отъ бывшаго въ то время землетрясенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завалились».

Свѣдѣнія, сообщаемыя о пещерахъ митрополитомъ Евгеніемъ и архимандритомъ Гизелемъ, тѣмъ болѣе важны для опредѣленія древности кіевскихъ пещеръ, что обвалы Печерскихъ горъ, по особому свойству почвы, неминуемо должны были происходить много разъ въ теченіе времени отъ XI и по XVII столѣтіе, а вмѣстѣ съ ними должны были обрушаться ископанныя въ нихъ пещеры отшельниковъ.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ та упорная борьба съ природою, которую вотъ уже около 150 лѣтъ непрерывно ведутъ иноки печерскіе. Не смотря на огромныя затраты, въ разное время произведенныя за этотъ періодъ, какъ изъ монастырской казны, такъ и изъ суммъ, отпущенныхъ правительствомъ на укрѣпленіе печерскихъ горъ,— опасность дальнѣйшаго обрушенія ихъ еще нельзя считать устраненною. «Гора, въ которой выкопаны Ближнія пещеры, кажется, укрѣплена довольно надежно. Но Днѣпръ постоянно продолжаетъ подмывать берега у пещерныхъ горъ; его подземные источники разрушаютъ горную почву, тающій снѣгъ и лѣтніе дожди, стекающіе ручьями, производятъ рытвины, углубленія и обвалы—и все это періодически угрожаетъ опасностью всей горѣ, особливо подъ Дальними пещерами лавры» ([43]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЦЕРКОВЬ.

Устройство Церкви.—Митрополитъ кіевскій и епископы.—Права и обязанности Церкви.—Доходы митрополита и епископовъ.—Отношеніе Церкви къ князьямъ кіевскимъ.—Празднества и обряды.—Внутреннее устройство и благолѣпіе храмовъ.—Кіевскія мозаики и фрески.—Утварь и облаченія.—Гробницы въ кіевскихъ храмахъ.

Кіевъ, какъ главное средоточіе княжеской свѣтской власти въ южной Россіи, долженъ былъ рано сдѣлаться и средоточіемъ власти духовной. Здѣсь жили и отсюда управляли русскою паствою кіевскіе митрополиты, сначала Греки, присылаемые изъ Константинополя, потомъ, попеременно, то Греки, то Русскіе.

Помощниками митрополита кіевскаго были епископы, которые, въ теченіе всего до-татарскаго періода, были рукополагаемы въ Кіевѣ. Митрополиту принадлежало право суда и расправы надъ епископами, причемъ онъ руководствовался изначала греческою кормчею или сборникомъ церковныхъ законовъ (номоканонъ) въ русскомъ переводѣ, а также и уставами Владиміра и Ярослава, ближе опредѣлявшими положеніе Церкви въ обществѣ и отношеніе духовной власти къ свѣтской. Не смотря на эту обширную власть, по которой митрополиту подчинены были всѣ епископы, а черезъ нихъ и все остальное духовенство, не видимъ, въ теченіе всего кіевскаго періода, преобладанія власти духовной надъ свѣтской. Отношенія той и другой, вообще говоря, оказываются почти равными и притомъ чрезвычайно благодушными. Князья и княгини, сильно преданные Церкви, горячо интересуются дѣлами церковными, принимаютъ участіе въ назначеніи игуменовъ и даже епископовъ, и не смотря на то, что право утвержденія ихъ принадлежитъ митрополиту, онъ большею частью утверждаетъ избранныхъ

князьями епископовъ. Мало того: князья нерѣдко даже злоупотребляютъ своею матеріальною силою, лишая епископовъ каѳедры и даже изгоняя ихъ прежде суда церковнаго.

Въ князьяхъ кіевскихъ, стоявшихъ постоянно во главѣ интересовъ Русской земли, замѣтно даже очень рано стремленіе избавить митрополію русскую отъ зависимаго положенія по отношенію къ Византіи. Но Греки пользовались очень ловко своимъ положеніемъ на Руси и не упускали возможности поддержать свое значеніе, тѣмъ болѣе, что митрополитамъ кіевскимъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, приходилось нерѣдко прибѣгать за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ патріарху константинопольскому, такъ какъ мѣстные соборы изъ епископовъ, собираемые въ Кіевѣ, не всегда могли прійти къ соглашенію по нѣкоторымъ вопросамъ церковнымъ.

Съѣзды духовенства въ Кіевѣ, судя по лѣтописямъ, были довольно часты, хотя собственно упоминается только о четырехъ соборахъ. Особенно обычны и многочисленны были съѣзды по поводу рукоположенія епископовъ. Нѣкоторые изъ нихъ бывали замѣчательно торжественны и справлялись великолѣпно. Такъ напр., лѣтопись (1231 г.) особенно подробно упоминаетъ о посвященіи въ епископы суздальскіе Кирилла II, при князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ и при сынѣ его Ростиславѣ. «Были въ то время», замѣчаетъ лѣтописецъ», многіе и другіе князья въ Кіевѣ на сонмѣ: Михаилъ князь черниговскій и сынъ его Ростиславъ, Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ и Ростиславъ Борисовичъ. Съ митрополитомъ Кирилломъ священнодѣйствовали: Порфирій черниговскій, Олекса полоцкій, епископы бѣлгородскій и юрьевскій, архимандритъ печерскій Анкудимъ, игумны спасскій, андреевскій, ѳедоровскій, васильевскій, воскресенскій, кирилловскій и Іоаннъ изъ Чернигова». Послѣ посвященія былъ великій праздникъ въ монастырѣ: «ѣло тамъ и пило такое множество людей, какое и сосчитать было не возможно».

Послѣ рукоположенія совершаемъ былъ надъ епископами обрядъ *настолованія*, т. е. возведенія на епископскій столъ. Обрядъ этотъ, по образцу церкви греческой, совершался надъ каждымъ новопоставленнымъ епископомъ или новоприбывшимъ изъ Греціи митрополитомъ, черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія его въ Кіевъ или послѣ рукоположенія епископа. Обрядъ состоялъ въ томъ, что во время литургіи, по прочтеніи евангелія, митрополитъ или епископъ возводимъ былъ другими священниками на столъ или каѳедру, стоявшую среди церкви, и торжественно привѣтствованъ возглашеніемъ со стороны всей его епархіи и цѣлованіемъ. Митрополитъ Иларіонъ самъ говоритъ о себѣ, что онъ былъ *настолованъ*, а митрополитъ Никифоръ даже сообщаетъ опредѣленно, что онъ «прибылъ на Русь 6 декабря, а 18 того же мѣсяца, на столъ посаженъ».

Доходы митрополита и епископовъ уже съ самаго начала кіевскаго періода оказываются весьма опредѣленными. Въ основѣ этихъ доходовъ видимъ уставъ Владиміровъ, которымъ подтверждалось право Десятинной церкви *на десятину*, то есть десятую долю всѣхъ доходовъ, получаемыхъ княземъ. Эта десятина состояла изъ десятой доли «виръ и продажъ» (судебныхъ пошлинъ), десятой доли пошлинъ торговыхъ (изъ торгу «десятая вѣкша»), десятой доли княжескихъ «даней, лововъ, стадъ и жита». Уставъ Владиміровъ опредѣляетъ высокое значеніе Церкви въ современномъ обществѣ русскомъ, поручая суду церковному, какъ высшему суду нравственному, всѣ преступленія противъ вѣры, противъ святости храмовъ и мѣстъ погребенія, противъ браковъ, семьи, чистоты нравовъ, а также и дѣла по наслѣдству, и дѣла по безчестію, нанесенному укоромъ «въ развратѣ, въ составленіи зелій или въ еретичествѣ». На сколько этими обязанностями судейскими оправдывалось полученіе доли отъ пошлинъ судныхъ, на столько же полученіе доли отъ пошлинъ торговыхъ налагало на церковь другую обязанность: наблюденіе за *вѣрностью мѣръ и вѣсовъ*. Такъ разнообразны были обязанности, которыя въ тотъ отдаленный періодъ могли быть поручаемы церкви. Уставъ Владиміровъ опредѣляетъ и тотъ кругъ лицъ, который исключительно подсуденъ церкви. Въ бытовомъ отношеніи для насъ важно то, что въ числѣ лицъ, подлежащихъ вѣдѣнію церкви, встрѣчаемъ, кромѣ лицъ, служащихъ въ церкви, упоминаніе о такихъ лицахъ какъ: *проскурница* (просвирня), *баба* (вѣроятно повивальная), *лѣчецъ* (врачъ) и «всѣ живущіе въ монастыряхъ, гостинницахъ и страннопріимницахъ», содержимыхъ на средства церкви.

Церковный уставъ ярославовъ служитъ какъ бы продолженіемъ и развитіемъ устава Владимірова. Не внося ничего новаго, онъ только ближе опредѣляетъ различіе между дѣлами, подсудными исключительно церкви, и дѣлами, въ которыхъ должна вмѣстѣ съ церковью принимать участіе и свѣтская власть. Въ послѣднемъ случаѣ и пошлины судебныя дѣлились «нà-полы» (пополамъ) между княземъ и епископомъ. Изъ другихъ памятниковъ видимъ, что въ доходъ епископовъ и митрополитовъ поступала и плата съ новопоставленныхъ лицъ и церквей.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ доходовъ, важнымъ источникомъ церковныхъ доходовъ были добровольныя пожертвованія со стороны прихожанъ ([44]). Благодаря щедрости князей, церковь, сверхъ того, очень рано получаетъ во владѣніе недвижимыя имущества: города и погосты, села, земли, воды и борти. Въ какой степени могли быть [illegible]чительными пожертвованія князей и частныхъ лицъ на [illegible]овныя, при общемъ усердіи къ церкви, это мы можем [illegible] сохранившихся намъ современныхъ извѣ-

стій о пожертвованіяхъ, въ краткое время обогатившихъ знаменитую Ѳеодосіеву обитель.

Въ 1083 г. пожертвована была купцами греческими мозаика для отдѣлки храма Пресв. Богородицы въ Печерской обители. Вскорѣ послѣ торжественнаго освященія церкви, въ 1089 г., въ ней уже устроенъ былъ каменный придѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи, въ память Іоанна боярина и сына его Захарія, которые пожертвовали для этой цѣли двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти—золота, при постриженіи своемъ въ обители.

Около 1086 г. Ярополкъ Изяславичъ, князь Владиміра-Волынскаго, подражая отцу своему Изяславу въ любви къ Кіево-Печерской обители, отдалъ ей все свое достояніе — волости: Небольскую, Деревьскую и Лучьскую (ум. 1086). Около 1096 г. одинъ изъ постриженниковъ кіево-печерскихъ, епископъ Ефремъ пожертвовалъ Печерскому монастырю дворъ въ Суздалѣ съ церковью св. Дмитрія и съ селами. Въ 1108 году, при игумнѣ Ѳеоктистѣ, окончена была каменная трапеза, вмѣстѣ съ церковью, построенная по повелѣнію и на иждивеніе кн. Глѣба Изяславича. Около того же времени построена больница и при ней церковь во имя св. Троицы иждивеніемъ черниговскаго кн. Николая Святоши, постриженнаго въ 1106 г. въ Печерской обители. Минскій князь Глѣбъ Всеславичъ, зять Ярополка Волынскаго, принесъ обители Печерской въ даръ 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота, а по смерти его (въ 1119 г.), супруга его Анастасія Ярополковна дала еще вкладъ въ 100 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота. Она же, при кончинѣ своей, завѣщала похоронить себя въ монастырѣ Печерскомъ и отказала монастырю пять селъ съ челядью (рабами). Въ 1130 г. Суздальскій тысяцкій князь Георгій, сынъ Шимона Варяга, прислалъ въ обитель 500 гривенъ серебра и 50 золота, на покованіе раки преподобнаго Ѳеодосія, и потомъ пожертвовалъ обители и ту гривну, которую носилъ на себѣ и въ которой заключалось 100 гривенъ золота.

Доходы Церкви и всѣ эти весьма значительныя пожертвованія употреблялись митрополитами и епископами по ихъ усмотрѣнію. Многія епископіи отъ нихъ быстро и богатѣли; но значительная доля доходовъ епископскихъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ митрополитъ Кириллъ, имѣла свое опредѣленное назначеніе, ибо шла, во 1-хъ, на содержаніе клира, каѳедральнаго храма и дома епископскаго, во 2-хъ,— на содержаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, въ пособіе потерпѣвшимъ отъ пожара или несправедливаго суда; въ 3-хъ— на возобновленіе церквей и монастырей.

Обиліе пожертвованій, постоянно приносимыхъ князьями и дружиною Церкви, служило доказательствомъ не только ихъ усердія къ церкви, но и тѣсной связи, установившейся изначала между сословіемъ

Рис. 14. Божія Матерь Нерушимая Стѣна (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

княжескимъ и представителями сословія духовнаго. Мы не видимъ распрей между княземъ и церковью, хотя и видимъ неопредѣленность отношеній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызывающую къ недоумѣніямъ и спорамъ. Церковь, смягчая современные нравы, являясь покровительницей вдовъ и сиротъ, защитницей правъ женщины и святости семейнаго союза— должна была оказывать сильное и благодѣтельное вліяніе на современное общество. Значительною долею этого вліянія церковь была обязана тому, что никогда не отрѣшалась вполнѣ отъ міра, не замыкалась въ особый, эгоистическій кругъ собственныхъ, исключительно церковныхъ интересовъ, а напротивъ того, участвовала, по мѣрѣ силъ, во всѣхъ печаляхъ и радостяхъ современнаго общества. Бытъ кіевскій даетъ намъ къ тому многочисленныя доказательства.

Попы, епископы, игумены, даже митрополиты являлись послами въ междукняжескихъ сношеніяхъ, посредниками и примирителями въ междоусобіяхъ, ходатаями за слабыхъ передъ сильными, совѣтниками на все доброе. Съ другой стороны и князья ничего не жалѣли для церкви, ласкали и кормили духовенство, являясь усерднѣйшими, можно сказать, образцовыми исполнителями всѣхъ церковныхъ обрядовъ.

Выше мы уже видѣли, что присутствованіе князя при богослуженіи входило въ распредѣленіе княжескаго дня. Само собою разумѣется, что князья принимали живѣйшее участіе во всѣхъ церковныхъ торжествахъ:—закладкахъ церквей, посвященіяхъ въ санъ епископа, настолованіяхъ, крестныхъ ходахъ и т. д. Чрезвычайно любопытны и важны въ бытовомъ отношеніи тѣ подробности, которыя лѣтопись и другіе современные памятники сохранили намъ еще объ одномъ видѣ церковныхъ празднествъ—о перенесеніяхъ мощей, справлявшихся съ большой торжественностью.

Древнѣйшими образцами празднествъ такого рода слѣдуетъ считать два перенесенія мощей св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, происходившія въ Вышгородѣ: первое въ 1075 г., при перенесеніи мощей изъ старой деревянной церкви въ новую, деревянную же, второе въ 1115 г., при перемѣщеніи тѣхъ же мощей изъ деревянной церкви въ новую каменную.

Первое перенесеніе мощей сопряжено было съ освященіемъ новой церкви, на которое Изяславъ, князь кіевскій, пригласилъ всѣхъ сосѣднихъ князей, а митрополитъ сосѣднихъ епископовъ, все мѣстное духовенство бѣлое и черное, въ числѣ котораго присутствовалъ на этомъ торжествѣ и знаменитый игуменъ печерскій Ѳеодосій. 1-го мая митрополитъ освятилъ церковь и отслужилъ литургію. На другой день приступили къ перенесенію мощей. Сначала подняли мощи св. Бориса, которыя почивали въ деревянной ракѣ. Впереди шествія пошли черноризцы съ зажженными свѣчами, потомъ слѣдовали діаконы съ кади-

лами и священники въ облаченіи, далѣе— епископы съ митрополитомъ. а за нимъ ужъ сами князья, несшіе раку. Мощи св. Глѣба, покоившіяся въ каменной ракѣ, князья уже не понесли на рукахъ, а поставили на колесницу и на себѣ повезли къ новой церкви. Обѣ раки были поставлены въ церкви на правой сторонѣ. Затѣмъ стали прикладываться къ главѣ св. Бориса и къ рукѣ св. Глѣба, причемъ митрополитъ, взявъ эту руку и облобызавъ, прилагалъ къ своимъ очамъ и сердцу, потомъ благословлялъ ею поочередно князей и наконецъ—весь народъ. Послѣ того князь Святославъ еще разъ приблизился къ митрополиту и просилъ приложить св. руку къ ранѣ его, которая была у него на шеѣ, также къ его очамъ и темени: на главѣ князя остался, при этомъ прикосновеніи, одинъ ноготь св. Глѣба, который князь и принялъ, какъ благословеніе. По окончательномъ установленіи мощей совершена была торжественная литургія, а затѣмъ князья устроили большой обѣдъ, на которомъ присутствовали вмѣстѣ съ боярами своими, роздали много милостыни нищимъ и, мирно простившись, разъѣхались по домамъ.

Еще торжественнѣе было отпраздновано вторичное перенесеніе мощей св. страстотерпцевъ въ новую каменную церковь, заложенную еще Святославомъ черниговскимъ въ 1076 г., но достроенную и росписанную уже Олегомъ Святославичемъ въ 1115 г. Опять къ 1 Мая собрался въ Вышгородѣ большой съѣздъ: и стеченіе народа было громадное. Тутъ изъ числа князей находились: самъ Владиміръ Мономахъ съ сыновьями, Давидъ и Олегъ Святославичи также съ сыновьями, митрополитъ кіевскій съ епископами, клиръ и бояре. 1-е Мая пришлось во вторую субботу по Пасхѣ и въ этотъ день торжественно освящена была церковь митрополитомъ и епископами, послѣ чего строитель храма Олегъ угощалъ князей и духовенство богатымъ пиромъ.

На другой день, въ недѣлю женъ мироносицъ, отпѣвъ одновременно заутреню въ церквахъ, новой и старой, приступили къ перенесенію мощей. Раку св. Бориса поставили на «возила» и повезли сами князья съ боярами; имъ предшествовали митрополитъ и епископы въ полномъ облаченіи, а впереди епископовъ шли игумны, священники, черноризцы,—всѣ съ зажженными свѣчами. Любопытно, что вокругъ князей и бояръ, окружавшихъ святыню, несли *ворь* (огорожу изъ жердей), чтобы защитить ихъ отъ давки. «Но толпа была такъ велика, что невозможно было двигаться шествію съ мощами:—даже и *ворь* поломали». Тогда Владиміръ Мономахъ приказалъ бросать въ толпу деньги и куски паволокъ, чтобы очистить дорогу. На протяженіи всего пути народъ взывалъ: «киріе елейсонъ» (Господи, помилуй!) и всѣ плакали отъ радости. Когда и рака св. Глѣба была тѣмъ же самымъ порядкомъ перевезена въ церковь, между князьями произошло разногласіе: Мономахъ хотѣлъ поставить обѣ раки посреди церкви и надъ

Рис. 15. Лѣвая, сѣверная часть изображенія Тайной Вечери (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

Рис. 16. Правая, южная часть изображенія Тайной Вечери (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

ними устроить серебряный теремъ, а Давидъ и Олегъ желали, чтобы раки поставлены были на правой сторонѣ церкви, въ нарочно уже приготовленные для нихъ своды (коморы). Митрополитъ и епископы предложили князьямъ бросить жребій. Князья согласились; положили два жребія на престолъ, и вынулся жребій Олега и Давида, послѣ чего раки и были поставлены на правой сторонѣ церкви. Затѣмъ совершена была литургія и послѣдовалъ въ Вышгородѣ трехдневный праздникъ, послѣ котораго всѣ разъѣхались ([45]). Замѣтимъ кстати, что уже со времени перваго перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба церковью русскою установлено праздновать день этого перенесенія (2-го мая) на вѣчныя времена, и этотъ праздникъ является однимъ изъ древнѣйшихъ на Руси, куда вмѣстѣ съ христіанствомъ перешли первоначально всѣ праздники Церкви Восточной. Первыми же въ числѣ русскихъ праздненствъ церковныхъ являются именно дни открытій и перенесеній св. мощей мѣстно-чтимыхъ святыхъ (св. Ольги, Владиміра, Бориса и Глѣба и Ѳеодосія Печерскаго) и дни освященія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ церквей кіевскихъ, напр. Кіево-Софійскаго собора и церкви Георгіевской.

О планѣ древнѣйшихъ кіевскихъ церквей мы уже говорили выше (на стр. 14, 23, 25), при обзорѣ топографіи древняго Кіева и остатковъ важнѣйшихъ кіевскихъ памятниковъ. Насколько можно судить по изслѣдованію фундаментовъ Десятинной и Ирининской церкви, по собору св. Софіи и еще двумъ-тремъ другимъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени храмамъ (отдѣляя въ нихъ позднѣйшія пристройки отъ первоначальнаго остова зданія) — планъ кіевскихъ храмовъ почти всегда представлялъ прямоугольникъ, у котораго сѣверная и южная стороны незначительно длиннѣе восточной и западной. Размѣры храмовъ, судя по ихъ основаніямъ, какъ въ длину, такъ и въ ширину— были весьма невелики, и самые храмы едва-ли могли быть высоки. Въ большихъ церквахъ къ западной сторонѣ примыкали *полати* (или хоры), утвержденныя на каменныхъ или кирпичныхъ столбахъ. Впрочемъ, алтарная часть храма иногда выступала полукружіемъ, которое и заключало въ себѣ собственно алтарь, а по бокамъ его, въ особыхъ отдѣленіяхъ помѣщались—жертвенникъ (въ сѣверномъ) и дьяконникъ или ризница (въ южномъ). Окна были узкія, къ верху округлыя, и, при значительной толщинѣ стѣнъ, мало могли пропускать свѣта внутрь храма.

Гораздо болѣе положительныхъ данныхъ имѣемъ мы о внутреннемъ устройствѣ древнихъ кіевскихъ храмовъ. Драгоцѣннымъ и дивно-сохранившимся памятникомъ церковной древности, вполнѣ знакомящимъ насъ со всѣми подробностями мозаическихъ и живописныхъ украшеній [illegible] храма XI—XII вѣка, является св. Софія Кіевская.

Переступивъ порогъ этого собора, мы, безъ малѣйшаго усилія, можемъ возстановить передъ собою все внутреннее благолѣпіе древней святыни кіевской въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создана была византійскими строителями и художниками, вызванными въ Кіевскую Русь Владиміромъ и Ярославомъ.

Весь храмъ въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ, на всѣхъ стѣнахъ и сводахъ алтаря, подъ главнымъ куполомъ, на стѣнахъ и аркахъ, служащихъ ему подпорою и образующихъ средину храма, а также и въ выступахъ, составляющихъ алтарныя части придѣловъ—украшенъ былъ сверху до низу богатѣйшею мозаикою, остатки которой донынѣ еще представляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древняго мозаическаго искусства въ Европѣ. Все остальное пространство храма, не исключая столбовъ, простѣнковъ, карнизовъ и лѣстницъ—покрыто было фресковой живописью. До какой степени много труда, издержекъ и времени было потрачено на подобное украшеніе св. Софіи, можно судить уже по тому, что уцѣлѣло и до настоящаго времени на стѣнахъ этого храма, послѣ восми-вѣковаго существованія его, послѣ всѣхъ невзгодъ, перенесенныхъ имъ въ различныя эпохи. Когда, въ 1842 году, изъ-подъ толстаго слоя штукатурки, протоіереемъ Сухобрусовымъ и академикомъ Сонцевымъ были открыты первыя фрески, и вслѣдъ за тѣмъ, по желанію Императора Николая I, приступлено къ возобновленію древней фресковой живописи, то оказалось, что на стѣнахъ св. Софіи уцѣлѣло до нашего времени 25 фресокъ многоличныхъ, на которыхъ насчитываютъ 154 фигуры нѣсколько менѣе обыкновеннаго человѣческаго роста; фресокъ одноличныхъ, съ фигурами, писанными во весь ростъ—220, поясныхъ 118, а всего 338 фигуръ; фресокъ аллегорическихъ, не вполнѣ разгаданнаго, мірского содержанія, всего 33 отдѣльныя картины, въ которыхъ насчитываютъ до 133 фигуръ. На возобновленіе этихъ фресокъ и написаніе новыхъ въ тѣхъ мѣстахъ собора, гдѣ фресковой живописи не было открыто, потребовалось около десяти лѣтъ работы и около 100,000 рублей затраты.

Не вдаваясь въ чрезвычайно подробную исторію возобновленія св. Софіи, поучительную и важную въ смыслѣ археологическомъ, мы постараемся изобразить читателю, на основаніи точнѣйшихъ археологическихъ данныхъ, внутренность св. Софіи въ томъ именно видѣ, въ какомъ она должна была являться современникамъ Ярослава и его ближайшихъ преемниковъ.

Прямо противъ западныхъ входныхъ дверей храма, изъ-за низкаго иконостаса взорамъ каждаго и прежде, какъ теперь, должно было представляться колоссальное мозаическое изображеніе Божіей Матери, получившей въ настоящее время между богомольцами, за диві вѣчность свою, названіе «Нерушимой Стѣны». Изображеніе

дится надъ горнимъ мѣстомъ, почти на сводѣ алтаря, представляющемъ громадную нишу съ округлымъ сводомъ. По своему высокому положенію и по своимъ громаднымъ размѣрамъ (7 арш. высоты) икона эта господствуетъ не только надъ алтаремъ, но и надъ всѣмъ храмомъ, и видна почти со всѣхъ главныхъ пунктовъ его.

Карнизъ и двѣ узорныя мозаическія каймы отдѣляютъ икону Божіей Матери отъ изображенія Тайной Вечери, занимающаго все пространство алтарнаго выступа, отъ одного угла до другаго (въ вышину 5 аршинъ, въ ширину 33 аршина). Ниже Тайной Вечери, въ алтарномъ полукружіи, находится третій, нижній рядъ мозаическихъ изображеній. Въ этомъ ряду картинъ (вышина 4 арш., длина также 33 арш.) отдѣльными лицами представлены два св. архидіакона и восемь святителей.

Громадная алтарная ниша, составляющая восточную половину алтаря, въ св. Софіи отдѣлена уступомъ отъ западной части алтаря. На верхней, отвѣсной части уступа, подъ переднимъ (западнымъ) алтарнымъ сводомъ изображенъ *Деисусъ* (т. е. ликъ Спасителя, а по сторонамъ его лики Божіей Матери и Іоанна-Предтечи).

Ниже Деисуса, по краю всего свода, на уступѣ, въ видѣ бордюра или рамки, изображена по-гречески большими черными буквами слѣдующая надпись, заимствованная изъ псалмовъ Давидовыхъ (XLV с. 6. 7): «Богъ посредѣ Его и не подвижется, поможетъ ей Богъ день и день».

Въ передней половинѣ алтарной ниши остались теперь только слѣды осыпавшейся мозаики и нѣтъ никакихъ изображеній; но есть основаніе предполагать, что здѣсь находились мозаическія изображенія апостоловъ отъ числа 70, по четыре лика въ рядъ.

Тамъ же, гдѣ полуокруглыя стѣны алтаря составляютъ его оконечности и приближаются къ иконостасу, представляя собою юго-восточную и сѣверо-западную подпоры для главнаго купола, — съ лицевой стороны, обращенной къ лѣвому клиросу, находится изображеніе Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Оно раздѣлено на двѣ части: на юго-восточной подпорѣ изображена Божія Матерь, на сѣверо-западной — Архангелъ Гавріилъ. Надъ ликомъ Богоматери, съ правой стороны, обычное МР—ΘV; а съ лѣвой, по гречески же: «се раба Господня, буди ми по глаголу твоему». Надъ изображеніемъ благовѣствующаго Архангела, съ лѣвой стороны, греческая надпись: «Архангелъ Гавріилъ», а съ правой, также по гречески: «радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!»

На четырехъ аркахъ подъ главнымъ куполомъ, и именно на нижней сторонѣ ихъ, были мозаическія изображенія сорока мучениковъ (въ   ) 10 на каждой аркѣ. Надъ каждымъ ликомъ горизон-

тально греческая надпись. Въ настоящее время изъ числа сорока изображеній сохранилось только пятнадцать: десять на южной аркѣ и пять на сѣверной, со стороны иконостаса.

Въ сферическихъ треугольникахъ (парусахъ или люнетахъ), подъ главнымъ куполомъ, изображены были четыре Евангелиста, изъ которыхъ на юго-западномъ треугольникѣ образъ Евангелиста Марка сохранился почти въ цѣлости.

Весь куполъ собора былъ также украшенъ мозаическими изображеніями; по сохранившимся слѣдамъ ихъ очертаній, какъ увѣряютъ, можно видѣть, что первоначально, въ верху купола, изображенъ былъ Іисусъ Христосъ, а по сторонамъ его четыре ангела. Всѣ эти изображенія представлены были въ колоссальныхъ размѣрахъ, судя по тому, что каждое крыло ангела было въ сажень длиною.

Изъ числа всѣхъ этихъ мозаическихъ изображеній остановимся только на трехъ важнѣйшихъ, которыя и опишемъ здѣсь подробно, предложивъ вниманію читателя самые точные снимки ихъ въ текстѣ нашей книги. Первое мѣсто по важности и значенію въ ряду Кіево-Софійскихъ мозаикъ занимаетъ конечно икона Божіей Матери Нерушимой стѣны. Божія Матерь изображена на этой иконѣ стоящею на золотомъ ромбоидальномъ подножіи, коего двѣ стороны, нижняя и правая, украшены каймою.

Пресвятая Дѣва стоитъ въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми горѣ руками, въ хитонѣ голубаго цвѣта, препоясанная узкимъ червленнымъ поясомъ, за коимъ заткнутъ бѣлый платокъ, украшенный посрединѣ золотымъ крестикомъ, и по краямъ золотымъ бордюромъ съ простой бахромой. На рукахъ ея поручи тоже голубаго цвѣта, съ полосами и крестами. На главѣ и раменахъ широкій, золотистый покровъ или складочная фелонь ([46]), которой одинъ конецъ перевѣшенъ черезъ лѣвое плечо и ниспадаетъ до пояса; затѣмъ та-же фелонь, украшенная каймою и бахрамою, опускается съ обѣихъ сторонъ, до колѣнъ. На плечахъ и главѣ по серебристой небольшой звѣздѣ. Обувь простая. Кругъ около главы Пресвятой Дѣвы, означающій вѣнецъ или сіяніе, состоитъ изъ двухъ узкихъ полосъ, вѣрнѣе — двухъ концентрическихъ круговъ, внутренняго краснаго, а внѣшняго бѣлаго.

Не менѣе иконы Божіей Матери важно находящееся подъ нею изображеніе Тайной Вечери. На срединѣ полукружія алтарной стѣны представлена св. Трапеза; она покрыта багряною матеріею съ золотыми цвѣтами, кругами и отвѣсными полосами. На срединѣ Трапезы золотой четыреконечный крестъ; на лѣвой (сѣверной) сторонѣ ея стоитъ золотой дискосъ, съ раздробленнымъ на немъ хлѣбомъ. На правой (южной) сторонѣ Трапезы развернута стоящая звѣзда (астерискъ) сребристаго цвѣта, лежитъ копіе въ видѣ узкаго, остроконечнаго треугольника и

Рис. 17. Пресвятая Дѣва (часть мозаическаго изображенія Благовѣщенія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ).

какой-то ромбоидальный предметъ золотаго цвѣта. Позади Трапезы поставлена бѣлая сѣнь (киворіонъ), утвержденная на трехъ столпахъ. Два ангела по сторонамъ трапезы осѣняютъ ее золотыми рипидами. Оба ангела представлены въ бѣлыхъ хитонахъ и съ крыльями такого же цвѣта. Возлѣ ангеловъ, при обѣихъ сторонахъ трапезы, стоятъ два изображенія Спасителя; изъ нихъ одно обращено въ правую, другое въ лѣвую отъ Трапезы сторону. Оба изображенія въ золотыхъ хито-

Рис. 18. Древній видъ Софіи Кіевской (по рисунку XVII вѣка).

нахъ, поверхъ которыхъ наброшены голубыя хламиды. Между обоими изображеніями Спасителя существуетъ небольшое различіе только въ расположеніи складокъ одежды. Лѣвое изображеніе Спасителя подаетъ одною правою рукою св. хлѣбъ, плоскій, въ видѣ кружала, а лѣвую руку протягиваетъ, какъ бы для поддержанія подаваемаго. Къ этому лѣвому изображенію подходятъ шесть апостоловъ, одинъ за другимъ, «съ преклоненнымъ благоговѣйнымъ видомъ и съ распростертыми дланьми къ принятію предлагаемаго хлѣба». Первый, ближайшій къ Спасителю апостолъ держитъ обѣ руки вмѣстѣ, одну надъ другой, крестообразно, въ такомъ видѣ, въ какомъ каждый православный и до-

селѣ принимаетъ благословеніе отъ духовнаго отца. Всѣ апостолы одѣты въ свѣтлые, почти бѣлые хитоны, поверхъ которыхъ накинуты хламиды. Какъ у Спасителя, такъ и у апостоловъ на обнаженныя ноги надѣты сандаліи съ черными обвязями. Надъ этою половиною изображенія Тайной Вечери находится черный, четвероконечный крестъ и непосредственно за нимъ надпись на греческомъ языкѣ большими черными буквами: «пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ». На правомъ отъ трапезы (южномъ) изображеніи Спаситель подаетъ другимъ шести апостоламъ чашу, золотую, короткую и съ неясными очертаніями. Апостолы представлены въ такомъ же видѣ, какъ и съ лѣвой стороны; но мозаическія изображенія послѣднихъ четырехъ въ этомъ ряду апостоловъ отпали. Надъ изображеніемъ другая, соотвѣтствующая первой, греческая надпись: «пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ».

Третье замѣчательное мозаическое изображеніе — Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы, раздѣленное, какъ мы уже выше упоминали, на двѣ части. Въ одной изъ этихъ частей Пресвятая Дѣва представлена на золотомъ, узорчатомъ, четырехугольномъ подножіи. Одежда ея состоитъ изъ синяго хитона; на главѣ и раменахъ покровъ, тоже синяго цвѣта, съ большими складками, спускающимися до колѣнъ. Ниспадающія съ лѣвой руки складки покрова украшены богатою золотою бахромою. Поручи золотые, съ крестами; обувь красная, съ золотыми полосками; на главѣ и персяхъ три звѣзды. Вокругъ главы вѣнецъ означенъ синею полосою. Въ лѣвой, нѣсколько приподнятой, рукѣ она держитъ продолговатый клубокъ красной пряжи. Отъ этого клубка виситъ на ниткѣ другой такой же точно клубокъ, служащій вмѣсто веретена и поддерживаемый правою рукою. Въ другой, соотвѣтствующей части той же иконы, благовѣствующій архангелъ представленъ какъ бы идущимъ на встрѣчу Божіей Матери: ликъ его обращенъ къ лику Пресвятой Дѣвы. Одежда его состоитъ изъ бѣлаго хитона; поверхъ хитона наброшена узкая и короткая хламида; одинъ конецъ ея переброшенъ черезъ лѣвую руку и въ круглыхъ складкахъ волнообразно заканчивается выше колѣна. Поручи у него золотые, съ полосками; на челѣ родъ ленты, концы которой, выходя изъ-за ушей, свободно вьются въ воздухѣ. На ногахъ сандаліи; простертая правая рука нѣсколько приподнята, а въ лѣвой держитъ онъ красную лилію.

Всѣ эти три изображенія, несомнѣнно принадлежащія греческому искусству XI вѣка, хранятъ на себѣ слѣды древнѣйшихъ христіанскихъ воззрѣній. Относительно иконы Божіей Матери ... кой Стѣны, должно замѣтить, что подобное мозаическое изо(... дится въ Цареградской Софіи, на Царскомъ сводѣ, надъ

ностасомъ. Кромѣ того, оказывается, что уже въ Римскихъ катакомбахъ встрѣчались весьма близкія къ этому изображенія Божіей Матери съ воздѣтыми руками. Тоже самое должно быть замѣчено и относительно изображенія Тайной Вечери, въ которомъ двойственное изображеніе Спасителя поражаетъ наивностью художническаго замысла и переноситъ въ эпоху младенчества искусства (47).

Важнымъ матеріаломъ для изученія кіево-софійскихъ мозаикъ являются остатки подобныхъ же мозаическихъ украшеній на алтарной стѣнѣ церкви св. Михаила въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ. Выше (на стр. 29) мы уже упоминали о томъ, что, по справедливому предположенію археологовъ, мозаики Михайловскія были довольно близкою копіей съ Софійскихъ, тѣмъ болѣе, что и самый храмъ, «въ особенности алтарь, если не тожественны съ Софійскимъ храмомъ по размѣрамъ, то весьма сходны по плану и внѣшнимъ формамъ».

Къ сожалѣнію, однакоже, въ храмѣ Михайловскомъ мозаическія украшенія сохранились намъ только въ видѣ жалкихъ остатковъ прежняго, великолѣпнаго внутренняго устройства храма. Разрушительному вліянію времени помогла намѣреннымъ истребленіемъ древнихъ мозаическихъ украшеній и рука человѣка (48). Изъ многихъ алтарныхъ мозаическихъ изображеній уцѣлѣло только изображеніе Тайной Вечери, да и то не вполнѣ: южная сторона его вся осыпалась. Чрезвычайно любопытны тѣ незначительныя различія, которыя существуютъ между совершенно подобными изображеніями Тайной Вечери въ св. Софіи и въ Михайловскомъ храмѣ. Отмѣтимъ ихъ здѣсь. Во 1-хъ, надъ св. трапезою нѣтъ сѣни; во 2-хъ, ангелы держатъ рипиды такимъ образомъ, что надъ св. трапезою образуется Андреевскій крестъ; въ 3-хъ, сѣверное изображеніе Спасителя правой рукою подаетъ Апостоламъ хлѣбъ, а въ лѣвой держитъ дискосъ безъ поддонка; въ 4-хъ, южное изображеніе держитъ чашу, обвитую голубою пеленою; въ 5-хъ, ученики Спасителя представлены въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, иные даже въ золотыхъ; въ 6-хъ,—что особенно любопытно и вѣрно—впереди престола изображенъ иконостасъ, представленный въ маломъ видѣ, очевидно за тѣмъ, чтобы не заграждать св. Трапезы и Таинства Причащенія. Посрединѣ врата раздѣляютъ этотъ иконостасъ на двѣ половины. Каждая половина иконостаса состоитъ изъ небольшихъ столбиковъ темносѣраго цвѣта; столбики эти украшены золотыми полосками, и наверху заканчиваются шариками. Между столбами — стѣны бѣлаго цвѣта съ мраморными полосами, утвержденныя на цоколѣ также темносѣраго цвѣта.

[illegible]ѣдъ за мозаиками при описаніи Софіи Кіевской, необходимо
и о многочисленныхъ фрескахъ собора. Объемъ нашего опи-
зволяетъ намъ говорить объ этомъ предметѣ подробно, и

мы удовольствуемся только тѣмъ, что отмѣтимъ важнѣйшія черты фресковой живописи, уцѣлѣвшей въ св. Софіи. О числѣ фресокъ, о ихъ подраздѣленіи на одноличныя и многоличныя, о числѣ изображенныхъ на нихъ фигуръ — мы уже говорили выше. По сравненіи съ изображеніями мозаическими, важною стороною фресковыхъ изображеній является то, что ихъ стиль совершенно подобенъ общему, строго-византійскому стилю мозаикъ: тотъ же характеръ въ представленіи ликовъ, та же сухость рисунка, та же постановка фигуръ и расположеніе складокъ одежды и т. д. Ту же близость, почти тожественность фресокъ съ мозаиками указываютъ археологи и въ подробностяхъ облаченія, формѣ крестовъ, въ атрибутахъ священныхъ лицъ и въ постановкѣ отдѣльныхъ фигуръ. Все это даетъ возможность предположить, что если бо́льшая часть древнихъ фресокъ и неодновременны съ мозаическими изображеніями собора, то все же очень близки къ нимъ по времени написанія, и едва-ли не были произведеніемъ тѣхъ самыхъ мастеровъ греческихъ, которые работали надъ мозаиками. Изъ числа древнихъ фресокъ лучше всѣхъ сохранились тѣ, которыя находятся въ алтарѣ придѣла Трехъ Святителей (древняго Георгіевскаго) и, по волѣ покойнаго Императора Николая, оставлены въ первоначальномъ видѣ. При обозрѣніи Кіево-Софійскаго собора, Государь сказалъ митрополиту Филарету: «фрески эти надобно оставить безъ поновленія; потомки наши, увидѣвъ ихъ, повѣрятъ намъ, что всѣ прочіе мы поновили, а не вновь написали» ([49]).

Внимательное изученіе Кіево-Софійскихъ мозаикъ и фресокъ, въ связи съ немногими другими фресками, уцѣлѣвшими въ остальныхъ храмахъ кіевскихъ—дало возможность возсоздать и остальныя подробности церковнаго быта въ древнѣйшемъ кіевскомъ періодѣ Руси..

Внутри церквей, на стѣнахъ или въ отдѣльныхъ кіотахъ выставлялись иконы, которыя уже очень рано введено было въ обычай украшать серебромъ и золотомъ, наравнѣ съ тѣми коморами и раками, въ которыхъ почивали мощи святыхъ ([50]). Немногія изъ иконъ того времени уцѣлѣли въ Кіевѣ и дошли до насъ въ видѣ, не искаженномъ рукою позднѣйшихъ подновителей. Такихъ иконъ въ Кіевѣ извѣстно три: 1) Икона Божіей Матери Кіево-Печерской, принесенная изъ Царьграда каменоздателями, прибывшими въ Кіевъ около 1073 г., для сооруженія Великой печерской церкви, и въ этой церкви донынѣ сохраняемая въ подлинномъ видѣ. 2) Икона святителя Николая, именуемаго Мокраго, впервые прославленная чудомъ, случившимся въ дни великаго князя Всеволода I (1073—1093 гг.); нынѣ находится въ придѣлѣ Кіево-Софійскаго собора, устроенномъ на хорахъ, во имя святителя Николая. 3) Икона Божіей Матери, передъ которою молился незадолго до своей мученической кончины св. князь Игорь Ольговичъ, въ Кіевскомъ Өе-

доровскомъ монастырѣ; она находится въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ придѣлѣ св. Стефана, въ алтарѣ надъ жертвенникомъ.

Священные сосуды употреблялись у насъ въ церквахъ съ самаго начала тѣ-же самые, какіе употребляются и донынѣ, быть можетъ, лишь съ весьма незначительнымъ отличіемъ въ формѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вещей. На мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора видимъ въ рукахъ Спасителя потиръ или *чашу*, изъ которой онъ пріобщаетъ апостоловъ и на самой *трапезѣ*, съ правой стороны—*дискосъ*, съ раздробленнымъ Тѣломъ Господнимъ; съ лѣвой — развернутую и стоящую *звѣздицу*; въ рукахъ ангеловъ видимъ *рипиды*, простертые надъ трапезою; въ правыхъ рукахъ архидіаконовъ Стефана и Лаврентія—*кадильницы*, и въ лѣвой рукѣ у послѣдняго *ладанницу* ([50]).

Кресты, уцѣлѣвшіе на мозаикахъ и фрескахъ кіевскихъ и на миніатюрахъ святыхъ въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 г.—всѣ четвероконечные. Крестъ преподобнаго Марка Гробокопателя (конца XI вѣка), доселѣ хранящійся въ его пещерѣ и особенно чтимый богомольцами, также четвероконечный. Четыре креста, найденные въ развалинахъ кіевской Ѳеодоровской церкви (осн. въ 1128 г.), всѣ четвероконечные. Насколько можно судить по всѣмъ этимъ указаніямъ, должно предполагать, что четвероконечная форма креста была преобладающею въ начальномъ періодѣ нашей церкви и какъ шестиконечная, такъ и осьмиконечная форма его — введены были въ употребленіе нѣсколько позже.

Кромѣ иконъ и крестовъ, изъ церковныхъ вещей того времени упоминаются еще сосуды серебряные, *индитьбѣ*, *индитьѣ*, отъ греческаго *эндюти* — верхняя престольная одежда) и *служебные платы* (вѣроятно, воздухи), шитые золотомъ, *кацьи* (сосуды съ ручками, для кажденія) и *била*, употреблявшіяся преимущественно въ монастыряхъ, вмѣсто колоколовъ ([51]).

Кіевскія мозаики и фрески даютъ намъ возможность составить себѣ довольно ясное понятіе и о священнослужительскихъ облаченіяхъ того времени. Діаконы на мозаикахъ изображены въ *стихаряхъ съ ораремъ* черезъ лѣвое плечо, а святители—и на мозаикѣ, и на фрескахъ Софійскаго собора,—представлены съ *непокрытыми головами*, *въ подрясникахъ*, *епитрахиляхъ*, *набедренникахъ*, *фелоняхъ и омофорахъ поверхъ фелоней;* изъ этого можно прійти къ тому заключенію, что и въ нашей церкви, какъ въ современной этимъ памятникамъ церкви греческой, епископы *не носили еще ни саккосовъ*, *ни митръ*, и отъ священниковъ отличались въ облаченіи только омофоромъ. «Есть однако же основаніе думать»,— замѣчаетъ [illegible] опъ Макарій,—«что собственно митрополитъ русскій, по [illegible] тантинопольскаго патріарха и по праву, отъ него и ото [illegible] нопольскаго собора данному еще въ самомъ на-

чалѣ, облачался въ саккосъ при богослуженіи, въ отличіе отъ подвластныхъ ему епископовъ, и то не всегда, а только въ нѣкоторые самые великіе праздники» (53).

Для дополненія картины современнаго русскаго храма XI и XII столѣтія припомнимъ весьма распространенный въ то время обычай хоронить умершихъ въ церквахъ и около церквей. Чести этой удостаивались не одни только князья, но и многія изъ частныхъ лицъ, въ особенности же тѣ, которыя усердно жертвовали на поддержаніе и поновленіе храмовъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ Великой Печерской церкви, противъ самаго гроба Θеодосіева, похоронена была извѣстная своимъ благочестіемъ супруга Яна, тысячскаго кіевскаго, по имени Марія, при жизни Θеодосія бывшая его духовною дочерью. Въ лѣтописяхъ упоминается о тѣхъ *голубцахъ*, которые воздвигались надъ прахомъ князей, погребенныхъ во храмахъ,

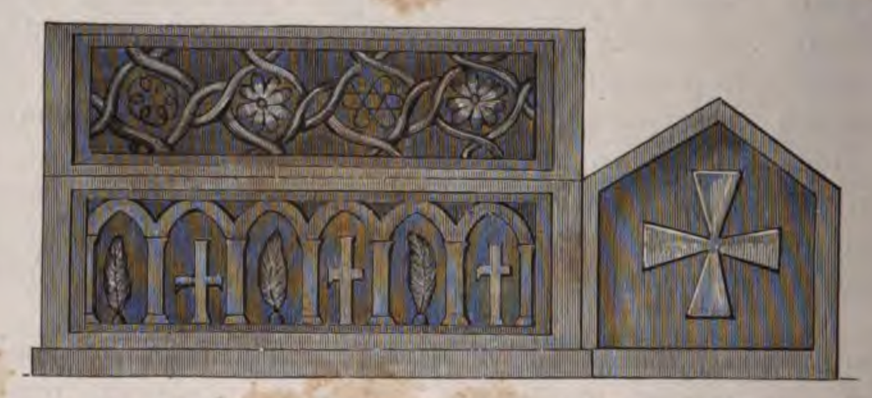

Рис. 19. Гробницы, отрытыя изъ развалинъ Десятинной церкви.

а также и о тѣхъ каменныхъ гробницахъ, въ которыя полагались многіе изъ князей. Присутствіе этихъ гробницъ въ храмахъ должно было придавать имъ нѣсколько особый характеръ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ, уцѣлѣвшія до нашего времени, представляютъ собою памятники весьма значительные и тщательно украшенные рукою современныхъ мастеровъ.

Важнѣйшимъ въ числѣ подобныхъ памятниковъ является гробница, находящаяся нынѣ въ одномъ изъ сѣверныхъ придѣловъ Софійскаго собора (посвященномъ св. кн. Владиміру). Гробница эта, именуемая Ярославовой, помѣщается въ алтарѣ придѣла, при южной стѣнѣ его, и прислонена къ углу стѣны и выступу заднею и боковою стороною. Вся гробница сдѣлана изъ бѣловатаго мрамора съ голубоватымъ оттѣнкомъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: нижняя представляетъ четырехстороннюю призму, а верхняя — трехстороннюю. По четыремъ угламъ верхней части гробницы находятся

точно внутри округленные наугольники, какими древніе Греки и Римляне украшали саркофаги и оконечности фронтоновъ. Въ архитектурѣ они извѣстны подъ названіемъ *акротеровъ*. Теперь эти акротеры у гробницы Ярославовой на половину отбиты. Длина нижней части гробницы 3 аршина 6 верш., вышина $14^{1}/_{2}$ вершковъ, ширина 1 арш. 4 верш., длина верхней 3-хъсторонней призмы 3 аршина 7 вершковъ, вышина $17^{1}/_{2}$ вершковъ На лицевой сторонѣ гробницы, въ выпуклыхъ рамчатыхъ

Рис. 20. Ярославова гробница въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

отдѣленіяхъ, находятся выпукло-изсѣченныя изображенія крестовъ, листьевъ, деревьевъ, вѣнцевъ, птицъ и буквъ. На томъ скатѣ верхней части гробницы, который обращенъ къ сѣверной сторонѣ храма, видимъ пять рамчатыхъ отдѣленій — по бокамъ два узкихъ продолговатыхъ, а по срединѣ три квадратныхъ; въ узкихъ изсѣчены въ каждомъ ı а дерева и по шести птицъ; въ квадратныхъ отдѣленіяхъ — въ ‥о кресту съ деревьями, виноградными листьями и рыбами.

По угламъ крестовъ изсѣчены извѣстныя греческія буквы I. ХС. НI. КА (Iисусъ Христосъ побѣждаетъ); на южномъ скатѣ верхней части гробницы едва примѣтны четыре греческія буквы: Ф. Х. Ф. П., истолковываемыя такъ: *Фосъ Христосъ фани паси—Свѣтъ Христосъ просвѣщаетъ всѣхъ.* При послѣднемъ возобновленіи собора, изъ стѣны, въ которой Ярославова гробница была прислонена, вынуто нѣсколько кирпичей, вслѣдствіе чего образовалась около нея ниша, и при этомъ можно было ощупью убѣдиться въ томъ, что и на той сторонѣ гробницы находились также изсѣченныя въ мраморѣ выпуклыя фигуры.

Ярославова гробница есть не единственный древній надгробный памятникъ въ Софійскомъ соборѣ: въ первомъ отъ входа (южномъ) придѣлѣ Успенія Пресвятой Богородицы стоитъ другая подобная же гробница. Она изсѣчена изъ цѣльнаго куска мрамора, подобнаго мрамору Ярославовой гробницы; длина обѣихъ гробницъ одинакова; только ширина послѣдней нѣсколько менѣе; по бокамъ ея. точно также какъ и на Ярославовой, находятся изсѣченныя выпуклыя изображенія. Верхней части на этой гробницѣ нѣтъ, и до послѣдняго возобновленія собора она служила подставкою для раки св. мученика Макарія ([54]).

Подобныя же бѣлыя мраморныя гробницы съ изсѣченными на нихъ выпуклыми крестами и фигурами были отрыты изъ основанія Десятинной церкви, около которой, судя по множеству отрытыхъ костей и при нихъ различныхъ крестиковъ, нѣкогда было погребено очень много народа. При откапываніи основанія Ирининской церкви, вокругъ церкви и внутри ея, а также и въ двухъ палаткахъ, пристроенныхъ съ обѣихъ сторонъ къ алтарю, найдены были многія гробницы изъ краснаго мрамора, можетъ быть также княжескія ([55]). Кромѣ того, въ самой церкви, близь того мѣста, гдѣ надлежало быть правому клиросу, открыта подъ поломъ особая усыпальница для погребенія умершихъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ.

Распредѣленіе кіевскаго населенія по тремъ главнымъ частямъ города.—Избранное населеніе Дѣтинца и Горы; особенности Подолья. — Главные центры городскаго управленія: дворъ Ярославовъ и дворъ митрополичій. — Общій видъ города и устройство жилищъ. — Порубъ. — Значеніе торга. — Вѣче; его устройство и обычаи.—Отношеніе населенія къ князю.—Пиры и веселья.—Характеристика Кіевлянъ.— Геройская защита Кіева отъ Татаръ.

Лѣтописи и другіе памятники Кіевскаго періода сохранили намъ довольно много свѣдѣній о жизни кіевскаго городскаго населенія. Предварительное знакомство съ топографіею древняго Кіева дастъ намъ до нѣкоторой степени возможность составить себѣ довольно ясное представленіе о распредѣленіи населенія Кіевскаго въ трехъ главныхъ частяхъ древняго стольнаго города: въ Дѣтинцѣ, на Горѣ и Подольѣ.

Дѣтинецъ, весьма не обширный по объему занимаемой имъ площади, былъ почти сплошь застроенъ монастырями, церквами и обширнымъ княжескимъ дворомъ, а потому и не могъ заключать большого числа частныхъ домовъ. Кромѣ князя, его семьи, родни и дворни, тамъ изъ частныхъ лицъ жили, сколько извѣстно, только причты церквей и монастырей, иноки, да, можетъ быть, немногіе изъ приближеннѣйшихъ къ князю дружинниковъ.

Вслѣдствіе того значенія, какое имѣлъ князь, какъ главный представитель административной власти въ Кіевѣ, и самый дворъ княжескій пріобрѣталъ значеніе высшей инстанціи, высшаго административнаго центра, въ которомъ находили себѣ удовлетвореніе всѣ нужды, высказывались всѣ потребности городскаго населенія, стекались всѣ жалобы на неправду и насилія, заявлялось все, требовавшее немедленнаго разрѣшенія или подтвержденія со стороны власти. Сюда являлись и послы князей съ письмами и привѣтами своихъ

богатые гости-иностранцы съ дарами и гостинцами, смиренные игумны и приходскіе попы съ ходатайствомъ о нуждахъ своихъ обителей и церквей, вирники и мытники съ отчетами о своихъ сборахъ, смерды и холопы съ жалобами на насиліе княжескихъ тіуновъ и рядовичей, вдовы и нищіе за посильной помощью; сюда же шла и пестрая, безличная толпа людей съ сосѣдняго базара—просить суда княжескаго для разбора своихъ мелкихъ дрязгъ, ссоръ или недавней драки ([56]). И добръ былъ тотъ князь, который успѣвалъ всѣхъ удовлетворить, во все войти съ участіемъ и умѣніемъ, все разрѣшить по закону, не предавая людей въ руки своихъ подручниковъ.

Бо́льшая же и лучшая часть дружины княжеской помѣщалась въ болѣе просторной и болѣе новой части древняго Кіева, носившей общее названіе *Горы*. Тутъ, около св. Софіи, «митрополіи русской», жилъ митрополитъ на своемъ дворѣ; тутъ-же, судя по упоминаніямъ лѣтописца, находился и дворъ тысячскаго, и въ разныя эпохи, дворы наиболѣе извѣстныхъ, наиболѣе выдающихся дружинниковъ. Изъ другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ знаемъ, что эта часть города была лучше другой обстроена, болѣе всѣхъ другихъ частей богата каменными церквами и кругомъ обнесена *городомъ великимъ*, т. е. или стѣною, или землянымъ валомъ, въ которомъ было трое воротъ, съ трехъ различныхъ сторонъ, а съ четвертой, восточной, открытый проѣздъ по мосту, черезъ оврагъ, въ Дѣтинецъ. Не доѣзжая моста, на право, мимо «Глѣбова двора», дорога шла подъ гору, объѣздомъ въ тотъ же Дѣтинецъ, черезъ южныя ворота, обращенныя къ Михайловскому монастырю, и мимо Дѣтинца, на берегъ Днѣпра. Налѣво, не доѣзжая того же моста, шла съ Горы дорога оврагомъ на Подолье.

На Горѣ, занятой лучшею и наиболѣе богатой частью населенія, кромѣ улицъ, была и площадь, на столько обширная, что на нее могло быть собираемо на вѣче все населеніе Кіева. Площадь эта, вѣроятно, примыкала къ св. Софіи (около которой былъ также свой дворъ), и служила, вмѣстѣ съ тѣмъ, для цѣлей торговыхъ, послѣ того, какъ, въ 1069 году, Изяславъ «*взогналъ* торгъ на Гору», по свидѣтельству лѣтописца. Окраины Горы, около стѣнъ и за стѣнами города на западъ и сѣверо-западъ были заняты садами и огородами, и только южною и юго-западною стороною Гора примыкала къ пескамъ и дебрямъ. Среди садовъ и огородовъ, на сѣверо-западной окраинѣ Горы, около *Жидовскихъ* воротъ пріютилась и небольшая, но богатая и значительная кіевская еврейская колонія. Сюда-то, на эту отдаленную окраину города и ходилъ иногда по ночамъ Θеодосій Печерскій спорить съ Жидами о преимуществахъ православной вѣры.

Изъ всего, изложеннаго выше, ясно, что [illegible] ъ ядромъ Кіева была *Гора* съ св. Софіей, съ обширнымъ [illegible] дворами

тысячскаго, митрополита и важнѣйшихъ представителей княжеской дружины.

Около тысячскаго, на Горѣ, скоплялось все лучшее, избраннѣйшее населеніе Кіева, все богатое, вліятельное и значительное. Ему-же очевидно подчинены были *сотскіе* и *десятскіе*, которые стояли въ связи съ какимъ-то древнимъ, не вполнѣ яснымъ раздѣленіемъ города *на сотни*, подъ которымъ, конечно, не слѣдуетъ разумѣть *сотню* въ ея дѣйствительномъ значеніи, а только въ значеніи названія опредѣленной единицы населенія или извѣстнаго подраздѣленія его ([57]).

Какъ въ Дѣтинцѣ центромъ административнымъ являлся *дворъ княжій*, такъ и на Горѣ важнѣйшими центрами, общественной жизни и дѣятельности города являлись, съ одной стороны св. Софія и дворъ ея, а съ другой—торгъ. Дворъ св. Софіи до нѣкоторой степени могъ равняться съ дворомъ княжескимъ:—сюда тоже постоянно приходили на судъ по всѣмъ дѣламъ, подлежавшимъ суду митрополита, тутъ разрѣшались вопросы и сомнѣнія въ области религіозныхъ вѣрованій и церковнаго устава, возникавшіе въ дальнѣйшихъ концахъ обширной Руси; тутъ вѣчно толпились вдовы и сироты, нищіе и убогіе, Греки съ дальнаго Афона, слѣпцы и хромцы, чернецы и черницы, и удалые калики перехожіе въ своей крутѣ каличьей.

Торгъ, въ противуположность княжому двору и двору св. Софіи, былъ центромъ проявленія народной жизни города Кіева, во всемъ ея разнообразіи и пестротѣ. Такъ какъ торговля была главнымъ источникомъ богатства Кіевскаго и главнымъ занятіемъ мѣстнаго населенія, а самый Кіевъ—главнымъ передаточнымъ пунктомъ на древнемъ пути «изъ Варягъ въ Греки», то кіевскій торгъ и долженъ былъ представлять вѣчную ярмарку, на которую круглый годъ стекались отовсюду товары, покупались, продавались и промѣнивались, привлекая къ себѣ всѣ живыя силы мѣстнаго населенія, ватаги иногородныхъ купцовъ и иноземныхъ гостей. Тутъ Востокъ сходился съ Западомъ и Сѣверъ съ Югомъ. Болгарскій купецъ, пріѣхавшій изъ-за дремучихъ мордовскихъ лѣсовъ, выставлялъ на показъ свои безцѣнные мѣха, а Нѣмецъ — янтарь, яркія сукна и свѣтлые шеломы латинскіе; Угръ выводилъ своихъ неутомимыхъ скакуновъ и лихихъ иноходцевъ, а дикій кочевникъ, Печенѣгъ или Половецъ — продавалъ скотъ и кожи; гость Сурожанинъ, изъ Крыма — соль, дешевыя бумажныя ткани, пряности, вина и травы душистыя; богатый Грекъ византійскій — безцѣнныя паволоки, дорогія одежды, ковры и сафьяны, сосуды изъ серебра и золота, ладанъ и краски, мраморъ и мозаику. Тутъ толпились и русскіе люди: Новгородцы, Полочане, Псковичи, Смольняне, Рязанцы и Суздальцы. Тутъ же, среди гостей и куп-

цовъ, среди торга и дѣла, среди грудъ товара и праздной, шумливой толпы городскихъ зѣвакъ, сновали и Евреи, съ предложеніемъ денегъ, которыя они готовы были дать каждому торговому человѣку за 20 — 30%. Тутъ же, о-бокъ съ торговлей, совершались и другія отправленія городской жизни:—въ одномъ углу торга купецъ или иной горожанинъ выкликалъ на всю торговую площадь о пропажѣ у него коня, оружія или портъ дорогихъ; въ другомъ концѣ — тіунъ боярскій объявлялъ громогласно, всѣмъ на услышаніе, о пропажѣ холопа, бѣжавшаго со двора его господина; въ третьемъ—отроки княжескіе продавали за долги въ холопство несостоятельнаго должника ([58]).

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ двухъ важнѣйшихъ частяхъ древняго Кіева — въ Дѣтинцѣ и на Горѣ — лѣтопись, кромѣ поджоговъ при нашествіяхъ непріятельскихъ, упоминаетъ только объ одномъ пожарѣ «на Горѣ въ градѣ» (въ 1124 г.), во время сильной засухи. При несомнѣнномъ преобладаніи деревянныхъ построекъ (или мазанокъ, крытыхъ соломой и камышомъ) такое явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что зажиточное населеніе Горы и Дѣтинца не было скучено и жило въ своихъ дворахъ широко и просторно.

Въ этомъ смыслѣ очень характернымъ является самое названіе «дворъ», вмѣсто домъ, ясно указывающее на то, что русскій городъ XI и XII вѣка вовсе не имѣлъ физіономіи города въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Улицы тянулись, вѣроятно, между рядами заборовъ, окружавшихъ дворы, въ которыя можно было проникнуть только черезъ одни ворота. Внутри такого двора, будь то дворъ княжой или боярскій, помѣщались главныя хоромы или теремъ, большею частью деревянные, а около нихъ избы, служившія для челяди, и клѣти, въ которыхъ хранилось имущество и запасы. Объ устройствѣ такихъ теремовъ и вообще жилыхъ помѣщеній въ Кіевѣ, въ ту отдаленную пору, мы не имѣемъ яснаго представленія; однакоже можемъ предполагать, что дома князей и зажиточныхъ людей строились вѣроятно не въ одинъ, а въ два этажа, *потому что* при нихъ нерѣдко упоминаются *сѣни* или вѣрнѣе— высокое, крытое наружное крыльцо, примыкавшее иногда къ довольно обширной галлереѣ или *сѣнницѣ*. Въ такихъ сѣняхъ князь нерѣдко сиживалъ съ дружиною и пируя, и думу думая, а изъ оконца сѣней переговаривался съ народомъ, стоявшимъ внизу на дворѣ. Изъ сѣней былъ прямо ходъ въ главную, общую комнату дома или *гридницу*. Внизу, у входа на крыльцо встрѣчали слуги пришедшаго къ князю или боярину гостя. Крыльцо строилось на высокихъ деревянныхъ столпахъ, служившихъ сѣнямъ подпорами; лѣтопись упоминаетъ о томъ, что «люди» иногда, во время мятежей, подрубали эти столпы, и стоявшіе на верху крыльца становились такимъ образомъ жертвою разъяренной толпы ([59]).

Избы рубились, вѣроятно, самымъ первобытнымъ способомъ и крылись соломою. Внутри ихъ иногда не бывало даже наката, замѣняющаго потолокъ, судя по упоминанію о томъ, что воины, при избіеніи *Итларевой чади*, въ 1095 году, забравшись на верхъ избяной крыши и прокопавъ ее, могли прямо побивать стрѣлами людей, затворившихся въ избѣ и рѣшившихся на отчаянную защиту.

Особаго рода постройкою является на Кіевской Горѣ тотъ *порубъ* или *погребъ*, который замѣнялъ собою городской острогъ и помѣщался, вѣроятно, близь торга. Судя по тому, что порубъ этотъ нужно было *разметать*, для того, чтобы выпустить изъ него колодника, мы предполагаемъ, что онъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ сруба, вкопаннаго въ землю и накрытаго невысокою кровлею или накатомъ изъ бревенъ; свѣтъ и воздухъ скудно проникали въ него, сквозь прорубленныя въ немъ оконца. Дверей въ порубѣ не полагалось. Это видно изъ того, что дружина Изяславова, совѣтуя ему въ 1068 г. убить Вячеслава, заключеннаго въ порубѣ, не предлагаетъ ему послать въ порубъ убійцъ, а только подозвать Вячеслава къ оконцу и через него пронзить его мечемъ. Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ можно предположить, что проникать въ *порубъ* можно было только при помощи лѣстницы, спущенной внизъ черезъ разобранный бревенчатый потолокъ. Лѣстница эта *выволакивалась*, по минованіи нужды, изъ поруба и лежала внѣ его. Порубы устраивались и при монастыряхъ ([60]), и оберегались особыми сторожами.

Третьею, многолюднѣйшею частью Кіева, было Подолье, густо застроенное, населенное преимущественно бѣднѣйшими классами народа, рабочимъ, отчасти ремесленнымъ, отчасти торговымъ населенімъ. По самому положенію своему низменное и топкое, заливаемое весенними разливами то Днѣпра, то Глубочицы, Подолье (и теперь не особенно чистое и благоустроенное) должно было представлять въ эту отдаленную эпоху одну изъ грязнѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма важную часть древняго Кіева. Здѣсь, въ спокойной пристани, защищаемой тогда еще существовавшею косою отъ напора Днѣпровскаго теченія, скоплялись тысячи судовъ, приходившихъ въ Кіевъ сверху и снизу для цѣлей мѣстной торговли или хотя бы проходившихъ мимо Кіева, древнимъ путемъ «изъ Варягъ въ Греки». Первыя выгружались, пользуясь удобствами низменнаго берега; вторыя останавливались, отдыхая отъ труднаго плаванія по рѣкамъ и волокамъ и, готовясь къ еще болѣе трудному переходу черезъ Днѣпровскіе пороги. Здѣсь запасались они припасами, принимали мѣстные грузы, справлялись о безопасности предстоящаго пути или выжидали каравана «Гречниковъ» (т. е. купцовъ, торговавшихъ съ Греціею), который и въ XII вѣкѣ, точно также какъ и въ X, не смѣлъ двинуться въ низовье Днѣпра иначе

какъ подъ охраною значительной военной силы, занимавшей важнѣйшіе пункты теченія рѣки и зорко наблюдавшей за хищными прибрежными кочевниками ([61]).

Лѣтопись не упоминаетъ на Подольѣ ни одной каменной церкви, а названія нѣкоторыхъ урочищъ Подолья, сохранившіяся и до настоящаго времени, такія какъ Плоское, Сырецъ, Рыбалка, Куреневка, Преварка, Гончари и Кожемяки—въ значительной степени знакомятъ насъ съ характеромъ населенія Кіево-Подолья въ XI—XII вѣкахъ и отчасти даже съ образомъ жизни его. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ части Подолья, называемой Рыбалками и наименѣе защищенной отъ разливовъ Днѣпра, дома и теперь еще строятся на высокихъ сваяхъ; а такъ какъ все Подолье, 6 — 7 вѣковъ тому назадъ, было еще болѣе чѣмъ теперь подвержено наводненіямъ, то можно съ нѣкоторою достовѣрностію предположить, что въ большей части древняго Кіево-Подолья дома были также построены на сваяхъ. Но это ни мало не мѣшало заселенію Подолья, вызываемому потребностями, мѣстной кіевской торговли; заселеніе это происходило быстро и уже въ половинѣ XI вѣка мы видимъ населеніе Подолья очень ярко заявляющимъ о себѣ извѣстнымъ мятежемъ 1068 года. На Подольѣ, въ самомъ центрѣ торговаго движенія, видимъ мы и новгородскую божницу, около которой можетъ быть держалась колонія предпріимчивыхъ Новгородцевъ. Но едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что богатѣйшіе представители торговаго сословія не жили на Подольѣ и не держали тамъ своихъ богатствъ ([62]). Подолье было, конечно, заселено низшими слоями кіевскаго населенія, которые тѣснились среди грязи и мазанокъ, вѣроятно получая свое пропитаніе отъ выгрузки и нагрузки товаровъ, отъ занятія кое-какими промыслами, мелкой торговлей и немногими ремеслами, въ родѣ кожевеннаго и гончарнаго.

На Подольѣ было и свое *торговище* у Туровой Божницы, вѣроятно однакоже не въ значеніи того *торга*, обширной торговой площади съ рядами лавокъ или отдѣльными балаганами, который былъ на Горѣ, а скорѣе въ значеніи мелкаго народнаго базара, который необходимо является въ каждой отдѣльной части большаго города: такой базаръ видимъ мы даже и въ кіевскомъ Дѣтинцѣ, около Десятинной церкви, подъ названіемъ *Бабина Торжка*.

Подолье, не защищенное ни положеніемъ своимъ, ни какими бы то ни было сооруженіями отъ напора враждебной стихіи, и отъ нападенія непріятеля было защищено весьма слабо—«*столпіемъ*», то есть простымъ частоколомъ, который тянулся на сѣверѣ отъ Подолья, черезъ грязи и топи, до ближайшихъ къ берегу возвышенностей. (видно, что защищать и оберегать Подолье было нечего, да оно и по себѣ не представляло большой приманки для наступающаго

Рис. 21. Урочища кіевскія: Щековица

который большею частью направлялъ всѣ свои усилія на *Гору*, какъ важнѣйшую и богатѣйшую часть города. Поэтому не удивительно, что Подолье составляло всегда самое слабое и больное мѣсто Кіева, что жители его охотно принимали участіе во всѣхъ городскихъ смутахъ и во всякой попыткѣ пограбить *Гору* или поживиться на чужой счетъ. Такъ напр., въ 1068 году жители Подолья, недовольные медленностью кн. Изяслава въ дѣйствіяхъ противъ Половцевъ, собрали вѣче «на торговищѣ» и пошли на *Гору* требовать отъ князя оружія и коней, чтобы биться съ врагомъ. Не получивъ желаемаго, чернь бросилась къ «порубу», высадила изъ него Всеслава, опаснаго соперника кіевскому князю и, послѣ бѣгства Изяслава и дружины его, разграбила княжій дворъ. Тоже Подолье видимъ и въ 1147 г. участвующимъ въ мятежѣ, жертвою котораго погибъ несчастный Игорь Ольговичъ. Что важнѣйшую роль въ этомъ мятежѣ играло именно Подолье, это ясно уже изъ того, что обезображенный, обнаженный трупъ Игоря былъ увлеченъ разъяренною толпою на Подолье и брошенъ тамъ на поруганіе на торговищѣ. Ясно, что онъ былъ трофеемъ дня, который толпа, несытая кровью, потащила за собою, по пути домой. Точно также и въ 1150 году, во время борьбы Изяслава противъ Юрія, мы видимъ, что населеніе Подолья помогаетъ войскамъ Юрія въ переправѣ черезъ Днѣпръ, отправляетъ къ нему насады на ту сторону Днѣпра и перевозитъ дружину его «по сю сторону въ Подолье». А подъ 1202 годомъ читаемъ въ лѣтописи извѣстіе, еще лучше характеризующее отношенія Подолья къ остальному Кіеву: «Романъ (Мстиславичъ)», говоритъ лѣтопись—«поѣхалъ поспѣшно со своими полками къ Кіеву, и *отворили Кіевляне ворота Подольскія въ Копыревъ конецъ*, и въѣхалъ онъ въ Подолье»—и отсюда уже послалъ на Гору къ Рюрику и Ольговичамъ.

Главнымъ представителемъ городскаго населенія, какъ мы уже замѣтили выше былъ тысячскій, съ сотскими и десятскими, въ качествѣ низшихъ представителей его власти. Но эти лица, очевидно, имѣли значеніе только второстепенное, и отчасти, можетъ быть—военное, въ тѣ моменты, когда мирные граждане кіевскіе обращались въ «сильный полкъ Кіевскій», а тысячскій принималъ на себя званіе воеводы и подымалъ стягъ княжескій. Но какъ тысячскій, такъ и самъ князь должны были вполнѣ подчиняться рѣшенію *вѣча*. Вѣче, въ чрезвычайныхъ случаяхъ вѣдало интересы города: рядилось съ княземъ, если князь вступалъ на столъ кіевскій *на рядѣ*, выражало ему желанія или требованія населенія, рѣшало войну или миръ и произносило суровые приговоры надъ тѣми, кто, по общему мнѣнію, признавался врагомъ спокойствія или притѣснителемъ гражданъ. Вѣче было всюду полнѣйшимъ выраженіемъ воли народной, и его рѣшенія, произносимыя

единогласно, не допускали никакой возможности возраженія или аппеляціи.

По отношенію къ Кіеву слѣдуетъ замѣтить, что въ XII вѣкѣ вѣче кіевское уже представляется намъ принявшимъ довольно опредѣленныя, установившіяся формы. Въ этомъ смыслѣ драгоцѣнны подробности, сообщаемыя лѣтописью о нѣкоторыхъ вѣчевыхъ собраніяхъ кіевскихъ, знакомящія какъ съ характеромъ совѣщаній, происходившихъ на вѣчѣ, такъ и съ нѣкоторыми вѣчевыми обычаями. Такъ напр. мы знаемъ, что когда, по желанію Изяслава, братъ его Владиміръ Мстиславичъ, долженъ былъ въ его отсутствіи собрать вѣче, то онъ сначала «поѣхалъ къ митрополиту и позвалъ Кіевлянъ; и пришли Кіевляне—многое множество народа, и *сѣли* слушать (*) у св. Софіи. И сказалъ Володимиръ митрополиту: «вотъ прислалъ братъ мой двухъ мужей-Кіевлянъ, чтобы они молвили слово его *къ братьѣ* своей». И выступили Добрынка и Радило, и сказали, обращаясь сначала къ князю Владиміру, потомъ къ митрополиту, потомъ къ тысячскому и наконецъ ко всѣмъ Кіевлянамъ: «цѣловалъ тебя братъ (т. е. Изяславъ Володимира), а митрополиту прислалъ поклонъ, и Лазаря (тысячскаго) цѣловалъ и всѣхъ Кіевлянъ». Сказали имъ Кіевляне: «говорите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ». Они же сказали: «такъ молвилъ князь» — и затѣмъ изложили то, что поручено имъ было Изяславомъ.

Кіевляне выслушали все, сообщенное послами, и пришли къ такому единогласному рѣшенію: «пойдемъ, будемъ биться за нашего князя и съ дѣтьми». И вдругъ «одинъ человѣкъ» сказалъ: «прежде чѣмъ идти къ Чернигову, расправимся съ Игоремъ, съ врагомъ нашимъ и (врагомъ) князя нашего; онъ у насъ здѣсь дома, въ монастырѣ св. Ѳеодора... Убьемъ его, тогда и пойдемъ къ Чернигову». И этотъ одинъ голосъ перевернулъ все вѣче; единодушно принятое рѣшеніе было на время забыто; собраніе разстроилось и значительная доля толпы народной, несмотря на возраженія многихъ, хлынула въ дѣтинецъ, чтобы тамъ отыскать и умертвить Игоря Ольговича.

Чрезвычайно важное извѣстіе объ этомъ вѣчѣ можетъ характеризовать подобныя народныя собранія въ Кіевѣ. Собранное по волѣ князя и для рѣшенія общаго, для всѣхъ важнаго вопроса — это вѣче привело гражданъ къ единогласному рѣшенію. Но прежде, чѣмъ это общее рѣшеніе приведено было въ исполненіе, «одинъ человѣкъ» подалъ голосъ въ пользу предложенія, которое (при ненависти къ Ольговичамъ) всѣмъ пришлось по сердцу—и всѣхъ увлекъ за собою. Ясно, что при всѣхъ вѣчевыхъ собраніяхъ, одинъ голосъ все же не терялъ своего значенія, такъ какъ каждый свободный человѣкъ имѣлъ полное

(*) Въ Ипатьевской лѣтописи: *стали*, вмѣсто *сѣли*.

Рис. 22. Урочища кіевскія: Кожемяки.

право подавать голосъ въ пользу любаго мнѣнія, хоть и долженъ былъ покоряться общему рѣшенію собранія.

Право собирать вѣче одинаково принадлежало и князю, и простымъ гражданамъ, хотя вѣроятно этимъ правомъ каждый пользовался съ большою осторожностію. Опредѣленныхъ сроковъ для вѣчевыхъ собраній не было. Вотъ почему и могло случиться, что вѣче не собиралось-бы по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, и потомъ могла вдругъ явиться потребность въ двухъ-трехъ вѣчевыхъ собраніяхъ на одной и той же недѣлѣ. Но по отношенію къ мѣсту вѣчевыхъ собраній мы имѣемъ нѣсколько болѣе опредѣленныя указанія. Вѣча собирались преимущественно на дворѣ св. Софіи или на дворѣ Ярославовомъ, какъ въ двухъ важнѣйшихъ центрахъ кіевской городской жизни. Но это не исключало возможности вѣчевыхъ собраній и въ другихъ мѣстахъ Кіева — на торговищѣ или у Туровой Божницы на Подольѣ. Мы даже думаемъ, что между вѣчами кіевскими, слѣдуетъ различать— вѣча *общія*, въ которыхъ принималъ непосредственное участіе весь городъ «отъ мала до велика», и вѣча *частныя*, въ которыхъ участвовала только одна какая нибудь часть городскаго населенія, преобладало одно какое нибудь сословіе, рѣшался вопросъ, не для всѣхъ имѣвшій одинаковое значеніе. Первыя вѣча приводятъ къ важнымъ проявленіямъ народной воли, оказываютъ вліяніе на историческій ходъ событій; вторыя иногда проявляются крайностями и насиліемъ, но не надолго измѣняютъ теченіе городской жизни. Такъ напримѣръ, на вѣчѣ 1151 года, Кіевляне, рѣшаясь стоять всѣ до единаго за любимаго князя Изяслава противъ Юрія Долгорукаго, въ одинъ голосъ кричатъ на вѣчѣ: «всѣ пойдемъ на войну, кто только можетъ взять въ руки дубину (хлудъ); а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами побьемъ его». Это, очевидно, рѣшеніе *общаго* вѣча,— настоящій *гласъ народа*. Съ другой стороны, когда въ 1113 году, по смерти Святополка Михаила, разграбленъ былъ дворъ тысячскаго Путяты и Жидовская улица—этотъ мятежъ не могъ быть явленіемъ общимъ, въ которомъ бы принимали участіе всѣ слои городскаго населенія, но легко могъ быть результатомъ *рѣшенія*, принятаго на одномъ изъ тѣхъ *частныхъ* вѣчъ, которыя собирались на торговищѣ: кто больше страдалъ отъ Жидовъ и отъ покровительства ихъ рѣзоиманію, тотъ и пошелъ грабить ихъ.

Случалось, что вѣча созывались въ Кіевѣ по волѣ князя или уполномоченныхъ имъ лицъ; но есть свидѣтельства о созваніи вѣча народомъ и противъ воли князя (1154 г.), не смотря на его присутствіе въ городѣ.

Не менѣ[illegible] характеристики кіевскаго вѣча и его отношенія къ к[illegible]й другія извѣстія лѣтописныя. Князь Изя-

славъ сзываетъ на вѣче бояръ, дружину и Кіевлянъ, и заявляетъ имъ о намѣреніи—пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздалю, вмѣстѣ съ Давидовичами и Святославомъ Всеволодовичемъ. «И братъ Ростиславъ прійдетъ также къ намъ на помощь со Смольнянами и Новгородцами», сказалъ Изяславъ. Кіевляне отвѣчали на это: «Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ (такъ называли они союзныхъ Изяславу Давидовичей) не вѣрь и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи.» Изяславъ отвѣчаетъ: «нельзя: они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ; не могу никакъ отложить похода; собирайтесь.» Тогда Кіевляне сказали: «ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя руку подымать ([63]); вотъ если бы на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми.» Изяславъ отвѣчалъ на это: «тотъ будетъ добрый человѣкъ, кто за мною пойдетъ.» И охотниковъ набралось много; съ ними и выступилъ онъ изъ Кіева въ походъ противъ Юрія. Точно также и два года спустя, въ 1149 г., во время приближенія Юрія къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ Изяславъ, Кіевляне говорятъ на вѣчѣ князю: «мирись съ дядей, княже, мы не идемъ.»

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ вѣчевой жизни города Кіева выясняется довольно опредѣленно то, что городское населеніе кіевское далеко не ко всѣмъ князьямъ своимъ относилось одинаково. Многіе изъ князей оставляли въ памяти народной неизгладимые слѣды и постоянно возбуждали въ потомствѣ благодарныя воспоминанія. Такія воспоминанія были особенно тѣсно связаны съ княженіями Владиміра Мономаха и его сына Мстислава, представляющими и дѣйствительно самую блестящую эпоху кіевской исторіи. Воспоминанія эти были на столько сильны, что Кіевляне даже и любимаго ими Изяслава Мстиславича встрѣчали кликами: «ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ?»

Съ глубокою признательностью относились Кіевляне къ любимымъ князьямъ своимъ и по кончинѣ ихъ. Въ лѣтописи находимъ извѣстіе о томъ, что Кіевляне «по Мономахѣ плакали такъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ и по матери.» Точно также и до княженія Мономахова, въ 1078 году, когда князь Изяславъ Ярославичъ былъ убитъ на Нѣжатинѣ, и тѣло его въ ладьѣ было привезено къ Городцу, то «весь Кіевъ вышелъ ему на встрѣчу; тѣло князя положили на сани, повезли ихъ на себѣ, а потомъ по городу понесли ихъ, и положили его у св. Богородицы Десятинной, въ ракѣ каменной и мраморяной.»

На сколько сочувствіе населенія городскаго выказывалось, по смерти князя, уваженіемъ къ его праху и затѣмъ почтительнымъ отношеніемъ къ его памяти, настолько же проявлялось оно при жизни въ томъ особомъ обычаѣ общихъ угощеній князя всѣми горожанами и всѣхъ горожанъ княземъ, который составляетъ ытную особенность

Южно-Русской городской жизни въ Кіевскій періодъ. Преимущественно богатъ извѣстіями о такихъ общихъ угощеніяхъ періодъ княженія Изяслава Мстиславича, который, какъ кажется, отличался особенною щедростью и пристрастіемъ къ широкому русскому гостепріимству. Подъ 1150 г. находимъ извѣстіе, и притомъ довольно подробное, о такомъ пиршествѣ: «Изяславъ,» по словамъ лѣтописи, «поѣхалъ отъ св. Софьи съ братьею на Ярославовъ дворъ, и Угровъ позвалъ съ собою на обѣдъ, и Кіевлянъ, и тутъ на Ярославовомъ дворѣ всѣ съ нимъ обѣдали и пребывали въ великомъ весельѣ»; тогда же, послѣ обѣда, на томъ же Ярославовомъ дворѣ, Угры устроили для потѣхи князя скачку и военныя игры на коняхъ. «И дивились Кіевляне удальству Угровъ (въ наѣздничествѣ) и выѣздкѣ коней ихъ».

Гораздо позже, въ періодъ сильнаго упадка значенія Кіева, въ 1195 г., когда мужи Всеволода Суздальскаго могли уже посадить на столъ Кіевскій Рюрика Ростиславича, встрѣчаемъ еще одно любопытное упоминаніе о томъ же обычаѣ всенародныхъ угощеній. Рюрикъ Ростиславичъ, приглашая въ Кіевъ брата своего Давида, угощалъ и дарилъ его. Давидъ отплачивалъ ему такими же дарами и угощеніями. Потомъ позвалъ онъ къ себѣ на обѣдъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ щедрую милостыню; затѣмъ особо пригласилъ Черныхъ Клобуковъ, напоилъ ихъ у себя до-пьяна и одарилъ богато. Затѣмъ Кіевляне позвали Давида на обѣдъ, «подаваючи ему честь велику и дары многіе». Давидъ не остался у нихъ въ долгу, и самъ угостилъ городъ Кіевъ обѣдомъ, на которомъ «были всѣ въ веселіи и въ любви великой».

Ознакомившись изъ предъидущаго съ фактами, характеризующими обоюдныя отношенія между княземъ и городскимъ населеніемъ въ Кіевѣ, мы должны добавить еще нѣсколько словъ для общей характеристики кіевскаго городскаго населенія, въ разсматриваемый нами періодъ (отъ начала XI до начала XIII вѣка).

Впечатлительное, подвижное, безпокойное населеніе Кіева, по самой натурѣ, свойственной южно-руссамъ, всегда принимало живѣйшее участіе въ событіяхъ своей исторической жизни. Поставленные счастливыми историческими и географическими условіями въ такое выгодное положеніе, при которомъ почти одновременно возрастало и политическое могущество, и матеріальное богатство Кіева, Кіевляне успѣли воспользоваться и довольно долгимъ періодомъ мира и внутренняго спокойствія подъ державою сильныхъ и высокоталантливыхъ князей, благодаря которымъ княжество Кіевское заняло первенствующее положеніе между всѣми княжествами русскими. Постоянныя и давнія сношенія съ Византіей и съ Западомъ, обогащая Кіевлянъ матеріально, въ то же время, обогащали ихъ умственно

и нравственно. Болѣе другихъ образованные, болѣе другихъ богатые Кіевляне въ концѣ XI в. и началѣ XII в. имѣли полное право гордиться древностью и значеніемъ своего роднаго города. Недаромъ Мономахъ, призывая въ 1096 г. Олега Черниговскаго на снемъ къ Кіеву, говоритъ ему: «*Кіевъ старше всѣхъ въ землѣ нашей* и тамъ-то слѣдуетъ намъ съѣхаться и *порядъ* (рядъ) между собою положить.»

Но первенствующее положеніе Кіева, по многимъ причинамъ, не могло считаться ни вполнѣ вѣрнымъ, ни прочно обезпеченнымъ. Являясь на краю земли Русской, на границѣ степи, Кіевъ, своимъ блескомъ и богатствами, одинаково привлекаетъ къ себѣ и орды дикихъ кочевниковъ, и дружины русскихъ князей, домогающихся завиднаго Кіевскаго стола. Съ одной стороны вынужденный вести постоянную борьбу со степью, съ другой—вовлеченный въ нескончаемую борьбу старшей линіи Мономаховичей съ младшею,—Кіевъ быстро истощаетъ свои силы. Самое положеніе «между двухъ огней» становится наконецъ невыносимымъ и мало-по-малу начинаетъ оказывать весьма дурное вліяніе на характеръ Кіевскаго населенія. Поразительнымъ примѣромъ такого дурнаго вліянія, служитъ, конечно, весь рядъ отношеній кіевскаго населенія къ Игорю Ольговичу (1146 г.), начиная отъ самаго его вокняженія и до мученической смерти. Мы видимъ, что, послѣ смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне заключаютъ съ Игоремъ и съ братомъ его Святославомъ очень выгодный для себя *рядъ* (условіе), и на этомъ рядѣ цѣлуютъ крестъ Игорю съ братомъ. И не смотря на это крестоцѣлованіе, Кіевляне тотчасъ-же вступаютъ въ сношенія съ Изяславомъ, и зовутъ его на столъ Кіевскій; а когда Изяславъ приближается къ Кіеву съ войскомъ, Кіевляне, сохраняя внѣшнія отношенія къ Игорю, подробно условливаются съ Изяславомъ о томъ, какъ именно измѣнятъ они Ольговичамъ въ предстоящей битвѣ, и какъ предадутъ ихъ въ руки Изяслава.

Измѣнчивость историческихъ обстоятельствъ и частые переходы власти изъ однихъ рукъ въ другія—мало-по-малу производятъ въ Кіевлянахъ шатость, чрезвычайно пагубно отзывающуюся на исторіи Кіева. Общіе интересы, общія движенія во главѣ земли Русской теряютъ всякое значеніе въ глазахъ Кіевлянъ; связь и единство дѣйствій постепенно исчезаютъ и смѣняются мелкою борьбою партій, неспособныхъ соединиться для дружнаго отпора внѣшняго врага. Вмѣстѣ съ этимъ Кіевъ, конечно, начинаетъ болѣе и болѣе утрачивать свое первенствующее значеніе въ Руси, и послѣ погрома, нанесеннаго ему въ 1171 г. союзниками Андрея Боголюбскаго,—нисходитъ до второстепеннаго значенія. Съ этой поры Кіевъ не поднимается болѣе, и лѣтопись южно-русская передаетъ намъ только отрывочные факты внѣшней жизни города, почти не касаясь фактовъ его внутренней жизни, не упоминая о Кіевлянахъ. «Слышимъ о смѣнахъ и усобицахъ князей Кіевскихъ, но не

слышимъ объ участіи въ нихъ Кіевлянъ, о сильномъ полку Кіевскомъ, который нѣкогда рѣшалъ судьбу Руси, судьбу князей во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ! Молча и страдательно подчиняются Кіевляне всѣмъ перемѣнамъ, ничѣмъ не обнаруживая признаковъ жизни.»

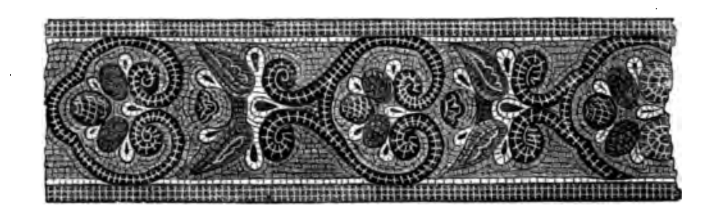
Охладѣвшіе къ политическому значенію своего города и княжества, равнодушные къ княжескимъ усобицамъ, они, въ 1202 году, безъ борьбы впускаютъ къ себѣ Романа Мстиславича, который заставляетъ кіевскаго князя Рюрика и Ольговичей, сидѣвшихъ въ Кіевѣ, цѣловать себѣ крестъ; а въ слѣдующемъ 1203 году, Рюрикъ и Ольговичи берутъ Кіевъ и, не имѣя возможности заплатить за услугу наемнымъ Половецкимъ полчищамъ, отдаютъ имъ Кіевъ на трехъдневное разграбленіе. «И сотворилось великое зло въ Русской землѣ!« — восклицаетъ лѣтописецъ, — «такое зло, какого зла отъ крещенія не бывало надъ Кіевомъ!» Взяли Половцы не только Подолье, но и Гору, и митрополью св. Софью разграбили, и Десятинную св. Богородицу, и монастыри всѣ, и св. иконы ободрали, а другія унесли, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и одежды блаженныхъ первыхъ князей, которыя были повѣшены ими въ церквахъ на память о себѣ!» Сверхъ того Половцы забрали много полону, и пощадили только иностранныхъ купцовъ, которые заперлись по церквамъ, вѣроятно, намѣреваясь мужественно отбиваться; Половцы вступили съ ними въ переговоры и выпустили ихъ на свободу, взявъ съ нихъ, въ видѣ выкупа, половину ихъ имущества.

Это страшное опустошеніе нанесло послѣдній ударъ матеріальному благосостоянію и политическому значенію Кіева. Но, при нашествіи Татарскомъ, въ 1240 г., еще разъ яркимъ лучемъ вспыхнулъ древній духъ героизма, нѣкогда оживлявшій Кіевлянъ. Живыми чертами описываетъ лѣтопись послѣднія минуты гибели Кіева, раздавленнаго тяжкой силою наступившихъ на него Монголовъ.

«Пришелъ Батый къ Кіеву», говоритъ лѣтописецъ, «и *остолпила* его сила татарская, и не могли разслышать другъ друга въ городѣ Кіевляне отъ скрыпа телѣгъ татарскихъ, ревѣнія верблюдовъ ихъ и ржанія ихъ конскихъ табуновъ... И поставилъ Батый къ городской стѣнѣ *пороки* (стѣнобитныя орудія), со стороны дебрей, около Лядскихъ воротъ. Били пороки день и ночь, и пробили стѣны; и взошли тогда гражане на остатки стѣнъ, и тутъ-то надо было видѣть какъ ломались копья и какъ трещали щиты, а стрѣлы омрачали свѣтъ! Когда Дмитрій (бояринъ, которому Даніилъ поручилъ защиту Кіева) былъ раненъ, Татары влѣзли на стѣны и отъ утомленія сѣли отдыхать на нихъ. Наступила ночь, и въ теченіи ея граждане успѣли возд
стѣны около святой Богородицы Десятинной. Поутру

пили Татары и поднялась великая битва. А между тѣмъ церковь переполнилась людьми, искавшими въ ней спасенія; они взобрались на полати церковныя вмѣстѣ съ имуществомъ своимъ,—и рухнули подъ ними отъ тягости церковныя стѣны, и такъ взятъ былъ городъ врагами мѣсяца декабря въ 6 день, на память св. чудотворца Николая».

Такъ, среди славной борьбы палъ древній стольный Кіевъ, чтобы много вѣковъ спустя возникнуть вновь изъ своихъ краснорѣчивыхъ развалинъ, и выдержать новую, тяжкую, кровавую борьбу, но уже не съ Востокомъ, а съ Западомъ,—борьбу за возсоединеніе съ Русскимъ сѣверо-востокомъ, за право жить одною жизнью и вѣровать одною вѣрою со всею остальною Русью.

ВЛАДИМІРЪ-СУЗДАЛЬ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВЛАДИМІРСКОЕ КНЯЖЕСТВО И ЕГО ДРЕВНѢЙШІЕ ОБИТАТЕЛИ.

Устройство поверхности и почва княжества.—Обиліе лѣсовъ.—Важнѣйшія рѣки Владиміро-Суздальскаго края и ихъ значеніе для торговли.—Древнѣйшіе обитатели края и славянская колонизація.—Слѣды историческихъ наслоеній въ мѣстныхъ городищахъ и курганахъ.—Археологическія изслѣдованія, знакомящія насъ съ подробностями быта древнихъ Мерянъ.

Въ половинѣ XII вѣка, когда усобицы княжескія были въ самомъ разгарѣ, а борьба со степью становилась для Кіева болѣе и болѣе опасною и тяжкою, значеніе Кіева стало замѣтно падать, а русская историческая жизнь—принимать иное направленіе, искать себѣ другаго центра, болѣе обезпеченнаго отъ внѣшнихъ враговъ, менѣе заманчиваго для враговъ внутреннихъ и ближе лежащаго къ остальнымъ окраинамъ обширной Руси, успѣвшей уже широко раскинуть свои области на сѣверъ и сѣверо-востокъ нынѣшней европейской Россіи.

Такимъ новымъ центромъ для Руси явилось Владиміро-Суздальское княжество, съ стольнымъ городомъ Владиміромъ—послѣднимъ изъ дѣтищъ «матери городовъ русской». Княжество это лежало за дремучими лѣсами, за глухими дебрями, въ углу, образуемомъ Окою при впаденіи въ Волгу, на мѣстѣ древнихъ поселій богатой и промышленной Мери. На первый взглядъ должно конечно показаться страннымъ, что эта отдаленная область, суровая по климату, уже такъ рано успѣла возвыситься до возможности тягаться и въ богатствѣ, и въ значеніи съ роскошно-одаренными природою областями нашего юга и юго-запада. Но при болѣе внимательномъ изученіи географическихъ и топографическихъ условій Владиміро-Суздаль-

ской области, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, не смотря на всю внѣшнюю, видимую непривлекательность, эти условія заключали въ себѣ много такого, что должно было явиться неоспоримымъ задаткомъ прочнаго благосостоянія для княжества и основаніемъ для развитія его политическаго могущества въ будущемъ. Разсмотримъ эти условія.

На сѣверо-западѣ княжества видимъ Ростовъ и Суздаль, а на юго-востокѣ Муромъ,—древніе, насиженные центры обширныхъ и богатыхъ поселеній двухъ финскихъ племенъ—Мери и Муромы. Племена эти, благодаря воднымъ системамъ Оки и Волги, уже очень рано вошли въ торговыя сношенія съ Востокомъ и Сѣверомъ черезъ посредство Волжскихъ Болгаръ, и съ норманнскимъ Западомъ, черезъ Новгородъ. Рано вступили эти финскія племена въ тѣсную связь съ племенами славянскими, такъ что уже и въ IX вѣкѣ за-одно съ ними принимали участіе въ общихъ движеніяхъ русскаго Сѣвера, подобныхъ, напримѣръ, призванію князей, или походамъ кіевскихъ князей противъ Грековъ. Пользуясь удобствами водныхъ путей, Ростово-Суздальская область вскорѣ явилась важнымъ связующимъ звеномъ торговаго движенія, шедшаго съ юга на сѣверо-востокъ и съ востока на западъ. Кіевъ могъ сноситься съ Поволжьемъ только черезъ посредство Ростовско-Суздальской области, и самый Новгородъ стоялъ въ зависимости отъ Ростова и Суздаля, зорко-сторожившихъ пути къ хлѣбородному Поволжью. Такое выгодное географическое положеніе, дѣлавшее Ростово-Суздальскую область складочнымъ центромъ сильнаго торговаго движенія, должно было современемъ обусловить и политическое значеніе этого далекаго уголка древней Руси.

Сынъ Мономаха, Юрій, которому далекая и непривѣтная область досталась въ удѣлъ, съумѣлъ оцѣнить по достоинству ея значеніе и богатство. Продолжая, по примѣру отца, укрѣплять связь Суздальской области съ остальною Русью, онъ передвинулъ Переяславль отъ озера Клещина на новое мѣсто, построилъ среди плодоносной равнины, между Суздалемъ и Переяславлемъ, новый городъ, Юрьевъ Польскій, на р. Колокшѣ, и какъ этотъ городъ, такъ и Владиміръ—украсилъ новыми зданіями. Но безпокойный и тщеславный князь Юрій, выросшій на Югѣ, бывалъ только временнымъ гостемъ въ Суздалѣ:—его манилъ блескъ великокняжескаго престола, ему не жилось на суровомъ Сѣверѣ, и всѣ его помыслы были связаны съ страстнымъ, упорнымъ желаніемъ упрочить за собою и своимъ родомъ престолъ Кіевскій. Но не такъ думалъ сынъ его Андрей, выросшій на сѣверѣ и рано успѣвшій привязаться къ своей родинѣ. Прискучивъ долгою борьбою отца съ племянниками и братьями за великое княженіе—борьбою, въ которой на долю Андрея Юрьевича выпала такая видная роль — Андрей,

по вокняженіи отца въ Кіевѣ, рѣшился удалиться на родной суздальскій Сѣверъ и остаться тамъ навсегда. Ему-то и обязано Владимірское княжество основаніемъ своего могущества.

Для ближайшаго ознакомленія съ географическими условіями Владиміро-Суздальскаго княжества, необходимо припомнить, что оно занимало значительную часть обширной низменной долины, которая, начинаясь отъ средины Алаунской возвышенности, идетъ на югъ, по склону ея, постепенно и равномѣрно понижаясь, до Клязьмы, и за нею далѣе, до г. Нижняго. «По ту сторону Оки, край этой долины, постепенно подымаясь, образуетъ рядъ возвышенностей, восходящихъ, параллельно Окѣ, до самаго ея истока; тамъ, наконецъ, эти возвышенности входятъ въ составъ цѣпи довольно высокихъ холмовъ, которые отдѣляютъ истокъ Оки отъ Десны и Сейма и вліяютъ въ значительной степени на рѣзкое различіе между климатомъ Украйны и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей внутренней Россіи» (64).

Долина, по склону которой простиралось Владиміро-Суздальское княжество, съ юга, запада и сѣвера наклоняется на востокъ. Возвышенности, окаймляющія долину, даютъ направленіе главнымъ рѣкамъ княжества: юго-восточная — Окѣ, западная — Клязьмѣ, сѣверо-восточная—лѣвымъ притокамъ Клязьмы: Уводи, Тёзѣ и Луху.

Наиболѣе возвышенными, какъ уже ясно изъ предшествующаго описанія, оказываются—сѣверо-западный и юго-восточный углы княжества, въ особенности послѣдній, въ которомъ цѣпь возвышенностей (такъ называемыя Перемиловскія горы) подходитъ къ самой Окѣ и составляетъ крутой нагорный берегъ ея до самого устья. Остальная часть территоріи княжества представляетъ собою довольно ровную, а мѣстами даже и низменную поверхность, пересѣченную посрединѣ лишь весьма незначительною грядою высотъ, раздѣляющихъ бассейнъ Клязьмы отъ бассейна Оки. Западная часть княжества, какъ справедливо предполагаютъ, никогда не была сплошь покрыта лѣсами и издревле представляла годныя для обработки черноземныя пространства. Этимъ свойствомъ почвы и объясняется доселѣ удержавшееся (и вѣроятно весьма древнее) названіе этой части княжества *Опольщиной*, въ смыслѣ окраины, занятой полемъ, въ противоположность остальному пространству княжества, поросшему дремучими лѣсами. Въ этомъ-же смыслѣ городъ Юрьевъ, построенный въ этой части княжества, получилъ названіе *Польскаго*, т. е. лежащаго не среди лѣсовъ, а среди *поля*.

Часть княжества отъ Владиміра къ Юрьеву, съ глинистою почвою, мѣстами прикрытой черноземомъ, съ очень рѣдкими и небольшими лѣсами, пересѣченная рѣками, текущими въ высокихъ [illegible] ивистыхъ берегахъ, представляетъ нѣсколько плодоносных [illegible] то остальная, бо́льшая часть княжества, въ особе [illegible] ѵкъ

его, состоящіе изъ обширныхъ песчаныхъ пространствъ, поросшихъ дремучими лѣсами, въ перемежку съ полосами скудной хрящеватой почвы, изобилующей топями и болотами—оказывались совершенно негодными къ земледѣлію и, вѣроятно, уже очень рано стали обращать населеніе къ занятіямъ промыслами и торговлею. Доселѣ еще уцѣлѣвшіе лѣса Владимірской губерніи, такіе, какъ *Рожновъ боръ*, какъ *Общій* или *Красный боръ*, непрерывно захватывающіе пространства въ полтораста и болѣе верстъ—свидѣтельствуютъ о томъ чрезвычайномъ обиліи лѣсовъ, которое нѣкогда составляло отличительную черту всего сѣверовостока Руси, а въ особенности Московскаго, Рязанскаго и Суздальскаго княжествъ. Громкая слава дремучихъ лѣсовъ муромскихъ, еще въ прошломъ вѣкѣ служившихъ убѣжищемъ для всякаго рода бродягъ и разбойниковъ, дожила и до нашего времени; судя по тому, что представляли собою эти лѣса еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, можно вообразить, каковы они были шесть-семь вѣковъ тому назадъ. Любопытнымъ напоминаніемъ о необычайной лѣсистости далекой суздальской области въ XI — XII вѣкахъ являются тѣ прозвища, который придавались современниками возникавшимъ въ этой мѣстности новымъ городамъ, одноименнымъ съ городами южной Руси: такъ Переяславлю и Владиміру придано было названіе *залѣсскихъ* городовъ, т. е. лежавшихъ *за лѣсами*, въ отличіе отъ Владиміра «Волынскаго» и Переяславля «Русскаго».

Сохранились и другія важныя современныя свидѣтельства о томъ, каковы были лѣса, покрывавшіе Владимірское княжество и ограждавшіе его отъ хищности внѣшнихъ враговъ. Судя по лѣтописи Суздальской, можно видѣть, что въ концѣ XII вѣка не только непріятельскія, но даже и свои, мѣстныя войска способны были въ этихъ лѣсахъ заблудиться. Такъ читаемъ въ лѣтописи суздальской: «между тѣмъ какъ Михалко съ братомъ Всеволодомъ и съ Володимиромъ Святославичемъ шли къ Москвѣ 1176 г. ([65]), Володимирцы выѣхали имъ на встрѣчу»...; «услыхали объ этомъ Мстиславъ (Ростовскій) и Ярополкъ (Владимірскій), посовѣщались съ дружиною своею и повелѣли Ярополку съ полкомъ его—идти противъ Михалка»... «и Божіимъ промысломъ *разминулись* (обѣ рати) въ лѣсахъ, и Михалко съ Москвы поѣхалъ ко Володимиру, а Ярополкъ инымъ путемъ вышелъ къ Москвѣ». Если подобныя случайности были возможны для мѣстныхъ ратей, то еще болѣе препятствій должны были встрѣчать въ суздальскихъ и муромскихъ дебряхъ заходившіе въ нихъ непріятели, которые на каждомъ шагу могли ожидать или засадъ, «изнезапа» выступавшихъ «изъ-загорья», или нападенія въ тылъ. Дремучіе лѣса и бездорожье Суздальской области представляли собою такія непреодолимыя препятствія для нападающаго, что даже и храбрѣйшіе противники

пугались ихъ и не дерзали вступать въ Суздальскіе предѣлы, не обезпечивъ себя помощью со стороны мѣстныхъ князей и дружинъ. Самъ Мстиславъ Удалый, безстрашный герой Липицкой битвы, живымъ словомъ укрѣпляя передъ началомъ боя храбрыхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, напоминаетъ имъ, что они «пришли въ землю сильную».

И дѣйствительно, самая природа дѣлала изъ этой «сильной земли» нѣчто въ родѣ неприступной крѣпости, въ которую стоило только заманить непріятеля и потомъ можно было спокойно, даже не вступая съ нимъ въ битву, ожидать, какъ выберется онъ изъ этой страшной западни лѣсныхъ чащей. На такомъ выжиданіи, въ большей части случаевъ, строилась вся тактика суздальскихъ и владимірскихъ князей, которые, кромѣ того, отлично умѣли пользоваться мѣстностью своего княжества, при первомъ объявленіи войны «засѣкая пути и рѣки», и выбирая позиціи для укрѣпленныхъ становъ своихъ на высотахъ, поросшихъ лѣсомъ.

Загражденіе рѣкъ засѣками было особенно важно въ томъ краю, гдѣ рѣки въ ту отдаленную эпоху (XII — XIII в.) представляли собою единственные безопасные и удобные пути сообщенія. Лучшимъ доказательствомъ того, что водяной путь искони предпочитался всѣмъ остальнымъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Владиміро-Суздальской и Ростовской области служитъ, конечно, то, что уцѣлѣвшіе до нашего времени остатки древнихъ поселій — городища и курганы—разсѣяны по берегамъ рѣкъ и озеръ ([66]). И не смотря на то, что великое обиліе лѣсовъ въ значительной степени способствовало питанію цѣлой системы рѣкъ и рѣчекъ, которыя въ настоящее время существуютъ только въ памяти народной—главными путями сообщенія и движенія торговли были, конечно, три и доселѣ еще судоходныя рѣки Владимірскаго края: Ока, Клязьма и Тёза.

Особенно важна была Ока, пересѣкавшая юго-восточный уголъ княжества и протекавшая въ немъ на пространствѣ около 200 верстъ. При значительной ширинѣ (въ 250—300 саженъ), она течетъ извилисто, то образуя большіе полуострова, то развѣтвляясь на многіе рукава, огибающіе рядъ островововъ, заграждающихъ середину русла. Обширные весенніе разливы Оки, захватывая пространство въ 7 — 10, даже 15 верстъ, поддерживаютъ на берегахъ ея роскошные луга, а когда спадетъ вода—образуютъ по прибрежьямъ обильныя рыбою заводи и озера. До впаденія въ Оку рѣки Ушны, лѣвый берегъ Оки является нагорнымъ, а правый покрытъ песками, болотами и лѣсомъ. Здѣсь-то, на самомъ высокомъ м[illegible]о берега, стоитъ, красуясь, древній городъ Муромъ. Тотча[illegible]омъ лѣвый берегъ начинаетъ понижаться и за рѣкой Уш[illegible]шенно ровнымъ; но за

вмѣстѣ съ названіемъ самаго города Мурома, подтверждая слова лѣтописца, указываютъ на то, что здѣсь также жило финское племя *Мурома*. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени курганы Муромскаго, Меленковскаго и Гороховскаго уѣздовъ еще не изслѣдованы археологами, и мы не имѣемъ такихъ данныхъ о бытѣ Муромы, какія добыты раскопками по отношенію къ быту Мери. Однако же, факты другаго рода служатъ доказательствомъ того, что нынѣшнее, чисто русское населеніе края живетъ на территоріи, нѣкогда принадлежавшей финскому племени. Прямымъ подтвержденіемъ этого предположенія служатъ названія селеній, въ родѣ: *Матмасъ*, *Пурока*, *Чіуръ*, *Дудоръ*, *Нармачъ*, *Цыкулъ*, *Нитуръ* — или въ родѣ: *Кутра*, *Марца*, *Юнда*, *Чуца* и т. д., попадающіеся въ недальнемъ отъ Мурома разстояніи ([68]).

Въ противоположность вышеуказаннымъ фактамъ—вся средняя и сѣверная часть нынѣшней Владимірской губерніи, а равно и ближайшія къ Ростову и къ Мурому мѣстности, полны чисто-славянскихъ названій. Не указываетъ-ли это прямо на то, что эти мѣстности издавна были заселены славянскими поселенцами, которые, вѣроятно, уже ранѣе X вѣка овладѣли нѣкоторыми важнѣйшими и выгоднѣйшими пунктами финскихъ поселій въ Ростово-Суздальскомъ краѣ. Когда именно заселилась Славянами мѣстность около Владиміра,—это было бы очень трудно опредѣлить въ настоящее время; но, принимая въ соображеніе уже извѣстныя намъ географическія условія Владимірскаго края, въ связи съ нѣкоторыми историческими указаніями, можно прійти къ тому заключенію, что колонизація края Славянами могла происходить одновременно по нѣсколькимъ направленіямъ. Исходя изъ того, что главный центръ Мери, озеро Клещино и городъ Ростовъ—уже изстари назывались именами славянскими, прійдемъ къ возможности предположить, что отсюда прежде всего стала проникать славянская колонизація внутрь края. Съ другой стороны, превосходное положеніе гор. Мурома на высокомъ, привольномъ мѣстѣ, съ котораго по рѣкѣ открывался путь во всѣ стороны—также должно было очень рано привлечь Славянъ къ этому центру области, нѣкогда заселенной Муромою. Славянскія названія урочищъ и поселій въ ближайшихъ къ Мурому окрестностяхъ, заставившія забыть о прежнихъ финскихъ названіяхъ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что славянскій элементъ утвердился здѣсь рано, оттѣснивъ отъ этого важнаго пункта финскую Мурому въ лѣса и болота праваго берега Оки. Недаромъ изъ муромскаго с. Карачарова выводитъ русская народная поэзія главнаго своего героя—богатыря Илью-Муромца.

Позднѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Владимірскаго [illegible], славян-

ская колонизація, вѣроятно, должна была овладѣть теченіемъ Клязьмы, на которомъ и основала Владиміръ — сначала младшій изъ городовъ Владимірскаго края, а впослѣдствіи славный стольный его городъ. Проникнуть на Клязьму черезъ ея верховье Славяне не могли, потому что сторона тамъ была совсѣмъ глухая. Изъ старинныхъ актовъ узнаемъ, что даже и гораздо позже, почти до начала XVIII в., путь изъ Москвы ко Владиміру пролегалъ черезъ Юрьевъ на Суздаль, а оттуда направлялся по правому нагорному берегу Нерли ([69]). Точно также не могли проникнуть Славяне на Клязьму и черезъ предѣлы Рязанской земли:— здѣсь и теперь еще залегаютъ пески, лѣса и болота. Остается, слѣдовательно, предположить только одно, а именно, что славянская колонизація могла прочно основаться на Клязьмѣ только тогда, когда, съ одной стороны, утвердилась на прибрежьяхъ Оки, а съ другой—заняла уже пространство отъ Ростова къ Суздалю ([70]). Позже всѣхъ остальныхъ заселился, вѣроятно, сѣверо-восточный уголъ Владимірскаго края. Относительно его не мѣшаетъ замѣтить, что мѣстныя преданія выводятъ населеніе этого угла съ далекаго сѣвера, а сличеніе народныхъ обычаевъ, повѣрій и говора въ значительной степени подтверждаетъ эти преданія ([71]).

Все, высказанное нами выше о путяхъ, которыми шла во Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ славянская колонизація, представляетъ собою только рядъ предположеній. Древнѣйшая исторія края все еще остается очень темною и, вѣроятно, долго еще не будетъ написана, потому что разрѣшеніе многихъ представляемыхъ ею трудныхъ вопросовъ принадлежитъ будущему русской археологической науки, для которой Владимірская губернія и смежныя съ нею мѣстности Ярославской, Костромской, Рязанской и Нижегородской - представляютъ обширное поприще. Древніе городища и курганы, начинаясь выше Владиміра, идутъ по направленію къ Ярославской губерніи и, чередуясь между собою, являются въ изобиліи разсѣянными по уѣздамъ Владимірскому, Суздальскому, Шуйскому, Ковровскому, Юрьевскому и Переславскому. Другая цѣпь кургановъ начинается въ Муромскомъ уѣздѣ и черезъ Гороховскій уѣздъ идетъ въ Нижегородскую губернію. Всѣ эти курганы, извѣстные во Владимірской и Ярославской губерніи подъ названіемъ *могилъ*, *могилицъ*, *пановъ*, *панковъ* и даже просто *бугровъ*—принадлежатъ разнымъ эпохамъ и разнымъ народностямъ. Между тѣмъ какъ одни изъ нихъ, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются относящимися къ отдаленнѣйшей эпохѣ, предшествовавшей IX вѣку, и заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные остатки быта древней Мери, другіе, по самымъ прозваніямъ своимъ, такимъ, какъ *Волотъ* или *Турданъ*—намекаютъ на давно-забытыя преданія о какихъ-то темныхъ народныхъ богатыряхъ; третьи, напротивъ того, ясно указываютъ на эпоху татарщины (какъ напр.,

Батыевъ курганъ), или на еще болѣе близкую къ намъ эпоху смутнаго времени, какъ напр. «Ляховскія могилицы» (въ Ковровскомъ уѣздѣ) или «Пановы могилы» (въ Юрьевскомъ уѣздѣ). Наконецъ, многіе изъ насыпныхъ холмовъ представляютъ собою просто остатки старинныхъ, еще недавно покинутыхъ селищъ; таковъ напр., большой холмъ близь с. Краснаго, въ окрестностяхъ Владиміра, на мѣстѣ прежде бывшаго монастыря Ѳеодоровскаго. Въ немъ и до сихъ поръ, даже и при самой поверхностной раскопкѣ, добываются изъ земли узорчатыя кафли, слюда, разные глиняные сосуды, бѣлые надгробные камни съ надписями и т. д.

Нѣкоторые изъ подобныхъ насыпныхъ холмовъ, при внимательномъ и толковомъ изслѣдованіи ихъ, могутъ, въ значительной степени. служить къ разъясненію мѣстной исторіи края въ разныхъ ея періодахъ, начиная отъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ. Такою именно живою археологическою лѣтописью Суздальскаго края явилась раскопанная П. С. Савельевымъ «Александрова гора», на восточномъ берегу Переяславскаго озера. Почтенный археологъ трудился надъ разслѣдованіемъ этой замѣчательной насыпи въ теченіе двухъ лѣтъ (1853—54). Гора Александрова была, для этой цѣли, срѣзана на пять сажень глубины до песчанаго ея грунта; разрѣзъ показалъ ясно, что вся гора была насыпная, и обнаружилъ нѣсколько слоевъ древностей различныхъ эпохъ. «На самомъ материкѣ, на пескѣ найдены куфическія монеты Аббасидовъ и Саманидовъ (859—900), вмѣстѣ съ слоемъ жженыхъ углей, въ которомъ сохранились черепки отъ разбитыхъ горшковъ, небольшіе ножи, ключъ и желѣзныя пряжки, точно такой же формы, какъ находимыя въ окрестныхъ курганахъ. Слѣдующій слой былъ изъ углей, потомъ шелъ слой изъ кирпичей и углей, а еще выше другой слой изъ щебня, въ которомъ также найдены ножи». Савельевъ предполагалъ, что христіанство, проникнувъ сюда, усердно истребляло огнемъ слѣды язычества. «На мѣстѣ сожженнаго капища возникла православная церковь, слѣды которой обозначились полосою щебня и найденными около нея могилами христіанскаго періода. Рядомъ съ ними, въ томъ же слоѣ, сохранились указанія на истребленіе христіанскаго храма бусурманами:—татарскія монеты Джанибека-хана (около 1350 г.), стрѣлы и кинжалъ. Тутъ же найденъ былъ серебряный слитокъ, или гривна, вѣсомъ въ 42 золотника». Дальнѣйшіе слои горы указывали на то, что «грозные Татары удалились, опустошивъ край, а православіе воздвигло на той же горѣ новый храмъ, и слѣды новой постройки обозначились новымъ слоемъ остововъ, съ тѣльными крестами, съ могильными плитами и денежками Іоанна III. Храмъ этотъ, въ свою очередь, разрушился отъ времени или несчастныхъ событій, и надъ нимъ воздвигся монастырь,

обнесенный деревянною оградою съ шестью круглыми башнями, отъ которыхъ сохранились основанія (*). Вещи, найденныя въ этомъ слоѣ, бо́льшею частью относились къ монастырскому быту, и оказались довольно важными для русской археологіи, въ смыслѣ ознакомленія съ формами и стилемъ русскихъ издѣлій XV и XVI вѣка. Особенно многочисленны были среди находокъ издѣлія костяныя (кресты, гребни, стрѣлы, иглы), которыми, повидимому, занимались иноки древней обители. На самое время существованія обители довольно по-

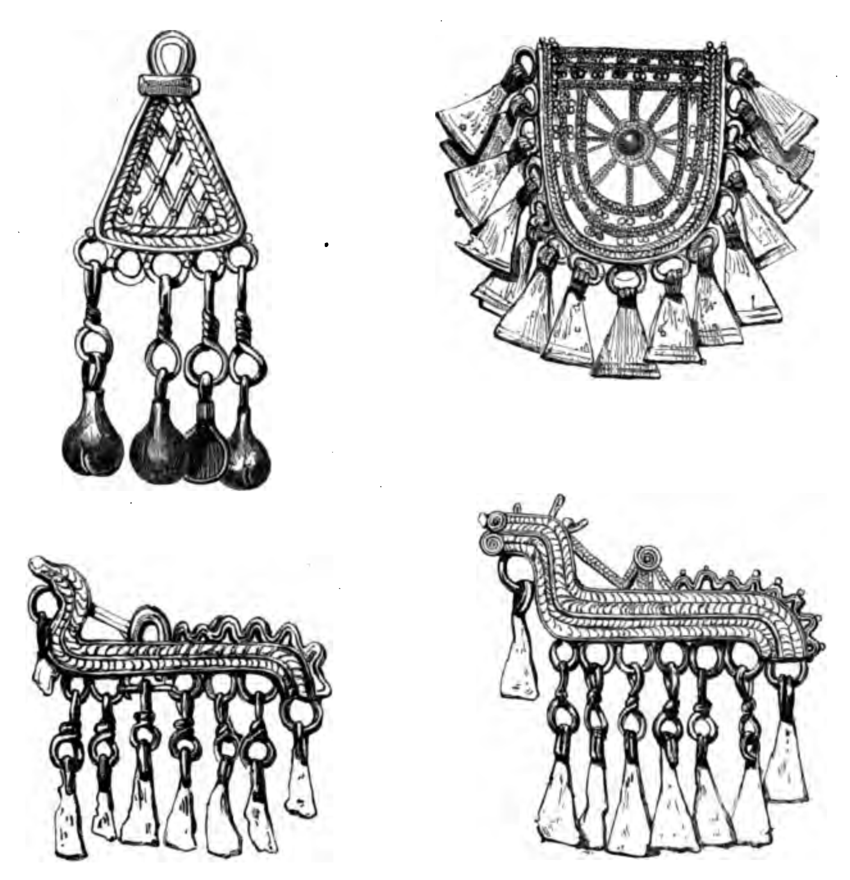

Рис. 24. Привѣски и украшенія, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

ложительно указываютъ отрытыя въ ея развалинахъ монеты царя Іоанна IV и плита съ надписью 1512 года. Деньги Іоанна IV, числомъ болѣе 1000 штукъ, лежали грудою, но, вѣроятно, выпали изъ глинянаго сосудика, на которомъ можно было прочесть надпись «кубышка». Усердный розыскатель не нашелъ никакихъ письменныхъ актовъ, въ которыхъ бы опредѣленно говорилось объ этой древней обители, кромѣ одного извѣстія, изъ котораго видно, что мѣсто «быв-

*) Между остатками монастырскихъ зданій уцѣлѣла даже печь съ горшками.

шаго Александрова монастыря» пожаловано было во владѣніе монастырю Никитскому. А между тѣмъ, несмотря на молчаніе исторіи, преданіе народное, свободно переживающее вѣка, сохранило горѣ, на которой нѣкогда стояла древняя обитель, названіе «Александровой» ([71]).

Не менѣе важны и любопытны были разслѣдованія, произведенныя около того же времени гр. Уваровымъ невдалекѣ отъ Александровой горы. Занимаясь раскопкою мерянскихъ кургановъ на восточномъ берегу Переяславскаго озера, онъ изслѣдовалъ, между прочимъ, у с. *Городище*, довольно обширный *городокъ*, расположенный рядомъ съ древнимъ кладбищемъ, заключавшимъ въ себѣ около 1,340 кургановъ. Кладбище это ясно указывало на древность населенія ([72]), а раскопки, произведенныя въ *городкѣ*, привели къ тому, что въ немъ отрыты были слѣды построекъ, основаніе церкви и христіанское кладбище. При дальнѣйшей раскопкѣ кургановъ языческаго кладбища найдено было много серебряныхъ монетъ, между которыми преобладали западныя монеты X—XI вѣка и восточныя VIII—X вв. Про *городокъ* мѣстное преданіе гласитъ, что на мѣстѣ его заложенъ былъ въ старину городъ, впослѣдствіи перенесенный оттуда на мѣсто нынѣшняго Переяславля, на берегъ Трубежа. Преданіе это подтверждается и лѣтописью, которая отмѣчаетъ, что въ 1152 году Юрій Долгорукій «городъ Переяславль отъ Клещина (озера) перенесъ и построилъ больше стараго».

Не смотря, однако же, на важность результатовъ, добытыхъ подобнымъ изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ городищъ Владимірскаго края, большая часть ихъ, въ особенности въ средней, восточной и юго-восточной части Владимірской губерніи—остается до сихъ поръ еще не изслѣдованною. Множество городищъ, извѣстныхъ здѣсь подъ мѣстнымъ названіемъ *городцовъ*, *городковъ*, *городинъ* и даже просто *городовъ*—постепенно разрушаются или распахиваются, иногда оставляя по себѣ слѣды только въ названіи селеній, выстроенныхъ на мѣстѣ древняго поселья.

Болѣе городищъ посчастливилось курганамъ, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ (1851—54) были систематически раскапываемы гр. Уваровымъ и П. С. Савельевымъ. Археологическія изслѣдованія начаты были въ Суздальскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ, а оттуда направлены къ Переяславлю-Залѣсскому и къ Ростову «съ цѣлью опредѣлить отличительный характеръ мерянскихъ могилъ на самомъ мѣстѣ первоначальнаго жительства Мери», насколько оно было указано нашимъ древнимъ лѣтописцемъ. Раскопки и другія разысканія для вышеуказанной цѣли были произведены въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Переславскомъ и Ростовскомъ (Ярославской губерніи), въ 163 различныхъ мѣстностяхъ, причемъ разрыто всего 7,720 кургановъ. Въ результатѣ этихъ раскопокъ оказалась возможность не-

котороое представленіе о домашнемъ бытѣ древнѣйшихъ обитателей Владимірскаго края, объ ихъ обычаяхъ, промыслахъ и торговлѣ ([74]).

Изъ курганныхъ раскопокъ оказывается, что у Мерянъ одновременно существовали два обряда погребенія: зарываніе въ землю и сожженіе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ покойника клали въ могилу или на костеръ въ его лучшей одеждѣ, со всѣми обычными украшеніями, и около него полагали всѣ предметы, въ которыхъ онъ нуждался при жизни. Въ могилахъ мужскихъ находимы были, главнымъ образомъ, конская сбруя, удила, стремена, топоры, лопаты. Могилы женскія отличались отъ мужскихъ чрезвычайнымъ обиліемъ украшеній, хотя, замѣтимъ кстати, многія украшенія, въ равной степени составляютъ принадлежность и мужскаго, и женскаго костюма: мужчины и женщины одинаково носили серьги, височныя кольца, браслеты и шейные обручи. Разница заключалась большею частью только въ количествѣ украшеній, и съ этой стороны пристрастіе мерянскихъ

Рис. 25. Пряжки или фибулы, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

женщинъ къ украшеніямъ достигало крайнихъ предѣловъ; такъ, напримѣръ, во многихъ могилахъ найдены были женскіе остовы, у которыхъ не только на всѣхъ пальцахъ обѣихъ рукъ было надѣто по нѣсколько колецъ, но ими украшены были пальцы даже на ногахъ! Другою, не менѣе любопытною чертою мерянскаго костюма оказывается то, что нѣкоторыя принадлежности мужскаго наряда носились и женщинами; такъ, напримѣръ, всѣ Меряне, безъ различія возраста и пола, носили на поясѣ ножъ и точильный брусокъ, а многіе изъ нихъ, кромѣ того, привѣшивали къ поясу и другіе предметы домашняго обихода, какъ-то: ключи, огнивы, иглы, шилья, костяные гребни, и даже кожанные мѣшечки для денегъ и для складныхъ вѣсовъ съ гирями.

Меряне какъ мужчины, такъ и женщины — носили одежду изъ то[illegible]й шерстяной матеріи, которая иногда около ворота и прор[illegible]груди оторачивалась позументомъ. Такимъ же точно по-

зументомъ обшивались и высокія шапки знатныхъ Мерянъ, въ которыхъ, между прочимъ, ихъ и хоронили. Кромѣ этой обшивки, вся передняя часть, какъ мужской, такъ и женской мерянской одежды сплошь покрывалась, по всей груди, до самаго пояса, нашивными металлическими бляшками и привѣсками, а потомъ украшалась еще металлическими треугольниками съ привѣшенными къ нимъ бубенчиками и бряцальцами. Одежда стягивалась около пояса наборнымъ ремнемъ, также съ различными привѣсками, а главное—съ разнообразными металлическими изображеніями то двуглавыхъ, то одноглавыхъ коньковъ, плетеныхъ изъ проволоки. «Ко всему этому сложному убранству мерянскія женщины прибавляли еще большія бронзовыя пряжки (fibula), въ видѣ овальныхъ чашекъ, съ прорѣзными узорами по золоченому полю». Такія пряжки прикрѣплялись къ одеждѣ около бедръ, и носились то по одной на каждой сторонѣ, то по двѣ. Особеннымъ богатствомъ отличались ожерелья, которыя находимы были на женскихъ остовахъ, и состояли иногда изъ нѣсколькихъ рядовъ металлическихъ и стеклянныхъ бусъ и изъ подбора серебряныхъ монетъ и серебряныхъ привѣсокъ. Въ головахъ и ногахъ остововъ находили въ могилахъ глиняные горшки, въ которыя, вѣроятно, бывали собираемы остатки жертвоприношеній или яства похороннаго пиршества.

Многія изъ мерянскихъ могилъ, независимо отъ важныхъ бытовыхъ подробностей, обращали на себя вниманіе особенностями самаго способа погребенія; иныя, преимущественно—богатствомъ доставленной ими нумизматической добычи, которая указывала достаточно ясно на рано развившіяся и обширныя торговыя сношенія. Нѣкоторыя могилы были особенно любопытны и важны по тому, чтó изъ нихъ было добыто. Такъ напр., у с. Большая Брембала, въ одной изъ могилъ на глубинѣ $1^1/_4$ аршина найдены были жженыя кости, а между ними серебряная монета короля Оттона (X вѣка), служившая вмѣсто привѣски къ ожерелью изъ бусъ, серьги, желѣзный молотокъ и обломки глинянаго изображенія руки и круга. На одну четверть аршина ниже откопаны разбросанныя кости лошади. Еще на полъ-аршина ниже — три черепа. Подлѣ одного: бусы и бронзовая привѣска въ видѣ небольшаго четвероногаго звѣря; подлѣ другаго — позолоченыя бусы и плоское бронзовое кольцо.

Въ другой могилѣ, той же мѣстности, на глубинѣ полутора-аршина—жженыя кости, уголье, и въ немъ небольшая бронзовая пряжка въ видѣ подковы. На полъ-аршина глубже—остовъ, у котораго во рту серебряная византійская монета императора Константина Багрянороднаго, а около головы — серебряныя серьги съ дутыми шариками; на шеѣ—монисто съ серебряными саманидскими монетами начала X вѣка; около пояса серебряная пряжка въ видѣ подковы, ножъ съ черенкомъ,

обтянутымъ серебряной проволокой; у лѣваго бока — ключъ; въ ногахъ—серпъ ([75]).

Въ одномъ изъ кургановъ у с. Городищи отрыты два остова:— около одного не оказалось никакихъ вещей; у другаго, кромѣ четырехъ серебряныхъ серегъ съ шариками, на шеѣ найдено было богатѣйшее монисто, состоящее изъ трехъ серебряныхъ медальоновъ, пяти англо-саксонскихъ монетъ короля Этельреда (битыхъ въ Лондонѣ, Честерѣ, Винчестерѣ и Сванфортѣ), одной аббасидской, калифа Гаруна Аль-Рашида, битой въ Багдадѣ, и изъ различныхъ бусъ.

Въ числѣ множества монетъ, отрытыхъ въ мерянскихъ могилахъ, наибольшая часть принадлежитъ къ монетамъ восточнымъ, которыя указываютъ начало торговыхъ сношеній Владиміро-Суздальскаго края съ Востокомъ, черезъ посредство Болгаръ, еще въ VII—VIII вѣкѣ. Меньшая часть принадлежитъ къ монетамъ западнымъ (датскимъ, англо-саксонскимъ); изъ нихъ древнѣйшія восходятъ къ началу X вѣка. Менѣе всего находимо было въ мерянскихъ могилахъ монетъ византійскихъ, и это вполнѣ поясняется тѣмъ, что съ Византіей сношенія края производились черезъ Кіевъ, между тѣмъ какъ съ Востокомъ и Западомъ Меряне могли сноситься непосредственно, высылая своихъ торговыхъ людей въ Болгарію по Волгѣ и въ Новгородъ или на Балтійское прибрежье. Годы монетъ даже довольно ясно указываютъ на начало этихъ торговыхъ сношеній: съ Востокомъ завязались онѣ ранѣе—съ конца VII вѣка; съ Западомъ, по крайней мѣрѣ, на два вѣка позже, когда смѣлыя ватаги варяжскія новгородскимъ путемъ проникли въ верховье Волги, а оттуда въ дебри дремучихъ ростовскихъ и владимірскихъ лѣсовъ.

Графъ Уваровъ, подробно изслѣдуя находки мерянскихъ могилъ, пришелъ къ тому совершенно правильному выводу, что ввозилось во Владимірско-Суздальскій край лишь очень немногое, и притомъ далеко не составлявшее насущной потребности для мѣстнаго населенія. Главными статьями ввозной торговли съ Востокомъ (черезъ Болгарію) были: стеклянныя (золоченыя и серебряныя) бусы, бронзовыя и серебряныя издѣлія (привѣски, перстни, бляшки, пуговицы) и маленькіе булатные клинки. Главными предметами ввоза съ Запада были: бусы изъ горнаго хрусталя, янтаря, аметиста и сердолика, нѣкоторыя стеклянныя украшенія, бронзовыя, прорѣзныя пряжки (фибулы) въ видѣ черепахи, и нѣкоторая часть оружія: желѣзныя сѣкиры (датскія) и наконечники копій (британскіе). Все это, вѣроятно, вымѣнивалось на драгоцѣнные мѣха пушныхъ звѣрей, въ изобиліи доставляемыхъ дремучими лѣсами Владимірскаго края, въ которыхъ, и въ гораздо болѣе позднюю пору, водились даже бобры. Преимущество при обмѣнѣ товаровъ, очевидно, оставалось на сторонѣ мѣстныхъ жителей, что и вынуждало во-

сточныхъ и западныхъ сосѣдей доплачивать имъ разницу деньгами:— только такимъ образомъ и возможно уяснить себѣ обиліе монеты въ мерянскихъ могилахъ ([76]).

Кромѣ вышеозначенныхъ статей ввоза, древніе обитатели Владиміро-Суздальскаго края, повидимому, во всемъ остальномъ, сами умѣли удовлетворять своимъ немногосложнымъ потребностямъ. Бытъ ихъ былъ вполнѣ осѣдлый, земледѣльческій; они занимались разведеніемъ домашняго скота и были нетолько знакомы со всѣми важнѣйшими промыслами, но даже и съ пріемами правильной торговли. Между степенью развитія и нравами Славянъ и Мерянъ, очевидно, существовало небольшое различіе, чѣмъ объясняется ранняя и тѣсная связь Мерянъ съ племенами славянскими, а также быстрое сліяніе ихъ съ славянскою колонизаціею, которая нашла себѣ здѣсь готовую и богатую почву для дальнѣйшаго гражданскаго роста и развитія. Сліяніе это было въ такой степени тѣснымъ и полнымъ, что уже въ половинѣ XII в. лѣтописецъ суздальскій не упоминаетъ болѣе о Мери, живущей одними общими интересами со всею остальною Русью.

Какъ ни важны факты, добытые раскопкою и изученіемъ мерянскихъ кургановъ, однако же древнѣйшая исторія Владиміро-Суздальской области только тогда уяснится намъ вполнѣ, когда и вся территорія, нѣкогда заселенная древнею Муромою, будетъ подвергнута такому же долгому и тщательному археологическому изученію, какое выпало на долю области древней Мери. И можетъ быть только тогда окажется возможнымъ, хотя до нѣкоторой степени, опредѣлить долю участія финскихъ инородцевъ въ сложеніи области, среди которой, на сѣверо-востокѣ Руси XII в., возникло сильное и богатое Владиміро-Суздальское княжество.

Рис. 26. Оружіе: копья и боевые топоры, добытые изъ мерянскихъ могилъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СТОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ ВЛАДИМІРЪ.

Владиміръ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.—Быстрое возрастаніе города при Андреѣ и Всеволодѣ Юрьевичахъ.—Раздѣленіе города на части.—Монастыри и церкви.—Общій планъ города—Укрѣпленія.—Золотыя Ворота—драгоцѣнный памятникъ зодчества XII вѣка.

Городъ Владиміръ, изстари прозванный Залѣсскимъ въ отличіе отъ Владиміра-Волынскаго, лежитъ при р. Клязьмѣ, впадающей въ Оку, и расположенъ на лѣвомъ, нагорномъ берегу ея. Положеніе города, раскинутаго на холмахъ, очень живописно, хотя площадь, занимаемая имъ, весьма необширна. По плану города, снятому въ концѣ прошлаго вѣка, вскорѣ послѣ того, какъ Владиміръ сдѣланъ былъ губернскимъ, окружность города значится равною 10 верстамъ и 300 саженямъ; наибольшая длина его—три версты 300 саженъ; поперечникъ—1 верста и 400 саженъ. Фигурою и расположеніемъ частей своихъ въ планѣ, Владиміръ представляетъ нѣсколько растянутый, продолговатый пятиугольникъ, и раздѣлялся на три главныя части: Кремль, Бѣлый-городъ и Китай-городъ. Каждая изъ этихъ частей отдѣлялась отъ другой земляными «регулярными» валами. Сверхъ этихъ трехъ главныхъ составныхъ частей города, видимъ при немъ на томъ-же самомъ планѣ семь предмѣстій, изъ которыхъ иныя, вѣроятно, входили въ составъ и стараго Владиміра; напр., предмѣстье за Лыбедью, огибающею городскіе валы съ Сѣвера, предмѣстье Николы Мокраго и Гончары. Но въ названіяхъ трехъ главныхъ частей слышится уже московское вліяніе, заставившее забыть объ исконной Владимірской старинѣ ([77]).

Оказывается, что еще въ началѣ XVIII вѣка память о старинѣ владимірской была гораздо свѣжѣе, остатковъ ея было больше и даже

самый планъ города болѣе напоминалъ собою древній планъ города Владиміра, на сколько мы можемъ заключать о немъ по намекамъ и указаніямъ лѣтописи и въ особенности по сказанію «о взятіи Владиміра Татарами», которое даетъ довольно ясное понятіе объ отдѣльныхъ частяхъ древняго Владиміра и ихъ взаимномъ соотношеніи. Такъ напр., только уже въ половинѣ прошлаго столѣтія разобраны были за крайнею ветхостью остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ владимірскихъ, которыхъ основанія старожилы и теперь еще указываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землянаго вала. На сохраненіе этихъ стѣнъ и башенъ еще въ концѣ XVII столѣтія, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и потомъ при Петрѣ I, обращаемо было даже довольно строгое вниманіе. Мы знаемъ, что, по приказу царя Алексѣя Михайловича, стѣны и башни чинились и поддерживались, а въ Петровской инструкціи къ воеводѣ Владимірскому даже прямо указывалось: «надлежитъ смотрѣть, чтобы... осыпи и рву не обивали, и навозъ, и всякій соръ въ городѣ и въ острогѣ у стѣнъ и у воротъ и во рвѣ въ тайникахъ никто не металъ»... Всѣ эти распоряженія дѣлались, конечно, не ради сохраненія древнихъ памятниковъ, а ради того, что Владиміръ конца XVII в. еще не могъ вполнѣ утратить значенія крѣпости, которое искони придавалось каждому большому областному городу въ древней Руси. Однако же, благодаря этимъ заботамъ, городъ Владиміръ въ XVII в. все еще не утрачивалъ оригинальной внѣшности древняго русскаго города, такъ что Олеарій, проѣзжавшій черезъ Владиміръ въ декабрѣ 1647 г., былъ видимо пораженъ общимъ видомъ города и могъ сказать въ дневникѣ своемъ:.. «развалины стѣнъ, башенъ и домовъ, видимыя въ разныхъ мѣстахъ, представляютъ собою несомнѣнные и достовѣрные признаки древности и величія этого города». Не прошло и ста лѣтъ послѣ этой записи, какъ всѣ «признаки древности и величія» исчезли безслѣдно, и въ нынѣшнемъ столѣтіи ихъ пришлось уже отыскивать и возстановлять путемъ строжайшихъ археологическихъ розысканій ([77]).

По переписнымъ книгамъ 1711 года, городъ Владиміръ состоялъ изъ трехъ главныхъ частей: *Кремля*, обнесеннаго стѣнами и башнями, *Землянаго города*, простиравшагося на западъ отъ Кремля, и *Посада*— на востокъ отъ него. Какъ посадъ, такъ и Земляной городъ были обнесены валами, по которымъ тянулись деревянные заборы и частоколы. Къ городу приписано было семь слободъ. Въ Кремлѣ, по тѣмъ же переписнымъ книгамъ, значилось два собора и одинъ мужской монастырь; въ Земляномъ городѣ—одинъ женскій монастырь и шесть приходскихъ церквей; на Посадѣ — два женскихъ монастыря и двѣ приходскихъ церкви. За чертою городскихъ валовъ, въ слободахъ, было въ каждой по одной церкви, а всего семь церквей. Это раздѣленіе го-

Рис. 27. Владиміръ-на-Клязьмѣ (съ восточной стороны).

рода нѣсколько болѣе сближаетъ насъ съ планомъ древняго Владиміра, какъ онъ представляется намъ по указаніямъ лѣтописи и другихъ древнихъ актовъ. Изъ соображенія всѣхъ данныхъ, какія можно собрать для топографіи и исторіи города Владиміра, мы видимъ, что городъ, впервые упоминаемый въ половинѣ XII в., былъ при Юріи весьма незначителенъ и по населенію, и по укрѣпленіямъ своимъ. Только уже послѣ окончательнаго переселенія на сѣверъ Андрея Боголюбскаго, когда онъ, избѣгая старыхъ центровъ Ростово-Суздальской области, обратилъ особенное вниманіе на новый Владиміръ, городъ сталъ постепенно разростаться и пріобрѣтать значеніе важнаго пункта. Въ 1158 году Андрей Юрьевичъ расширилъ предѣлы города и обнесъ его стѣнами, въ которыхъ построены были при немъ Золотыя ворота, на крайней западной оконечности города, и Серебряныя (впослѣдствіи Ивановскія ворота) на крайней восточной его оконечности. Въ тоже самое время, князь Андрей положилъ основаніе и главной мѣстной святынѣ владимірской:—8 апрѣля 1158 г. онъ заложилъ «во Владимірѣ каменную церковь святой Богородицы, и далъ ей много имѣнія, и слободы купленныя и съ данями, и села лучшія и десятины въ стадахъ своихъ и въ торговыхъ пошлинахъ». Два года спустя соборный храмъ былъ уже отстроенъ и «князь Андрей могъ уже дивно украсить его многоразличными иконами, и дорогимъ каменьемъ безъ числа, и церковными сосудами», а верхъ собора позолотить. При этомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что «по вѣрѣ князя Андрея и по тщанію его къ святой Богородицѣ, *Богъ привелъ ему мастеровъ изо всѣхъ земель*», и далъ ему возможность украсить храмъ Богородицы «паче всѣхъ иныхъ церквей». Въ этомъ-то соборномъ храмѣ поставилъ князь Андрей и принесенную имъ изъ Вышгорода святыню— икону Божіей Матери, писанную по преданію св. Евангелистомъ Лукою и впослѣдствіи получившую названіе «Владимірской». Въ 1164 г. освящена была кн. Андреемъ церковь на Золотыхъ воротахъ и вновь заложена церковь Святаго Спаса во Владимірѣ. Кромѣ этой церкви, впослѣдствіи обратившейся въ Спасо-Златовратскій монастырь, Андрей, вѣроятно около того же времени, построилъ еще монастырь Козмо-Дамьянскій, и не переставая заботиться о постройкѣ новыхъ и благолѣпномъ украшеніи и подновленіи старыхъ церквей Ростово-Суздальской области, въ послѣдніе годы своей жизни особенное тщаніе приложилъ къ украшенію церкви Рождества, въ своемъ городкѣ Боголюбовѣ, и новаго Покровскаго-на-Нерли монастыря, близь Боголюбова. Замѣтимъ, что всѣ воздвигнутые имъ храмы представляли собою прочныя, богато-украшенныя, и на сколько мы можемъ судить по остаткамъ, красиво построенныя зданія, внѣшнею стороною своею ясно-указывающія на вліяніе западныхъ мастеровъ, при помощи

которыхъ эти зданія были возведены. Есть основаніе думать, что и укрѣпленія г. Владиміра, устроенныя княземъ Андреемъ, были весьма существенны, потому что, когда, по смерти Андрея, Михаилъ Юрьевичъ, въ 1175 году, заперся во Владимірѣ во время нашествія Ростиславичей съ Рязанцами и Муромцами—Владимірцы могли уже выдержать семинедѣльную осаду, храбро «бились съ города», и только голодъ вынудилъ ихъ къ сдачѣ.

Около 1185 года городъ Владиміръ достигъ крайнихъ предѣловъ своего распространенія; вѣроятно и населеніе въ немъ было весьма значительно, судя потому, что въ немъ было уже болѣе 30 церквей, деревянныхъ и каменныхъ; по крайней мѣрѣ въ «великій пожаръ» владимірскій (18 апрѣля 1185 г., когда погорѣлъ *почти весь городъ* и самый соборъ Успенскій, построенный Андреемъ Боголюбскимъ) лѣтописецъ насчитываетъ въ числѣ погорѣвшихъ 32 церкви. Есть основаніе предположить, что, послѣ 1185 года, городъ не возросталъ уже болѣе и не расширялся въ предѣлахъ своихъ укрѣпленій, судя потому, что число церквей въ немъ оставалось неизмѣнно одно и то же до самаго начала XIII вѣка.

Въ княженіе князя Всеволода Юрьевича (по прозванію Великое Гнѣздо) Владиміръ окончательно возвысился до значенія стольнаго города. Всеволодъ избралъ его своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ и на самомъ возвышенномъ, видномъ мѣстѣ города, вблизи Успенскаго собора, построилъ свой княжескій дворъ; а въ 1194 году на томъ же дворѣ воздвигъ во имя св. Дмитрія Солунскаго соборъ, котораго *полати* (хоры) соединены были переходами съ княжимъ дворцомъ. Въ томъ же году и весь холмъ, на которомъ находились соборы и дворъ княжой, былъ обнесенъ каменнымъ дѣтинцемъ и пріобрѣлъ значеніе не только главнаго, отдѣльнаго отъ прочихъ частей, центра города, но еще и новаго, внутренняго, замкнутаго укрѣпленія, которое получило названіе *Печерняго* города (впослѣдствіи Кремля). Не много ранѣе этого времени (1191) великій князь Всеволодъ, въ чертѣ того же дѣтинца или Печерняго города, а именно въ восточномъ углу его («въ осыпи подлѣ Ивановскихъ воротъ») избралъ мѣсто для основанія мужскаго Рождественскаго монастыря, въ которомъ и воздвигъ прекрасный храмъ во имя Рождества Богородицы, неуступавшій въ красотѣ остальнымъ храмамъ, которые были построены усердіемъ Всеволода.

Въ концѣ XII в., продолжая украшать Владиміръ новыми храмами, Всеволодъ Юрьевичъ воздвигъ еще одну церковь во имя св. Іоакима и Анны во Владимірскомъ дѣтинцѣ, на воротахъ Успенскаго собора, который былъ имъ значительно расширенъ и обновленъ послѣ страшнаго пожара 1193 г. Вскорѣ послѣ того освящена была княземъ

церковь Рождества въ Рождественскомъ монастырѣ (1197 г.), а въ самомъ началѣ XIII вѣка новая церковь Успенія заложена супругою князя Всеволода въ женскомъ Успенскомъ (такъ называемомъ Княгининѣ) монастырѣ. Послѣ этого, въ XIII в. встрѣчаемъ упоминаніе о постройкѣ еще только одной новой церкви во Владимірѣ, а имéнно церкви *Воздвиженія* на *торговищѣ*, заложенной великимъ княземъ Константиномъ въ 1218 году.

Такимъ образомъ, въ началѣ XIII вѣка, мы видимъ Владиміръ люднымъ, хорошо обстроеннымъ и сильно укрѣпленнымъ при помощи двойнаго ряда укрѣпленій, изъ которыхъ одни опоясывали внутренній

Рис. 28. Владиміръ-на-Клязьмѣ (съ западной стороны).

или Печерній городъ, образуя на возвышенномъ мѣстѣ его крѣпкій дѣтинецъ, а другія охватывали *новый* городъ (впослѣдствіи получившій названіе *землянаго*), почти огибавшій съ запада городъ Печерній. Изъ разсказа лѣтописи о Владимірскомъ взятіи Татарами, мы видимъ, что укрѣпленія владимірскія даже для такого грознаго и многочисленнаго врага, какъ Татары, представляли собою весьма серьезное препятствіе. Татары должны были вести правильную осаду и, окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, очевидно, могли одолѣть защитниковъ только

множествомъ. Они одновременно ворвались въ городъ и отъ Золотыхъ воротъ, гдѣ у св. Спаса сдѣлали «приметъ» къ городской стѣнѣ, и отъ Лыбеди, гдѣ вошли «Ориниными или Мѣдяными воротами», и отъ Клязьмы, гдѣ они приступомъ взяли «Волжскія ворота» ([78]). Только захвативъ три наиболѣе крѣпкіе пункта города, на западной, сѣверной и южной сторонѣ, Татары могли взять *Новый* городъ или первый рядъ владимірскихъ укрѣпленій. Тогда, по свидѣтельству лѣтописца, «князья Всеволодъ и Мстиславъ Юрьевичъ и всѣ люди бѣжали въ Печерній градъ и затворились въ немъ», и Татарамъ еще разъ пришлось биться у втораго ряда владимірскихъ укрѣпленій, прежде чѣмъ палъ дѣтинецъ, въ которомъ каменные соборы, монастырскія и церковныя ограды представляли собой твердый, хотя и послѣдній, оплотъ обрекшимъ себя на смерть защитникамъ Владиміра. Судя по этому разсказу, близко-знакомящему насъ съ планомъ древняго Владиміра, мы видимъ въ немъ только двѣ главныя части—*Печерній* городъ или дѣтинецъ (впослѣдствіи Кремль) и *Новый* городъ, раскинувшійся на западъ отъ дѣтинца и облегавшій его съ трехъ сторонъ. Лѣтопись не упоминаетъ при этомъ о *Посадѣ* — третьей части Владиміра, вѣроятно впослѣдствіи включенной въ черту города, и примкнувшей къ нему съ востока. Судя по тому однакожъ, что уже въ древнихъ актахъ эта часть города носитъ названіе *Ветшанаго города* и *Стараго острога*, можно предполагать, что эта часть Владиміра, въ видѣ предмѣстья, могла существовать и въ XIII — XIV вѣкѣ, но не была еще укрѣплена, а по своему положенію на крайней восточной сторонѣ города не могла имѣть важнаго значенія въ его внутренней жизни, которая сосредоточивалась въ центрѣ и въ западной части.

Нѣкоторое понятіе о значеніи владимірскихъ укрѣпленій могутъ дать намъ уцѣлѣвшія до настоящаго времени знаменитыя Золотыя Ворота.

Первое упоминаніе о нихъ встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1164 годомъ, по поводу освященія церкви, воздвигнутой на Золотыхъ Воротахъ Андреемъ Боголюбскимъ. Въ лѣтописи не сказано въ честь какого именно святаго была построена эта церковь, но есть основаніе думать, что освященіемъ этой церкви завершалась постройка монументальнаго зданія. Послѣ этого перваго упоминанія Золотыя Ворота не разъ еще упоминаются лѣтописью по поводу различныхъ важныхъ событій исторической жизни Владиміра. Такъ, напр., въ 1177 году, Владимірцы, «вышедши предъ Золотыя Ворота, цѣловали крестъ ко Всеволоду князю, и на дѣтяхъ его»; а подъ 1218 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Золотыхъ Воротахъ по поводу торжественнаго внесенія мощей, вывезенныхъ изъ Царьграда епископомъ Полоцкимъ для князя Константина. Далѣе Золотыя Ворота упоминаются подъ 1237 г., при

описаніи взятія города Татарами. Здѣсь, на Золотыхъ Воротахъ стояли молодые князья Всеволодъ и Мстиславъ Юрьевичи съ дружиною и горько оплакивали участь своего брата Владиміра Юрьевича, попавшагося въ плѣнъ Татарамъ. Татары подводили своего юнаго плѣнника къ Золотымъ Воротамъ и, указывая на него княжичамъ,

Рис. 29. Золотыя Ворота во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

старались, очевидно, разжалобить ихъ горькою участью брата, требуя въ то же время сдачи Владиміра. Вообще въ исторіи Владиміра Золотыя Ворота играютъ очень видную роль.

Къ Золотымъ Воротамъ выходили обыкновенно граждане, предшествуемые съ духовенствомъ и крестами встрѣчать новыхъ князей и еписко-

повъ, впервые прибывавшихъ или возвращавшихся во Владиміръ послѣ долгаго отсутствія. За Золотыя Ворота провожали граждане князей своихъ или членовъ семьи княжеской, отправлявшихся на долго изъ Владиміра. Князь или княжичъ владимірскій въѣзжалъ въ городъ, гость-ли дорогой пріѣзжалъ ко владимірскому князю откуда-нибудь издалека — Владимірцы встрѣчали его непремѣнно у Золотыхъ Воротъ или за Золотыми Воротами, такъ какъ всѣ важнѣйшіе пути изъ Руси во Владиміръ шли съ запада, отъ Суздаля, а Золотыя Ворота и составляли какъ разъ самую западую окраину города.

Послѣ взятія города Татарами, Золотыя Ворота, на которыя направлены были главныя силы врага, сильно пострадали отъ *пороковъ* и потомъ отъ пожара. Вѣроятно, въ то время была разграблена и разрушена находившаяся на воротахъ церковь... Неизвѣстно, была ли она возобновлена впослѣдствіи? Достовѣрно только то, что въ 1695, церковь эта возобновлена и освящена по благословенію патріарха Адріана и въ переписныхъ книгахъ города Владиміра за 1711 г. значится въ числѣ прочихъ церквей «церковь Положенія Ризъ Пресвятой Богородицы, что на Золотыхъ Воротахъ». Въ большой пожаръ 1778 года церковь эта сгорѣла до-тла и возобновлена еще разъ уже въ самомъ концѣ прошлаго вѣка. Тогда же, при императрицѣ Екатеринѣ II, возобновлены и самыя Золотыя Ворота и приданъ имъ тотъ видъ, въ какомъ они сохранились и до настоящаго времени.

При этомъ послѣднемъ возобновленіи, земляные валы, еще въ началѣ прошлаго вѣка примыкавшіе къ самымъ Золотымъ Воротамъ, были отодвинуты отъ Золотыхъ Воротъ на столько, что по обѣ стороны ихъ образовались свободные проѣзды. Но вмѣсто валовъ, поддерживавшихъ ветхое зданіе, нашли необходимымъ укрѣпить его угловыми, округлыми пристройками, которыя совершенно измѣнили его древній видъ. Вслѣдствіе этого, по четыремъ угламъ воротъ, вмѣсто контрфорсовъ, явились низенькія круглыя башни съ зубцами, въ родѣ угловыхъ башенокъ на крѣпостныхъ бастіонахъ, а около сѣверной и южной стороны Золотыхъ воротъ — пристройки, въ которыхъ помѣщается новая лѣстница, ведущая наверхъ къ церкви, и жилыя помѣщенія. Если припомнимъ ко всему этому, что вся верхняя надстройка надъ крышею Золотыхъ Воротъ, вмѣщающая въ себѣ церковь и окружающій ее корридоръ, возведены въ концѣ XVII вѣка, то не трудно будетъ понять, что древнее зданіе, воздвигнутое Андреемъ Боголюбскимъ, со всѣхъ сторонъ оказывается охваченнымъ новыми частями, сложенными изъ кирпича, и что эти новыя части не сразу можно отдѣлить отъ старыхъ. Это выдѣленіе стараго изъ новаго въ значительной степени затруднено и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ древнихъ воротъ, гдѣ облицовка изъ бѣлаго камня отпала, бѣлый камень

былъ впослѣдствіи замѣщенъ кирпичемъ, скрывшимъ подъ собою древнюю внутреннюю кладку зданія.

Однако же, нѣкоторыя благопріятныя для изученія памятника обстоятельства дали возможность мѣстнымъ археологамъ проникнуть внутрь древняго зданія и ближе ознакомиться съ нимъ во всѣхъ его подробностяхъ ([79]).

Огромный полукруглый сводъ арки воротъ, весь выложенный внутри изъ бѣлаго камня, поддерживается шестью бѣлокаменными дугами. Между этими шестью дугами въ бѣлыхъ стѣнахъ образуется шесть нишей, заканчивающихся тоже полукруглыми арками. Пониже главной арки, въ половинѣ ея высоты, видимъ другую арку, также изъ бѣлаго камня, которая простирается въ длину не болѣе какъ аршинъ на пять (длина арки безъ малаго 8 саженъ). «Съ обѣихъ сторонъ этой арки, извнутри древняго укрѣпленія, находятся утвержденныя въ стѣнахъ желѣзныя петли, на которыя навѣшивались створы существовавшихъ здѣсь нѣкогда воротъ. Въ стѣнахъ сохранились даже впадины, въ которыя вставлялись концы запора, замыкавшаго ворота». Въ уровень съ поверхностью нижней арки во всѣхъ дугахъ главной арки воротъ остались углубленія, служившія гнѣздами бревенъ накатника, съ котораго граждане владимірскіе могли поражать врага, подступающаго къ городскимъ воротамъ.

Въ срединѣ южной стѣны, подъ сводами воротъ, между бѣлокаменными дугами существуетъ дверь, отъ которой лѣстница изъ бѣлыхъ камней вела внутри зданія вверхъ, вѣроятно къ церкви. Часть этой лѣстницы, съ изображеніями четырехъ-конечныхъ округлыхъ крестовъ на стѣнахъ, сохранилась и донынѣ. Благодаря этой лѣстницѣ, защитники, бившіеся съ непріятелемъ съ накатника, могли имѣть сообщеніе и съ верхомъ зданія и оттуда также поражать непріятеля или наблюдать за его движеніями. Съ другой стороны, боковой проходъ, находившійся подъ аркою при основаніи зданія, выводилъ на поверхность земляныхъ валовъ, нѣкогда примыкавшихъ къ самымъ Золотымъ воротамъ, и давалъ возможность защитникамъ воротъ поддерживать связь съ укрѣпленіями.

Такимъ образомъ, ближайшее знакомство съ этимъ любопытнымъ и важнымъ памятникомъ XII вѣка привело къ тому, что оказалось возможно опредѣлить и значеніе его, какъ одного изъ передовыхъ укрѣпленій Владиміра, и какъ памятника древности, сохранившагося намъ въ гораздо бóльшей цѣлости, нежели бы можно было того ожидать. И дѣйствительно, тщательное изслѣдованіе стѣнъ Золотыхъ воротъ, какъ извнутри, такъ и снаружи, заставило мѣстныхъ археологовъ прійти къ тому заключенію, что «подвергся разрушенію и перестройкѣ только одинъ верхъ зданія, т. е. то, что нынѣ сложено изъ кирпича

(церковь, стѣны и корридоръ около нея)—вся же остальная часть здания сохранилась во всемъ своемъ составѣ со времени основанія Золотыхъ воротъ» (80).

Надо полагать однакоже, что бóльшей сохранности владимірскихъ Золотыхъ воротъ, сравнительно съ кіевскими, при худшихъ условіяхъ климатическихъ, много способствовалъ самый способъ постройки (общій всѣмъ памятникамъ Владиміро-Суздальскаго края въ XII—XIII вв.), при которомъ двойная облицовка стѣнъ (внутренняя и внѣшняя) изъ мягкаго тесанаго камня прикрывала крѣпко-скипѣвшуюся кладку изъ бута и булыжника на цементѣ и защищала эту кладку отъ вліянія морозовъ и непогодъ.

Любопытно, что эта-же облицовка способствовала внесенію въ нашу народную рѣчь особаго украшающаго эпитета, который, вѣроятно, примѣнялся въ давнія времена (совершенно правильно) къ Владиміру, но окончательно удержался за Москвою:—она и до сихъ поръ слыветъ *бѣлокаменной*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

КНЯЗЬ И ДРУЖИНА.

Особенныя условія Владиміро-Суздальскаго края, благопріятствующія развитію княжеской власти. — Князь и дружина.—Князь, какъ представитель «наряда».—Войско и военная тактика владимірскихъ князей.—Отношеніе князей къ духовенству. — Семейство князя.—Княжны и княгини.—Домашняя жизнь.—Устройство жилищъ.—Остатки палатъ князя Андрея.

На сѣверо-востокѣ Руси власть княжеская принимаетъ нѣсколько иной характеръ, нежели на югѣ, отчасти потому, что тамъ не видимъ такихъ сложныхъ отношеній великаго князя къ остальнымъ удѣльнымъ князьямъ, отчасти же и потому, что самая отдаленность области ставила ее въ болѣе независимое и въ болѣе безопасное положеніе по отношенію ко всякимъ междоусобіямъ, войнамъ и вторженіямъ вражескимъ.

Князь Владиміро-Суздальской области являлся полновластнымъ владыкой страны, на которую никто не заявлялъ никакихъ притязаній. Ближайшими сосѣдями его были: — на югѣ слабое, сравнительно съ Владимірскимъ, княжество Рязанское; на западѣ и сѣверо-западѣ княжества Смоленское и Новгородское, стоявшія въ тѣсной зависимости отъ Владиміро-Суздальской области по торговымъ связямъ; а на востокѣ — Владиміро-Суздальская область примыкала къ землямъ финскихъ племенъ, которыя не способны были оказать князьямъ владимірскимъ значительнаго сопротивленія, и къ богатой Болгаріи, съ которой торговля доставляла большія выгоды Владимірской землѣ.

Однимъ словомъ, Владиміро-Суздальское княжество являлось вполнѣ независимымъ отъ своихъ сосѣдей, а между тѣмъ, благодаря выгоднымъ географическимъ условіямъ, держа въ рукахъ своихъ важнѣйшіе торго-

*

вые пути и волоки, должно было оказывать весьма значительное вліяніе и на Смоленскъ и на Новгородъ, и даже на Кіевъ, потому что становилось единственнымъ посредникомъ въ ихъ торговлѣ съ Востокомъ, а по отношенію къ Новгороду и Смоленску могло еще дѣйствовать самымъ роковымъ образомъ, задерживая движеніе хлѣбныхъ запасовъ съ низовьевъ Волги. Если при этомъ мы припомнимъ, что и со стороны степи и ея кочевниковъ Владиміръ тоже являлся въ значительной степени обезпеченнымъ, то мы должны будемъ прійти къ тому заключенію, что для развитія власти княжеской на сѣверо-востокѣ представлялось много благопріятныхъ условій.

Первый изъ князей Владиміро-Суздальской области, окончательно поселившійся на сѣверо-востокѣ Руси— Андрей Боголюбскій—съумѣлъ превосходно воспользоваться этими условіями. Призванный на княженіе Ростовцами и Суздальцами, Андрей Юрьевичъ сталъ на сторонѣ одного изъ младшихъ пригородовъ и, окруживъ себя небольшою, избранною дружиною, создалъ себѣ независимое положеніе въ своемъ небольшомъ городкѣ Боголюбовѣ. Но стремленіе князя къ полной самостоятельности и его крутой нравъ возбудили ненависть въ ближайшихъ къ князю лицахъ, которыя и рѣшились на убійство. Владимірцы, значительно возвысившіеся при Андреѣ, не захотѣли утратить своего выгоднаго положенія, и въ начавшейся борьбѣ за право на Владимірскій столъ приняли сторону брата Андреева, Всеволода Юрьевича. Въ 1177 году они даже присягнули князю Всеволоду «и на дѣтяхъ его», и въ этой присягѣ сказалась особенность исторіи Владиміро-Суздальскаго княжества—стремленіе къ упроченію княжеской власти.

Нельзя не замѣтить того, что значеніе дружины на сѣверо-востокѣ Руси является гораздо менѣе важнымъ, чѣмъ въ Кіевѣ. Всеволодъ Юрьевичъ *думаетъ* со своею дружиною и совѣщается съ нею, но не даетъ ей владѣть собою. Только въ самомъ началѣ его княженія видимъ мы два случая неповиновенія, оказаннаго дружиною князю, но и то одинъ изъ нихъ представляется намъ не столько ослушаніемъ воли князя, сколько общимъ взрывомъ негодованія противъ враговъ князя. Не мѣшаетъ припомнить, что въ этомъ движеніи принимаетъ участіе не одна дружина, но и *купцы*. Но послѣ 1178 г. мы, въ теченіе долгаго княженія Всеволода, не встрѣчаемъ уже ни одного случая разногласій съ дружиною.

Сурово относясь къ каждому ослушанію своей воли и грозно карая князей рязанскихъ за то, что они не ходятъ «подъ рукою его», Всеволодъ Юрьевичъ является намъ, наравнѣ съ Андреемъ, прообразомъ будущихъ сѣверныхъ князей Русскихъ. Озабоченный поддержкою своего значенія въ южной Руси и связей со Смоленскомъ и Новгородомъ, а также распространеніемъ своихъ владѣній на востокъ, князь Всеволодъ въ то же время успѣ-

ваетъ заниматься и украшеніемъ стольнаго города новыми постройками, и дѣлами церковными, и устройствомъ своихъ семейныхъ дѣлъ, и «нарядомъ» въ странѣ своей, который онъ никому не поручаетъ, отправляясь лично даже въ *полюдье*. Не даромъ въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу лѣтописецъ отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ, что онъ «судилъ судъ истиненъ и не лицемѣренъ, не обинуясь лицъ сильныхъ своихъ бояръ, обижающихъ меньшую братью, порабощающихъ сиротъ и творящихъ насилье». Вообще говоря, въ лицѣ Всеволода мы именно видимъ перваго князя «всея Ростовскія земли», хотя этотъ титулъ лѣтописецъ придаетъ уже и брату его Михаилу Юрьевичу.

Всеволодъ—замѣчательный политикъ — не былъ, однакоже, воиномъ; онъ воевалъ неохотно, всѣми силами избѣгалъ кровопролитія и вступалъ въ открытую борьбу только въ случаѣ крайней необходимости, когда дѣло шло о поддержкѣ его достоинства и власти. Но, обладая значительными силами, онъ превосходно умѣлъ ими пользоваться, и даже придумалъ совершенно особую тактику для военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Суздальской области. Тактика эта заключалась въ томъ, что онъ ставилъ войско свое въ твердую, а иногда даже и неприступную позицію—и выжидалъ нападенія, не нападая самъ. Такъ было въ 1177 году на Колокшѣ, когда войска суздальскія стояли противъ войскъ рязанскихъ *цѣлый мѣсяцъ*, пока не вынудили кн. Глѣба перейти къ наступленію; такъ было и въ 1181 году на рѣкѣ Вленѣ, когда войска суздальскія сошлись съ черниговскими, и Суздальцы, по выраженію лѣтописца, «стояли на горахъ, въ пропастяхъ и ломахъ, такъ что нельзя было къ нимъ и подойти войскамъ Святослава (Всеволодовича)». Двѣ недѣли стояли рати другъ противъ друга. Напрасно посылалъ Святославъ ко Всеволоду поповъ своихъ, вызывая его на битву. Всеволодъ не отвѣчалъ и не двигался. И только тогда, когда, опасаясь весенней теплыни, Святославъ, послѣ тщетнаго ожиданія, поспѣшно сталъ отступать, «Всеволодъ послалъ въ станы непріятельскіе, много взялъ тамъ добра, а за непріятелемъ не велѣлъ гнаться». Любопытно, что эта тактика выжиданія и впослѣдствіи была любимою тактикою суздальскихъ князей, которые предпочитали битву изъ-за окоповъ, изъ-за *тверди*—битвѣ въ открытомъ полѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Всеволодъ отличался замѣчательнымъ терпѣніемъ и настойчивостью при осадѣ городовъ, и умѣлъ ихъ брать безъ особыхъ пожертвованій, вынуждая осажденныхъ къ сдачѣ либо голодомъ (какъ Торжокъ въ 1182 году), либо жаждою (Пронскъ въ 1207).

Предпочитая оборонительную войну наступательной, Всеволодъ много заботился объ укрѣпленіи важнѣйшихъ городовъ Владиміро-Суздальскаго края. Такъ въ 1192 году онъ укрѣпилъ Суздаль, а въ

1195—Переяславль. Самый Владиміръ, вѣроятно, былъ при немъ доведенъ до значенія весьма крѣпкаго пункта, если судить по тому, что въ 1216 году, когда, послѣ Липицкой битвы, Мстиславъ Удалый, съ союзниками своими, подошелъ ко Владиміру, въ которомъ не было вовсе войска — князья стали совѣщаться между собою, съ которой стороны брать городъ, не рѣшаясь нападать на него прямо.

О составѣ суздальскаго войска мы можемъ получить изъ лѣтописи довольно ясное представленіе. Главною составною частью являлась и здѣсь мѣстная дружина, въ полномъ своемъ составѣ, т. е. *бояре* или *гридь* (*гридьба*), и *пасынки* или *дѣтскіе* и *мечники*. Дружина тѣсно была связана съ городомъ, составляла значительную долю его населенія, и потому очень часто подъ названіемъ жителей того или другаго города слѣдуетъ разумѣть только мѣстную дружину. Это ясно изъ многихъ мѣстъ лѣтописи. Такъ, напримѣръ, подъ 1175 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что узнавъ о смерти князя Андрея, «Ростовцы и Суздальцы, и Переяславцы, и вся дружина, отъ мала до велика (т. е. и старшая, и младшая) съѣхались ко Владиміру»... И немного далѣе разсказывается о томъ, какъ Михалко Юрьевичъ затворился во Владимірѣ, въ то время, когда тамъ «не было Володимерцевъ, такъ какъ они, по повелѣнію Ростовцевъ, поѣхали въ количествѣ 1,500 человѣкъ» противъ Юрьевичей. Ясно, что тутъ подъ названіемъ *Владимірцевъ* слѣдуетъ разумѣть дружину Владимірскую. Но кромѣ *дружины* собственно, въ составъ войска входили иногда и остальные граждане города, когда того требовала необходимость. Такъ въ 1216 г. всѣ граждане Владимірскіе принимали участіе въ борьбѣ Юрія и Ярослава противъ Константина и Ростиславичей. Въ этомъ случаѣ, кажется, всѣ горожане одного города составляли одинъ полкъ. Такъ, напримѣръ, видимъ, что въ 1184 году, во время похода въ Болгарію, Всеволодъ отряжаетъ «Бѣлозерскій полкъ» стеречь лодьи.

Надо, однако же, полагать, что къ такому усиленному набору ратниковъ князья прибѣгали неохотно, потому что горожане не любили далеко отлучаться отъ домовъ своихъ и старались возвратиться къ нимъ при первой возможности. Такъ, въ 1176 году, Москвичи, бывшіе въ войскѣ Михалковомъ, едва выступивъ изъ Москвы, услыхали, что на нихъ идетъ Ярополкъ; «тогда», говоритъ лѣтописецъ, «они тотчасъ же вернулись назадъ, оберегая свои домы». Точно также и въ 1216 году, Константинъ Всеволодовичъ предупреждаетъ Ростиславичей, на военномъ совѣтѣ передъ Липицкой битвой, что на его Ростовцевъ не очень можно положиться: «они, того-и-гляди, разойдутся по городамъ своимъ».

Для того, чтобы воодушевить войско и удержать его въ рядахъ, князья собирали передъ битвою начальниковъ и говорили имъ рѣчи,

ободряя ихъ къ битвѣ и напоминая о той добычѣ, которая должна имъ достаться послѣ побѣды. «Вамъ достанутся и кони, и брони, и одежды», говорятъ князья. И дѣйствительно видимъ, что въ 1177 году, Владимірцы, побѣдивъ Ростовцевъ въ первой битвѣ у Липицъ—повели съ собою колодниковъ (плѣнныхъ) и погнали скотъ и коней; а во второй битвѣ у Липицъ, едва только побѣда стала склоняться на сторону Ростиславичей — Смольняне бросились грабить обозъ и обдирать мертвыхъ. Любопытно, что въ числѣ военной добычи, отбитой Рости-

Рис. 30. Боголюбовъ монастырь близъ Владиміра-на-Клязьмѣ.

славичами у Юрія и Ярослава Всеволодовичей, упоминается «30 стяговъ, а трубъ и бубновъ сто».

Когда Юрій, послѣ Липицкой битвы, прискакалъ во Владиміръ, то онъ нашелъ тамъ только совершенно неспособный къ оборонѣ народъ—поповъ, чернецовъ, женъ и дѣтей. На другой день, кн. Юрій, собравши гражданъ, сталъ ихъ уговаривать затвориться съ нимъ во Владимірѣ и отсидѣться отъ Ростиславичей; люди отвѣчали ему: «съ кѣмъ мы затворимся?—братья наша избита, а другіе взяты въ плѣнъ, а остальные изъ нашихъ прибѣжали безъ оружія... съ чѣмъ же мы станемъ?» Вопросъ этотъ служилъ прямымъ указаніемъ на то,

что граждане получали оружіе отъ князя, и такъ какъ это оружіе было у нихъ отбито непріятелемъ, то имъ дѣйствительно «не съ чѣмъ было стать». У князя постоянно хранился запасъ оружія, который онъ могъ, въ случаѣ надобности, выдать на руки дружинѣ или горожанамъ; точно также и на конюшнѣ его стояли запасные кони. Такъ мы видимъ, что послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго, злодѣи бросаются грабить казну княжескую—берутъ «золото, каменья драгоцѣнные, жемчугъ и всякое узорочье», и все это кладутъ на *милостныхъ* (т. е. запасныхъ) коней, а потомъ завладѣваютъ *милостнымъ* оружіемъ и затѣмъ уже начинаютъ собирать около себя мѣстную дружину. Лицо, завѣдывавшее этими запасами княжой казны, носило названіе *милостника*. Подъ 1298 годомъ читаемъ также, что во время пожара, случившагося на княжемъ дворѣ, «сгорѣло много имѣнія—злата и сребра, оружія и одеждъ». Но такъ какъ княжескіе запасы оружія не могли быть разсчитаны на слишкомъ большое войско, то ихъ и не хватало въ томъ случаѣ, когда въ войско, кромѣ горожанъ, призываемы были и сельскіе жители. Такъ въ томъ же 1216 году, когда въ составъ войска Юрьева «согнаны были изъ поселій всѣ до единаго пѣшца»—мы видимъ, что эти поселяне были просто вооружены дубьемъ и топорами.

Но, вообще говоря, вооруженіе войска на сѣверо-востокѣ, ничѣмъ, конечно, не отличалось отъ вооруженія русской рати южныхъ областей. Вооруженіе оборонительное состояло вѣроятно изъ брони (или кольчуги), щита и шелома, а оружіе наступательное изъ копій, мечей, топоровъ, лука и стрѣлъ. Брони были, какъ кажется, двухъ родовъ: состоявшія изъ сплошныхъ нагрудниковъ, въ родѣ латъ, и другія—составленныя изъ нашитыхъ на одежду металлическихъ бляхъ. Послѣднее особенно ясно изъ того, что подъ 1184 г. лѣтописецъ разсказываетъ о смерти Изяслава Глѣбовича подъ стѣнами болгарскаго Великаго города. Во время приступа къ городскимъ воротамъ, Изяславъ съ копьемъ въ рукахъ бросился на толпу непріятельскихъ пѣшцевъ, вышедшихъ изъ воротъ, изломалъ копье и вдругъ былъ пораженъ «стрѣлою *сквозь броню* подъ сердце».

Намъ сохранились отъ XIII вѣка три шлема княжескихъ: Юрія Всеволодовича, Ярослава Всеволодовича и сына его, св. Александра Невскаго. Одинъ изъ нихъ, найденный въ 1808 году близь Юрьева-Польскаго, представленъ на рисункѣ, приложенномъ къ концу главы.

Важнымъ считаемъ мы упоминаніе о томъ, что у Андрея Боголюбскаго висѣлъ на стѣнѣ его ложницы мечъ св. Бориса. Изъ этого видно, что оружіе бывало родовое, передававшееся изъ рода въ родъ, переходившее отъ одного поколѣнія къ другому, какъ дорогое наслѣдіе. Изъ одного мѣста лѣтописи можно даже вывести то замѣчаніе, что княжичъ получалъ отъ отца крестъ и мечъ, какъ признаки

своего княжескаго достоинства. Отправляя сына своего Константина на княженіе въ Новгородъ, въ 1206 г., Всеволодъ «далъ ему крестъ честный и мечъ, и сказалъ: да будетъ тебѣ крестъ хранителемъ и помощникомъ, а мечъ поддержкою власти твоей и защитою. Ихъ даю тебѣ нынѣ, чтобы ты могъ оберегать людей своихъ отъ противныхъ»....

И въ другихъ мѣстахъ лѣтописи встрѣчаемъ положительныя подтвержденія того, что мечъ княжескій имѣлъ дѣйствительно такое зна-

Рис. 31. Сѣни и переходы палатъ князя Андрея въ Боголюбовомъ монастырѣ.

ченіе ([81]). На важное значеніе этого аттрибута княжеской власти намекаетъ и то, что князь не носилъ меча, а за нимъ носилъ его одинъ изъ старѣйшихъ представителей дружины, называемый вслѣдствіе этого *меченошею* *).

*) Что меченоша принадлежалъ къ старшей дружинѣ, видно изъ того, что *меченоши* посылались съ полками въ качествѣ воеводъ (1210).

Внимательно всматриваясь въ картину княжескаго быта, на сколько она рисуется намъ лѣтописцами, мы замѣчаемъ, что на сѣверо-востокѣ Руси уже въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка существовалъ довольно опредѣленный кругъ обычаевъ и обрядовъ, нѣчто въ родѣ выработаннаго *чина* (этикета), который, очевидно, соблюдался съ большою строгостію. Князь долженъ былъ, и въ общественной, и въ частной жизни своей, постоянно держаться опредѣленнаго способа дѣйствій, установившагося издавна. Въ своихъ отношеніяхъ къ церкви, къ сосѣднимъ князьямъ, къ дружинѣ, къ семьѣ своей, къ народу, князь постоянно долженъ былъ проявляться и дѣйствовать такъ, какъ это предписывалось ему обычнымъ теченіемъ княжескаго быта.

Проникнутые глубочайшимъ уваженіемъ къ Церкви, князья и на сѣверо-востокѣ, какъ на югѣ, отличались дѣятельнымъ религіознымъ настроеніемъ и принимали горячее участіе во всѣхъ церковныхъ торжествахъ, во всѣхъ празднествахъ, перенесеніяхъ мощей, освященіяхъ церквей, встрѣчахъ и настолованіяхъ новопоставленныхъ епископовъ, какія происходили въ ихъ области. За то и духовенство, съ другой стороны, принимало такое же дѣятельное участіе во всѣхъ торжествахъ семейной и общественной жизни князя. Свадьбы, крестины, постриги, встрѣчи и проводы князя, «посаженіе его на столъ»—все это совершалось при непосредственномъ участіи духовенства, по его благословенію и при его содѣйствіи. Князь, ежедневно присутствовавшій на богослуженіи въ своей домашней, придворной церкви, отъ колыбели и до могилы шелъ рука-объ-руку съ владыкою, который чаще всего былъ и отцемъ его духовнымъ. Съ благословеніемъ владыки начиналъ онъ княженіе свое, когда садился на столъ княжескій въ мѣстной соборной церкви, благословеніемъ и напутствіемъ владыки оканчивалъ онъ и свое земное поприще. Кажется, что даже и при частыхъ поѣздкахъ своихъ по княжеству князья имѣли обыкновеніе обращаться къ епископамъ за благословеніемъ и при отправленіи въ путь, и при возвращеніи изъ него. Такъ подъ 1259 г. читаемъ, что Александръ Ярославичъ, пріѣхавъ въ Ростовъ, по пути изъ Новгорода во Владиміръ, тотчасъ отправился въ соборъ св. Богородицы, «дабы поклониться ей»... «И цѣлуя крестъ честный и кланяясь епископу Кириллу, онъ сказалъ ему: «отче святый! твоею молитвою я туда, въ Новгородъ, доѣхалъ благополучно, и сюда пріѣхалъ также благополучно». Нѣкоторые изъ владимірскихъ князей отличались особеннымъ пристрастіемъ къ постройкѣ церквей, и не только украшали и подновляли уже существующія церкви, но и въ каждомъ изъ многихъ дворовъ своихъ непремѣнно воздвигали по особому храму. При освященіи подобныхъ церквей обыкновенно учреждались пиры, на которые приглашалось духовенство и раздавалась милостыня нищей братіи. Тѣсная связь кня-

зей съ духовенствомъ высказывалась въ томъ, что нетолько священники, но и епископы и митрополиты принимали на себя исполненіе трудныхъ дипломатическихъ порученій, для которыхъ совершали нерѣдко дальнія странствованія; съ другой стороны, случалось иногда, что епископы, изъ одной привязанности къ своему князю, разставались съ своею паствою, когда князь терялъ свой столъ, и, покидая богатую епископію, шли за княземъ въ его новый бѣдный удѣлъ. Такъ въ 1216 году послѣдовалъ за княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ епископъ Симонъ, когда, послѣ Липицкаго пораженія, Юрій долженъ быъ уступить великокняжескій престолъ Константину. И не только при жизни князя была постоянно жива и тѣсна его связь съ духовенствомъ: самая смерть не порывала иногда этихъ отношеній. И послѣ смерти любимаго князя духовенство прилагало стараніе къ прославленію его: выставляя на видъ его добродѣтели, вносило въ лѣтопись похвалу ему, на память отдаленному потомству. Эти похвалы князьямъ, занесенныя въ лѣтопись, при всемъ своемъ однообразіи, заключаютъ нерѣдко и весьма живыя черты, очевидно почерпнутыя изъ современной дѣйствительности. Такъ, въ похвалѣ князю Андрею Боголюбскому, лѣтописецъ отмѣчаетъ любопытную черту его щедрости къ неимущимъ, сообщая намъ, что «на милостыню онъ былъ всегда готовъ, и нетолько кушанье свое, но и медъ разсылалъ по улицамъ на возахъ, къ больнымъ и къ затворникамъ». Въ похвалѣ князю Константину лѣтописецъ упоминаетъ о томъ, что онъ «часто и прилежно читалъ книги», а въ похвалѣ Васильку Константиновичу, очевидно, передаетъ, отзывъ о немъ дружины. «Василько», говоритъ лѣтописецъ, «былъ красивъ лицемъ, очами свѣтелъ и грозенъ, чрезвычайно храбръ на охотѣ, а сердцемъ добръ и до бояръ ласковъ; и кто изъ бояръ ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ и чашу пилъ, и дары отъ него получалъ—тотъ ужъ по любви къ нему никакъ не могъ быть у другаго князя; до излишества любилъ онъ служившихъ ему».

Нельзя не отмѣтить по отношенію къ Владиміро-Суздальской области, что, благодаря особымъ условіямъ, усилившимъ значеніе въ ней власти княжеской, въ средѣ духовенства окончательно сложился тотъ взглядъ на княжескую власть, который былъ не вполнѣ чуждъ и русскому Югу. Суздальскій лѣтописецъ постоянно представляетъ намъ князя, какъ избранника Божія, и облекаетъ власть его особымъ ореоломъ. «Князь не напрасно мечъ носитъ», восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи: »—онъ носитъ его потому, что онъ Божій слуга; онъ носитъ его, чтобы карать злодѣевъ и поощрять добротворящихъ». Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ даже и слѣдующее разсужденіе: «Богъ даетъ власть тому, кому хочетъ; Онъ поставляетъ и царя, и князя. И если какая-нибудь земля угодитъ Богу, то Онъ поставляетъ въ ней

на княженіе князя праведнаго, любящаго судъ и правду; а если князья въ какой-нибудь землѣ бываютъ правдивы, то ихъ землѣ прощается много прегрѣшеній, такъ какъ князь есть глава земли». На высокое значеніе власти княжеской въ сѣверо-восточной Руси указываетъ и то, что уже и въ XII вѣкѣ, какъ кажется, вошло въ обычай поминать великаго князя во время богослуженія ([82]).

Строго установившеюся обычностью отзывается бытъ княжескій въ Владимірѣ и въ другихъ своихъ проявленіяхъ, какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ. Отношенія отца къ дѣтямъ и старшихъ братьевъ къ младшимъ отличаются глубокою почтительностью и подчиняются опредѣленнымъ формальностямъ. Отецъ, отпуская сына на княженіе, даетъ ему благословеніе и напутствіе, а братья его провожаютъ. Подробное и любопытное описаніе такихъ проводовъ встрѣчаемъ мы подъ 1206 г. въ лѣтописи суздальской. «Всеволодъ, великій князь, послалъ сына своего Константина на княженіе въ Великій Новгородъ; и была велика радость въ тотъ день во Владимірѣ. И далъ ему отецъ крестъ честный и мечъ, и сказалъ: «да будетъ крестъ тебѣ охраной и помогой, а мечъ—защитой и обороной; ихъ даю я тебѣ, чтобы ты могъ оберегать людей своихъ отъ враговъ.» Потомъ сказалъ еще: «сынъ мой Константинъ! не только Богъ положилъ на тебя старшинство въ братьѣ твоей, но и во всей Русской землѣ, потому что Новгородъ Великій старше всѣхъ княженій въ Русской землѣ. И я тебѣ даю это старшинство; поѣзжай въ свой городъ.» И, поцѣловавши, онъ отпустилъ его. И всѣ братья его, Георгій, Владиміръ, Іоаннъ, съ великою честью проводили его до рѣки Шедакши. Съ ними были и всѣ бояре Всеволода, и всѣ купцы, и всѣ посланные братьевъ его. И говоръ восходилъ до небесъ отъ множества сопровождавшихъ Константина людей... Когда же наступилъ вечеръ, всѣ братья Константиновы и всѣ люди, и всѣ мужи отца его, и всѣ посланные братьями его—поклонились Константину и воздали ему великую хвалу, и каждый изъ нихъ возвратился во-свояси, проливая слезы радости и сожалѣнія по поводу того, что всѣ они лишились такого утѣшенія».

Какъ при отъѣздѣ старшаго брата или, вообще, одного изъ братьевъ-княжичей, остальные братья должны были провожать его, такъ и при полученіи извѣстія о возвращеніи его домой—они выѣзжали ему на встрѣчу. Такъ въ сентябрѣ 1206 г. братья Всеволодовичи встрѣтили у Сѣянья брата своего Ярослава, возвращавшагося послѣ неудачнаго княженія изъ Переяславля Русскаго, а въ февралѣ того же года выѣхали на встрѣчу старшему брату Константину, пріѣзжавшему на время къ отцу изъ Новгорода. Нѣкоторыя подробности этой встрѣчи любопытны и потому, что указываютъ на нѣкоторую разницу въ обычаяхъ при встрѣчѣ брата съ братьями и отца съ сыномъ. Лѣтописецъ разсказываетъ: «встрѣ-

тили Константина на р. Шедакшѣ всѣ братья его—Георгій, Ярославъ, Владиміръ, Святославъ, Іоаннъ, — и всѣ мужи отца его, и горожане всѣ отъ мала до велика; и братья его увидали его съ радостью, и поклонились ему, и цѣловали его любезно всѣ люди, и въѣхали вмѣстѣ съ нимъ во Владиміръ. И поклонился отцу своему Константинъ, отецъ же его, *вставъ*, *обнялъ его*, и цѣловалъ его любезно и съ радостью великою».

Вообще говоря, старшинство уважалось высоко и служило одною изъ важнѣйшихъ основъ въ между-княжескихъ отношеніяхъ. Отсту-

Рис. 32. Входъ съ надворья на сѣни палатъ князя Андрея.

пленіе отъ общепринятыхъ понятій о законности правъ старшаго члена семьи приводило съ одной стороны къ постороннему вмѣшательству въ семейныя отношенія, съ другой—къ строгому суду старшаго надъ младшими. Такъ въ 1207 г. великій князь Всеволодъ Юрьевичъ судилъ рязанскихъ князей за то, что они дерзаютъ сноситься съ Ольговичами помимо его воли; такъ въ 1216 году Мстиславъ Удалый вступается въ распрю Всеволодичей и беретъ въ ней сторону старшаго брата противъ младшихъ. Любопытны подробности Всеволодова суда надъ рязанскими князьями, также указ[illegible]ъ на значительно выработанныя, установившіяся форм[illegible]ъ отношеній.

Всеволодъ, по разсказу лѣтописца, задумавъ воевать съ Ольговичами, направился къ Чернигову, и 19 августа пришелъ на Москву, гдѣ войска его соединились съ войсками старшаго сына Константина. И послѣ того, какъ онъ пробылъ тутъ нѣсколько дней, пришла къ нему вѣсть, «что рязанскіе князья, которымъ онъ приказалъ идти на соединеніе съ его ратью къ Окѣ, сговорились съ Ольговичами, и идутъ къ нему съ злымъ умысломъ». И пошелъ онъ съ Москвы съ сыновьями до Оки и сталъ возлѣ рѣки въ шатрахъ, на берегѣ пологомъ. Въ тотъ же день пришли къ нему и рязанскіе князья—Романъ и Святославъ, братъ его съ двумя сыновьями, Игоревичи два брата, Ингварь и Юрій, и Володимерича два, Глѣбъ и Олегъ, и Давыдъ князь изъ Мурома. Всеволодъ, *поцѣловавъ ихъ*, повелѣлъ имъ сѣсть въ шатрѣ, а самъ сѣлъ (отдѣльно) въ полстницѣ. И сталъ онъ къ нимъ посылать князя Давыда Муромскаго и Михаила Борисовича, мужа своего, на обличенье ихъ. И *долго ходили они между палаткою и полстницею* (принося вопросы однимъ и отвѣты другимъ), и долго клялись и божились князья, отрицая взводимое на нихъ обвиненіе; но Глѣбъ и Олегъ Володимеричи, ихъ двоюродные братья, пришли къ нимъ и обличили ихъ. Князь же великій, услышавъ, *что истина доказана*, повелѣлъ ихъ взять со всѣми ихъ думцами, и вести ихъ въ Володиміръ».

Для улаженія отношеній между князьями равными на сѣверо-востокѣ Руси также существовали *снемы* или съѣзды князей, на которые князья собирались «исправлять все нелюбье между собою» (1229) и разъѣзжались, укрѣпивъ между собою миръ крестнымъ цѣлованіемъ. Случалось, что на этихъ съѣздахъ одни дѣла, между одними князьями заканчивались миромъ, а между другими не приходили къ желаемому концу (1301). Тогда оставалось только одно: обратиться къ посредству другаго, старшаго князя, рѣшенію котораго могло бы подчиниться обѣ стороны. Если же посредничество не удавалось и дѣло доходило до открытой борьбы, то рѣшеніе его предоставлялось Божьему суду—на полѣ битвы. «Пусть насъ Богъ разсудитъ», говорили въ подобномъ случаѣ князья, и побѣда всегда приписывалась современниками тому, что за побѣдителемъ была «Божья правда». Побѣжденному оставалось только одно: безусловно покориться волѣ побѣдителя, выразивъ ему свою покорность въ особой, строго-установленной, неизмѣнно-повторяющейся формѣ: «братъ!» говорилъ побѣжденный князь, кланяясь побѣдителю—«тебѣ бью челомъ! тебѣ надлежитъ жизнь мнѣ дать и хлѣбомъ меня накормить». И побѣдитель, принимая покорность побѣжденнаго, дѣйствительно озабочивался о томъ, чтобы ему было чѣмъ прокормиться съ дружиною: онъ или оставлялъ ему его удѣлъ, или, отнимая удѣлъ, давалъ ему другой для кормленія. Такъ послѣ Ли-

пицкой битвы (1216 г.), Константинъ Всеволодовичъ отнялъ у Юрія Владиміръ, но далъ ему въ удѣлъ Радиловъ Городецъ на Волгѣ, а брату своему Ярославу оставилъ его удѣлъ, Переяславль. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, побѣжденный обязанъ былъ дарить побѣдителя, а такъ какъ около каждаго князя стояла его дружина, оказывавшая на него болѣе или менѣе сильное вліяніе, то побѣжденный закупалъ дарами и дружину побѣдителя. Что же касается побѣдителя, то онъ смотрѣлъ на эти дары, какъ на нѣчто обязательное, въ родѣ откупа или военной контрибуціи, и принималъ ихъ даже въ томъ случаѣ, когда относился къ побѣжденному съ полнымъ презрѣніемъ и не щадилъ оскорбленій, направленныхъ къ униженію его достоинства. Такъ Мстиславъ Удалый, послѣ примиренія Константина Всеволодовича съ Ярославомъ Переяславскимъ, отнимаетъ отъ него жену (свою дочь), отказывается переступить порогъ его дома или даже вступить въ его городъ, и въ то же время принимаетъ отъ него дары. Не мѣшаетъ замѣтить, что эти дары слѣдуетъ строго отличать отъ даровъ *благодарственныхъ*, которые раздавались князьями союзникамъ и дружинѣ въ благодарность за помощь, оказанную въ томъ или другомъ случаѣ, и отъ даровъ *обычныхъ*, которыми обыкновенно сопровождались празднества семейныя или общественныя и угощенія князей духовенствомъ или духовенства и дружины князьями; при этихъ угощеніяхъ хозяинъ обыкновенно также считалъ долгомъ дарить гостей. Особый видъ даровъ представляетъ раздѣленіе избытка богатой военной добычи или *сайгата* между родственниками и близкими князю людьми. Такъ мы видимъ, что Ростиславъ Юрьевичъ, одержавъ блистательную побѣду надъ Половцами (1193) и захвативъ богатую добычу, прежде всего ѣдетъ съ нею (съ сайгаты) къ отцу во Вручай; оттуда отпрашивается онъ у отца къ стрыю своему Давыду, въ Смоленскъ, и ѣдетъ туда съ «сайгатами». Прослышавъ объ его пребываніи въ Смоленскѣ, Всеволодъ Юрьевичъ позвалъ его къ себѣ въ Суздаль. Ростиславъ Рюриковичъ и въ Суздаль къ тестю своему поѣхалъ съ сайгатами. Тесть держалъ его у себя всю зиму, одарилъ великими дарами и его, и дорогую дочь свою, Верхуславу, и затѣмъ отпустилъ ихъ во-свояси.

Женщина въ княжескомъ быту и въ Суздальскомъ періодѣ не теряетъ еще того высокаго значенія, какимъ она пользовалась въ Кіевѣ. Княгини занимаютъ на ряду съ мужьями своими высокое и независимое положеніе въ обществѣ. Въ распоряженіи княгинь находятся особыя, лично имъ принадлежащія средства, которыя онѣ нерѣдко употребляютъ на дѣла благочестія, преимущественно на постройку монастырей. Если судить объ этихъ средствахъ по такимъ зданіямъ, какъ Успенскій (Княгининъ) монастырь во Владимірѣ, воздвигнутый супругою Всеволода Юрьевича, то можно предположить, что княгини

обладали весьма значительными матерьяльными средствами. Источникомъ этихъ средствъ было не только приданое, которое, какъ намъ положительно извѣстно, княжны, при выданіи замужъ, получали отъ родителей, но и удѣлы, получаемые ими, какъ кажется, въ видѣ свадебнаго дара отъ родителей жениха. Въ Ипатіевской лѣтописи, подъ 1187 г. находимъ мы драгоцѣнное извѣстіе о свадьбѣ Верхуславы Всеволодовны. Описаніе событія довольно подробно, можетъ быть потому, что въ немъ принимали участіе важнѣйшіе изъ современныхъ историческихъ дѣятелей, а можетъ быть и потому, что свадьба Верхуславы Всеволодовны съ Ростиславомъ Рюриковичемъ выдѣлилась изъ числа другихъ свадебъ княжескихъ по своему блеску и великолѣпію.

Приводимъ это описаніе вполнѣ: «Послалъ (великій князь кіевскій) Рюрикъ (Ростиславичъ) Глѣба князя, шурина своего, съ женою, Славна тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою, и многихъ бояръ съ женами, къ Юрьевичу къ великому (князю) Всеволоду въ Суздаль, по Верхуславу (дочь Всеволодову), за (сына своего) Ростислава. А на Борисовъ день отдалъ Верхуславу, дочь свою, великій князь Всеволодъ, и далъ по ней многое множество, безъ числа, злата и серебра, а сватовъ подарилъ великими дарами, и отпустилъ съ великою честью. И ѣхалъ (князь) за милой дочерью своей до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать: мила она была имъ, да притомъ и молода очень—(всего) осьми лѣтъ. И такъ, давъ многіе дары, князь отпустилъ ее въ Русь, съ великою любовью, за князя Ростислава. Послалъ же онъ съ нею сестричича своего Якова съ женою, и иныхъ бояръ съ женами; и привезли ее въ Бѣлгородъ наканунѣ Офросиньина дня, а поутру (дня) Іоанна Богослова обвѣнчана она у св. апостолъ (Петра и Павла), въ деревянной церкви, блаженнымъ епископомъ Михаиломъ. Сотворилъ же Рюрикъ (сыну) Ростиславу очень пышную («вельми сильну») свадьбу, какой еще не бывало въ Руси, и было на той свадьбѣ князей много, слишкомъ 20; снохѣ же своей далъ (Рюрикъ князь) многіе дары и городъ Брягинъ; Якова же свата и съ боярами отпустилъ ко Всеволоду въ Суздаль, съ великою честью, и одаривъ ихъ всѣхъ многими дарами.»

Хотя суздальская лѣтопись и не сообщаетъ намъ свѣдѣній о значеніи, какое княгини могли имѣть въ дѣлахъ общественныхъ, но за то упоминаетъ очень часто объ участіи не только княгинь, но и княженъ въ различныхъ церковныхъ празднествахъ, такихъ какъ перенесенія мощей, освященія церквей, встрѣчи новопоставленныхъ епископовъ. Подъ 1230 годомъ, при описаніи перенесенія мощей мученика Аврамія изъ Болгарской земли во Владиміръ, упоминается о томъ, что при встрѣчѣ мощей присутствовала не только супруга князя Юрія Всеволодовича, но и малолѣтнія дѣти ея. Всюду, гдѣ упоминается объ

участіи княгини въ торжествѣ или празднествѣ, рядомъ съ нею упоминаются и *боярыни*.

Постриженіе въ инокини было настолько же обычно между княгинями во Владимірѣ, насколько и въ Кіевѣ; нѣкоторыя изъ такихъ постриженій совершались съ большою торжественностью, и лѣтопись говоритъ о нихъ подробно. Такъ напр., подъ 1206 годомъ, читаемъ, что «мѣсяца марта во 2 день постриглась княгиня Всеволожая (супруга Всеволода Юрьевича) въ монахини, въ монастырѣ св. Богородицы (т. е. Успенскомъ), который ею самой былъ и созданъ; имя ей (во иночествѣ) нарекли Марія»... «и проводилъ ее до монастыря св. Богородицы самъ великій князь Всеволодъ, со многими слезами, и сынъ его Георгій, и дочь его Всеслава, жена Ростислава (*), которая пріѣхала (въ гости) къ отцу и матери своей; и не было мочи видѣть печаль ихъ. И были при этихъ проводахъ епископъ Іоаннъ и Симонъ игуменъ, духовный отецъ княгини, и иные игумны, и всѣ чернецы, и всѣ бояре и боярыни, и черницы изо всѣхъ монастырей, и горожане всѣ, и провожали (княгиню) до монастыря со слезами многими, такъ какъ она была ко всѣмъ до излишества добра.»

Описанное здѣсь постриженіе Всеволодовой супруги, происходившее при жизни мужа, вызвано было тѣмъ, что княгиня Марія, долго страдавшая отъ тяжкаго недуга, чувствовала приближеніе смерти и дѣйствительно, вскорѣ послѣ постриженія, скончалась въ монастырѣ. Но мы знаемъ и такой случай, когда, при жизни мужа, жена, по добровольному съ нимъ соглашенію, удалилась въ монастырь, вѣроятно по влеченію къ уединенію и религіозному созерцанію ([83]). Совершенно новою чертою, неизвѣстною въ кіевскомъ періодѣ, является *постриженіе надъ гробомъ мужа*. Лѣтописецъ суздальскій, разсказывая намъ (подъ 1218 г.) о смерти князя Константина Всеволодовича и о томъ, какъ граждане владимірскіе оплакивали добраго князя, прибавляетъ, при описаніи его похоронъ:... «княгиня-же Константинова тутъ и постриглась, надъ гробомъ мужа своего.»

О домашнемъ бытѣ князей и объ устройствѣ княжескаго дома получаемъ изъ суздальскихъ источниковъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній. Что палаты строились преимущественно деревянныя, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, судя по извѣстіямъ о пожарахъ и о томъ, что палаты княжескія иногда избѣгали огня. Палаты эти строились среди двора княжескаго и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью, которую въ Владиміро-Суздальскомъ краѣ видимъ на всѣхъ княжихъ дворахъ. Съ церковью палаты княжескія соединялись переходами. У палатъ княжескихъ видимъ, какъ и въ Кіевѣ, *сѣни;* узнаемъ, что въ

(*) **Всеслава** Всеволодовна была замужемъ за Ростиславомъ Ярославичемъ, княземъ Сновскимъ; и **Верхуслава**, и **Всеслава**—обѣ были замужемъ за Ростиславами.

числѣ покоевъ княжескихъ были *ложницы* или спальни, что покои эти устланы были коврами, а на стѣнахъ развѣшивалось оружіе, иногда унаслѣдованное отъ предковъ, дорогое по воспоминаніямъ. Казна княжеская также хранилась въ палатахъ князя и состояла, какъ и у князей кіевскихъ, изъ дорогихъ одеждъ, дорогихъ матерій, жемчуга, золота и серебра, драгоцѣнныхъ камней. Около дома княжескаго расположены были клѣти и погреба съ запасами (упоминается и о *медушѣ*, особомъ погребѣ, въ которомъ хранились *меды*), дома тіуновъ и ключниковъ, и слугъ княжескихъ. Ночью кругомъ палатъ княжескихъ ходили особые *сторожа*, и въ самыхъ сѣняхъ, у входа въ палаты, спали люди, вѣроятно княжескіе слуги ([84]).

Но палаты княжескія не всегда были деревянныя. Сохранилась до нашего времени какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая часть дворца Андрея Юрьевича Боголюбскаго, изящно и прочно выстроенная изъ камня. Этотъ драгоцѣнный и—увы!—единственный остатокъ гражданскаго зодчества XII вѣка заслуживаетъ, конечно, подробнаго описанія.

Древнее зданіе, примыкающее съ сѣверной стороны къ Рождественской церкви нынѣшняго Боголюбова монастыря, и нынѣ извѣстное подъ названіемъ *моленной палаты* св. кн. Андрея Боголюбскаго, состоитъ собственно изъ двухъ отдѣльныхъ частей: изъ болѣе высокой, квадратной двуярусной постройки (служащей въ настоящее время основаніемъ колокольни при церкви Рождества) и изъ менѣе высокой, также двуярусной постройки, соединяющей эту постройку съ церковью. На нашемъ рисункѣ (стр. 169) обѣ части представлены безъ позднѣйшихъ надстроекъ, и отношеніе высоты между ними ясно замѣтно. Въ квадратной части пристройки помѣщается лѣстница, съ надворья ведущая во второй ярусъ зданія, который собственно служилъ входными сѣнями. Изъ этихъ сѣней ходъ былъ и налѣво, въ часть зданія, примыкающую къ церкви, и направо, въ палаты князя: это доказывается тѣмъ, что въ сѣверной стѣнѣ верхняго яруса этой части зданія и до настоящаго времени существуетъ заложенная дверь, которая могла вести только въ верхній же ярусъ смежнаго, несуществующаго уже зданія. Что же касается части зданія, непосредственно примыкающей къ церкви, то она, судя по уцѣлѣвшимъ доселѣ архитектурнымъ подробностямъ ея внѣшнихъ, восточныхъ и западныхъ фасадовъ, представляетъ собою не болѣе, какъ галлерею или весьма обычный въ XII вѣкѣ *переходъ* изъ палатъ князя на хоры церковные, на которыхъ князья и семейства ихъ присутствовали при богослуженіи.

Во внѣшнемъ украшеніи обѣихъ частей описываемаго нами зданія мы не видимъ никакого отличія отъ другихъ одновременно съ нимъ воздвигнутыхъ Андреемъ Юрьевичемъ зданій; тѣ же полукруглые своды, опирающіеся на пилястры, украшенные пристав-

ленными къ нимъ полуколоннами; тѣ же колонны съ рѣзными вѣточными капителями по угламъ зданія; тотъ же поясъ изъ небольшихъ колоннъ, соединенныхъ полукружіями вверху и опирающихся на небольшіе фигурные выступы. Въ восточной и западной стѣнѣ переходовъ есть въ настоящее время окна — на восточной одно, на западной два, но они очевидно передѣланы и не могутъ дать намъ понятія объ освѣщеніи этой части зданія въ XII вѣкѣ. Въ нижнемъ ярусѣ переходовъ, гдѣ нынѣ помѣщается алтарь Андреевской придѣльной церкви, въ XII в. не было никакого жилья. Большая часть этого нижняго яруса занята была обширной аркой (7 арш. 10 вершковъ вышины), задѣланной впослѣдствіи кирпичемъ. Здѣсь, между лѣстницей и стѣной церкви, былъ свободный проходъ, «вѣроятно для крестныхъ ходовъ» кругомъ всего храма.

Въ отдѣлѣ зданія, заключающемъ лѣстницу, видимъ окна только съ одной восточной стороны. Въ нижнемъ ярусѣ одно, щелеобразное окно между колоннами пояса; въ верхнемъ три окна пошире, отдѣленныя другъ отъ друга толстыми колонками. Въ нижней части зданія, съ восточной стороны, ближе къ лѣвой полуколоннѣ, отдѣляющей лѣстницу и сѣни отъ переходовъ, находится входная дверь (см. рис. 32) съ полукруглымъ сводомъ, шириною въ 1 аршинъ $5^1/_2$ вершковъ; вышину ея въ настоящее время опредѣлить было бы трудно, «такъ какъ внизу отъ давняго времени образовался насыпной и вѣроятно толстый слой земли, изъ-подъ котораго не видно даже и цоколя зданія».

Всходъ на сѣни устроенъ вокругъ каменнаго столба, толщиною 1 аршинъ $4^1/_2$ вершка въ діаметрѣ; вверхъ ведетъ лѣстница, въ 33 кирпичныхъ ступени. Ширина ея не болѣе $1^1/_2$ аршина. Прежде она освѣщалась 4 узкими щелеобразными окнами, изъ которыхъ въ настоящее время незаложеннымъ осталось только одно. На верху, въ сѣняхъ, окна съ западной стороны также заложены кирпичами. Сплошной сводъ, покрывавшій нѣкогда сѣни, пробитъ для устройства лѣстницы въ верхній этажъ, на колокольню, устроенную, вѣроятно, въ XVII вѣкѣ. Кирпичныя ступени лѣстницы, заложенныя кирпичами окна и разрушенный для надстройки сводъ зданія указываютъ намъ, какъ оно много потерпѣло въ теченіе времени.

Мѣстныя преданія Боголюбова монастыря, основываясь на сказаніи объ убіеніи благовѣрнаго князя Андрея, указываютъ на этой всходной лѣстницѣ два исторически-памятныхъ мѣстъ: 1) на темный закоулокъ внизу лѣстницы, позади всходнаго столпа, какъ на мѣсто кончины князя Андрея, искавшаго убѣжища отъ убійцъ и здѣсь приконченнаго ими; 2) на тройное окно въ верхнемъ ярусѣ сѣней, изъ котораго ключникъ Анбалъ будто-бы выбросилъ коверъ и корзно, по просьбѣ вѣрнаго слуги Андреева, чтобы прикрыть тѣло князя, выволоченное убій-

*

цами въ огородъ. Эти указанія мѣстнаго преданія не заключаютъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго. Но съ другой стороны можно положительно опровергать другое, укоренившееся мѣстное преданіе, по которому та часть уцѣлѣвшей древней постройки, которую мы назвали переходомъ, будто-бы заключала въ себѣ опочивальню Андрея или даже моленную палату его, въ которую къ нему, по сказанію, вломились убійцы. Эта опочивальня помѣщалась, вѣроятно, въ самомъ зданіи княжихъ палатъ, далѣе на сѣверъ. «Основанія палатъ», какъ говорятъ, «были видимы при копаніи рвовъ для фундамента зданія новыхъ монастырскихъ келлій, построеннаго, какъ можно предполагать, частью на мѣстѣ княжаго дома».

Рис. 33. Шеломъ князя Ярослава Всеволодовича.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ЦЕРКОВЬ.

Особенности устройство церкви во Владимірѣ.—Доходы и богатства мѣстныхъ владыкъ.—Страсть къ постройкамъ и украшеніямъ храмовъ.—Новыя святыни и церковныя торжества.—Отношеніе владыкъ къ свѣтской власти.—Западное вліяніе на мѣстную церковную архитектуру. Первая эпоха развитія церковнаго зодчества во Владиміро-Суздальскомъ краѣ:—постройки Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго.

Устройство церкви во Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ ничѣмъ не отличалось отъ устройства церкви въ княжествѣ Кіевскомъ. Различіе могло первоначально заключаться только въ степени значенія, которое Кіевъ, какъ постоянное мѣстопребываніе митрополита, стоявшаго въ тѣсной связи съ Византіей, могъ имѣть по отношенію ко всей остальной Руси.

Епископъ владимірскій и суздальскій, наравнѣ со всѣми остальными епископами русскими, являлся, конечно, лицомъ подчиненнымъ митрополиту кіевскому, не только по духовному сану своему, но и по отношенію ко всѣмъ вопросамъ церковнымъ, разрѣшеніе которыхъ не могло зависѣть отъ воли епископской. Однакоже, по мѣрѣ того, какъ значеніе княжества Владиміро-Суздальскаго возрастало и крѣпло—самое положеніе епископа владимірскаго пріобрѣтало болѣе и болѣе важности. Мы знаемъ, что уже около 1162 года князь Андрей Юрьевичъ, желая возвысить значеніе Владиміра въ смыслѣ церковномъ, а также и сдѣлаться вполнѣ независимымъ отъ Кіева, ходатайствовалъ у патріарха константинопольскаго объ учрежденіи особой митрополіи въ любимомъ стольномъ городѣ Андрея. Ходатайство Андрея Юрьевича не было уважено патріархомъ и не привело ни къ чему; однакоже, во второй четверти XIII вѣка, когда историческая жизнь Русская стала

видимо тяготѣть къ новому центру на сѣверо-востокѣ Руси, митрополиты кіевскіе, подъ вліяніемъ тягостныхъ историческихъ обстоятельствъ, стали чаще и чаще обращать взоры ко Владиміру.. Сначала они только временно пребывали въ немъ, какъ дорогіе гости, но потомъ, ласкаемые князьями, заживались въ немъ по долгу, а въ 1299 г. и окончательно основали свое мѣстопребываніе во Владимірѣ.

Выше, въ главѣ о князѣ и дружинѣ, мы уже видѣли, что отношенія духовной власти къ свѣтской во Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ были на столько-же искренни и близки, какъ и въ Кіевѣ. Лѣтопись суздальская упоминаетъ только объ одномъ (впрочемъ, довольно темномъ) случаѣ несогласій между княземъ и епископомъ, когда Ѳеодоръ или Ѳеодорецъ, поставленный на епископство патріархомъ константинопольскимъ, помимо митрополита кіевскаго, вступилъ въ борьбу и съ властію духовною, и съ властію свѣтскою. Послѣдствіемъ этихъ несогласій и многихъ другихъ самовольныхъ дѣйствій Ѳедорца, вообще изображаемаго въ лѣтописи какимъ-то чудовищнымъ злодѣемъ, было, какъ извѣстно, преданіе Ѳедорца митрополичьему суду, который и присудилъ его къ мучительной смертной казни (въ 1169 г.). Кромѣ этого единственнаго случая лѣтопись указываетъ еще только на одинъ поводъ къ несогласіямъ между княземъ и епископомъ: на поставленіе въ Кіевѣ епископовъ *на мздѣ*, т. е. на полученіе епископскихъ каѳедръ при помощи извѣстной платы или окупа, внесеннаго за право на посвященіе въ епископскій санъ. Такъ подъ 1185 годомъ находимъ въ лѣтописи суздальской разсказъ о препирательствѣ между Всеволодомъ Юрьевичемъ и митрополитомъ Никифоромъ изъ-за Луки, игумна св. Спаса на Берестовѣ, котораго Всеволодъ желалъ видѣть епископомъ во Владимірѣ. Митрополитъ-же, не уваживъ желанія Всеволодова, *на мздѣ* поставилъ во епископы владимірскіе Николу Гречина. Князь Всеволодъ не принялъ его, говоря: «этого не избрали люди земли нашей; посылай его куда хочешь» ([85]). По поводу этого событія лѣтописецъ дѣлаетъ со своей стороны весьма важное замѣчаніе, въ которомъ слышится, повидимому, отголосокъ современнаго общественнаго мнѣнія. «Не достойно *наскакивать* («наскакати») на святительскій чинъ на мздѣ», говоритъ лѣтописецъ; «но тому (слѣдуетъ получать его), *кого Богъ позоветъ и св. Богородица, кого князь захочетъ и люди*». Эти слова лѣтописца служатъ прямымъ указаніемъ на то, что епископы могли быть въ то время избираемы паствою.

Есть однакоже основаніе думать, что обычай *поставленія епископовъ на мздѣ* (то-же, что и западная *симонія*) былъ довольно распространенъ въ современномъ духовенствѣ, потому что о немъ упоминаетъ въ своемъ посланіи къ черноризцу Поликарпу епископъ Симонъ, отговаривая симолюбиваго инока принимать въ Смоленскѣ, Новѣгородѣ

или Юрьевѣ епископство, для доставленія котораго, по его словамъ, «Верхуслава Всеволодовна готова была расточить даже и тысячу серебра» ([86]).

Источники доходовъ духовенства въ Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ, вѣроятно, были тѣже, что и въ Кіевскомъ. Достовѣрно знаемъ о «десятинѣ, собираемой со всей земли» церковью, о городахъ и селахъ, составлявшихъ частную собственность отдѣльныхъ церквей, и потому подлежавшихъ вѣдѣнію епископа ([87]); знаемъ о правѣ церкви на полученіе части торговыхъ пошлинъ, и непрерывно слышимъ въ лѣтописи о неистощимой щедрости князей по отношеніи къ церкви. О сокровищахъ, скоплявшихся не только въ храмахъ, но и въ казнѣ церковной—лѣтопись упоминаетъ часто и говоритъ подробно.

Важною особенностью быта духовенства въ Ростово-Суздальской области, по сравненію съ бытомъ духовенства кіевскаго, является то обстоятельство, что епископы владимірскіе и ростовскіе (судя по лѣтописи суздальской) были вообще чрезвычайно богаты и, сверхъ того, богатѣли очень скоро. Въ частной собственности епископовъ видимъ и села, и движимость (товаръ), и значительныя суммы денежныя. Странною противуположностью этимъ извѣстіямъ и даже какъ бы нѣкоторымъ назиданіемъ звучитъ похвала лѣтописца ростовскому епископу Пахомію, о которомъ лѣтописецъ, замѣтивъ, что «Пахомій былъ исполненъ книжнаго ученія», добавляетъ далѣе: «то былъ агнецъ, а не волкъ, ибо не расхищалъ отъ чужихъ домовъ богатства, не собиралъ его, не хвалился имъ, но болѣе (занимался тѣмъ, что) обличалъ грабителей и мздоимцевъ».

Прекраснымъ дополненіемъ къ тому, что изложено нами выше, можетъ, конечно, служить упоминаніе лѣтописи (подъ 1229 г.) о несчастіяхъ, постигшихъ епископа Ростовскаго Кирилла. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что бѣды пришли на него разомъ, «какъ на Іова:» онъ и заболѣлъ какою-то странною болѣзнью (въ родѣ рожистаго воспаленія), вынудившаго его покинуть епископство, и, въ то-же самое время, потерялъ все свое состояніе. «Въ одинъ день, мѣсяца сентября въ 7-е число», говоритъ лѣтописецъ, «все богатство отнято было у него по причинѣ нѣкоторой тяжбы: такъ судилъ Ярославъ (Всеволодовичъ), тутъ (т. е. въ Ростовѣ) бывшій на снемѣ. А былъ Кириллъ *очень богатъ кузнами* (*деньгами*) *и селами, и всѣмъ товаромъ, и книгами*, и, просто сказать, такъ былъ богатъ всѣмъ, какъ ни одинъ изъ епископовъ, бывшихъ въ Суздальской области. Но Кириллъ за все это воздалъ Богу хвалу, и постригся въ схиму того-же мѣсяца въ 16 день, и наречено было ему (въ схимѣ) имя Кирьякъ; а что у него осталось (изъ его богатства), то онъ роздалъ своимъ любимцамъ и нищимъ».

По поводу этой тяжбы и несчастій Кирилла лѣтописецъ сообщаетъ намъ и еще одну весьма любопытную черту изъ быта совре-

меннаго духовенства. Епископъ Кириллъ, избранный во епископы изъ черноризцевъ суздальскаго монастыря св. Дмитрія, по оставленіи епископской каѳедры, возвращается въ тотъ-же монастырь св. Дмитрія, *въ свою келью*. Изъ этого можно заключить, что если не у всѣхъ, то у многихъ епископовъ Ростово-Суздальской области было въ обычаѣ сохранять за собою келью въ томъ монастырѣ, изъ котораго они вышли, отчасти, можетъ быть, на случай временнаго пребыванія своего въ томъ городѣ ([88]), гдѣ находился ихъ монастырь, отчасти-же и въ виду того, что они, рано или поздно, могутъ вновь возвратиться въ среду родной братіи, какъ скромные иноки и затворники.

По отношенію къ церковнымъ праздникамъ и святынямъ слѣдуетъ замѣтить, что число ихъ во Владиміро-Суздальской области возрасло значительно. Въ кругъ церковныхъ праздниковъ внесены были церковью дни обрѣтенія мощей мѣстныхъ угодниковъ—Исаіи и Леонтія Ростовскихъ (15 и 23 мая 1164), установленный около 1158 г. по волѣ Андрея Боголюбскаго въ память явленія ему Богоматери, и праздникъ Всемилостиваго Спаса, установленный также Андреемъ Юрьевичемъ въ память славной побѣды, одержанной имъ надъ Болгарами (1 августа 1164 г.) и совпавшей съ днемъ побѣды, одержанной греческимъ императоромъ Мануиломъ надъ Сарацинами. Такое чудесное совпаденіе событій, одинаково приписываемое обоими побѣдителями тому обстоятельству, что при ихъ войскахъ находились чудотворныя иконы Всемилостиваго Спаса и Пречистой Его Матери — побудило императора Мануила и князя Андрея Юрьевича, по обоюдному соглашенію и по уговору церкви греческой съ русскою, установить праздникъ Спаса, который сдѣлался общимъ во всей православной Церкви и празднуется донынѣ 1-го августа.

По поводу этого событія не мѣшаетъ замѣтить, что упоминаніе объ иконахъ и крестахъ, сопутствовавшихъ войску Боголюбскаго въ походѣ, является совершенно новою чертою быта, по сравненію съ кіевскимъ періодомъ, въ которомъ не знаемъ ни одного подобнаго упоминанія. Если были при войскѣ иконы и кресты, то должно предполагать, что ихъ сопровождало и духовенство съ клиромъ.

Въ связи съ этимъ важнымъ упоминаніемъ стоитъ и другой любопытный фактъ, упоминаемый Ипатьевскою лѣтописью въ концѣ сказанія объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. Когда, по убіеніи князя, мятежъ поднялся въ Боголюбовѣ, а потомъ и во Владимірѣ, и многіе, «даже приходя изъ селъ, устремлялись на грабежъ, то безпорядки продолжались до тѣхъ поръ, пока попъ Микулица не догадался и, облекшись въ ризы, не сталъ ходить по городу съ иконою Пресвятой Богородицы. «Только тогда и прекратился грабежъ», по замѣчанію автора сказанія.

Лѣтопись сохранила намъ много описаній различныхъ церковныхъ торжествъ, къ числу которыхъ, кромѣ посвященія и настолованія епископовъ, кромѣ перенесенія мощей и другихъ празднествъ, извѣстныхъ намъ уже изъ кіевскаго періода, относятся еще торжестяенныя встрѣчи

Рис. 34. Церковь Покрова на Нерли, близъ Боголюбова.

новопоставленныхъ епископовъ, когда они, послѣ посвященія въ санъ епископскій, возвращались изъ Кіева, черезъ Ростовъ и Суздаль, во Владиміръ. При этомъ на встрѣчу ихъ обыкновенно выходилъ за Золотыя ворота весь городъ, все духовенство съ крестами и иконами и самъ князь съ княгинею и дѣтьми. Торжественность этой встрѣчи

равнялась только въѣзду въ городъ новаго князя, вступавшаго по праву старшинства на столъ «дѣднiй и отнiй».

Не излишнимъ считаемъ привести здѣсь одно изъ описанiй лѣтописи, сообщающее намъ любопытныя подробности о церковномъ торжествѣ, устроенномъ въ княженiе великаго князя Константина Всеволодовича по поводу принесенiя епископомъ полоцкимъ нѣкоторыхъ частей св. мощей изъ Царьграда, въ 1218 году. «Христолюбивый» князь Константинъ съ радостью принялъ епископа и его драгоцѣнный даръ и учредилъ «свѣтлое торжество по поводу ихъ прихода». Мощи, принесенныя епископомъ и заключавшiяся въ ковчежцѣ, были не прямо ввезены въ городъ, а предварительно поставлены въ Вознесенскомъ монастырѣ, передъ Золотыми воротами (слѣдовательно внѣ города), гдѣ обыкновенно останавливались всѣ лица духовнаго званiя (епископы и игумны), прiѣзжавшiе во Владимiръ. «На другой день, въ воскресенье, въ память св. мученика Логгина (*), князь Константинъ повелѣлъ, послѣ того, какъ отпѣта была заутреня, идти всему народу со крестами отъ собора св. Богородицы (Успенскаго) и отъ Дмитровскаго, и епископу со всѣмъ клиросомъ, — къ монастырю св. Вознесенья; туда пошелъ и самъ князь со своими благородными сынами и со всѣми боярами. «И взялъ епископъ (у св Вознесенья) на главу свою ту святую раку, въ которой положено было святое то сокровище, и такъ возвратился въ городъ; и всѣ пошли къ св. Дмитрiю, и тутъ стали прикладываться (къ святынѣ) епископъ и христолюбивый князь Константинъ, и всѣ православные».

По отношенiю къ церковному зодчеству, мы рѣшительно не можемъ согласиться съ историкомъ Русской церкви, который говоритъ, что «архитектура нашихъ храмовъ во второй половинѣ XII и въ первой XIII вѣка оставалась та же самая, какъ была и въ XI» ([89]). Этотъ выводъ положительно не можетъ быть допущенъ по отношенiю къ памятникамъ церковнаго зодчества, уцѣлѣвшимъ до нашего времени въ Владимiро-Суздальской области отъ XII и XIII вв. При первомъ взглядѣ на памятники владимiрскiе, наиболѣе цѣльно-сохранившiеся, бросается въ глаза ихъ рѣзкое различiе съ памятниками кiевскими какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ частностяхъ. Одноглавыя церкви, представляющiя собою въ основанiи почти квадратный прямоугольникъ, нарушаемый только полукруглыми алтарными тремя выступами съ восточной стороны; колонны и пилястры, передѣляющiе стѣны то на три, то на четыре отдѣла, закругляющiеся вверху, подъ крышею, въ видѣ правильныхъ полукруглыхъ дугъ; пояса изъ колонокъ и арочекъ, пересѣкающiе колонны и пилястры на самой сере-

(*) Въ ковчежцѣ, принесенномъ епископомъ полоцкимъ, заключались — части креста Господня, обѣ руки св. Логгина-сотника и часть мощей св. Марiи Магдалины.

Рис. 35. Успенскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

динѣ, подъ прямымъ угломъ; щелеобразныя, длинныя окна, едва пропускающія свѣтъ внутрь церкви, входы съ колоннами и полукруглыми сводами въ видѣ нѣсколькихъ выпуклыхъ дугъ, украшенныхъ рѣзьбою; и наконецъ стѣны, покрытыя вычурными фигурами людей и животныхъ и фантастическими узорами—все это очевидно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ типомъ храма, подъ который подходятъ уцѣлѣвшія до нашего времени церкви кіевскія.

Сравнивая владимірскія церкви съ кіевскими, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что при созиданіи послѣднихъ настолько же сильно дѣйствовало западное, романское (*) вліяніе, насколько при постройкѣ первыхъ преобладало вліяніе южное, византійское. Отчасти это первое вѣяніе Запада сказывается и въ самомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, которая говоритъ, что «по тщанію князя Андрея къ св. Богородицѣ, Богъ привелъ ему мастеровъ изъ всѣхъ земель». Ясно, что въ распоряженіи суздальскаго князя находились не одни только греческіе, но и «другихъ земель мастера»; а болѣе близкое знакомство съ памятниками владимірскими указываетъ даже довольно ясно на то, что мастера византійскіе могли участвовать только во внутренней отдѣлкѣ этихъ храмовъ, между тѣмъ какъ вся внѣшняя сторона ихъ очевидно была поставлена въ тѣсную зависимость отъ искусства строителей, пришедшихъ съ Запада и принесшихъ съ собою новые архитектурные образцы, которые почему-то особенно привились въ Ростово-Суздальской области, доведены были тамъ до замѣчательнаго совершенства и даже оказали значительное вліяніе на нашу церковную архитектуру въ послѣдующемъ, московскомъ періодѣ ея развитія.

Но лѣтописное свидѣтельство, приведенное нами выше, можетъ до нѣкоторой степени ввести насъ въ заблужденіе въ томъ смыслѣ, что пожалуй заставитъ видѣть въ Андреѣ Боголюбскомъ перваго изъ князей нашихъ, допустившаго вліяніе западныхъ образцовъ въ нашей церковной архитектурѣ. Однакоже, простое сравненіе древнихъ памятниковъ Ростово-Суздальской области, въ связи съ нѣкоторыми хронологическими данными ихъ исторіи, заставило прійти къ тому убѣжденію, что западное вліяніе уже и ранѣе Андрея Боголюбскаго, можетъ быть подъ вліяніемъ Смоленска, Новгорода и Пскова, нашло себѣ доступъ на сѣверо-восточную окраину Руси XV века. Уже Юрій Долгорукій, постоянно стремившійся на Югъ и силою обстоятельствъ вынуждаемый удаляться въ свой далекій удѣлъ, сталъ еще въ половинѣ XII вѣка заботиться объ увеличеніи старыхъ городовъ Ростово-Суздальской области, о постройкѣ новыхъ и объ украшеніи

(*) *Романскимъ* называется особый архитектурный стиль, преобладавшій въ Ломбардіи, Нормандіи и Германіи съ конца X до половины XIII в. См. объ этомъ подробнѣе въ примѣч. 89.

какъ тѣхъ, такъ и другихъ созданіемъ цѣлаго ряда новыхъ храмовъ. Такимъ образомъ, между 1152—1155 годомъ, имъ воздвигнуто было пять храмовъ: церкви св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ и во Владимірѣ, церковь Всемилостиваго Спаса въ Суздалѣ, церковь св. Бориса и Глѣба въ с. Кидекшѣ-на-Нерли и церковь Преображенія въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Всѣ постройки, оставшіяся намъ отъ временъ Андрея Боголюбскаго, относятся къ періоду времени между 1156—1157 годами; а такъ какъ вліяніе романскаго стиля можно прослѣдить уже и въ храмахъ, созданныхъ Юріемъ, то конечно было бы ошибочно считать время княженія Андрея Юрьевича эпохою возникновенія на сѣверо-востокѣ Руси первыхъ памятниковъ, носящихъ на себѣ яв-

Рис. 36. Рѣзной поясъ, уцѣлѣвшій на стѣнахъ Суздальскаго собора.

ные слѣды западнаго, романскаго вліянія. Княженіе Андрея Боголюбскаго можно также считать эпохою, въ теченіе которой проникнувшее къ намъ романское вліяніе успѣло у насъ утвердиться, выразиться въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ памятниковъ и даже найти себѣ ту благодарную почву, на которой въ послѣдующую эпоху, въ княженіе Всеволода Юрьевича, могли явиться такіе памятники церковнаго зодчества, какъ церковь Рождества въ Рождественскомъ монастырѣ (1192), и какъ Дмитровскій соборъ (1194) во Владимірѣ.

Изо всѣхъ храмовъ, построенныхъ Юріемъ, къ сожалѣнію, только одинъ Преображенскій соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ сохранился до нашего времени въ своемъ древнемъ видѣ, между тѣмъ какъ осталь-

Рис. 37. Суздальскій соборъ.

ные четыре храма претерпѣли болѣе или менѣе значительныя измѣненія, подъ которыми скрылся первоначальный романскій типъ ихъ. Переяславскій соборъ представляетъ собою очень чистый образчикъ первоначальныхъ, болѣе простыхъ построекъ, возведенныхъ западными зодчими въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ во время княженія Юрія Долгорукаго. Если откинуть отъ западной стѣны безобразящую соборъ крытую папертъ новѣйшей постройки, то мы увидимъ передъ собою двухъ-ярусное зданіе, воздвигнутое на квадратномъ основаніи; на серединѣ кровли—круглый барабанъ, поддерживающій главу храма; на сѣверномъ, южномъ и западномъ фасадахъ—пилястры, раздѣляющіе каждый изъ фасадовъ на три неравныя части и закругляющіеся подъ кровлею тремя полукруглыми арками. Немного ниже середины зданія, пилястры эти пересѣкаются откосомъ, срѣзаннымъ кверху и замѣняющимъ поясъ. Нигдѣ, кромѣ барабана — никакихъ внѣшнихъ украшеній.

Ближайшими, по времени построенія, къ Переславскому собору— были палаты Андрея Юрьевича и церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ, построенныя около 1156 года, а также соборъ Успенскій во Владимірѣ (1158 — 1161) и церковь Покрова-на-Нерли, въ бывшемъ Покровскомъ монастырѣ.

Прекрасно сохранившаяся церковь Покровскаго монастыря (близь Боголюбова), построенная Андреемъ Юрьевичемъ около 1165 года, можетъ дать намъ вполнѣ ясное понятіе о характерѣ церковнаго зодчества въ эпоху Андрея Боголюбскаго. Если мы сравнимъ эту церковь съ Переяславскимъ соборомъ, то увидимъ, что Покровская церковь представляетъ собою дальнѣйшее развитіе того же типа и отличается лишь бóльшимъ количествомъ внѣшнихъ украшеній, на которыя не поскупился строитель. На Покровской церкви видимъ по угламъ храма и поверхъ плоскихъ, довольно широкихъ пилястровъ приставленныя къ пилястрамъ узкія полуколонны, которыя идутъ отъ основанія и до кровли зданія; поясъ состоитъ изъ ряда колоннокъ, опирающихъ на подставы (кронштейны) и соединенныхъ между собою округлыми перемычками. Входы, съ откосами вглубь зданія, украшены по бокамъ тремя колоннами, которыя вверху соединяются между собою посредствомъ трехъ полукруглыхъ перемычекъ, украшенныхъ богатою рѣзьбою. Но болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе то, что на трехъ фасадахъ храма верхняя часть пустаго пространства между арками, опирающимися на пилястры, и вершинами оконъ— на Покровской церкви уже занята обронно-высѣченными изъ камня изображеніями человѣческихъ фигуръ, звѣрей и фантастическихъ животныхъ. Это характерное украшеніе церковныхъ стѣнъ, въ послѣдующую эпоху (въ княженіе Всеволода Юрьевича), разростается еще больше, является и на простѣнкахъ оконъ

трибуна и на всемъ пространствѣ отъ кровли до пояса включительно. Въ XIII в. обронныя украшенія церковныхъ стѣнъ опускаются и ниже пояся, до самаго основанія зданія, какъ мы это видимъ на стѣнахъ Юрьевскаго собора, перестроеннаго Святославомъ Всеволодовичемъ около 1230 года.

Описанная нами выше, съ внѣшней стороны, Покровская церковь, настолько же типична и по отношенію къ своему внутреннему устройству. «Стѣны внутри церкви дѣлятся на три части пилястрами, находящимися противъ среднихъ столбовъ; дѣленіе это соотвѣтствуетъ пилястрамъ на фасадѣ. Четыре внутренніе столба, соединенные арками между собою и съ пилястрами, приставленными къ стѣнамъ, образуютъ равноконечный крестъ, вписанный внутри четыреугольника: надъ срединой этого креста возвышается, поддерживаемый, столбами, круглый трибунъ, покрытый полусферическимъ сводомъ. Четыре оконечности креста покрыты полуциркульными сводами, опирающимися на арки, перекинутыя отъ столбовъ на пилястры у стѣнъ. Такими же сводами покрыты и четыреугольныя части церкви, не входящія въ составъ внутренняго креста. Три части алтаря покрыты полусферическими сводами и крышами, подходящими къ очерку арокъ, составляющихъ верхъ восточной стѣны.

Хоры въ Покровской церкви не существуютъ болѣе, хотя и въ ней, какъ во всѣхъ церквахъ Ростово-Суздальскаго края, они несомнѣнно существовали прежде. Доказательствомъ этому служитъ «заложенная дверь, сохранившаяся въ южной стѣнѣ церкви; черезъ эту дверь на хоры можно было проходить не иначе, какъ изъ верхняго этажа какого-нибудь находившагося около церкви зданія, по перекинутой аркѣ. Мѣсто, гдѣ примыкала къ церкви переходная арка — еще замѣтно, пониже двери; оно легко обозначается перерывомъ средняго церковнаго пояса. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что почти во всѣхъ церквахъ XII и XIII вѣка, во Владимірской губерніи, доселѣ еще видны слѣды заложенныхъ наружныхъ входовъ на хоры» ([90]).

Изъ всего вышеизложеннаго нетрудно сдѣлать тотъ выводъ, что не смотря на измѣнившуюся подъ вліяемъ Запада внѣшность церквей во Владиміро-Суздальской области, внутренній планъ ихъ остался неизмѣнно «подчиненнымъ условіямъ древне-русскаго церковнаго расположенія въ видѣ равноконечнаго греческаго креста, соотвѣтственно плану всѣхъ византійскихъ церквей первой эпохи, принятому въ Россіи вмѣстѣ съ греческимъ вѣроисповѣданіемъ» ([91]).

Покровская церковь по отношенію къ матеріалу и способу постройки ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ древнихъ храмовъ Владиміро-Суздальскаго края. Стѣны, построенныя изъ крупныхъ глыбъ бѣлаго мягкаго камня, представляютъ собою не болѣе, какъ «облицовки»;

средина между облицовками, составляющими внутреннія и наружныя стѣны церкви, наполнена бутомъ изъ булыжника, залитаго цементомъ; связи положены были всюду деревянныя дубовыя (желѣзныхъ связей нигдѣ не употребляли). Внутри, по стѣнамъ, церковь, вѣроятно, была расписана, хотя слѣды фресокъ сохранились только въ простѣнкахъ трибуна.

Мы нарочно подолѣе остановили вниманія читателя на описаніи Покровской церкви, какъ памятника чрезвычайно типичнаго и близко знакомящаго насъ со всѣми подобными ему произведеніями романскаго стиля въ Владиміро-Суздальской области.

Это даетъ намъ возможность, при дальнѣйшемъ обзорѣ владимірскихъ храмовъ, воздвигнутыхъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, остановиться только на тѣхъ новыхъ чертахъ, которыя внесены были въ мѣстное церковное зодчество послѣдующею, блестящею эпохою его дальнѣйшаго развитія. Въ настоящее же время намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ объ остальныхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ Андреемъ Боголюбскимъ. Слѣды этихъ зданій—увы!—нелегко отыскать подъ различными нагроможденіями позднѣйшаго времени.

Прославленный лѣтописцами за красоту и богатство соборъ св. Богородицы (Успенскій), воздвигнутый Андреемъ Боголюбскимъ во Владимірѣ, сгорѣлъ въ пожарѣ 1185 года. Отъ него остались однѣ стѣны. Судя по нѣкоторымъ подробностямъ плана его и по лѣтописному извѣстію, указывающему на то, что соборъ Андреевъ былъ *одноглавый*, мы имѣемъ право заключить, что онъ также не отступалъ по внѣшности отъ общаго романскаго типа церквей, построенныхъ въ Владиміро-Суздальскомъ краѣ Юріемъ и Андреемъ. Донынѣ на западномъ его фасадѣ сохранились слѣды архитектурныхъ украшеній, свойственныхъ всѣмъ зданіямъ романскаго стиля. На стѣнахъ, внутри и снаружи храма, сохранилось еще нѣсколько лѣпныхъ изображеній (человѣческія лица и фигуры львовъ), вѣроятно, нѣкогда составлявшихъ существенную часть украшеній зданія.

Но Всеволодъ, воздвигая новый Успенскій соборъ на мѣстѣ стараго, нашелъ себя вынужденнымъ значительно его расширить пристройками съ трехъ фасадовъ, причемъ нетронутою осталась только восточная часть собора съ его алтарными выступами (см. рис. 35). При расширеніи зданія, его трибунъ, соотвѣтствовавшій размѣрамъ прежняго Успенскаго собора, потерялъ всякое значеніе и оказался подавленнымъ размѣрами крыши. Желаніе скрасить это несоотвѣтствіе въ размѣрахъ вызвало потребность въ постановкѣ новыхъ четырехъ, меньшихъ главъ по угламъ обширной кровли—и храмъ воздвигнутъ былъ пятиглавый. Эта перестройка, въ связи съ позднѣйшими измѣненіями въ формѣ кровли, а также приставленные къ зданію съ четырехъ угловъ толстѣйшіе

контрфорсы, до такой степени измѣнили, съ теченіемъ времени, характеръ первоначальной постройки, что въ настоящее время ее можно только угадывать среди массы загромоздившихъ ее новыхъ частей.

Еще болѣе печальная участь постигла Рождественскій храмъ, воздвигнутый Андреемъ Юрьевичемъ въ городѣ Боголюбовѣ, и поражавшій современниковъ своимъ великолѣпіемъ. Уже въ концѣ XII столѣтія дважды пограбленный, а въ XIII в., вѣроятно, порушенный Монголами, онъ много разъ подвергался всякаго рода передѣлкамъ, перестройкамъ и видоизмѣненіямъ внѣшности. Карнизы, крыша, трибунъ и глава были перестроены. Можно почти сказать, что отъ древней Андреевской постройки уцѣлѣли только размѣры и фундаментъ съ частью стѣнъ, которыя, однакоже, какъ можно предполагать, не разъ подвергались перестройкамъ (92).

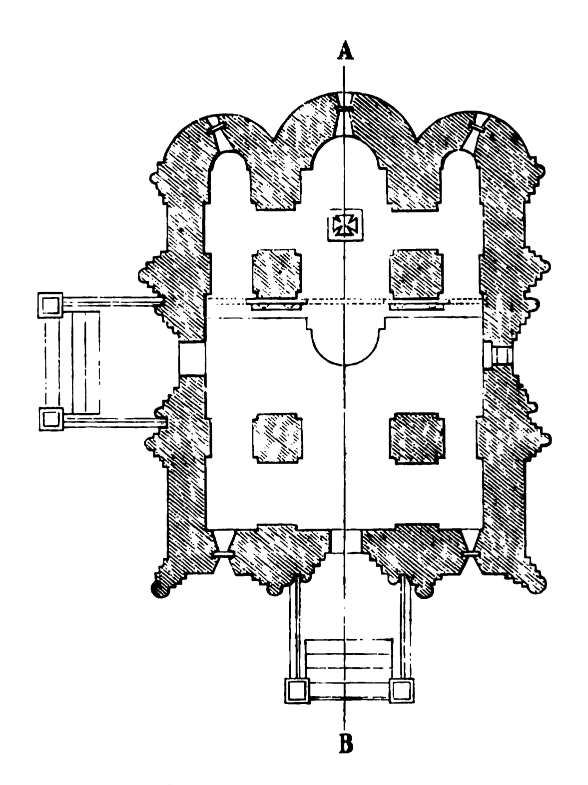

Рис. 38. Планъ церкви Покрова-на-Нерли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЦЕРКОВЬ (окончаніе).

Вторая, блестящая эпоха развитія церковнаго зодчества при Всеволодѣ Юрьевичѣ.—Рождественскій монастырь.—Перестройка владимірскаго Успенскаго собора.—Соборъ Дмитровскій. Любопытныя и важныя подробности его орнаментаціи.—Дальнѣйшее развитіе мѣстнаго церковнаго стиля въ памятникахъ XIII вѣка.—Внутреннее, великолѣпное убранство и устройство церквей.—Древнія иконы и древнія фрески владимірскія.

Вѣроятно, вкусъ къ постройкамъ успѣлъ въ значительной степени развиться во Владиміро-Суздальскомъ краѣ во время княженія Юрія и Андрея, и самыя средства къ возведенію построекъ въ значительной степени улучшиться, потому что всѣ храмы, воздвигнутые въ княженіе Всеволода Юрьевича, какъ по размѣрамъ своимъ, такъ и по красотѣ, и по богатству внѣшнихъ украшеній представляютъ собою значительный шагъ впередъ въ области церковнаго зодчества. Отчасти на улучшеніе строительныхъ способовъ указываетъ и лѣтопись, въ которой, подъ 1194 годомъ, говорится, по поводу обновленія церкви св. Богородицы въ Суздалѣ, что епископу Іоанну не пришлось «искать для этого мастеровъ между иноземцами, такъ какъ онъ нашелъ ихъ среди *клевретовъ* (?) св. Богородицы и другихъ: одни изъ нихъ умѣли лить олово, другіе крыть кровли, третьи бѣлить известью». Изъ этого можно заключить, что рядъ послѣдовательныхъ построекъ, возведенныхъ въ Владиміро-Суздальской области между 1152—1194 гг., не прошелъ безслѣдно: мастера-иноземцы, призванные Андреемъ «отъ всѣхъ земель», успѣли научить русскихъ рабочихъ важнѣйшимъ пріемамъ строительнаго искусства, и даже есть основаніе думать, что умѣнье возводить каменныя постройки особенно привилось во Владимірѣ. Недаромъ Ростовцы, гнѣваясь на Владимірцевъ, называли ихъ въ насмѣшку

«своими каменьщиками». Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ еще, чтобы Всеволодъ Юрьевичъ, приступая къ своимъ постройкамъ, не нуждался болѣе въ призывѣ иностранныхъ зодчихъ для возведенія такихъ храмовъ какъ Успенскій соборъ, какъ церковь Рождества въ Рождественскомъ монастырѣ и въ особенности какъ Дмитровскій соборъ, который носилъ на себѣ несомнѣнные слѣды не только вліянія иноземнаго искусства, но даже вліянія чуждыхъ русской и византійской почвѣ западныхъ преданій.

Всѣ постройки, выполненныя Всеволодомъ, воздвигнуты были между 1190—1197 гг. Первою изъ нихъ по времени была церковь Рождества

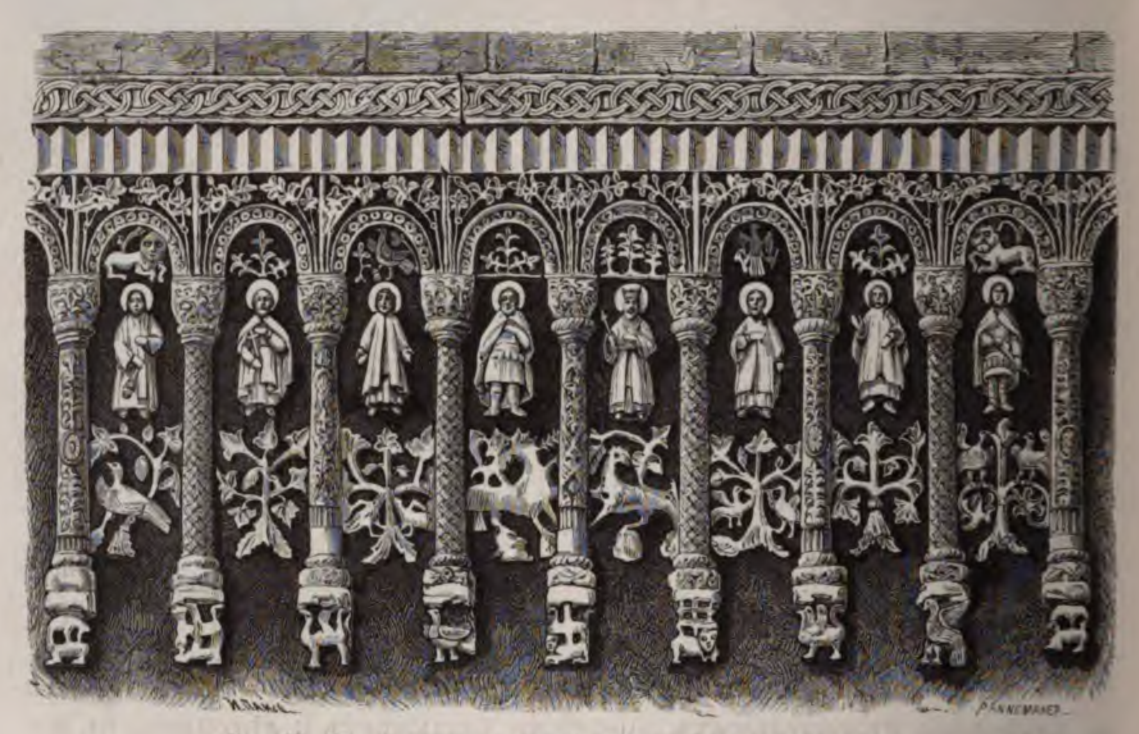

Рис. 39. Рѣзной поясъ на южной сторонѣ Дмитровскаго собора.

въ Рождественскомъ Владимірскомъ монастырѣ. Церковь небольшая и построенная совершенно по тому же плану, какъ и Покровская на Нерли: вся изъ бѣлаго камня. Въ концѣ XVII в. эта церковь подверглась большимъ перестройкамъ; съ цѣлью расширенія храма, къ западной стѣнѣ, въ 1678 г., пристроена была паперть; къ сѣверной и южной — каменныя палатки. Всѣ эти пристройки возведены изъ кирпича. При перестройкахъ «западная дверь великокняжеской постройки вынута изъ капительной стѣны храма, съ однимъ рядомъ бѣлыхъ камней и съ рѣзными орнаментами надъ дверью, и вставлена въ паперть даже съ тою надписью, какая существовала на камнѣ по правую сторону двери. Надпись эта врѣ-

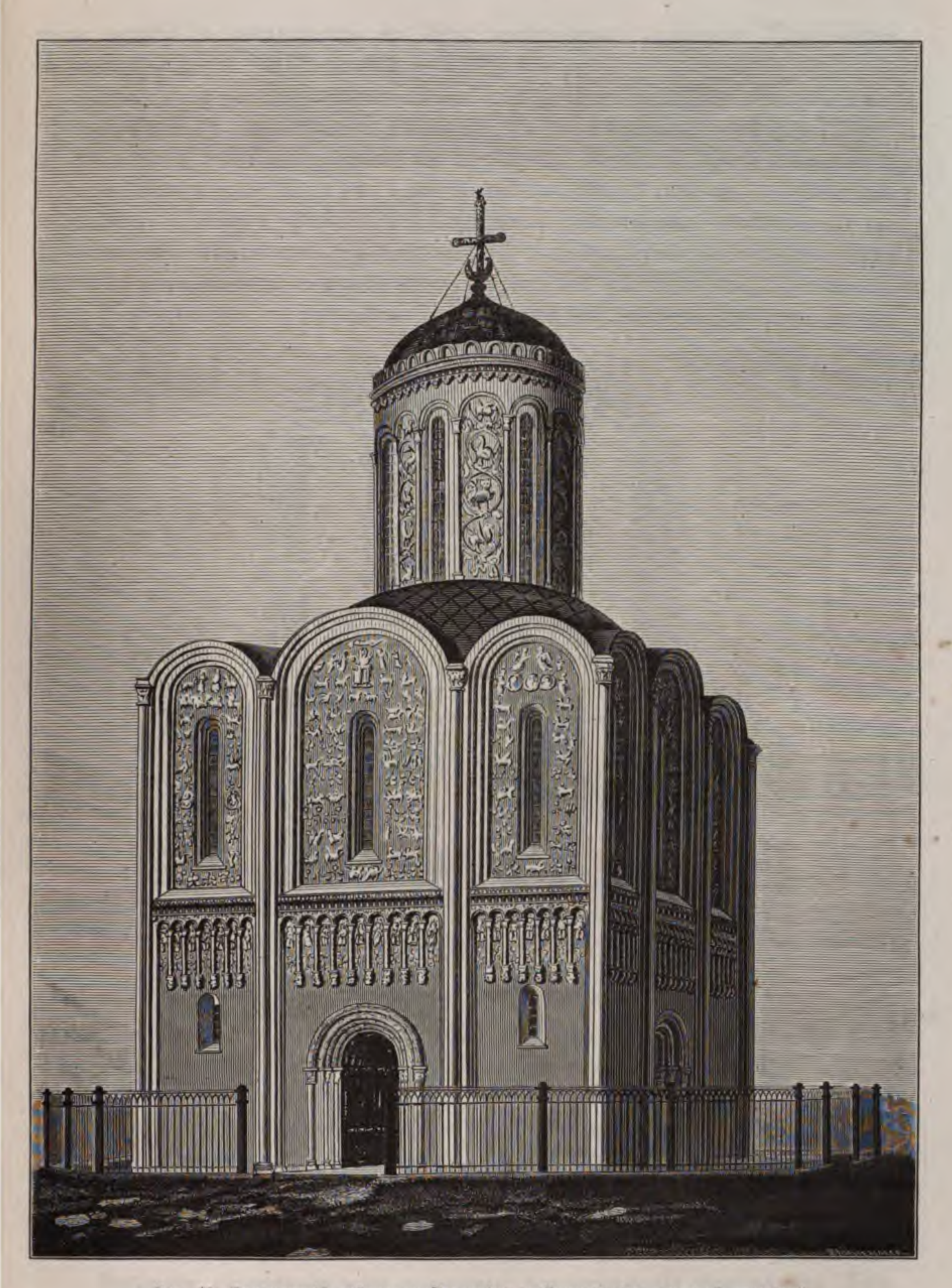

Рис. 40. Дмитровскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ (съ западной стороны).

зана вглубь и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: *«начало Рожествена монастыря лѣта 6699 (1191 г.)»* ([93]).

Второю и самою замѣчательною постройкою слѣдуетъ считать Дмитровскій соборъ, заложенный Всеволодомъ на «княжемъ дворѣ» въ 1194 г. 11-го января 1197 года доска съ гроба св. Дмитрія, привезенная изъ города Селуня, уже могла быть поставлена въ новой церкви, по указанію лѣтописи. Графъ Строгановъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «строители, пришедшіе съ запада при Андреѣ, уже не существовали болѣе»; вотъ почему великій князь обратился къ Фридриху I, императору Германскому съ просьбою о присылкѣ ему мастера для того, чтобы

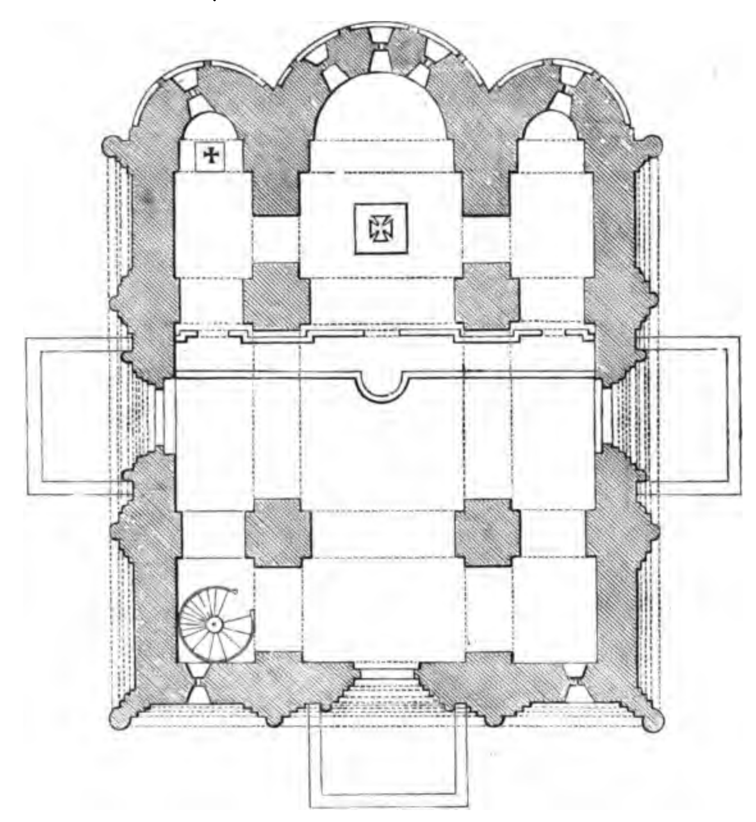

Рис. 41. Планъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

выстроить подлѣ дворца его церковь, которая бы не уступала по красотѣ своей другимъ памятникамъ того же рода ([94]).

Соборъ былъ выстроенъ по тому же самому плану, по которому выстроена церковь Покрова-на-Нерли (сравни рис. 38), но только значительно обширнѣе ея по размѣрамъ и великолѣпнѣе украшенная. Есть основаніе думать, что Дмитровскій соборъ былъ именно построенъ итальянскимъ архитекторомъ изъ Ломбардіи, и нѣкоторыя частности его отдѣлки подтверждаютъ это предположеніе весьма вѣскими данными.

Внѣшнія украшенія изв... ны покрывающія три фасада Дмитровскаго собора отъ на... окъ до пояса, всѣ обронно

изсѣчены изъ камня, составляющаго облицовку стѣнъ собора, какъ и на Покровской церкви. Но здѣсь обиліе украшеній, разнообразіе и пестрая смѣсь сюжетовъ производятъ на зрителя чрезвычайно своебразное впечатлѣніе. На всѣхъ трехъ фасадахъ главное мѣсто занято фигурою Спасителя молодаго вида, безбородаго, съ сіяніемъ вокругъ головы; онъ представленъ возсѣдающимъ на престолѣ; правая рука поднята для благословенія, въ лѣвой скрижаль, опертая о колѣно. Повыше Спасителя фигуры стоящихъ и летящихъ надъ нимъ ангеловъ; рядомъ со Спасителемъ фантастическіе звѣри (нѣчто въ родѣ львовъ); ниже, тѣсными рядами, громоздясь другъ надъ другомъ, пестро перемѣшанные, видны и звѣри, и люди, и птицы, машущія крыльями, и цвѣты, и всадники, скачущія на коняхъ, и группы людей, борющихся со звѣрями, и образа святыхъ, выглядывающіе изъ круглыхъ медальоновъ, и опять цвѣты, и листья растеній, перепутанные съ птицами и звѣрями...

Стройныя линіи собора, строгое соотвѣтствіе частей съ цѣлымъ, богатство и оригинальность разнообразныхъ украшеній, покрывающихъ большую часть его стѣнъ—все это производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на каждаго, кто впервые подходитъ къ прекрасному Дмитровскому храму. Чѣмъ болѣе всматриваемся въ орнаментацію каждаго изъ трехъ фасадовъ храма, тѣмъ болѣе сглаживаются въ нашемъ сознаніи всѣ отдѣльныя частности ея — всѣ эти львы, кентавры, растенія, грифоны и люди — тѣмъ болѣе сливаются онѣ въ одну общую, сплошную массу, надъ которою въ высотѣ, явственно отъ всего остальнаго отдѣляясь, возносится благословляющій Спаситель и предстоящіе ему Ангелы. Это соотношеніе составныхъ частей орнаментаціи, повторяющееся и на каждомъ изъ трехъ фасадовъ, и внутри каждой изъ трехъ округлыхъ арокъ, составляющихъ эти фасады, невольно наводитъ на мысль о томъ, что художникъ, занимавшійся постройкою Дмитровскаго храма, проникнутъ былъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ и, повидимому, старался наглядно изобразить на его стѣнахъ отношеніе міра чувственнаго къ міру духовному, вселенной—къ Божеству. Болѣе подробное изученіе отдѣльныхъ изображеній, покрывающихъ стѣны Дмитровскаго собора и сличеніе ихъ съ подобными же изображеніями на романскихъ храмахъ Запада — привело къ чрезвычайно любопытнымъ выводамъ.

Сличеніе прежде всего показало, что многія изъ наружныхъ украшеній Дмитровскаго собора совершенно тождественны съ подобными же украшеніями, сохранившимися на боковыхъ фасадахъ собора св. Марка въ Венеціи. Къ числу подобныхъ украшеній относятся (кромѣ вышеописаннаго типа Спасителя) слѣдующія:

1) сѣдалище, покрытое свѣсившейся драпировкою, и надъ нимъ крестъ; 2) два льва, лежащіе другъ противъ друга; туловища у нихъ

Рис. 42. Древнія фрески Дмитровскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

отдѣльныя, а голова одна, общая; 3) левъ, раздирающій кабана; 4) два кентавра, держащіе вѣтку; 5) лань, щиплющая листья дерева; 6) два борца, охватившіе другъ друга; 7) человѣкъ, раздирающій пасть льва; 8) птица, сидящая на животномъ, и, наконецъ, 9) восхожденіе Александра Македонскаго на небеса.

«Присутствіе этихъ рельефныхъ изображеній на стѣнахъ Дмитровскаго собора, очевидно, не могло быть случайнымъ», замѣчаетъ графъ Строгановъ; «оно доказываетъ, что художнику, бывшему во Владимірѣ, хорошо была знакома декоративная часть церкви св. Марка въ Венеціи». На этомъ основаніи онъ перенесъ на стѣны Дмитровскаго собора всѣ тѣ сюжеты украшеній, какіе были обычны у художниковъ на Западѣ, и размѣстилъ ихъ здѣсь, на стѣнахъ православнаго храма, не стѣсняясь тѣмъ, что многіе изъ этихъ сюжетовъ стояли въ тѣсной связи съ такими сказаніями и преданіями Запада, которыя не могли имѣть ничего общаго съ русско-византійскою почвою нашего Сѣверо-Востока ([95]).

Подробно разсмотрѣвъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ отдѣльные сюжеты украшеній Дмитровскаго собора, графъ Строгановъ приходитъ къ тому заключенію, что нѣкоторая часть ихъ должна имѣть прямое отношеніе къ событіямъ жизни св. великомученика Селунскаго Дмитрія, въ честь коего и воздвигнутъ былъ храмъ.

Но этимъ обиліемъ разнообразныхъ украшеній, покрывающихъ три фасада храма, еще не завершается его богатая орнаментовка. Стройные простѣнки между окнами соборнаго трибуна сплошь покрыты изображеніями святыхъ, симметрично размѣщенными въ хитросплетенныя круглыя рамки; и рядомъ съ ними, въ такихъ же рамкахъ—изображенія птицъ и звѣрей, грифоновъ и гарпій. Выше простѣнковъ и оконъ—зубчатый поясъ изъ уголковъ съ размѣщенными на каждомъ изъ нихъ звѣриными рожами. Надъ этимъ поясомъ еще три другихъ; наконецъ на верху трибуны, полушарообразная глава, которая заканчивается фигурнымъ рѣзнымъ четырехъконечнымъ крестомъ, съ голубемъ на верхнемъ концѣ и полумѣсяцемъ у основанія, укрѣпленнаго въ яблокѣ.

Поясъ Дмитровскаго собора также чрезвычайно богатъ. Каждая колонна, составляющая его, представляетъ отдѣльное цѣлое, надъ которымъ художникъ трудился съ любовью и знаніемъ дѣла: у каждой изъ нихъ свой рисунокъ, своя особая подстава. Всѣ промежутки между колоннами заняты изображеніями стоящихъ святыхъ и украшеніями, составленными изъ птицъ и звѣрей, переплетенныхъ цвѣтами и вѣтвями растеній. Точно также богато и разнообразно украшены арки входныхъ дверей на всѣхъ трехъ фасадахъ.

Вообще говоря, Дмитровскій соборъ представляетъ намъ такой цѣльный и такъ превосходно сохранившійся образецъ церковнаго зодчества нашего въ концѣ XII в., подобный которому едва-ли можно указать между всѣми нашими памятниками, восходящими къ эпохѣ XI—XII вѣка.

Любопытнымъ оказывается то явленіе, что всѣ церкви суздальскаго края, построенныя позже XII вѣка, стали мало-по-малу отступать отъ первоначальнаго *простаго* образца романскихъ построекъ, какой видимъ мы въ церкви Покровской-на-Нерли и въ самомъ Дмитровскомъ соборѣ. Воздвигнутый въ 1222 году Юріемъ Всеволодовичемъ на мѣстѣ стараго, Суздальскій соборъ св. Богородицы былъ уже выстроенъ по образцу новаго Успенскаго Владимірскаго, пятиглаваго собора, построеннаго Всеволодомъ. Замѣчательный Юрьевскій соборъ, построенный Святославомъ Всеволодовичемъ на мѣстѣ прежняго храма въ Юрьевѣ-Польскомъ въ 1230 году, также значительно уклонился отъ романскаго образца въ томъ, что къ нему съ трехъ сторонъ (кромѣ восточной) пристроены были обширные притворы, покрытые, по образцу наружныхъ стѣнъ Дмитровскаго собора, богатѣйшими рѣзными украшеніями, въ видѣ изображеній святыхъ, птицъ, растеній и звѣрей; украшенія эти идутъ отъ самой крыши и до основанія зданія. Надъ этими украшеніями четыре года сряду трудились строители. Послѣ постройки Юрьевскаго собора, боковые притворы, къ возведенію которыхъ вѣроятно вынуждали суровыя климатическія условія сѣвера, стали болѣе и болѣе входить въ употребленіе при постройкѣ церквей. Такіе притворы были впослѣдствіи пристроены и къ Владимірскимъ церквамъ первоначальнаго романскаго типа, а впослѣдствіи, когда, въ московскій періодъ развитія нашего церковнаго зодчества, образцомъ большихъ церковныхъ зданій явился пятиглавый Успенскій Владимірскій соборъ, притворы обратились въ одну изъ существеннѣйшихъ частей православнаго храма на сѣверѣ Руси.

Ознакомивъ читателей съ подробностями внѣшняго устройства церквей во Владиміро-Суздальской области, мы должны добавить еще нѣсколько словъ объ ихъ внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ. Несомнѣнными по отношенію къ внутреннему устройству храма оказываются три главныя черты:

1) иконостасы были не такъ высоки, какъ нынѣшніе, и состояли изъ перегородокъ, помѣщавшихся не впереди и не сзади церковныхъ столповъ, поддерживающихъ трибунъ, а между столпами, и далѣе, по бокамъ, между столпами и стѣной.

2) Алтарь, состоявшій изъ трехъ полукруглыхъ выступовъ, чаще всего передѣленъ былъ на три части двумя каменными сплошными

Рис. 43. Древнія фрески Дмитровскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

стѣнками, отдѣлявшими жертвенникъ и дьяконникъ отъ средней части; въ стѣнкахъ были продѣланы низенькія дверцы.

3) У западной стѣны были во всѣхъ церквахъ пристроены хоры или *полати*, на которыя ходъ устраивался преимущественно съ южной стороны, извнѣ церкви. Въ большей части церквей Владиміро-Суздальскаго края эти входы на полати сохранились въ стѣнахъ храмовъ даже и тамъ, гдѣ уже давно не существуютъ болѣе самые хоры. Въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ эти полати были вѣроятно устроены или закрытыя (такъ что присутствовавшіе на нихъ при богослуженіи не могли быть видимы снизу остальными молящимися), или должно предположить, что на полатяхъ устраивались особыя скрытыя помѣщенія, иначе называемыя *теремомъ* ([96]). По отношенію къ внутреннему устройству церквей Владиміро-Суздальскаго края, мы, по лѣтописи, знаемъ, что князья и епископы съ одинаковымъ усердіемъ и какъ бы даже съ нѣкоторымъ соревнованіемъ стремились къ украшенію храмовъ. Описанія многихъ храмовъ сохранены намъ лѣтописью довольно подробно и полно; о сокровищахъ иныхъ церквей мы узнаемъ по извѣстіямъ о страшныхъ пожарахъ, опустошавшихъ наши древніе города. Такъ, въ сказаніи объ убіеніи Андрея Боголюбскаго Ипатіевская лѣтопись приводитъ подробности о великолѣпномъ внутреннемъ устройствѣ церквей въ Боголюбовѣ и во Владимірѣ при Андреѣ Боголюбскомъ. «Успенскій соборъ весь блисталъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Амвонъ и трое (входныхъ) дверей обиты были золотомъ и серебромъ. Иконы обложены золотомъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями. Многочисленныя паникадила и подсвѣчники были хрустальные и золотые. Служебные сосуды, рипиды, три ковчега для храненія святыхъ даровъ—были вылиты изъ чистаго золота». Въ Боголюбовской Рождественской церкви не только сосуды, иконы и вся церковная утварь были сдѣланы изъ серебра и золота и украшены финифтью, драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, но даже и снаружи вся церковь была раззолочена, по столбамъ и по поясу, до кровли и до купола, и украшена вставными аспидными *цатами* (досками).

Изъ Лаврентьевской лѣтописи узнаемъ, что Суздальскій соборъ въ 1232 г. «былъ измощенъ мраморомъ краснымъ разноличнымъ», и что церкви Владиміро-Суздальскаго края, вскорѣ послѣ постренія, *расписывались* по стѣнамъ фресковой живописью. Чѣмъ богаче и благолѣпнѣе было внутреннее убранство соборнаго храма, тѣмъ болѣе приносило это чести и славы мѣстному владыкѣ. Недаромъ пишетъ епископъ Симонъ въ извѣстномъ посланіи своемъ къ Поликарпу: «кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона ... ля церковь во Владимірѣ — красота всему городу!»... По... ть Кирилла II, епископа

ростовскаго, къ устроенію благолѣпныхъ храмовъ, лѣтописецъ сообщаетъ между прочимъ, что «всѣ изъ окружныхъ городовъ приходили въ св. соборную церковь св. Богородицы (въ Ростовѣ),—одни, чтобы послушать, какъ Кириллъ поучалъ отъ св. книгъ, другіе же потому, что желали видѣть украшенія св. церкви Пречистой Владычицы нашей Богородицы. И была она чудно украшена, какъ и не бывало у прежнихъ епископовъ, да Богъ вѣсть будетъ-ли еще когда-нибудь послѣ Кирилла». ([97])

Въ числѣ драгоцѣнностей, хранившихся въ церквахъ, находимъ упоминаніе и объ одеждахъ княжескихъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, которыя «они вѣшали въ церквахъ на память о себѣ» ([98]) и о сосудахъ, которыя хранились при храмахъ въ память о прежде-бывшихъ въ Ростовско-Суздальской землѣ епископахъ ([99]), и наконецъ—о книгахъ, которыя, и въ это время, и гораздо позже, должны были имѣть, по цѣнности своей, значеніе настоящихъ сокровищъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что когда (въ 1176 г.) Ростиславичи, «наущаемые боярами на многое иманіе», овладѣли сокровищами св. Богородицы Владимірской — они, въ числѣ ихъ, захватили и *книги*. И затѣмъ, когда Глѣбъ Рязанскій, примирясь съ Михалкомъ (Юрьевичемъ), возвратилъ Успенскому собору Владимірскому все, имъ захваченное, «и до золотника», то, вмѣстѣ съ иконою святой Богородицы, онъ возвратилъ собору и *книги*. Цѣнность книгъ, и безъ того уже высокая, вѣроятно еще значительно увеличивалась тѣмъ, что для церковнаго употребленія онѣ уже и тогда переплетались въ переплеты, покрытые богатыми окладами и украшенные финифтью, жемчугомъ и каменьями. По крайней мѣрѣ, въ сказаніи мы имѣемъ свѣдѣніе о томъ, что Татары, ворвавшись въ Успенскій соборъ и перебивъ всѣхъ укрывшихся въ немъ, «*ободрали* иконы, сосуды, кресты и *книги*».

Но изъ всѣхъ этихъ церковныхъ богатствъ, о которыхъ дошли до насъ такіе краснорѣчивые разсказы въ лѣтописяхъ, ничто не могло сохраниться до нашего времени. Немногіе остатки владимірской старины уцѣлѣли на мѣстѣ. Въ числѣ ихъ должно, прежде всего, упомянуть слѣдующія: 1) Икону Божіей Матери Боголюбской или Боголюбимой, написанную по повелѣнію великаго князя Андрея Юрьевича въ память явленія ему Богоматери и поставленная имъ въ Рождественскомъ Боголюбовѣ монастырѣ, гдѣ она пребываетъ доселѣ. 2) Икону Покрова Пресвятой Богородицы, по преданію, написанную также въ дни Боголюбскаго для основанной имъ близь Боголюбова обители Покровской-на-Нерли; съ 1764 г., по упраздненіи обители, икона эта находится въ Рождественскомъ Боголюбовѣ монастырѣ. 3) Икону Знаменія Богородицы весьма древняго греческаго письма, принадлежавшую

св. Александру Невскому, бывшую при немъ въ битвахъ со Шведами и Ливонскими рыцарями, а нынѣ хранимую въ церкви владимірскаго Рождественскаго монастыря ([100]).

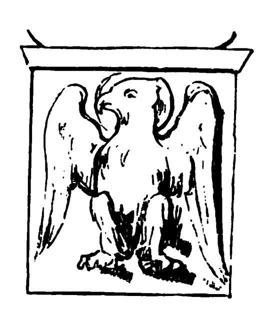
Но важнѣйшихъ мѣстныхъ святынь уже давно нѣтъ во Владимірѣ. Икона *Владимірской Божіей Матери*, писанная, по преданію, св. Евангелистомъ Лукою (см. рис. 44, въ началѣ книги) и перенесенная изъ Вышгорода во Владиміръ Андреемъ Боголюбскимъ, икона *Всемилостиваго Спаса*, сопровождавшая Андрея въ походѣ противъ Болгаръ (1164 г.), и *икона св. великомученика Дмитрія Селунскаго*, написанная на его-же гробовой доскѣ и принесенная во Владиміръ изъ Селуни при Всеволодѣ Юрьевичѣ — уже съ конца XIV вѣка находятся въ Москвѣ, куда онѣ были перенесены по желанію князей московскихъ, и гдѣ нынѣ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ святынь московскаго Успенскаго собора. На память о перенесеніи иконы Владимірской Божіей Матери изъ Владиміра въ Москву, на мѣстѣ ея, въ иконостасѣ Успенскаго Владимірскаго собора поставленъ точный съ нея списокъ, написанный св. митрополитомъ Петромъ еще въ ту пору, когда онъ былъ игумномъ Ратскимъ на Волыни. Что же касается до церквей владимірскихъ, суздальскихъ и ростовскихъ, столько разъ выгоравшихъ до-тла, подвергавшихся стольнимъ передѣлкамъ и подновленіямъ, столь много пострадавшимъ отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ—то въ нихъ уцѣлѣло до нашего времени еще меньше слѣдовъ древняго внутренняго убранства.

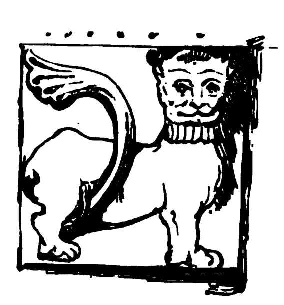
Въ немногихъ церквахъ владимірскихъ сохранились мѣстами, подъ слоемъ позднѣйшей штукатурки, остатки древнихъ фресокъ и расписныхъ цвѣтныхъ украшеній. Такіе остатки находимы были и подъ куполомъ, и около карнизовъ въ церкви Покровской-на-Нерли, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Успенскаго Владимірскаго собора, и въ соборѣ Переяславскомъ. Всего полнѣе сохранились древнія фрески во Владимірскомъ Дмитровскомъ соборѣ, гдѣ онѣ настолько оказываются замѣчательными, что заслуживаютъ вниманія археолога.

«Когда, при возобновленіи Дмитровскаго собора въ 1834—47 году, отбили штукатурку, оказалась подъ нею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнная живопись, лучше сохранившаяся на парусахъ сводовъ, подъ хорами, у западной стѣны. На ней, подъ южною аркою, изображена Матерь Божія, сидящая на тронѣ съ двумя (одинъ только уцѣлѣлъ) по сторонамъ ея Архангелами. Надъ Пресвятою Дѣвою обычныя греческія буквы МР и ѲV; рядомъ--праотцы: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, съ надписями ихъ именъ по сторонамъ сіянія; на самомъ краю виденъ слѣдъ стоящаго Добраго Разбойника съ высокимъ осьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. У Авраама на колѣняхъ Іисусъ Младенецъ, а по обѣимъ сторонамъ, вѣроятно, праведники въ уменьшенномъ раз-

мѣрѣ и въ разныхъ положеніяхъ. Всѣ эти фигуры изображены сидящими въ вертоградѣ, между деревьями, на которыхъ видны (сидящія и около нихъ летающія) птицы; на другой сторонѣ арки представлены двѣ горы; при одной на первомъ планѣ изображенъ въ разныхъ одѣяніяхъ Соборъ Святыхъ, предводимый Петромъ, съ надписью въ двухъ строкахъ: «Агіосъ» и «Петръ ведетъ вся святыя во рай». При другой—два трубящихъ Ангела съ надписью: «Ангелъ трубитъ въ землю»: «Ангелъ трубитъ въ море». Далѣе видимъ изображенія двѣнадцати апостоловъ, сидящихъ въ рядъ; они держатъ въ рукахъ разогнутыя книги; за апостолами видны сонмы ангеловъ, держащихъ въ одной рукѣ нѣчто въ родѣ шаровъ (державъ?) съ начертаніемъ имени IС. Хр., а въ правой—жезлы.

Эти любопытныя фрески, вѣроятно, современны построенію собора; но подписи на нихъ, по мнѣнію знатоковъ дѣла, сдѣланы позднѣе и едва ли не въ XV вѣкѣ, когда знаменитый иконописецъ-подвижникъ, «блаженный Андрей Рублевъ съ дружиною», расписывалъ во Владимірѣ соборы и подновлялъ въ нихъ старую стѣнопись. Чрезвычайно любопытно то, что Андрей Рублевъ повторилъ тѣ-же фресковые сюжеты подъ аркою Святыхъ воротъ (нынѣ заложенныхъ) во Владимірскомъ Рожественѣ монастырѣ, только дополнивъ ихъ по сторонамъ нѣкоторыми новыми группами и фигурами: тамъ около древнихъ сюжетовъ видимъ владимірскихъ чудотворцевъ и Дмитрія Селунскаго, вѣроятно написаннаго въ воспоминаніе о строителѣ храма Всеволодѣ-Дмитріѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

ко 2-му выпуску.

---

(1) Днѣпръ, протекая подъ Кіевомъ, раздѣляется на многіе рукава. Одинъ изъ такихъ рукавовъ, вѣроятно составлявшій нѣкогда главное русло Днѣпра и главный путь, по которому шло судоходство, до сихъ поръ сохранилъ въ народѣ названіе *Старика*. Въ четырехъ верстахъ повыше Подола онъ образуетъ довольно обширный островъ, длиною въ 6 верстъ, а шириною въ $2^1/_2$ версты. (*Закревскій*. Описаніе Кіева. М. 1868. Т. I. 297).

(2) Остатки эти собраны въ книгѣ почтеннаго И. Фундуклея, такъ много оказавшаго услугъ изученію кіевскихъ древностей. Книга эта—„Обозрѣніе могилъ, валовъ, и городищъ Кіевской губерніи, изданное по Высочайшому соизволенію кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ". Кіевъ. 1848 г. 4°. Съ 17 таблицами хромолитографическихъ рисунковъ.

Академикъ Стефани, упоминая объ этой книгѣ, справедливо замѣчаетъ, что это сочиненіе „заслуживаетъ благодарности археологовъ", и при этомъ какъ-бы съ сожалѣніемъ прибавляетъ, что изданіе г. Фундуклея „за-границею вовсе неизвѣстна". Почтенный ученый писалъ это въ 1865 г.; въ настоящее же время, благодаря трудамъ А. Кона, сочиненіе Фундуклея едва-ли не болѣе извѣстно за-границею, нежели въ Россіи, гдѣ оно составляетъ библіографическую рѣдкость.

(3) *Отч. Арх. Комм., 1865, стр. 7*. Акад. Стефани придаетъ особенно-важное значеніе именно послѣднему факту, и замѣчаетъ, что нахожденіе этой росписной вазы „имѣетъ величайшее значеніе для исторіи греческой вазовой живописи, потому что Кіевъ лежитъ гораздо сѣвернѣе всѣхъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ доселѣ находимы были росписныя вазы. Если археологія тщательно указала вовсе немногочисленные росписные глиняные сосуды, открытые въ почвѣ сѣверной Италіи, то неужели не заслуживаетъ особеннаго вниманія хорошо сохраненная ваза, найденная подъ одинаковою сѣверною широтою съ Прагой и Франкфуртомъ-на-Майнѣ, и притомъ ваза, украшенная не какимъ-нибудь простымъ изображеніемъ".

Изображеніе этой вазы первоначально было помѣщено въ изд. Фундуклея, табл. 12. Болѣе точное въ Отч. Арх. Комм. 1865, атласъ табл. VI, рис. №№ 5 и 6.

(4) См. объ этомъ у *Закревскаго*: Описаніе Кіева, II, въ статьяхъ о *Почайнѣ* и *Глубочицѣ* (т. I). Всѣ описанія кіевскихъ древностей и урочищъ расположены въ сочиненіи Г. Закревскаго въ алфавитномъ порядкѣ.

(5) *Перевѣсище*—по установившемуся въ русской наукѣ мнѣнію, понимается въ смыслѣ мѣста, на которомъ *развѣшивались* сѣти для ловли рыбы, птицъ и звѣрей, и которое поэтому именно и является

въ лѣтописи рядомъ со словомъ *ловище* (мѣсто для лововъ): — около всякаго рода *ловищъ* находились и перевѣсища, какъ мѣсто храненія необходимыхъ ловческихъ снарядовъ. — Есть и другое объясненіе; И. И. Срезневскій, въ „*Чтен. о древн. русск. лѣтописяхъ*" (Спб., 1862, стр 42) говоритъ: „Слѣдствіемъ веденія торговли было заведеніе мѣстъ, гдѣ содержались народные вѣсы, *перевѣсищъ*, которыхъ содержаніе принадлежало князю. Словомъ *перевѣсня* въ древнемъ переводѣ пророчествъ переведено ζυγός — statera". „Перевѣсища" Ольгины были между прочимъ по Днѣпру и по Деснѣ".

(6) Такъ, въ Ипатьевск. лѣт., подъ 1037 г. См. изд. Археогр. Комм. Спб. 1871. Стр. 106.

(7) *Закревскій*, Описаніе Кіева. Т. II, стр. 779—780.

(8) Подъ названіемъ нѣмецко-польской архитектуры слѣдуетъ разумѣть тотъ безвкусный и весьма некрасивый архитектурный родъ, который занесенъ былъ въ XVII вѣкѣ въ Польшу изъ Германіи и особенно усилился при Августѣ II. Зданія, выстроенныя подъ вліяніемъ этого стиля, украшены вдоль по кровлѣ высокими фигурными фронтонами или щитами, которые увѣнчиваются шпицами. Фонари или трибуны церквей состоятъ изъ многогранныхъ призмъ, и крыты двуярусными, изогнутыми кровлями, которыя въ современной архитектурѣ были извѣстны подъ названіемъ *Королевской кровли* (Königsdach).

Въ этомъ-то архитектурномъ стилѣ реставрированы были почти всѣ кіевскія церкви — Печерская лавра, Михайловскій монастырь и самая Св. Софія. Желающихъ ближе ознакомиться со всѣми перестройками и перемѣнами, пережитыми Кіево-Софійскимъ соборомъ, отсылаемъ къ прекрасному реферату протоіерея П. Г. Лебединцова, помѣщенному въ "Трудахъ" третьяго Археологическаго съѣзда (т. I, стр. 53—93), подъ заглавіемъ: „О св. Софіи Кіевской".

(9) См. Исторію Русск. Церкви Макарія, архіепископа харьковскаго. Изданіе второе. Спб. 1868 Т. I, стр. 66—67 и прим. 121.

(10) Подъ именемъ *голосниковъ* или звуковыхъ сосудовъ разумѣютъ обыкновенно горшки или кувшины изъ обожженной глины, которые горизонтально закладывались въ своды и стѣны (преимущественно въ сѣверныя, южныя и западныя) нашихъ древнихъ церквей для того, чтобы придать болѣе звучности и силы голосамъ священнослужителей и пѣвчихъ при богослуженіи. Такіе голосники сохранились въ церквахъ кіевскихъ и черниговскихъ, въ древнихъ зданіяхъ московскаго Кремля, въ церквахъ псковскихъ и новгородскихъ. В. В. Стасовъ. занимавшійся изслѣдованіемъ голосниковъ въ цц. Новгородскихъ и Псковскихъ, замѣчаетъ, что „въ акустическомъ отношеніи, голосники удовлетворяютъ своему назначенію, потому что въ церквахъ, гдѣ они находятся, мы встрѣчаемъ очень хорошій резонансъ, не смотря на самую невыгодную для звука колодцеобразную форму этихъ церквей". См. Извѣстія Имп. Археологич. Общества, т. III (Спб., 1861), стр. 126 — 142. Статьи В. В. Стасова „Голосники въ древнихъ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ".

(11) См. подробности объ этой церкви въ сочиненіи Н. М. Сементовскаго: „Древнѣйшая въ Россіи церковь Спасъ-на-Берестовѣ, построенная св. Вел Кн. Владиміромъ. въ 989 г.". Кіевъ, 1877, 4°. Съ 13 табл. хромол. рисунковъ. См. о томъ же у Закревскаго, II, стр. 727—748.

(12) *Рядъ* касался иногда не только горожанъ кіевскихъ, но и тѣхъ князей, которые имѣли удѣлы въ кіевской Руси. Такъ, въ 1859 г., когда Мстиславъ, Володиміръ и Ярославъ посылаютъ за Ростиславомъ Мстиславичемъ въ Смоленскъ, призывая его на кіевскій столъ, Ростиславъ посылаетъ сказать имъ черезъ Ивана Ручечника и Якуна: „если вы меня вправду зовете съ любовью, то я готовъ идти въ Кіевъ *на свою волю* съ тѣмъ, чтобы вы почитали меня какъ отца и во всемъ меня слушались". И тутъ же заявляетъ, какъ непремѣнное условіе, чтобы Климъ не былъ митрополитомъ кіевскимъ. (Ипатіевская лѣт. Изд. 1871. Стр 344—15).

(12 *bis*, на стр. 37) Въ 1149 г. Изяславъ Мстиславовичъ, услышавъ о приходѣ Юрія съ войскомъ и Половцами, воскликнулъ въ гнѣвѣ: „если бы онъ пришелъ только съ дѣтьми, то которая ему волость люба, ту бы и взялъ; но если онъ на меня привелъ половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то буду съ нимъ биться". Точно также въ 1174 г., когда Андрей Боголюбскій послалъ Михна мечника съ грозными рѣчами къ

Ростиславичамъ, то Мстиславъ сказалъ послу Андрееву: „иди къ своему князю и скажи ему отъ насъ— до этого времени мы тебя отцомъ своимъ почитали по любви: но ежели ты съ такими рѣчами прислалъ ко мнѣ, *не какъ къ князю*, но какъ къ подручному своему и какъ къ простому человѣку—то ужъ такъ и дѣйствуй, какъ ты задумалъ, а Богъ пусть насъ разсудитъ".

(13) Такъ поступилъ Олегъ въ 1096 году. Замѣтимъ здѣсь кстати, что битва и самое рѣшеніе распри битвою были вообще извѣстны въ древней Руси подъ названіемъ *суда Божія*. Примѣровъ, подтверждающихъ значеніе этого выраженія, лѣтопись представляетъ очень много. Вотъ одинъ изъ нихъ на выдержку. „Если встрѣчусь прежде съ Владиміромъ и его войскомъ", говорилъ Изяславъ своей дружинѣ (1150 г.), „то съ тѣми *судъ Божій* вижу; встрѣчусь-ли прежде съ Юріемъ, то съ тѣмъ *судъ Божій* вижу: и пусть меня съ ними Богъ разсудитъ".

(14) Въ 1100 г., во время съѣзда въ Увѣтичахъ, для суда надъ Давидомъ, Мономахъ, упрекая Давида, говоритъ ему: ...„се еси пришелъ и сѣдиши съ своею братіею на *единомъ* коврѣ". Такъ и въ Ипатьевской, и въ Лаврентьевской лѣтописи.

(15) См. Ипатьевск. лѣт. изд. 1871 г., стр. 231 и 238.

(16) Такъ читаемъ подъ 1150 г. въ Ипатьевской лѣтописи: „Той же зимой началъ засылать Изяславъ къ Андрею въ Пересопницу. говоря: „братъ! введи меня въ любовь къ отцу" — а (между тѣмъ) посылалъ къ нему, чтобы высмотрѣть, все ли у него въ порядкѣ и въ какомъ положеніи находятся городскія укрѣпленія; ибо онъ тутъ прежде *изъѣхалъ* (т. е. захватилъ въ расплохъ) брата его Глѣба въ Пересопницѣ; на томъ же и этого хотѣлъ поймать; но не сбылся его замыселъ, такъ какъ (оказалось, что) городъ былъ укрѣпленъ и дружина (Андреева) вся въ сборѣ". (Изд. 1871; стр. 281).

(17) Значеніе древне-русскаго слова *изгой* стало нѣсколько выясняться только съ тѣхъ поръ, когда открытъ былъ „Уставъ о церковныхъ судахъ Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила)". Въ этомъ уставѣ перечисляются нѣкоторые (не всѣ) виды *изгойства* и приводятся четыре различныя причины, по которымъ извѣстныя лица становились *изгоями*. Въ уставѣ указаны четыре главные вида изгойства. Къ изгоямъ относятся: 1) „*поповъ сынъ* (который) *грамотѣ не умѣетъ*"; 2) *холопъ изъ холопства выкупится*; 3) *купецъ одолжаетъ*; 4) *аще князь осиротѣетъ*." Всѣхъ этихъ лицъ древнерусская церковь, какъ несчастныхъ, принимала подъ свое покровительство, считая ихъ „людьми церковными, богадѣльными". Г. Калачевъ старается объясить значеніе изгойства слѣдующимъ образомъ: ...„Если кто отрѣшался отъ своей родовой общины или становился, по какимъ-либо причинамъ, внѣ родовыхъ отношеній, скрѣпленныхъ единствомъ всѣхъ членовъ каждаго отдѣльнаго рода не только по ихъ кровнымъ, естественнымъ узамъ, но и по общему мѣсту жительства, тотъ, въ смыслѣ общественномъ и даже частномъ—...дѣлался *изгоемъ*". (О значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси. Соч. Н. Калачева въ I т. Архива Историко-Юридическихъ свѣдѣній, относящихся къ Россіи. М. 1850 г.).

(18) „Мужей *отца своего* (Вячеслава)"—тутъ Вячеславъ названъ *отцемъ* Ростислава Мстиславича въ томъ же смыслѣ, въ какомъ многократно называлъ его *отцемъ* и Изяславъ Мстиславичъ, признавая его старшинство и призывая его раздѣлить съ собою столъ Кіевскій, „*въ отца мѣсто*".

(19) *Милостникъ* — упоминается въ Ипатьевской лѣтописи дважды, подъ 1180 (стр. 416) и подъ 1175 (стр. 400). Первое мѣсто, не объясняя намъ значенія *милостника*, только противуполагаетъ *Кочкаря, милостника Святославова*, лучшимъ мужамъ Святославовой дружины, ставя князю въ укоръ именно то, что онъ рѣшился напасть на Давида Ростиславича, „не повѣдавъ о томъ лучшимъ мужамъ своей дружины, а посовѣтовавшись только съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, своимъ милостникомъ."

Второе мѣсто, гораздо болѣе важно для объясненія значенія *милостника*. Изъ него мы узнаемъ что убійцы Андрея Боголюбскаго убиваютъ „Прокопья, его *милостника*", и затѣмъ уже захватываютъ всю казну княжескую. Ограбленныя богатства Андреевы убійцы навьючиваютъ на *милостныхъ* коней, а сами вооружаются *милостнымъ* оружіемъ, и тогда уже начинаютъ собирать около себя дружину. Ясно, что *милостникъ* здѣсь является въ значеніи хранителя княжеской казны и движимаго имущества, а къ казнѣ княжеской, какъ мы уже знаемъ, принадлежали и оружіе, и кони, которыми князь снабжалъ воевъ. Такое оружіе и кони, принадлежавшіе къ казнѣ княжеской, быть можетъ въ от-

личіе отъ оружія и коней, принадлежавшихъ дружинѣ, получали названія *милостнаго* окружія и *милостныхъ* коней.

Съ другой стороны, изъ того же мѣста, узнаемъ достовѣрно, что Прокопій,—*милостникъ* князя Андрея—не принадлежалъ къ дружинѣ княжеской, а къ *числу слугъ княжескихъ*. Князь Андрей, окликая его, называетъ его *поробкомъ*; это обстоятельство отчасти и объясняетъ намъ убіеніе Прокопія вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ, такъ какъ всѣ убійцы принадлежали къ дружинной средѣ. Въ виду всего этого, мы положительно не можемъ допустить того объясненія, которое, на 18 стр. указателя именъ личныхъ къ Ипатьевской лѣтописи (изд. 1871), допущено было ея издателемъ: Кочкарь, очевидно, не былъ „бояриномъ Черниговскимъ" (*), а только однимъ изъ приближенныхъ слугъ Святослава Всеволодовича.

Послѣ всего вышеуказаннаго само собою падаетъ объясненіе „*милостника*" словомъ „*любимецъ*" (Соловьевъ, т. II, изд. 1862; стр. 277) или „*главный изъ любимцевъ*" (Карамзинъ, т. III, гл. II, стр. 36 по изд. Эйперлинга). Такое объясненіе этого слова встрѣчаемъ и у Иловайскаго „Исторія Россіи", II, 215 и 216.

(20) Такихъ описаній пировъ и даровъ, розданныхъ хозяевами во время пиршества, находимъ въ лѣтописи много. Таковы напр. описанія, помѣщенныя подъ 1150 г., подъ 1195 и др. Особенно любопытное упоминаніе о пирѣ и пиршественныхъ дарахъ находимъ подъ 1148 г. въ Ипатьевской лѣтописи, при описаніи съѣзда Изяслава и Ростислава въ Смоленскѣ: „Пришелъ Изяславъ къ брату Ростиславу и похвалили братья Бога и святую Богородицу и силу животворящаго креста, увидѣвшись въ (добромъ) здоровьѣ, и пребыли въ великой любви и весельи съ мужами своими и съ Смольнянами; и тутъ стали они дарить (другъ друга) дарами многими: Изяславъ далъ дары Ростиславу, *что отъ Русской земли и отъ всѣхъ царскихъ земель, а Ростиславъ далъ дары Изяславу, что отъ Верхнихъ земель и отъ Варягъ—и тутъ порѣшили о пути своемъ.*

(21) Это драгоцѣнное изображеніе, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшее отъ XI вѣка, представляетъ собою *единственный*, вполнѣ достовѣрный источникъ для древнѣйшей исторіи нашей княжеской одежды. Важнымъ дополненіемъ къ нему служатъ изображенія „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ", по Сильвестровскому списку XIV вѣка, изданному И. И. Срезневскимъ въ 1860. (Спб.).

(22) Эта цифра въ примѣчаніяхъ текста пропущена.

(23) См. въ „Христіанскихъ Древностяхъ", изд. В. А. Прохоровымъ (I, 50—80) статью И. И. Срезневскаго: „Древнія изображенія князей Бориса и Глѣба".

Авторъ говоритъ тамъ между прочимъ: „*Быть безъ плаща* значило, кажется, быть не въ полномъ убранствѣ, по-домашнему. Безъ плаща изображенъ (въ домашней своей обстановкѣ) кн. Святополкъ, принимающій убійцъ Борисовыхъ, посылающій вѣстника къ Глѣбу и принимающій убійцъ Глѣбовыхъ; безъ плаща и кн. Глѣбъ, принимающій вѣстника Святополкова и ѣдущій по рѣкѣ, безъ плаща и кн. Изяславъ за обѣдомъ". О плащѣ (корзнѣ), какъ *признакѣ княжескаго и боярскаго достоинства* см. тамъ же, далѣе.

(24) „Дѣти при отцѣ, какъ младшіе, могли быть безъ плаща:—такъ нарисованы дѣти князя Святослава при отцѣ" (на рисункѣ Святославова семейства въ Святославовомъ изборникѣ 1073 г.).

(25) *Гридьба и гридь* въ кіевской лѣтописи упоминаются только въ одномъ мѣстѣ, подъ 926 г.; но упоминаніе о *гридьбѣ* въ Новгородѣ и Суздалѣ давало полное право предположить, что и въ Кіевѣ часть младшей дружины носила это названіе. На существованіе *гридей* указываетъ самое упоминаніе о *гридницѣ* (одномъ изъ покоевъ княжаго дома).

О *пасынкахъ*, какъ составной части меньшей дружины, знаемъ также только по извѣстіямъ суздальской лѣтописи; однакоже на существованіе *пасынковъ* въ кіевской дружинѣ указываетъ названіе одного изъ кіевскихъ урочищъ „*Пасынча бесѣда*".

(26) Мечники присутствовали при испытаніи отвѣтчика желѣзомъ и за это получали опредѣ-

(*) То-же объясненіе находимъ и въ Строевскомъ Ключѣ къ Ист. Гос. Россійскаго, на стр. 134 въ Указ. именъ личныхъ.

ленную часть судебныхъ пошлинъ. Г. Погодинъ считаетъ мечниковъ „какимъ-нибудь особымъ видомъ гридей (?).“ (Древняя Русская Исторія, II, 771). Вѣроятно этотъ разрядъ младшей дружины стоялъ близко къ суду и къ управленію, потому что *мечниковъ грабятъ* люди при каждомъ мятежѣ.

(27) Тысяцкихъ *городскихъ* не слѣдуетъ смѣшивать съ тысяцкими *княжими*. На то, что обязанность тысяцкаго могла переходить по наслѣдству, указываетъ отчасти примѣръ Яна Вышатича, который былъ тысяцкимъ послѣ отца своего Вышаты. См. объ этомъ еще у Погодина, „Древн. Русск. Ист.“ стр. 692: тамъ собраны примѣры наслѣдственности.

(28) *Покладникъ* упоминается въ Ипатьевской лѣтописи только однажды, подъ 1168 г., при описаніи кончины Ростислава. Когда князь, по прибытіи въ Рогнѣдино село Зарубъ, почувствовалъ себя очень худо, то послалъ *покладника* своего, Иванка Фроловича и другаго мужа, Бориса Захарьевича за попомъ.

Для объясненія значенія *покладника* у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ; но, тѣмъ не менѣе, едва-ли можно согласиться съ толкованіемъ, которое даетъ этому слову Соловьевъ, высказывающій, между прочимъ, что „*покладникъ*, по всѣмъ вѣроятностямъ (?), соотвѣтствовалъ позднѣйшему *спальнику*“ (III, 19). Намъ кажется, что правильнѣе было бы производить это слово отъ приводимаго *Далемъ* (Словарь, 219) областнаго слова *покладъ*, которое и доселѣ еще употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ „*условія, уговора, сдѣлки*“ и вполнѣ соотвѣтствуетъ лѣтописному слову „порядъ“.

(29) *Меченоша* не упоминается въ кіевской лѣтописи, но упоминаніе о *княжихъ меченошахъ* въ суздальской лѣтописи заставляетъ предполагать, что *меченоши* должны были являться и въ кіевской дружинѣ, въ качествѣ почетныхъ представителей княжеской свиты. *Меченоши* были вѣроятно оруженосцами и получали названіе свое отъ того, что носили *княжой мечъ*, который князья не всегда носили при себѣ. Даже и во время битвы, при полномъ вооруженіи, князь, устремляясь на враговъ, *бралъ* копье изъ рукъ оруженосца. Званіе меченоши, очевидно, было весьма почетнымъ, потому что въ суздальской лѣтописи меченоша является *воеводою*.

Въ виду всего этого, трудно согласиться съ Соловьевымъ, который говоритъ, что „званія *меченоши, стольника* и *конюшаго* объясняются изъ самыхъ словъ“. По отношеніи къ слову *меченоша* этого никакъ сказать нельзя потому, что его, по составу самаго слова, не трудно смѣшать со словомъ *мечникъ*... то, и другое происходитъ отъ слова *мечъ* и служитъ названіемъ человѣку, который вооруженъ мечемъ или носитъ мечъ. А между тѣмъ разница между понятіями *мечникъ* и *меченоша* — чрезвычайно велика.

(30) Обращаемъ вниманіе на очень важное мѣсто лѣтописи (Ипат, 1149; стр. 274 изд. 1871), въ которомъ упоминается о *тіунахъ дружины*. На мѣсто это, если не ошибаемся, не было до сихъ поръ обращено достаточнаго вниманія. Вотъ оно: „*Изяславъ* (для разбора добычи, награбленной Юрьевыми воинами, на основаніи заключеннаго съ Юріемъ условія) *послалъ мужей своихъ и тіуновъ* для своего товара и своихъ стадъ, которыя онъ самъ утратилъ, а мужи (для своего товара и стадъ) одни сами поѣхали, а другіе *тіуновъ своихъ* послали; и такъ, пріѣхавши къ Юрію, стали розыскивать каждый свое“.

(31) *Жизнью* преимущественно называлось все то, что даетъ, поддерживаетъ *жизнь*, служитъ къ питанію человѣка; вотъ почему подъ словомъ *жизнь* въ Ипатьевской лѣтописи видимъ постоянно *стада, хлѣбъ на корню и хлѣбъ въ запасахъ*. Этотъ смыслъ выраженія *жизнь* или *вся жизнь* ясно высказывается во многихъ мѣстахъ лѣтописи. Такъ подъ 1146 г. Святославъ говоритъ Давидовичамъ: „братья мои! вотъ вы землю мою повоевали, и стада мои и брата моего захватили, житѣ пожили и *всю жизнь погубили*!“ Подъ 1148 годомъ: „Началъ Изяславъ молвить: вотъ мы села ихъ всѣ пожгли, и *жизнь ихъ всю*, и они къ намъ не выходятъ; а пойдемъ къ Любечю, *гдѣ вся ихъ жизнь*“. Какъ можно было „*пожечь жизнь*“—объясняется тѣмъ, что все, чего не могли забрать съ собою непріятели, пожигалось на мѣстѣ, а въ томъ числѣ и *хлѣбъ на корню*. Точно также подъ 1149 г. Вячеславъ и Юрій порѣшаютъ сказать Изяславу и его союзникамъ: „не стойте на нашей землѣ, а *жизни нашей*, ни селъ нашихъ не губите“... Подъ 1150 годомъ Изяславъ говорилъ въ утѣшеніе дружинѣ

своей: „вы за мною вышли изъ Русской земли, лишившись сворхъ селъ и *своихъ жизней...* и я либо голову сложу, либо возвращу себѣ свою отчину и *всю вашу жизнь*". Подъ 1158 г. находимъ упоминаніе о томъ, что Ярополкъ Изяславовичъ отдалъ монастырю печерскому *всю жизнь свою* и нѣкоторыя волости. А немного далѣе подъ 1159 приводитъ лѣтописецъ слова Полочанъ обращенныя къ Рогволду Борисовичу, которому они говорятъ: „согрѣшили мы передъ Богомъ и передъ тобою, встали противъ тебя безъ вины, и *жизнь твою* всю раздробили и *твоей дружины*". Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстъ выясняется вполнѣ значеніе *жизни* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его пояснили на стр. 60 и въ началѣ нашего примѣчанія. Въ особенности же выясняется отличіе *жизни* (*какъ движимости*) отъ *товара*, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть всѣ остальные виды движимаго имущества.

(32) На подобный же *рядъ* (уговоръ) съ дружиною указываетъ и болѣе позднее упоминаніе (XIII в.) въ предисловіи къ Софійскому Временнику. Тамъ говорится между прочимъ о *древнихъ князьяхъ и дружинѣ* въ противоположеніе новому поколѣнію „ти бо князи не сбираху много имѣнія, ни творимыхъ вѣръ, ни продажъ вскладаху на люди, но оже будяше права вира, и ту возма, *даяше дружинѣ на оружіе*. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, біющися: „братіе! потягнемъ по своемъ князи и по Русьской земли". *Нежадаху*: *„мало ми есть, княже, 200 гривенъ"*, не кладаху на свои жены златыхъ обручей, не хожаху ихъ жены въ серебрѣ, и расплодили были землю Руськую".

33) Приводимъ здѣсь цѣликомъ то важное мѣсто Ипатьевской лѣтописи, которое существенно необходимо для пониманія отношеній князя къ дружинѣ, и вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль. Подъ 1169 годомъ читаемъ: „Тѣмъ же лѣтомъ переступилъ крестъ Владиміръ Мстиславичъ *): начали пересылаться съ нимъ Чагровичи, Чекманъ и братъ его Тошманъ и Моначюкъ; Володиміръ же радъ былъ ихъ думѣ, и послалъ къ Рагуилу Добрыничю и къ Михалю, и къ Завиду (старшимъ дружинникомъ), объявляя имъ замыселъ свой. И сказала ему дружина его (старшая): „ты это самъ отъ себя замыслилъ, князь; а мы за тобою не поѣдемъ, мы того не вѣдали". Володиміръ же сказалъ, посмотрѣвъ на дѣтскихъ: „а вотъ (они) будутъ моими боярами", и поѣхалъ къ Берендеямъ и съѣхался съ ними ниже Ростовца. И когда тѣ увидали, что онъ ѣздилъ одинъ, то сказали ему: „ты намъ такъ сказалъ, что вся братья съ тобою (за одно); а гдѣ же Володиміръ Андреевичъ, и Ярославъ, и Давыдъ? А теперь ты выѣзжаешь одинъ *и безъ мужей своихъ*, а насъ обманулъ, такъ ужъ намъ лучше будетъ, если это падетъ на чужую голову, нежели на нашу,—и начали въ него (Берендеи) пускать стрѣлы, и князя ударили двумя стрѣлами. И сказалъ князь: „Не дай Богъ никогда довѣрять поганому, а я ужъ погубилъ и душу свою и жизнь". И онъ побѣжалъ; дѣтскихъ его избили около него (Берендеи), а самъ онъ бѣжалъ къ Дорогобужу; тужъ же была и жена его, и побѣжала прежде его".

Только взятое во всей своей цѣлости это мѣсто даетъ намъ правильное понятіе объ отношеніяхъ князя къ дружинѣ, между тѣмъ какъ отдѣльныя фразы, выдѣленныя изъ него, могутъ дать совершенно ложное понятіе о главной сути дѣла. Такъ оно и случилось съ г. Ключевскимъ въ его статьѣ „О боярской думѣ" (см. I кн. журнала „Русская Мысль", за 1880 г.

(34) Обычай возглашать *киріелейсонъ* (свидѣтельствующій о томъ, что нѣкоторыя части богослуженія въ XII в. еще совершались на греческомъ языкѣ) былъ довольно распространенъ. Кромѣ приводимаго нами случая съ Изяславомъ, встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и другія упоминанія. Такъ подъ 1146 г. Звенигородцы, подъ начальствомъ сурового воеводы Ивана Халдѣевича, храбро отбивавшіеся отъ Всеволода Кіевскаго, избавившись отъ бѣдствій осады „воззвали *киріелейсонъ*".

(35) Не слѣдуетъ забывать, что этому выраженію соотвѣтствовало еще другое, болѣе поясняющее нашу мысль: „отдать женъ и дѣтей и товаръ (по взятіи города приступомъ) *на щитъ* своимъ или поганымъ", т. е. подѣлить полонъ между воинами.

(36) См. вышеприведенное мѣсто Ипатьевской лѣтописи, въ примѣч. 30.

(37) Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ тѣми, которые на основаніи этого указанія позволяютъ себѣ предполагать, что подъ „свитами" здѣсь слѣдуетъ понимать *свитки рукописные* или даже образцы (подлинники) рисунковъ для фресокъ и мозаикъ, принесенные изъ Греціи мастерами.

*) Передъ этимъ онъ цѣловалъ крестъ Мстиславу Изяславичу.

Заблужденіе это пошло отъ Карамзина, который въ 158 примѣч ко II части Исторіи Госуд. Рос. невѣрно напечаталъ извѣстное указаніе епископа Симона, занесенное въ Патерикъ: „суть же и нынѣ у васъ *свитки* ихъ въ полатяхъ и книги ихъ греческіе блюдоми въ память". *Свитки* въ текстѣ примѣчанія явилось вмѣсто *свиты*, которое находится въ ркп. Патерика. Несмотря на то, что это было извѣстно составителю текста къ „Древностямъ Государства Россійскаго", онъ во *Введеніи* къ I тому (стр. XIX), строилъ на испорченномъ текстѣ цѣлую ученую гипотезу: „Если принять"—говоритъ онъ „*свитки* за хартіи, на коихъ изображались эскизы и прориси святыхъ, *то онѣ были основаніемъ подлинниковъ*, такъ какъ самые византійскіе художники, писавшіе въ Печерской Лаврѣ, были основателями иконописанія въ Россіи". То же заблужденіе повторено дословно И. П. Сахаровымъ въ его „Изслѣдованіяхъ о Русскомъ Иконописаніи" (изд. второе. Спб. 1850, стр. 9) съ добавленіемъ догадокъ. неимѣющихъ никакого основанія, а также и въ трудѣ Макарія (Ист. Русской Церкви, II, 219).

А между тѣмъ здѣсь слово *свиты* можетъ быть понято только въ одномъ смыслѣ, въ которомъ оно является и въ лѣтописномъ языкѣ южно-русскомъ, и въ современномъ малороссійскомъ—т. е. въ смыслѣ *верхняго платья*. Припомнимъ мѣсто лѣтописи, въ которомъ при убіеніи Игоря, говорится между прочимъ: „и тако изъ *свитки* изволокоша и (т. е. его)". И. И. Срезневскій поясняетъ значеніе *свиты* такъ: „платье съ рукавами и полами" (см. его статью упомянутую въ примѣч. 23). Такое значеніе слова *свита*, *свитка* вполнѣ подходитъ къ приводимому свидѣтельству: на память о греческихъ мастерахъ сохранялись на полатяхъ церковныхъ и книги ихъ, и одежды".

(38) Исторія Русской Церкви. Макарія, архіепископа Харьковскаго. Т. II. (изд. 2-е). Спб. 1868. Стр. 79.

(39) „Посланіе смиреннаго епископа Симона Владимірскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому". См. въ Памятникахъ Росс. Слов. XII вѣка", изд. К. Калайдовичемъ. М. 1821. Стр. 253.

(40) Здѣсь говорится о Святославѣ-Панкратіи Давидовичѣ, второмъ сынѣ князя Давида Черниговскаго, который постригся въ монастырѣ Печерскомъ въ 1106 году, февраля 17 дня. Въ иночествѣ прозванъ былъ Николаемъ и болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Николая Святоши*. Послѣднее прозваніе было однакоже дано ему не „за благочестіе", какъ предполагаетъ Карамзинъ, а въ видѣ сокращенія его полнаго имени (Святославъ).

(41) Аѳанасій Кольнофойскій монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, оставившій намъ на польскомъ языкѣ любопытное описаніе обители и бывшихъ въ ней чудесъ, подъ заглавіемъ *Тератургима*. Сочиненіе это было напечатано въ типографіи Кіево-Печерскаго монастыря въ 1688 году, и составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Къ своей *Тератургимѣ* Кольнофойскій приложилъ планы Лавры и лаврскихъ пещеръ, ближнихъ и дальнихъ. Митрополитъ Евгеній перепечаталъ ихъ въ своемъ „Описаніи Кіево-Печерской Лавры".

(42) Митрополитъ Евгеній, Описаніе Кіево-Печерской Лавры, стр.

(43) *Закревскій*. Описаніе Кіева. М. 1868 г. II, стр. 679.

(44) См. объ этомъ у *Макарія*. Исторія Русск. Церкви, I, стр. 196—7.

(45) Въ Матеріалахъ для Археологическаго Словаря", печатаемыхъ при „Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества", въ III т., стр. 23, находимъ объясненіе словъ *воръ*, *воры*, упоминаемаго въ Ипатьевской и 2-й Псковской лѣтописяхъ. Слово объяснено г. Аристовымъ вѣрно; по къ его объясн нію прибавлены невозможныя филологическія сопоставленія и такія догадки археологическія, которыя никакъ не могутъ выдержать строгой научной критики. Такъ напр. г. Аристовъ задается вопросомъ, „не одинаковыя ли слова: *воръ* и *боръ*?" (!)—и приходитъ къ тому, чрезвычайно оригинальному выводу, что „слова: *дворъ* и *ворота* (sic!) имѣютъ корнемъ слово *в·ръ*". Настолько-же правильны и возможны смѣлыя предположенія г. Аристова о томъ, что „*затворы* иногда означаютъ торговыя лавки". Нужно-ли доказывать, что изъ того мѣста Лаврентьевской лѣтописи (1175 г.), на которое г. Аристовъ ссылает никакъ нельзя сдѣлать? Притомъ-же и самое чтеніе этого текста не установлено (рукописямъ.

(46) *Фелонь*—здѣсь имѣется въ виду значеніе фелони не какъ облаченія, а какъ одежды, въ видѣ короткаго плаща съ нѣсколько удлиненными концами.

(47) „По древнѣйшему стилю Византійскаго искусства, на одной и той же иконѣ" — замѣчаетъ г. Буслаевъ—„для полнѣйшаго выраженія идеи, изображалось одно и тоже лицо дважды, трижды и болѣе". (Затѣмъ приводится вкратцѣ описаніе кіевскаго мозаическаго изображенія Тайной Вечери).. „Такимъ образомъ"—добавляетъ г. Буслаевъ—„раздвоеніе внѣшней художественной формы получаетъ здѣсь свое высшее, вѣрою постигаемое единеніе, въ таинственной идеѣ изображеннаго событія". См. статью: „Для исторіи Русской живописи XVI вѣка", въ „Ист. Очеркахъ" т. II, стр. 295. (Спб. 1861).

(48) Закревскій. Описаніе Кіева, II, 540.

(49) Тамъ-же, II т., 808 стр.

(50) Объ этомъ неоднократно упоминаетъ лѣтопись. Напр. въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1115 г., упоминается о такихъ именно украшеніяхъ ракъ и комаръ Владиміромъ Мономахомъ.

(50 bis) Къ стр. 111. См. объ этомъ подробн. у Макарія. Ист. Церкви, I, 156—107.

(51) Колокола однакоже были уже въ употребленіи въ Кіевѣ. Такъ можемъ заключить по двумъ колоколамъ, вырытымъ въ 1858 г. изъ развалинъ Десятинной церкви; высота одного изъ нихъ, лучше уцѣлѣвшаго, 9 вершковъ, вѣсъ 2 пуда 10 фунтовъ. Упоминаніе о колоколахъ, вывезенныхъ Даніиломъ изъ Кіева, находится и въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1259 г.

(52) По недосмотру въ текстѣ пропущено.

(53) Макарій, Исторія Церкви, I, 108.

(54) Закревскій, Описаніе Кіева, II, 825.

(55) Закревскій, тамъ-же, I, стр. 336 и 282.

(56) Въ „Русской Правдѣ" читаемъ: „Если кто придетъ на (княжій) дворъ въ крови или въ синякахъ, то ему не нужно свидѣтеля,—ему и безъ того слѣдуетъ получить 3 гривны въ удовлетвореніе".

(57) Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это раздѣленіе на *сотни* и *десятки* соотвѣтствовало военному значенію городскаго поселенія, на тотъ случай, когда горожане образовали изъ ебя *полкъ*.

(58) Гл. 26, 29 и 75(50) „Русск. Пр." по изд. Погодина, въ его др. „Русск. Ист.", II, стр. 730, 741.

(59) Достаточно припомнить извѣстное мѣсто Лаврентьевской лѣтописи подъ 983 г. и Ипатьевской подъ 1150 (277 стр., изд. 1871).

(60) См. Ипатьевск. лѣтопись, стр. 233 и 246.

(61) Такъ, подъ 1167 годомъ читаемъ въ лѣтописи Ипатьевской, что Половцы, узнавъ о княжескихъ раздорахъ, пошли къ Днѣпровскомъ порогамъ и начали пакостить *гречникамъ* (т. е. купцамъ, орговавшимъ съ Греціей), и послалъ Ростиславъ Володислава Ляха съ воинами, чтобы *взвели* Гречниковъ". Точно также и въ слѣдующемъ, 1168 году, всѣ князья, собравшись вмѣстѣ, долгое время выжидали у Канева, пока гречники пройдутъ черезъ пороги.

(62) Подтвержденіемъ нашего предположенія въ значительной степени служитъ то, что богатые и осторожные жиды старались держаться подалѣе отъ безпокойнаго Подолья, и, на окраинѣ Горы, присосѣдились поближе къ лучшей, наиболѣе безопасной части города, поближе къ представителямъ городской власти и княжеской дружины.

(63) Такой же точно отвѣтъ даютъ Мстиславу Изяславичу Куряне подъ 1147 г. (Ипатьевск. стр. 250): „если пойдутъ на Ольговичей, то мы рады за тебя биться и съ дѣтьми, а на Юрьевича, на *Володимерово племя*, не можемъ руки поднять".

(64) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, сост. и изд. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, VI, Владимірская губернія. Спб. 1863. См. тамъ „Общія свѣдѣнія о губерніи", стр. VI. [illegible]

(65) См. въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1176 г. на стр. 356, [illegible]

(66) Владимірскій Сборникъ. Матеріалы для статистики, этнографіи, [illegible] мірской губерніи. Сост. и изд. К. Тихонравовъ, М. 1857 4°. См. тамъ [illegible] димірской губерніи" (стр. 59 и слѣд.).

(67) В. Борисова. Описаніе города Шуи и его окрестностей. М. 1851. Стр. 83.

(68) См. объ этомъ въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ" (Владимірская губернія) т. VI, стр. XLI и XLII.

(69) Владимірскій Сборникъ К. Тихонравова. См. тамъ статью: „Путь Великаго князя Андрея Боголюбскаго изъ Вышгорода во Владиміръ". Стр. 58.

(70) См. „Списки населенныхъ мѣстъ", т. VI, стр. XLIII.

(71) „Списки населенныхъ мѣстъ". Тамъ-же: „преданіе ведетъ населеніе извѣстнаго села Иванова и его окрестностей отъ выходцевъ съ сѣвера, изъ предѣловъ Архангельской и Вологодской губерній. Мѣстные обычаи и повѣрья подтверждаютъ это происхожденіе Ивановцевъ". Стр. XLIII.

(72) „Меряне и ихъ бытъ, по курганнымъ раскопкамъ". Изслѣдованія гр. А. С. Уварова (Труды перваго Археологическаго съѣзда; II, 657—58

(73) Тамъ-же, стр. 656.

(74) Тамъ-же, отд. III (торговыя сношенія), стр. 706. и отд. IV (внутренній бытъ), стр. 724.

(75) Тамъ-же, стр. 638—39.

(76) Савельева, Мухамед. Нумизматика, стр. XXXIV.

(77) См. объ этомъ въ статьѣ К. Тихонравова, помѣщенной въ „Трудахъ Владимірскаго губ. Статистическаго Комитета" (за 1872 г. Вып. IX) подъ заглавіемъ: „Городъ Владиміръ въ началѣ XVIII столѣтія". Въ названіяхъ рѣки *Лыбедью*, городскихъ воротъ *Золотыми* и возвышенной части города *Дѣтинцемъ*—еще слышится желаніе подражать Кіеву и продолжать его преданіямъ. Такое весьма естественное стремленіе Андрея, особенно ясно выставлено лѣтописцемъ въ томъ причитаніи, съ которымъ граждане Владимірскіе встрѣчаютъ перевозимое изъ Боголюбова тѣло Андрея Юрьевича. (См. Ипат. 402—403).

(77 bis) Чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, стоитъ только припомнить, какихъ трудовъ и усилій стоило возстановленіе въ первобытномъ древнемъ видѣ даже такихъ святынь владимірскихъ, какъ Дмитровскій соборъ или Рождественскій монастырь во Владимірѣ, въ недавнее время реставрированный на основаніи Высочайшаго повелѣнія по образцамъ XII вѣка. См. о послѣднемъ монастырѣ любопытныя и важныя подробности въ статьѣ К. Н. Тихонравова „Владимірскій Рождественъ монастырь XII вѣка, Владиміръ, 1869", изд. съ двумя литографированными рисунками. Та-же статья напечатана въ томъ же году и во Владим. Губ. Вѣд. въ №№ съ 24—41.

(78) „Оринины" ворота, по мнѣнію К. Н. Тихонравова, находились тамъ, гдѣ нынѣ каменный мостъ чрезъ Лыбедь, между владимірскимъ валомъ Печерскаго и валомъ Новаго города. „*Мѣдяныя*" ворота—тамъ, гдѣ нынѣ спускъ отъ Никитской церкви на Боровокъ. *Волжскія*—гдѣ съѣздъ къ р. Клязьмѣ, при окончаніи валовъ Соборнаго и Козлова. (См. статью „Городъ Владиміръ въ началѣ XVIII стол."—стр. 17). Во избѣжаніе недоразумѣнія отмѣтимъ также, что у насъ на стр. 158 сказано: „Оринииными или Мѣдными воротами"—не въ томъ смыслѣ, чтобы мы принимали эти ворота за одни и тѣ же, а въ томъ, что Татары могли проникнуть либо тѣми, либо другими воротами внутрь владимірскихъ укрѣпленій.

(79) См. объ этомъ въ статьѣ свящ. С. Никольскаго „Золотыя ворота, памятникъ *гражданскаго* (?) зодчества XII вѣка во Владимірѣ". Помѣщ. въ „Трудахъ Влад. Стат. Комит." Вып. IX. Владиміръ. 1871. Стр. 94—109. „Благопріятныя для изученія памятника обстоятельства", о которыхъ мы упоминаемъ на стр. 161, заключались въ томъ, что въ 1870 году дано было начальникомъ губерніи разрѣшеніе проникнуть внутрь зданія Золотыхъ воротъ черезъ дверь, издревле существовавшую „въ срединѣ южной стѣны подъ сводомъ воротъ между бѣлокаменными дугами, и выходящую на поверхность нижней арки".

(80) Изслѣдованіе зданія воротъ изнутри привело къ тому важному результату, что въ Золотыхъ воротахъ „подвергся р[illegible]ію одинъ верхъ зданія, т. е. то, что нынѣ всецѣло сложено изъ кирпича (с[illegible] и стѣны ко[illegible]ея); всѣ же остальныя части зданія сохраняются во всемъ своемъ [illegible]ротъ". (Стр. 106—107 статьи Никольскаго).

[illegible]ословеніемъ и напутствіемъ, которое даетъ князю Констан[illegible]ляя его на столъ Новгородскій. Мы приводимъ эту сцену [illegible]ываемъ на два особенно важныхъ мѣста, на стр. 351 и

на стр. 415 (изд. Арх. Коми. Лаврентьевск. сп. Спб. 1872). Въ этомъ же смыслѣ, кажется, важно и одно изъ упоминаній Ипатьевск. лѣт. подъ 1149 г. о томъ, что „Болеславъ многихъ сыновъ боярскихъ препоясывалъ мечами“ въ Луцкѣ, какъ бы желая оказать этимъ особый почтъ Изяславу.

(82) Кажется, именно въ этомъ смыслѣ можетъ быть истолковано то мѣсто суздальской лѣтописи, въ которомъ епископъ Арсеній, умоляя Всеволода пощадить Рязань, говоритъ между прочимъ: „Князь великій! не опустоши мѣстъ честныхъ, не пожги церквей святыхъ, въ которыхъ жертва Богу (приносится) и *за тебя* творится молитва (молба створяется *за тя*)“. Подъ 1207 г.

(83) Подъ 1228 г. читаемъ въ Суздальской лѣтописи: „того же лѣта Святославъ (Всеволодовичъ) отпустилъ княгиню свою *по совѣту* (т. е. по обоюдному соглашенію, совѣщанію), такъ какъ она захотѣла въ монастырь, и надѣлилъ ее щедро; отошла отъ него (княгиня) до Борисова дня, пошла въ Муромъ къ братіи и постриглась“.

(84) Въ суздальской же лѣтописи, подъ 1298 г.: „На Святой недѣлѣ, въ субботу, на разсвѣтѣ Ѳомина Воскресенья, въ городѣ на Твери загорѣлся княжой дворъ. И чудно Богъ спасъ князя: *сколько людей въ сѣняхъ спали, и ничего не слыхали, и сторожа* также, но самъ князь съ княгинею, замѣтивъ огонь, вышелъ съ нею вонъ изъ палатъ, и даже ничего не успѣли изъ нихъ вынести; и такъ погорѣло не мало имѣнія, золота и серебра, оружія и одеждъ“.

(85) Событіе это, помѣщенное въ суздальской лѣтописи подъ 1185 годомъ, въ Ипатьевской разсказано подробнѣе и помѣщено подъ 1183.

(86) Объ этомъ подробно упоминаетъ епископъ Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, извлекая это любопытное извѣстіе изъ письма къ нему самой Верхуславы Всеволодовны и вкратцѣ сообщая намъ даже свой отвѣтъ на ея письмо. (Пам. Росс. Слов. XV в., стр 255).

(87) Такъ напр., мы знаемъ изъ Суздальской лѣтописи, что Успенскому собору во Владимірѣ принадлежалъ городъ *Гороховецъ* (уп. подъ 1259 г.). О городахъ и селахъ, находившихся во владѣніи Владимірскаго и Суздальскаго соборовъ, упоминаетъ и епископъ Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, восклицая: „сколько у нихъ (т. е. у соборовъ) городовъ и селъ! и десятину еще собираютъ по всей той землѣ,—и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость!“ (Памятники Росс. Слов. XII вѣка, изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821. стр. 257).

(88) Духовныя лица, при своихъ переѣздахъ по городамъ, вообще останавливались въ монастыряхъ. На это имѣются въ лѣтописяхъ многія указанія. Такимъ излюбленнымъ пріютомъ для всѣхъ наѣзжавшихъ во Владиміръ духовныхъ лицъ былъ преимущественно монастырь Вознесенскій, стоявшій у самаго выѣзда изъ города, неподалеку отъ Золотыхъ воротъ; есть основаніе думать, что монастыри и не для одного только духовенства, а вообще для всѣхъ странниковъ служили убѣжищемъ: при монастыряхъ и при епископскихъ домахъ были гостинницы.

(89) Макарій, Исторія Церкви, III; стр. 86. Несмотря на то, что романское вліяніе чрезвычайно ясно проявляется въ стилѣ всѣхъ храмовъ, возникшихъ на почвѣ Владиміро-Суздальскаго княжества, вопросъ о томъ, къ какому стилю слѣдуетъ отнести владимірскіе храмы XII и XIII вѣковъ — все еще продолжаетъ вызывать споры между нашими археологами и историками. На нашъ взглядъ, однако-же, всѣ преимущества правоты и вѣрной критической оцѣнки фактовъ—остаются покамѣстъ въ этомъ спорѣ на сторонѣ графа С. Г. Строганова, который признаетъ во владиміро-суздальскихъ храмахъ произведенія иноземныхъ зодчихъ, пропитанныхъ идеями еще новой въ ту пору романской школы, преобладавшей съ X вѣка нетолько въ Сѣверной Италіи (въ Ломбардіи), но и на крайнемъ западѣ Европы (въ Нормандіи), а съ половины XI в. и въ Германіи.

Графъ С. Г. Строгановъ очень послѣдовательно провелъ свой взглядъ въ извѣстной монографіи своей „Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ“. М. 1849; а въ прошломъ году по поводу художественно-литературныхъ мечтаній Віолле-ле-Дюка о русскомъ искусствѣ — издалъ въ свѣтъ фотолитографическій альбомъ архитектурныхъ рисунковъ, изображающихъ важнѣйшіе памятники нашего древняго церковнаго и гражданскаго зодчества подъ заглавіемъ „Русское искусство Е. Віолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи съ X по XVIII вѣкъ. Спб. 1878. 4. 14 таблицъ рисунковъ и 24 страницы текста. Текстъ этого альбома, направленный преимущественно противъ произвольныхъ выводовъ талантливаго,

но слишкомъ поспѣшнаго, французскаго ученаго—представляетъ собою весьма обстоятельное изложеніе важнѣйшихъ фактовъ исторіи нашего зодчества и его распаденія на опредѣленныя эпохи.

Противъ строго-логическихъ выводовъ графа С. Г. Строганова, собственно говоря, возражать нелегко тѣмъ болѣе, что владиміро-суздальскіе храмы носятъ на себѣ всѣ признаки, составляющіе характеристическую особенность произведеній романскаго стиля. Гр. Уваровъ въ своей статьѣ: „Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ (Труды перваго съѣзда, I, 252) подробно исчисляетъ эти особенности романскаго стиля и указываетъ на соотвѣтствующія имъ черты въ зодчествѣ владиміро-суздальскихъ храмовъ; а потому мы и не считаемъ нужнымъ вдаваться еще разъ въ эти подробности. Но несмотря на совершенно ясную постановку вопроса о романскомъ вліяніи, поднятаго на первомъ археолологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (1869)—въ „Трудахъ“ съѣзда явилось нѣсколько „самостоятельныхъ“ взглядовъ на разрѣшеніе этого вопроса, чрезвычайно запутавшихъ его, и путаница эта еще болѣе увеличилась книгою Віоле-ле-Дюка „L'Art Russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée son avenir. Paris. 1877“.

Хотя книга французскаго ученаго уже вызвала совершенно разумныя и вполнѣ послѣдовательныя возраженія со стороны такихъ глубокихъ знатококъ русскаго искусства, какъ графъ Строгановъ (*), аббатъ Мартыновъ (**) и профессоръ Буслаевъ (***), однако-же, и мнѣнія Віолле-ле-Дюка нашли себѣ рьянаго сторонника въ лицѣ г. Бутовскаго, издавшаго въ свѣтъ брошюрку „Русское искуство и мнѣнія о немъ“. М. 1879 г., въ которой онъ смотритъ на разрѣшеніе спорнаго вопроса съ точки зрѣнія чрезвычайно странной и приводящей его къ произвольнымъ выводамъ.

(89а) Выпущено при печатаніи текста.

(89б) Также.

(89в) Также.

(89г) Также.

(89д) Также.

(90) Статья Артлебена (въ „Трудахъ перваго Археологич. съѣзда, I, 288), подъ заглавіемъ „По вопросу объ архитектурѣ XV в. въ Суздальскомъ княжествѣ“.

(91) См. въ статьѣ К. Тихонравова, подъ заглавіемъ „Владимірскій Рожественъ монастырь XII вѣка“—общіе выводы объ архитектурѣ церквей XII—XIII вв. во Владиміро-Суздальскомъ краѣ.

(92) Такъ, напримѣръ, съ западнаго фасада церкви, повыше трехъ новыхъ, большихъ и широкихъ оконъ, и теперь еще вверху стѣны замѣтны два ряда заложенныхъ небольшихъ старыхъ оконъ, которыя, однакоже, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты за окна первоначальной постройки XII вѣка, а скорѣе принадлежатъ тому наружному виду, который храмъ Рождества могъ имѣть въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка. Важною подробностью внутренняго плана Рождественской церкви представляется конечно то, что съ сѣверной стороны ея, близь сѣверо-западнаго угла, сохранился донынѣ просторный проходъ изъ бывшихъ княжескихъ палатъ, на хоры (палати) церкви.

(93) Надпись эта помѣщена въ статьѣ К. Н. Тихонравова „Владимірскій Рожественъ монастырь XII в.“. Владиміръ 1869.—Снимокъ съ этой написи помѣщенъ А. Мартыновымъ въ его превосходнымъ изданіи „Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества“ (М. 1852 folio) при статьѣ о Рожественѣ монастырѣ. Тамъ же прекрасные виды отдѣльныхъ зданій монастыря.

(94) Извѣстіе это идетъ отъ Татищева (Ист. Россійск., примѣч. 483), и хотя не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ нашихъ лѣтописяхъ, но можетъ имѣть нѣкоторое основаніе въ томъ, что существованіе сношеній между Всеволодомъ Юрьевичемъ и Фридрихомъ I (Барбароссою) не подлежатъ никакому сомнѣнію. Такъ извѣстно, что Императоръ Германскій далъ у себя пріютъ и оказалъ покровительство князю Владиміру Ярославичу, бѣжавшему изъ Галича въ Германію, именно потому, что онъ былъ

(*) Въ вышепомянутомъ альбомѣ 1878 г.

(**) Въ статьѣ: «L'Art (Revue de l'Art chrétien. II serie t. IX).

(***) Въ статьѣ «Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго («Критич. Обозрѣніе» М. 1879. №№ 2 и 5).

племянникомъ великаго князя Всеволода, который въ то время былъ уже ему извѣстенъ. (См. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. III, стр. 49).

Отчасти на происхожденіе строителей Дмитровскаго собора изъ Германіи и можетъ быть даже на пришествіе ихъ отъ самаго Фридриха Барбароссы, указываютъ, по мнѣнію гр. Строганова, тѣ орлы, которыхъ мы видимъ въ числѣ орнаментовъ Дмитровскаго собора, и которые именно при Фридрихѣ I введены были въ гербъ Западныхъ Императоровъ. „Весьма естественно", говоритъ гр. Строгановъ, „что придавая ему (орлу) значеніе аттрибута Имперской власти, Романскіе строители, прибывшіе въ Владиміръ въ концѣ XII в., не усумнились помѣстить это изображеніе на церкви, сооружаемой ими при дворѣ Великаго князя: одинъ изъ орловъ Дмитріевскаго собора, съ обороченною главою налѣво, держитъ въ правой лапѣ скипетръ, оканчивающійся цвѣткомъ лиліи, что мы видимъ и на современныхъ монетахъ Фридриха I". (См. въ монографіи „Дмитріевскій соборъ". стр. 10).

(95) Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ барельефъ Дмитровскаго собора, который изображаетъ „Восхожденіе Александра Великаго на небеса". Сюжетъ его заимствованъ изъ восточной легенды, но, развитый въ средневѣковыхъ сказаніяхъ Запада различными дополненіями, онъ явился однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ изображеній во внѣшней орнаментаціи романскихъ храмовъ. См. объ этомъ подробнѣе въ статьи гр. А. С. Уварова: „Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ". (Труды перваго Археол. съѣзда, II, 255—256).

(96) Это видно изъ того, что въ 1237 г., при взятіи Владиміра татарами, княжны и княгини *укрылись* на полатяхъ. Подъ 1176 годомъ упоминается о томъ, что Ростиславичи, утвердясь во Владимірѣ, захватили золото и серебро, хранившееся у св. Богородицы (въ Успенскомъ соборѣ), и даже отняли у причта *ключи полатные*, т. е. ключи отъ скрытаго или замкнутаго помѣщенія, на палатяхъ церковныхъ, называемаго въ другихъ мѣстахъ лѣтописи *теремомъ*. Такъ, напр. подъ 1185 г., при описаніи пожара въ городѣ Владимірѣ, отъ котораго выгорѣлъ почти весь городъ и самый соборъ Успенскій сгорѣлъ до тла, лѣтописецъ разсказываетъ между прочимъ: „по Божьему попущенію... такъ всѣ растерялись, что вытащили изъ церкви на дворъ (церковный) все, что въ ней было, и изъ *терема куны* (деньги), и *книги*, и *паволоки* (дорогія матеріи) и *укси* церковныя, которыя вѣшали по праздникамъ, и даже сосуды, которыхъ было очень много: и все сгорѣло до тла".

Въ статьѣ своей „Княгининъ Успенскій дѣвичій монастырь во Владимірѣ Клязьменскомъ (см. Памятную книжку Владим. губ. на 1862 г. стр. 1—38) К. Н. Тихонравовъ, по поводу *теремовъ* при владимірскихъ церквахъ, дѣлаетъ слѣдующее важное примѣчаніе: „При храмахъ XII вѣка, строенія великихъ князей Георгія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, во Владимірѣ, Юрьевѣ, Переславлѣ, Боголюбовѣ и Кидекшѣ близь Суздали, терема находились у однихъ съ сѣверной, у другихъ съ южной стороны, и изъ нихъ былъ прямой ходъ на церковныя полати (хоры), гдѣ обыкновенно молились или сами князья, или ихъ великокняжескія семейства. Къ сожалѣнію, терема эти вездѣ, по незнанію, въ позднѣйшее время отломаны, а для входа на хоры пробиты своды стѣнъ въ самыхъ храмахъ; только въ Боголюбовскомъ монастырѣ сохранилась *часть терема* [1]) при храмѣ Боголюбскаго съ сѣверной стороны"... „При Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ теремъ съ сѣверной стороны существовалъ всецѣло со всѣми высѣченными на немъ снаружи по стѣнамъ изъ бѣлаго камня изображеніями, до 1835 года; но когда стали приводить соборъ въ первобытный видъ, то, вмѣстѣ съ позднѣйшими пристройками, не справясь съ лѣтописью, сломали до основанія и теремъ, и дверь тоже обратили въ окно, а для входа на хоры пробили сводъ. Впрочемъ, вѣрный рисунокъ терема сохранился въ изданіи гр. Строганова: „Дмитріевскій Соборъ во Владимірѣ". См. „приложенія и примѣчанія„ къ статьѣ К. Н. Тихонравова, стр. 26—27.

Упоминаемый рисунокъ церковнаго терема, бывшаго при Дмитровскомъ соборѣ и сломаннаго при реставраціи храма, находится въ монографіи г. Строганова на табл. XX.

(97) Далѣе, подъ тѣмъ же 1231 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Священный епископъ Кириллъ украсилъ церковь св. Богородицы несказанно дорогими иконами, и съ *предполами* къ нимъ, т. е. съ

---

*) Почтенный археологъ здѣсь ошибается: онъ смѣшиваетъ *теремъ церковный* съ теремомъ княжескимъ, отъ котораго переходы и сѣни сохранились въ Боголюбовѣ.

пеленами; устроилъ и два кивота многоцѣнныхъ, и многоцѣнную *индитью* (покровъ, одежду) на св. трапезу, и сосуды, и рипиды, и многое множество всякихъ другихъ украшеній; устроилъ и прекрасныя церковныя двери, которыя называются Золотыми, тѣ, что находятся въ южной сторонѣ храма; а въ особенности много внесъ въ св. церковь крестовъ честныхъ, много мощей святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ— въ заступленье и покровъ, и утвержденье граду Ростову".

(98) Лѣтописи кіевская и суздальская сохранили намъ одинаково много свѣдѣній объ обычаѣ— вѣшать въ храмахъ, на память о князьяхъ, княжескія одежды. Изъ этихъ свѣдѣній узнаемъ, что такія одежды княжескія были расшиты золотомъ и низаны (вѣроятно около ворота) жемчугомъ. При частыхъ пожарахъ и многихъ послѣдовательныхъ ограбленіяхъ нашей церковной святыни—одежды эти, конечно, не могли уцѣлѣть, и изъ числа ихъ дошло къ намъ только то, что сохранили намъ гробы, не вскрытые рукою грабителей, и немногіе клады, не уничтоженные гораздо болѣе безпощадною рукою невѣжества.

Вопросъ о княжескихъ одеждахъ владимірскихъ князей, поднятый нѣсколько времени тому назадъ въ нашей археологической литературѣ статьею В. В. Стасова о Владимірскомъ кладѣ (см. Извѣстія Археологическаго Общ., т. VI, стр. 124—133 и 142—151), заслуживаетъ того, чтобы поговорить по поводу его нѣсколько подробнѣе.

Еще съ прошлаго столѣтія въ кругу нашихъ археологовъ существуетъ нѣчто въ родѣ преданія или сказанія о томъ, что въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ хранятся древнія княжескія одежды. Щекатовъ въ своемъ Географическомъ Словарѣ Россійской Имперіи (7 томовъ. М. 1801), въ статьѣ о городѣ Владимірѣ-на-Клязьмѣ, описывая древности города, говоритъ между прочимъ объ Успенскомъ соборѣ: „Сверхъ сего еще примѣчанія достоинъ сей соборъ, что въ ономъ, въ верхней его палатѣ, хранятся и по днесь *древнія княжескія порфиры и всякія ихъ одежды, воинскіе желѣзные шишаки, латы, колчаны, луки, стрѣлы и церковная весьма богатая утварь*". (I, 900). Изъ этого можно, пожалуй, прійдти къ тому заключенію, что сохранилось отъ княжеской эпохи Владимірской множество предметовъ, принадлежащихъ XII и XIII вѣку—одежды, оружіе и утварь. Но на самомъ дѣлѣ оказывается нѣчто совсѣмъ иное. Богатства Успенскаго собора сводятся къ тому, что утвари, древнѣе XVI вѣка, въ немъ не имѣется никакой, изъ оружія знаемъ только объ одномъ шеломѣ и трехъ стрѣлахъ (скорѣе метательныхъ копьяхъ), приписываемыхъ Изяславу Андреевичу и потому лежащихъ на гробу его. Знаемъ также о древнихъ одеждахъ, преимущественно остаткахъ старинныхъ облаченій, хранящихся въ ризницѣ собора—и только. Одинъ изъ мѣстныхъ владимірскихъ археологовъ, правда, говоритъ, что въ ризничной палаткѣ (собора) на хорахъ въ числѣ драгоцѣнностей хранятся еще остатки *Великокняжескихъ одеждъ* (?), вынутыхъ изъ каменныхъ гробовъ *) вмѣстѣ съ нетлѣнными тѣлами Георгія, Андрея и Глѣба"... (См. Доброхотовъ, Пам. древности во Владимірѣ Клязеискомъ, М. 1849; стр. 69—70). Но этому извѣстію едва-ли можно придавать большое значеніе, особенно въ виду того, что извѣстный знатокъ владимірскихъ и суздальскихъ древностей К. М. Тихонравовъ, ни въ своемъ „Владимірскомъ сборникѣ", ни въ отдѣльныхъ монографіяхъ, ни въ тѣхъ подробныхъ замѣткахъ о древностяхъ Владиміро-Суздальскаго края, которыя онъ сообщилъ намъ—ни единымъ словомъ не упоминаетъ о *Великокняжескихъ одеждахъ* (!), хранящихся въ ризничной палаткѣ Успенскаго Владимірскаго собора... А между тѣмъ онъ упоминаетъ о каждомъ крестикѣ, о каждой надписи! Было-бы трудно себѣ представить, чтобы этотъ глубокій знатокъ, притомъ еще и постоянный житель Владиміра, не оцѣнилъ по достоинству такой драгоцѣнности, какъ „остатки Великокняжескихъ одеждъ". Очевидно, что К. Н. Тихонравовъ не придавалъ этимъ остаткамъ никакого значенія и древность ихъ, а тѣмъ болѣе принадлежность великимъ князьямъ владимірскимъ. считалъ болѣе, чѣмъ сомнительною.

Но вотъ въ 1865 г. учитель владимірской семинаріи, И. Е. Бѣляевъ, находитъ на своемъ огородѣ весьма замѣчательный кладъ, состоящій изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (серегъ, образ-

(*) Любопытно, что тотъ же археологъ, на предыдущей страницѣ своей книги разсказываетъ намъ объ исчезновеніи цѣлыхъ гробницъ и о такомъ неуваженіи къ памятникамъ древности во Владиміро-Суздальскомъ краѣ, которое положительно не даетъ возможности допустить, чтобы даже и лоскутки великокняжескихъ одеждъ могли уцѣлѣть въ мѣстныхъ ризницахъ до нашего времени.

ковъ, пуговокъ, крестиковъ), остатковъ древней одежды и украшеній одежды (цѣпочекъ, застежекъ, аграфовъ, позументовъ). Кладъ, при посредствѣ К. Н. Тихонравова, поступаетъ въ Археологическую Коммиссію и оттуда въ Эрмитажъ на храненіе. Любопытная и важная находка обращаетъ на себя вниманіе нашихъ археологовъ, и въ 1868 году, въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества, является упомянутая нами въ началѣ нашего примѣчанія статья В. В. Стасова *о Владимірскомъ кладѣ.*

Въ этой статьѣ почтенный ученый приходитъ, во 1-хъ, къ тому выводу, что всѣ предметы, вошедшіе въ составъ владимірскаго клада, принадлежатъ *„по всей вѣроятности, XII вѣку“*; во 2-хъ, что находящіеся въ кладѣ остатки одеждъ и украшеній отъ одеждъ—представляютъ собою *остатки одежды великокняжеской*; въ 3-хъ, что матеріи на этихъ остаткахъ одеждъ—византійскія, а металлическія вещи—въ большей своей части русскаго издѣлія.

Съ третьимъ выводомъ г. Стасова нельзя не согласиться; но, что касается двухъ первыхъ, то мы не считаемъ ихъ достаточно доказанными, и видимъ въ нихъ только смѣлые догадки талантливаго ученаго — никакъ не болѣе. Допустить ихъ въ археологическую науку, какъ неопровержимые факты—пока невозможно.

Въ томъ-же томѣ „Извѣстій Археол. Общества“ на стр. 243, помѣщена была небольшая замѣтка К. Н. Тихонравова, который, на выраженное г. Стасовымъ желаніе имѣть свѣдѣніе—не сохранились-ли гдѣ остатки одеждъ XII вѣка, сообщаетъ слѣдующее: „Въ ризницѣ Владимірскаго Успенскаго собора хранятся въ ящикѣ за стекломъ лоскутки великокняжескихъ одеждъ, снятыхъ при открытіи мощей св. благовѣрныхъ князей, почивающихъ въ соборѣ. Цвѣтъ шелковой матеріи отъ времени потемнѣлъ; по ней вытканы разные узоры и травы, между ними стоящіе львы, обращенные одинъ къ другому, совершенно сходны съ изваянными изображеніями львовъ на наружныхъ стѣнахъ Дмитровскаго собора. Одежда эта была на вел. князѣ Андреѣ Боголюбскомъ и снята, по ветхости, при положеніи тѣла его въ открытую раку“.

Давая этотъ отвѣтъ на запросъ г. Стасова, осторожный археологъ, очевидно, передалъ только сложившееся объ этихъ остаткахъ одежды преданіе, которое можно и въ настоящее время услышать во Владимірѣ, но которое однако же не имѣетъ никакой прочной научной основы ни въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ археологическихъ трудовъ ни единымъ словомъ не промолвился *о великокняжескихъ одеждахъ*, хранящихся во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

Мы сочли своимъ долгомъ распространиться нѣсколько болѣе по вопросу о великокняжескихъ одеждахъ, дабы показать, въ какой степени осторожно слѣдуетъ относиться къ очень многимъ фактамъ исторіи нашего костюма, правда, весьма любопытнымъ, но еще далеко не провѣреннымъ археологическою критикою. Въ необходимости такой провѣрки насъ еще больше убѣдили тѣ страницы новой книги Д. И. Иловайскаго, которыя онъ посвящаетъ описанію древне-русскаго орнамента. наряда и украшеній одежды (см. „Исторія Россіи“. II, Владимірскій періодъ, М. 1880. Стр. 319—322 и примѣчаніе 43).

(99) Такъ, по поводу пожара, бывшаго въ Ростовѣ, въ 1211 г., лѣтописецъ суздальскій упоминаетъ о *„вощаницѣ съ виномъ, которая*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежала прежде бывшему епископу Ростовскому Леону (т. е. Леонтію). Упоминаніе это сдѣлано по поводу чудеснаго избавнія этой вощаницы вмѣстѣ съ иконой св. Мученика Ѳеодора Тирона отъ огня.

(100) Графъ М. Толстой, въ своихъ „Путевыхъ письмахъ изъ древне-суздальской области. М. 1869, на стр. 25, даетъ обстоятельное описаніе внѣшности этой иконы.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Рисунокъ 1.

Заимствованъ изъ „Обозрѣнія Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изданнаго по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ 1847 4°, 111 страницъ и 62 таблицы плановъ, фасадовъ и рисунковъ гравированныхъ въ Парижѣ". Текстъ, довольно тщательно составленный, написанъ г. Журавскимъ.

Церковь Рождества построена была въ 1635 году Петромъ Могилою изъ развалинъ Десятинной, „отъ которой оставался только юго-западный ея уголъ или одинъ предѣлъ. П. Могила, очистивъ этотъ предѣлъ отъ развалинъ, пристроилъ къ нему алтарную сторону и учредилъ въ немъ небольшую церковь". Церковь эта, подновленная въ прошломъ вѣкѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія стала опять разрушаться и обращаться въ развалины. Въ числѣ особенностей внѣшности древней Десятинной церкви слѣдуетъ упомянуть объ остаткѣ какой-то греческой надписи, которая нѣкогда шла кругомъ стѣнъ церкви, но уцѣлѣла только въ обломкахъ. Обломки эти, при перестройкѣ церкви П. Могилою, оказались вмазанными въ южную стѣну церкви. Разобрать значеніе надписи по обломкамъ ея было невозможно. Подробности о Десятинной церкви и о древностяхъ, отрытыхъ изъ ея фундамента, см. въ книгѣ Закревскаго, „Опис. Кіева", стр. 285—290.

Рисунокъ 2.

Изъ „Галлереи Кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей. 1857. Изданіе Н. Сементовскаго и А. Гаммершмида. Кіевъ".

См. тамъ таблицу VI, подъ которой поставлена слѣдующая подпись: „Остатокъ юго-западной стѣны Десятинной Церкви, созданной в. к. Владиміромъ, *снятый съ натуры въ сентябрѣ 1826 года*". Г. Сементовскій не указываетъ, къ сожалѣнію, ни—кѣмъ именно, ни—при какихъ обстоятельствахъ снятъ былъ предложенный имъ видъ замѣчательныхъ развалинъ. Это дало поводъ Закревскому назвать этотъ видъ развалинъ „какой-то фантазіей" (Опис. Кіева; II, 291), причемъ онъ однакоже не приводитъ никакого основанія для своихъ сомнѣній.

Рисунокъ 3.

Изъ книги Фундуклея „Обозрѣніе Кіева", таблица 22. Заимствуемъ оттуда и слѣдующія подробности: „По донесеніи кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева въ 1743 г., что столпы, поставленные внутри Золотыхъ воротъ, съ перекладинами и досками, погнили и пошатались, а своды и стѣны самыхъ воротъ грозятъ паденіемъ, указомъ правительствующаго сената было предписано: Золотые ворота, для сохраненія и вида древности, засыпать землею, какъ внутри, такъ и по сторонамъ, и оставить въ валу; и вмѣсто ихъ устроить другія каменныя ворота. Зарытыя по этому случаю въ концѣ 1750 г., а не при

Минихѣ, Золотыя ворота отрыты въ 1832 г. Между стѣнами ихъ (по распоряженію Кіевскаго комитета сохраненія древностей, бывшаго при университетѣ Св. Владиміра) утверждены двѣ желѣзныя полосы и придѣланы кирпичные контрфорсы снаружи.

Рисунокъ 4.

Съ фотографіи г. Настюкова, изданной въ его большомъ историческомъ альбомѣ видовъ и памятниковъ Россіи.

Рисунокъ 5.

Съ оригинальнаго акварельнаго рисунка академика Солнцева, составляющую нашу собственность. Рисунокъ этотъ былъ предпочтенъ потому, что колокольня собора изображена на немъ еще въ прежнемъ своемъ видѣ, не надстроенною, какою была она до 1851 г. Эти размѣры колокольни, у которой съ тѣхъ поръ успѣли надстроить еще одинъ ярусъ—были удобнѣе для нашей гравюры, потому что давали намъ возможность представить самое зданіе собора въ бо̀льшемъ видѣ.

Отмѣтимъ кстати одну подробность, которую нетрудно замѣтить на нашемъ рисункѣ: два окна по бокамъ восточнаго фасада собора принадлежатъ очевидно позднѣйшей эпохѣ, судя по формѣ ихъ, неимѣющей ничего общаго съ окнами собора, а также и по наружнымъ украшеніямъ, напоминающимъ окна московскихъ церквей XVII вѣка.

Рисунокъ 6.

Изъ книги Фундуклея „Обозрѣніе Кіева" и т. д., табл. 31.

Рисунокъ 7.

Заимствованъ изъ „Древностей Россійскаго Государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Спб. 1871. Вып. 1 и вып. 2 и 3 (вмѣстѣ изданные). См. въ этомъ изданіи таблицу 53 (въ вып. 2 и 3), и на ней рис. 11.

Это превосходное изданіе, предпринятое Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, какъ продолженіе „Древностей Россійскаго Государства", изданныхъ въ царствованіе Императора Николая I, поручено было Обществомъ особой коммиссіи членовъ, которыя избрали изъ среды своей академика Ѳ. Г. Солнцева, уже сослужившаго великую службу русской археологіи, и академика И. И. Срезневскаго, для провѣрки рисунковъ и плановъ собора на мѣстѣ. Лѣтомъ 1867 г., И. И. Срезневскій и Ѳ. Г. Солнцевъ отправились въ Кіевъ. „Плодомъ этой поѣздки были привезенныя ими прориси на сквозной бумагѣ всѣхъ замѣчательныхъ изображеній мозаикъ и фресокъ Кіевскаго Софійскаго собора, и, кромѣ того, нѣсколько изображеній, снятыхъ фотографіею. Прориси эти, на которыя нанесены всѣ важныя черты изображеній съ такою подробностью, что на нихъ недостаетъ только красокъ и тѣней, уменьшены посредствомъ фотографіи въ размѣръ, нужный для предпринятаго изданія. Съ этихъ уменьшенныхъ фотографій сдѣланы рисунки". Въ концѣ предисловія къ 1 вып., изъ котораго мы извлекаемъ эти подробности, добавлено, что: „Описаніе древностей Кіевскаго Софійскаго собора, долженствующее служить объяснительнымъ текстомъ, будетъ издано немедленно по составленіи его И. И. Срезневскимъ". Этотъ текстъ впослѣдствіи составленъ не былъ.

Содержаніе рисунка 7, помѣщеннаго на стр. 48 нашей книги—весьма любопытно. На немъ, въ двухъ отдѣленіяхъ, помѣщены: въ одномъ, меньшемъ, — человѣкъ, поддерживающій на спинѣ своей шестъ, по которому лѣзетъ вверхъ мальчикъ; въ другомъ — большемъ, изображены шесть музыкантовъ и три плясуна. У музыкантовъ видимъ въ рукахъ сопѣль (флейту), трубы, струнный инструментъ въ родѣ гитары, тарелки и гусли. Г. Закревскій кромѣ этихъ инструментовъ видитъ на той-же фрескѣ *арфу* (?) и *сурмы* (?) (см. Опис. Кіева, II, стр. 815); но мы ихъ не видимъ въ рукахъ музыкантовъ.

Фреска эта, въ числѣ многихъ другихъ, находится на юго-западной лѣстницѣ собора. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію то, что и эта, и всѣ остальныя фрески Кіево-Софійскаго собора, находящіяся въ этомъ углу храма — неодновременны съ построеніемъ собора. Едва-ли даже всѣ эти фрески были написаны въ одно время? Ни въ сюжетахъ ихъ, ни въ исполненіи незамѣтно никакого единства, никакой общей идеи. Но это конечно не мѣшаетъ тому, что многія изъ этихъ фресокъ могли быть написаны по весьма древнимъ образцамъ или сохранить въ себѣ черты весьма древняго быта, относящіяся можетъ быть даже къ концу XII или началу XIII вѣка.

Рисунокъ 8.

Изъ „Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. По порученію и на иждивеніе Имп. Археологическаго Общества издалъ И. И. Срезневскій. Спб. 1860". 4°.

Текстъ этого прекраснаго изданія напечатанъ факъ-симиле, литографическимъ способомъ, по пергаменному списку XIV вѣка, входящему въ составъ извѣстнаго Сильвестровскаго сборника синодальной библіотеки. Нѣкоторыя (двѣ) изъ многихъ любопытныхъ и важныхъ миніатюръ этого сборника переданы въ изданіи Арх. Общества хромолитографіями; всѣ остальныя прорисью (чертами), Въ такомъ видѣ три изъ этихъ миніатюръ помѣщены и въ нашемъ изданіи (см. страницы 51, 71 и 73); четвертая, хромолитографически переданная въ изданіи Археологическаго Общества, передана и въ нашей книгѣ съ буквальною точностью—тонами.

Рис. 8, помѣщенный нами на стр. 51, находится въ изданіи Археологическаго Общества на стр. 79 (внизу). Издатель не даромъ замѣчаетъ въ началѣ книги Сильвестровскаго сборника, что рукопись, печатаемая Обществомъ, „любопытна, какъ остатокъ письма и рисовки первой половины XIV вѣка, письма нетщательнаго, рисовки грубой, но письма и рисовки такихъ лицъ, которыя передавали древній изводъ безъ нарочныхъ измѣненій и подновленій".

Слѣды „древняго извода" видны и въ рисункахъ рукописи, передающихъ черты быта, очевидно, весьма древнія и которыхъ, конечно, списатель рукописи не могъ болѣе наблюдать въ XIV вѣкѣ. Къ числу такихъ чертъ на предлагаемомъ нами рисункѣ 8 слѣдуетъ отнести, конечно, то, что погребаемый князь Борисъ изображенъ *въ клобукѣ* (въ шапкѣ съ мѣховою оторочкою), и то, что его *несутъ на саняхъ*. Лѣтопись полна указаніями на то, что покойниковъ обыкновенно *клали на сани* или гробъ ихъ *ставили на сани*. Нерѣдко случалось, что сани *носили и на плечахъ*, въ особенности когда похороны происходили въ лѣтнюю пору. Клобукъ на головѣ покойника-князя могъ оставаться на томъ основаніи, что князья въ *клобукахъ стояли и въ церкви*.

Рисунокъ 9 (по ошибкѣ обозначенъ 8, на стр. 53).

Представляетъ собою драгоцѣннѣйшій памятникъ искусства XI вѣка. Самый рисунокъ, изображающій великаго князя кіевскаго Святослава Ярославича и его семейство, служилъ прежде заглавнымъ листомъ харатейнаго Изборника, списаннаго въ 1073 г., по повелѣнію князя Святослава, діакомъ Іоанномъ. Въ 1817 г. онъ былъ найденъ въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ К. Калайдовичемъ. Въ настоящее время, драгоцѣнный памятникъ этотъ хранится въ Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ, а заглавный листъ его, съ изображеніемъ семейства князя Святослава, отдѣльно отъ рукописи, хранится въ Московской Оружейной палатѣ.

Рисунокъ, помѣщенный на этомъ заглавномъ листѣ, написанъ красками на тонкомъ бѣломъ пергаменѣ, часть котораго съ лѣвой стороны оторвана и подклеена также пергаменомъ.

Нашъ рисунокъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ превосходнаго снимка, работы академика Ѳ. Г. Солнцева, помѣщеннаго въ „Древностяхъ Россійскаго Государства, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію", отдѣлъ IV, рис. 2. Этотъ снимокъ, фотографически уменьшенный вдвое, былъ прямо снятъ на дерево въ Парижѣ, безъ посредства перерисовки, и, слѣдовательно, исполненъ съ математическою вѣрностью оригиналу.

Рисунокъ 10.

Изъ вышепомянутаго изданія Археологическаго Общества, подъ заглавіемъ „Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка". Тамъ онъ помѣщенъ на особомъ листѣ, противъ стр. 56. Подробности рисунка любопытны. Князь Владиміръ, въ клобукѣ со свѣтлымъ верхомъ, въ черно. исподи и красномъ плащѣ или корзнѣ, сидитъ на княжескомъ *столѣ*. Рука его, съ приподнятымъ указательнымъ пальцемъ, обращена въ направленіи къ Борису, котораго (какъ видно изъ подписи) онъ посылаетъ противъ Печенѣговъ. Борисъ, въ клобукѣ съ краснымъ верхомъ, въ красномъ корзнѣ и темной исподи, держитъ копье въ лѣвой рукѣ, а правую протягиваетъ по направленію къ отцу, очевидно, сопровождая этимъ жестомъ свои слова. Позади князя стоитъ толпою дружина въ полномъ вооруженіи, въ островерхихъ шеломахъ, съ кольчужными бармицами (сѣтками), спускающимися отъ шеломовъ на плечи, въ чешуйчатыхъ доспѣхахъ, съ копьемъ въ оди   *еныиъ* щитомъ въ другой. На князь-

яхъ и на дружинѣ — черные, высокіе сапоги; изъ-подъ доспѣха дружины видѣнъ край цвѣтной (красноватой) одежды; исподь, надѣтая на князьяхъ, обшита по подолу широкою цвѣтною каймою.

Такъ какъ князья Владиміръ и Борисъ, въ эпоху написанія рукописи, были уже причислены къ лику святыхъ, то главы ихъ окружены золотымъ круговымъ сіяніемъ.

Рисунокъ 11.

Заимствованъ изъ того же изданія: „Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ", на стр. 128.

Рисунокъ 12.

Заимствованъ изъ того же изданія, со стр. 125. Рисунокъ любопытенъ по своимъ подробностямъ. Князь въ клобукѣ и въ исподи безъ корзна сидитъ среди духовенства, приглашеннаго имъ на обѣдъ. Митрополитъ посаженъ по правую руку князя. Столъ покрытъ скатертью, спускающеюся до полу. На столѣ стоитъ большая, глубокая чашка (вѣроятно замѣняющая блюдо, какъ и теперь видимъ въ народѣ), около нея, на-лѣво, ковшъ плоскій, съ изогнутой ручкой, небольшой жбанъ и небольшая *ендовка* (кувшинчикъ съ носкомъ) на подставѣ. Направо отъ чашки — турій рогъ на ножкахъ и большой стаканъ. Въ рукѣ у князя—нѣчто въ родѣ чаши; въ рукахъ двухъ собесѣдниковъ—стаканы.

Рисунокъ 13.

По фотографіи съ извѣстнаго рисунка академика Ѳ. Г. Солнцева. Помѣщенъ здѣсь только для того, чтобы дать понятіе о кіевскихъ пещерахъ и размѣщеніи въ нихъ мощей св. угодниковъ.

Рисунокъ 14.

Изъ вышепомянутаго изданія Имп. Археологическаго Общества, подъ заглавіемъ *Древности Россійскаго Государства. Кіевскій Софійскій Соборъ. Вып. 1, Спб. 1871 г.* См. тамъ табл. 3. Прежде, чѣмъ скажемъ что-либо о кіевскихъ мозаикахъ, замѣтимъ, что „всѣ древнія мозаическія изображенія, сохранившіяся въ Св. Софіи до нашего времени, сдѣланы на золотомъ фонѣ, какъ и всѣ фрески—на голубомъ. Мозаика или мусія въ Св. Софіи состоитъ изъ небольшихъ кубиковъ различной величины (отъ $^1/_8$ до $^1/_3$ вершка) и большею частью нѣсколько продолговатаго вида, а многіе и совершенно неправильной формы. Кубики эти состоятъ изъ стекловидной массы различныхъ цвѣтовъ (иные бѣлые прозрачные, другіе совсѣмъ тусклые), которая была разбиваема на части ручнымъ способомъ, при чемъ фигура камешковъ зависѣла отъ случайности удара. Для составленія золотаго фона употребляли кубики изъ прозрачнаго, довольно чистаго стекла, верхнюю сторону котораго покрывали золотомъ, а поверхъ золота еще стеклянной эмалью или глазурью. Многіе цвѣтные кубики выдѣлывались изъ разныхъ металлическихъ композицій, изъ простой поливы или изъ натуральныхъ камней того или другого цвѣта. Такъ, напримѣръ, въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, для составленія мозаическаго бордюра, употреблены кусочки краснаго шифера".

Не говоря уже о значеніи этой иконы, какъ одного изъ древнѣйшихъ образцовъ мозаическаго искусства въ Европѣ, мы не можемъ не обратить вниманія читателя на колоссальный размѣръ этого замѣчательнаго памятника, который имѣетъ въ высоту *семь аршинъ!*

Кстати замѣтимъ, что археологическія описанія этой иконы далеко не всюду отличались точностью. Такъ, напр., мы съ крайнимъ изумленіемъ видимъ, что у митрополита Евгенія, на 42 стр. его „Описанія Кіево-Софійскаго Собора (Кіевъ, 1825 г. 4°)", въ описаніи этой иконы встрѣчаются напр. такія неточности: „Божія Матерь изображена стоящею на *четвероугольномъ камнѣ* (?)..." за поясомъ (у нея) заткнутъ *утиральникъ* (?)..." „глава и рамена покрыты *золотою* фелонью". Очевидно, что все это писано на память, а не съ памятника.

Рисунокъ 15 и 16.

Изъ того же изданія „Древности Россійскаго Государства, Кіевскій Софійскій Соборъ", вып. 2 и 3. См. тамъ табл. 17 и 18.

Для того, чтобы получить полное понятіе объ этомъ величавомъ мозаическомъ изображеніи Тайной Вечери, необходимо представить себѣ наши рисунки 15 и 16 составленными вмѣстѣ такъ, чтобы правая сторона 15 рисунка сошлась съ лѣвою стороною 16-го рисунка. Высота этой мозаики, простирающейся (подъ иконою Божьей Матери Нерушимой Стѣны) отъ одного угла уступа алтарной ниши до другого, равняется 5 аршинамъ, а ширина—33 аршинамъ!

Отмѣтимъ любопытную особенность описаній этого важнаго изображенія, указывающую на то, какъ необходимо быть осторожнымъ и точнымъ при археологичеескихъ описаніяхъ. Такъ напр. мы видимъ, что митрополитъ Евгеній въ своемъ „Описаніи Кіево-Софійскаго Собора", на стр. 42—44, описывая трапезу. показываетъ *по правую* сторону креста тѣ предметы, которыя видимъ на мозаикѣ *по лѣвую* (напр. дискосъ), а возлѣ стоящей звѣзды видитъ „ножъ вмѣсто копія, *съ золотою рукоятью* (?)" Трудно даже сказать, что именно онъ называетъ на трапезѣ (по правую сторону отъ звѣзды) *ножомъ*, и что—рукоятью *ножа*? Въ сущности, мы видимъ на трапезѣ только треугольное копьецо, повыше и по-. правѣе звѣзды, и какой то ромбоидальный, золотистый съ разводами предметъ, пониже копьеца, около самого древка рипиды. Г. Закревскій, поправляя въ своемъ описаніи кіево-софійскихъ мозаикъ промахи митрополита Евгенія, говоритъ: „Преосв. Евгеній и г. Крыжановскій пишутъ, что дискосъ изображенъ съ раздробленнымъ на немъ Святымъ Хлѣбомъ; но въ рисункѣ (?) *на дискосѣ ничего не видно*". (Описаніе Кіева, II, стр. 792). А между тѣмъ на дискосѣ, стоящемъ на мозаикѣ на лѣвой сторонѣ трапезы, совершенно ясно и отчетливо показаны частицы раздробленнаго Тѣла Христова. Любопытно, что, опуская изъ виду такія важныя подробности въ изображеніи Тайной Вечери, г. Закревскій все же находитъ возможнымъ сказать, на той же страницѣ: „Мы не дополняемъ своимъ воображеніемъ подобно г. Крыжановскому; но описываемъ *такъ, какъ есть*".

Рисунокъ 17.

Изъ того же изданія „Древности Россійскаго Государства, Кіевскій Софійскій Соборъ", вып. 2 и 3-й, табл. 7, рис 27.

По поводу мозаическаго изображенія Благовѣщенія, г. Закревскій справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ: „Икона Благовѣщенія Пресв. Богородицы, изображенная на двухъ отдѣльныхъ подпорахъ главнаго Софійскаго купола, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того обстоятельства, что въ древности иконостасы въ православныхъ церквахъ не воздвигались столь высокими, какъ это начали дѣлать отъ начала XV вѣка". (Опис. Кіева, II, стр. 797).

Рисунокъ 18.

Изъ Атласа, приложеннаго къ „Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда" (въ Кіевѣ, 1878 г.). См. тамъ таблицу IV, на которой изображенъ „Въѣздъ въ Кіевъ гетмана Радзивила (происходившій въ 1651 г. 4-го августа) съ видомъ Софійскаго собора"—съ старинной гравюры. Снимокъ, помѣщенный въ „Трудахъ", представляетъ собою очень плохую фотолитографію, почему мы и должны были удовольствоваться контурнымъ рисункомъ, въ область котораго вошло только зданіе собора, безъ окружавшихъ его въ XVII в. зданій и пристроекъ.

Рисунокъ 19.

Изъ книги Фундуклея „Обозрѣніе Кіева", табл. 7.

Представленныя на нашемъ рис. остатки гробницъ отрыты изъ основаній Десятинной церкви въ то время, когда въ 1824 году митрополитъ Евгеній рѣшился подвергнуть изслѣдованію древній фундаментъ храма. Между многими древностями въ развалинахъ Десятинной церкви „найдена была мраморная, разбитая на три части доска, принадлежавшая къ составу древней гробницы, въ которой найдены перстень и крестикъ, и двѣ цѣлыя шиферныя гробницы, находившіяся внутри церкви. Плиты гробницы, стоявшей возлѣ алтаря, были плоскія; а на плитахъ другой гробницы нарѣзаны изображенія крестовъ и деревьевъ, подобныя тѣмъ, какія находятся на гробницѣ Ярославовой. Подобныя же изображенія были и на мраморной разбитой доскѣ".

Рисунокъ 20.

Нашъ рисунокъ сдѣланъ по превосходному рисунку В. Ѳ. Тимма, помѣщенному въ числѣ прочихъ кіевскихъ видовъ въ „Художественномъ Листкѣ" за 1858 г. Снимки рельефныхъ изображеній гробницы Ярославовой, заимствованныя нами изъ книги Фундуклея (Обозр. Кіева въ отношеніи къ древностямъ, 847), и уже награвированныя для нашего изданія, возбудили въ насъ сомнѣніе нѣкоторыми своими подробностями, которыхъ мы никакъ не могли провѣрить, и мы отложили гравюру въ сторону до будущаго изданія.

Митр[illegible]лаетъ, по отношенію къ этой гробницѣ Ярославовой, слѣдующее важное

замѣчаніе (Опис. К. Соф. собора, стр. 55); „по окрошившимся краямъ мраморныхъ камней, изъ коихъ составленъ надгробный памятникъ Ярослава, и по недревней между камнями известковой замазкѣ, можно заключить, что онъ когда-нибудь былъ взломанъ и вновь составленъ и можетъ быть на нынѣшнее мѣсто перенесенъ".

Рисунокъ 21 и 22.

Исполнены по превосходнымъ фотографіямъ кіевскихъ видовъ работы Мезера (Fr. de Mezer). Помѣщеніе подобныхъ видовъ мѣстности по отношенію къ изученію нашихъ древнихъ городовъ мы считаемъ дѣломъ первой важности. Наши рисунки хотя до нѣкоторой степени даютъ понятіе о кіевскихъ удольяхъ и о степи, на краю которой стоялъ древній Кіевъ. Мы желали бы дать еще пять-шесть такихъ-же, наиболѣе характерныхъ видовъ Кіевѣ, но средства изданія не дозволили намъ этого сдѣлать въ настоящее время.

Рисунокъ 23.

Изъ Атласа къ „Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ", табл. XXV, рис. 3, 8, 22 и 26.

Рисунокъ 24.

Изъ того-же „Атласа", таблица XXVIII, рис. 48 и 49.

Рисунокъ 25.

Изъ того-же „Атласа", табл. XXXI, рис. 70, 8, 33, 9, 35, 15, таб. XXVIII, 39, 43, 41, 38 42, 40, 26, 19, табл. XXXIV, рис. 1.

Рисунокъ 26.

Изъ того-же "Атласа"; см. тамъ таблица XXIX, съ которой заимствованы рис. 7 (нашъ № 3), 8 (нашъ № 6), 9 (нашъ № 4) 10 (нашъ № 2)—и табл. XXX, съ которой взятъ рис. 4 (нашъ № 5) и 23 (нашъ № 1).

Рисунокъ 27 и 28.

Исполнены по фотографическимъ снимкамъ, входящимъ въ составъ альбома видовъ, городовъ и древностей Россіи", изданнаго московскимъ фотографомъ М. П. Настюковымъ.

Рисунокъ 29.

Исполненъ по прекрасному снимку владимірскаго фотографа Кукушкина. Желающихъ ближе ознакомиться съ подробностями замѣчательнаго памятника отсылаемъ къ Атласу „Трудовъ перваго Археолог. съѣзда"; тамъ, на табл. XXIV, помѣщены фасадъ, профиль (разрѣзъ) и планъ Золотыхъ воротъ владимірскихъ.

Рисунокъ 30.

Заимствованъ изъ книги—„Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями." Соч. *В. Доброхотова*, редактора „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". М. 1852. См. тамъ рис. 1.

Боголюбовъ монастырь изображенъ на этомъ рисункѣ съ южной стороны. Остатки терема князя Андрея Юрьевича загорожены съ этой стороны зданіемъ древней Рождественской церкви (въ правомъ отъ зрителя углу монастыря). Островерхая колокольня, виднѣющаяся немного лѣвѣе изъ-за главы Рождественской церкви, надстроена какъ разъ надъ сѣнями бывшаго княжагo терема.

Боголюбовъ монастырь отстоитъ отъ Владиміра на $10^1/_2$ верстъ, по дорогѣ къ Нижнему. Въ настоящее время это единственный остатокъ бывшаго города Боголюбова, резиденціи кн. Андрея.

Рисунокъ 31.

Заимствованъ изъ той-же книги Доброхотова (рис. 2-й). Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ видъ „остатка палатъ кн. Андрея Боголюбскаго", въ настоящее время представляетъ собою изображеніе зданія въ томъ видѣ, въ какомъ оно могло существовать *нѣкогда*, до надстройки надъ нимъ колокольни, которая, очевидно воздвигнута была гораздо позже XIII вѣка (*). Это ясно уже изъ того, что для входа на эту колокольню пробита вся средина древняго свода палатныхъ сѣней.

(*) Время построенія колокольни въ точности неизвѣстно; свѣдѣнія о ней восходятъ до конца XVII ст.

При нашемъ описаніи палатъ князя Андрея мы постоянно имѣли въ виду фотографическіе снимки зданія, снятые съ разныхъ сторонъ М. П. Настюковымъ.

Рисунокъ 32.

Также по рисунку, заимствованному изъ книги Доброхотова (см. тамъ же рис. 3).

Рисунокъ 33.

Изъ „Древностей Россійскаго Государства, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію", отдѣлъ III М. 1853. См. тамъ таблицу 4.

Приводимъ подробности о шеломѣ заимствованныя нами изъ текста, прибавленнаго къ превосходнымъ рисункамъ академика Ѳ. Г. Солнцева:

„Шлемъ найденъ, въ 1808 г., вмѣстѣ съ кольчугою во Владимірской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Юрьева-Польскаго, въ лѣсу, подъ пнемъ дерева. По формѣ своей, по съѣденному ржавчиной желѣзу и по истлѣвшей кольчугѣ, его должно было отнести къ давнимъ временамъ. Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ I повелѣлъ бывшему въ то время президенту Академіи Художествъ Оленину изслѣдовать: кому бы могъ принадлежать этотъ древній шлемъ? Г. Оленинъ, соображая мѣстность, гдѣ найденъ оный, съ историческими преданіями о битвахъ, объяснилъ... соображая надпись вокругъ гербоваго изображенія Архангела Михаила (на шлемѣ) съ событіемъ 1216 г. (т. е. съ Липицкой битвой), что шлемъ принадлежалъ князю Ярославу (въ св. крещеніи Ѳеодору) Всеволодовичу, сыну Всеволода Юрьевича".

По отношенію къ внѣшности шелома, текстъ „Древностей Государства Россійскаго" даетъ намъ слѣдующія подробности:

„Этотъ желѣзный шлемъ обложенъ чеканными серебряными золочеными бляхами, на которыхъ спереди изображенъ Архангелъ Михаилъ со скипетромъ (посохомъ) и державой въ рукахъ; вокругъ него (т. е. изображенія Архангела) надпись изъ черни: *Великыи архистратиже Господень Михаиле помози рабу своему Ѳеодору*". На подвершьѣ шишака лики: Спасителя—съ подписью: *Іс. Хр.*, *Агі* (агіос) *Ѳеодоръ*; *Аги Геωргі*; *Агі Василі*. По вѣнцу на продольной бляхѣ въ фигурахъ изображены орлы, соколы и крылатые звѣри"...

Любопытно, что текстъ „Древностей Государства Россійскаго" не обращаетъ вниманія читателя на двѣ важныя подробности Ярославова шелома. 1) на кольчужную сѣть или *бармицу*, опускавшуюся отъ краевъ шелома на шею и плечи, для защиты этихъ частей отъ ударовъ; и 2) на желѣзную *личину*, которая въ такой же степени служила для защиты лица.

Рисунокъ 34.

Изъ Атласа приложеннаго къ „Трудамъ" перваго Археологич. съѣзда. Таблица XIII.

Кстати, отмѣтимъ здѣсь и размѣры Покровской церкви, какъ ихъ приводитъ Доброхотовъ въ своей книгѣ: —„длина храма отъ западной двери до углубленія горняго мѣста $16^1/_2$ аршинъ, ширина $11^1/_2$ арш., высота до купола фонаря 10 саженъ и 2 арш.; толщина стѣнъ — $1^3/_4$ арш. Стѣны облицованы бѣлымъ известковымъ камнемъ, отъ 8 — 9 вершковъ въ діаметрѣ, тесаннымъ квадратно, а внутри облицовки находятъ булыжникъ и дикій камень, залитые известковымъ растворомъ (стр. 73)". Вышина западнаго входа отъ нынѣшняго пола до верха нижней поддуги $4^1/_2$ аршина и 4 вершка.

Рисунокъ 35.

Изображеніе церкви Покрова-на-Нерли выполнено по фотографіи, снятой Настюковымъ. Не совсѣмъ удачный рисунокъ этой церкви помѣщенъ въ книгѣ Доброхотова (снятой съ сѣверной стороны). Архитектурные чертежи церкви Покрова на Нерли (планъ фасадъ и украшенія можно видѣть въ изданіи Рихтера „Памятники древняго Русскаго зодчества", табл. III и IV; а также и въ Атласѣ къ I т. „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ". Въ меньшемъ размѣрѣ въ изданіи графа С. Г. Строганова „Димитріевскій соборъ"; см. тамъ табл. XXI (на ней планъ, фасадъ, профиль, разрѣзъ).

Въ драгоцѣнныхъ замѣткахъ, сообщенныхъ намъ покойнымъ К. Н. Тихонравовымъ находимъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о Покровской-на-Нерли церкви: „Въ куполѣ храма *были* древнія фрески, въ нынѣшнемъ 1877 г. уничтоженныя; открылъ ихъ и сдѣлалъ снимки академикъ Ѳ. Г. Сол

на нихъ изображены были апостолы". Мы слышали, что въ прошломъ году, этотъ драгоцѣнный памятникъ XII вѣка подвергся новымъ искаженіямъ...

Рисунокъ 36.

По фотографіи, снятой Настюковымъ. Мы, изъ нѣсколькихъ снимковъ, избрали для нашего рисунка именно этотъ, на которомъ соборъ Успенскій снятъ съ восточной стороны, какъ съ такой, которая менѣе всего пострадала отъ позднѣйшихъ пристроекъ и придѣлокъ. Если читатель, взглянувъ на нашъ рисунокъ собора, мысленно откинетъ боковыя пристройки соборнаго корпуса, ясно выступающія за контръ-форсами, и при этомъ представитъ себѣ соборъ одноглавымъ, то онъ получитъ совершенно ясное представленіе о томъ видѣ, какой соборъ могъ имѣть при князѣ Андреѣ, до перестроекъ Всеволода.

Помѣщаемый нами рисунокъ имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что до сихъ поръ у насъ еще вовсе не являлись въ печати изображенія этого замѣчательнаго памятника. Намъ извѣстны только архитектурные чертежи этого храма въ Атласѣ къ 1 т. „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда", табл. XVIII и XIX и фотолитографическое (въ очень маломъ видѣ) изображеніе западнаго фасада Успенскаго собора, помѣщенное въ изданіи графа С. Г. Строгонова „Русское Искусство Е. Віоле ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи отъ X—XIII вѣка". Спб. 1878. 4°. См. таб IV. Но послѣднее изображеніе не даетъ никакого понятія о Владимірскомъ соборѣ, а первое страдаетъ многими неточностями и промахами. Вотъ что пишетъ о немъ К. Н. Тихонравовъ въ находящихся у насъ его замѣткахъ о владимірскихъ древностяхъ:

„Въ планѣ (трудовъ Археологич. съѣзда въ Москвѣ) есть неточности; напр., княжескія гробницы, кромѣ гробовъ кн. Мстислава Андреевича и Константина Всеволодовича (*), должны быть показаны въ стѣнахъ, въ впадинахъ (нишахъ). На разрѣзѣ въ пятахъ сводовъ у столповъ нѣтъ изображеній лежащихъ львовъ, высѣченныхъ изъ камня, какъ въ Покровской церкви на Нерли и въ Дмитровскомъ соборѣ, гдѣ они высѣчены, конечно, по образцу собора Успенскаго. На западной стѣнѣ показаны только одни входныя двери, а ихъ трое, и у однихъ—съ лѣвой стороны—уцѣлѣли рѣзные по дугѣ узоры, а съ правой стороны двери хотя и задѣланы контрфорсомъ, но извнутри храма закладка ихъ замѣтна".

Рисунокъ 37.

Исполненъ по фотографіи Настюкова. Также впервые является въ нашемъ изданіи; изображеній его до настоящаго времени въ печати не было; по крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ только одинъ фотолитографическій снимокъ (очень малаго размѣра), въ вышеупомянутомъ нами изданіи графа Строгонова „Русское искусство", табл. VIII. исполненное также по фотографіи Настюкова. К. Н. Тихонравовъ сообщаетъ объ этомъ соборѣ слѣдующее: „Суздальскій соборъ, построенный въ 1221 г., вмѣсто прежняго Мономаховскаго, почти весь сохранился въ первоначальномъ видѣ донынѣ; только верхъ его упалъ въ 1445 г. и вскорѣ былъ возобновленъ; южныя двери, поясъ съ рѣзными украшеніями,—сохранились въ томъ видѣ, какъ были построены при Георгіѣ Всеволодовичѣ".

Прибавимъ къ этому, что помѣщаемое нами изображеніе Суздальскаго собора, особенно важно по сравненію съ изображеніемъ собора Успенскаго во Владимірѣ, который, какъ извѣстно, послужилъ образцомъ Суздальскому собору: послѣдній былъ вторымъ пятиглавымъ храмомъ во Владиміро-Суздальскомъ краѣ, и послужилъ въ значительной степени къ распространенію этого типа церквей на русскомъ Сѣверѣ.

Обратимъ вниманіе читателей на то, что и въ Суздальскомъ соборѣ, какъ въ соборѣ Успенскомъ, крыша была прежде не такою, какъ теперь видимъ ее на этихъ соборахъ. Верхи стѣнъ обоихъ соборовъ заканчивались округлыми комарами, какъ мы и теперь еще видимъ въ церкви Покровской на Нерли и у Дмитровскаго собора. Но позднѣе, промежутки между *комарами* были заложены кирпичемъ, верхъ крыши подведенъ подъ прямую линію и крыша, изъ округлой и изогнутой, обращена въ четырехъ-скатную шатровую.

Рисунокъ 38.

По фотографіи М. П. Настюкова.

Рисунокъ 39.

Планъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ заимствованъ нами изъ превосходной монографіи графа С. Г. Строганова, подъ заглавіемъ: „Дмитровскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ". Москва. 1849. Fol.

(*) Въ 1869 г. гробы эти уничтожены вовсе.

14+V стр. текста и XXIII табл. рисунковъ. Изданіе это, напечатанное въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, никогда не поступало въ продажу и потому принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ. Планъ собора помѣщенъ на табл. XVII. Этотъ планъ особенно любопытенъ по сравненію съ планомъ ц. Покрова-на-Нерли, которая очевидно послужила образцомъ Покровскому храму.

Кстати отмѣтимъ здѣсь размѣры замѣчательнаго храма: длина, отъ западныхъ дверей до стѣны средняго алтарнаго выступа—8 саженъ; ширина—6 саженъ; вышина до вершины креста—$14^1/_4$ саж.

Рисунокъ 40.

Исполненъ по прекрасному рисунку Дмитровскаго собора, помѣщенному въ вышепомянутой монографіи Гр. Строганова, на табл. XIX. Вообще говоря, кто желаетъ ближе изучить этотъ драгоцѣнный памятникъ нашей церковной архитектуры XII в., во всѣхъ подробностяхъ до мельчайшихъ украшеній—тотъ долженъ обратиться къ труду гр. Строганова. Извлекаемъ изъ предисловія труда важнѣйшіе факты исторіи собора.

Построенный около 1194 года, соборъ въ XIII и XIV вв. нѣсколько разъ горѣлъ. „Судя по характеру строенія, надобно полагать, что, при Іоаннѣ IV, соборъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, высокими папертями; въ южной изъ нихъ была устроена теплая церковь. „...Въ новѣйшее время (въ 1807—1808 гг.) построена колокольня, рѣзко отличающаяся отъ древняго памятника“. „...Въ бытность свою въ 1834 г. во Владимірѣ, Е. И. Величество Государь Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на эту замѣчательную древность, и Высочайше повелѣть соизволилъ: возстановить соборъ въ первобытномъ его видѣ. Вскорѣ потомъ послѣдовало изъ государственнаго казначейства назначеніе необходимой на то суммы“.

„1847 года августа 24, Дмитріевскій соборъ былъ торжественно освященъ архіепископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ, преосвященнымъ Парѳеніемъ, и явился жителямъ Владиміра въ первобытномъ своемъ видѣ“. (Стр. 13—14).

Рисунокъ 41.

По фотографіи Настюкова. Это небольшая (средняя) часть богатѣйшаго рѣзнаго пояса или фриза, окружающаго все зданіе Дмитріевскаго собора, даетъ полное понятіе объ удивительномъ разнообразіи и плодовитости фантазіи художника-строителя, создавшаго подобное украшеніе для своего прекраснаго зданія. Не слѣдуетъ забывать, что надъ этою частью пояса въ стѣнѣ соборнаго зданія помѣщается окно, окруженное массою обронно-изсѣченныхъ украшеній въ видѣ пестрой смѣси птицъ, звѣрей, растеній, цвѣтовъ и миѳическихъ животныхъ.

Обиліе и разнообразіе орнаментацій Дмитріевскаго собора побудило даже одного изъ нашихъ историковъ отыскать *гіероглифы* (sic) на стѣнахъ драгоцѣннаго памятника... „отъ половины до самого верха (собора), нѣтъ камня, на которомъ не было бы нарѣзано изображеній ангеловъ, людей, львовъ, вообще звѣрей, птицъ, грифоновъ и разныхъ *гіероглифическихъ животныхъ*“. (См. Макарія, Истор. Церкви, III, 90).

Рисунокъ 42 и 43.

Выполнены по прекраснымъ и весьма вѣрнымъ снимкамъ, помѣщеннымъ въ монографіи гр. Строганова, на таблицѣ XVI. Достоинства этихъ хромолитографическихъ снимковъ особенно рѣзко бросаются въ глаза при сравненіи ихъ съ изображеніями тѣхъ же фресокъ въ изданіи Рихтера „Памятники древняго русскаго зодчества“. Между тѣми и другими снимками фресокъ Дмитровскаго собора оказывается очень мало общаго. Подробности о фрескахъ Дмитріевскаго собора и различныя догадки объ эпохѣ ихъ происхожденія помѣщены въ монографіи гр. Строганова на стр. 11—12.

Рисунокъ 44.

Исполненъ по рисунку академика Ѳ. Г. Солнцева въ I т. Древностей Россійскаго Государства, отд 1-е, рис. № 1. (Москва 1849).

Икона Божіей Матери Владимірская, писанная по преданію св. евангелистомъ Лукою, принесена была изъ Царьграда въ Кіевъ, вѣроятно, около 1131 г., потому что, по сказанію лѣтописи, привезена въ одномъ кораблѣ съ другою иконою Богоматери, называвшейся Пирогощею, во имя которой [illegible] Мстиславъ еще въ 1131 г. заложилъ каменный храмъ въ Кіевѣ.

Послѣ принесенія въ Кіевъ, икона Божіей Матери (впослѣдствіи получившая названіе Владимірской) нѣсколько времени находилась въ женскомъ Вышгородскомъ монастырѣ, и отсюда въ 1155 году перенесена была Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ-на-Клязьмѣ и впослѣдствіи поставлена въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ. 26 августа 1395 г. икона Божіей Матери изъ Успенскаго Владимірскаго собора перенесена была въ Успенскій Московскій, гдѣ и находится доселѣ.

Древнее письмо иконы было поновлено въ половинѣ XVI в. Въ настоящее время лицевое письмо иконы прикрыто слюдою, а доличное (или драпировка, одежды и пр.)—богатѣйшимъ окладомъ.

Въ текстѣ *Древностей Росс. Гос.* (I, 5—6) приведено весьма замѣчательное описаніе украшеній, привѣсокъ и прикладовъ къ образу, сдѣланное въ 1627 г., по указу патріарха Филарета Никитича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КІЕВЪ.

ВЛАДИМІРЪ-СУЗДАЛЬ.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

